ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2018. № 436. Ноябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 436. November

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 436 Ноябрь 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волков И.О. И.С. Тургенев – читатель «Подготовительной школы Шекспира» Л. Тика (по материалам родовой библиотеки писателя) …… 5
Кашпур В.В., Трубникова Е.В., Филь Ю.В. Языковая интерпретация пространственного предела «низ» в русском и английском языках (на материале английских фразовых и русских приставочных глаголов) 13
Киселев В.С. В.А. Жуковский в судьбе Александра Рейтерна (по материалам писем 1840-х гг. к великому князю Александру Николаевичу) …… 21
Миклашевский А.А. Индивидуальные различия хранения перцептивной семантики: поисковое исследование …….…….. 30
Мирвода Т.А. Детский страшный повествовательный фольклор: к вопросу о жанровом многообразии традиции 38
Останкович А.В., Алексенко А.Д. Сюжетно-образная конкретизация концепта «русь» в сонетах Г.В. Голохвастова 49
Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) 56

ФИЛОСОФИЯ

Берестов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы …….... 69
Лаврухин А.В. Феномен государства в понимании Канта, Гегеля и Гуссерля …….…. 82
Черникова Д.В., Черникова И.В. Эволюция университета в ракурсе социальной эпистемологии …….…… 90

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана ……..... 97
Погодаев Н.П. Формирование личного и социального капитала студентами из Таджикистана в Томске: возможности и барьеры …… 106
Попандопуло О.А. Модель правовой социализации в контексте исторического развития управления модернизационными процессами …….. 118
Попов П.Л., Черенев А.А., Сараев В.Г. Анализ региональных макрорегиональных факторов поддержки основных политических партий на выборах в ГД РФ 2016 г. ……..……. 124

ИСТОРИЯ

Бугров К.Д. «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х – 1750-х гг.……..…….. 131
Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. …..... 139
Есипова В.А. Документы о распространении вина в Сибири в XVII в.: материалы НБ ТГУ и ТОКМ 148
Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Стихийные историографы» в региональном интеллектуальном ландшафте: В.И. Матющенко, Н.А. Томилов ……... 151
Некрылов С.А., Дунбинский И.А., Костылева Е.А. Технологии проектирования и реализации электронных энциклопедий на примере «электронной энциклопедии Томского государственного университета» …… 160

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 436 November 2018

CONTENTS

PHILOLOGY

Volkov I.O. Ivan Turgenev – the reader of *Shakespeare's Predecessors* by Ludwig Tieck (Based on Turgenev's family library materials) 5
Kashpur V.V., Trubnikova E.V., Fil Yu.V. The language interpretation of the spatial limit "bottom" in Russian and English (On the material of English phrasal and Russian prefixal verbs) 13
Kiselev V.S. Vasily Zhukovsky in the fate of Alexander Reitern (Based on the letters of the 1840s to Grand Duke Alexander Nikolaevich) 21
Miklashevsky A.A. Individual differences in the storage of perceptual semantics: An exploratory study 30
Mirvoda T.A. Children's scary narrative folklore: On the genre diversity of tradition 38
Ostankovich A.V., Alexenko A.D. The plot and image concretization of the concept *Rus'* in sonnets by G.V. Golokhvastov 49
Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Nekrasova E.D. Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction) 56

PHILOSOPHY

Berestov I.V. Application of Walter Edelberg's perspectivalist semantics in the methodology of the history of philosophy. Part I: A statement of the problem 69
Lavrukhin A.V. The phenomenon of state in the understanding of Kant, Hegel and Husserl 82
Chernikova I.V., Chernikova D.V. The evolution of the university in the perspective of social epistemology 90

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bahriev B.Kh. Soft power and public diplomacy: Opportunities for independent Tajikistan..... 97
Pogodaev N.P. Formation of personal and social capital by students from Tajikistan in Tomsk: Opportunities and limitations 106
Popandopulo O.A. A legal socialization model in the context of the historical development of modernization management 118
Popov P.L., Tcherenev A.A., Saraev V.G. Analysis of regional and macro-regional factors for supporting the main political parties at the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016 124

HISTORY

Bugrov K.D. "Political theology" in Elizaveta's Age: Legitimation of Elizaveta Petrovna's power in court sermons of the 1740s–1750s 131
Vodichev E.G. In the technological dead end: Branch science in the east of the USSR in the second half of the 1940s 139
Esipova V.A. Documents on the distribution of wine in Siberia in the 17th century: Materials of Tomsk State University Research Library and Tomsk Museum of Local History 148
Korzun V.P., Mamontova M.A. "Spontaneous historiographers" in the regional intellectual landscape: V.I. Matyushenko and N.A. Tomilov 151
Nekrylov S.A., Dunbinskiy I.A., Kostyleva E.A. Technologies of designing and implementation of an electronic encyclopedia on the example of the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University 160

Панченко А.Б., Стафеев О.Н. Инородческий вопрос в дискурсах Российской империи: между потребностями государства и представителями общества …… 164
Плетнева Л.М. Орнаментация керамики из объектов поселения Шеломок II …… 175
Тимофеев Д.В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в. ……..... 184
Трубникова Н.В. «Позволить прошлое как историю»: о влиянии постмодернизма на историописание в XXI в. …..….. 192
Уайт Джеймс М. Религиозные меньшинства в Российской империи: обзор англоязычной историографии (1991–2017) …… 199

ПЕДАГОГИКА

Лавриненко С.В. Интернет-аддикция и проблемы адаптации студентов первого курса к учебно-профессиональной среде технического вуза ……..... 213
Пак В.В. Формирование обобщенных проектных умений средствами обучения физике на примере учебных физических задач 219

ПРАВО

Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе …… 225
Князьков А.С. Некоторые проблемы назначения наказания за незаконный сбыт наркотических средств путем использования электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей …… 230
Кукушкина А.В. Международно-правовая квалификация бомбардировок авиацией НАТО территории Югославии и их экологические последствия …… 237
Шугуров М.В. Научно-технологическая интеграция ЕАЭС как фактор достижения целей устойчивого развития: анализ правовых основ …… 243
Шурухнов Н.Г. Этапы цифровизации непосредственного производства следственных и иных процессуальных действий …… 252

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 256

Panchenko A.B., Stafeev O.N. Inorodtsy's question in the discourse of the Russian Empire: Between government needs and society images 164
Pletneva L.M. Ornamentation of ceramics from structures of Shelomok II settlement 175
Timofeev D.V. Principles of instrumentalization of the "history of concepts" methodology in the studies of public thought i n Russia in the 18th – first quarter of the 19th centuries 184
Trubnikova N.V. "To allow the past as a history": On the influence of postmodernism on historiography in the 21st century ... 192
White J. Religious minorities in the Russian Empire: a historiographical survey of the English-language literature (1991–2017) 199

PEDAGOGICS

Lavrinenko S.V. Internet addiction and adaptation problems of first-year students of a technical university to the educational and professional environment …….....…… 213
Pak V.V. Formation of universal project skills by means of teaching physics on the example of educational physics tasks ……..... 219

LAW

Andreeva O.I., Zaytsev O.A., Epikhin A.Yu. Prohibition of certain actions as a new security measure for a person in criminal trial..... 225
Knyazkov A.S. Several problems of imposition of punishment for illegal drug trafficking with the use of electronic or telecommunication networks ……..……..... 230
Kukushkina A.V. International legal qualification of NATO bombing the territory of Yugoslavia and its environmental consequences …….. 237
Shugurov M.V. Scientific and technological integration of the EAEU as a factor of achieving the sustainable development goals: Analyzing the legal foundation ……..... 243
Shurukhnov N.G. Stages of digitalization of direct conduct of investigative and other procedural actions …….....……..... 252

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 256

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 5–12. DOI: 10.17223/15617793/436/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

И.О. Волков

И.С. ТУРГЕНЕВ – ЧИТАТЕЛЬ «ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ШЕКСПИРА» Л. ТИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)

Статья посвящена концепции шекспировского творчества И.С. Тургенева, а именно – начальному «берлинскому» этапу ее оформления. По материалам личной (родовой) библиотеки писателя производится анализ читательских помет на предисловии к изданию Л. Тика «Подготовительная школа Шекспира» (том первый). Интерес Тургенева к елизаветинской драме объясняется стремлением изучить социально-исторические и эстетические основы формирования творческой системы У. Шекспира.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; У. Шекспир; Л. Тик; «Подготовительная школа Шекспира»; елизаветинская драма.

1

Творческое наследие Уильяма Шекспира, навсегда ставшее для И.С. Тургенева главным образцом драматического искусства, в период обучения в Берлинском университете явилось предметом пристального изучения. Именно в это время писатель формирует собственную концепцию шекспировского творчества. Важным моментом в постижении законов художественного мира великого английского драматурга становится изучение дошекспировского и шекспировского театра. Причем этот процесс проходит у писателя в непосредственном соприкосновении с эстетикой европейского романтизма.

История становления и развития английского театра была основательно освоена Тургеневым, а для своих современников он стал авторитетным специалистом в области елизаветинской драмы. Не случайно П.В. Анненков в 1851 г. именно к Тургеневу обращается за помощью в своей работе над изданием сочинений А.С. Пушкина. Пытаясь отыскать загадочного английского драматурга по имени Ченстон (вымышленный источник «Скупого рыцаря») [1], он просит своего друга: «Напишите мне: 1) *К какому изданию* (здесь и далее курсив Анненкова. – *И.В.*) приложен список предшественников Шекспира и *сколько их* числом (о современниках его я знаю), 2) Между Шекспиром и классическим направлением английской литературы были ли трагики его школы и *сколько их*» [2. С. 9].

О глубине своих познаний писатель (прямо или косвенно) свидетельствует сам. Так, в рецензии на перевод трагедии «Фауст» М.П. Вронченко (1845) он говорит о возможности дать критическое осмысление «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло [3. Т. 1. С. 205]. А в разборе пьесы Н.В. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль» (1846) Тургенев делает очень примечательную сноску. Рассматривая начало третьего акта, он сравнивает Паткуля с шекспировским Пистолем и цитирует слова Фальстафа из первой части хроники «Генрих IV» – акт II, сцена 4: «In King Cambyses' vein» (На манер короля Камбиза) [Там же. С. 269]. К этой выдержке писатель далее дает комментарий: «“Король Камбиз” – одна из английских трагедий до Шекспира. Там один из героев говорит, между прочим, что: “Я затоплю все планеты волнами моей крови...”» [Там же].

В названной хронике Шекспира Фальстаф намекает на драму Томаса Престона «Жизнь Камбиса, короля Персии» (The life of Cambyses, King of Persia) и пародирует ее высокопарный слог. Объяснение этой аллюзии Тургенев первоначально мог получить из небольшого примечания к «Генриху IV» в однотомном собрании пьес Шекспира (известный подарок Т.Н. Грановского) [4. P. 989]. Вероятно, писатель был знаком и с полным содержанием трагедии Престона, хотя в ней не удается найти соответствие той цитате, что приводится им в сноске. Однако нужно заметить, что это извлечение ярко характеризует трагическую сторону пьесы, сочетающей в себе кровавые сцены и комические эпизоды [5. С. 90].

Много позже в романе «Дым» (1867) Тургенев словами Ворошилова скажет о Джордже Пиле, Томасе Нэше и Роберте Грине: «Предшественники Шекспира, относящиеся к нему, как отроги Альп к Монблану!» [3. Т. 7. С. 266–267]. Наконец, Вильям Рольстон в воспоминании о Тургеневе свидетельствует: «В его деревенском доме, в Спасском, он показывал мне томы сочинений наших старых драматургов: Бена Джонсона, Бомона, Флетчера, Мэссинджера и других» [6. С. 189].

Очевидно, что в качестве ценных источников по истории театра Англии для Тургенева послужили издания староанглийских пьес и специальные историко-литературные труды. В качестве таковых точно можно назвать сохранившиеся в его Спасской библиотеке «Избранную коллекцию старых пьес» (Select collections of old plays, 1744) Роберта Додсли[1], «Подготовительную школу Шекспира» (Shakespeares Vorschule, 1823–1829) Людвига Тика, а также трехтомную «Историю английской драматической поэзии» (The History of English Dramatic Poetry, 1831) Джона Кольера. Автор последнего имел для Тургенева определенный авторитет: в ответе на приведенное выше письмо Анненкова он характеризует его как «первого знатока» шекспировской манеры [7. Т. 2. С. 199]. Хотя достижения Кольера в качестве интерпретатора Шекспира признаны глубоко несостоятельными и даже ложными[2], ему все же отдают должное в

серьезном критическом изучении истории ранней английской драмы [9. P. 219].

Особый интерес Тургенев проявил к изданию Тика, сосредоточив пристальное внимание на предисловии первого тома – своеобразном эстетическом манифесте немецкой культуры. На его страницах он оставил карандашные пометы разного характера.

2

Опыт немецкой культуры первой трети XIX в. наряду с французской обозначил «героическую пору европейского шекспиризма» [10. С. 365]. Людвиг Тик, будучи видным представителем йенской школы, своей активной деятельностью во многом способствовал становлению в Германии романтического культа Шекспира. Изучением творчества английского драматурга поэт занимался до конца жизни[3], а в качестве закономерного итога он планировал выпустить отдельный объемный труд. Однако лишь в 1920 г. его записи были собраны и изданы под общим заглавием «Книга о Шекспире» (Das Buch über Shakespeare).

Сильное влияние эстетической системы Шекспира сказалось и на собственном творчестве Тика. Об этом свидетельствуют уже первые драматические опыты немецкого романтика: «колорит великих трагедий» ощущается в пьесах «Король Браддек», «Роксана», «Сивард» [12. С. 78].

Продолжая дело А. Шлегеля по переводу и целостному изданию «немецкого Шекспира», Тик одновременно занимался собиранием и печатанием драматических опытов его предшественников и современников. Интерес к дошекспировской драме для поэта был закономерен: он хорошо понимал, что формирование великого поэта Англии происходило именно в период становления национальной драмы, когда закладывались «основы ренессансной трагедии и комедии нового типа», а на сцену выходил «титанический герой, мужественный, дерзкий человек нового склада» [13. С. 313].

Результатом изучения английского театра елизаветинской эпохи и непосредственного знакомства с его первоисточниками стали два важных издания: «Староанглийский театр, или Дополнения к Шекспиру» (Alt-Englisches Theater, oder Supplemente zum Shakespeare, 1811) и «Подготовительная школа Шекспира». Последнее, как уже было сказано выше, Тик сопроводил специальным предисловием, где попытался просто и доступно представить ранний этап развития английской драмы. Вступительная статья первого тома обладает исключительной значимостью: в свое время она имела «большое научное значение не только для немецкого театроведения» [14. С. 123].

На русский язык программное предисловие Тика никогда не переводилось и, соответственно, в отечественной печати не появлялось. Однако оно было известно образованной части российского общества XIX в., в особенности тем, кто интересовался западноевропейской критикой Шекспира. В научной же литературе чаще всего упоминается мимоходом только общее название двухтомного труда Тика. Например, Н.И. Стороженко называет «*Приготовительную* школу к Шекспиру» «знаменитой» [15. С. 26], а Е.А. Ткачёва включает ее в ряд значимых для немецкого романтика достижений по изучению английского театра [16. С. 68].

Составлению «Подготовительной школы Шекспира» предшествовала поездка поэта в Лондон в 1817 г. В британских архивах и библиотеках Тик занимался поиском редких образцов ранней драмы эпохи Елизаветы, которых он «не мог отыскать в Германии, и которых также в Англии нет ни в книжных лавках, ни у антиквара» [17. S. V]. Основываясь на своих архивных изысканиях, Тик выделяет множество авторов, которым принадлежала важная роль в становлении национального театра. Однако центром этой созидательной деятельности он, безусловно, видит Шекспира.

Отмечая высокий подъем драматического искусства в Англии, Тик обосновывает его, прежде всего, преемственным развитием: ориентация авторов на площадной театр и активное усвоение опыта народных представлений. Он обнаруживает в этом явную закономерность, так как все публичные зрелища имели более или менее драматический характер: «Даже религиозные действа, если они претендовали на жизнеподобие, не могли избежать этой формы» [Ibid. S. XI].

Еще в ранней статье «Изображение чудесного у Шекспира» (Shakespeares Behandlung des Wunderbaren, 1793) Тик прямо выводит шекспировскую концепцию фантастического из народного характера английской поэзии: «… как поэт народный он снизошел до традиций своего народа» [18. S. 39]. Но в отличие от многих своих предшественников, Шекспир, по мнению романтика, не искал способа угодить публике, но предъявлял ей собственные требования: настаивал на «изяществе и утонченности чувства», обыкновенному суеверию придавал форму «прекрасного поэтического вымысла» [Ibid.]. По словам Тика, поэт, ведая «тончайшими движениями человеческой души», искусно погружает зрителя в мир фантазии, очаровывает его, заставляет переживать и сочувствовать [Ibid. S. 43].

Делая в предисловии акцент на тесную связь драмы с народными традициями, Тик в то же время подчеркивает значимость произошедших во времена королевы Елизаветы социокультурных и религиозных изменений. Так, Реформация упразднила «множество публичных церемоний и популярных удовольствий», что привело к необходимости «найти замену тому, что могло бы снова собрать народную массу» [17. S. IX]. Особую роль он отводит строительству театров («Глобус», «Лебедь», «Роза», «Фортуна») и формированию сцены. Все это в свою очередь способствовало дальнейшей профессионализации актеров: «… в то время Лондон обладал большим количеством как трагических, так и комических актеров, таких превосходных, что с ними вряд ли могли соперничать самые знаменитые из более позднего времени» [Ibid. S. XXXII].

Наряду с Шекспиром в качестве одного из «основателей английского театра» (der Gründer des englischen Theaters) [Ibid. S. XV] Тик особенно выделяет его старшего современника Роберта Грина (1558–1592),

чье творчество характеризуют «счастливый талант, ясный ум, живое воображение» [Ibid.]. Грин, по мнению Тика, был «плодовитым автором, который обращался к разным предметам» [Ibid.]. Его самой знаменитой и популярной пьесой он определяет драму «Монах Бэкон и монах Банги» (Friar Bacon and Friar Bungay): «… настолько веселая, пестрая, остроумная пьеса, исполненная в столь благородном духе, что ее можно назвать превосходной» [Ibid. S. XVIII].

Используя старое народное поверье о средневековом ученом Роджере Бэконе, Грин создает многосюжетную драму, в основе которой лежит история женитьбы деревенской девушки Маргариты. Тик видит в этой пьесе «прекрасную гармонию» прошлого, «когда искусство достигло своего наивысшего расцвета» [Ibid. S. XIX]. Но он также отмечает в комических и серьезных сценах недостаток «смелого и грандиозного развития деталей <…>, которым так славятся картины Шекспира» [Ibid]. По словам Тика, «очень рано Шекспир формулирует уже многое из того, что лежало за пределами области его современников» [Ibid. S. XX].

Другим произведением, которому также уделяется много внимания, оказывается анонимная пьеса «Арден из Фавершама» (Arden of Faversham). Она представляется Тику «подлинным образцом буржуазной трагедии», которая «глубоко потрясает правдой» [Ibid. S. XXII], и в которой характеры «исполнены большого драматического понимания» [Ibid. S. XXIV]. Тональность и особенность языка позволяют поэту предположить, что пьеса «вряд ли могла бы выйти из какого-либо другого пера, нежели Шекспира» [Ibid. S. XXVI] [4]. Главным же аргументом в определении авторства для него становится «глубокое нравственное чувство, которое сильно и серьезно освещает все действие» [Ibid. S. XXVII].

Высоко оценивая ту «подготовительную школу», что пришлось пройти Шекспиру, Тик признает, что английский поэт, имея «перед собой такие счастливые образцы» [Ibid. S. XVIII], не упускал возможности подражать и что-то заимствовать. Но он настаивает на том, что драматург все же очень рано «проявил себя по-своему» [Ibid. S. XXIX], заявил о собственной оригинальности. Поэтому его не только признали одним из лучших современных поэтов, но благодаря ему публика перестала смотреть на театр «как на незначительную игру» [Ibid. S. XXXI].

Безусловно, некоторые выводы Тика с позиции современного шекспироведения и театроведения можно назвать наивными и даже ошибочными. Однако в целом вступительная статья немецкого романтика, всегда державшегося «далеко от философского конструирования и систематизации» [21. С. 61], все же не лишена достоинств. Его современники благодарно оценили оригинальность и глубину исследования, внимательное отношение к каждому знаковому явлению староанглийской драмы. В 1824 г. во «Всеобщей литературной газете» (Allgemeine Literatur-Zeitung) вышел специальный обзор на публикацию первого тома «Подготовительной школы Шекспира». Труд Тика в нем был воспринят с большим воодушевлением, а сам «гениальный издатель» характеризовался как давно заслуживший уважение «знанием и оценкой Шекспира» [22. S. 145].

Второй том «Подготовительной школы Шекспира» также содержит предисловие, однако оно уже не имело такого программного значения. В нем Тик в основном сосредоточивается на трех пьесах – «Прекрасная Эм» (Fair Em, the Miller's Daughter of Manchester), «Трагедия второй девы» (The Second Maiden's Tragedy), «Рождение Мерлина» (The Birth of Merlin). Он говорит об их точном или предполагаемом авторстве, пересказывает сюжет, сравнивает с другими драмами. Несложно заметить, что личность Шекспира здесь также находится в центре: поэта волнуют такие вопросы, как его юношеские опыты, первый приезд в Лондон, обретение известности и популярности.

3

Маргиналии Тургенева на шести страницах первого предисловия позволяют с достаточной точностью охарактеризовать особенность его интереса к театру Англии конца XVI – начала XVII в.

Безусловно, обращение писателя к примечательному изданию Тика проходило в общей атмосфере его чрезвычайного увлечения Шекспиром. В 1838 г. в Берлине Т.Н. Грановский, сам превосходно усвоивший творчество «великого барда», посвятил Тургенева в «ярые шекспирианцы»: он подарил ему объемное однотомное собрание «Пьес и поэм Вильяма Шекспира» (The plays and poems of William Shakespeare, 1833) с многозначительным напутствием.

Тургенев, вероятно, в свою очередь подвигнул Грановского на изучение староанглийского театра, в том числе и по работам немецкого романтика. Не случайно историк через два года в письме к сестрам (январь 1840 г.) упоминает новеллу «Жизнь поэтов» (Dichterleben, 1825): «Сочинение Тика известно: он описывает жизнь великих английских поэтов XVI в. и особенно Шекспира» [23. С. 91].

Его утверждение о том, что «сочинение Тика известно», имеет свои основания по отношению к образованному русскому читателю. В России Тика во многом знали именно как интерпретатора Шекспира [24. С. 70] и прекрасного декламатора его драм (в особенности комедий) [5]. В новелле «Жизнь поэтов», переведенной на русский язык уже в 1829 г., раскрывается тема гениальности английского драматурга «со стороны житейской, со стороны бюргерской повседневности» [25. С. 464].

Немногочисленные пометы писателя на вступительной статье «Подготовительной школы…» разнообразны по форме и представляют собой надписи (предложение, слово, буквенное сокращение), пунктуационные знаки (?, !), символы (+, |, ∨), отчеркивания на полях и подчеркивания в тексте. Необходимо также отдельно сказать о важной особенности читательской манеры Тургенева. Большую часть своих замечаний писатель формулирует на немецком языке, который был усвоен им в совершенстве. Такой выразительный способ чтения оказывается отличительной чертой именно «берлинского периода»[6]. Всецело погруженный в культуру Германии, увлеченный трудами Г. Гегеля, писатель мыслит и усваивает материал

во многом через язык немецкой идеалистической философии.

Содержание маргиналий Тургенева на полях и в тексте предисловия можно проиллюстрировать следующим образом:

1. *Страница X.* На полях запись карандашом на немецком и частично на английском языках, которая содержательно разделяется на три отрезка: **«NB. Viele Stücke waren so eingerichtet, daß sie von 3, 4 Personen gespielt werden könnten» – «s. Dodsley v. 1. s. 266» – «NB. – obschon 10 bis 12 Personen im Drama selbst vorkamen»**.

Перевод: **«NB. Многие пьесы были устроены так, что они могли бы исполняться 3, 4 людьми» – «см. Додсли, том 1, стр. 266» – «хотя от 10 до 12 лиц имели в драме свое место»**.

Запись сделана вдоль текста (в пределах одного абзаца) о «поэтическом пристрастии» англичан к прошлому, воспитании народа во времена Елизаветы на шутках и о пуританской революции, развившей «педантизм жизни» и превратившей «в сухое однообразие все индивидуальное» [17. S. X]. Очевидно, помета Тургенева связана с размышлением Тика по поводу народного характера драматических представлений. Вставляя заметку о персонажном составе пьесы, писатель имеет в виду жанр интерлюдии, широко распространенный в Англии XV–XVI вв.

Здесь же он отсылает к анонимной интермедии «Новый обычай» (New custome), которая помещена в «Избранной коллекции старых пьес» Р. Додсли. На указанной 266-й странице (том 1) представлен список действующих лиц. Эта развернутая ремарка состоит из двух частей: в первой с подзаголовком «Пролог» (The prologue) перечислены имена персонажей и кратко заданы их амплуа, во второй – с примечанием: «Эту интерлюдию могут сыграть четверо» (Fower may play this enterlude) – лица разделены на четыре неравные группы.

Тургенева интересует важный этап в формировании английского театра. Его внимание сосредоточено на специфике интерлюдии как формы театрального представления и особенностях ее сценического воплощения – возможности исполнять несколько ролей одним актером.

2. *Страница XIII.* На полях проведена вертикальная черта, вдоль которой сделана надпись на немецком языке: **«Tieck ist hier selbst verwirrt und verwirrend»**.

Перевод: **«Тик здесь сам неясен и запутан»**.

Черта и запись поставлены напротив рассуждения Тика о форме и генезисе английской сцены времен Шекспира. Немецкий романтик возводит ее к греческому образцу, который допускал множественность, эпизодичность, соположение комического и трагического и был «естественен и историчен в своем нравственном основании» [Ibid. S. XIII]. При этом поэт отмечает произошедшие со временем изменения и порицает современную форму сцены, далекую от своей предшественницы. Он называет ее искусственной и связывает такую «подмену» с ложной ориентацией на французский образец.

Тургенев спорит с Тиком, вероятно, считая несправедливыми некоторые его выводы. Возможно, несогласие вызвало такое тесное сближение английской сцены XVI в. с античными образцами. Также нужно заметить, что речь романтика в указанном фрагменте отличается особой метафоричностью и смысловой нагроможденностью, в результате чего уловить ход мысли удается не сразу (что создает контраст со вполне ясным построением статьи в целом). Поэтому замечание Тургенева о том, что Тик здесь «сам запутался», не лишено объективных оснований.

3. *Страница XIV.* На полях вертикальная черта, выделяющая большой фрагмент текста, рядом поставлены знаки **«?!»**.

Черта проведена вдоль текста, в котором идет речь о сущности современного драматического искусства и устройстве сцены. Тик говорит, что «притворное заблуждение» теперь ошибочно принимают за задачу поэзии (die Aufgabe der Poesie). По мнению романтика, преемственность между театральным искусством Античности и устройством драмы нового времени была несправедливо нарушена. Поэт не видит целостного хода драматического действия, находя лишь сменяемость сцен и явлений, которая «незначительна, кратковременна и призвана лишь рассеивать внимание» [Ibid. S. XIV]. Тик противопоставляет театр XIX в. шекспировскому и сетует на то, что избалованный зритель, у которого отсутствует «внутреннее видение произведения искусства», часто приходит к «непониманию и порицанию Шекспира» [Ibid].

Тургенев очерчивает этот фрагмент и ставит знак вопроса, усиленный восклицанием, в связи с резко критическим отношением Тика к современной драме. Вероятно, здесь проявлено несогласие с выводом поэта о полном отсутствии наследственной связи между древним и новым театром, хотя сам писатель жестко порицал ложную установку на сценические украшения и яркие декоративные элементы.

4. *Страница XV.* В тексте знаки «+», «|», «∨», которые также вынесены на поля, и рядом с которыми сделаны две записи на английском: **«Groats worth of wit»** и **«Farewell to Folly»**.

Перевод: **«На грош ума»** и **«Прощание с безумствами»**.

Внизу страницы в тексте подчеркнуто слово **«scheint» (казаться)**, напротив которого на полях сделана запись на английском языке: «∨ **Dodsley 8. 165»**.

Перевод: «∨ **Додсли, том 8, стр. 165»**.

Знаки «+», «|» и «∨», поставленные в тексте, принадлежат к описанию жизни и творчества Роберта Грина. Первые два обозначения относятся к фразе «с одной стороны, он описывает свою собственную жизнь и ее заблуждения», второе – «с другой, он ясно и трогательно выражает свои раскаяние и подавленность» [Ibid. S. XV]. С содержанием этого текста непосредственно соотносятся пометы, вынесенные на поля. Тургенев записывает названия двух памфлетов Грина «На грош ума, купленного за миллион раскаяний» и «Прощание с безумствами», которые иллюстрируют тезис Тика о двух типах произведений драматурга – «о заблуждении» и «о раскаянии».

Помета внизу страницы (подчеркивание) связана с моментом биографии Грина: он «некоторое время управлял приходом в графстве Эссекс» [Ibid.]. С этим материалом прямо связана и запись на полях – ссылка на 8-й том издания Додсли. На указанной Тургеневым странице 165 содержится краткое изложение жизненного пути Грина, где сказано и о его пастырстве в Эссексе. После биографической справки в этом томе следует драма «Монах Бэкон и монах Банги».

5. *Страница XX.* Внизу страницы карандашом подчеркнуто имя **Грина**, напротив (слева) на полях – запись на английском и русском языках: **«∨ Dodsley 3. стр. 1»**.

Перевод: **«∨ Додсли**, **том 3**, **стр. 1»**.

В том месте, где Тургенев сделал подчеркивание, Тик рассуждает о сходстве между двумя пьесами – «Монах Бэкон» и «Векфильдский полевой сторож» (The Pinner of Wakefield). В последней он отмечает «композицию, настроение, язык, манеру, мифологические образы, объяснения в любви, описания» [Ibid. S. XX]. По мнению поэта, эту небольшую комедию также написал Грин. Интересно, что еще в 1811 г. Тик в своем издании «Староанглийских пьес» (Alt-Englisches Theater) признает ее авторство именно за Грином. Указанная Тургеневым страница в 3-м томе «Собрания» Додсли оказывается заглавным листом «Векфильдского полевого сторожа».

6. *Страница XXIX.* На середине листа подчеркнуто слово **«Euphues»**, напротив сделана запись на английском языке: **«Euphuism, Dodsley»**.

Перевод: **«Эвфуизм, Додсли»**.

Тургенев подчеркивает заглавие романа Джона Лили «Эвфуэс, или Анатомия остроумия» (Euphues: The Anatomy of Wit). А слово, которое он выносит на поля, является названием изысканного литературного стиля – эвфуизма. Именно роман Лили стал ярким образцом выразительного слога, отличающегося обилием образных средств, а имя главного героя дало название целому направлению. В издании Додсли Лилли и его роман подробно упоминаются в первых двух томах – в предисловии и биографической заметке (перед комедией «Александр и Кампаспа») соответственно.

Итак, Тургенев сопрягает чтение статьи Тика с внимательным изучением «Избранной коллекции старых пьес» (на которую поэт не раз ссылается и сам). Осваивая предисловие немецкого романтика и параллельно обращаясь к изданию Додсли, писатель стремится получить наиболее полную и достоверную картину дошекспировской и собственно шекспировской эпохи.

Знаковым оказывается интерес к происхождению английской драмы, формальным особенностям ее сцены. Тургенев понимает народный характер английского театра и спорит с Тиком по поводу влияния на него античной традиции. Вероятно, он считает, что не стоит слишком преувеличивать роль греческих и римских образцов, которые «были переработаны и осмыслены английскими писателями в духе требований своего времени» [26. С. 398–399].

Однако античная драма его также интересует в связи с эстетическим образованием современных авторов. Писатель не случайно выделяет в предисловии Тика момент, связанный с критикой новой сцены и ее эстетических ориентиров. В 1847 г. он в письме к П. Виардо дает отрицательную оценку текущему состоянию европейской литературы вообще и драматургии в частности. Открыто выражая свое раздражение, Тургенев одновременно указывает и на выход из кризиса: «Чтоб отыскать еще живой и чистый источник, нужно подняться далеко вверх по течению» [7. Т. 1. С. 373]. Это возвращение к истокам означало поиск вдохновения и свежего взгляда через обращение (исключая подражание) к образцам античного искусства.

Показательно его внимательное отношение к жанру интерлюдии в русле интереса к национальным истокам английской драмы. Это была новая форма драматического представления, зарождение которой (конец XV – начало XVI в.) связано с «возникающей культурой гуманизма» [27. С. 21]. Небольшие комические пьесы были приближены к реальности, часто отражали бытовые моменты жизни и поэтому имели прямую связь с характером народной драмы.

Значимо внимание русского писателя к творчеству Грина – одного из крупнейших представителей народной драмы до Шекспира. Большая часть его произведений представляет собой галерею ярких сцен, «живьем выхваченных из английской жизни и притом написанных чистым народным языком» [28. С. 180]. Памфлет «На грош ума, купленного за миллион раскаяний», который выделяет Тургенев, это нравоучительная повесть в явно автобиографическом плане.

Примечательно, как завершается эта сатирическая статья Грина – в конце звучит назидательное обращение к друзьям, где автор нелестно отзывается о молодых драматургах и делает острый выпад в сторону Шекспира: «…между ними завелась выскочка ворона, украшенная нашими перьями с сердцем тигра под кожей актера. Этот выскочка изображает, что он может смастерить белый стих не хуже любого из вас, и, будучи настоящим Johannes Factotum, считает себя единственным человеком в Англии, способным потрясать нашей сценой (the onely Shake-scene in a country)» (Цит. по: [28. С. 184]). Здесь Грин пародирует фамилию Шекспира (*Shake-speare – «потрясатель копья»*) и иронически перефразирует стих из третьей части хроники «Генрих VI»: «О сердце тигра в женской оболочке» (акт I, сцена 4). Эта яркая «шекспировская» деталь в повести, безусловно, была отмечена Тургеневым.

Памфлет «Прощание с безумствами» также имеет нравоучительное содержание и представлен в форме беседы «о различных пороках и страстях, гордости, любви, пьянстве», в которую «вставлено несколько новелл, предназначенных подтверждать собою мнение того или другого собеседника» [28. С. 91]. Обращаясь в нем к своим современникам, Грин хочет предостеречь их от губительных излишеств слишком беззаботной жизни.

Выделенная Тургеневым комедия «Векфильдский полевой сторож» обнаруживает очевидную связь с фольклорной традицией. Об этом свидетельствует не только присутствие в ней героя народных баллад Робина Гуда, но и то, что главный образ – Джордж Грин взят из английских народных песен. В центре действия часто оказываются простые люди, черты которых отражают «демократические симпатии» автора [26.

С. 412]. В качестве отдельного персонажа у Грина даже действует народная толпа – жители Векфильда. Автор выстраивает в драматической форме героикомическую историю обыкновенного полевого сторожа, который способен противостоять влиятельному графу-изменнику. Умом и хитростью Джордж предотвращает попытку свергнуть короля. А когда ему в награду предлагают рыцарство, он просит лишь оставить его свободным: «пусть йоменом живу я и умру. / Как жил отец, пускай живет и сын» (Цит. по: [29. С. 537]).

Наконец, неслучаен интерес Тургенева к роману Лили «Эвфуэс» и тесно связанному с ним выразительному стилю. Особая манера изложения в романе стала знаковым явлением в английской литературе эпохи Возрождения. По идее автора, личность молодого аристократа должна совмещать в себе как ум, чувствительность, так и утонченную безупречность манер. Поэтому роман стал своеобразным «руководством к действию» и дал «аристократам времен Елизаветы образцы галантности» [26. С. 408]. «…мозаический преднамеренный подбор изысканных выражений, нравоучительных сентенций, антитез, аллегорий, сравнений» [28. С. 42] был призван изумить читателя, произвести на него особое эстетическое впечатление.

Жанровое направление в английской литературе, название которого определил «Эвфуэс», часто сопоставляют с галантным (прециозным) романом Франции и Германии. Эвфуизм оценил и Шекспир, используя его в некоторых своих пьесах: «Комедия ошибок», «Два веронца», «Бесплодные усилия любви» и др. [См. подробней: 30. С. 67–68]. А в хронике «Генрих IV» (часть 1) он уже прибегает к прямому пародированию этого жанра в речи персонажей.

Таким образом, изучение истории английского театра составило важную часть тургеневского пути к Шекспиру. Выявление закономерностей и особенностей в становлении национальной драмы Англии позволило писателю сформировать представление о тех принципах, что легли в основу искусства «эйвонского лебедя» (по выражению Бена Джонсона). Народные истоки и влияние античных форм, роль обыкновенного (повседневного) и героического (исторического), их взаимопроникновение, своеобразие языка и стиля, принципы драматического – эти и другие элементы, выявленные писателем в ходе чтения программной статьи Тика, далее становятся предметом глубокого осмысления Тургеневым уже в пределах собственно шекспировского творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Роберт Додсли – лондонский книготорговец, издатель и драматург. Опубликовал работы С. Джонсона, А. Поупа, Т. Грэя, О. Голдсмита. В 1744 г. выпустил многотомную коллекцию староанглийских пьес. Тургенев в своем распоряжении имел второе издание этого собрания 1825–1827 гг. (в личной библиотеке писателя оно сохранилось почти в полном составе – за исключением шестого тома).

[2]Английский книгоиздатель и критик Джон Пейн Кольер (John Payne Collier, 1789–1883) вошел в историю шекспироведения главным образом как исследователь, который создавал и публиковал ложные и недостоверные сведения о жизни и творчестве Шекспира. Его «новые открытия» имели свое негативное влияние и на русские переводы шекспировских произведений: переводчики второй половины XIX в., принимая на веру исправления Кольера, использовали их в своей работе. См. подробней: [8].

[3]Краткий обзор работ Тика по истории английской драмы и о Шекспире см. в книге Р. Паулина [11. S. 96–105].

[4]Современные английские и американские исследователи признают за авторством Шекспира несколько сцен «Ардена из Фавершама», считая, что эта пьеса писалась им совместно с другим неизвестным драматургом (См. подробней: [19, 20]).

[5]Именно с целью услышать шекспировские произведения в исполнении знаменитого немецкого романтика дом Тика в Дрездене посетили В.А. Жуковский (1821) и Н.В. Станкевич с Я.М. Неверовым (1839).

[6]Подобным образом Тургенев «работает» над произведениями У. Шекспира, Ч. Диккенса, П. Кальдерона, часто отдельные слова оригинального текста он переводит на немецкий язык. Пропуская их через призму немецкого смыслообразования, писатель ищет дополнительные оттенки значения и стремится к полному пониманию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якубович Д.П. [Комментарий к «Скупому рыцарю»] // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л. : Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7. С. 506–522.
2. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. СПб. : Наука, 2005. Кн. 1. 532 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
4. The plays and poems of William Shakespeare. Leipzig: E. Fleischer, 1833. 1064 p. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1917.
5. Стороженко Н.И. Предшественники Шекспира. Эпизод из истории английской драмы в эпоху Елизаветы. СПб., 1872. 293 с.
6. Воспоминания В. Рольстона // Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 184–193.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М. : Наука, 1981 – издание продолжается.
8. Комарова В.П. Пейн Кольер и русские переводчики Шекспира // Шекспир. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962. М. : Книга, 1964. С. 566–576.
9. Oxford companion to English Literature / ed. by M. Drabble. N.Y. : Oxford University Press, 2000. 1172 p.
10. Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л. : Изд-во ЛГУ, 1970. 371 с.
11. Paulin R. Ludwig Tieck. Stuttgart : Metzler Verlag, 1987. 133 S.
12. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2001. 167 с.
13. Бояджиев Г.Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения: Италия, Испания, Англия. Л. : Искусство, 1973. 470 с.
14. История европейского искусствознания. Первая половина XIX века. М. : Наука, 1965. 325 с.
15. Стороженко Н.И. Опыты изучения Шекспира. М., 1902. 411 с.
16. Ткачёва Е.А. Театр Людвига Иоанна Тика : дис. … канд. искусствоведения. СПб., 2009. 168 с.
17. Shakespeares Vorschule / L. Tieck (Hg.). Leipzig, 1823. Bd. 1. XLII, 419 s. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1623.
18. Tieck L. Shakespeares Behandlung des Wunderbaren // L. Tieck Kritische Schriften. Leipzig, 1848. Bd. 1. S. 35–74.
19. William Shakespeare and Others: Collaborative plays. London: Palgrave Macmillan, 2013. 752 p.
20. The New Oxford Shakespeare: Modern Critical Edition: The Complete Works. Oxford: Oxford University Press, 2016. 3382 p.
21. Аникст А.А. Теория драмы на Западе в первой половине XIX века. М. : Наука, 1980. 342 с.
22. Allgemeine Literatur-Zeitung. Halle, Leipzig. 1824. Bd. 1. Januar. S. 145–152.
23. Т.Н. Грановский и его переписка / сост. А.В. Станкевича. М., 1897. Т. 2. 496 с.

24. Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л. : Наука, 1975. С. 68–113.
25. Берковский Н.Я. [Комментарий к новеллам Л. Тика] // Немецкая романтическая повесть. М.; Л. : Academia, 1935. Т. 1. С. 452–465.
26. Аникст А.А. Английский театр // История западноевропейского театра / под ред. С.С. Москульского. М. : Искусство, 1956. Т. 1. С. 387–534.
27. Аникст А.А. Театр эпохи Шекспира. М. : Дрофа, 2006. 287 с.
28. Стороженко Н.И. Роберт Грин. Его жизнь и произведения. М., 1878. 205 с.
29. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения / сост. Б.И. Пуришев. М. : Учпедгиз, 1939. 758 с.
30. Пешков И.В. F1, или Книга доказательств: теорема Шекспира как лемма авторства. М. : РИПОЛ классик, 2015. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 октября 2018 г.

IVAN TURGENEV – THE READER OF *SHAKESPEARE'S PREDECESSORS* BY LUDWIG TIECK (BASED ON TURGENEV'S FAMILY LIBRARY MATERIALS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 5–12.
DOI: 10.17223/15617793/436/1
Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com
Keywords: I.S. Turgenev; W. Shakespeare; L. Tieck; *Shakespear's Predecessors*; Elizabethan drama.

The article focuses on the issue of an essential representation of Shakespearean art in Ivan Turgenev's literary works. The research attention aims at the writer's life in Berlin. This was an important period of Turgenev's life characterized by the formation of his ideological and aesthetic views on Shakespeare's creative system. During Turgenev's education abroad, he was engaged in an active study of Hegel's *Encyclopaedia* and captivated by the literary findings of the "Great Bard". One of the key parts of this process is a thoughtful attention to the common factors of the development of the Elizabethan theatre. Turgenev adopted the history of the English theater development and formation deeply and fundamentally, and for the contemporaries, he became a distinguished specialist in this field. Turgenev was fully inspired with the Old English plays and special historical works, stored in a separate quality in the library of Turgenev's family estate in Spasskoye. The writer was especially interested in the two-volume *Shakespeare's Predecessors* (Shakespeares Vorschule, 1823–1829). Ludwig Tieck, a preeminent member of Jena Romanticism, prepared this edition. By being an engaged Romanticist, he made a contribution to Shakespearean romantic culture formation in Germany. By continuing August Schlegel's translation and edition of the complete Shakespearean heritage, Ludwig Tieck at the same time started to collect and publish the first tentative dramas of his predecessor and contemporaries. While reading *Shakespeare's Predecessors*, the Russian writer carefully focused on the foreword of the first volume – a kind of an aesthetic manifesto of the German culture. In the manifesto, the Romanticist tried to perform plainly and simply the early stage of the English drama development. Turgenev's six-page opening chapter has several pencil notes of different types: handwritings, marks, marginal and in-text lines. The writer's marginal notes allow characterising adequately his special interest to the English theater at the turn of the 17th century and the uniqueness of his aesthetic view of Shakespeare's creative genius. Turgenev highlighted the most important points for him: the drama folk roots and the influence of Ancient culture, the role of usualness (everyday culture) and heroic (history) in the literary artwork, their interpenetration, the language and style uniqueness, the principles of dramatic nature. These and other elements further influenced Turgenev by making him think deeply in the frame of his own Shakespearean literary work.

REFERENCES

1. Yakubovich, D.P. (1935) [Kommentariy k "Skupomu rytsaryu"] [[Commentary to the "The Miserly Knight"]]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Leningrad: USSR AS.
2. Annenkov, P.V. (2055) *Pis'ma k I.S. Turgenevu* [Letters to I.S. Turgenev]. Book 1. St. Petersburg: Nauka.
3. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
4. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 1917. *The plays and poems of William Shakespeare.* Leipzig: E. Fleischer, 1833.
5. Storozhenko, N.I. (1872) *Predshestvenniki Shekspira. Epizod iz istorii angliyskoy dramy v epokhu Elizavety* [The forerunners of Shakespeare. An episode from the history of English drama in the era of Elizabeth]. St. Petersburg: Tip. V. Demakova.
6. Rol'ston, V. (1884) Vospominaniya V. Rol'stona [Memories of V. Rolston]. In: *Inostrannaya kritika o Turgeneve* [Foreign criticism of Turgenev]. St. Petersburg: Tip. V. Demakova.
7. Turgenev, I.S. (1981–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
8. Komarova, V.P. (1964) Peyn Kol'er i russkie perevodchiki Shekspira [Payne Collier and Russian translators of Shakespeare]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Shekspir. Bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke. 1748–1962* [Shakespeare. Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian. 1748–1962]. Moscow: Kniga.
9. Drabble, M. (ed.) (2000) *Oxford companion to English Literature.* N.Y.: Oxford University Press.
10. Reizov, B.G. (1970) *Iz istorii evropeyskikh literatur* [From the history of European literatures]. Leningrad: Leningrad State University.
11. Paulin, R. (1987) *Ludwig Tieck.* Stuttgart: Metzler Verlag.
12. Zusman, V.G. (2001) *Dialog i kontsept v literature* [Dialogue and concept in literature]. N. Novgorod: DEKOM.
13. Boyadzhiev, G.N. (1973) *Vechno prekrasnyy teatr epokhi Vozrozhdeniya: Italiya, Ispaniya, Angliya* [The eternally beautiful theater of the Renaissance: Italy, Spain, England]. Leningrad: Iskusstvo.
14. Vipper, B.R. & Livanova, T.N. (eds) (1965) *Istoriya evropeyskogo iskusstvoznaniya. Pervaya polovina XIX veka* [History of European Art Studies. The first half of the 19th century]. Moscow: Nauka.
15. Storozhenko, N.I. (1902) *Opyty izucheniya Shekspira* [The experiences of studying Shakespeare]. Moscow: Tipo-litografiya A.V.Vasil'eva.
16. Tkacheva, E.A. (2009) *Teatr Lyudviga Ioanna Tika* [The theater of Johann Ludwig Tieck]. Art Criticism Cand. Dis. St. Petersburg.
17. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 1623. Tieck, L. (ed.) (1823) *Shakespeares Vorschule* [Shakespeare's Predecessors]. Vol. 1. Leipzig: Brockhaus Verlag.
18. Tieck, L. (1848) *Kritische Schriften* [Critical Writings]. Vol. 1. Leipzig: Brockhaus Verlag. pp. 35–74.
19. Bate, J. & Rasmussen, E. (eds) (2013) *William Shakespeare and Others: Collaborative plays*. London: Palgrave Macmillan.
20. Taylor, J. et al. (eds) (2016) *The New Oxford Shakespeare: Modern Critical Edition: The Complete Works*. Oxford: Oxford University Press.

21. Anikst, A.A. (1980) *Teoriya dramy na Zapade v pervoy polovine XIX veka* [The theory of drama in the West in the first half of the 19th century]. Moscow: Nauka.
22. *Allgemeine Literatur-Zeitung*. (1824) 1. January. pp. 145–152.
23. Stankevich, A.V. (ed.) (1897) *T.N. Granovskiy i ego perepiska* [T.N. Granovsky and his correspondence]. Vol. 2. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova.
24. Danilevskiy, R.Yu. (1975) Lyudvig Tik i russkiy romantizm [Ludwig Tieck and Russian Romanticism]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Epokha romantizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury* [Epoch of Romanticism. From the history of international relations of Russian literature]. Leningrad: Nauka.
25. Berkovskiy, N.Ya. (1935) [Kommentariy k novellam L. Tika] [[Commentary to L. Tieck's novels]]. In: Petrovskiy, M.A. (ed.) *Nemetskaya romanticheskaya povest'* [The German Romantic Tale]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia.
26. Anikst, A.A. (1956) Angliyskiy teatr [The English Theater]. In: Moskul'skiy, S.S. (ed.) *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra* [A History of the Western European Theater]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
27. Anikst, A.A. (2006) *Teatr epokhi Shekspira* [Theater of Shakespeare's era]. Moscow: Drofa.
28. Storozhenko, N.I. (1878) *Robert Grin. Ego zhizn' i proizvedeniya* [Robert Green. His life and works]. Moscow: tip. K. Indrikha.
29. Purishev, B.I. (1939) *Khrestomatiya po zapadnoevropeyskoy literature. Epokha Vozrozhdeniya* [Anthology of Western European literature. The Renaissance]. Moscow: Uchpedgiz.
30. Peshkov, I.V. (2015) *F1, ili Kniga dokazatel'stv: teorema Shekspira kak lemma avtorstva* [F1, or the Book of Evidence: Shakespeare's Theorem as a Lemma of Authorship]. Moscow: RIPOL klassik.

Received: 21 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 13–20. DOI: 10.17223/15617793/436/2

УДК 83.371

В.В. Кашпур, Е.В. Трубникова, Ю.В. Филь

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПРЕДЕЛА «НИЗ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ И РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ)

Статья посвящена описанию семантической организации английских фразовых и русских префиксальных глаголов с семантикой низа. На материале английских фразовых глаголов с послелогом down и русских префиксальных глаголов с префиксом с- рассматриваются особенности восприятия пространства носителями языка, а именно восприятия нижнего пространственного ориентира; выявляются особенности семантических трансформаций пространственных значений в иные глагольные смыслы в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: пространственная семантика; английский фразовый глагол; русский префиксальный глагол; префикс с-; послелог down.

Последние десятилетия проблема категоризации в целом и ее отдельные частные аспекты находятся в центре внимания гуманитарных дисциплин, не является исключением и лингвистика, интерес которой направлен на изучение принципов репрезентации в сознании человека различных семантических категорий и результатов их вербализации. На одно из первых мест среди указанных категорий может претендовать категория пространства. В действующих системах пространственных ориентиров отражается психобиологическая природа человека, его способность организовывать в своем сознании окружающее пространство вокруг себя, делить его на переднее / заднее, правое / левое, верхнее / нижнее и т.п., «переживание пространства – один из аспектов непосредственного существования человека в физическом мире» [1. С. 5]. Каждый из пространственных ориентиров и его составляющие по-разному осмысляются представителями разных культур и соответственно по-разному выражаются в языках. Современный человек воспринимает пространство как «нечто первичное, самодостаточное» [2. С. 242], представления о нем составляют базовую часть картины мира человека, кроме того, именно знания о пространстве со временем трансформируются в знания о других категориях, «перетекают» в другие семантические области.

Обращение к анализу единиц с пространственной семантикой в разных языках позволит выявить, на основе каких элементов складывается пространственное значение в этих языках, какие пространственные ориентиры оказываются более задействованными при этом, каким способом развивается пространственная семантика соответствующих единиц в разных языках.

Объектом рассмотрения в данной работе являются русские приставочные и аналогичные им английские фразовые глаголы, состоящие из базового глагола типа *put, make* и др. и послелога (в иной терминологии – частицы) типа *down, up* и др. [3–5 и др.], с семантикой нижнего предела действия, низа как пространственного ориентира. Несмотря на типологическую разницу русского и английского языков, указанные единицы эквивалентны в плане выражения ими действия с его пространственными характеристиками, префиксы и послелоги представляют собой типичные для рассматриваемых языков средства выражения пространственных, а затем отпространственных значений в обоих языках: *be down – снизиться, сократиться*; *come in – входить, put up – воздвигать* и т.д. Наблюдения над семантикой указанных русских и английских единиц позволяют сделать вывод, что они демонстрируют различные по способу выражения (префикс + глагол // глагол + послелог), но сходные, однако не всегда тождественные по содержанию представления носителей данных языков о пространственных ориентирах в сфере глагольного действия.

Предмет исследования – особенности пространственной семантики низа и её преобразования в иные сферы, отраженные в русских приставочных и английских фразовых глаголах.

Цель данной работы – описать семантическую организацию русских префиксальных и английских фразовых глаголов с семантикой низа, направления модификаций этой семантики и, как следствие, особенности представления носителями русского и английского языка о нижнем пространственном ориентире в сфере обозначения действия.

В английском языке нижний пространственный ориентир, как правило, передается фразовыми глаголами с послелогом *down* с основным значением «низ», «движение вниз», «движение из вертикального состояния в горизонтальное» и т.п. Следует отметить, что указанный послелог не имеет точных аналогов среди глагольных приставок русского языка (за исключением приставок в глаголах *ниспровергнуть, низвергнуть,* низвести[1]).

В большинстве случаев в русском языке при переводе с английского языка семантику направленности вниз передают глаголы с приставками *с-, у-, о-*. Например, *be down – сократиться, снизиться*; *grow down – уменьшаться, укорачиваться*, *go down – спускаться, опускаться*. Однако говорить о том, что перечисленные русские приставки имеют пространственное значение «низ», «вниз», как это происходит с послелогом *down*, нельзя. Подобные случаи демонстрируют не абсолютную эквивалентность русского приставочного и английского фразового глагола.

Так, русский префикс *о-* характеризуется следующими значениями: 1) действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-н., на все стороны чего-н.; 2) действие, названное мотивирующим

глаголом, направить мимо предмета, находящегося на пути движения; 3) распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много объектов (или на много мест в пределах одного объекта); 4) совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом [6. С. 363].

У префикса *у-* отмечаются значения: 1) удалить(ся) откуда-н., покинуть (заставить покинуть) какое-н. место с помощью действия, названного мотивирующим глаголом; 2) сплошь, полностью покрыть(ся) чем-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом; 3) довести кого-,/что-н. до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, исчерпанности) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом; 4) уменьшить(ся) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом; 5) уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом; 6) уместить что-н. в каком-н. пространстве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом; 7) удержаться в том состоянии, которое названо мотивирующим глаголом; 8) совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом [Там же. С. 371–372]. Таким образом, ни одна из указанных приставок прямо не обозначает нижний пространственный предел или направление к нему, а значение «движение, направленное вниз» у глаголов *опускаться, обрушиться, упасть, уронить* и т.п. в большей степени мотивировано семантикой глагола.

Среди русских приставок только у префикса *с-* выделяется значение «движение сверху вниз». При этом стоит отметить, что семантика префикса *с-* обнаруживает в себе два разнородных смысловых центра. Помимо значения 1) направление перемещения сверху вниз (*съехать с горы*) (и ряда связанных с ним оттенков значения), она обозначает 2) направление перемещения множества субъектов / объектов из разных мест в одно; совместное действие группы деятелей (*съехаться из разных городов на встречу одноклассников*) [7. С. 63]. По мнению исследователей, два этих центра не имеют семантических контактов между собой и можно полагать, что речь идет о двух омонимичных приставках – пространственной приставке *с-1* и непространственной *с-2* [Там же. С. 96]. В силу того что в центре нашего исследовательского внимания находится пространственная семантика, анализ второй приставки остается за рамками содержания данной статьи.

И послелог *down*, и префикс *с-* являются «пространственно-направительными» элементами и при взаимодействии с основным глаголом задают ориентир движения, обозначаемого глагольной единицей в целом. Например, в английском фразовом глаголе *go down (спускаться, опускаться, пойти ко дну* и т.д.) основной глагол *go – идти* несет значение движения, проходящего по горизонтальной поверхности или без уточнения ориентира движения, семантику направленности вниз передает послелог *down*, непосредственно обозначающий *низ* чего-либо. Например, глагол ***go down*** в значении (1) «to descend to a lower level» («спускаться на более низкий уровень»): *Don't let the baby go down the stairs alone (Не позволяй ребенку спускаться по лестнице одному)* [8. С. 179]; глагол ***cool down*** в значении (1) «to lessen the intensity of (anger or excitement) or to become less intense; calm down» («уменьшить степень (злости, возбуждения) или стать менее (злым, возбужденным)») [9]: *Go to your room and cool down! (Иди в свою комнату и успокойся!)* [10]; глагол ***knock down*** в значении (2) «to demolish» («разрушать до основания»): *Why doesn't he just knock the wall down?* (*Почему он просто не снесет стену?*) [9]; глагол ***burn down*** в значении (1) «to burn to the ground» («сжечь / сгореть дотла»): *That barn was struck by lightning and burned down (В сарай ударила молния, и он сгорел дотла)* [11].

В русском языке префикс *с-* реализует пространственное значение «направление действия сверху вниз», например *сбежать с горы, сойти с лестницы.* В сочетании с глаголами однонаправленного перемещения субъекта или объекта прямое пространственное значение приставки *с-* можно определить как «начало перемещения субъекта / объекта в верхней части пространственного ориентира по направлению вниз» [7. С. 64]. Например, глагол ***сбежать*** в значении (1) «бегом спуститься вниз»: *Никита сбежал с крыльца по хрустящим ступеням.* А.Н. Толстой «Детство Никиты»; глагол *сойти* в значении (1) «идя вниз, спуститься откуда-л., куда-л.»: *[Маша] вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад.* А.С. Пушкин, «Метель»; глагол *спрыгнуть* в значении (1) «прыжком спуститься с чего-л., прыгнуть вниз; соскочить»: *Алексей спрыгнул с лошади, отдал поводья в руки лакею и пошел без доклада.* А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка» [9].

Отметим, что, в отличие от английского послелога *down*, русский префикс *с-* способен передавать семантический компонент «по поверхности», например *спускаться по канату*. Данный компонент значения фиксируются словарями, отражается как в словарной статье, так и в иллюстративном материале. Например, глагол ***спуститься*** в значении (1) «переместиться вниз, ниже, приближаясь к земле или достигнув земли, пола; опуститься»: *Маяка не было видно из-за низко спустившихся густых туч.* С.Н. Сергеев-Ценский «Синопский бой». || Сойти или съехать вниз (по склону чего-л., по ступеням и т.п.): *Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.* И.С. Тургенев «Ася».

Таким образом, значение «движение сверху вниз» можно считать прототипическим пространственным значением для рассматриваемых единиц обоих языков, однако если послелог *down* в английских фразовых глаголах маркирует непосредственно нижний пространственный предел действия, то префикс *с-* в русских приставочных глаголах передает семантику не самого низа, а движения от верхней точки вниз. Частично это объясняется тем, что префиксы как связанные единицы участвуют в формировании общей семантики глагола совместно с глагольной основой и специализируются именно на обозначении параметров действия (в том числе движения, перемещения).

Отмеченные принципиальные отличия представлений носителей данных языков о движении вниз и их обозначения в русском и английском языках являются причиной нетождественности развития последующих смыслов приставочных и фразовых глаголов.

Анализ английских фразовых глаголов, в составе которых зафиксирован послелог *down*, выявил, что данные глаголы реализуют четыре основных значения.

1. Значение «движение сверху вниз». Например, глагол ***pull down*** (to draw downward – стянуть, опустить вниз): *It took her five minutes to check all the windows, pull down the blinds, and lock up (За пять минут она проверила все окна, опустила жалюзи и закрылась на замок)* [9].

2. Значение «уменьшение, снижение объёма / количества чего-либо». Например, глагол ***cut down*** (to reduce, lessen – уменьшить, сократить)*: I told you I was concerned about your drinking and you promised to cut down (Я тебе говорил, что меня тревожит то, что ты много пьешь, и ты обещал пить меньше*; т.е. сократить количество потребляемого алкоголя) [9].

3. Значение «разрушение, уничтожение». Например, глагол ***tear down*** (to pull down; destroy; demolish – снести, уничтожить, разрушить): *When Ronald Reagan went to the Brandenburg Gate at the height of the Cold War he said: "Mr. Gorbachev, tear down this wall!" (Когда Рональд Рейган выступал у Бранденбургских ворот в разгар холодной войны, он сказал: «Господин Горбачев, снесите эту стену!»)* [9].

4. Значение «совершение действия полностью, завершение действия». Например, глагол ***wear down*** (to reduce or impair by long wearing – уменьшать или ухудшать состояние чего-л. из-за длительного ношения, изнашивать): *To wear down the heels of one's shoes (Изнашивать каблуки на обуви)* [12].

Анализ английских «*down*-единиц» позволяет выделить четыре группы глаголов с указанной семантикой.

Первая группа представлена глаголами: *go down – спускаться, опускаться, пойти ко дну, тонуть; hang down – свисать; pull down – сталкивать, стаскивать, сбрасывать* и т.д.

Вторая группа представлена единицами: *cool down – стать менее раздражительным, остывать; cut down – уменьшать (расходы, порции)* и т.д.

Третью группу составляют глаголы *tear down – разрушать, уничтожать; take down – сносить, разрушать; knock down – сломать, разрушить; снести (дом)* и т.д.

В четвертую группу следует отнести глаголы *slow down – гасить скорость; burn down – сгореть, догореть; wear down – изнашиваться, стираться и им подобные.*

Анализ русских глаголов с префиксом *с-* (*с-1*) выявил следующие значения данных глаголов.

1. Значение «движение сверху вниз». Например, глагол ***слезть*** (спуститься с чего-л., придерживаясь за что-л.): *[Казак] слез с лошади и достал из переметной сумы мешок с чем-то.* Л. Толстой «Хаджи-Мурат» [13].

2. Значение «удаление, исчезновение объекта». Например, глагол ***смести*** (метя, удалить с чего-л.): *[Я] наматывала на швабру мокрую тряпку, чтобы смести со стен паутину.* В. Каверин «Два капитана» [Там же].

3. Значение «разрушение, нарушение целостности, уничтожение объекта». Например, глагол ***съесть*** (принять какую-л. пищу, уничтожить, поедая): *[Коровы и козы] съели только смородинные кусты да принялись обдирать десятую липу*. И. Гончаров «Обломов» [Там же].

4. Значение «доведение действия до предела, его завершение». Например, ***сделать*** (сов. к *делать*): *Дело сделано* [Там же].

Соответственно первую группу «с-глаголов» составляют единицы типа *слезть, спустить, съехать* и т.д.

Вторая группа представлена глаголами *сдуть, стряхнуть, смести* и т.д.

В третью группу входят глаголы *сломать, срубить, съесть* и т.д.

Четвертая группа представлена единицами *сделать, сварить, скиснуть* и т.д.

Сопоставление исследуемых единиц начнем с анализа первой группы английских глаголов со значением (1) «движение сверху вниз». Поскольку основное значение послелога *down* «движение вниз или в более отдаленное место», то, присоединяясь к глаголу, послелог вносит значение пространственного перемещения вниз. Например, фразовый глагол ***pull down*** – *сталкивать, сбрасывать*, образованный от глагола *pull – тянуть, тащить*; ***climb down*** – *слезать, спускаться*, образованный от глагола *climb – взбираться.* В денотативной ситуации, обозначенной глаголом, происходит пространственное передвижение объекта / субъекта от начальной точки вниз. Это значение является первичным и производящим для образования последующих. К данной группе глаголов также можно отнести глаголы, действие которых связано с движением сверху вниз, с перемещением какого-либо объекта сверху вниз, например, *gulp down – проглатывать, write down – записать* (т.е. писать, наклоняя корпус тела ниже предыдущего положения для выполнения действия) и т.д. Схематически данное значение можно изобразить в виде рис. 1:

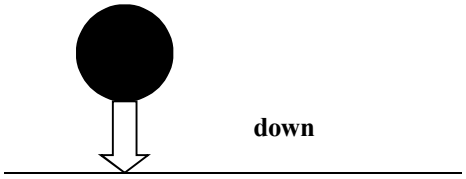

Рис. 1. Семантическая организация глаголов с послелогом *down* в значении «движение сверху вниз»

Русские приставочные глаголы с приставкой *с-* также имеют в качестве базового пространственное значение «движение сверху вниз». Данную группу представляют глаголы *съехать с горы, свалиться со шкафа* и т.д. В основе значения глагола лежит то же представление носителей языка о движении от высшей точки к низшей, что и у английских фразовых аналогов. Однако представления у носителей русского и английского языков о перемещении сверху вниз строятся по-разному. Английский послелог *down* характеризуется непосредственно значением «внизу», «низ» и в рамках фразового глагола указывает на направленность действия вниз, актуализируя именно семантику низа (при этом понятно, что вниз можно двигаться из верхнего ориентира). Русский префикс *с-*, лишенный непосредственного семантического компонента «низ чего-либо», вносит в глагол значение направленности сверху вниз со значимым в данном случае акцентом как на нижнем ориентире, так и на верхнем. Таким образом, в русских единицах с рассматриваемой приставкой актуализируется пространственная вертикаль с маркированным верхним ориентиром.

Значение (1) «движение сверху вниз» русских глаголов с префиксом *с-* может быть изображено в виде рис. 2:

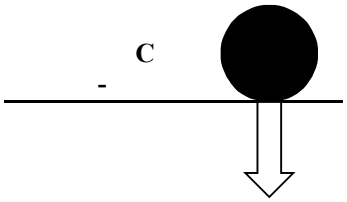

Рис. 2. Семантическая организация глаголов с префиксом *с-* в значении «движение сверху вниз»

Как уже отмечалось, пространственные значения могут стать основой для развития новых значений по сложившимся в языке моделям, отражающим траекторию восприятия пространства носителями языка. Так, прямое пространственное значение английских фразовых глаголов с послелогом *down* «движение сверху вниз» со временем трансформировалось в ряд отпространственных значений, связанных с первичным различными семантическими отношениями. По мнению исследователей, представления о низе противопоставлены представлениям о верхе, что вполне естественно, так как отражает строение тела человека. При этом верхний и нижний пространственный пределы соотносятся с понятиями «хуже», «меньше» [5]. В рамках теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют ориентационную метафору «увеличение направлено вверх, уменьшение направленно вниз» (MORE IS UP, LESS IS DOWN) и объясняют это тем, что традиционно такая мотивированность связана со зрительным представлением о накоплении чего-то в виде стопки, груды и т.д. [14. С. 77].

Таким образом, то, что послелог *up* обозначает увеличение, рост, а послелог *down* – уменьшение, можно проинтерпретировать метафорой груды: чем она больше, тем она выше, и наоборот, сокращение количества чего-либо составляющего груду непременно повлечет за собой уменьшение ее размера в высоту. Отметим, что данная метафора актуализируется не только тогда, когда речь идет о вертикальном увеличении / уменьшении объекта / объектов, она реализуется и при отражении увеличения / уменьшения чего-либо в целом. Этим можно объяснить значение (2) фразовых глаголов с послелогом *down* – «уменьшение, снижение объема / количества», которое вытекает из прототипического значения «движение сверху вниз». Так, например, английский фразовый глагол ***make down,*** образованный от глагола *make* – делать, переводится на *русский язык ушивать (одежду)* – т.е. делать одежду меньше; глагол ***turn down***, образованный от глагола *turn,* – поворачивать, имеет русские аналоги *убавить, уменьшить*; глагол ***mark down***, образованный от глагола *mark,* – ставить знак, метку, обозначает *снизить цену, занизить оценку (в школе)*. Так же, как и в случае со значениями «down-единиц» первой группы, в данной группе семантика глаголов может быть обозначена как «уменьшение объекта» относительно начальной координаты или определенного состояния, которые до начала действия, обозначаемого глаголом с послелогом *down*, были выше или больше. Рис. 3 схематично изображает переход прямого пространственного значения (1) в отпространственное значение (2).

Для русских глаголов с префиксом *с-* характерно иное развитие семантики, поскольку нижняя часть перемещения сверху вниз в русскоязычном варианте восприятия данной пространственной ситуации, как правило, специально не маркируется. На базе значения (1) «движение сверху вниз» глаголов с префиксом *с-* возникает значение (2) «удаление, исчезновение объекта». Данную группу представляют глаголы *смести, стряхнуть, сбрить, спрятать* и т.д. Поскольку префикс *с-* в первом значении маркирует положение объекта в высшей точке, от которой объект последует вниз, то именно данная точка находится в фокусе внимания носителя языка. Далее такое перемещение переосмысляется как исчезновение объекта из высшей точки, на которую направлен взгляд наблюдателя и на которую указывает приставка (при этом глагольная основа обозначает способ осуществления подобного исчезновения, т.е. удаление путем метения, трясения и т.п.). Кроме того, нижнее пространство, в отличие от верхнего, воспринимается носителями русского языка как необозримое, скрытое от глаз. Формирование значения (2) «удаление, исчезновение объекта» схематично можно изобразить в виде рис. 4.

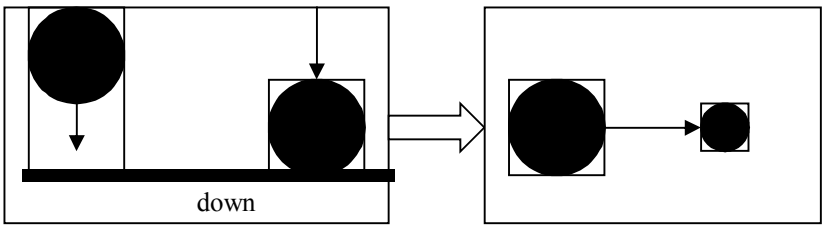

Рис. 3. Изменение значения (1) «движение сверху вниз» в значение (2) «уменьшение, снижение количества объекта» у глаголов с послелогом *down*

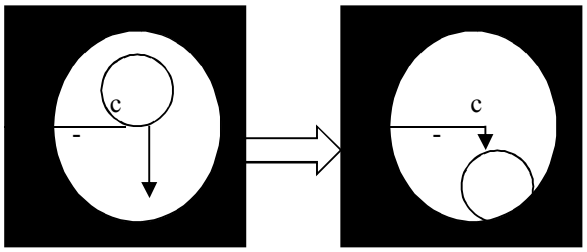

Рис. 4. Изменение значения (1) «движение сверху вниз» в значение (2) «удаление, исчезновение объекта» у глаголов с префиксом *с-*

Для значения (2) английских фразовых глаголов, согласно выше представленной логике осмысления процесса увеличения через верхний пространственный ориентир, а уменьшения через нижний пространственный ориентир, следует отметить следующую семантическую трансформацию, основанную на связи с метафорическим переосмыслением этих пространственных ориентиров. Так, строительство, возведение вверх здания соотносится с верхом и маркируется глаголом с послелогом *up* (*carry up* (от *carry* – нести), *put up* (от *put* – класть)). Послелог *down*, наоборот, присоединяясь к глаголу, во многих случаях передает обратную деструктивную семантику – значение (3) «разрушение, уничтожение». Например, фразовый глагол ***take down*** (от *take* – брать) переводится на русский язык глаголами *сносить, разрушать;* ***tear down*** (от *tear* – рвать, разрывать) – *сносить* (*постройку*); ***throw down*** (от *throw* – бросать) – *сносить, разрушать* (*здание*). Образно разрушение целостности какого-то объекта представляется как уменьшение его величины (т.е. количества, объема объекта и т.п.), главным образом по вертикали. Схематично данное значение можно представить в виде рис. 5:

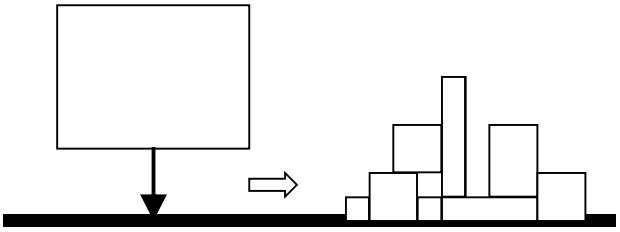

Рис. 5. Изменение значений (1) «движение сверху вниз» / (2) «уменьшение, снижение количества объекта» в значение (3) «разрушение, уничтожение объекта» у глаголов с послелогом *down*

Следует отметить, что формирование значения (3) английских глаголов может базироваться и на значении (1) «движение сверху вниз», так как разрушение (особенно в том случае, когда оно происходит в вертикальном направлении) может сопровождаться падением частей объекта сверху вниз. При этом происходит полное разрушение объекта через его постепенное или стремительное уменьшение количества объекта по отношению к его первоначальному состоянию.

В русском языке на основании глаголов со значением (2) «удаление, исчезновение объекта» формируется значение (3) «разрушение, нарушение целостности», поскольку исчезновение объекта (или части объекта) зачастую происходит не только через его перемещение из одной плоскости в другую, но и через деструктивное воздействие на него, нарушение его целостности, полное разрушение. Здесь следует отметить преобладающее влияние на общую семантику «*с-*единиц» самой глагольной основы с явно преобладающей деструктивной семантикой (*рвать, грызть*). Данная группа представлена глаголами *сгрызть, со-*

рвать, съесть и т.д. Как и в случае с глаголами в значении (2) «удаление, исчезновение объекта», глаголы со значением (3) «разрушение, нарушение целостности» демонстрируют тесное взаимодействие префикса с глагольной основы, его не только структурную, но и семантическую неавтономность по сравнению с послелогом в структуре английского фразового глагола (при этом ряд русских глагольных приставок характеризуются большей семантической свободой, чем *с-*: префиксы *пере-* (*переписать, переквалифицировать, переделать* и т.п.), *недо-* (*недоедать, недосыпать* и т.п.) и некоторые другие приставки, способные зачастую «навязывать» свою семантику глаголу, «перетягивать» значимые смысловые акценты на себя).

Поскольку послелог *down* обозначает «*низ*», а также «*движение вниз*», через представление о низе как о чем-то конечном и ограниченном реализуется значение (4) «совершение действия полностью, завершение действия». Во фразовом глаголе *burn down*, образованном от глагола *burn* – гореть (на русский язык фразовый глагол переводится как *сжечь, сгореть*), послелог *down* реализует значение «произвести до конца действие, названное мотивирующим глаголом». То же наблюдается и в других случаях: например глагол *die down*, образованный от глагола *die* – умирать, имеет значения *увядать, гаснуть, утихать, прекратиться*, где послелог *down* имеет аналогичное значение и указывает на завершение действия через сокращение, уменьшение его объема, количества объекта действия. Как уже отмечалось, послелоги *up* и *down* являются диаметрально противоположными, представляют верхний и нижний ориентиры пространства, вследствие чего оказываются способными обозначать предел действия в целом: либо снизу, либо сверху. Поэтому как послелог *up*, так и послелог *down* реализуют семантику «совершение действия полностью, достижение предела». Однако, как отмечают исследователи, послелоги в данном случае не являются равнозначными, поскольку действия, обозначаемые ими, имеют разную концептуализацию пространственной семантики. «Послелог up приобретает значение действия через переносное значение “увеличение объема действия”, а послелог down приобретает значение завершенности через переносное значение «уменьшение объема действия» [3. С. 105–106]. Для сравнения приведем пример фразового глагола с послелогом *up* с семантикой завершения действия: *catch up* в значении *нагнать, догнать*. Указание на достижение цели и завершение действия происходит за счет указания на увеличение объёма требуемых усилий для выполнения действия.

Аналогичная семантика предельности действия, его завершения демонстрируется и русскими глаголами с приставкой *с-*. Данное значение является результатом осмысления нижнего предела как конца выполняемого действия, например, *сделать, сварить*. При этом, если в некоторых глаголах с деструктивным значением у приставки *с-* сохранятся семантика направленности вниз, падения, разрушения объекта, то у глаголов с нейтральным по отношению к деструкции значением данный префикс выполняет функцию маркера достижения действием своего предела: Ср. *сломать* и *сделать*. В подобных случаях аспектологии говорят о чистовидовом или общерезультативном значении рассматриваемого префикса [15. С. 22], отмечая, что среди выразителей чистовидового значения приставка *с-* лидирует.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, универсальную прототипическую ситуацию перемещения некоего объекта сверху вниз, в русском и английском языках не совпадают структурно-семантические средства выражения данной семантики и варьируются способы интерпретации данной ситуации. Значение (1) «движение сверху вниз» является базовым для русских префиксальных глаголов с приставкой *с-* и английских фразовых глаголов с послелогом *down*. Однако послелог *down* обозначает непосредственно *низ пространства*, связанного с ситуацией того или иного действия, при этом все движение мыслится как направленное к этому нижнему ориентиру от более высокой точки. В русском языке префикс *с-* указывает лишь *направление движения вниз* от более высокого ориентира к предполагаемому более низкому. Различия в средствах выражения рассматриваемой семантики (послелог и префикс в английском фразовом и русском приставочном глаголах соответственно), их семантические возможности обусловливают дальнейшие трансформации прямой пространственной семантики. На основе первого значения глаголов с послелогом *down* формируются значения, при которых происходит переосмысление *движения вниз* в *движение к нижнему ориентиру*, в результате чего *низ* интерпретируется как *уменьшение объема действия*, как исчезновение объекта вследствие его *разрушения и становления меньшим по высоте*, а также как *нижний предел*, которым заканчивается действие.

В представлении носителей русского языка о движении вниз наиболее выделенной является верхняя точка, относительно которой совершается дальнейшее перемещение вниз. Данный характер перемещения порождает дальнейшие трансформации семантики глаголов с префиксом *с-*. *Движение вниз*, передаваемое в русском языке глаголом префиксом *с-*, представляется как *удаление от верхнего ориентира* к нижнему, *выход из фокуса* наблюдателя и *удаление объекта*, а далее *разрушение объекта* с *дальнейшим* его *уничтожением и исчезновением* относительно первоначального состояния объекта. Как и в английском языке, в русском актуализируется представление о *достижении предела действия* на основании *законченности объекта* и *завершенности действия*, мотивированное в русской картине мира как выходом объекта из поля действия, так и его полным уничтожением. Отметим, что различие в аспектуации восприятия носителями русского и английского языков движения вниз объясняется различием в точке отсчета или точке перспективы действий: соответственно ***сверху*** вниз либо ***вниз*** сверху.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Указанные единицы старославянского происхождения представлены в современном русском языке незначительным количеством (около 18 глаголов, включая коррелятивные видовые пары *низвергать / низвергнуть, ниспослать / ниспосылать* и др.) по сравнению с глаголами с другими префиксами, что позволяет считать приставку *низ-/нис-* непродуктивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порядина Р.Н., Гынгазова Л.Г., Эмер Ю.А. и др. Картины русского мира : пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. проф. З.И. Резанова. Томск : UFO-plus, 2007. 384 с.
2. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
3. Богданова С.Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений : на материале английских фразовых глаголов : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2007. 350 с.
4. Бохач Н.А. Английские фразовые глаголы как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов 1 курса языкового вуза // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 15. С. 129–132.
5. Самигуллина А.С. В многомерном пространстве фразовых глаголов // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11, № 4. С. 99–101.
6. Шведова Н.Ю. [и др.]. Русская грамматика: в 2 т. / Н.Ю. Шведова [и др.] ; под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1 : Фонетика. Словообразование. Морфология. 783 с.
7. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.
8. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. 2nd ed. Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 512 p.
9. Collins Dictionaries. Collins English Dictionary – Complete and Unabridged. – 12th Edition. – Harper Collins Publishers, 2014. 2336 p. URL: https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/ (дата обращения: 18.09.2017).
10. The Farlex Idioms and Slang Dictionary. Farlex, Inc., 2015. URL: https://idioms.thefreedictionary.com/cool+down (дата обращения: 18.09.2017).
11. Dictionary.com. Burn down. Dictionary.com, Inc., 2017. URL: https://www.dictionary.com/browse/unburned (дата обращения: 18.09.2017).
12. Dictionary.com. Wear down. Dictionary.com, Inc., 2017. URL: https://www.dictionary.com/browse/wear--down (дата обращения: 18.09.2017).
13. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.
14. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 202 с.
15. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол : пособие для студентов и учителей / под ред. Ю.С. Маслова. Л. : Просвещение, 1967. 190 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 октября 2018 г.

THE LANGUAGE INTERPRETATION OF THE SPATIAL LIMIT “BOTTOM” IN RUSSIAN AND ENGLISH (ON THE MATERIAL OF ENGLISH PHRASAL AND RUSSIAN PREFIXAL VERBS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 13–20.
DOI: 10.17223/15617793/436/2

Valeriya V. Kashpur, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valkashpur@inbox.ru
Elena V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kondrushinaev@gmail.com
Yuliya V. Fil, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 2fil@inbox.ru

Keywords: semantics of space; English phrasal verb; Russian prefixal verb; prefix s-; postposition down.

The article describes the semantic organization of English phrasal and Russian prefixal verbs with the semantics of the bottom. Based on English phrasal verbs with the postposition “down” and Russian prefixal verbs with the prefix “s-”, the features of the perception of space by native speakers are analyzed: the perception of the lower spatial limit and the semantic transformations of spatial meanings into other verb meanings in the two languages. English phrasal verbs with *down* form four groups based on their semantics: (1) verbs that mean “movement from top to bottom”: *go down, hang down, pull down*; (2) verbs that mean “lessening, decrease in the volume or amount of something”: *cool down, cut down;* (3) verbs that mean “destruction, demolition”: *tear down; take down, knock down;* (4) verbs that mean “finishing an action, completion of an action”: *slow down, burn down, wear down*. Russian verbs with the prefix *s-* also form four groups based on their semantics: (1) verbs that mean “movement from top to bottom”: *slezt’* [come down], *spustit’* [take down], *s”ekhat’* [drive down]; (2) verbs that mean “removal, disappearance of the object”: *sdut’* [blow off], *stryakhnut’* [shake off]; *smesti* [sweep off]; (3) verbs that mean “destruction, break of integrity, demolition of an object”: *slomat’* [break down], *srubit’* [cut down], *s”est’* [eat up]. (4) verbs that mean “bringing an action to the limit, its completion”: *sdelat’* [complete], *svarit’* [boil], *skisnut’* [sour]. The meaning “movement from top to bottom” is basic for Russian verbs with the prefix *s-* and English phrasal verbs with the postposition *down*. However, the postposition *down* denotes the bottom of the space associated with an action, and the whole movement is thought of as being directed towards the bottom from a higher point. In Russian, the prefix *s-* only indicates the direction of moving down from a higher to a supposedly lower point. These differences cause further transformations of spatial semantics. Verbs with the postposition *down* form meanings of movement towards a lower point, in which the bottom is interpreted as a decrease in the scope of the action, as the disappearing of the object due to its destruction and becoming smaller in height, and also as the lower limit which ends the action. In Russian, when speaking about the downward movement, the highest point is the most emphasized, and further downward movement starts from it: going from an upper point to a lower one, going out of the observer’s focus, and further destruction and disappearance of the object. Like in English, the idea of reaching the limit of the action is expressed in the completeness of the object and the completion of the action in Russian. The difference in the aspects of perception of the downward movement in Russian and English is explained by the difference in the point of reference or the point of perspective of the action: from top to bottom or downwards from above.

REFERENCES

1. Poryadina, R.N. et al. (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO-plus.
2. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv’yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka.

3. Bogdanova, S.Yu. (2007) *Kontseptualizatsiya i rekontseptualizatsiya prostranstvennykh otnosheniy: na materiale angliyskikh frazovykh glagolov* [Conceptualization and reconceptualization of spatial relations: on the material of English phrasal verbs]. Philology Dr. Dis. Irkutsk.
4. Bokhach, N.A. (2009) Angliyskie frazovye glagoly kak sredstvo razvitiya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov 1 kursa yazykovogo vuza [English phrasal verbs as a means of development of foreign language communicative competence of first-year students of a language university]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 15. pp. 129–132.
5. Samigullina, A.S. (2006) V mnogomernom prostranstve frazovykh glagolov [In the multidimensional space of phrasal verbs]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 11(4). pp. 99–101.
6. Shvedova N.Yu. et al. (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: semantic structure, system relations]. Voronezh: Voronezh State University.
8. Ammer, C. (2013) *The American Heritage Dictionary of Idioms*. 2nd ed. Houghton Mifflin Harcourt.
9. Collins Dictionaries. (2014) *Collins English Dictionary Complete and Unabridged*. 12th edition. Harper Collins Publishers. [Online] Available from: https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/. (Accessed: 18.09.2017).
10. Farlex, Inc. (2015) *The Farlex Idioms and Slang Dictionary*. [Online] Available from: https://idioms.thefreedictionary.com/cool+down. (Accessed: 18.09.2017).
11. Dictionary.com. (2017) *Burn down*. [Online] Available from: https://www.dictionary.com/browse/unburned. (Accessed: 18.09.2017).
12. Dictionary.com. (2017) *Wear down*. [Online] Available from: https://www.dictionary.com/browse/wear–down. (Accessed: 18.09.2017).
13. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.
14. Skrebtsova, T.G. (2000) *Amerikanskaya shkola kognitivnoy lingvistiki* [American School of Cognitive Linguistics]. St. Petersburg: Anatoliya.
15. Bondarko, A.V. & Bulanin, L.L. (1967) *Russkiy glagol: posobie dlya studentov i uchiteley* [Russian verb: a manual for students and teachers]. Leningrad: Prosveshchenie.

Received: 15 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 21–29. DOI: 10.17223/15617793/436/3

УДК 821.161.1

В.С. Киселев

В.А. ЖУКОВСКИЙ В СУДЬБЕ АЛЕКСАНДРА РЕЙТЕРНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ 1840-х гг. К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ)

Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РФФИ № 18-012-00113 и программы повышения конкурентоспособности ТГУ («Фонд Д.И. Менделеева», проект № 8.1.35.2018).

Раскрываются эпизоды биографии А.Е. Рейтерна (1824–1879), в будущем генерал-лейтенанта, получившие освещение в письмах 1840-х гг. его шурина В.А. Жуковского к великому князю Александру Николаевичу. В них отразились стратегии выстраивания отношений поэта с царской фамилией, за которыми стояла концепция «семейственной монархии», окрашенная «рыцарскими» тонами. Впервые публикуется письмо В.А. Жуковского к цесаревичу от 11 (23) декабря 1844 г. и ряд фрагментов, исключенных при первой публикации писем в «Русском архиве».

Ключевые слова: А.Е. Рейтерн; В.А. Жуковский; великий князь Александр Николаевич; семейственная монархия; рыцарская семантика.

Статья имеет своей целью осветить несколько сюжетов, вырисовывающихся из переписки 1841–1850 гг., в том числе неопубликованной, В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем и связанных с Александром Евграфовичем (Гергардовичем) Рейтерном (1824–1879), шурином поэта. В них отразились, помимо биографических реалий, стратегии выстраивания отношений автора с царской фамилией, за которыми, в свою очередь, стояла концепция «семейственной монархии», окрашенная «рыцарскими» тонами.

А.Е. Рейтерн – примечательная фигура царствования Александра II, военный, администратор, дипломат. Будучи адъютантом главнокомандующего армией Ивана Федоровича Паскевича, он участвовал в войне с Турцией 1854 г., находился при осаде крепости Силистрии, участвовал в боях; за храбрость и мужество был награжден орденами Св. Анны 3-й и Св. Владимира 4-й степени с бантом. После завершения осады Силистрии 25 января 1856 г. был назначен флигель-адъютантом к императору Александру II. В этой должности сопровождал императора во время Высочайших смотров в Ковно и Варшаву (1858), в Умань и Варшаву (1859), в Тверь и Москву (1860, 1861), в Елисаветград (1861) и Ригу (1862). Неоднократно выполнял особые поручения императора. В 1866–1870 гг. Рейтерн командовал лейб-гвардии Драгунским полком. В 1871–1873 гг. был губернатором Таврической губернии в Новороссии. С 25 июня 1873 г. назначен посланником при германском императоре и переехал в Берлин. Находясь в этой должности до смерти в 1879 г., был пожалован в звание генерал-адъютанта, а затем генерал-лейтенанта.

На протяжении всей служебной карьеры – до переезда в Берлин – Рейтерн неизменно находился при императоре, даже губернаторствовал он, не покидая свиту Его Величества. Рейтерн, не демонстрируя выдающихся административных, военных или дипломатических качеств, был образцом лично преданного человека, полностью вручившего свою судьбу монарху и готового исполнить любую требуемую им службу, за что неизменно удостаивался царского внимания и поддержки. В этом смысле он в полной мере наследовал этос николаевского царствования, в котором, по словам Ю.М. Лотмана, «идеи “вручения себя” и отказа от культуры, основанной на конвенциональной знаковости, вновь вышли на первый план. <…> это была архаическая идея провиденциальной миссии самодержавия, фанатически насаждавшаяся Николаем I» [1. С. 33].

Подобный этос сформировался у Александра Рейтерна в 1840-е гг., когда он восемнадцатилетним юношей благодаря протекции своего шурина В.А. Жуковского вступил в российскую военную службу – по следам своего дяди Христофора Романовича Рейтерна (1782–1833), генерала-лейтенанта, и кузена-сверстника Христофора Христофоровича Рейтерна (1824–1859), впоследствии полковника. О Х.Х. Рейтерне Жуковский также просил великого князя 3 (15) августа 1841 г.:

> При своем прощании с Вашим Высочеством я просил вас о принятии под Ваше особенное покровительство молодого Рейтерна (теперь моего родственника), служащего в кирасирском полку, носящем имя Вашего Высочества. Он совершенно не имеет никаких средств себя поддерживать, и недавно умер отец его (родной брат моего тестя). Вы обещали милостиво обратить на него Ваше внимание. Прошу Вас снова о Рейтерне. При отъезде моем генерал Веймарн[1] обещал мне переговорить с Вашим Высочеством об этом деле; не знаю, удалось ли ему это исполнить [2. С. LII].

Кузены Александра также находились в сфере внимания цесаревича. Х.Х. Рейтерн, к сожалению, рано умер и не успел сделать большой карьеры, но Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890) под покровительством великих князей, особенно Константина Николаевича, стал выдающимся государственным деятелем, министром финансов (1862–1878) и председателем Кабинета министров (1881–1886). Последний, впрочем, пройдя Царскосельский лицей, получил несколько иное

воспитание, скорее соответствовавшее идеалам личностной независимости и «договорной», по определению Ю.М. Лотмана, модели отношений с верховной властью (см. о нем в статье [3]).

Г.В. фон Рейтерн. Авраам приносит Исаака в жертву (1849)

Александр Рейтерн вышел из семьи, где «рыцарские» традиции жизнестроительства, напротив, культивировались [4]. Они были свойственны отцу, Герхардту-Вильгельму (Евграфу Романовичу) фон Рейтерну (1794–1865) [5], в прошлом гусару и участнику наполеоновских войн, а с 1830-х гг. художнику российского двора, создавшему, в частности, серию акварельных портретов рядовых императорской гвардии (1832) – реалистичных и в то же время пронизанных поэзией «служения». В его творчестве сюжет «вручения» соединялся с религиозным пиетизмом, с темами жертвенности, столь ярко воплощенными в картине «Авраам приносит Исаака в жертву» (1849).

Органичным продолжением этой установки явилось направление совсем юного сына Александра на российскую военную службу – своеобразный жест доверия и благодарности царской семье. Это было определено еще в 1838 г., когда в ходе заграничного путешествия великий князь Александр Николаевич и царская чета, Николай I и Александра Федоровна, при встрече с семьей покровительствуемого художника разрешили заочно зачислить четырнадцатилетнего юношу в Дворянский полк, высшую военную школу, готовящую к службе в российской армии – с прохождением обучения Александра Рейтерна в прусских военных школах (ср. записи в дневнике Жуковского: «4 (16) августа, четверг. <…> Встреча Рейтерна с великим князем. <…> 8 (20) августа, понедельник. У великого князя с Рейтерном. <…> 31 августа (12 сентября), середа. <…> У императрицы с Рейтерном.» [6. С. 113, 114, 116]). Во время следующего заграничного путешествия императорской семьи и их пребывания в Эмсе 8–11 июня 1840 г. это покровительство было еще раз подтверждено (ср. запись в дневнике Жуковского: «8 (20), суббота. Рейтерн в Эмсе с семьею. Встреча с государем и государынею» [6. С. 211]). Настоящая же служба молодого человека началась в 1842 г., и в ее благополучном прохождении немалую роль сыграл Жуковский, ставший к тому моменту шурином Александра.

Для Жуковского этос служения и семейственной преданности царской фамилии был естественной частью жизни, воплотившейся в долголетнем самоотверженном труде по воспитанию наследника престола. Ореолом подобного «вручения» окружил поэт решение Рейтернов и саму личность Александра в письме-просьбе цесаревичу от 18 (30) мая 1842 г.:

> Я отложил отвечать на последнее любезное и милостивое письмо Вашего Высочества для того, чтобы вверить ответ мой шурину моему, Александру Рейтерну, который отправляется в Петербург на службу царю и которого, с надеждою на Вашу милость и любовь, предаю в Ваше высокое покровительство. Государь Император оказал уже величайшее благотворение Александру Рейтерну, соизволив повелеть включить его в корпус дворянского полка. Это для него во многих отношениях выгодно: не говоря уже о ходе самой службы, он будет иметь время выучиться по-русски и таким образом, не вступая в действительную службу, устранить то, что ее могло бы для него сделать затруднительною. Я здесь не мог помочь ему

начать изучение русского языка; этому причиной было то, что он во все последнее время находился в Кёльне, а не в Дюссельдорфе, дабы слушать там лекции в военной офицерской школе; он не потерял своего времени и получил хорошие аттестаты от наставников, с которыми имел бы право на произведение в офицеры в прусской армии. Это будет ему хорошим приготовлением для изучения службы русской в школе Дворянского полка, и он будет теперь иметь время заняться со всевозможным вниманием своим языком. Отвечаю Вам за его усердие. В то же время отвечаю Вам и за него самого: в семье отца научился он любить Отечество и Государя; это чувство вошло в душу его и долголетнею привычкою, и отцовскими наставлениями, и тем, что он ежедневно видел и слышал в своем семейном доме. Нравственность его сохранилась чистою: он полон рвения, и при взгляде на него Вы сами легко убедитесь, что из него выйдет бодрый солдат. Уверяю Вас, что он теперь всеми чувствами предан царю своему и его наследнику; как говориться, он с ног до головы, наяву и сонный царев и Ваш и сочтет блаженством (когда дойдет до того) положить голову и жизнь за него и за Вас [7. С. LXIII].

Риторика письма специфична: Жуковский предполагал, как впоследствии и случилось, что Александр будет служить не просто русскому престолу, но лично великому князю, станет его конфидентом и своеобразным представителем семьи Рейтернов–Жуковских при царской фамилии. Отсюда столь насыщенные апелляции к традициям Рейтернов («в семье отца научился он любить отечество и государя; это чувство вошло в душу его и долголетнею привычкою, и отцовскими наставлениями, и тем, что он ежедневно видел и слышал в своем семейном доме»), в которых монархизм представал как интимное чувство, позволяющее полностью ассоциировать себя с сюзереном («всеми чувствами предан царю своему и его наследнику») и выступающее основой нравственности («нравственность его сохранилась чистою»). В свое время при изучении фенелоновского «Телемака» поэт указал великому князю, сделавшему соответствующую выписку, на следующее место: «Они <подданные> должны не просто повиноваться ему, но должны любить повиноваться. Он царит в сердцах всех и каждого, которые и не думают его низвергнуть, а боятся потерять его и готовы отдать за него жизнь» ([8], ср. также о помете Жуковского при чтении этого фрагмента [9. С. 496]). Александр, тем самым, рисовался в письме идеальным воплощением «семейственной монархии», исповедуемой Жуковским и основанной на эмоционально-ценностном отождествлении царя и подданных как членов одной семьи.

Важной составляющей здесь была еще и «рыцарская» семантика. Рейтерн должен был стать не просто одним из многих, но лично преданным человеком, паладином наследника престола. Знаменательно, что Жуковский очень точно вписал эти символические контексты в ритуальную культуру николаевского царствования.

Орас Верне. Царскосельская карусель (1843)

Буквально через несколько дней после отсылки данного письма 23 мая 1842 г. в Царском Селе отмечалось 25-летие со дня бракосочетания императора Николая I, организованное по рыцарскому сценарию. В 7 часов вечера с площадки Арсенала выступил рыцарский кортеж, состоявший из 16 дам и 16 кавалеров. В рыцарской кавалькаде участвовала почти вся царская семья. В сопровождении герольдов и музыкантов лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка живописная группа (участники представления

были одеты в подлинные средневековые доспехи из личной коллекции императора) прошла по парку и остановилась у Александровского дворца. Здесь была исполнена карусель – вид конного состязания, пришедшего на смену рыцарским турнирам. Рыцари двигались по кругу и на всем скаку выполняли ряд упражнений – именно этот момент изобразил на своей картине «Царскосельская карусель» (1843) известный французский живописец Орас Верне (1789–1863). Подобные карусели проходили и ранее не только в Царском селе, но и в Санкт-Петербурге, и Москве.

Немалый вклад в формирование «рыцарских» контекстов николаевского царствования внес сам Жуковский, в первую очередь через культ «прекрасной дамы», связанный с Александрой Федоровной, «Лаллой Рук», о чем подробно писали О.Б. Лебедева [10], Д.В. Долгушин [11], Денка Крыстева [12]. Причем, по справедливому замечанию Н.Е. Никоновой, рыцарские мотивы творчества самого Жуковского значительно изменились в 1830–1840-е гг., представ в стихотворных повестях, а также в переводе «Одиссеи» в виде провиденциального служения высшей истине [13]. Их основой явились идеи «духовного рыцарства», генетически восходящего к масонской концепции, о чем в свое время говорил А.С. Янушкевич применительно к кругу общения молодого поэта [14, 15]. В дальнейшем, в контексте революционных событий 1848 г., рыцарско-провиденциальный ореол русского самодержавия будет противопоставлен поэтом низкой прагматике буржуа и пролетариев, чуждых идее какого-либо служения и вообще уважения к надличным ценностям.

Применительно к Александру Рейтерну путь служения наследнику престола представал в виде духовной миссии, а этапы карьеры являлись степенями проверки и эпохами личностного строительства. В уже приведенном письме Жуковский просил высочайшего внимания для того, чтобы юноша благополучно прошел круг обучения в Дворянском полку, военно-учебном заведении для подготовки к офицерской службе, где, в первую очередь, он должен был хорошо освоить русский язык. Ранее Александр учился в прусской военной школе в Кельне.

К сожалению, П.И. Бартенев при публикации писем Жуковского к наследнику престола в «Русском архиве» исключил большую часть упоминаний об Александре Рейтерне. По каким соображениям это было сделано, остается только догадываться (такова могла быть воля царской семьи или М.Х. Рейтерна), но неизвестные в печати письма открывают новые любопытные детали биографии молодого человека и символических сюжетов, которые использовал Жуковский для их интерпретации перед лицом высочайшего адресата.

Таково неопубликованное письмо от 2 (14) сентября 1842 г., рассказывающее о болезни Александра Рейтерна, приключившейся буквально через два месяца по приезде в Санкт-Петербург:

> Дело в моем шурине Рейтерне, о котором Вы так милостиво отозвались в предпоследнем письме Вашем. При самом своем приезде в Петербург он, как Вам известно, жестоко занемог; но болезнь огорчала и мучила его гораздо менее, нежели необходимость остановиться в ту самую минуту, как он со всею ревностию молодости готов был вступить в службу Государю и Отечеству [16. Л. 89].

В метафорической системе письма болезнь Рейтерна предстает частью «рыцарского» сюжета испытания, согласно которому паладину необходимо пройти инициацию и мужественно претерпеть беды и невзгоды. Источником их является не некий персонифицированный противник, но сама судьба, провидение, проверяющее силу духа претендента, его способность к «ревностной службе». Причем риторическое обыгрывание метафоры строится на преувеличенном энтузиазме героя, способного не задумываясь пожертвовать собой ради сверхличного долга:

> Рейтерн будет добрым солдатом; он здоровья крепкого, ничем не испорченного; он полон рвения. Но болезнь была жестокая; если она не совершенно излечится, то на первых порах все его будущее погублено будет; если же он, вступив теперь в службу, не получит подобной возможности совершенно оправиться. Но в этом случае я боюсь за него его собственной ревности: надев мундир юнкера, он будет кипеть нетерпением приняться за дело и невозвратно себе повредит на утре жизни, если примется за это дело слишком рано [16. Л. 89 об.][2].

Тем самым великому князю предлагалась роль доброго сюзерена, который не стал бы требовать от рыцаря деяний, превосходящих его возможности, а напротив – увидел в болезни знак Провидения и проявил милость к Александру, к через это и к Божьей воле. В подобном риторико-метафорическом коде ощутимы переклички с сюжетикой рыцарских баллад Жуковского: с «Роландом Оруженосцем», где отец избегает ставить перед сыном невыполнимую цель – победить великана, а также с «Графом Гапсбургским», где монарх жертвует для облегчения мук умирающего свою лошадь. В прагматическом плане это воплотилось в просьбу о личном надзоре цесаревича за здоровьем новоиспеченного юнкера:

> Прошу Вас сохранить его от этого несчастия: ручаюсь Вам, что он будет Вам стойким слугою и делом, и словом, и мыслью, какого лучше Вам желать не надобно. Устройте, прошу Вас, так чтобы до своего полного исцеления он остался на том положении в каком теперь находится, то есть у своих родных и на руках Арнта[3]; особенно, чтобы *его не требовали в полк*; если теперь, когда он еще почти калека, его туда потребуют, то, конечно, он не даст себе порядком вылечиться, не выдержит, как должно, и может повредить себя навечно: тогда ему самому будет погибель, а служба от того не выиграет; прошу Вас убедительно принять это к сердцу; *призовите Арнта и дайте Ваше*

могучее приказание в полк, чтобы Рейтерн не был тревожим с службы до Вашего собственного на то разрешения; это будет от Вас великая милость и мне; а для себя сохраните Вы славного солдата [16. Л. 90].

Усилия поэта по созданию рыцарского ореола вокруг личности Александра Рейтерна не пропали втуне и в конце 1844 г. увенчались актом высочайшего покровительства. В начале декабря Рейтерн был произведен в офицеры лейб-кирасирского полка, шефом которого был наследник престола. Молодой человек с радостью сообщил об этом родителям, а Жуковский в благодарственном письме великому князю от конца 1844 г. представил свою интерпретацию свершившегося события, окружив его атмосферой провиденциального акта, прозрения сюзереном истинной сущности рыцаря и личного воодушевляющего ободрения:

Вы его к себе призывали и говорили с ним. Вижу Вас отсюда с благородною Вашею осанкою и с простосердечием благоволения. <…> Ваше чутье угадало его. Сохраните свято эту врожденную Вам привлекательность: она есть истинно-царское качество. Если бы знали всегда земные цари, сколько могущества заключается в благоволении, в ласковом взгляде и слове и особенно в уважении, оказываемом в лице каждого достоинству человека; если бы знали это *беспрестанно* и в то же время, как это *легко* и как недостойно для могущества вселять только страх и трепет; если бы все это помнили во всякий час и во всякое время: какая бы непобедимая армия из любви и верности около Вас сомкнулась! Но Вам это *знание* вложено в душу без Вашего ведома Создателем души Вашей; оно у Вас всегда и будет. Благодарите Создателя и храните дар Его [16. Л. 132–132 об.].

Дабы упрочить личную связь двух Александров, господина и его рыцаря, Жуковский отправил со своим письмом несколько писем младшего Рейтерна к семье, передающих высокий пиетет и охвативший юношу после встречи с наследником престола энтузиазм. Это, в свою очередь, помогло выстроить следующий этап «рыцарского» сюжета, когда персональное покровительство воплощается не только в знаках внимания, но и в обеспечении его благополучия – чтобы благородный, однако бедный паладин не посрамил своим видом и оружием чести сюзерена. В прагматическом плане подобная метафорика воплотилась в просьбе о высочайшем пенсионе, адресованной цесаревичу почти сразу за получением вести о произведении Рейтерна в офицеры. Поскольку это письмо в печати не было известно, воспроизводим его полностью.

Вчера ввечеру было опять большое торжество в семействе моего тестя, соединенное с благодарностью к Вашему Высочеству: Александр Рейтерн написал к отцу о произведении его в офицеры. Милостивое Ваше внимание, конечно, весьма много содействовало для доставления Рейтерну этого счастия. Мне утешительно и трогательно думать, что во всем добре, которое случается со мною и с моими ближайшими, заключается более или менее частица Вашего. Целую от всего сердца Вашу милую руку за Рейтерна. В то же время беру смелость откровенно поговорить с Вами о его обстоятельствах и предать его будущую судьбу на произвол Вашего благоволения. Вашему Высочеству известно состояние отца его; одинокий с таким состоянием мог бы жить вполне безбедно; отец семейства с тремя дочерьми и четырьмя сыновьями, из которых один на службе, а другие учатся и подрастают, весьма часто должен решать, что бы он сделал, чтобы дать себе и семье необходимое и бывает принужден во многом и весьма нужном себе отказывать. Что же когда при таких обстоятельствах наступит необходимость записывать и снаряжать сына в службу и поддерживать его на службе так, чтобы ему не было стыдно перед другими – сущая невозможность. До сих пор содержать сына было затруднительным и весьма затруднительным для Рейтерна; но кое как, подавая друг другу руку, мы выходили из этого затруднения. Он ждал минуты, когда сын будет произведен в офицеры, опираясь на нашу общую с ним веру, что он не остановит молодого человека при первом его шаге на пути его, шаге, от которого все его будущее зависит. С этою верою приношу Вашему Высочеству мою просьбу от меня и от отца за офицера Рейтерна. Благоволите причесть его к тем, коим Вы даете пособие жизни. Здесь Ваше благотворение падет на добрую землю, отвечаю Вам за честного, верного своему делу, храброго солдата, который всегда постоит за свое знамя и с рыцарскою радостию отдаст жизнь за своего Государя. Когда я прошлого года был в Баден Бадене, его высочество великий князь Михаил Павлович говорил со мной об Александре Рейтерне и изъявил милостивую готовность ему сделать добро. Я считаю необходимым приличием написать в теперешнем случае к Его Высочеству о Рейтерне и просить доброго великого князя, которого люблю душевно, обратить свое внимание на молодого человека. Но Вы будьте ему особенным благотворителем так же, как и мне самому; на Вас возлагаю за него надежду и Вам наперед, вместе с его отцом, приношу жертву сердечной за него благодарности. Сохрани Вас Бог и Ваше семейство.

Жуковский.

Декабря 11 / 23 1844.

Франкфурт н/М. [16. Л. 128–129].

Просьба была услышана и в скором времени воплотилась в новый знак монаршей милости, о чем Жуковскому сообщил 21 марта 1845 г. В.Д. Олсуфьев, гофмаршал цесаревича: «<…> спешу тебя уведомить, что по доведению мною до сведения Государя наследника письма твоего от 1-го марта[4], Его

Высочество всемилостивейше пожаловать соизволил молодому Рейтерну полторы тысячи руб[лей] ас[сигнациями] годового пособия. Копию с состоявшегося по сему рескрипта при сем к тебе посылаю. Рейтерн у меня был, он, кажется, скромный и добрый малый и очень недурен собою» [17. С. 320].

Ответ Жуковского великому князю стал своеобразным финалом в сюжете о первом шаге палладина под покровительством своего доброго сюзерена: формулы этого письма от 7 (19) апреля 1845 г. пронизаны метафорикой пути и верной службы, в которой единственно рыцарь-Рейтерн видит свое призвание:

> Олсуфьев уведомил мня о новом благотворении, которое Ваше Высочество мне оказали. Всем сердцем благодарю Вас за себя, за доброго моего Рейтерна, столь достойного Вашего благоволения и за молодого сына его, которому Вы вдруг облегчили дорогу его, совершение которой с успехом часто зависит от первого на ней шага. Ручаюсь за него: он будет служить верою и правдою и по влечению сердца, и по правилам, которые вложило в него прекрасное домашнее воспитание [7. С. CXVI].

Последующая служба Александра в лейб-кирасирском полку протекала благополучно и питала в семействе Рейтернов настоящий культ любви и почтения, спроецированный как на императорское семейство, так и на самого молодого корнета, чем дальше, тем больше становившегося домашней легендой – в том числе из-за удаленности и невозможности личного свидания. Именно этот семантический ореол окружает упоминания о Рейтерне в письмах Жуковского к наследнику престола 1846–1847 г. и мотивирует просьбы об отпуске. Вначале они облекались в формы поэтического намека, призванного пробудить тонкую чувствительность сюзерена к душевному состоянию рыцаря, рвущегося увидеть семью, как в письме от 15 (27) февраля 1846 г.:

> За сим следует описание минутного поэтического сновидения, которое мне причудилось в ту минуту, как поставил последнюю точку и которое весьма легко может обратиться в событие одним волшебным царским словом. Мне привиделся наш милый наследник; вижу, что он вышел из кабинета царева, и лицо его сияло от удовольствия, и по этому сиянию догадался я, что ему удалось исполнить просьбу своего старика Жуковского; и наследник сказал кому-то, лица я не разглядел, похож был на Семена Алексеевича[5], только за плечами его было крылышко: написать приказ, чтобы явился корнет кирасирского его высочества полка Александр Рейтерн. Корнет Рейтерн явился (во сне почта ходит скоро), и наследник сказал корнету Рейтерну: тебе дан отпуск на 28 дней; поезжай к своим родным, отдай Жуковскому это письмо и возвратись к сроку. И… но в это мгновение сон исчез; я увидел себя по прежнему перед своим письменным столом… и передо мною стоял бронзовый образ наследника… и этот бронзовый молчал… А что скажет мне живой, не знаю… А у меня одно про него слово: благослови Бог всякую минуту его жизни! [7. С. CXXXV].

Этот намек поэта остался без ответа, что подвигло его ровно через год 16 (28) февраля 1847 г. уже без околичностей просить великого князя быть ходатаем перед императором об отпуске для молодого Рейтерна, апеллируя к чувствам отца, столь долго разлученного с сыном:

> Повергаюсь к стопам Его Величества с уповающей молитвой позволить сыну Рейтерна посетить свое семейство, с которым он уже более четырех лет в разлуке. В теперешнюю минуту это будет благотворением несказанным. Отец не знает о моей просьбе; я не хочу возбуждать в нем надежды, которая, может быть, не должна исполниться; но смею сам надеяться, что моя молитва не будет отвергнута Государем, которого милостями все мое семейство так щедро осыпано. Будьте за нас ходатаем. Целую Вашу милую руку [7. С. CL].

На сей раз просьба была удовлетворена и уже вскоре – 17 (29) апреля 1847 г. – Жуковский мог поблагодарить наследника престола с высочайшей милостью:

> На последнее письмо мое я еще не имел счастия получить от Вашего Высочества ответа; это, думаю, оттого, что Вы хотите мне дать его с Рейтерном; он еще до сих пор не мог отправиться в путь свой; но от него я имею известие о милости, ему оказанной по Вашему высокому ходатайству. Целую Вашу руку за этот новый знак благоволения ко мне и к моему семейству [7. С. CLIII].

С началом революционных событий в Европе к опыту мирной службы Александра Рейтерна добавился опыт военный. В составе лейб-кирасирского полка с 30 мая по 26 октября 1849 г. он участвовал в Венгерском походе, правда так и не добравшись до места сражения (полк остановился в Польше [19. С. 408–409]). А вскоре произошел эпизод, сведения о котором оказались выпущенны П.И. Бартеневым из публикации писем Жуковского к наследнику престола в «Русском архиве». Эти события, доселе остававшиеся неизвестными, мы хотели бы упомянуть по причине их драматичности и загадочности. В конце 1849 либо в начале 1850 г. между Александром Рейтерном и Михаилом Ивановичем Туманским, генерал-майором и командиром лейб-кирасирского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, т.е. непосредственным начальником молодого офицера, произошла какая-то неприятная размолвка личного свойства. В чем она заключалась, нам пока не удалось выяснить, но она могла поставить крест на карьере

Рейтерна. Дабы предупредить возможные последствия, Жуковский в письмах, написанных между 28 января (9 февраля) и 13 (25) февраля (первое) и 1 (13) марта 1850 г. (второе) обратился за высочайшей помощью: он попросил перевести Рейтерна из лейб-кирасирского полка, т.е. из под начала Туманского, в штаб армии адъютантом главнокомандующего И.Ф. Паскевича. Приводим выпущенные в публикации «Русского архива» эти фрагменты писем.

В настоящем случае приношу Вашему милому и милостивому Императорскому Высочеству мою живейшую благодарность как от себя, так и от моего тестя. При этом необходимо должен представить Вам объяснение насчет Александра Рейтерна. Я писал Вашему Высочеству о нем не по его желанию, ему еще и по сию пору неизвестно, что об нем писано. Я писал, правда, с согласия отца, но без ведома сына и по одному собственному побуждению тотчас по прочтении письма моего шурина, который извещал отца своего, что некоторые личные обстоятельства поставили его в затруднительное отношение с его шефом (отношение, в котором вина не на стороне моего шурина), вследствие чего ему лучше выйти из полку своего, нежели в нем оставаться. Теперь почитаю необходимым известить Ваше Высочество, что не он просит из полку, а я, из опасения за его будущее, сам придумал, не спросясь с ним обратиться с моею к вам просьбою, на которую последовало такое милостивое от Вас разрешение. Отзыв об Александре Рейтерне, который собственноручно Вами выражен в Вашем письме, привел в восхищение отца, он не смеет сам выразить перед Вами письменно своего чувства и просит меня положить к Вашим стопам его благодарность несказанную. В то же время он осмеливается просить Вас не давать этому делу никакого дальнейшего хода – пусть будет, что будет. Но ни ему, ни сыну его не останется ничего желать после такого от Вас одобрения, которое для обоих есть верх счастия. Где может быть Александру Рейтерну лучше, как не в том полку, который носит Ваше имя и где он может <быть> на глазах Ваших. Я с живейшей любовию целую руку, написавшую мне такие радостные для меня строки (между 28 января (9 февраля) и 13 (25) февраля 1850 г. [16. Л. 302–302 об.]).

Если Ваше Императорское Высочество получили мое последнее письмо и благоволили его прочитать, то весьма легко поймете, как мне было радостно получить Ваши милостивые строки. Это письмо Ваше, столь полное благоволения, смею сказать, столь дружеское, глубоко тронуло всю мою душу. Прошу Вас один раз навсегда простить мне мою мнительность; она есть в одно время и знак моей к Вам привязанности и страх потерять Вашу милость, и моя старость, и то отдаление, в котором и так давно осужден жить от Вас и от отечества. Помоги Бог вырваться из когтей этого изгнанничества. Принося Вашему Высочеству сердечную благодарность за себя, благодарю и за моего Рейтерна, для которого Ваше столь милостивое о нем воспоминание было радостию сердца. Мы любим в Вас не одного царева наследника, которому принадлежим по нашей присяге, но и чистую, правдивую, высокую, боголюбивую, человеческую душу. При этом и я и он приносим благодарность Вашему Высочеству за милостивое слово о нашем молодом кирасире, Вами нам подаренное. Привязываясь к этому милостивому слову, позволяю себе войти о молодом Рейтерне в некоторые объяснения и просить Ваше Высочество обратить на них благосклонное внимание. Отношение, в котором по одному весьма неприятному обстоятельству мой шурин должен теперь находиться к своему шефу, весьма затруднительное. Позвольте мне не входить ни в какие объяснения, прошу об одном и смею быть уверен, что Вы мне в этом не откажете. Поверьте Вашему старому наставнику на слово, когда он Вам скажет, что в этих обстоятельствах нет и тени вины на моем шурине, в них ничто не касается службы, дело совершенно личное. Но эти обстоятельства такого рода, что шеф Александра Рейтерна должен теперь иметь к нему чувство неприязненное. Партия неровная. Если шеф захочет (чего, впрочем, он, может быть, и не сделает) повредить своему подчиненному, то на это ему представится тысяча случаев и никакое покровительство не защитит гонимого. И Вам самим, при Вашей благосклонности к А.Р. (которой, смею Вас уверить, он стоит и по характеру, и по усердию к службе), будет невозможно избавить его от беды своим покровительством. Для избежания этой беды я полагаю необходимым удалить его из полка и, чтобы это удаление было ему полезно, мне пришло в голову просить князя Варшавского принять его к себе в адъютанты, если на то получу Ваше соизволение. Если же Вам будет угодно даровать мне это соизволение, то могу ли просить Вас быть покровителем моей просьбы перед фельдмаршалом? Два слова, сказанные Вашим Высочеством в пользу моего шурина, будут решительны. Служа при фельдмаршале, он бы практически учился делу военному и, конечно, оправдал бы милости Ваши, которыми Вы его так щедро осыпаете. Конечно, ему тяжело будет оставить тот полк, в котором начал службу, который Ваш полк и в котором он, так сказать, был на глазах Ваших, но что же делать? Оставляя это дело на произволение Вашего Высочества, прошу Вас сделать мне милость изъявить мне в немногих строках Вашу волю. Прибавлю к этому уверение, по совести, что Рейтерн заслуживает Ваше благоволение по своему честному характеру, по своей верности долгу, по своей рыцарской готовности все отдать за Государя, что есть особенное отличительное свойство и отца его и всех Рейтернов, сколько я их ни знаю. Поручусь Вам, что как военный он не ударит лицом в грязь и в этом

отношении заслуживает Ваше особенное покровительство. (1 (13) марта 1850 г. [16. Л. 299–300]).

Просьба Жуковского в очередной раз была услышана и удовлетворена, и уже 14 (26) июня 1850 г. он смог поблагодарить цесаревича за содействие в переводе Рейтерна (фрагмент письма также подвергся исключению при публикации).

Начинаю письмо свое по обыкновению изъявлением сердечной благодарности перед Вашим Императорским Высочеством за новое с Вашей стороны благоволение: мой язык с Вами есть беспрестанное повторение в разных формах одного и того же слова *благодарю!* И как мне усладительно повторять его с глубоким чувством его значения!

Вчера получил я любезное письмо от фельдмаршала, в котором он уведомляет меня, что сделал представление о определении моего шурина Рейтерна к нему в адъютанты. Это сделано по Вашему милостивому ходатайству – не могу выразить, как это трогает мое сердце и как мне весело благодарить Вас. Позвольте здесь прибавить одну просьбу: благоволите довершить Вашу милость, сохранив моему шурину *на первых порах* то воспомоществование, которое он теперь от Вашего Высочества получает; при перемене положения он должен будет войти в издержки, а у него все в обрез, отцу нет никакой возможности ему помочь, и я теперь не имею для того средства, ибо заграничная жизнь, особенно болезнь жены, последние тревожные переезды, предстоящее путешествие и, наконец, необходимость заводиться домом по приезде в Россию, где у меня, как говорится, нет ни кола, ни двора, все это съело и съест много моей бедной фортуны. Собравшись с силами, могу на будущее время помочь моему шурину. И потому, не прося для него никакой новой помощи, прошу Ваше Императорское Высочество сохранить ему на первую пору то, что уже давно им (так!) Вами в пособие назначено с такою несказанной ко мне и к нему милостию [16. Л. 332–332 об.].

Адъютантом И.Ф. Паскевича Александр прослужил до 1856 г., когда стал адъютантом самого императора, приняв участие в войне с Турцией, заслужив награды и тем самым вполне подтвердив «рыцарские» надежды ушедшего из жизни поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петр Федорович Веймарн (1795–1846), генерал-лейтенант, начальник штаба гвардейского корпуса.
[2] Все выделения в цитатах здесь и далее принадлежат Жуковскому.
[3] Николай Федорович Арендт (1786–1859), хирург, лейб-медик, главный лечащий врач императорской семьи.
[4] Данное письмо Жуковского к В.Д. Олсуфьеву от 1 (13) марта 1845 г. с подробным изложением обстоятельств материального положения семьи Рейтернов, повторяющим вышеприведенное письмо к наследнику, см. в изд. [18. С. 149–151].
[5] Семен Алексеевич Юрьевич (1798–1865), генерал от инфантерии, преподаватель и впоследствии флигель-адъютант великого князя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 22–33.
2. Русский архив. 1883. № 3.
3. Голичев В.Д., Голичева Н.Д., Попова В.В. С твердой верой в будущность России // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 3–18.
4. Gerhard von Reutern. Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur 100 jährigen Gedächtnisfeier seines Geburtstages. St. Petersburg, 1894. 57 s.
5. Майков П.М. Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, № 9. С. 219–237. № 10. С. 3–16.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2004. Т. 14. 768 с.
7. Русский архив. 1883. № 4.
8. ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 198.
9. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 466–521.
10. Лебедева О.Б. Примечания // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2000. Т. 2. С. 595–603.
11. Долгушин Д.В. Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 108–114.
12. Крыстева Д. «Политическая ботаника» В.А. Жуковского в дискурсе придворного романтизма и мифологии монархии: от «Лалла Рук» к «Тюльпанному дереву» // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 107–138.
13. Никонова Н.Е. Рыцарская тема в поэзии В.А. Жуковского // Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 373–383.
14. Янушкевич А.С. Диалог И.В. Лопухина и Н.М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 156–163.
15. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 179–192.
16. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.
17. Письма В.Д. Олсуфьева В.А. Жуковскому // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М. : Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2010. Т. XIX. С. 305–337.
18. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 г. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1893. 241 с.
19. Марков М.И. История Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка: в 2 т. СПб. : Государственная типография, 1884. Т. 1. 484 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 14 ноября 2018 г.

VASILY ZHUKOVSKY IN THE FATE OF ALEXANDER REITERN (BASED ON THE LETTERS OF THE 1840S TO GRAND DUKE ALEXANDER NIKOLAEVICH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 21–29.
DOI: 10.17223/15617793/436/3

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: A.E. Reitern; V.A. Zhukovsky; Grand Duke Alexander Nikolaevich; family monarchy; knightly semantics.

The article reviews episodes of the biography of Alexander Reitern (1824–1879), a military, administrator and diplomat, that were covered in the letters of the 1840s from his brother-in-law Vasily Zhukovsky to Grand Duke Alexander Nikolaevich. Throughout almost his entire career, Reitern was a model of a personally loyal person who fully entrusted his fate to the monarch and was ready to perform any service he required. Reitern formed such an ethos in the 1840s, when he was an eighteen-year-old man who thanks to Zhukovsky's patronage joined the Russian military service. It was a peculiar gesture of gratitude to the royal family, who were patrons of the artist G.V. von Reitern's family since the mid-1820s. This was how Zhukovsky described this Reiterns' decision in a letter to the crown prince on May 18 (30), 1842, in which the young man was depicted as the ideal embodiment of the "family monarchy" based on the perception of the tsar and his subjects as members of one family. An important component here was also the "knightly" semantics. The path of service to the crown prince was drawn in Zhukovsky's letters in the form of a spiritual mission, and the career stages were the stages of confirmation and the epochs of personal construction. Such is the unpublished letter of September 2 (14), 1842, telling about Reiter's illness on his arrival in St. Petersburg. In the metaphorical writing system, it appears as part of a "knightly" plot of testing, according to which a paladin needs to undergo an initiation and bravely endure troubles and hardships. The efforts of the poet to create a knightly halo around the personality of Alexander Reitern did not disappear in vain, and, at the end of 1844, they culminated in an act of supreme patronage. In early December, Reitern was promoted to officer of the Life Cuirassier Regiment, whose chief was the heir to the throne. This, in turn, helped to build the next stage of the "knightly" plot, when personal patronage is embodied not only in signs of attention, but also in ensuring well-being – so that the noble, but poor paladin does not disgrace the suzerain (a letter of December 11 (23), 1844, previously unknown in print). The article first time publishes a number of fragments, excluded by P.I. Bartenev in the first publication of Zhukovsky's letters to the crown prince in the *Russkiy Arkhiv* journal, which tell about the further fate of Reitern during 1845–1850 – invariably in the halo of the knightly semantics. Such are the letters of April 7 (19), 1845, February 15 (27), 1846, February 16 (28), 1847, April 17 (29), 1847, with requests for the young man to visit his family and gratitude for the great prince's regular good deeds for him. The article concludes with previously unknown fragments of three letters between January 28 (February 9) and February 13 (25), March 1 (13), 1850, and June 14 (26), 1850, in which Zhukovsky tells about his brother-in-law's conflict with his chief M.I. Tumansky and appeals for the highest help: he asks to transfer Reitern from the Life Cuirassier Regiment to the army headquarters by the adjutant of the commander-in-chief I.F. Paskevich, which the crown prince did.

REFERENCES

1. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, pp. 22–33.
2. *Russkiy arkhiv*. (1883) 3.
3. Golichev, V.D., Golicheva, N.D. & Popova, V.V. (2016) With firm faith in the future of Russia. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 4. pp. 3–18. (In Russian).
4. Reutern. (1894) *Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur 100 jährigen Gedächtnisfeier seines Geburtstages* [Gerhard von Reutern. A picture of life, presented by his children and printed as a manuscript for the centenary commemoration of his birthday]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Maykov, P.M. (1894) Russkiy khudozhnik v Germanii [Russian artist in Germany]. *Russkiy vestnik*. 234(9). pp. 219–237; 10. pp. 3–16.
6. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. *Russkiy arkhiv*. (1883) 4.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 678. List 1. File 198. (In Russian).
9. Yanushkevich, A.S. (1978) Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii [V.A. Zhukovsky's circle of reading of the 1820s–1830s as a reflection of his social position]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's library in Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Lebedeva, O.B. (2000) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Dolgushin, D.V. (2014) Queen Luise's Myth In V. A. Zhukowsky's Poetry And Prose. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 108–114. irr
12. Krysteva, D. (2017) "Politicheskaya botanika" V.A. Zhukovskogo v diskurse pridvornogo romantizma i mifologii monarkhii: ot "Lalla Ruk" k "Tyul'pannomu derevu" ["Political Botany" of V.A. Zhukovsky in the discourse of court romanticism and the mythology of the monarchy: from "Lalla Ruk" to "Tulip Tree"]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Nikonova, N.E. (2009) Rytsarskaya tema v poezii V.A. Zhukovskogo [Knightly theme in the poetry of V.A. Zhukovsky]. In: Kanunova, F.Z., Ayzikova, I.A. & Nikonova, N.E. *Estetika i poetika perevodov V.A. Zhukovskogo 1820–1840-kh gg.: problemy dialoga, narrativa, mifopoetiki* [Aesthetics and poetics of V.A. Zhukovsky's translations of the 1820s–1840s: Problems of dialogue, narrative, mythopoetics]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Yanushkevich, A.S. (2000) Dialog I.V. Lopukhina i N.M. Karamzina ("Dukhovnyy rytsar'" i "Rytsar' nashego vremeni") [Dialogue of I.V. Lopukhin and N.M. Karamzin ("The Spiritual Knight" and "The Knight of Our Time")]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vekov* [Freemasonry and Russian literature of the 18th – beginning of the 19th centuries]. Moscow: Editorial URSS.
15. Yanushkevich, A.S. (2000) V.A. Zhukovskiy i masonstvo [V.A. Zhukovsky and Freemasonry]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vekov* [Freemasonry and Russian literature of the 18th – beginning of the 19th centuries]. Moscow: Editorial URSS.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 728. List 1. File 1680. (In Russian).
17. Nalepin, A.L. (ed.) (2010) Pis'ma V.D. Olsuf'eva V.A. Zhukovskomu [Letters from V.D. Olsufyev to V.A. Zhukovsky]. In: *Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian Archive: The History of the Fatherland in the stories and documents of the 18th – 20th centuries: Almanach]. Vol. 19. Moscow: Studiya TRITE: Ros. arkhiv.
18. Imperial Public Library. (1893) *Otchet Imperatorskoy Publichnoy biblioteki za 1889 g.* [Report of the Imperial Public Library for 1889]. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva.
19. Markov, M.I. (1884) *Istoriya Leyb-gvardii Kirasirskogo Ee Velichestva polka: v 2 t.* [History of Her Majesty's Life Cuirassier Regiment: in 2]. Vol. 1. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Received: 14 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 30–37. DOI: 10.17223/15617793/436/4

УДК 81'1

А.А. Миклашевский

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ХРАНЕНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ СЕМАНТИКИ: ПОИСКОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № 34.8862.2017/9.10).

Проведен поисковый анализ индивидуальных различий закономерностей хранения перцептивной семантики русских существительных с использованием экспериментальных данных, собранных в ходе предыдущего исследования [1]. Применялись статистические методы: корреляционный анализ, U-критерий Манна–Уитни, кластерный анализ. Обнаружено, что хранение перцептивной семантики в сознании в целом соответствует данным, полученным при анализе языковых единиц безотносительно индивида; различия связаны с особенностями хранения аудиальной информации. Участники гуманитарного профиля дают более высокие оценки по связи слов со зрением и вкусом, чем участники технического профиля. Выявлены две категории участников по типу обработки перцептивной семантики лексических единиц.

Ключевые слова: базы данных; перцептивная семантика; воплощенное познание; индивидуальные различия; статистические методы.

Индивидуальные различия когнитивных процессов: гендер, возраст, культура, профессия

Целый ряд исследований посвящен изучению факторов, которые могут влиять на когнитивные процессы. Так, например, исследуются гендерные различия в пространственном мышлении [2–5], возрастные различия в восприятии движения [6], проприоцепции [7]. Логично предположить, что различия в собственно когнитивных параметрах могут также иметь следствия на языковом уровне.

В современной когнитивной науке активно исследуются кросс-культурные различия базовых когнитивных процессов, которые ранее считались универсальными для всех людей. В работе [8] представлена серия экспериментальных исследований, выявляющих кардинальные различия между западным и восточным типами мышления, сформированные всем предшествующим социокультурным развитием, начиная с древнегреческой и древнекитайской цивилизаций: западное сознание фокусируется на объекте, объясняя поведение объекта его же внутренними свойствами и той категорией, к которой этот объект принадлежит (аналитический подход), в то время как восточное сознание гораздо больше внимания уделяет среде, контексту, объясняя поведение объекта теми отношениями с окружением, в которых объект находится (холистический подход). Было продемонстрировано, что это различие прослеживается в самых разных когнитивных доменах, выражаясь в следующих особенностях:

1. Причинно-следственные объяснения и предсказание поведения объектов в тех или иных условиях (внутренние свойства объекта vs взаимодействие объекта с контекстом[1]).

2. Логика и выбор одного члена оппозиции vs диалектика и попытка примирить противоречие, найдя средний путь.

3. Категоризация на основе общего правила vs категоризация на основе фамильного сходства.

4. Внимание и восприятие: больше внимания уделяется отдельным выделяющимся объектам vs целому изображению, включая отношения объектов с фоном.

В исследовании на материале норвежского языка [9] обнаружено, что с увеличением возраста участников оценки образности, присваиваемые словам, возрастают. Авторы интерпретируют это как свидетельство непрерывно продолжающегося процесса накопления перцептивного опыта в течение жизни и развития концептуальной системы. С другой стороны, в ходе цепочечного ассоциативного эксперимента с изображениями в качестве стимулов было продемонстрировано, что старшие респонденты чаще дают реакции – абстрактные существительные, тогда как младшие – конкретные, что может быть интерпретировано как рост участия вербальной системы кодирования в процессах обработки поступающей информации в процессе индивидуального когнитивного развития [10].

Уникальный опыт, приобретаемый в процессе профессиональной подготовки в той или иной области, также может оказывать влияние на работу когнитивной системы. В качестве примера можно привести современное направление исследований того, как музыкальная подготовка влияет на обработку языка, способности к изучению иностранных языков [11–15].

В исследовании [16] с использованием методов магнитно-резонансной томографии и поведенческих методов (время реакции) было показано, что такие абстрактные концепты, как числа, также обрабатываются различными людьми по-разному; при этом можно выделить две группы участников: тех, кто обрабатывает числа на основе пространственных ассоциаций, и тех, кто делает это с опорой на тактильные ассоциации. Данные два типа обработки выражаются также и на нейронном уровне как различающийся объем серого вещества в соответствующих частях головного мозга.

Представляется важным проверять выводы, полученные при моделировании на языковом уровне[2] (см. [1]), также и на уровне индивида. Кроме того, индивидуальная вариативность когнитивных процессов

вызывает в настоящее время особый интерес. Теоретическое значение подобных исследований заключается в возможности более детально понять взаимосвязь отдельных процессов и показателей. Практическая же мотивация в данном случае очевидна: в связи с нарастающей персонализацией подхода в самых разных областях (образование, медицина, предоставление информационных услуг) принципиально важно становится учитывать характеристики индивида и их роль в процессах мышления, восприятия, обработки информации.

Перцептивная семантика: теория воплощенного познания

В фокусе настоящего исследования – индивидуальная вариативность обработки и хранения перцептивной семантики в сознании. При этом значимым является понятие психологической реальности. При описании языковой семантики словарными или структурными методами психологическая реальность полученных выводов игнорируется: может не быть ни одного реального носителя языка, в сознании которого находятся все рассмотренные в исследовании единицы с их противопоставлениями (при структурном анализе). Согласно теории воплощенного познания (embodied cognition), концептуальное знание модально-специфично, т.е. непосредственно связано с перцептивным опытом человека, с каналами восприятия информации об окружающей среде (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус; ряд исследователей также рассматривает проприоцепцию, т.е., восприятие обратной связи от собственного тела, как еще один источник информации о мире) [17, 18]. Следствием этого является то, что перцептивная система функционально участвует в процессе обработке символов, в том числе языковых: человек понимает язык непосредственно на основе своего телесного опыта. Ф. Пульвермюллер, используя методы нейровизуализации, показывает, что различные семантические категории обрабатываются в различных частях головного мозга, включая области, отвечающие за процессы физического восприятия окружающей действительности [20–25]. Таким образом, можно говорить о перцептивной семантике, под которой понимается объем перцептивной (модально-специфичной) информации, связанной с отдельными языковыми знаками.

Экспериментальное исследование

В настоящем исследовании используются данные, представленные в психолингвистической базе данных (далее – БД), опубликованной ранее [1]. В этом исследовании были собраны психолингвистические данные о силе связи 506 русских существительных различных семантических категорий с каждой из перцептивных модальностей (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), а также по ряду других психолингвистических переменных (всего 10, а также 2 лингвостатистических – длина и частотность слова). Данные о связи слов с перцептивными модальностями были собраны при помощи шкалы Ликерта – семибалльной шкалы, на которой респонденты должны были отметить, насколько сильно, по их мнению, каждое слово связано с отдельным типом ощущений. Процедура сбора данных, описание полной выборки участников (далее – исходная выборка), описание выборки языковых единиц и статистическая обработка данных представлены в исследовании [1].

Настоящее исследование является поисковым, т.е. в нем выявлены некоторые закономерности, в то время как их объяснение на данном этапе может быть только предварительным и нуждающимся в дальнейшей проверке. В качестве рабочей гипотезы принимается *гипотеза о том, что в целом закономерности обработки перцептивной семантики на индивидуальном уровне соответствуют закономерностям, выявленным по выборке в среднем при анализе по языковым единицам; при этом индивидуальные различия могут быть связаны с такими показателями, как пол, возраст, профессиональный опыт*.

Отбор и первичная обработка данных. Сравнение списков стимулов

При разработке исходной психолингвистической БД изучение индивидуальной вариативности оценок не являлось самостоятельной задачей, заложенной в дизайне БД. В связи с этим стимульный материал был распределен случайным образом, что учитывалось при анализе индивидуальных различий. В исходной БД для каждого исследуемого психолингвистического параметра все стимулы были разделены на 8 списков (63–64 существительных в каждом списке), причем каждый/ая участник/ца исследования получал/а только один такой список по отдельно взятому параметру. На первом этапе анализа требовалось убедиться, что стимульный материал в каждом из списков не отличается между собой, что, хотя разные участники и получили разные списки слов, показатели этих списков по исследуемому параметру (перцептивная семантика) не различаются. Для этого был проведен тест Краскела–Уоллиса по каждой из исследуемых переменных, где отдельные списки сравнивались между собой. После удаления ряда списков была принята гипотеза о том, что предъявленные списки слов не различаются между собой по исследуемым параметрам.

Поскольку каждый/ая участник/ца исследования заполнял/а анкеты не по всем исследуемым параметрам (всего 10), а только по 5 случайно выбранным, на следующем этапе анализа были отобраны только те участники, которые заполнили анкеты по 5 модальностям восприятия. Таких участников всего оказалось 68 человек[3] (далее – финальная выборка).

Описание финальной выборки: 47 женщин, 20 мужчин, 1 – пол не указан; средний возраст – 20 лет; 55 – студенты, 7 имеют законченное высшее, 1 – ученик школы, 5 – уровень образования не указан; 33 – гуманитарное образование, 3 – естественные науки, 16 – технические, 16 – профиль не указан. Данное соотношение параметров выборки очень близко к соотношению параметров по всей исходной выборке в целом, что указывает на то, что процедура отбора участников действительно была случайной и результаты, полученные на финальной выборке, соотносимы с результатами, которые были бы получены на исходной выборке в целом.

Дескриптивные статистики. В табл. 1 представлены дескриптивные статистики для каждой переменной. Здесь и далее все вычисления выполнены с использованием пакета STATISTICA 10. На рис. 1 графически представлены средние значения и стандартные отклонения для каждой переменной.

Таблица 1

Описательные статистики по каждой переменной

	Среднее	Станд. откл.	Min	Max	Q1	Q2	Q3	IQR	Коэф. асим.
Связь со зрением	3,93	1,22	1,39	6,34	3,06	3,9	4,88	1,82	-0,03
Связь с осязанием	3,26	0,96	1,78	5,52	2,56	3,13	3,83	1,28	0,6
Связь со слухом	2,79	0,93	1,41	6,02	2,08	2,73	3,14	1,06	1,16
Связь с обонянием	2,25	0,75	1,29	4,87	1,68	2,09	2,66	0,98	1,35
Связь со вкусом	2,14	0,62	1,3	4,95	1,71	2	2,42	0,72	1,72

Примечания: Среднее – среднее значение; станд. откл. – стандартное отклонение; Min, Max – минимальное и максимальное значения; Q1, Q2 (медиана), Q3 – первый, второй, третий квартили соответственно; IQR – межквартильный размах; коэф. асим. – коэффициент асимметрии

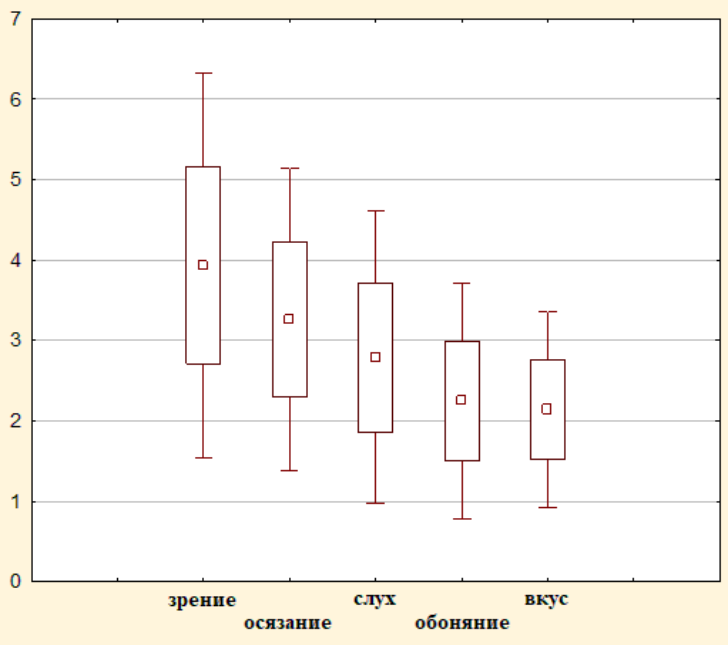

Рис. 1. Средние значения по каждой из переменных. Переменные отсортированы слева направо по уменьшению среднего значения: связь слова со зрительной модальностью восприятия, тактильной модальностью, аудиальной модальностью, обонянием, вкусом. Квадратами представлено среднее значение, прямоугольниками («коробками») – одно стандартное отклонение; линиями («усами») – 1,96 стандартных отклонения

Анализ распределения показал, что оценки связи со зрительной и тактильной модальностями распределены нормально (p=0,66 и p=0,18 соответственно). Отклоняются от нормального распределения оценки по связи с аудиальной модальностью (p<0,001), запахом (p=0,01), вкусом (p=0,004); распределения по данным трем переменным имеют положительный коэффициент скошенности, т.е., по этим переменным наблюдается гораздо большее количество низких значений, чем должно было бы быть при нормальном значении, и, соответственно, малое количество высоких значений.

Корреляционный анализ индивидуальных закономерностей обработки перцептивной семантики. Рабочая гипотеза заключалась в том, что на индивидуальном уровне будут наблюдаться схожие закономерности в соотношении модальной информации, что и на общем уровне языковых единиц. Для проверки данного предположения был проведен корреляционный анализ, при котором оценки были усреднены по индивидам (табл. 2, колонка слева) и по словам (колонка справа).

Как видно из таблицы, все переменные (кроме пар зрение–обоняние и зрение–вкус) при усреднении по индивидам положительно коррелируют между собой. Связь со вкусом и обонянием высоко положительно коррелируют между собой (r=0,773); средние положительные корреляции наблюдаются между парами переменных зрение–осязание (r=0,504), слух–осязание (r=0,538), обоняние–осязание (r=0,542), обоняние–слух (r=0,666); слабые положительные корреляции выявлены для пар слух–зрение (r=0,348), вкус-осязание (r=0,382), слух-вкус (r=0,49). Частично отличаются корреляции при усреднении данных по словам (колонка справа).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции для пар модальностей при усреднении по индивидам (слева) и по словам (справа)

Пара модальностей	По индивидам	По словам
Vis – Hap	0,504**	0,478**
Vis – Aud	0,348*	–0,059
Vis – Olf	0,177	0,220**
Vis – Gus	0,151	0,137
Hap – Aud	0,538**	–0,125
Hap – Olf	0,542**	0,349**
Hap – Gus	0,382**	0,807**
Aud – Olf	0,666**	–0,129
Aud – Gus	0,49**	–0,254**
Olf – Gus	0,773**	0,807**

* Корреляция значима на уровне p=0,05; ** Корреляция значима на уровне p=0,01. Vis – связь со зрительной модальностью, Hap – связь с тактильной модальностью, Aud – связь с аудиальной модальностью, Olf – связь с обонянием, Gus – связь со вкусом.

Ряд закономерностей совпадает для обоих уровней анализа: положительные корреляции в обоих случаях наблюдаются для пар зрение–осязание, осязание–обоняние, осязание–вкус, обоняние–вкус; в обоих случаях отсутствует корреляция между зрением и вкусом. Данные соответствия указывают на то, что на уровне индивидуального сознания в целом действуют те же закономерности, что и на уровне языковой системы, которая одновременно обусловлена когнитивными процессами и в то же время влияет на них, являясь частью среды, в которой развивается индивид. Таким образом, рабочая гипотеза о сходстве процессов на индивидуальном уровне и при анализе по языковым единицам частично подтвердилась.

При этом есть и ряд качественных различий между результатами двух анализов. Положительные корреляции в анализе по индивидам при отсутствии корреляций при анализе по словам получены для пар зрение–слух, осязание–слух, обоняние–слух. Для пары вкус–слух при анализе по индивидам получена положительная корреляция, тогда как по словам – отрицательная; зрение и запах, слабо коррелирующие при анализе по словам, не коррелируют при анализе по индивидам.

Очевидно, что почти все различия между двумя типами анализа (4 качественных различия из 5) связаны с аудиальной модальностью: почти не коррелируя с другими модальностями на уровне языка, в рамках индивидуального сознания она умеренно связана с ними, встраиваясь, очевидно, в общую структуру когнитивных механизмов внимания, памяти и воображения, обработки языковой информации.

Влияние факторов пола и образования на оценку перцептивной семантики. На следующем этапе был проведен анализ влияния социодемографических характеристик респондентов на их усредненные оценки по модальностям восприятия.

Чтобы проверить влияние пола на оценки по переменным, по каждой переменной при помощи U-критерия Манна–Уитни сравнивались данные мужчин (N=20) и женщин (N=47). Ни по одной из переменных не было выявлено значимых различий, p-значение варьируется от 0,24 до 0,78.

В финальной выборке имеется достаточное количество участников с гуманитарным образованием (N=33) и техническим образованием (N=16), что позволяет сравнить их результаты друг с другом. Для сравнения данных двух групп также был использован U-критерий Манна–Уитни, который выявил значимые различия по зрительной модальности (U=165,5; p=0,04) и силе связи со вкусом (U=131,5; p=0,005). Участники с гуманитарным образованием в среднем ставят словам более высокие оценки по силе связи со зрением (рис. 2) и вкусом (рис. 3).

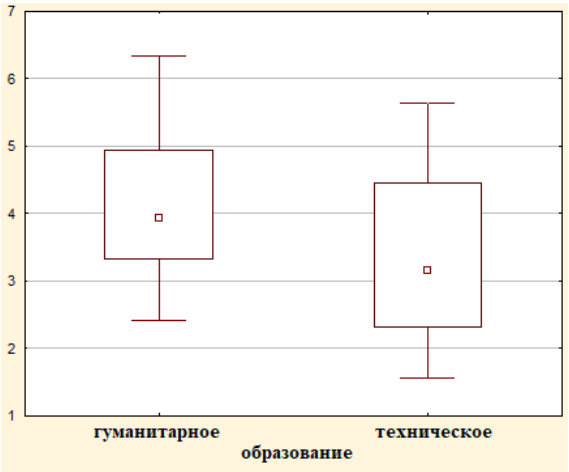

Рис. 2. Сравнение оценок по связи слов с визуальной модальностью в группах с гуманитарным образованием (слева) и техническим (справа). Квадратами представлено медианное значение, прямоугольниками («коробками») – межквартильный интервал (IQR); линиями («усами») – минимальное и максимальное значения

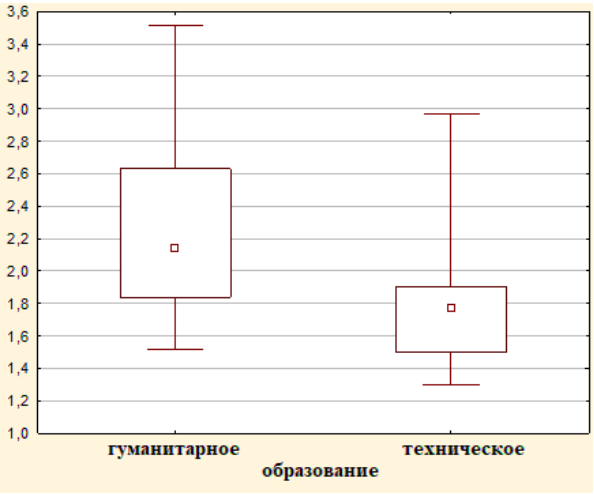

Рис. 3. Сравнение оценок по связи слов со вкусом в группах с гуманитарным образованием (слева) и техническим (справа). Квадратами представлено медианное значение, прямоугольниками («коробками») – межквартильный интервал (IQR); линиями («усами») – минимальное и максимальное значения

По параметрам возраста и уровня образования финальная выборка оказалась недостаточно разнообразна, чтобы можно было применить статистические методы.

Кластерный анализ индивидуальных закономерностей обработки перцептивной семантики. Для того чтобы типологизировать участников исследования по их особенностям обработки перцептивной семантики, был проведен кластерный анализ методом к-средних.

Поскольку известен общий принцип соотношения модальностей по объему информации (в порядке убывания: зрение > осязание > слух > обоняние = вкус), можно вычесть «идеальные» значения для каждого отдельно взятого участника и посмотреть, насколько он/а отклоняется от заданного паттерна. При этом очевидно, что каждый отдельный участник имеет тенденцию к тому, чтобы завышать или занижать оценки относительно среднего (что связано с самой методикой шкалирования), при сохранении общего паттерна по модальностям. Эта разница относительно среднего была рассчитана для каждого участника как

$$D = Mean_P - Mean_All,$$

где Mean_P – среднее значение участника; Mean_All – среднее значение всей выборки по всем переменным. Затем для каждого участника был построен график предсказанных значений по каждой переменной:

$$V_pred = Mean_S + D,$$

где V_pred – предсказанное значение по переменной; Mean_S – среднее значение по данной переменной во всей выборке.

На следующем этапе предсказанные значения были вычтены из реальных (V_real – V_pred, где V_real – реальные значения), что позволило устранить из графика вариативность, связанную с общей закономерностью (порядок модальностей по объему соответствующей информации), сохранив только индивидуальные отклонения от данного паттерна. Для этих новых данных (отклонений от предсказанных значений) была проведена процедура кластерного анализа, и выделены 2 кластера (рис. 4):

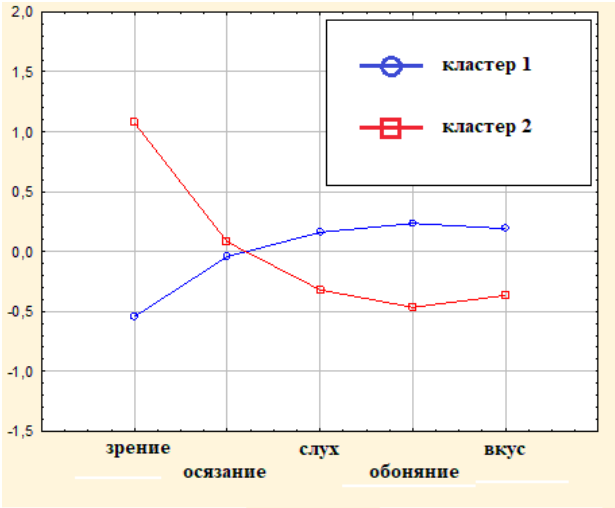

Рис. 4. Результаты кластерного анализа: средние значения по каждой переменной для кластеров № 1 и № 2 (зависимая переменная – реальные значения минус предсказанные)

Кластер № 1 (66% финальной выборки): низкие оценки по визуальной модальности, высокие оценки по аудиальной модальности, обонянию, вкусу;

Кластер № 2 (34% финальной выборки): высокие оценки по визуальной модальности, низкие оценки по аудиальной модальности, обонянию, вкусу.

Тактильная модальность не различает кластеры между собой. Все остальные различия являются статистически значимыми, как было выявлено с помощью U-критерия Манна–Уитни ($p < 0{,}001$ во всех случаях).

Таким образом, анализ отклонений от предсказанных значений позволил выявить два кластера, различающихся между собой по всем модальностям, кроме тактильной.

Выводы

Цель настоящего исследования – провести поисковый анализ индивидуальных различий в хранении перцептивной семантики в сознании. Данная цель была достигнута с использованием собранной ранее психолингвистической базы данных [1], из которой были отобраны данные о связи слов с перцептивными модальностями восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус). К отобранным данным были применены статистические методы (дескриптивные методы, анализ корреляций, непараметрический U-критерий Манна–Уитни, кластерный анализ).

Корреляционный анализ продемонстрировал, что закономерности хранения перцептивной семантики в сознании в целом соответствуют закономерностям, наблюдаемым при анализе по языковым единицам, что объясняется особенностями процесса усвоения языка: индивид получает язык в готовом виде, и, в значительной мере, язык как часть реальности, окружающей среды структурирует индивидуальное сознание в соответствии со своими принципами (ср. антиномию индивидуального и коллективного в языке, сформулированную В. фон Гумбольдтом). При этом есть и отличия: аудиальная модальность в индивидуальном сознании тесно связана со всеми остальными модальностями восприятия, поскольку является частью психической системы (процессов восприятия, памяти, воображения), тогда как в реальности, концептуализированной в языке, множество явлений, воспринимаемых при помощи слуха, например, шум, гул, звон, лязг и т.д., не являются физическими объектами в традиционном понимании, т.е. их нельзя осязать или видеть.

По социодемографическим характеристикам были выявлены значимые отличия между участниками гуманитарного и технического профилей обучения: участники с гуманитарным образованием в среднем ставят словам более высокие оценки по силе связи со зрением и вкусом; по прочим модальностям участники различных профилей не отличаются друг от друга. Дизайн настоящего исследования не позволяет сделать выводов о причинно-следственных взаимоотношениях специальности и оценок по связям с модальностями: возможно, что специализация в определенной сфере влияет на процессы обработки перцептивной семантики; может быть, однако, и так, что способы обработки перцептивной семантики влияют на выбор специализации.

В результате применения кластерного анализа были выявлены 2 группы участников: часть участников (66%) занижает (по сравнению с ожидаемыми) оценки по связи слов со зрительной модальностью и завышает оценки по связи со слухом, вкусом и обонянием. Другая часть финальной выборки (34%) оценивает силу связи с визуальной модальностью выше, чем ожидается, тогда как связь со слухом, вкусом и обонянием – ниже. По силе связи слов с осязанием различий между кластерами не выявлено. Исходя из этого можно предположить, что некоторые участники в большей мере опираются на зрительное восприятие при обработке языковой семантики, чем другие; другие, в свою очередь, активно задействуют и другие каналы восприятия. Следует отметить, однако, что интерпретация данных результатов требует осторожности: во-первых, данный анализ является поисковым и все выявленные закономерности не были предсказаны на основе данных других исследований; во-вторых, выявленные различия, хотя и статистически значимы, в реальных данных были очень слабыми и недоступными для анализа из-за более сильного генерального тренда. То есть абсолютное большинство участников следует общей закономерности (зрение > осязание > слух > обоняние = вкус), и речь в данном случае идет лишь о минимальных индивидуальных отклонениях от идеального паттерна. Кроме того, на данном этапе исследования нельзя сделать однозначный вывод о том, идет ли речь о действительном хранении перцептивной информации в сознании, либо о закономерностях ее субъективного оценивания, что связано с ограничением метода шкалы Ликерта. Различение этих компонентов (хранение информации vs процесс ее субъективного осмысления) требует проведения соответствующего экспериментального исследования, при котором обработка информации будет происходить на неосознаваемом уровне, как, например, в исследованиях с использованием времени реакции или нейровизуализации. Также задача последующих исследований – прояснить, существует ли связь между выявленными типами участников и их социодемографическими, психологическими, когнитивными характеристиками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Здесь и далее до конца списка первый элемент оппозиции относится к западному типу мышления, второй – к восточному.

[2]Под языковым уровнем в данном случае понимается статистическая обработка данных, при которой психолингвистические параметры усредняются по языковым единицам, т.е. единицей анализа является слово, и исследуются его параметры. Под уровнем индивида понимается усреднение данных по участникам исследования, при котором единицей анализа является отдельный индивид, и исследуются особенности хранения и обработки языковой информации в индивидуальном сознании.

[3]При кодировании данных об условном номере участника/цы (ID) были допущены отдельные ошибки, в результате чего небольшому количеству участников были присвоены одинаковые порядковые номера. Поскольку данные хранятся в анонимном виде, установить личности

участников и соотнести номера с индивидуальными признаками невозможно. В связи с этим все повторяющиеся номера были удалены из настоящего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // Journal of psycholinguistic research. 2018. T. 47, № 3. P. 641–661.
2. de Goede M. Gender differences in spatial cognition. – Utrecht University, 2009.
3. Geary, D. C., Saults, S. J., Liu, F., & Hoard, M. K. Sex differences in spatial cognition, computational fluency, and arithmetical reasoning // Journal of Experimental child psychology. 2000. T. 77, № 4. P. 337–353.
4. Lawton C.A. Gender differences in way-finding strategies: Relationship to spatial ability and spatial anxiety //Sex roles. 1994. T. 30, № 11–12. P. 765–779.
5. Coluccia E., Louse G. Gender differences in spatial orientation: A review //Journal of environmental psychology. 2004. T. 24, № 3. P. 329–340.
6. Staplin L., Lyles R.W. Age differences in motion perception and specific traffic maneuver problems // Transportation Research Record. 1991. № 1325.
7. Gibson S.J., Helme R.D. Age-related differences in pain perception and report // Clinics in geriatric medicine. – 2001. T. 17, № 3. P. 433–456.
8. Nisbett R.E., Masuda T. Culture and point of view //Proceedings of the National Academy of Sciences. 2003. T. 100, № 19. P. 11163–11170.
9. Simonsen H.G. et al. Imageability of Norwegian nouns, verbs and adjectives in a cross-linguistic perspective //Clinical linguistics & phonetics. 2013. T. 27, № 6–7. P. 435–446.
10. Миклашевский А.А. Влияние факторов пола и возраста на процессы вербального vs образного кодирования информации: экспериментальное исследование // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 55–62.
11. Chobert J., Besson M. Musical expertise and second language learning // Brain Sciences. 2013. T. 3, № 2. P. 923–940.
12. Yang H. et al. A longitudinal study on children's music training experience and academic development // Scientific reports. 2014. T. 4.
13. Zeromskaite I. The potential role of music in second language learning: A review article // Journal of European Psychology Students. 2014. T. 5, № 3.
14. Intartaglia B. et al. Music training enhances the automatic neural processing of foreign speech sounds // Scientific reports. 2017. T. 7, № 1.
15. Bidelman G.M., Hutka S., Moreno S. Tone language speakers and musicians share enhanced perceptual and cognitive abilities for musical pitch: evidence for bidirectionality between the domains of language and music // PloS one. 2013. T. 8, № 4.
16. Krause F. et al. Different brains process numbers differently: structural bases of individual differences in spatial and nonspatial number representations // Journal of Cognitive Neuroscience. 2014. T. 26, № 4. P. 768–776.
17. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and brain sciences. 1999. Vol. 22, № 4. P. 577–660.
18. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annu. Rev. Psychol. 2008. Vol. 59. P. 617–645. doi:10.1146/annurev.psych.59.103006.093639.
19. Pulvermüller F. Meaning and the brain: The neurosemantics of referential, interactive, and combinatorial knowledge // Journal of Neurolinguistics. 2012. Vol. 25, № 5. P. 423–459.
20. Pulvermüller F. How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics // Trends in cognitive sciences. 2013. Vol. 17, № 9. P. 458–470.
21. Pulvermüller F., Shtyrov Y., Hauk O. Understanding in an instant: neurophysiological evidence for mechanistic language circuits in the brain // Brain and language. 2009. Vol. 110, № 2. P. 81–94.
22. Pulvermüller F., Härle M., Hummel F. Neurophysiological distinction of verb categories // Neuroreport. 2000. Vol. 11, № 12. P. 2789–2793.
23. Pulvermüller F., Härle M., Hummel F. Walking or talking?: Behavioral and neurophysiological correlates of action verb processing // Brain and language. 2001. Vol. 78, № 2. P. 143–168.
24. Pulvermüller F. Brain reflections of words and their meaning // Trends in cognitive sciences. 2001. Vol. 5, № 12. P. 517–524.
25. Hauk, O., Johnsrude, I., Pulvermüller, F. Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex // Neuron. 2004. Vol. 41, № 2. P. 301–307.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 октября 2018 г.

INDIVIDUAL DIFFERENCES IN THE STORAGE OF PERCEPTUAL SEMANTICS: AN EXPLORATORY STUDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 30–37.
DOI: 10.17223/15617793/436/4

Alex A. Miklashevsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: armanster31@gmail.com

Keywords: databases; perceptual semantics; embodied cognition; individual differences; statistical methods.

The results were obtained in the framework of State Assignment No. 34.8862.2017/9.10.

Individual differences of cognitive processes are in the focus of today's research. Gender, age, cultural and professional experiences are considered as important factors influencing human cognition at all levels (perception, categorization, high-level cognitive processing of symbols, such as numbers or words). Embodied cognition theory considers perception and language as tightly linked systems, thus leading to the concept of perceptual semantics, i.e., the whole volume of perceptual information associated with and allowing humans to understand a particular linguistic unit. In the present study, individual differences in the storage of perceptual semantics are investigated. Perceptual semantics is understood as visual, tactile, auditory, olfactory and gustatory experiences associated with the word. A database collected in an earlier study (Miklashevsky, 2018) is used as a source of psycholinguistic data. The study is exploratory, so a preliminary hypothesis was formulated: the storage of perceptual semantics in the individual mind (i.e., when the data are averaged by a participant) should follow the same principles as at the general linguistic level (i.e., when the data are averaged by item) revealed in the earlier study (Miklashevsky, 2018). Statistical methods were used, particularly descriptive statistics, correlational analysis, the Mann-Whitney U test, cluster analysis (k-means). As a result of the study, a pattern similar to a general pattern at linguistic level was revealed. Namely, individuals have the following sequence of perceptual information associated with linguistic units (volume of information, descending): visual information > tactile information > auditory information > (olfactory information = gustatory information). Similar correlation between these types of information are observed at both individual (averaged by participant) and general linguistic (averaged by word) levels. The main difference is related to auditory modality: it is associated with other modalities at the individual level (the correlations are positive), when at linguistic level no such associations or even negative associations were found (absent or negative correlations). No influence of gender on perceptive semantics was revealed. It was found that participants studying humanities give higher ratings of visual and gustatory modality than those who study

technical disciplines. Two clusters were revealed: group 1 (66% of the sample), which rated visual modality lower than expected, when auditory, olfactory and gustatory modalities higher than expected; group 2 (34% of the sample) with a reversed pattern: higher ratings of visual, lower ratings of auditory, olfactory and gustatory modalities. No differences in the haptic modality are found. The results of this exploratory study might motivate future research investigating revealed regularities by using behavioral (such as reaction time measurement) and neuroimaging methods.

REFERENCES

1. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47(3). pp. 641–661. DOI: 10.1007/s10936-017-9548-1
2. de Goede, M. (2009) *Gender differences in spatial cognition*. Utrecht University.
3. Geary, D.C., Saults, S.J., Liu, F., & Hoard, M.K. (2000) Sex differences in spatial cognition, computational fluency, and arithmetical reasoning. *Journal of Experimental Child Psychology*. 77(4). pp. 337–353. DOI: 10.1006/jecp.2000.2594
4. Lawton, C.A. (1994) Gender differences in way-finding strategies: Relationship to spatial ability and spatial anxiety. *Sex Roles*. 30(11–12). pp. 765–779.
5. Coluccia, E. & Louse, G. (2004) Gender differences in spatial orientation: A review. *Journal of Environmental Psychology*. 24(3). pp. 329–340. DOI: 10.1016/j.jenvp.2004.08.006
6. Staplin, L. & Lyles, R.W. (1991) Age differences in motion perception and specific traffic maneuver problems. *Transportation Research Record*. 1325.
7. Gibson, S.J. & Helme, R.D. (2001) Age-related differences in pain perception and report. *Clinics in Geriatric Medicine*. 17(3). pp. 433–456. DOI: 10.1016/S0749-0690(05)70079-3
8. Nisbett, R.E. & Masuda, T. (2003) Culture and point of view. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 100(19). pp. 11163–11170. DOI: 10.1073/pnas.1934527100
9. Simonsen, H.G. et al. (2013) Imageability of Norwegian nouns, verbs and adjectives in a cross-linguistic perspective. *Clinical Linguistics & Phonetics*. 27(6–7). pp. 435–446. DOI: 10.3109/02699206.2012.752527
10. Miklashevskiy, A.A. (2015) The influence of age and sex on verbal vs visual processing of information: an experimental study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/8
11. Chobert, J. & Besson, M. (2013) Musical expertise and second language learning. *Brain Sciences*. 3(2). pp. 923–940. DOI: 10.3390/brainsci3020923
12. Yang, H. et al. (2014) A longitudinal study on children's music training experience and academic development. *Scientific Reports*. 4. DOI: 10.1038/srep05854
13. Zeromskaite, I. (2014) The potential role of music in second language learning: A review article. *Journal of European Psychology Students*. 5(3). DOI: 10.5334/jeps.ci
14. Intartaglia, B. et al. (2017) Music training enhances the automatic neural processing of foreign speech sounds. *Scientific Reports*. 7(1). DOI: 10.1038/s41598-017-12575-1
15. Bidelman, G.M., Hutka, S. & Moreno, S. (2013) Tone language speakers and musicians share enhanced perceptual and cognitive abilities for musical pitch: evidence for bidirectionality between the domains of language and music. *PloS One*. 8(4). DOI: 10.1371/journal.pone.0060676
16. Krause, F. et al. (2014) Different brains process numbers differently: structural bases of individual differences in spatial and nonspatial number representations. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 26(4). pp. 768–776. DOI: 10.1162/jocn_a_00518
17. Barsalou, L.W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*. 22(4). pp. 577–660. DOI: 10.1017/S0140525X99002149
18. Barsalou, L.W. (2008) Grounded cognition. *Annu. Rev. Psychol*. 59. pp. 617–645. DOI: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093639
19. Pulvermüller, F. (2012) Meaning and the brain: The neurosemantics of referential, interactive, and combinatorial knowledge. *Journal of Neurolinguistics*. 25(5). pp. 423–459. DOI: 10.1016/j.jneuroling.2011.03.004
20. Pulvermüller, F. (2013) How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*. 17(9). pp. 458–470. DOI: 10.1016/j.tics.2013.06.004
21. Pulvermüller, F., Shtyrov, Y. & Hauk, O. (2009) Understanding in an instant: neurophysiological evidence for mechanistic language circuits in the brain. *Brain and Language*. 110(2). pp. 81–94. DOI: 10.1016/j.bandl.2008.12.001
22. Pulvermüller, F., Härle, M. & Hummel, F. (2000) Neurophysiological distinction of verb categories. *Neuroreport*. 11(12). pp. 2789–2793. DOI: 10.1097/00001756-200008210-00036
23. Pulvermüller, F., Härle, M. & Hummel, F. (2001) Walking or talking?: Behavioral and neurophysiological correlates of action verb processing. *Brain and Language*. 78(2). pp. 143–168. DOI: 10.1006/brln.2000.2390
24. Pulvermüller, F. (2001) Brain reflections of words and their meaning. *Trends in Cognitive Sciences*. 5(12). pp. 517–524. DOI: 10.1016/S1364-6613(00)01803-9
25. Hauk, O., Johnsrude, I. & Pulvermüller, F. (2004) Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex. *Neuron*. 41(2). pp. 301–307. DOI: 10.1016/S0896-6273(03)00838-9

Received: 28 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 38–48. DOI: 10.17223/15617793/436/5

УДК 398. 82-344

Т.А. Мирвода

ДЕТСКИЙ СТРАШНЫЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ МНОГООБРАЗИИ ТРАДИЦИИ

Обосновывается необходимость рассмотрения детских страшных историй как самодостаточной и многожанровой области детского фольклора в виду очевидной неоднородности произведений, причисляемых исследователями и самой средой к данной традиции. На основании накопленной по данному вопросу теоретической базы и собственных наблюдений за живой традицией, автор статьи предлагает универсальную систему жанров и жанровых разновидностей детского страшного повествовательного фольклора, охватывающую его наиболее известные и распространенные явления.

Ключевые слова: детский фольклор; детский страшный повествовательный фольклор; детские страшные истории; страшилка; пугалка; антистрашилка; антипугалка; детские былички; истории о вызываниях, современный фольклор.

Не секрет, что среди современных детей, подростков и молодежи (впрочем, вероятно, как и среди более старших поколений) заметным спросом пользуются истории о страшном, мистическом, пугающем, необычном и / или удивительном. Причем существенный пласт среди всего многообразия «страшных» текстов, даже в эпоху перемещения фольклора в цифровое пространство, занимают нарративы, большинством исследователей обозначаемые как «детские страшные истории».

Обыкновенно под данным термином понимаются истории, повествующие о красной руке, черной простыне, Пиковой даме и т.п., а также связанные с ними некоторыми персонажами и ситуацией исполнения рассказы о вызываниях, былички, пугалки и тексты пародического характера (антистрашилки, антипугалки и т.п.), впервые обратившие на себя внимание советских ученых (в частности, О.Н. Гречиной) в 1960-е гг. [1. С. 85; 2. С. 348].

Благодаря внушительному уже к настоящему времени количеству работ по детским страшным историям и разрабатываемым в них исследовательским направлениям, в научном сознании постепенно закрепилась картина практически полной изученности данной области народного творчества.

Действительно, уже собрано множество текстов, подробно описаны механизмы возникновения и обстановка рассказывания страшных историй [3, 4], а также поэтика даже их самых нерегулярных вариантов [1], выявлены и проанализированы явные и неявные мифологические и культурные архетипы ведущих мотивов страшных историй, охарактеризованы наиболее популярные сюжеты, предпринята попытка их систематизации и типологизации [1, 4–9] рассмотрены особенности некоторых локальных традиций детского страшного повествования [10–15]. Кроме того, литературоведы активно изучают аспекты взаимодействия современной литературы и страшных историй [16–27]; лингвисты на их материале разрабатывают методики преподавания русского языка как иностранного [28, 29]; особенности восприятия страшилок рассматриваются в психолингвистике [30]; дошкольные педагоги периодически обращаются к материалам детского страшного повествовательного фольклора при обучении родному языку и литературе [31]; психологи регулярно используют фольклорные тексты для определения и описания детских страхов и т.п.

Однако исследователи из упомянутых сфер не всегда оказываются последовательны в обращении и с самим фольклорным материалом, и с уже имеющимися по нему научными наработками, выполненными их предшественниками. В подавляющем числе трудов по детским страшным историям усматривается один общий момент: вся традиция по умолчанию отождествляется с одним жанром – страшилки, причем границы этого жанра остаются неясны, поскольку автор, в рамках своей научной работы, свободно переключается между описанием / анализом традиции в целом и описанием / анализом жанра страшилки. При том, что поэтическая и функциональная неоднородность нарративов, относящихся к традиции детского страшного повествования, отмечается многими исследователями. Правда, в основном бессознательно, если судить по наиболее распространенным классификациям, смешивающим в своей системе разноуровневые критерии разграничения материала (смотри классификации Г.И. Мамонтовой [32. С. 78], Т.В. Зуевой [33. С. 147–148], М.П. Чередниковой [1. С. 92–204], А.С. Мутиной [11] и др.).

Имеет место и другая крайность – при том же подходе к детским страшным историям (как к полиформатному жанру народного творчества), вкупе с ними нередко рассматриваются вызывания (что может быть уместно только при самом широком их понимании)[1] и игры соответствующей тематики («Комната страха», «Панночка помэрла» и т.п.)[2], в том числе и некоторые словесные, а также – садистские стишки[3].

Кроме того, наряду с произведениями устного детского творчества, в качестве оных, без соответствующих помет часто привлекаются и произведения фольклора взрослого, а также – сетевой словесности[4].

Подобное положение дел свидетельствует об отсутствии в науке четкого понимания содержимого и охвата традиции детского страшного повествования, для именования которой по умолчанию принят термин «детские страшные истории», сам по себе имеющий довольно расплывчатые очертания, так как им обозначают и конкретный жанр, и традицию в целом, а также вполне возможно обозначить и любые иные нарративы, прямо или косвенно провоцирующие переживание страха и бытующие среди детей и подростков.

Явные намеки на необходимость выделения в традиции детского страшного повествования не только

страшилки, но и других жанров, а также попытки их определения, анализа и выстраивания в систему, присутствуют в трудах М.П. Чередниковой [1], С.М. Лойтер [5, 6] и В.А. Шевцова [7–9].

Однако работа в этом направлении ими так и не была продолжена. К сожалению, поскольку наличие к настоящему времени базы данных детских страшных историй, внутри которой, в соответствии с известными жанровыми образованиями, мог бы быть выстроен весь имеющийся полевой материал, существенно бы облегчило жизнь исследователям сетевой словесности в целом и страшного сетевого фольклора в частности, изучение которых представляется весьма актуальным и перспективным направлением современной филологии, поскольку произведения народного творчества, формирующие указанные области, в основном являют собой не разрозненные и новаторские образования, а огромный хитросплетенный клубок из давно известных фольклористам форм народного творчества, умело приспособившихся к жизни в сетевой реальности.

Кроме того, как было вскользь упомянуто ранее, функциональная (напугать, развлечь, рассмешить и т.д.) и поэтическая (свои образы, структура, художественные приемы и т.п.) неоднородность детских страшных историй, обусловленная различным генезисом обозначаемых этим термином нарративов (переняты от взрослых, сформированы путем синтеза готовых произведений и форм фольклорного и / или литературного и кинематографического происхождения, являются продуктами собственно детского творчества; произошли от заговоров / сказок / бывальщин и / или других детских страшных историй; возникли в разные временные периоды и т.п.), а также знания, накопленные по данной области, не позволяют продолжать рассматривать все относящиеся к ним образования как вариации одного жанра.

Вышеназванные факторы подвели нас к необходимости предложить собственную систему жанров и жанровых разновидностей детского страшного повествования, традицию которого мы считаем более корректным обозначать как «детский страшный повествовательный фольклор»[5] (в виду позиционирования ее как самостоятельной области детского фольклора[6], необходимой нам для отграничения в общей массе детского творчества произведений, связанных с переживанием страха, а также их производных – пародических нарративов, сохранивших формальные атрибуты оригинальных текстов и устрашающую завязку, но обзаведшихся дискредитирующей нагнетаемый ужас развязкой).

На данном этапе выглядит она следующим образом.

Область: Детский страшный повествовательный фольклор (ДСПФ).

Жанр: Страшилка (страшная история, страшный рассказ, страшный анекдот, страшные сказки, сказки-страшилки[7] // пионерские / лагерные / советские / постсоветские страшилки, несерьезные истории[8]).

Страшилка является наиболее известным и, как следствие, наиболее изученным жанром среди детских страшных историй в целом. Это также и самый распространенный в живой среде жанр ДСПФ, что объясняет наличие у него некоторого количества жанровых модификаций. Возник в городской среде, в известном нам виде, вероятнее всего, окончательно сформировался в послевоенные годы. Исследователями впервые был зафиксирован в 1960-е гг. Сейчас обнаруживается не только в городе, но и в сельской местности среди детей 9–13 лет. В настоящее время гораздо активнее, чем в устном бытовании, проявляет себя в интернете.

Жанровые разновидности страшилки:

«Классические» страшилки (обыкновенно строятся по сюжетному типу, в котором один мальчик / одна девочка нарушает данный взрослым запрет, чем сразу привлекает внимание «вредителя», уничтожающего, в итоге, всю семью героя и, нередко, его самого; при этом ничем не мотивированы поступки ни детей, ни взрослых, ни вредителей; начавшиеся злоключения можно остановить только уничтожением одной из сторон):

Мама уходила на работу и сказала мальчику не слушать черную пластинку. Мама ушла. Мальчик достал эту пластинку и поставил ее. Вдруг слышит, голос с этой пластинки говорит: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, сейчас задушат мальчика они, да-да!» Мальчик испугался и выключил пластинку. Когда мама вернулась с работы, то оказалось, что у нее нет руки. На следующий день мальчик снова поставил пластинку. Пластинка снова заиграла: «Бегут, бегут...» Мама вернулась с работы без второй руки. На следующий день мальчик снова слушал пластинку, а голос повторял: «Бегут, бегут...» Мама вернулась с работы без ноги. На следующий день все повторилось, и она пришла без второй ноги. А на следующий день не вернулась вообще. Мальчик снова поставил пластинку и услышал: «Бегут, бегут...»

Вдруг в дверь раздался звонок. Мальчик глянул в глазок и увидел, что на него смотрят зеленые глаза. Он посмотрел на них и умер. Когда мальчика в морге обследовал доктор, то он заглянул мальчику в глаза и тоже умер[9].

Страшилки-пугалки (истории, сложившиеся в результате контаминации жанров страшилки и пугалки, т.е. сочетающие в себе повествование-зачин (обыкновенно не отличающееся от повествования «классической» страшилки) и ошарашивающую слушателей резкую развязку):

У одной девочки умерла мама. Когда она умирала, то оставила девочке большую шкатулку с украшениями. Девочка все эти украшения раздарила, и у нее ничего не осталось. Тогда она вспомнила, что у матери на пальце было золотое кольцо. Она пошла ночью на кладбище, разрыла могилу и открыла гроб. Но кольцо никак не снималось. Тогда девочка вместе с этим кольцом отрезала и сам палец. Потом это кольцо стала носить. На следующую ночь кто-то позвонил ей в дверь. Она открыла и увидела свою мать. Девочка спросила: «Что тебе нужно?» – «ОТДАЙ МОЙ ПАЛЕЦ!»[10].

Кроме того, встречаются тексты, явно отсылающие нас к жанру волшебной сказки – помимо зачина «жили-были» и сквозного троекратного повторения, характерных и для сказок, и для многих страшилок, в

данном типе текстов также наличествуют сказочные мотивы разрубания, отсечения частей тела, чудесного исцеления, волшебства, оборотничества, погони и т.п. Однако главным отличительным признаком является счастливый финал истории, в котором не только оказывается спасенным главный герой, но и воскресают члены его семьи, что, по определению, невозможно для страшилок классического типа. Условно данную разновидность можно было бы обозначить как «***страшилка-сказка***», но подобное явление не отличается регулярностью, поэтому как строгую категорию мы его пока тоже не выделяем:

В одной семье были старые карты, в них была добрая пиковая дама. Они купили новые карты, там была злая пиковая дама. Вот легли они спать, утром просыпается дочка и мама, а отца нету, только записка на его кровати: «Ваш отец на кладбище». Поплакали дочка с матерью, отнесли цветы на могилу. Вечером они вдвоем спать легли. Утром просыпается дочка, а матери и нету. И опять такая же записка лежит. Долго плакала и думала девочка, кто это может делать? Спит она ночью, вдруг что-то зашевелилось, испугалась девочка, встала с постели. Входит тут в комнату Пиковая дама, стукнула она девочку по спине, и вырос у нее горб, а лицом красивая девочка была. Сделала Пиковая дама это и растворилась в воздухе. Утром пришла девочка на могилу отца, а там записка: «Приходи сегодня ночью к моей могиле, не пожалеешь!» Прочитала девочка, и как ни страшно было ей, а решила она на кладбище пойти. Вот, только час ночи пробило, пошла девочка к могиле отца. Пришла она. Из могилы отцовский голос доносится: «Дочь моя милая, возьми эту мазь, коли сегодня ничего с тобой не случится, приди домой, топором отруби себе горб и этой мазью спину намажь, и будешь ты тогда, как и была, красивая и умная». Взяла девочка мазь и пошла домой. Но только она шаг ступила, как открылась ближайшая могила и оттуда вышла Пиковая дама. Погналась за девочкой она, долго она за ней гналась, да догнать не успела. Вбежала девочка в дом, схватила нож со стола и пронзила им Пиковую даму. Сделала, как ей отец сказал, и легла спать. Утром проснулась, а мать с отцом живые и здоровые. Они еще долго жили[11].

Некоторые исследователи также выделяют ***страшилки-были*** [15. С. 139; 35. С. 43] и ***детские слухи-толки*** [1. С. 174]. Но мы не разделяем данную точку зрения, так как приводимые названными исследователями критерии не кажутся достаточными основаниями для выделения подобных текстов в отдельные группы.

Главный принцип выявления страшилок-былей – это явная установка на достоверность, содержащаяся, по мнению выделяющих их специалистов, в зачинающих фразах типа «с одной девочкой было дело». Но, по сути, все страшилки, вне зависимости от наличия или отсутствия подобного зачина, априори подразумевают установку на достоверность, иначе бы они просто не оказывали ожидаемого эффекта. Тем более что многие дети, вне зависимости от роли (слушатели или рассказчики), на определенном этапе знакомства со страшными историями верят в их реальность. Другими же отличительными приметами страшилки-были не обладают.

Что же касается детских слухов-толков – по приводимым М.П. Чередниковой примерам можно объяснить их выделение на общем фоне лишь наличием в их тексте «городских» образов злодеев: бандитов, продавцов, мясников и т.п., т.е. не относящихся к членам семьи взрослых.

Открытым также остается вопрос, выделять ли как самостоятельный жанр детские былички. Сейчас мы и сами не готовы дать на него однозначный ответ, так как материал, определяемый исследователями [13, 15, 35–37] подобным образом, очень и очень неоднороден – и по содержанию, и по структуре, в связи с чем можно высказаться как за, так и против подобной атрибуции. Поэтому на данном этапе мы решили обозначить и отдельный жанр – детские былички, и жанровую разновидность – страшилки-былички.

Предлагаем определять и различать их следующим образом.

Страшилки-былички – это страшилки, в которых от былички перенято именование вредителя и / или локус, но логика изложения при этом как в обычной страшилке. Нередко в качестве главных героев в них действуют взрослые. Злодеи же в данном типе историй с персонажами традиционных быличек имеют только общие родовые названия (ведьмы, покойники, вампиры и т.д.). При этом они утратили главные отличительные черты и способности, став безликими, как герои и вредители «классических» страшилок, и легко обменивающимися друг с другом функциями (например, кровь могут высасывать и ведьмы, и покойники, и вампиры). Обыкновенно от этих злодеев вообще невозможно никак спастись:

Бабушка-ведьма

Девчонка одна приехала в деревню к своей бабушке. Бабушка ей вечером говорит: «Не ходи в хлев к свинье». А девчонка не послушалась и пошла в хлев к свинье. Свинья бросилась на девчонку, но она ей палкой ногу перешибла и убежала. А утром она просыпается и видит: у ее бабушки нога забинтована. Она ее спрашивает: «Бабушка, а что у тебя с ногой?». А та ей: «С печки упала». Девчонка вечером опять пошла в хлев. Свинья на нее набросилась, а она ее снова палкой. Утром встает, а у ее бабушки вторая нога забинтована. Девочка опять вечером в хлев пошла. Опять на нее свинья набросилась. Девочка в нее камнем кинула и убежала. А ночью к ней подходит бабушка, вся зеленая, и задушила ее[12].

Один шофер возвращался из рейса, проезжал мимо кладбища. Вдруг он случайно заметил свет на одной из могил. Он решил подъехать поближе. Вот что он увидел: мертвецы, вурдалаки, упыри сидели на могиле и разжигали костер. Затем они стали кричать, другие плясать вокруг костра. Шофер хотел было уехать, но мертвецы его заметили и бросились к машине. Они вытащили шофера из машины и стали раздирать на части. На утро милиция обнаружила труп, валявшийся недалеко от могилы[13].

Жанр: Детская быличка – повествование, опознаваемое по следующим характерным признакам: 1) наличие образов мистических существ, явно заимствованных из взрослых мифологических рассказов и необязательно причиняющих вред человеку; 2) перенятые персонажи (в отличие от большинства вредителей «классических» страшилок) в качестве особых примет могут иметь не только заданный цветовой эпитет, относящийся к какой-либо из частей тела, но и наделяться как бы по ходу действия подмечаемыми главным героем атрибутами – копытами, рогами, неменяющейся одеждой, отрубленными или травмированными частями тела и т.п.; 3) главными героями выступают исключительно взрослые (включая молодежь и стариков); 4) события обычно разворачиваются в сельской местности, а не в городе; 5) происходящее затрагивает не одну семью, а несколько, часто даже все поселение; 6) от сил зла можно спастись, в том числе традиционными для быличек способами – узнаванием, молитвой, крестным знамением, задабриванием, обращением к знающим и т.п.; 7) наличие мотивов, не характерных для детского сознания – умершая мать приходит кормить грудью ребенка, человек встречает на дороге призрака, предвещающего катаклизм, парень или девушка заводят отношения с покойным, мертвый муж возвращается к тоскующей жене и т.п.:

Белое платье

У одного мужика умерла жена. И вот он пошел в ресторан. И увидел женщину в белом платье, очень похожую на его жену. Он сел с ней за столик. И во время разговора случайно пролил красное вино ей на платье, и осталось пятно. А потом случайно уронил вилку, полез доставать и увидел, что у ней под платьем копыта. Но ей ничего не сказал.

А на следующий день он пошел на кладбище и позвал своих друзей. Они пришли, раскопали могилу, а там лежит его жена в белом платье, а на нем красное пятно, а из-под платья торчат копыта вместо ног. И тогда они все сожгли, а из могилы доносились стоны[14].

Предложенное разграничение страшилок-быличек и детских быличек весьма условно и нуждается в дальнейшей методологической проработке, так как множество текстов располагаются на их пересечении.

А вот отличить детскую быличку от классической страшилки уже гораздо проще. По мнению М.П. Чередниковой [1. С. 145], главное их различие заключается в мотивировках появления потусторонней силы перед живым человеком. В первых оно связано с «физическим» нарушением табуированного традицией поведения, во вторых – с психологической реакцией на новый предмет из «чужого» мира, поскольку ни сам запрет, ни его нарушение в страшилках не имеют четкой сюжетной мотивировки.

В отличие от страшилок, являющихся самобытным оригинальным творчеством городских детей, детские былички изначально возникли в сельской среде на базе столкновения традиционных мифологических представлений, усвоенных детьми от взрослых, со страшными историями городских детей. К настоящему моменту детские былички также более распространены в интернете, нежели в устной форме.

Жанр: Антистрашилка (антистрашилка, пародии на страшные истории / рассказы, страшный анекдот // страшилки-смешилки, смешные страшилки).

Предположительно возникли в 70-е гг. XX в. Их можно считать одновременно и реакцией на ужасы страшилок, и следующей ступенью эволюции данного жанра. Но поскольку страшилки и антистрашилки сосуществуют параллельно, и каждый из этих жанров уже имеет собственные разновидности, нам представляется более адекватным рассматривать их как самостоятельные по отношению друг к другу формы, хотя и близкородственные. Кроме того, при более тщательном рассмотрении, можем увидеть, что набор вредителей в страшилках и антистрашилках существенно различается: в противовес пятну, руке, шторам и т.п. мы обнаруживаем котенка, чертика, играющего в машинки, Карлсона и т.д. В 90-е гг. данный жанр по популярности даже превосходил страшилки, однако сейчас, в интернете, они уровняли свои позиции.

<u>Жанровые разновидности антистрашилки:</u>

Антистрашилки-страшилки (повествования, использующие жанровую оболочку страшилки; в них герои калечатся или погибают по мистической, но абсурдной причине):

«Рука схватила за шею маму...»

Жила одна семья. И вот однажды в их квартире стала появляться из стены рука. Сначала эта рука схватила за шею маму и втащила в стену. Мама больше не вернулась. Потом рука задушила и затащила в стену папу, бабушку и маленького мальчика. Тогда решили все-таки узнать, что же произошло. Стали ломать дом. Оказалось, что у этой квартиры была двойная стена. Когда сломали эту стену, то увидели, что там сидит маленький чертик и играет в машинки – скорости переключает[15].

Собственно антистрашилки (используют жанровую форму или завязку страшной истории, но никто не погибает (за исключением персонажей, умерших до начала непонятных происшествий); комическая развязка):

Происшествие в купе № 666

В один поезд, в одно купе продали два билета. Проводница говорит: «Не переживайте, у нас есть свободное купе № 666. Правда, в нем никто и никогда не ездит – боятся.» «Ну ладно, – говорит одна семья, – мы не испугаемся.» Поселились они в этом купе. Спят ночью, только дочери их не спится. Чудится ей какой-то шорох в купе. Вдруг она увидела, что в купе въехал черный гроб. Испугалась девочка и закричала, но никто не проснулся. Тогда она топором стукнула по гробу. Из гроба на коленях вылез чертенок и заревел: «Зачем ты мою последнюю "дребезику" сломала?! Мне мама больше не купит»[16].

Одному человеку надо было идти на работу в ночную смену. А дорога шла через кладбище. Он очень боялся. И когда увидел человека, очень обрадовался. Подошел к нему и попросил: «Послушайте, я очень боюсь идти через кладбище, покойничков боюсь очень. Проводите меня». – «Пожалуйста, проведу, – сказал он, – только чего нас бояться, мы народ смирный»[17].

Реалистические антистрашилки (в них также повторяется зачин страшилки, но всем происходящим «ужасам» находится бытовое объяснение; герои могут умереть от страха, но чаще всего остаются невредимы):

Новая квартира

Одна семья получила новую квартиру. Они переехали и в одной из комнат начали справлять новоселье. Вдруг в соседней комнате послышалось: «Кап ... кап ... кап ... кап». Папа пошел посмотреть, что там случилось, но не вернулся. Тогда пошел туда старший сын и тоже не вернулся. Затем пошла туда мама, но и она не вернулась. А из соседней комнаты так и слышалось: « Кап ... кап… кап…». Тогда младший сын побежал в милицию и привел с собой целый отряд. Ворвались они в комнату, а там стоят папа, мама и старший брат и пытаются закрыть кран[18].

По мнению Е.А. Костюхина [39. С. 164], данные произведения не стоит рассматривать просто как пародии на страшилки. Это альтернативные тексты, поскольку главной их целью является не высмеивание устоявшейся жанровой формы или паразитирование на ней (что характерно для пародических произведений), а реализация еще одного метода борьбы со страхом – не только посредством его проживания в безопасной обстановке (как это происходит благодаря страшилкам), но еще и за счет его высмеивания.

Жанр: Пугалка (паранарративы, страшилки эффекта // кричащие страшилки).

Не самый распространенный жанр в русском ДСПФ. Однако, судя по специфической форме изложения и наличию в детском фольклоре зарубежных стран нарративов, аналогичных по структуре и исполнению нашим пугалкам (но гораздо более вариативных по содержанию), можно предположить, что это самый древний по происхождению жанр в русском ДСПФ и, не исключено, заимствованный – скорее всего, из европейского фольклора. Правда, на данном этапе изученности данной формы, сложно даже примерно сказать, в какие годы она возникла в мировом фольклоре вообще и когда была перенята – очевидно только, что это произошло раньше XX в. В настоящее время также встречается в интернете, но гораздо реже других жанров ДСПФ.

Жанровые разновидности пугалки:

Пугалки – кумулятивные монотонные повествования, обыкновенно начинающееся со слов «В черном-черном…» и резко обрывающееся оглушительным и неожиданным возгласом рассказчика типа «Отдай мое сердце (палец / и т.п.)!», а также попыткой схватить / ущипнуть / защекотать ближайшего слушателя:

Ты заходишь в черный, черный лес. Идешь по черной, черной дороге, подходишь к черной, черной избушке, открываешь черную, черную дверь. Заходишь в черную, черную комнату, в комнате стоит черный, черный стол. На столе стоит черный, черный гроб. Из этого гроба встает черный, черный человек... Он протягивает к тебе руки – «Отдай мое сердце!»...[19].

Страшилки-пугалки (в данном случае эквивалентны страшилкам-пугалкам как жанровой разновидности страшилок. Приводятся нами и там, и там по причине равноправия наличествующих в данном типе историй элементов пугалки (внезапная вокативная и, предполагается, акционная развязка) и страшилки (повествование в духе «классической» страшилки до самого финала, вместо кумулятивного повествования пугалки).

Антипугалки, «странные» и «страшные» фабулаты и истории о вызываниях относятся к наименее регулярным из названных жанровых форм и практически не исследованы, поэтому на данном этапе мы не можем установить для них наличие или отсутствие жанровых разновидностей.

Жанр: Антипугалка – пугалка с ошарашивающей комической развязкой:

Черный автомобиль

В черном, черном городе, черной, черной ночью ехал черный, черный автомобиль. Этот черный, черный автомобиль выехал из черного, черного города. Черный, черный автомобиль ехал по черной, черной дороге и подъехал к черному, черному лесу. Из черного, черного автомобиля вышли два черных, черных человека. Они подошли к черному, черному дереву, и один черный, черный человек говорит другому черному, черному человеку: «Шеф, писать будем здесь?»[20].

Довольно редкий жанр, как в устной, так и в интернет-среде. Возник на основе пугалок, способом, аналогичным механизму образования антистрашилок. Также не является пародией на пугалку, а служит еще одной формой преодоления детских страхов посредством смеха.

Жанр: «Странные» и «страшные» фабулаты[21] – представляют из себя «незаконченные» страшные истории, обладают всеми или некоторыми из следующих признаков: логическая последовательность изложения нарушена или отсутствует, с трудом устанавливаются причинно-следственные связи; повествование не имеет завязки / развязки; разворачиваются нетипичные для других жанров ситуации и действуют нетипичные персонажи. По структуре напоминают страшилки, но по содержанию ближе к быличкам или слухам:

Пятиэтажная собака

Одна девочка просидела у подружки до 12 ночи, потом пошла домой. Одной ей было страшно – вот подружка и дала ей щенка. Им нужно было идти через кладбище и они пошли, а за ними пятиэтажная собака. Девочка подумала: «Может быть, пущу я на нее своего щенка – драться». Но не пустила, а побежала быстрей. Но собака оказалась впереди них. Тогда она побежала быстрей и увидела свой дом, забежала во двор, и только дошла до крыльца, как собака влезла к ним во двор и показала человеческие зубы. А это была колдунья[22].

Одна тетенька заснула. А ее схоронили. Одна девчонка говорит мальчишке: «Ты пойдешь в двенадцать часов ночи на кладбище?» – «Пойду».

Он надел белую рубашку, и они пошли на кладбище. А та тетенька как заорала! Они напугались – и к

сторожу. И они на другой день вырыли ее. У ней был маленький ребенок: мертвый и волосы выдраны[23].

Данные нарративы также не отличаются популярностью и больше напоминают слабо регулируемый поток сознания маленького ребенка, с трудом вычленяемый в живой речи, отчего, вероятно, многие собиратели не заостряют на них свое внимание. По той же причине – невнятности и нечленораздельности – они не пользуются популярностью и в Сети.

Жанр: Истории о вызываниях – довольно популярный в интернете жанр страшных историй, который часто распространяется вместе с инструкциями для вызова духов или описаниями соответствующих обрядов:

Однажды, когда девочки вызвали Пиковую даму, одна из них забыла убрать волосы под косынку. Когда наступила полночь, все девочки увидели разное: кто квадратики, кто человечков, а девочка, забывшая убрать волосы, увидела черные костлявые руки, которые тянулись к ней из глубины зеркала. Когда руки подошли к поверхности зеркала, на стене сверкнула молния. На следующий день девочку нашли мертвой.

Эта история абсолютно правдива[24].

Однажды мальчик вызвал Пиковую даму. И вдруг из-под кровати высунулись черные руки с когтями. Мальчик выбежал из квартиры, а руки – за ним, подбежал к остановке, а руки – за ним. Из автобуса выходила старушка, мальчик подбежал и спрятался за ней. Руки вцепились ей в горло и задушили[25].

Один мальчик вызывал Пиковую даму. Нарисовал на зеркале семь ступеней. И она так: «Тук-тук-тук», – по ступеням. И она к нему пришла и перерезала горло. Щитовидку отрезала[26].

Истории о вызываниях не то же самое, что страшилки, в которых действуют персонажи вызываний. Истории о вызываниях по форме тяготеют к мемоpатам и фабулатам, но, в отличие от выделенных нами отдельно «странных» и «страшных» фабулатов, представляют описываемые события как случившееся на самом деле. При этом они довольно логично структурированы и посвящены одной теме (вызову духов и взаимодействию с ними, а также последствиям этого). Кроме того, в них отсутствуют типичные для страшилок повторы сюжетных блоков и исходящие от взрослых запреты.

Жанр собственно вызываний, состоящий из двух компонентов – инструкции по вызыванию и самого обряда вызывания, – мы относим к области детского обрядового фольклора. Поскольку, в отличие от жанров ДСПФ, в них содержится установка на совершение определенных ритуальных действ. Кроме того, инструкция к вызыванию это бессюжетный текст, без подразумеваемого обрядового компонента не являющийся самодостаточным фольклорным жанром. Также у вызываний принципиально иные ведущие функции и направленность – совершить ряд действ с целью: встречи с потусторонним, гадания, исполнения желания и т.п. Причем далеко не всегда предполагается, что эта встреча, в случае несоблюдения соответствующих мер предосторожности, должна закончиться бойней. Тогда как произведения ДСПФ это, прежде всего, повествования о «самых кошмарных ужасах», преследующие цель пережить и изжить чувство страха.

По той же причине (различия в основной функционально-семантической направленности) мы не относим к ДСПФ садистские стишки (смеховой фольклор) и упомянутые игры (игровой фольклор). Конечно, игровое начало присутствует и в пугалках, однако реализует оно себя лишь посредством внезапного акционного снятия нагнетаемого кумулятивным повествованием ужаса. В то же время антистрашилки и антипугалки можно было бы причислить к смеховому фольклору, поскольку они оборачивают страшную завязку комической развязкой, однако смех в данном случае, как мы уже отметили ранее, является не целью, а лишь средством преодоления наиболее распространенных в повествовательной форме детских страхов. Как высказался Е.А. Костюхин, «…не в том дело, что мифологическое мировосприятие в определенном возрасте дает трещину и подвергается критике: здесь изначально комическое следует за серьезным (как, впрочем, в любой мифологии) <…> содружество таких текстов – в духе традиционной культуры» [38. С. 164–165].

Подытоживая, можно сказать, что основными критериями разграничения жанров ДСПФ являются различия в их генезисе (подробнее см. выше) и осуществляемых психоэмоциональных функциях – напугать (страшилки, пугалки), напугать, а потом рассмешить (пугалки, антистрашилки, антипугалки), поделиться сведениями о враждебном окружающем мире или пережитом мистическом опыте (былички, истории о вызываниях, «странные» и «страшные» фабулаты) и т.п.

Однако суждения о генезисе пока носят, по большей части, гипотетический характер (поскольку мы не располагаем точными задокументированными свидетельствами собирателей о времени возникновения тех или иных образований и можем полагаться лишь на воспоминания взрослых информантов, а также не имеем достаточного представления об аналогичной традиции за рубежом), ведущие же функции разножанровых образований, в зависимости от восприятия индивидов, могут пересекаться. Поэтому в дополнение к названным принципам жанрового деления используются поэтические (разница в сюжетах, персонажах, композиции, художественных приемы и т.п.) и социологические (наиболее типичный возраст, гендер и среда (сельская или городская) рассказчиков) критерии, а также учитывается география их распространения.

Предложенная система может быть использована и при работе с текстами ДСПФ, размещенными в Сети. Однако здесь стоит быть предельно внимательными, так как наряду с произведениями, соответствующими обозначенным нами жанрам устной традиции, в интернете в обилии представлены пародии на них (в частности на страшилки и антистрашилки)[27], а также растиражированные и обзаведшиеся собственными вариантами тексты страшных историй из печатных сборников детских писателей (т.е. когда-то прошедшие редакторскую правку) и выполненные в их стилистике авторские произведения.

Обширен и пласт новых текстов, созданных по жанровым моделям ДСПФ и размещенных в интернете, в том числе самими детьми. Не исключено, что создавались они специально для выкладки в Сеть. Однако лишь на этом основании считать их интернет-фольклором было бы неправомерным. Как и наспех говорить о новой жанровой разновидности – интернет-страшилке, – так как данное поле еще только предстоит освоить. Пока же у нас нет ни методики собирания и систематизации подобных текстов, ни сформированного представления о масштабах их распространенности в Сети и их корреляции с произведениями аналогичной устной традиции.

Хотя на основании следующего примера интернет-страшилки.

Не смотри этот канал!

Девочка Аля мечтала подписаться на канал «Смерть с косой». Но она могла смотреть только видео. Аля долго упрашивала мать с отцом, чтобы создали ей канал. А родители ее были добрые и решили создать ей канал. Аля стала популярной, но свой любимый канал она не находила. Потом ей пришло сообщение от незнакомца. «Девочка-девочка, набери в интернете "Я и мертвая старуха". Она набрала – и ее компьютер выключился! Она пошла в материнский и сделала все заново. Она нашла видео, посмотрела его и упала в обморок.

Она очнулась в больнице. Ничего не помня про видео, Аля нашла свой телефон и набрала в ютьюбе «Смерть с косой канал». Началась загрузка, и экран стал черно-белым.

– Очень смешно. Сейчас напишут про идентификатор...

Наивная, не было там такой надписи. Там было... «Извините, но этот канал заблокирован из-за количества умерших».

Девочка ощутила комок в животе, сотрясение мозга, Аля подумала, что отключается! Тут в палату вошла старуха. Але показалось, что она тот парень с канала, которого убила старуха. Бабушка посмотрела на Алю, и она увидела, что та старушка – мертва. Девочка ощутила предсмертные боли, как при пытке. Тут из старухи полезли червяки, и Аля умерла. Никогда не смотри видео от канала «Смерть с косой»!

P.S. Чтобы вы не писали, как Аля посмотрела видео, если парень умер, то видео выложила та мертвая старуха, убитая во время Великой Отечественной[28].

Мы уже можем отметить, что, помимо новой среды и способа бытования, а также изменившихся предметных реалий (интернет, ютьюб-канал, телефон, загрузка, видео и т.п.), в качестве принципиальных особенностей по отношению к другим типам страшилок явно выделяются: 1) добрые и потворствующие родители (а не строгие и запрещающие) и, как следствие, – 2) отсутствие зачинающего запрета; 3) демонстрация внутренней речи главного героя и личного отношения к нему со стороны автора. Также мы видим, что опубликованные в Сети страшилки могут быть снабжены авторским комментарием – либо убеждающим в достоверности истории, либо пресекающим предполагаемые автором возможные вопросы читателей.

Как можно убедиться на основании изложенной системы жанров и жанровых разновидностей детского страшного повествовательного фольклора, содержание, вкладываемое исследователями в понятие «детские страшные истории», гораздо обширнее и многообразнее, чем принято считать в науке, в связи с чем обходиться общими именованиями и дальше рассматривать их совокупность как единое целое становится невозможным. Вопреки имеющемуся мнению о консервации данных жанров детского фольклора, они не уходят в небытие, а, постепенно (по мере перемещения досуга их носителей в интернет), переходят в новую среду обитания, где многократно тиражируются, обзаводятся новыми вариантами, пародиями и сетературными[29] двойниками, а также становятся поводом и / или материалом для возникновения современных страшных историй.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См., например, [11–13, 34, 35].

[2]См., например, [11].

[3]См., например, [1].

[4] См., например, [28, 29].

[5]В основу данного термина легло использованное В.А. Шевцовым в его работах [7, 8] и разработанном им разделе электронного фольклорного архива [9] обозначение «страшный детский повествовательный фольклор».

[6]В ряду таких его функционально-семантических сегментов, как «игровой», «бытовой», «обрядовый» и «смеховой фольклор».

[7]Здесь и далее в скобках до «//» приводятся обозначения характеризуемого жанра, первоначально и преимущественно задействованные в научной литературе.

[8]В скобках после «//» приведены наиболее распространенные обозначения этого жанра среди интернет-пользователей, а именно: виртуальных «рассказчиков» (сочинителей, компиляторов и коллекционеров) и непрофессиональных «собирателей» (неравнодушных к страшному любителей искать первоисточники, модераторов соответствующих тематических площадок и всевозможных интернет-СМИ).

[9]Зап. от А. Мироновой, 14 лет, г. Нижний Новгород. Соб. М. Акилова [9, колл. 63, ед. хр. 18, № 11, 1998 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sstrash.htm, № 19.3].

[10]Зап. от А. Мироновой, 14 лет, г. Нижний Новгород. Соб. М. Акилова [9, колл. 63, ед. хр. 18, № 3, 1998 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/spugal.htm, № 104.6].

[11]Самозапись Луизы Гире, 11 лет, Санкт-Петербург, осень, 1981 г. [35. С. 44, № 22].

[12]Зап. от Г. Воробьевой, 12 лет, с. Ключищи Шатковского р-на. Соб. А. Якименко, Т. Балина [9, колл. 46, ед. хр. 2, № 68, 1983 г.; URL: http://www.unn. ru/folklore/sbilich.htm, № 130].

[13]Зап. от О. Лысенко, 13 лет, г. Нижний Новгород. Соб. И. Здоровейщева [9, колл. 48, ед. хр. 104, № 3, 1989 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sbilich.htm, № 133].

[14]Зап. от учащихся средней школы № 46, г. Ижевск. Соб. Е. Веретенникова, А. Корепанова, А. Мутина, Ю. Серебрякова [ФА УдГУ 1994 г. ДО, тетр. 2, № 189; 12. С. 293, № 956]

[15]Зап. от Д. Шибаева, 33 года, г. Нижний Новгород. Соб. М. Акилова [9, колл. 63, ед. хр. 18, № 16, 1998 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sants.htm, № 89.1].

[16]Зап. от А. Орехова, 7 лет, г. Нижний Новгород. Соб. С. Орехова [9, колл. 60, ед. хр. 2, № 8к, 1992 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sants.htm, № 100].
[17]Зап. от ученицы 5-го класса, г. Нижний Новгород. Соб. М. Агеева [9, колл. 48, ед. хр. 1, № 28, 1983 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sfabul.htm, № 125].
[18]Зап. от Д. Москвичовой, 9 лет, г. Дзержинск. Соб. О. Спутницкая [9, колл. 48, ед. хр. 16, № 54, 1983 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sants.htm, № 96.1].
[19]Зап. от А. Заботиной, 12 лет, г. Нижний Новгород. Соб. А. Цулукидзе [9, колл. 48, ед. хр. 56, № 19, 1984 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/spugal.htm, № 103.1].
[20]Зап. от школьников 11 лет, г. Нижний Новгород. Соб. В. Грехова [9, колл. 48, ед. хр. 5, № 56, 1982 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sanp.htm, № 107.4].
[21]Обозначение В.А. Шевцова [9].
[22]Зап. от Н. Кручининой, 11 лет, с. Красный Бор Шатковского р-на. Соб. Е. Слонова, И. Зубкова [9, колл. 46, ед. хр. 10, № 98, 1983 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sbilich.htm, № 129].
[23]Зап. от А. Комаровой, 10 лет, д. Тугариново Борского р-на. Соб. Е. Кашаева [9, колл. 39, ед. хр. 6, № 32, 1977 г.; URL: http://www.unn.ru/folklore/sfabul.htm, № 123].
[24]Самозапись Ани Ротфельд, 14 лет, Санкт-Петербург, 9.10.1982 г. [34. С. 43, № 19].
[25]Зап. от группы детей 10–11 лет, Москва, 2001 г. Соб. А. Анциферова, Е. Гаврилина [35. С. 388, № 129].
[26]Зап. от Нуриевой Алины, 14 лет, г. Ижевск, 2002 г. Соб. А. Мутина [12. С. 331, № 1033].
[27]При бесспорном соответствии оригинальной форме, мы называем их именно пародиями, а не антистрашилками, так как, судя по завуалированным в них темам и реалиям, велика вероятность, что они созданы не детьми и не подростками, и даже не для детей и подростков.
[28]TaniatheMonster от 29-12-2016, 01:33 [39, URL: http://www.strashilka.com/video/35414-ne-smotri-etot-kanal.html].
[29]Сетература = сетевая литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали…» (Игра, магия, миф в детской культуре). М. : Лабиринт, 2002. 224 с.
2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор : учеб. М. : Флинта; Наука, 1998. 400 с.
3. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. : Питер, 1999. 288 с.
4. Осорина М.В. «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание – сила. 1986. № 10. С. 43–52.
5. Лойтер С.М. Детские страшные истории («страшилки») // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М. : Ладомир, ООО «Изд-во АСТ - ЛТД», 1998. С. 56–134.
6. Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск : КГПУ, 2001. 296 с.
7. Шевцов В.А. О принципах структурно-семантического описания детских «страшных рассказов» // Материалы Международной фольклорной научной конференции «XII Виноградовские чтения». Н. Новгород, 2002. С. 62–79.
8. Шевцов В.А. Страшный детский повествовательный фольклор: жанры и тексты // Детский фольклор и культура детства : материалы науч. конф.: «XIII Виноградовские чтения (31 июня – 4 июля 2003 г.)» / ред.-сост. Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье. СПб., 2006. С. 43–64.
9. Шевцов В.А. Страшилки // Фольклорный архив Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. URL: http://www.unn.ru/folklore/fstrash.htm (дата обращения: 05.08.2018).
10. Коршунков В.А. Современные детские анекдоты, страшилки и садистские стишки Вятского края: Энциклопедия земли Вятской / сост. В.А. Поздеев. Киров : Киров. обл. писательская организация, 1998. Т. 8: Этнография, фольклор. С. 588–597.
11. Мутина А.С. Жанры современного детского фольклора на территории Удмуртии : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 241 с.
12. Мутина А.С. «Катится изюминка…»: Современный русский детский фольклор Удмуртии. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 592 с.
13. Мутина А.С. Народная несказочная проза и страшные истории с элементами быличек в среде детей // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/mutina1.htm (дата обращения: 05.08.2018).
14. Рассыхаев А.Н. К вопросу о бытовании некоторых жанров в современном детском фольклоре коми // Фольклористика Коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 136–148.
15. Рассыхаев А.Н. Страшные истории в детской фольклорной прозе Коми (по материалам, записанным в естественных условиях в 2011 и 2013 годах) // Фольклористика коми. Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформации, классическое наследие и современные формы. Сыктывкар, 2016. С. 137–151.
16. Идиатулина А.А. «Нестрашная страшилка» как антижанр в литературе современного детского авангарда // Гуманитарные исследования. № 4 (40). Астрахань : Астрахан. госун-т, 2011. С. 224–228.
17. Климова Т.Ю. Страх как условие познания Абсолюта (В. Маканин «Сюр в пролетарском районе», Л. Петрушевская «Рука», Н. Садур «Синяя рука») // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XIV Междунар. науч.- практ. конф. Бийск, 2009. С. 145–154.
18. Кузьмина М.Ю. Страшное в сказках К. Чуковского // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1995. С. 57–69.
19. Петренко С.Н. Структура мифологического пространства в современном фольклоре и литературе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых (8 февр. 2013 г.): в 2 ч. / под общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, Л.А. Запевалова, А.А. Ширшикова; Уральский федеральный ун-т. Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 108–114.
20. Петренко С.Н. Фольклорные и литературные матрицы в структуре прозаических жанров регионального детского журнала // Филологические науки. Вопросы теории и практики. : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 8 (62), ч. 1. С. 52–54.
21. Рублев К.А. «Страшный фольклор» детей и научная фантастика // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1989. С. 122–133.
22. Рублев К.А., Трыкова О.Ю. Художественная литература и «страшный» детский фольклор (аспекты взаимодействия) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 34–48.
23. Селютина Е.А. Роль имплицитных текстов в творчестве В. Дурненкова (на примере пьес «Mutter» и «В черном-черном городе») // Челябинский гуманитарий. Челябинск, 2010. № 4 (13). С. 57–61.
24. Сергиенко (Антипова) И. «Страшные» жанры современной детской литературы (2010) // Детские чтения. Екатеринбург, 2012. Вып. 1. С. 131–147.
25. Трыкова О.Ю. Сказка, быличка, страшилка в отечественной прозе последней трети XX века : учеб. пособие. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. Ушинского, 2000. 301 с.
26. Трыкова О.Ю. Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 1997. 132 с.
27. Трыкова О.Ю. «Страшный» фольклор в русской городской прозе 90-х годов // Проблемы эволюции русской литературы XX в. : материалы межвуз. науч. конф. М., 1995. С. 230–231.
28. Белозубова Н.И., Титова К.А.. Жанр «страшной истории» в русской и китайской национальной картине мира // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. Гос. ун-та, 2015. Вып. 10 (1). С. 123–128.

29. Белозубова Н.И., Титова К.А. Изучение детского фольклора на практических занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. № 68. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2015. № 68. С. 184–189.
30. Коновалова Н.И Ассоциативное поле страшилки в аспекте ее восприятия // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Труды Уральского психолингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Вып. I. С. 25–32.
31. Терзиева М.Т. Страшные истории и обучение родному языку в дошкольном возрасте // Гуманитарный вектор. Сер.: Филология, востоковедение. 2012. № 4 (32). С. 280–283.
32. Мельников М.Н. Русский детский фольклор : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1987. 240 с.
33. Зуева Т.В. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // Проблемы интерпретации художественных произведений : межвуз. сб. науч. тр. М., 1985. С. 131–149.
34. Топорков А.Л. Пиковая дама в детском фольклоре // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М. : Ладомир, ООО «Изд-во АСТ - ЛТД», 1998. С. 15–55.
35. Новицкая М.Ю., Райкова И.Н. Детский фольклор. М. : Русская книга, 2002. 560 с.
36. Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня : сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М. : РГГУ, 2008. С. 341–363.
37. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 48 с.
38. Костюхин Е.А. Репертуар современного школьника // Архивные материалы и экспедиционные записи. Раздел III. Полевая фольклористика: актуальные исследования региональных и локальных традиций. СПб., 1999. С. 163–168.
39. Страшилка. URL: http://www.strashilka.com/ (дата обращения: 05.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 августа 2018 г.

CHILDREN'S SCARY NARRATIVE FOLKLORE: ON THE GENRE DIVERSITY OF TRADITION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 38–48.
DOI: 10.17223/15617793/436/5

Tatyana A. Mirvoda, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tatyanamirvoda@yandex.ru

Keywords: children's folklore; children's scary narrative folklore; children's scary stories; strashilka; pugalka; antistrashilka; antipugalka; children's mythological story (bylichki); stories about evocations; modern folklore.

The aim of this article is to demonstrate the genre diversity of the tradition designated by most scientists as "children's scary stories" or "strashilki". Therefore, it is relevant to raise the question of the need for a genre distinction of narratives related to this tradition. The presence of a large number of forms, different in poetics and origin, which are attributed to this tradition by researchers, substantiates the need to allocate a self-sufficient area of "children's scary narrative folklore", along with such functional-semantic segments as "everyday", "game", "ritual" and "comic" folklore in the children's folklore. The material of the study is scary stories of children's folklore, collected from archival, scientific and Internet sources and belonging to different genre forms. Based on the results of systematizing the theoretical developments in the works of colleagues on the species of children's scary stories, as well as on the author's own observations of the living tradition (both oral and network) and its comprehensive analysis, the author proposes a universal system of genres and genre varieties of children's scary narrative folklore, covering its most famous and widespread phenomena. At this stage, the system looks like this:

Area: Children's scary narrative folklore (ChSNF)

Genre: Strashilka (scary story)

Genre varieties of Strashilka: *"classical" strashilka; strashilka-pugalka (jumpscare); strashilka-bylichka (bailichka)*

Some researchers also single out: s*trashilka-skazka (fairy tale), strashilka-byl' (true story), slukhi-tolki (children's rumors), Internet-strashilki*

Genre: Children's mythological story (bylichki)

Genre: Antistrashilka (anti-scary story)

Genre varieties of Antistrashilka: *antistrashilka-strashilka; antistrashilka; realistic antistrashilka*

Genre: Pugalka (jumpscare story)

Genre varieties of Pugalka: *pugalka, strashilka-pugalka*

Genre: Antipugalka (anti-jumpscare story)

Genre: "Strange" and "scary" fabulats

Genre: Stories about evocations

The author does not attribute actual evocations and sadistic rhymes to ChSNF (due to their different functional orientation). The list of ChSNF genres is not limited to the above species, but other forms are found less regularly and are practically not investigated, which at the moment makes it impossible to establish the presence or absence of their genre varieties. On the basis of the system of the genres of children's scary narrative folklore stated in this article, it is obvious that the content invested by researchers in the notion "children's scary stories" is much broader and more diverse than is commonly believed in science. In addition, contrary to the existing opinion on the stagnation of the above-mentioned genres of children's folklore, they do not go into oblivion, but, gradually, with the movement of children's leisure to the Internet, they are transferred to a new habitat. In the net, works of children's scary narrative folklore are replicated, acquire new variants and parodies, network literature doubles. They also become a reason and/or material for the emergence of modern scary stories. Therefore, it is no longer possible to use common terms and consider all scary stories that exist among children and teenagers as a single genre formation.

REFERENCES

1. Cherednikova, M.P. (2002) *"Golos detstva iz dal'ney dali…" (Igra, magiya, mif v detskoy kul'ture)* ["The voice of childhood from a far distance" (Game, magic, myth in children's culture)]. Moscow: Labirint.
2. Zueva, T.V. & Kirdan, B.P. (1998) *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Moscow: Flinta; Nauka.
3. Osorina, M.V. (1999) *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [The secret world of children in the world of adults]. St. Petersburg: Piter.
4. Osorina, M.V. (1986) "Chernaya prostynya letit po gorodu", ili Zachem deti rasskazyvayut strashnye istorii ["A black sheet flies through the city," or Why children tell scary stories]. *Znanie – sila*. 10. pp. 43–52.

5. Loyter, S.M. (1998) Detskie strashnye istorii (“strashilki”) [Children’s scary stories (“strashilki”)]. In: Belousov, A.F. *Russkiy shkol’nyy fol’klor. Ot “vyzyvaniy” Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian school folklore. From the “evocation” of the Queen of Spades to family stories]. Moscow: Ladomir, OOO “Izd-vo AST-LTD”.
6. Loyter, S.M. (2001) *Russkiy detskiy fol’klor i detskaya mifologiya: Issledovanie i teksty* [Russian children’s folklore and children’s mythology: Research and texts]. Petrozavodsk: KSPU.
7. Shevtsov, V.A. (2002) [On the principles of the structural-semantic description of children’s “scary stories”]. *XII Vinogradovskie chteniya* [XII Vinogradov Readings]. Proceedings of the International Folklore Conference. N. Novgorod: Pred-priyatie “Poisk”. pp. 62–79. (In Russian).
8. Shevtsov, V.A. (2006) Strashnyy detskiy povestvovatel’nyy fol’klor: zhanry i teksty [Scary children’s narrative folklore: genres and texts]. *Detskiy fol’klor i kul’tura detstva. XIII Vinogradovskie chteniya* [Children’s folklore and the culture of childhood. XIII Vinogradov Readings]. Proceedings of the Conference. 31 June – 4 July 2003. St. Petersburg: SPbGUKI, pp. 43–64. (In Russian).
9. Folklore Archive of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. Shevtsov, V.A. (n.d.) *Strashilki* [Scary stories]. [Online] Available from: http://www.unn.ru/folklore/fstrash.htm. (Accessed: 05.08.2018).
10. Korshunkov, V.A. (1998) *Sovremennye detskie anekdoty, strashilki i sadistskie stishki Vyatskogo kraya: Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Modern children’s jokes, scary stories and sadistic rhymes of the Vyatka region: Encyclopedia of the land of Vyatka]. Vol. 8. Kirov: Kirov. obl. pisatel’skaya organizatsiya.
11. Mutina, A.S. (2002) *Zhanry sovremennogo detskogo fol’klora na territorii Udmurtii* [Genres of modern children’s folklore in the territory of Udmurtia]. Philology Cand. Dis. Izhevsk.
12. Mutina, A.S. (2005) *“Katitsya izyuminka…”: Sovremennyy russkiy detskiy fol’klor Udmurtii* [“A raisin is rolling”: Modern Russian children’s folklore of Udmurtia]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
13. Mutina, A.S. (n.d.) *Narodnaya neskazochnaya proza i strashnye istorii s elementami bylichek v srede detey* [Folk non-fairy-tale prose and scary stories with elements of bailichka among children]. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/folklore/mutina1.htm. (Accessed: 05.08.2018).
14. Rassykhaev, A.N. (2012) K voprosu o bytovanii nekotorykh zhanrov v sovremennom detskom fol’klore komi [On the existence of some genres in modern Komi children’s folklore]. In: Limerov, P.F. (ed.) *Fol’kloristika Komi. Regional’nye fol’klornye traditsii Evropeyskogo Severo-Vostoka i Zaural’ya v mezhkul’turnom kontekste* [Folklor studies of the Komi. Regional folklore traditions of the European Northeast and Trans-Urals in an intercultural context]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History of Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
15. Rassykhaev, A.N. (2016) Strashnye istorii v detskoy fol’klornoy proze Komi (po materialam, zapisannym v estestvennykh usloviyakh v 2011 i 2013 godakh) [Scary stories in the Komi children’s folk prose (based on materials recorded in natural conditions in 2011 and 2013)]. In: Krasheninnikova, Yu.A. et al. (eds) *Fol’kloristika komi. Fol’klornye zhanry Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: dinamika razvitiya, transformatsii, klassicheskoe nasledie i sovremennye formy* [Folklore studies of the Komi. Folklore genres of the European Northeast of Russia: The dynamics of development, transformation, classical heritage and modern forms]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History of Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16. Idiatulina, A.A. (2011) “Nestrashnaya strashilka” kak antizhanr v literature sovremennogo detskogo avangarda [“Non-scary scary story” as an anti-genre in the literature of the modern children’s avant-garde]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 4 (40). pp. 224–228.
17. Klimova, T.Yu. (2009) [Fear as a condition of knowledge of the Absolute (V. Makanin “Sur in the Proletarian District”, L. Petrushevskaya “The Hand”, N. Sadur “The Blue Hand”)]. *Khudozhestvennyy tekst: varianty interpretatsii* [Literary Text: Interpretation Options]. Proceedings of the XIV International Conference. Biysk: Biysk State Pedagogical University. pp. 145–154. (In Russian).
18. Kuz’mina, M.Yu. (1995) Strashnoe v skazkakh K. Chukovskogo [The scary in the tales of K. Chukovsky]. In: Neelov, E.M. (ed.) *Problemy detskoy literatury. i fol’klor* [Problems of Children’s Literature. and folklore]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
19. Petrenko, S.N. (2013) [The structure of the mythological space in modern folklore and literature]. *Aktual’nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical problems of philological science of the 21st century]. Proceedings of the III All-Russian Conference. 8 February 2013. In 2 parts. Part 2. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 108–114. (In Russian).
20. Petrenko, S.N. (2016) Folklore and literary matrices in the structure of prosaic genres of the regional children’s magazine. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 8 (62):1. pp. 52–54. (In Russian).
21. Rublev, K.A. (1989) “Strashnyy fol’klor” detey i nauchnaya fantastika [The “scary folklore” of children and science fiction]. In: Lupanova, I.P. et al. (eds) *Problemy detskoy literatury* [Problems of children’s literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
22. Rublev, K.A. & Trykova, O.Yu. (1992) Khudozhestvennaya literatura i “strashnyy” detskiy fol’klor (aspekty vzaimodeystviya) [Fiction and “scary” children’s folklore (aspects of interaction)]. In: Neelov, E.M. et al. *Problemy detskoy literatury* [Problems of children’s literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
23. Selyutina, E.A. (2010) Rol’ implitsitnykh tekstov v tvorchestve V. Durnenkova (na primere p’es “Mutter” i “V chernom-chernom gorode”) [The role of implicit texts in the works of V. Durnenkov (on the example of the plays “Mutter” and “In the Black Black City”)]. *Chelyabinskiy gumanitariy*. 4 (13). pp. 57–61.
24. Sergienko, I. (2012) “Strashnye” zhanry sovremennoy detskoy literatury (2010) [“Scary” genres of modern children’s literature (2010)]. *Detskie chteniya*. 1. pp. 131–147.
25. Trykova, O.Yu. (2000) *Skazka, bylichka, strashilka v otechestvennoy proze posledney treti XX veka* [Fairy tale, bailichka, scary story in the national prose of the last third of the 20th century]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
26. Trykova, O.Yu. (1997) *Sovremennyy detskiy fol’klor i ego vzaimodeystvie s khudozhestvennoy literaturoy* [Modern children’s folklore and its interaction with fiction]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
27. Trykova, O.Yu. (1995) “Strashnyy” fol’klor v russkoy gorodskoy proze 90-kh godov [“Scary” folklore in the Russian urban prose of the 1990s]. *Problemy evolyutsii russkoy literatury XX v.* [Problems of the evolution of Russian literature of the twentieth century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 230–231. (In Russian).
28. Belozubova, N.I. & Titova, K.A. (2015) the genre of scary story in Russian and Chinese national worldview. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 10 (1). pp. 123–128. (In Russian).
29. Belozubova, N.I. & Titova, K.A. (2015) Izuchenie detskogo fol’klora na prakticheskikh zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Study of children’s folklore in practical classes in Russian as a foreign language]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 68. pp. 184–189.
30. Konovalova, N.I. (2003) Assotsiativnoe pole strashilki v aspekte ee vospriyatiya [Associative field of scary stories in the aspect of their perception]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel’nosti. Trudy Ural’skogo psikholingvisticheskogo obshchestva*. I. pp. 25–32.
31. Terzieva, M.T. (2012) Strashnye istorii i obuchenie rodnomu yazyku v doshkol’nom vozraste [Scary stories and learning the native language at preschool age]. *Gumanitarnyy vektor. Ser.: Filologiya, vostokovedenie*. 4 (32). pp. 280–283.
32. Mel’nikov, M.N. (1987) *Russkiy detskiy fol’klor* [Russian children’s folklore]. Moscow: Prosveshchenie.
33. Zueva, T.V. (1985) Kategoriya chudesnogo v sovremennom povestvovatel’nom fol’klore detey [The category of the miraculous in the modern narrative folklore of children]. In: Kirdan, B.P. (ed.) *Problemy interpretatsii khudozhestvennykh proizvedeniy* [Problems of the interpretation of works of art]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute.

34. Toporkov, A.L. (1998) Pikovaya dama v detskom fol'klore [The Queen of Spades in Children's Folklore]. In: Belousov, A.F. *Russkiy shkol'nyy fol'klor. Ot "vyzyvaniy" Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian school folklore. From the "evocation" of the Queen of Spades to family stories]. Moscow: Ladomir, OOO "Izd-vo AST-LTD".
35. Novitskaya, M.Yu. & Raykova, I.N. (2002) *Detskiy fol'klor* [Children's folklore]. Moscow: Russkaya kniga.
36. Levkievskaya, E.E. (2008) Bylichka kak rechevoy zhanr [The bailichka as a speech genre]. In: Arkhipova, A.S. & Gister, M.A. (eds) *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: sb. st. v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoy deyatel'nosti* [Bricks: folklor studies and cultural anthropology today: Collection of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his research activities]. Moscow: RSUH.
37. Levkievskaya, E.E. (2007) *Vostochnoslavyanskiy mifologicheskiy tekst: semantika, dialektologiya, pragmatika* [East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
38. Kostyukhin, E.A. (1999) Repertuar sovremennogo shkol'nika [Repertoire of the modern pupil]. In: *Arkhivnye materialy i ekspeditsionnye zapisi. Razdel III. Polevaya fol'kloristika: aktual'nye issledovaniya regional'nykh i lokal'nykh traditsiy* [Archival materials and expeditionary records. Section III. Field folklore: current studies of regional and local traditions]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 163–168.
39. Strashilka.com. (n.d.) *Strashilka* [Scary story]. [Online] Available from: http://www.strashilka.com/. (Accessed: 05.08.2018).

Received: 26 August 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 49–55. DOI: 10.17223/15617793/436/6

УДК 82.14

А.В. Останкович, А.Д. Алексенко

СЮЖЕТНО-ОБРАЗНАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РУСЬ» В СОНЕТАХ Г.В. ГОЛОХВАСТОВА

Статья посвящена осмыслению инвариантного для сонетов Г.В. Голохвастова концепта «Русь», системного центрированного концептами «государство» и «государь», объективированного на основе оппозиций «свое – чужое», «жизнь – смерть». Предлагаемое исследование содержит описание, анализ и интерпретацию инвариантного концепта «Русь» на материале сонетов, образовавших в творчестве поэта отчетливо циклизующиеся художественные единства: во-первых, сонеты на сюжеты из исторического прошлого России; во-вторых, сонеты биографического содержания.

Ключевые слова: сонет; цивилизация; символ; концепт; Русь; государство; стих; сюжет; инвариант; образ.

В результате длительного процесса радикальных политико-экономических, социальных и культурных преобразований понятийные интерпретации имени «Россия» в настоящее время обнаружили свою ограниченность и недостаточность, которые, на наш взгляд, может преодолеть исследование образно-символического содержания данного концепта в литературно-художественном творчестве. Осмысление концепта в лирике, системно центрированной в своей родовой форме воссоздания действительности на сознании автора и реципиента как субъектов не ограниченной временем-пространством действительности, представляется нам продуктивным.

Объект исследования данной статьи определен следующими причинами. Во-первых, устойчивым интересом к сонету всех русских «американцев» (Д.А. Магула, Е.А. Христиани, В.С. Ильяшенко и др.), универсальностью содержательных возможностей жанрово-строфической формы и эстетическим совершенством индивидуализированной сонетной версификации в творчестве поэта: два катрена и два терцета стихов цезурированного шестистопного ямба с рифмосочетаниями в субстрофах ***abba abba ccd cdc*** (количественное неравенство двух рифмующихся созвучий в терцетах 4 к 2 вместо привычного 3 к 3 динамизирует сюжетно-тематическое развитие, имеющее, как правило, не одно, а два кульминационных возвышения, что значительно усиливает потенциал выражения драматизованного содержания).

Во-вторых, безусловной ценностью поэзии Голохвастова, в значительной своей части тенденциозно и бескорыстно ориентированной на выражение уникальности российской цивилизации, неотъемлемой и органичной частью которой, находясь в условиях вынужденной эмиграции, автор продолжал себя ощущать.

В-третьих, творчество русских «американцев» представляется малоизученным. Знакомство с ним состоялось в 1995 г. после издания четырехтомной антологии под редакцией Е. Витковского «Мы жили тогда на планете другой». В этом же году под редакцией В. Крейда опубликована антология «Вернуться в Россию – стихами», в которую были включены произведения 200 забытых поэтов, разбросанных судьбой по всему миру – от Харбина до Парижа, Рима и Нью-Йорка. В обеих антология приведены короткие биографические выдержки, содержащие факты о жизни Голохвастова в США. Авторы-составители сходятся в одном: «подробности его биографии до эмиграции неизвестны. Известно лишь, что служил в армии. В Америку приехал в 1920 году» (В. Крейд) [1. С. 618]. В 2008 г. издательство «Водолей» опубликовало главный труд Голохвастова – эпическую поэму «Гибель Атлантиды» и некоторые поэтические сборники. В 2010 г. этим же издательством выпущен сборник «Лебединая песня», в котором представлена книга стихов «Сонеты за полвека». К числу исследовательских работ можно отнести монографическую главу О.И. Федотова «От средневековой септимы к полусонету», предисловие А. Назарова к книге стихов «Из Америки», небольшие статьи В. Орелина о творчестве Д.А. Магулы. Характер перечисленных публикаций, а также статей авторов настоящего исследования свидетельствует о неизученности творческого наследия Голохвастова.

В-четвертых, Г.В. Голохвастов являлся лидером русско-американской поэтической школы. Его сонеты, как и творчество русских «американцев» в целом, выражая в условиях иной цивилизации ключевые концепты русского сознания, в значительной мере отразило как личностный, так и коллективный опыт поколений русских людей первой половины XX в., для которых прошлое Родины проецировалось в насущных проблемах сегодняшнего дня и могло в значительной мере определить будущее. Их поэзию объединяют мотивы тоски по России, безвозвратно потерянной Родины, ценностного непринятия чуждой действительности. Голохвастов создает символический «Град Китеж» – утерянную, священную землю, возврат к которой представляется поэту высшим благом: *«Отвори ж мне раздолья глухие, – / Новых сил я в тебе наберусь / Вековая родная стихия, / Непонятная, чудная Русь»* [2. С. 42].

Используя европейскую жанрово-строфическую форму для трансляции национальной образности, Голохвастов реализует свою ключевую творческую установку на диалог времен и цивилизаций: *«Я всё равно / Храню уверенность живую, / Что слову русскому дано / Объять и мудрость мировую»* [3. С. 90]. Научная новизна исследования заключается в системном анализе воплощения образов русского национального мира в сонетах Г.В. Голохвастова. Родина, номинированная в сонетах Голохвастова как «Русь», а не «Россия», выступает и источником, и темой, и ад-

ресатом. Не Россия, не Российская империя, не Киевская, Ордынская или Московская Русь, а «Русь» как неизменный символ Родины, символ цивилизационного единства, преодолевающего время и политические формы существования государственных образований: *«На зиму долгую, в серебряной постели, / Уснула крепко Русь, родимая земля»*; *«О смерти вне Руси и мысли не приемлю»; «О, Русь далекая! Там, в юности блага / Была бессонница над творческой работой»; «В венце и бармах Царь. Он поднял Русь из праха…»; «Он крепко Русь любил… В душе родного быта / Мечта вселенская была ему открыта»* [3. С. 7, 33–34, 79, 103]. Для определения семантического и символического объема образа «Русь» в циклах считаем необходимым использование понятия концепт, так как именно концепт становится первоначальным «строительным материалом» для образования новых художественных смыслов [4. С. 42], «запускает движение смыслов на стыках разных рядов – исторического, социального, бытового и собственно литературного» [5. С. 10].

Сонеты, выражающие содержание и идейные основы российской цивилизации, образуют в творчестве Голохвастова два цикла, соотносящиеся как общее и индивидуальное: первый – сонетный цикл на сюжеты из исторического прошлого Руси; второй – цикл сонетов биографического содержания. Содержание концепта «Русь» опирается на длительную историко-культурную традицию, а его образно-символическая наполненность национальна и индивидуальна.

В основу сонетов первого цикла («Свидание», «Король и Царь», «Царевна Софья», «Победитель и побежденный», «Победа», «Два слепца», «Свеча», «Под Плевной»), диалогизирующего с традициями «Дум» К.Ф. Рылеева, автором положены исторические события, определившие культурно-исторический облик Руси от древнейших времен до второй половины XIX в., и их герои – исторические деятели-правители: Святослав Игоревич, Иван Калита, Василий Темный, Иван Третий, Петр Первый, царевна Софья, Александр Первый, Александр Второй и др. Поэтический образ каждого структурирован общими для них свойствами исключительности и избранности. Правитель истинный – это вершитель верховной воли, а его деяния направлены на сохранение Руси как государства и центра православной веры. Обширные концептосферы данных сонетов центрированы опорным концептом «государь», ассоциантами которого являются качественные определители – сила духа, величие, исключительность, а российская цивилизация представлена в форме государственной же общности, объединенной образом ответственного властелина, масштабной общенациональной целью и делом, которые он олицетворяет. В сюжетно-образной системе сонетов данного цикла воплощены закрепленные в культурном коде автора и центрируемые в силу его универсальности концептом «Русь» следующие важнейшие концепты: «государство», «государь», «вера», «храм», «православие» [6. С. 87–93], среди которых, вследствие традиции политического устройства России, «государь», а не производное от него «государство», имеет определяющее значение. К устойчиво повторяющимся ассоциантам «государя» в цикле (величие, сила, исключительность, страстность, прозорливость, избранность, воин) образом Александра Второго в сонете «Под Плевной» привносятся столь редкие для самодержца – жертвенность, благородство и великодушие.

Событийной основой сонета стал эпизод капитуляции войск знаменитого полководца Османа-паши в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Торжественной сдаче предшествовала многомесячная осада болгарского города Плевны. После его падения исход всей войны был стратегически предрешен в пользу русской армии. Эпическое значение события описательно выражает второй катрен сонета. В нем представлены итоги долгого и кровопролитного для обеих сторон противостояния:

Осман, упорный вождь залитой кровью Плевны
На зов царя идет, склонясь к руке врача.
В бесстрашном сердце – страх: что, если сгоряча
Позором отомстит ему властитель гневный?

По степи, там, где бой тянулся многодневный,
Раскинут строй полков; под ветром трепеща,
Знамен разодранных колышется парча,
И вдалеке рожок трубит сигнал напевный.

Здесь – свиты полукруг. Почетный караул.
И белый падишах… Он исхудал, сутул…
Он помнит кровь врагов, победных дней предтечу.

Замедлил шаг паша… В ушах тревожный гул…
Но русский воин сам ступил врагу навстречу
И саблю пленную герою протянул [3. С. 49].

Инвариантный концепт «государь» вариационно реализуется в композиционно-образной вертикали: 2-й ст. *«царь»* – 4-й ст. *«властитель гневный»* – 10-й ст. *«белый падишах»* – 13-й ст. *«русский воин»*. В заключительной вариации тринадцатого стиха концепт через предикацию получает ассоцианты – «великодушный» и «благородный». В соответствии с сюжетным развитием образа русского царя, вчерашний бесстрашный враг, сегодня пленный, раненый, обезоруженный Осман, более всего страшащийся бесчестия, получает из рук русского царя-воина плененную саблю и вместе с ней – утраченный вследствие капитуляции статус героя. Таким образом, концепт «враг» в сознании Голохвастова также не исключает наличие такого ассоцианта, как «герой». Но и для русского императора осада не прошла даром: *«Он исхудал, сутул…»*, – так как в полной мере разделил трудности и тяготы участников осады. В результате образ Александра мотивированно восходит к архетипу правителя-воина, который, беря начало в мифе, летописях и фольклоре, периодически воскрешается в национальном сознании посредством произведений искусства.

Сонет представляет тщательно разработанное образно-ритмическое единство. Во-первых, заголовок, первый и заключительный стихи средствами аллитерации и ассонанса образуют образно-звуковое обрам-

ление сонета: «**Плевн**ой – **Плевн**ы – **пленн**ую». Так как заглавие «Под Плевной» помещено в рифму первого стиха, то его звуковой состав транслируется и во всех стихах катренов с женской каталектикой. Во-вторых, в пяти стихах сонета наблюдается нехарактерная для ритмической традиции русского ямбического стиха полноударность шестистопного ямба (1, 2, 11, 12, 13-й стихи). Полноударные стихи сопровождают пространственное перемещение Османа в направлении Александра Второго (1, 2, 12-й ст.). В-третьих, инерция стихов цезурированного шестистопника имеет индивидуальные отступления. Так, в 4-м стихе местоимение *«ему»*, располагаясь после цезурной паузы, содержит метрическую ударность, а не входит проклитикой в состав фонетического слова, эта же причина обусловливает ударность местоимения «сам» в предцезурной позиции тринадцатого стиха.

Постцезурная часть 3-го стиха и 4-й стих в сонете – это место столкновения эмоций и предполагаемых реакций двух героев. В четвертой стопе 3-го стиха, в месте смены субъекта речи, вследствие столкновения союзов, синтаксической обособленности союза «что» появляются внесхемная ударность и нетипичный для Я. 6 межиктовый интервал: 1 – 1 – 1 – 0 – 0 – 4 – 0. Тринадцатый стих – место обретения нового статуса русского императора: он «русский воин». Синтаксически и пунктуационно обусловлена внеметрическая ударность в начале девятого стиха, которая обозначает границу «вчера, там» – «сейчас, здесь». Стих начинает воссоздание мига личного контакта командующих армиями. Сонет «Под Плевной» содержит картину психологических переживаний Османа, но главным героем его как драматизованного единства, несомненно, является Александр Второй Освободитель, чье величие объективировано признанием вражеского полководца.

Как и другие сонеты цикла, «Под Плевной» представляет полисубъектное единство, основанное на драматизованном столкновении двух образов: «Свидание» – Святослав и Цимисхий; «Два слепца» – Василий Темный и Василий Косой; «Царевна Софья» – Софья и Петр I; «Король и царь» – Петр I и Людовик XV; «Победитель и побежденный» – Александр I и Наполеон... Сонеты на исторические сюжеты Голохвастова выражают ключевые для национального сознания смыслы образа «государь», а их герои, воссозданные на основе осмысления фактографической информации историографических, фольклорных или литературно-художественных источников, являются результатом напряженной работы проникнутого любовью к Родине творческого сознания.

В основе сонетов второго цикла – интимно-личностные сюжеты из прошлого и настоящего биографического времени автора. В сонетах из авторского прошлого («Зимний путь», «Зима», «Друзьям», «По проселкам», «В снегах», «Воспоминание» и др.) реализация концепта «Русь» осуществляется от первого лица в форме воспоминаний событий, картин детства или юности лирического героя, когда он молод, полон сил и надежд. Сонеты, как правило, изображают идиллическую картину непротиворечивого единства лирического героя и Родины. Русь, о которой помнит Голохвастов, – это уютный теплый дом, *«разливы спелой ржи»* и проселочная дорога, непременно ведущая к близкому жилью, где *«не дождутся – ждут»*. Поэт создает эпически осмысленный образ усадебной и провинциальной Руси. Это целостное воспоминание, единая для лирического героя картина полноценного бытия личности.

Воспоминание о России в лирике Голохвастова всегда сопровождается ощущением неизбывной тоски от невозможности возврата. Чуждую действительность Нью-Йорка поэт изображает в цикле сонетов о чужбине, где примирение лирического героя с действительностью возможно в бреду, во сне, в забытьи – пограничных ирреальных пространствах, уносящих его к родной земле. В сонетах на сюжеты из «настоящего» времени жизни автора мироощущение лирического героя становится точкой пересечения время-пространственных координат: «Исход», «На переломе», «В городе», «На чужбине», «В часы бессонные», «Весы», «Улица», «Тризна» и др. Композиционная основа данных сонетов достаточно устойчива: лирический герой, находясь вне родины, мысленно обращается к минувшим дням детства и юности – в результате хронотопы настоящего и прошлого обнаруживают возможность слияния. Но возможность слияния не означает восстановления единства бытия. Лирический герой Голохвастова всегда отдает себе отчет в том, что прошлое вернуть невозможно, но и настоящее принять без утраты собственной личности нельзя. Подобное состояние выражено в сонетах на сюжеты из прошлого, совмещенного с эмигрантским настоящим автора. Трагизм усугубляется тем, что России, по убеждению поэта, уже нет, а он и его современники-соотечественники – люди без родины в настоящем и будущем. Сонеты цикла отличаются эмфатичностью, поскольку они так или иначе основаны на воссоздании процесса переживаний идентичного автору лирического героя.

Особое положение в цикле занимают сонеты XXIV «Исход» и XXVII «На чужбине». Композиционно они организованы по принципу со/противопоставления, а их содержание определяет трагизм мироощущения, обусловленный осознаваемой обреченностью на существование в чужой стране в состоянии «не-жизни». Заголовком первого сонета Голохвастов метафорически проецирует на себя и свое поколение библейское сказание *книги «*Исход» о всеобщем уходе порабощенных евреев из Египта, об их скитаниях под предводительством пророка Моисея в поисках земли обетованной. В сонетной интерпретации «исход» русских произошел не из чужой страны, где народ находился в рабском состоянии, а из родной России – в чужеземное рабство повседневных забот, не по воле Бога и не всего народа – а вследствие революции и чуждой поэту власти.

Привык я не роптать, что косным этим телом
Прикован я к чужой неласковой стране,
Что в чуждой мне толпе бреду, как в тяжком сне,
Существованием томим, как нудным делом.
Но душу примирю ль с невольничьим уделом
Заботы нищенской о завтрашнем лишь дне,
Меж тем как копит мир в неверной тишине
Тупую ненависть на сердце оробелом.

Могу ль откликнуться на эту быль? – О нет,
Не петь мне гимнов ей! Иной мечтой согрет,
Напев мой волен там, где дышит жизнь природой.

Там звуки радостны, как в песнях древних лет,
Когда беспечностью, незлобьем и свободой
Гордился человек, наследственный поэт [3. С. 16].

Двухчастная композиция сонета – группа двух катренов содержательно противопоставлена единству двух терцетов – связана со время-пространственным со/противопоставлением по оси «настоящее – прошлое» лирического героя, его мироощущения здесь и там, которое развито в образно-эмоциональном пространстве полюсов: чужое, чуждое – родное; враждебная реальность сегодняшнего дня – идиллия прошлого; рабство – свобода; раб – человек и гражданин; существование – жизнь; ненависть в отношении к окружающему – радость приятия мира; бессодержательная повседневность – творческое содержание жизни; урбанизированное пространство обитания – природная среда жизни. Каждый из словесно-образных полюсов системно вербализован в словесно-образной ткани, как стихов катренов, так и стихов терцетов.

Катрены – последовательное отрицание чуждой действительности, а девятый стих – переход в сферу личностной оценки, переходящей в ментальную сферу бесконечно ценного прошлого, в сферу истинной жизни в родном пространстве стихов терцетов: *«Не петь мне гимнов ей! Иной мечтой согрет, / Напев мой волен там, где дышит жизнь природой…»*

Симметрии соответствий не отвечает лишь финальный образ сонета – «наследственный поэт», потому что тема творческого освоения действительности человеком насыщает лишь терцетную часть: *«быль, гимны, мечта, напев, песни»*. Итоговый образ сонета идентифицирует лирического героя как естественного носителя и продолжателя традиций отечественной истории и культуры, который в личностном настоящем лишен возможности созидательно реализовывать свой человеческий потенциал. Его трагедия состоит в ясно и мужественно осознаваемой невозможности обратного «исхода», обретения истинной свободы.

В катренах сонета «Исход» развернута организующая время-пространственную сферу инвариантная антитеза «тело – душа». Физически лирического героя находится в настоящем сейчас, т.е. пребывает в условиях урбанизированного пространства США. Окружающий мир – место рутины и обыденной пошлости, где для него возможна только *«забота нищенская о завтрашнем лишь дне»*. Этот мир повседневности поглощает лирического героя, наполняя его сердце мелочными и суетными переживаниями, далекими от привычной в прошлом духовной жизни. Настоящее в чужой стране оказывается совсем не ценным, поэтому он погружается в бесконечный самоанализ, обращенный в прошлое, представленное как абсолютная ценность.

Рефлексия времени организует композиционный перелом, синтезирующий прошлое и настоящее, «тело» и «душу». Герой понимает, что его истинная жизнь осталась там, в России, безвозвратно утерянной и бесконечно прекрасной, но телесная жизнь проходит здесь, в «чужой неласковой стране». Невозможность обретения смысла в настоящем трагична и ведет к перманентному душевному кризису. Хронотоп осложняется мотивами сна и бреда: утрачивается ощущение ценности происходящего – герой отчуждает себя от действительности и погружается в сферу вечного ментального пространства Руси в «какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома» [7. С. 13].

Мифологизированная Русь позволяет примириться с чуждой североамериканской средой, не принимаемой всей полнотой души. Понимая то, что на родину он уже не вернется, Голохвастов ищет пути примирения с реальностью путем погружения в свой миф о Руси. Физически являясь чужим для реального пространства жизни, лирический герой творчески осваивает ту ментальную сферу, в которой он «свой». «Чужой» живет исключительно в настоящем, «свой» – в прошлом и настоящем одновременно. Появление такой концептной антиномии объясняется стремлением носителя культуры к разделению мира на пространство «наше» / «свое» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [8. С. 175], причем подобное противопоставление пронизывает как индивидуальное, так и «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [9. С. 472].

Художественными ассоциантами «своего» у Голохвастова выступают следующие состояния и сущности – мечта, природа, жизнь, радость, беспечность, свобода, принадлежащие прошлому, гармоничному и идиллически непротиворечивому. Концепт «чужой» логично осваивает прямо противоположные характеристики сегодняшней реальности поэта: *«неласковая», «невольничий», «смирение», «нищенский», «неверный», «ненависть»* (обращает на себя внимание градационный характер перечисления отрицательных свойств – от просто «неласковой» страны до предельно обостренной ненависти всего мира *«на сердце оробелом»*). Ассоцианты «своего» и «чужого» в сонете симметрично связаны противопоставительными отношениями: *«незлобье» – «тупая ненависть»; «невольничий удел» – «свобода»; «существование / нудное дело» – «беспечность»; «косное тело» – «душа»; «неверная тишина» – «песни древних лет»*.

В сонете девятый стих становится местом реализации ключевой антиномии «жизнь – смерть»: *«Могу ль откликнуться на эту быль? – О нет»*. В соответствии со своим жанровым значением сюжет были реализуется в прошлом, однако лирический герой Голохвастова не может реагировать именно на быль настоящего: герой отрицает настоящее, живет не сейчас, не в данный момент – значит, мертв. Смерть наступает не в физиологическом смысле, а в значении смерти души – самой большой ценности православного человека – в условиях онтологически чуждого пространства. Здесь отчетливо реализовано мифологическое восприятие жизни как циклической целостности, которая отрицает смерть утверждением единства, це-

лостности и непрерывности бытия. Итак, в сонете концепт «смерть» в значении физического небытия нейтрализован, так как осознаваем на фоне ограниченного временем состояния души. В таком случае жизнь – это не только физическое существование, а «не-смерть», почти бессмертие. Бессмертие – качество души, а душа лирического героя пребывает в вечном, во времени-пространстве утерянной, но живой Руси.

Сонет Голохвастова представляется замечательным примером убедительного опровержения логико-риторического восприятия жанрово-строфической формы, предусматривающего разрешение противоречия тезиса и антитезиса в синтезе итоговой мысли [10. С. 407–432; 11. С. 557–573; 12. С. 17–52]. Ни одно из противоречий не разрешено в аккумулирующем их трагическом сознании «наследственного поэта» – образа, ставшего итогом драматизованного развития лирического сюжета: *я – невольник – нищий* (катрены) – *певец – человек – наследственный поэт* (терцеты). Антиномичные состояния сосуществуют в настоящем нерасчлененного миге сознания лирического героя, а суть гармонического решения в сонете «Исход» состоит в итоговом утверждении поэта как философской личности, вмещающей в свое сознание трагическую судьбу современника, нации, Руси и тоскующего о золотом веке человечества. Эта тоску в полной мере концептуально выразила замечательная по философской глубине поэма Голохвастова «Гибель Атлантиды».

Сонет XXVII «На чужбине» содержит ключевые основания концепта «Русь». В сюжетном времени композиция сонета структурирована архитектоникой: первый катрен – прошлая жизнь в пространстве Родины; второй катрен и первый терцет – существование в изгнании и надежды на возвращение в настоящем; последний терцет – надежда на чудо возвращения в будущем. Сонет открывается картиной прошлого поэта, радостного и гармоничного, наполненного сгущенным использованием слов эмоционально положительной семантики: *«радостно», «любить», «счастье», «единый»*. Лирический герой в прошлом ощущал себя активно действующим субъектом, который сам *«был», «ощущал», «находил»* и *«любил»*, т.е. полноценно жил. Созданию ощущения гармоничного счастья способствуют внутренние предцезурные рифмы первого и четвертого стихов: *«я был» – «любил»*. Обращенность временного вектора исключительно в прошлое грамматически опирается на использование форм простого прошедшего времени: *«был», «ощущал», «находил», «любил»*.

На Родине я был ее природной частью,
Я ощущал ее единою с собой,
В ней находил себя, дыша ее судьбой,
И радостно любил душой, привыкшей к счастью.
Теперь изгнанник я. Кругом, маня к участью,
Чужая жизнь кипит обильем и борьбой.
Но я, соблазнам чужд, к Отчизне рвусь с мольбой,
Лишь к ней одной горю израненною страстью.
Я не пою о ней в кругу других певцов,
Я за нее молюсь и жду ее гонцов, –
О смерти вне Руси и мысли не приемлю.

Как чудо, грянет зов к возврату беглецов:
Я буду целовать в слезах родную землю,
Обласкан воздухом страны моих отцов [3. С. 20].
1922 г.

Драматический переход осуществлен в пятом стихе. Трагедия сосредоточивается в одном полустишии-предложении, которое становится координатой пересечения время-пространственных планов всего сонета: *«Теперь изгнанник я»*, – где лирический герой отстраняется от восторженных переживаний прошлого и мужественно принимает груз чуждого настоящего. Характеристики предлагаемого *«чужой жизнью»* собственного жизненного сценария неприемлемы и оценочно воспринимаются как греховные *«соблазны»*.

Признавая достижения западной цивилизации, Голохвастов декларирует свою приверженность к родной, основанной на идеализации отношений человека с социумом и природой. Нью-Йорк становится полновесным символом города-мира, всей западной цивилизации. Лирический герой всегда ощущает его как неестественную для себя среду существования, которой противопоставляет страстную любовь к Родине, натурфилософски представленную единством с ее стихиями: землей (*«О смерти вне Руси и мысли не приемлю», «Я буду целовать в слезах родную землю»*), воздухом (*«Обласкан воздухом страны моих отцов»*), природой в целом, с ее историей и традицией духовной жизни (регулярно реализуемые мотивы мольбы, молитвы, земли, смерти, чуда и пр.). Духовная жизнь народа представляется лирическому герою повсеместной, для него она «в глубине каждого русского человека и в каждой пяди русской земли, она не сосредоточена в каком-либо определенном географическом субъекте» [7. С. 43]. Ведущее к аскезе отстранение от структурированного городского пространства американской жизни, надежда на чудо примирения, смиренное ожидание зова к возвращению придают герою сонета типологические черты праведника, страждущего за Русь на чужбине, идентифицирующего себя как наследника и законного представителя русской цивилизации.

Лирический герой мыслит свою смерть только в границах Руси, но даже если принять как данность, что он мечтает умереть именно в географическом пространстве России, то все равно смерть оказывается невозможной ровно настолько, насколько невероятно физическое возвращение. Смерть лирического героя, как и в сонете «Исход», начинает восприниматься как «не-смерть», «отсутствие смерти». Надежда на то, что *«грянет зов к возврату беглецов»* следует после упоминания о возможной смерти лирического героя, поэтому возвращение на Родину воспринимается как воскрешение и последующее бессмертие. В составе терцетов данный стих выделен акцентированным благозвучием рифменного согласия своих полустиший: *«зов… беглецов»*.

Мотив «родная земля» сюжетно-образно замыкает пространство сонета. *«Страна моих отцов»* – это мифологизированное пространство бесконечно прекрасной утерянной родной земли, возвращение в которую вряд ли возможно. Оно предполагается где-то за границей бытия в бессмертии. Русь для Голохвастова – это ментальная вневременная ценность, соответственно, ее исчерпывающе полная метафизическая идентификация невозможна для индивидуума. Родная земля Голохвастова связана с христианскими основами мировоззрения русского человека: «Почти смешивает и отождествляет он <русский человек> свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [7. С. 40]. *«Страна отцов»* имеет в своем поле несколько важных смыслов: ее обретение возможно после того, как *«грянет зов»*, а это время находится за чертой земного существования героя в жизни его бессмертной души; в образ привносятся признаки мифологемы рая, эта страна – место вечности и покоя, где лирический герой, наконец, обретет счастье.

В поэзии Голохвастова образно-семантическим содержанием концептосферы «Русь», реализуемой в условиях инвариантной оппозиции «свое» – «чужое», утверждается уникальная цивилизационная самобытность Родины. Концепт, отмеченный чертами вневременности и всенаходимости, трансформируется в сакрализованное мифологическое пространство, в котором отрицается сам факт смерти человека, а жизнь представляется высшей ценностью – прекрасной, свободной и счастливой. Образно-семантическое поле концепта в сонетах каждого сюжетного типа составляют ассоцианты положительных смыслов. Величие, сила, исключительность, жертвенность, благородство, великодушие и гуманность – в сфере отношений с иноземным миром; мечта, жизнь, радость, беспечность, свобода, творчества – в сфере духовной жизни принадлежащего Руси человека. Вариации ассоциантов концепта находятся в прямой зависимости от душевного состояния лирического героя: чем полнее он включен в «чужую» действительность, тем трагичнее его мировосприятие, и, соответственно, тем идиллличнее качественные характеристики Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернуться в Россию – стихами… 200 поэтов эмиграции : антология / сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М. : Республика, 1995. 688 с.
2. Георгий Голохвастов. Жизнь и сны. Нью-Йорк : Издание кружка русских поэтов, 1943. 90 с.
3. Георгий Голохвастов. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. М. : Водолей, 2010. 252 с.
4. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 42.
5. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород, 2001. 168 с.
6. Останкович А.В., Фокина А.Д. Цивилизационные концепты «Русь», «государство» и «правитель» в художественном выражении общероссийской идентичности: сонеты на исторические сюжеты Г.В. Голохвастова // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 87–93.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Эксмо, 2007. 129 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Бехер И.Р. Философия сонета или малое наставление по сонету // Литература и искусство. М., 1981. С. 407–432.
11. Брюсов В.Я. Синтетика поэзии // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7. М., 1975. Т. 6. С. 557–573.
12. Герасимов К.С. Диалектика канонов сонета // Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета : сб. материалов науч. конф. Тбилиси, 1985. С. 17–52.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

THE PLOT AND IMAGE CONCRETIZATION OF THE CONCEPT *RUS'* IN SONNETS BY G.V. GOLOKHVASTOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 49–55.
DOI: 10.17223/15617793/436/6

Anatoliy V. Ostankovich, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ost_av@mail.ru
Anastasiya D. Alexenko, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nastasya140@rambler.ru

Keywords: sonnet; civilization; symbol; concept; Russia; state; verse; plot; invariant; image.

This study is devoted to the little-studied heritage of G.V. Golokhvastov, the most talented representative of the poetry of Russian "Americans", who formed an active creative community in the beginning of the 20th century in New York. (V. Ilyashenko, D. Magoula, E. Christians). The article contains a description, analysis and interpretation of the invariant concept "Rus'", which determines the figurative and symbolic content of the Russian civilization as a whole in Golokhvastov's sonnets. Sonnets expressing the content and ideological foundations of Russian civilization form two cycles in the poet's work: (1) sonnets on subjects from the historical past of Russia and (2) sonnets of intimate and personal content. The sonnets of the first ("Rendezvous", "King and King", "Princess Sophia", "Winner and Defeated", "Victory", "Candle", "Under the Spittle") are based on historical events that determined the cultural and historical appearance of Russia from ancient times to the middle of the 20th century, and their heroes are real historical figures, the Russian rulers. In the sonnets, Russian civilization is represented in the form of a community, united by a responsible lord, a large-scale national goal and deed. Associates of the "sovereign" are the power of the spirit, greatness, exclusivity. The sonnet "Under the Spitting" with the image of Alexander II adds nobility, sacrifice, generosity and humanity to the stable associates. The second cycle contains sonnets with intimate and personal subjects from the author's past and present. In sonnets on themes of the author's past ("Winter Way"," Winter"," Friends"," On Country Roads"," Memory", etc.), the concept "Rus'" is entered in personal memories and is represented by pictures of the childhood or youth of the lyrical hero. Such sonnets show an idyllic picture of Rus'-Russia. The lyrical hero associates pictures of the ancestral estate with Russia, which is a place of full life for the mind and soul of the lyrical hero (identical to the author). The sonnets on the topics from the "real" life time of the author ("Exodus", "On a Fracture", "In the City", "In Exile", "Sleepless Hours", "Street", etc.) are filled with imagery and semantics of the

concept sphere “Rus’”, expressed in the invariant opposition “own” – “alien” which creates the unique identity of Russia. The concept with its properties of timelessness and outwardness is transformed into a sacralized mythological space in which the mere fact of death is implicitly denied, and life is the highest value – beautiful, free and happy. The semantic field of the concept “Rus’” in the sonnets of each type consists of associates with positive meanings: greatness, strength, exclusivity, sacrifice, nobility, generosity and humanity in the sphere of relations with the foreign world; dream, life, joy, carelessness, freedom in the sphere of spiritual life of the individual. Variations of associates of the concept “Rus’” directly depend on the state of mind of the lyric hero: the fuller it is included in the surrounding “alien” reality, the more dramatic is his worldview, and, accordingly, the more idyllic is the qualitative description of Russia.

REFERENCES

1. Kreyd, M. (1995) *Vernut’sya v Rossiyu – stikhami… 200 poetov emigratsii: antologiya* [Return to Russia – in verse . . . 200 poets of emigration: an anthology]. Moscow: Respublika.
2. Golokhvastov, G. (1943) *Zhizn’ i sny* [Life and dreams]. New York: Izdanie kruzhka russkikh poetov.
3. Golokhvastov, G. (2010) *Lebedinaya pesnya: Nesobrannoe i neizdannoe* [A swan song: Unsorted and unpublished]. Moscow: Vodoley.
4. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*. 4. p. 42.
5. Zusman, V.G. (2001) *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and concept in literature. Literature and music]. N. Novgorod: DEKOM.
6. Ostankovich, A.V. & Fokina, A.D. (2015) Tsivilizatsionnye kontsepty “Rus’”, “gosudarstvo” i “pravitel’” v khudozhestvennom vyrazhenii obshcherossiyskoy identichnosti: sonety na istoricheskie syuzhety G.V. Golokhvastova [Civilization concepts of “Rus’”, “state” and “ruler” in the artistic expression of the all-Russian identity: sonnets on historical plots by G.V. Golokhvastov]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2. pp. 87–93.
7. Berdyaev, N.A. (2007) *Sud’ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Eksmo.
8. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
9. Stepanov, Yu.S. (1997) *Slovar’ russkoy kul’tury* [Dictionary of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
10. Bekher, I.R. (1981) Filosofiya soneta ili maloe nastavlenie po sonetu [Philosophy of the sonnet or a small instruction on the sonnet]. In: *Literatura i iskusstvo* [Literature and art]. Moscow: Znanie.
11. Bryusov, V.Ya. (1975) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 557–573.
12. Gerasimov, K.S. (1985) [The dialectic of the canons of the sonnet]. *Garmoniya protivopolozhnostey. Aspekty teorii i istorii soneta* [Harmony of opposites. Aspects of the theory and history of the sonnet]. Proceedings of the Conference. Tbilisi: Tbilisi State University. pp. 17–52. (In Russian).

Received: 17 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

УДК 81'27

З.И. Резанова, И.Г. Темникова, Е.Д. Некрасова

ДИНАМИКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В ЗЕРКАЛЕ БИЛИНГВИЗМА (РУССКО-ШОРСКОЕ И РУССКО-ТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Представлены результаты анализа проекции билингвальных несбалансированных языковых ситуаций в языковом сознании билингва. Анализируются русско-татарский и русско-шорский билингвизм в местах исконного компактного проживания билингвов с использованием данных социолингвистического и психолингвистического анкетирования. Выделены три возрастные группы билингвов, различающиеся уровнем и характером владения двумя языками (русским и шорским, русским и татарским), а также система субъективного отношения к двум языкам. Охарактеризовано влияние разнонаправленно действующих социокультурных факторов на процессы языковой динамики в исследуемых территориях.

Ключевые слова: языковая ситуация; билингвизм; русско-шорский билингвизм; русско-татарский билингвизм; социолингвистическое анкетирование; психолингвистическое анкетирование.

Статья представляет один из аспектов большого исследовательского проекта, направленного на выявление закономерностей исторического развития и современного состояния языков и культур Южной Сибири в аспекте их взаимодействия на основании современных языковых, антропологических и психолингвистических данных с применением корпусных и психолингвистических методов исследования[1].

Конечным результатом проекта станет построение модели языковых отношений анализируемых идиом региона в динамике. В сферу исследовательского внимания участников проекта включаются чулымский, телеутский, шорский, хакасский, селькупский, хантыйский, мансийский и иных тюркские и уральские языки региона. Собираются лингвистические данные, релевантные для лингвогеографической, этнокультурной и социолингвистической классификации языков и диалектов [1–5].

Одна из особенностей проекта – анализ языкового взаимодействия малых языков региона через обращение к русскому языку, языку-макропосреднику в основном составе сфер коммуникации. При этом исследуется не только влияние доминирующего языка на современное существование малых языков, но и процессы обратного воздействия малых языков коренного населения Сибири на коммуникацию на русском языке, а также влияние свойств этнического (одного из тюркских) языка на когнитивную обработку единиц русского языка в процессах коммуникации при решении разного рода лингвистических и нелингвистических когнитивных задач. Выявляются корреляции между различными исследуемыми классификационными языковыми и психолингвистическими признаками в этногенетических процессах в регионе.

Отметим, что влияние русского языка на местные языки Сибири фиксировалось и ранее в полевых записях, так как практически все информанты, носители языков Юга Сибири, являются билингвами. В настоящее время имеются исследования русско-тюркской интерференции в языковых практиках [6–9]. Последовательного специально ориентированного систематического сбора эмпирического материала, свидетельствующего о влиянии малых языков, являющихся материнскими, на когнитивные процессы русскоязычных билингвов, носителей малых языков региона, никогда не проводилось. Вследствие этого в проекте наряду с формированием корпусов текстов и аудиословарей тюркских и уральских языков региона создаются корпуса текстов, отражающих речь русско-тюркских билингвов [10–12]. Формирование репрезентативного корпуса текстов русскоязычных билингвов необходимо для того, чтобы сделать достоверные выводы о речевых манифестациях языковых взаимодействий. Языковые взаимодействия исследуются на основе формирования объемных текстовых баз данных, обеспечивающих возможность многомерной параметризации материала, социолингвистического и психолингвистического анкетирования респондентов, что в совокупности обеспечивает возможность выявить корреляции социолингвистических и собственно лингвистических параметров языковой ситуации в регионе.

Принципиальной установкой авторов проекта является методологическая интеграция: используются *собственно лингвистические методы*, основывающиеся на полевых исследованиях, результатом которых являются введение и анализ нового языкового материала, *методы социолингвистический интерпретации*, основывающиеся на анализе официальных данных о социолингвистической ситуации в разных административных образованиях в регионе, и данных, полученных в полевых исследованиях с привлечением лингвистических и социолингвистических анкет, *когнитивные и психолингвистические методы* (психолингвистическое анкетирование, поведенческие и другие эксперименты) изучения социолингвистических и психолингвистических аспектов языковой динамики региона. В результате такой методологической интеграции становится возможным понимание тенденций динамики языкового взаимодействия, влияние социальных факторов на специфику языковой интерференции и процессов когнитивной обработки разных типов языковых единиц.

В данной статье представлены результаты социолингвистического анализа динамики билингваль-

ных языковых ситуаций в двух территориальных объединениях: в Томске и прилежащих деревнях – языковая ситуация русско-татарского билингвизма; в поселке Шерегеш и городе Таштогол Кемеровской области и прилежащих к ним деревнях, для которых характерна языковая ситуация русско-шорского билингвизма.

Цель статьи – выявление личностных проекций современной динамики языковых ситуаций в регионе, соотнесение объективных параметров двух языковых ситуаций и ее преломления в субъективных самооценках функционального распределения языков билингвами.

При анализе динамических процессов языковой ситуации мы интерпретируем *билингвизм* как вариант мультилингвизма (многоязычия), определяемого как «употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [13]. В такой интерпретации билингвизм / полилингвизм является отражением в личном плане двуязычных / многоязычных языковых ситуаций. При этом спектр вариантов использования языков в коммуникативных практиках может быть весьма широким: от сбалансированного до пассивного, неполного («понимаю, но не говорю») двуязычия[1]. Языковая ситуация интерпретируется в соответствии со сложившейся традицией как функциональное распределение языков и подъязыков, обслуживающих всю совокупность коммуникативных потребностей жителей какого-либо территориального распределения.

Источником материала послужили официальные данные (результаты переписи населения) [17] данные официальных сайтов администраций исследуемых административных образований [18, 19], общественных организаций [20, 21], а также данные анкетирования, проведенного в экспедициях участниками проекта с использованием двух соотнесенных анкет.

Социолингвистическая анкета, разработанная О.А. Казакевич, в настоящее время является общепринятой при получении основной информации для изучения влияния социальных факторов на характер владения языками представителей различных этносов на территории РФ [22]. Анкета включает вопросы относительно социальных аспектов личности билингва: времени и месте его рождения, проживания, уровне и направленности образования, характера профессиональной деятельности, особенностей приобретения и использования языков. Анкета включает также вопросы, направленные на формирование социального и языкового портрета родственников информанта на трех уровнях родства.

Языковая анкета билингва, разработанная на основе опросника Language Experienceand Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [23], направлена на получение информации о характере и типе владения языками билингвом / полилингвом. При проведении анкетирования на основе данного опросника используется прием фиксации субъективной самооценки билингвом / полилингвом активности использования, порядка усвоения языков, соотношения времени использования языков в тот период жизни билингва, когда происходит интервьюирование, предпочтения выбора языков в разных видах коммуникации; определяется история пользования языками – время вхождения в каждый из языков или их изучения, время пребывания в среде языков, оценка информантом уровня владения языками и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков и т.д.

В статье представлены результаты анализа проведенного анкетирования[2].

Границы языковых ситуаций определяются типами речевого взаимодействия, вследствие этого они могут совпадать или не совпадать с границами административных образований. К важнейшим характеристикам языковых ситуаций относятся количество идиомов, обслуживающих все сферы коммуникации, степень их функциональной сбалансированности, т.е. равноправие / неравноправие идиомов в обслуживании всего набора коммуникативных позиций.

В классических социолингвистических работах противопоставляется официальная и фактическая сбалансированность / несбалансированность идиомов в административном (территориальном) образовании[3].

Исследуемые билингвальные языковые ситуации в двух территориальных образованиях характеризуются в настоящее время как двуязычные несбалансированные. Татарский (в Томске и прилегающих селах функционирует сибирский диалект татарского языка) и шорский (в двух основных диалектных формах) в настоящее время являются по преимуществу языками семейного, бытового и эстетически направленного общения.

При анализе языковых ситуаций, определения роли и характера использования этнического языка в разных сферах коммуникации мы опираемся на теоретические положения, представленные в работе Е.А. Кибрика, проинтерпретировавшего влияние разнонаправленных социокультурных факторов на степень жизнеспособности малых языков бывшего СССР [25].

Одним из важнейших факторов, определяющих жизнеспособность языка, является ***численность этнической группы и говорящих на языке данной группы в соотнесении с возрастными группами говорящих на данном языке.***

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность татар в составе жителей Томской области, указавших сведения о национальной принадлежности (95,7% опрошенных), составляет 17 029 человек (1,7% всего населения Томской области), что на 0,2% меньше по сравнению с данными предыдущей переписи 2002 г., по данным которой к татарам себя причислили 20 145 человек. Тем не менее татарам принадлежит второе место по численности населения Томской области. В качестве родного языка татарский был указан 6 948 опрошенными, что составляет 40,8%. Так, практически все татары, по данным Переписи населения 2010 г. (16 901 человек, что составляет 99,2% от числа опрошенных), указали, что владеют русским языком, что же касается татарского, только 6 088 человек (35,7%) отметили, что владеют татар-

ским языком, 32 человека из числа опрошенных указали владение только одним (татарским) языком [17].

Численность шорцев, по данным Переписи населения 2010 г., составила 12 888 человек (0,4% всего населения Кемеровской области), что на 0,1% больше по сравнению с предыдущей переписями (2002 г.) [17]. При этом этническая группа шорцев занимает четвертое (после русских, татар, немцев и украинцев) по численности место среди народов Кемеровской области. Согласно официальным данным, только 64% (6 860) шорцев в 2010 г. указали, что владеют русским языком помимо родного.

Компактность и исконность мест проживания этноса является сильным фактором, содействующим сохранению этнического языка. Обследуемые территориальные объединения являются местами компактного проживания шорцев[4] (поселок Шерегеш, город Таштогол и прилегающие деревни Кемеровской области) и татар[5] (деревни Томского района Черная речка, Тахтамышево, Эушта, Барабинка, а также некоторые районы г. Томска (Татарская слобода, или Заисток); центром поддержания жизнеспособности татарского языка можно назвать деревню Эушта, большинство жителей которой общаются между собой преимущественно на татарском языке – на улице, в магазине можно услышать в основном татарскую речь.

А.Е. Кибрик отмечает значительное влияние ***фактора возраста говорящих*** на нем на жизнеспособность языка.

Анализ отражения языковой ситуации в языковых практиках обследуемых районов дал основание для выделения трех возрастных групп (ВГ) билингвов.

Первую группу составили респонденты в возрасте до 35 лет (в выборке русско-татарских билингвов численность этой группы составляет 7 человек, в выборке русско-шорских билингвов – 3 человека), вторую – от 35 до 65 лет (12 и 8 человек соответственно), третью – старше 65 (6 и 11 человек соответственно).

Анализ анкет, непосредственные беседы с информантами свидетельствуют о различном уровне и характере владения языком в трех возрастных группах, о его резком убывании от старшего поколения к среднему возрасту и молодежи.

Рассмотрим **динамику использования русского языка** изучаемыми группами русско-тюркских билингвов.

Средний возраст респондентов выборки ***русско-татарских билингвов*** составил 52,56 (SD = 16,9), диапазон варьирования возраста – от 21 года до 77 лет.

На вопрос «На каком языке Вы говорили в детстве до школы?» только татарский указали 4 респондента 1-й ВГ (57,1%), 9 респондентов 2-й ВГ (75%), 1 респондент 3-й ВГ (16,6%); только русский – 1-й (14,3%), 2 (16,6%) и 0, соответственно, 3-й ВГ; остальные указали оба языка. Таким образом, русский язык в качестве основного (единственного) средства общения появляется в семейном обиходе только у представителей 1-й и 2-й ВГ.

В начальной школе русский язык становится основным языком общения во всех возрастных группах – в 1-й ВГ его указали 5 респондентов (71,4%), во 2-й ВГ – 7 респондентов (58,3%), в 3-й ВГ – 5 респондентов (83,3%).

В различных ситуациях общения на момент анкетирования (на работе, в магазине, администрации, с соседями) в качестве единственного средства общения русский язык указали 4 респондента 1-й ВГ, (57,1%), 8 респондентов 2-й ВГ (66,6%), и 3 респондента 3-й ВГ (50%).

В диаграмме на рис. 1 отражены тенденции в использовании русского языка представителями трех возрастных групп русско-татарских респондентов.

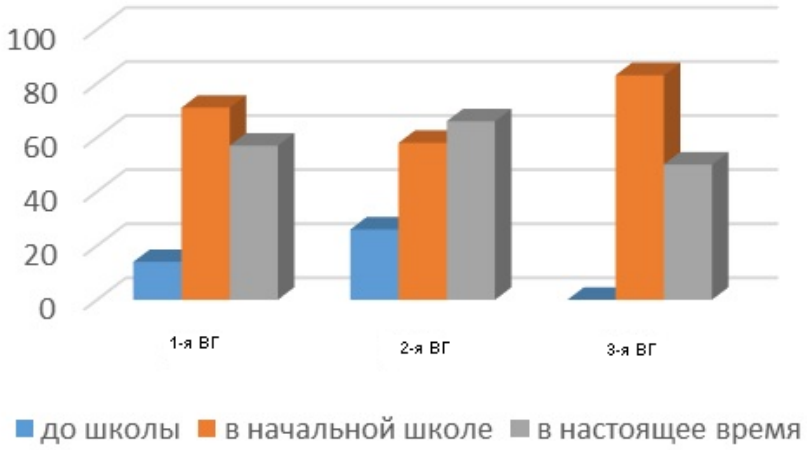

Рис. 1. Динамика использования русского языка русско-татарскими билингвами

Средний возраст респондентов ***русско-шорских билингвов*** составил 54 года (SD = 14,6). Самому молодому из опрошенных респондентов на момент анкетирования было 27 лет, самому пожилому – 77 лет.

На вопрос «На каком языке Вы говорили в детстве до школы?» только шорский указали 1 респондент 1-й ВГ (33,3%), 5 респондентов 2-й ВГ (62,5%), 5 респондентов 3-й ВГ (45,5%); только русский – 1 (33,3%), 1 (12,5%) и 2 (18%) соответственно, остальные указали оба языка. Таким образом, русский язык в качестве основного (единственного) средства общения в большей степени проявляется в семейном обиходе у представителей 3-й ВГ.

В начальной школе русский язык занимает основное место как язык социальной коммуникации (обучения) во всех возрастных группах – в 1-й ВГ русский

в качестве *единственного* языка общения указали 2 респондента (66,7%), во 2-й ВГ – 2 (25%), в 3-й ВГ – 4 респондента (36%). При этом 100% опрошенных респондентов отмечают, что совмещали использование двух языков: русский как язык обучения и коммуникации с людьми других национальностей, шорский язык – язык бытового и семейного общения.

В различных ситуациях общения на момент анкетирования (на работе, в магазине, администрации, с соседями) в качестве *единственного* средства общения русский язык указали 3 респондента 1-й ВГ (100%), 4 респондента 2-й ВГ (50%) и 7 респондентов 3-й ВГ (63%). Остальные респонденты отмечают, что по-прежнему используют два языка, дифференцируя их по функциональной сфере использования (в школе – на шорском, в остальных местах – на русском) и национальной принадлежности собеседника (с шорцами – на шорском, с остальными национальностями – на русском).

Различия в использовании русского языка русско-шорскими билингвами отражены в диаграмме на рис. 2.

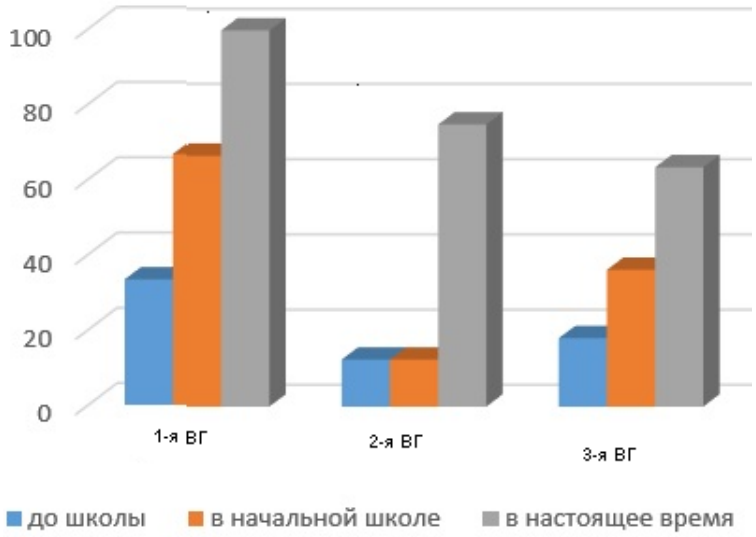

Рис. 2. Динамика использоваться русского языка русско-шорскими билингвами

Таким образом, можно видеть различия в динамике использования русского языка в исследуемых выборках русско-татарских и русско-шорских билингвов: если у русско-шорских билингвов во всех трех возрастных группах наблюдается устойчивый рост использования русского языка как *единственного* средства общения в самых разных ситуациях, то у русско-татарских билингвов такая тенденция наблюдается только во 2-й ВГ, у представителей 1-й и 3-й ВГ, напротив, наблюдается сокращение сферы использования русского языка в качестве единственного средства общения в настоящее время.

В качестве единственного средства общения татарский или шорский языки используются только на начальном этапе жизни респондентов (как язык семейного общения), в дальнейшем оставаясь языком общения с людьми, относящимися к данному этносу. Интересно отметить, что представители 1-й и 2-й ВГ русско-татарских респондентов в основном указывают в качестве средства общения в период «до школы» либо татарский, либо русский язык, в то время как представители 3-й ВГ чаще всего указывают оба языка (66,6% из числа опрошенных).

Схожую динамику использования родных языков демонстрируют обе группы русско-тюрских билингвов.

Как можно видеть на графиках (рис. 3 и 4), процент респондентов, использующих *только* родной язык во всех сферах функционирования языка, падает при их институционализации: после поступления в начальную школу дети почти утрачивают возможность общаться *только* на шорском языке. Среди русско-татарских билингвов резко сокращается процент использования *только* татарского языка во всех сферах общения в начальной школе (и сокращается до нуля в современной коммуникативной ситуации).

Охарактеризуем ***динамику совместного использования родного и русского языков*** в повседневной коммуникации изучаемыми группами руско-тюркских билингвов.

На графиках (рис. 5 и 6) отражено различие в динамике совмещения родного и русского языка в повседневной коммуникации рассматриваемых групп билингвов.

Отметим, что динамика совместного использования родного и русского языков в разных возрастных группах русско-татарских билингвов имеет заметные отличия. Несмотря на то что до поступления в школу представители 3-й ВГ успешно совмещали в повседневной коммуникативной практике оба языка (а возможно, именно поэтому) в период институционализации они с большей легкостью переходят на русский язык, который становится основным языком в дальнейшем. У представителей 1-й и 2-й ВГ такого резкого перехода с татарского на русский язык в начале периода институционализации не наблюдается, возможно потому, что большая часть представителей групп до школы говорили преимущественно на татарском языке.

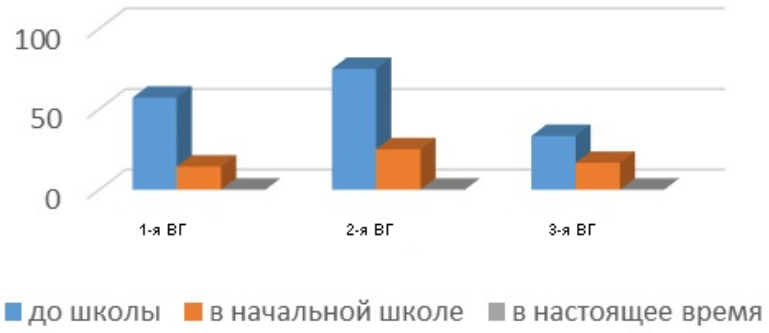

Рис. 3. Динамика использования татарского языка
русско-татарскими билингвами

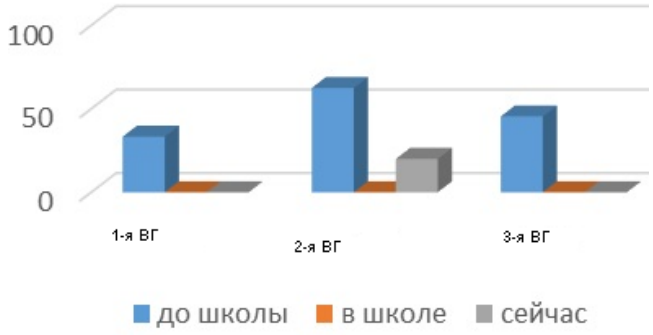

Рис. 4. Динамика использования шорского языка
русско-шорскими билингвами

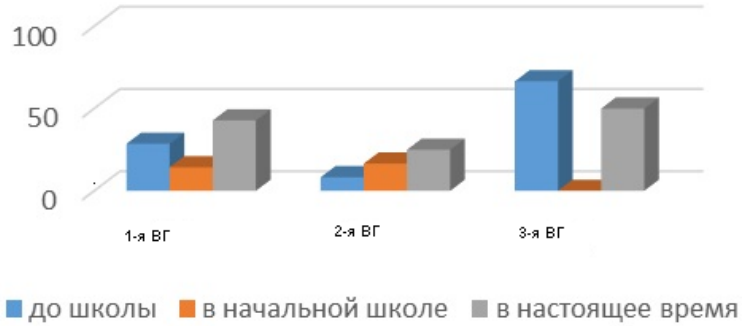

Рис. 5. Динамика использования татарского и русского языков
русско-татарскими билингвами

Рис. 6. Динамика использования шорского и русского языков
русско-шорскими билингвами

Как показывают данные анкет, до и после поступления в школу представители русско-шорских билингвов в разном процентном отношении предпочитают общаться только на шорском, только на русском либо совмещать (в очень низком процентном соотношении – ниже 30% для всех возрастных групп) оба языка.

После институционализации 100% опрошенных респондентов отмечают, что начинают совмещать два языка в общении. Чаще всего на уроках дети общаются на русском языке, а вне классных стен – на шорском.

Наиболее наглядно ***конкуренция языков*** у русско-шорских билингвов видна на рис. 7.

Из диаграммы (рис. 7) динамики использования русского и шорского языков русско-шорскими билингвами хорошо видна закономерность:

1. До школы у всех трех возрастных групп билингвов преобладает использование шорского языка во всех коммуникативных сферах (кроме молодежи, которая в равной степени использует русский, шорский языки или комбинирует их).

2. С момента поступления в школу использование *только* шорского языка снижается до 0%. Билингвы начинают комбинировать оба языка, разделяя их по функциональной сфере использования. В школе на уроках говорят на русском, на переменах в школе, дома – на шорском и русском.

3. После школы, с одной стороны, происходит расширение сфер функционирования русского языка, возрастает количество билингвов, предпочитающих и в повседневной жизни использовать *только* русский язык, с другой – в ряде случаев редуцируется жесткая необходимость использовать русский язык в институциональной коммуникации (школа), поэтому несколько возрастает число билингвов, использующих *только* шорский язык.

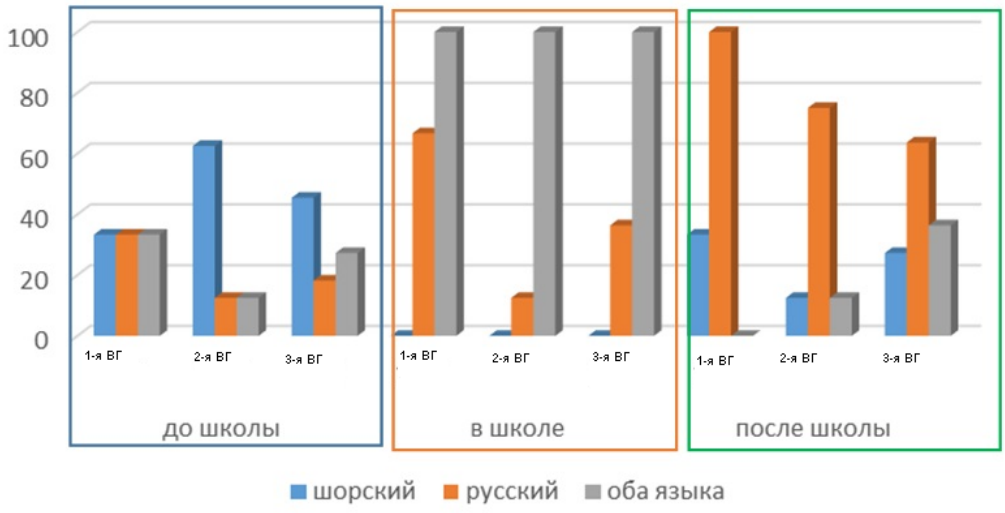

Рис. 7. Динамика использования анализируемых языков русско-шорскими билингвами

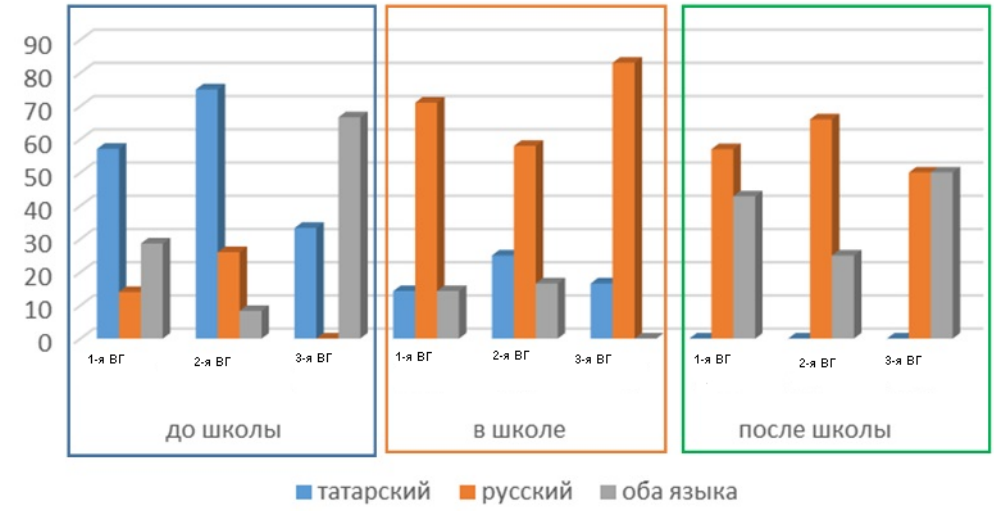

Рис. 8. Динамика использования анализируемых языков русско-татарских билингвами

Из диаграммы динамики использования русского и татарского языков русско-татарскими билингвами хорошо видна закономерность:

1. До школы у первой и второй возрастных групп билингвов преобладает использование татарского языка во всех коммуникативных сферах. В третьей возрастной группе отмечается меньший процент использования родного языка в сравнении с совмещением двух языков.

2. С момента поступления в школу использование *только* татарского языка снижается до 10–20%, рус-

ский язык начинает замещать родной во всех сферах функционирования.

3. После школы происходит снижение использования *только* татарского языка до 0%. Наравне с использованием русского языка возрастает ситуация комбинирования обоих языков в повседневном общении во всех трех возрастных группах.

При проведении анкетирования подтвердилась тенденция, выявленная в Переписи населения 2010 г. – определенная ***степень свободы этнического самоопределения*** от степени и характера владения этническим языком.

При анкетировании в группе русско-шорских билингвов выделились две подгруппы респондентов: большинство отметили в качестве родного языка шорский язык (91% опрошенных), однако часть респондентов в качестве родного языка называет русский язык (2 человека), тем не менее, респонденты обеих групп определяют этническую принадлежность как шорскую.

Кратко охарактеризуем вторую группу респондентов. Один человек отмечает, что начал изучение шорского языка в школе, второй – самостоятельно после окончания университета. При этом оба респондента отмечают шорский язык как «родной» (например, «нужно учить шорский, потому что это родной язык»). В настоящее время один из указанных респондентов работает методистом, второй – учителем русского языка и литературы.

Похожую картину можно наблюдать и в группе русско-татарских билингвов: 2 человека (8% от общего числа опрошенных) указывают в качестве родного языка русский, подчеркивая, однако, заинтересованность в углублении своих знаний татарского языка; несмотря на невысокий уровень владения татарским языком один из респондентов, входящих в данную группу, оценивает степень своей идентичности с татарской культурой на 8 баллов из 10 возможных.

Продолжим анализ факторов, влияющих на характер динамики взаимодействия русского и анализируемых тюркских языков.

При анализе динамики малых языков бывшего СССР в работе А.Е. Кибрика была выявлена значимость ***факторов этнического характера браков и типа семейного воспитания.*** Анализ анкет позволил выявить следующие тенденции.

Во всех возрастных группах преобладают моноэтнические браки, среди опрошенных шорских респондентов только в третьей возрастной группе респонденты вступают в этнически смешанные браки. Среди татарских респондентов, имеющих супруга / супругу, количество моноэтнических браков незначительно превышает количество смешанных (36% и 24% соответственно).

Русский как язык семейного общения вытесняет этнический не только в этнически смешанных, но и в этнически однородных браках, определяющую роль играет социальная позиция русского языка как доминирующего, что, однако, не сказывается на характере этнического самоопределения: национальность детей определяется как шорская и татарская соответственно.

Отметим различие в позициях шорцев и татар при выборе имен для детей. У шорцев существует традиция именования детей именами, характерными для русской культурной традиции (Ирина, Наталья, Вера, Зинаида, Екатерина, Сергей, Евгений, Игорь и т.п.). Представители первой возрастной категории (до 35 лет), активно стремящиеся к возрождению шорской культуры и шорского языка, – не исключение. Респонденты объясняют выбор имен принятой практикой (например, «Все так называют»). При наличии русских имен у респондентов и их детей (Борис, Денис, Света) в группе русско-татарских билингвов преобладает традиция именования личными именами тюркского происхождения (Наиль, Залида, Амир, Фаниль).

Абсолютное большинство респондентов в качестве ***основного фактора, влияющего на усвоение родного языка***, указали ***общение в семье***, вследствие этого представим данный параметр подробнее.

В качестве основного фактора влияния на усвоение **татарского языка** почти все носители татарского указывают общение в семье, вторым по значимости фактором является общение с друзьями. Общение с представителями старшего поколения (родители, бабушки, дедушки) происходит в основном на татарском или татарском и русском языках, только 2 респондента указали русский язык в качестве единственного языка общения. Что же касается общения с детьми, только 3 респондента из числа имеющих детей используют в качестве средства общения исключительно татарский язык, 9 респондентов – только русский язык, 6 респондентов используют и русский, и татарский.

При общении с другими людьми многие респонденты отдают предпочтение тому языку, который является родным для их собеседников (русский или татарский, в единичных случаях английский, узбекский, казахский, немецкий), 8 респондентов выбирают русский в ситуациях общения с людьми разных национальностей.

В рамках нашей выборки прослеживаются две разнонаправленные тенденции, которые в равной мере характерны для всех трех выделенных возрастных групп: в ситуациях общения с представителями старшего поколения (родители, бабушки, дедушки) большая часть использует татарский или татарский и русский, только русский выбирают единицы (5 респондентов, или 20% от общего числа опрошенных); что касается общения с представителями младшего поколения (дети), ситуация меняется кардинально: только татарский указали лишь 3 респондента (2-я и 3-я ВГ), татарский и русский – 6, большинство в качестве единственного средства общения с детьми выбирает русский язык (9 человек). Таким образом, складывается ситуация, не благоприятствующая поддержанию жизнеспособности татарского языка.

Соотношение использования языков в семейном общении русско-татарских билингвов представлено в табл. 1.

Действию факторов, оказывающих позитивное влияние на сохранение и подержание языка, противодействуют следующие факторы:

1) ***преподавание языка в школе***;

2) ***социально-общественная форма существования этноса***: активная динамика от традиционной к современной, интегрированной в общие социальные процессы;

3) ***языковое окружение этноса*** – русскоязычное, активные контакты носителей языка с русскоязычным окружением, абсолютное доминирование русского языка во всех сферах институциональной коммуникации, законодательно закрепленное и фактически реализуемое (образование и все социальные сферы коммуникации).

Таблица 1

Языки общения между представителями разных поколений русско-татарских билингвов

ВГ	С бабушкой, дедом*			С родителями			С детьми*		
	татарский	русский	татарский, русский	татарский	русский	татарский, русский	татарский	русский	татарский, русский
1-я	3 (43%)	–	4 (57%)	–	2 (28%)	5 (72%)	–	1 (14%)	2 (28%)
2-я	10 (83%)	1 (8%)	–	9 (75%)	1 (8%)	2 (12%)	2 (12%)	5 (41%)	4 (33%)
3-я	4 (66%)	1 (16%)	–	3 (50%)	–	3 (50%)	1 (16%)	3 (50%)	–

Аналогичным образом проследим ситуацию общения с семьей в **среде русско-шорских билингвов**. Важным фактором усвоения шорского языка, по субъективной оценке респондентов, является (в порядке убывания влияния): общение с семьей, общение с друзьями, самообразование. При этом мы наблюдаем падение роли этнических языков в семейной коммуникации, как следствие – функционирование их как первых, материнских, родных.

Из табл. 2 видно, что респонденты второй и третьей возрастных групп предпочитают общаться со старшими родственниками на шорском языке, и только в первой возрастной группе две трети респондентов общаются со старшими родственниками либо на русском, либо чередуя русский и шорский. Первая возрастная группа при общении с детьми делает выбор в пользу русского языка, либо чередует русский и шорский язык. Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов второй и третьей возрастных групп предпочитают общаться на русском языке со своими детьми, сохраняются традиции общения на шорском языке.

Соотношение использования языков в семейном общении русско-шорских билингвов представлено в табл. 2.

Таблица 2

Языки общения между представителями разных поколений русско-шорских билингвов

ВГ	С бабушкой, дедом			С родителями			С детьми		
	шорский	русский	шорский, русский	шорский	русский	шорский, русский	шорский	русский	шорский, русский
1-я	1 (33,3%)	1 (33,3%)	1 (33,3%)	–	1 (33,3%)	1 (33,3%)	–	2 (66,6%)	1 (33,3%)
2-я	7 (87%)[6]*	–	–	5 (62%)	–	2 (18%)	2 (25%)	3 (37,5%)	2 (25%)
3-я	6 (54%)*	–	–	6 (54%)	2 (18%)	2 (18%)	1 (9%)	8 (72,7%)	1 (9%)

Действию факторов, оказывающих позитивное влияние на сохранение и подержание языка противодействуют следующие факторы:

1) ***преподавание языка в школе***;

2) ***социально-общественная форма существования этноса***: активная динамика от традиционной к современной, интегрированной в общие социальные процессы;

3) ***языковое окружение этноса*** – русскоязычное, активные контакты носителей языка с русскоязычным окружением, абсолютное доминирование русского языка во всех сферах институциональной коммуникации, законодательно закрепленное и фактически реализуемое (образование и все социальные сферы коммуникации).

Все это способствует вытеснению исконных языков в сферы бытового общения, семейного, дружеского, сужение социальных сфер коммуникации, что проявляется и в исследуемых языковых ситуациях. Все поколения опрошенных респондентов, и шорцев и татар, получали образование на русском языке. Именно необходимость получения образования, стремление к успешности в обучении, в жизни многих представителей старшего поколения явилась причиной отказа от использования родного языка даже в семейном общении. И хотя только 30% опрошенных респондентов отмечают, что во время обучения в школе им запрещали использовать на уроках шорский язык, некоторые респонденты отмечали, что в семье также запрещали говорить на родном языке, так как слабое владение русским виделось препятствием к успехам в школе. При этом во всех случаях классы представляли собой национально смешанные коллективы. В анкетах 12 человек русско-шорских билингвов отметили, что до школы говорили только на шорском языке, 7 – на шорском и русском (при этом только 1 человек из этого числа отмечает в качестве родного языка русский). После начала обучения в школе для указанных респондентов активными языками становятся и шорский, и русский. Таким образом, именно обучение на русском языке как основа всех сфер социализации является основой сначала функционального выравнивания родного и русского языков, а затем – выдвижения русского языка в функционально более сильные позиции (см. табл. 2).

На позиции русского языка оказывают влияние распад традиционной формы существования этносов, практически полная интегрированность в общие социальные процессы современного российского общества. Данные анкет, материалы бесед с респондентами показали значительную социальную (территориальную) мобильность представителей исследованной группы носителей русско-татарского билингвизма: более половины респондентов, русско-татарских билингвов, указали местом своего рождения Кемеровскую, Омскую области, Красноярский край, Казахстан, Узбекистан, Башкортостан.

При том что большинство из респондентов-шорцев родились и проживают в Кемеровской обла-

сти (Новокузнецкий, Таштагольский районы), местах этнического распространения, более половины из них выезжали на продолжительное время (более полугода) из места рождения, из которых 34% – за пределы района этнического расселения шорского этноса (в том числе в Казахстан, Киргизию, Алтайский край, Тюменскую, Свердловскую, Магаданскую области). Чаще всего причины отъезда связаны с получением образования (2–4 года) или поиском «лучшей жизни».

Основой социальной, и в ряде случаев – локальной мобильности в современном обществе является образование. Так, из опрошенных респондентов русско-шорских билингвов 43% имеют высшее образование и только 13% – начальное или незаконченное среднее образование, из 25 опрошенных русско-татарских билингвов 84% имеют высшее или неоконченное высшее образование, 8% – среднее специальное образование, 8% не предоставили сведения об образовании.

При этом уже для получения среднего образования около 30% респондентов-шорцев вынуждены были переезжать более крупные поселки, и лишь один респондент русско-татарский билингв был вынужден ходить в среднюю школу в соседний населенный пункт в связи с тем, что в ее деревне была только начальная школа.

Высшее и средне-специальное образование получали обычно в крупных городах или областных центрах в России (Новокузнецк, Красноярск, Междуреченск, Барнаул, Кемерово, Свердловск) и ближнем зарубежье (например, Туркистан (Казахстан)). Подавляющее большинство респондентов указало местом получения высшего и среднего специального образования Томск, кроме этого, были указаны Ташкент, Казань, Уфа, Екатеринбург, Кемерово.

Из всего числа опрошенных респондентов образование у 34% связано со специализацией в языках (учитель русского языка и литературы, учитель шорского языка, специалист по английскому и китайскому языку) или филологии. В настоящий момент 3 человека из опрошенных работают педагогами в школе или на базе дополнительного образования.

Таким образом, при том что в проекте исследовались языковые практики билингвов в местах исконного компактного проживания, русский язык является доминирующим и в ситуациях семейного, бытового общения, роль его является универсальной в ситуациях социально обусловленных миграций.

Все это определяет характер использования языков, определение используемых языков билингвами в **качестве активных и доминирующих в настоящее время.**

Так, все ***респонденты-шорцы*** без исключения отмечают, что на момент анкетирования в качестве **активных языков** для них выступают и русский, и шорский. Степень актуализации языка может варьироваться в зависимости от различных социальных факторов (окружение, занимаемая должность, место проживания). Мы наблюдаем типичное соотношение сфер использования языков в билингвальных языковых ситуациях: практически все респонденты-шорцы отмечают, что предпочитают использовать шорский язык при общении с другими шорцами и русский – при общении с русскими людьми и людьми других национальностей, владеющих русским языком. Сферы использования родного языка (шорского) определяют и уровень владения им: по самооценке, отраженной в анкетах, почти все респонденты не испытывают никакого дискомфорта в устной коммуникации (говорю и слушаю), неплохо читают тексты на шорском языке и испытывают сильные затруднения при необходимости писать на шорском языке (за исключением учителей шорского языка). Отметим, что некоторые респонденты связывают сложность чтения на шорском языке с отдаленностью литературной нормы от их диалекта.

Естественно, что респонденты отмечают отсутствие сложностей с коммуникацией, чтением или письмом на русском языке.

При этом 20 человек из 21 опрошенного отмечают, что **доминирующим языком** для них в настоящее время является русский (пункт анкеты «Укажите, пожалуйста, какой язык в настоящее время Вы используете чаще всего»), сфера влияния русского и шорского языков различна (пункт анкеты «Пожалуйста, укажите в процентах количество времени, в течение которого Вы в настоящее время находитесь в среднем под влиянием (говорите, слушаете, и т.д.) каждого языка (общее количество должно составлять 100%»). 12 человек из числа опрошенных отмечают, что наибольшее влияние на них оказывает русский язык, 5 респондентов испытывают в равной (или почти равной) степени влияние обоих языков, 3 человека почти не испытывают влияния русского языка. Вторая группа в большей степени представлена респондентами, занимающими в настоящее время или в прошлом должности в общественных организациях, направленных на популяризацию шорской культуры. В последней группе представлены респонденты, проживающие в небольших деревнях, или люди пенсионного возраста, окружение которых составляют в основном носители шорского языка.

Несмотря на схожие параметры оценки владения русским и шорским языками респондентами всех трех возрастных групп, необходимо сделать некоторые замечания относительно субъективности вводимой оценки. Представители первой возрастной группы склонны оценивать свое владение шорским языком как «свободное», хотя такое владение свободным не может быть названо, поскольку не используется для коммуникативных целей – непосредственно в среде бытового общения.

Все без исключения респонденты-шорцы отмечают, что считают необходимым получить возможность изучать шорский язык в школе, и для исправления ситуации предлагают ввести следующие мероприятия: уроки / факультативы в общеобразовательной школе или создание шорской воскресной школы, формирование шорского разговорного клуба, проявление активности молодежью, помощь от администрации области.

Анализ ответов респондентов ***русско-татарских билингвов*** выявляет аналогичные тенденции в самооценках уровней владения родным и русским языками. 21 человек из 25 опрошенных русско-татарских билингвов указывают ***русский язык в качестве доминирующего***, при этом только 4 респондента заявляют приоритет русского языка в процессе усвоения языков. Кроме татарского и русского респонденты

отмечают владение такими языками, как узбекский, таджикский, немецкий, английский, французский, башкирский, турецкий, молдавский, казахский, арабский (только 6 человек владеют 2 языками, 11 человек указали 3 языка, 4 респондента отметили владение 4 языками, 5 человек – 5 языками).

Степень влияния русского языка в настоящее время респонденты оценивают как достаточно высокую – 22 человека оценили количество времени, в течение которого они находятся под влиянием русского языка, выше 50%; в целом цифры варьируются от 24 до 99, средний процент 67,3. Оценка количества времени, в течение которого респонденты находятся под влиянием татарского языка, варьируется от 1 до 99%, средний процент – 30,2. Только 7 человек оценили количество времени, в течение которого они находятся под влиянием татарского языка, 50% и выше. 5 человек из последней группы проживают в Томске, 4 из них относятся к старшей возрастной группе. 2 человека проживают в д. Черная речка, относятся к разным возрастным группам (до 30 и старше 50 лет). 15 человек из числа опрошенных указали, что находятся под влиянием других языков, число которых может доходить до 3, количество времени в большинстве случаев незначительно, достаточно большие цифры (25%, 30%) связаны с родом деятельности респондентов (студент факультета иностранных языков, помощник руководителя).

Таким образом, образование, социальная и территориальная мобильность, интегрированность представителей рассматриваемых этносов во все сферы социальной жизни, языком общения в которых выступает русский язык, определяют его доминирующие позиции в коммуникации подавляющего числа представителей всех возрастных групп. Рассмотренным факторам, обусловливающим сокращение сфер функционирования этнического языка, противостоят в настоящее время в позитивном плане ***фактор роста национального самосознания, поддерживаемый современной государственной языковой политикой***.

Образование, которое в настоящее время ведется на русском языке, с одной стороны, выступает как фактор, определяющий доминирование русского языка, как фактор разрушения традиционных установок этноса, с другой стороны, в условиях изменения активизации процессов национально-языковой политики в регионе, выступает как фактор, способствующий возрождению национального самосознания. Данные бесед с информантами, анкетирования свидетельствуют об активном интересе к традиционным этническим ценностям и языку, с одной стороны, с другой – об отставании принимаемых государственных мер от потребностей. Так, например, в Томске активно действует Центр татарской культуры, на базе которого проводятся различные мероприятия по продвижению татарской культуры и татарского языка, в частности, национальные праздники (Сабантуй), вечера татарской поэзии с привлечением татарских писателей и поэтов Томска, спектакли на татарском языке, фестивали татарской культуры, творческие конкурсы («Татарская хозяюшка»), встречи краеведов, и т.д. В центре на постоянной основе работают детские музыкальный и хореографический кружки, кружок татарского языка для детей и взрослых, создан постоянный ансамбль татарского танца «Айнур».

В деревне Эушта существует музей татарской культуры, который находится на территории школы № 66. Музей создан совместными усилиями жителей деревни, его директором и инициатором создания является Фариза Курбанбаева, учитель начальных классов. В нем собраны предметы быта, одежда, обувь, исторические документы, позволяющие проследить историю деревни Эушта. В школе работает факультатив татарского языка для детей начальных классов.

Однако преподавание татарского языка в Томской области спорадично; кроме кружка татарского языка в ОГАУК «Центр татарской культуры» и факультатива в школе № 66 д. Эушта татарский язык преподается также факультативно в начальных классах школы, расположенной в д. Черная речка, а также с 2018 г. организуются летние смены в детских лагерях отдыха с изучением татарского.

Для улучшения языковой ситуации респонденты-татары предлагают ввести преподавание татарского языка в школах, организовать центры по изучению татарского языка, говорить в семье на родном языке, отмечать национальные праздники.

Что касается поддержания шорского языка, существует 9 общественных организаций поддержания шорского языка и культуры, включая такие как «Совет старейшин шорского народа», Общественная организация шорского народа Таштагольского района «Таглыг Шор» (Горная Шория), Общественное движение «Междуреченское общество коренного населения “Алтын Шор” (Золотая Шория) (г. Междуреченск), Мысковское городское общественное движение «Шория» (г. Мыски) и др. [18] и др., 17 коллективов пессенного и хореографического творчества [Там же]. В городе Новокузнецке располагается Центр шорской культуры «Аба-Тура». Существует 4 музея шорской культуры: Мысковский историко-этнографический музей (г. Мыски), Музей этнографии и природы Горной Шории (г. Таштагол), Шорский этнографический музей «Тазыхан» (г. Новокузнецк), Этнографический музей под открытым небом «Тазгол» (г. Таштагол, пос. Усть-Анзас). В г. Кемерово на кафедре русского языка, литературы и методики обучения НФИ КемГУ существует Центр языков и культур народов Сибири, на базе которого проходит обучение шорскому языку. Инициативные группы в населенных пунктах проводят обучение детей шорскому языку на базе общественных организаций, домов культур.

Для улучшения языковой ситуации респонденты-шорцы предлагают ввести преподавание шорского языка в школах, организовать центры по изучению шорского языка, говорить в семье на родном языке, отмечать национальные праздники.

Данные факторы обусловливают расширение функциональной палитры использования этнических языков – их использованию в институциональных практиках (общение в центрах культуры, обучение родному языку), актуализацию его эстетической и этнической функций. Данные тенденции отражены в системе лич-

ностных оценок респондентов, носителей и шорского, и татарского языков, в дифференциации характера ответов представителей разных возрастных групп.

Так, респонденты второй и третьей возрастной групп русско-шорских билингвов могут воспроизвести отдельные фольклорные жанры: песни, частушки, представители первой возрастной группы отмечают, что знакомы с шорским фольклором с раннего детства: почти все респонденты отмечают, что слышали национальные сказки, однако не могут их воспроизвести.

15 человек из числа русско-татарских респондентов демонстрируют не просто знакомство с татарским фольклором, в основном это национальные сказки (Шурале), но и готовность их воспроизвести. Песни на татарском языке могут исполнить 17 респондентов, в анкетах приводятся названия песен.

Погружению в мир национального фольклора, проводниками которого ранее были в контекстах семейного общения представители старшего поколения, в настоящее время содействуют преподаватели воскресных школ и лидеры центров культуры.

На территории компактного проживания шорцев в настоящее время сохраняется совмещение в личных практиках элементов языческой и христианской культур, проявляемых в том числе сохранении традиционных религиозных обрядов. Одним из своеобразных инструментов сохранения поддержки национального языка выступают речевые практики проводимых обрядов. Так, из опрошенных респондентов-шорцев 9 человек отмечают, что проводят обряды на шорском языке, 2 – на шорском и русском языках (среди людей, использующих шорский язык для проведения обрядов, представлены и те 2 респондента, для которых в качестве родного выступает русский язык): 8 респондентов-татар отмечают, что проводят обряды на татарском языке, 4 – на арабском, 2 – на русском и татарском, 1 – только на русском.

Таким образом, проведение анкетирования носителей русско-шорского и русско-татарского билингвизма в местах компактного исконного проживания представителей двух тюркских языков позволило выявить отражение на личном уровне билингвальных несбалансированных ситуаций. Анализ анкет, непосредственные беседы с информантами свидетельствуют о различном уровне и характере владения языком в трех возрастных группах, о его резком убывании от старшего поколения к среднему возрасту и молодежи, о различии конкретных сфер общения, обслуживаемыми соотнесенными языками в коммуникативных практиках билингвов.

Факторами, способствующими усилению влияния русского языка, вытеснению исконных языков в сферу бытового общения и эстетически обусловленной коммуникации, влияние которых усиливается при переходе от третьей группы к первой, являются обусловленная объективными мировыми тенденциями глобализации языковая политика РФ, законодательно определяющая роль русского языка в качестве государственного, используемого во всех сферах институциональной коммуникации, являющегося языком образования на всех его этапах, социальная и локальная мобильность жителей региона. Молодежь (первая возрастная группа), в отличие от представителей второй и третьей возрастных групп, в которых по-прежнему наблюдается ситуация коммуникативного сосуществования русского и родного языков, демонстрирует меньшую свободу владения родным языком в связи с повышением уровня образованности и отсутствием возможности постоянной бытовой коммуникации на родном языке (из-за проживания в русскоязычных поселениях).

Наиболее сильными факторами, способствующими поддержанию активности в настоящее время шорского и татарского языков, в том числе и в 1-й ВГ билингвов, являются компактность проживания в местах исконного населения, возрождение национального самосознания, поддерживаемое институционально в исследуемых районах, менее сильными являются семейное воспитание, еще сохраняющее черты традиционного, тенденция к моноэтничности браков. Обучение родному языку, необходимость общаться со старшими родственниками на национальном языке, моноэтнический характер браков, повышенный интерес с родной культуре – все это создает почву для дополнительного всплеска национального самосознания именно в первой возрастной группе, которого часто не наблюдается в средней и старшей возрастной группах.

Выявленные тенденции являются общими и в то же время вариативно проявляющимися в языковых ситуациях русско-шорского и русско-татарского билингвизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Мы разделяем позиции исследователей, обозначающих данным термином разные уровни владения языком, см.: [14. С. 15–16; 53] и др.

[2]Зафиксировано 1 532 реакции на 71 вопрос социолингвистической анкеты и 548 реакций на 21 вопрос анкеты билингва 25 русско-татарских билингвов, а также 1 633 реакции на вопросы социолингвистической анкеты и 483 ответа на вопросы анкеты билингва от 23 респондентов, представителей русско-шорского билингвизма.

[3]Несбалансированность взаимодействия языковых образований в регионах Российской Федерации определяется современным языковым законодательством (ст. 68 Конституции РФ определяет в качестве государственного языка на всей территории РФ русский язык, регламентирует право республикам устанавливать свои государственные языки и гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [24]). В Конституции и важнейших законодательных актах формулируется направленность языковой политики РФ не только на всемерное развитие русского государственного языка, но и на поддержание языков, не являющихся языками официального общения в РФ или каком-либо территориальном образовании. Однако отсутствие государственного статуса таких языков и ряд других факторов приводят к существенному ограничению их социально-коммуникативных функций.

[4]Местами компактного проживания шорцев является юго-восточный угол Западной Сибири, главным образом – юг Кемеровской области (Таштагольский, Новокузнецкий, Междуреченский, Мысковский, Осинниковский и другие районы), а также некоторые смежные районы Хакасии и Республики Алтай, Красноярский и Алтайский края. В проекте анкетирование русско-шорских билингвов в местах компактного проживания – в г. Таштогол и пос. Шерегеш и прилегающей деревне Суета.

[5]Сибирские татары – коренное население современных Красноярского края, Новосибирской, Омской, Свердловской, Томской и Тюменской областей РФ. Они в свою очередь делятся на 3 этнографические группы – барабинскую (барабинско-туражские, любейско-тунусские и тереннинско- чойские татары), тоболо-иртышскую (включает курдакско-саргатских, тарских, тобольских, тюменских и ясколбинских татар)

и томскую (колмаки, чатыиэуштинцы). Томская область. Население 1 076 762 чел. (2016 г.). Численность татар в 2010 г. – 17 029 человек (в 1970 г. – 15 286, в 1979 г. – 17 629, в 1989 г. – 20 812, в 2002 г. – 20 145). Они компактно проживают в Томске и его пригородных селениях (Барабинка, Воронино, Казанка, Калтай, Кафтанчиково, Курлек, Ново-Исламбуль, Тахтамышево, Чёрная Речка, Эушта), в г. Стрежевой; в Бакчарском, Верхнекетском, Зырянском, Кожевниковском, Колпашевском и Кривошеинском районах [26. С. 5, 230].

[6]Не все респонденты дали ответ на данный вопрос. Наличие такой ситуации помечается знаком *.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М. : Вост. лит, 2007. 223 с.
2. Лемская В.М. Выражение категории посессивности через отношения предикации в чулымско-тюркском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 4 (14). С. 37–42.
3. Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4 (10). С. 24–35.
4. Федотова Н.Л. К вопросу о порядке следования суффиксов лично-притяжательного склонения в селькупском языке // Урало-алтайские исследования. 2017. № 2 (25). С. 67–79.
5. Vorobeva V., Novitskaya I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal possessive cinstructions in Narym, Vasjugan and middle-Ob dialects of selcup // Linguistica Uralica. 2017. T. 53, № 1. P. 54–64.
6. Вафина А.Д., Юмагулова Ю.М. Типология словотворческих инноваций в условиях русско-тюркского двуязычия. // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. 2 (69). С. 130–134.
7. Боронникова Н.В. Об интерференции в падежной системе (на материале русских спонтанных текстов татар и коми-пермяков) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 115–120.
8. Саитбатталов И.Р., Саяхова Д.К. Языковая и культурная интерференция в русском языке Башкортостана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66), ч. 2. С. 163–165.
9. Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров) : дис. … канд. филол. наук. Томск, 1965.
10. Веснина Г.Ю., Кустова Г.И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: явления языковой интерференции в русской речи билингвов Томска и Томской области // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5 (часть 4). С. 697–701. URL: http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=7201 (дата обращения: 07.09.2018).
11. Резанова З.И., Веснина Г.Ю. Подкорпус русской речи билингвов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: принципы разметки и метаразметки корпуса // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 29–39. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000539357 (дата обращения: 07.09.2018).
12. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. DOI: 10.17223/22274200/11/7
13 Зограф Г.А. Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: http://lingvisticheskiy-slovar.ru/ description/mnogoiazychie/366 (дата обращения: 07.09.2018).
14. Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М. : Наука, 1972.
15. Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. Тбилиси, 1979.
16 Mackey W.F. A Typology of bilingual situation // Foreign language Annals. 1970. Vol. 3, Is. 4. P. 596–606.
17. ВПН-2010. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.09.2018).
18. Томская область. Официальный портал Администрации Томской области. URL: https://tomsk.gov.ru (дата обращения: 07.09.2018).
19. Администрация Кемеровской области. URL: https://ako.ru/ (дата обращения: 07.09.2018).
20. Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры». URL: http://tatar-tomsk.ru/ (дата обращения: 07.09.2018).
21. Тадарлар.ру – информационный проект о шорском народе. URL: http://tadarlar.ru/ (дата обращения: 07.09.2018).
22. Социолингвистическая анкета. URL: http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic (дата обращения: 07.09.2018).
23. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // Speech Language and Hearing Research, 50 (4). P. 940–967. URL: http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/ (дата обращения: 07.09.2018).
24. Конституция Российской Федерации URL: http://www.constitution.ru/ (дата обращения: 07.09.2018).
25. Кибрик А.Е. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 67–79.
26. Регионы компактного проживания татар в Российской федерации. Казань, 2016. 336 с. URL: http://www.antat.ru/ru/ite/publishing/novye-izdaniya/files/РЕГИОНЫ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ТАТАР.pdf (дата обращения: 07.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 сентября 2018 г.

DYNAMICS OF SOCIOLINGUISTIC PROCESSES IN SOUTHERN SIBERIA MIRRORED IN BILINGUALISM (RUSSIAN-SHOR AND RUSSIAN-TATAR LANGUAGE INTERACTION)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 56–68.
DOI: 10.17223/15617793/436/7

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru / resso@rambler.ru
Irina G. Temnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irtem@sibmail.com
Elena D. Nekrasova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Keywords: linguistic situation; bilingualism; Russian-Shor bilingualism; Russian-Tatar bilingualism; sociolinguistic survey; psycholinguistic survey.

The paper represents one of the aspects of a large research project aimed at revealing the regularities of historical development and the current state of languages and cultures of South Siberia in the aspect of their interaction. The paper presents the results of a sociolinguistic investigation of the dynamics of bilingual linguistic situations existing in two regions: Russian-Tatar bilingualism in Tomsk and neighbouring villages, and Russian-Shor bilingualism in the towns of Sheregesh and Tashtagol (Kemerovo region) and neighbouring villages. The paper is aimed at the disclosing of personal projections of modern dynamics of linguistic situations in the region, correlation of objective parameters of two linguistic situations and its refraction in subjective self-assessments of the functional distribution of languages by bilinguals. The data were taken from the population census report, the official websites of the administrative entities under study, public organisations, the questionnaire survey conducted by project participants using two related questionnaires, the sociolinguistic questionnaire developed by O. Kazakevich, and the linguistic questionnaire by V. Marian, K. Blumenfeld and M. Kaushanskaya. The paper presents the analysis of the results of Russian-Tatar bilinguals' questionnaires (1532 responses to 71 questions of the sociolinguistic questionnaire and 548 responses to 21 questions of the linguistic questionnaire); Rus-

sian-Shor bilinguals' questionnaires (1633 responses to questions of the sociolinguistic questionnaire and 483 responses to the questions of the linguistic questionnaire). The analysis of the linguistic situation makes it possible to distinguish between 3 age groups of bilinguals: the first group comprises the bilinguals at the age of 20–35, the second from 35 to 65, the third older than 65. The paper presents the data of descriptional statistics characterising the level of mastering a language (Russian and Tatar, Russian and Shor in the two groups under study correspondingly), distribution of languages in different spheres of communication, the degree and way of their dominance and functioning in various periods of the respondents' lives and at the present moment. The analysis of questionnaires and communication with the respondents indicate a different level and character of language proficiency in the three age groups, its abrupt decrease from the older generation to the middle age and youth, the difference in specific areas of communication served by correlated languages in communicative bilingual practices. The factors that enhance the impact of the Russian language and extrusion of ancestral languages into the sphere of everyday communication and aesthetic communication, the influence of which increases in the third group compared to the first one, are the language policy of the Russian Federation, which legislatively determines the role of the Russian language as a state language used in all areas of institutional communication, which is the language of education at all stages, social and local mobility of the inhabitants of the region. The most important factors to support the current activity of the Shor and Tatar languages in all the bilingual age groups including the first one are the residence density in native places of the original population, the revival of national identity, supported institutionally in the areas under study; the less important factors are traditional family upbringing and the trend towards mono-ethnic marriages. The revealed tendencies are common and at the same time variably manifested in the language situations of Russian-Shor and Russian-Tatar bilingualism.

REFERENCES

1. Dybo, A.V. (2007) *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov: leksicheskiy fond: pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks: lexical fund: the pre-Turkic period]. Moscow: Vost. lit.
2. Lemskaya, V.M. (2016) Expressing possession through predicative constructions in Chulym-Turkic. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4 (14). pp. 37–42. (In Russian).
3. Tokmashev, D.M. & Lemskaya, V.M. (2015) Possessive noun constructions in Teleut and Chulym-Turkic. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4 (10). pp. 24–35. (In Russian).
4. Fedotova, N.L. (2017) On the order of the personal-possessive declension suffixes in the Selkup language. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaic Studies*. 2 (25). pp. 67–79. (In Russian).
5. Vorobeva, V., Novitskaya, I., Girfanova, K. & Vesnin, V. (2017) Adnominal possessive constructions in Narym, Vasjugan and middle-Ob dialects of Selcup. *Linguistica Uralica*. 53(1). pp. 54–64.
6. Vafina, A.D. & Yumagulova, Yu.M. (2017) Tipologiya slovotvorcheskikh innovatsiy v usloviyakh russko-tyurkskogo dvuyazychiya. [Typology of word creation innovations in the conditions of Russian-Turkic bilingualism]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 2 (69). pp. 130–134.
7. Boronnikova, N.V. (2014) About interference in case system (In Russian spontaneous texts of the Tatars and the Komi-Permyaks). *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya – Socio Psycho Linguistic Research*. 2. pp. 115–120. (In Russian).
8. Saitbattalov, I.R. & Sayakhova, D.K. (2016) Linguistic and cultural interference in the Russian language in the Republic of Bashkortostan. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12 (66):2. pp. 163–165. (In Russian).
9. Gordeeva, O.I. (1965) *Nekotorye zakonomernosti vliyaniya rodnogo yazyka na usvaivaemyy yazyk v protsesse stanovleniya dvuyazychiya (na materiale russkogo i tatarskogo sibirskikh govorov)* [Some laws of the influence of the native language on the learned language in the formation of bilingualism (on the material of Russian and Tatar Siberian dialects)]. Philology Cand. Dis. Tomsk.
10. Vesnina, G.Yu. & Kustova, G.I. (2015) Lingvisticheskiy korpus "Tomskiy regional'nyy tekst": yavleniya yazykovoy interferentsii v russkoy rechi bilingvov Tomska i Tomskoy oblasti [The linguistic corpus "Tomsk Regional Text": phenomena of language interference in the Russian language of the bilinguals of Tomsk and Tomsk Oblast]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5(4). pp. 697–701. [Online] Available from: http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=7201. (Accessed: 07.09.2018).
11. Rezanova, Z.I. & Vesnina, G.Yu. (2016) Meta-data and annotation design of the Russian-speaking bilinguals speech subcorpus in the structure of the Tomsk Regional Corpus. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 29–39. (In Russian). [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000539357. (Accessed: 07.09.2018). DOI: 10.17223/22274200/9/3
12. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7
13 Zograf, G.A. (n.d.) *Mnogoyazychie* [Multilingualism]. [Online] Available from: http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/mnogoiazychie/366. (Accessed: 07.09.2018).
14. Avrorin, V.A. (1972) Dvuyazychie i shkola [Bilingualism and school]. In: Azimov, P.A., Desheriev, Yu.D. & Filin, F.P. (eds) *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya* [Problems of bilingualism and multilingualism]. Moscow: Nauka.
15. Imedadze, N.V. (1979) *Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya ovladeniya i vladeniya vtorym yazykom* [Experimental psychological studies of mastering of and proficiency in a second language]. Tbilisi: Metsniereba.
16 Mackey, W.F. (1970) A Typology of bilingual situation. *Foreign Language Annals*. 3(4). pp. 596–606.
17. VPN-2010. (2010) *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 07.09.2018).
18. Tomsk Oblast. (n.d.) *Ofitsial'nyy portal Administratsii Tomskoy oblasti* [The official portal of the Administration of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: https://tomsk.gov.ru. (Accessed: 07.09.2018).
19. Kemerovo Oblast. (n.d.) *Administratsiya Kemerovskoy oblasti* [Administration of Kemerovo Oblast]. [Online] Available from: https://ako.ru/. (Accessed: 07.09.2018).
20. Oblastnoe gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury "Tsentr tatarskoy kul'tury". [Online] Available from: http://tatar-tomsk.ru/. (Accessed: 07.09.2018).
21. Tadarlar.ru. (n.d.) *Tadarlar.ru – informatsionnyy proekt o shorskom narode* [Tadarlar.ru – an information project about the Shor people]. [Online] Available from: http://tadarlar.ru/. (Accessed: 07.09.2018).
22. Sotsiolingvisticheskaya anketa. [Online] Available from: http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic. (Accessed: 07.09.2018).
23. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/. (Accessed: 07.09.2018).
24. Russian Federation. (2001) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.constitution.ru/. (Accessed: 07.09.2018).
25. Kibrik, A.E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied issues of linguistics]. Moscow: Moscow State University. pp. 67–79.
26. Aynutdinova, L.M. (ed.) (2016) *Regiony kompaktnogo prozhivaniya tatar v Rossiyskoy federatsii* [Regions of compact residence of Tatars in the Russian Federation]. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. [Online] Available from: http://antat.ru/ru/ite/publishing/novye-izdaniya/files. (Accessed: 07.09.2018).

Received: 12 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 69–81. DOI: 10.17223/15617793/436/8

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

И.В. Берестов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИКИ В. ЭДЕЛЬБЕРГА В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ. ЧАСТЬ I: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Анализируется противостояние между двумя методологиями истории философии – историцизмом (контекстуализмом) и апроприационизмом. Показывается, что одним из оснований этого противостояния являются различные в этих двух лагерях ответы на вопрос о возможности использования понятий и концепций философов минувших эпох в современных дискуссиях. Эти разногласия излагаются в виде, пригодном для последующей формализации с использованием семантики В. Эдельберга.

Ключевые слова: историцизм; контекстуализм; апроприационизм; методология истории философии; антикваризм; анахронизм; интенциональное тождество; перспективалистская семантика;
Вальтер Эдельберг.

Введение

Настоящее исследование является откликом на дискуссии среди современных историков философии о том, какой должна быть адекватная историко-философская методология, что позволено и что не позволено делать историку философии, каковы критерии качественного историко-философского исследования. Такого рода дискуссии стали весьма распространены в среде современных историков философии. Мы попытаемся внести свою лепту в современные методологические дискуссии, указав на метод, с помощью которого можно вывести из тупика некоторые дебаты, ведущиеся уже несколько десятилетий без значимого продвижения в понимании дисциплинарной специфики истории философии и ее миссии. При построении такого метода мы намерены использовать технические средства современной логики, а именно теорию моделей – современную теорию в рамках философской логики, активно используемую в философии языка, в рамках которой определение различных типов значений терминов и предложений осуществляется в соответствии со строгой и последовательной процедурой.

Множество появившихся историко-философских исследований, к сожалению, не привели к надежному установлению значений философских терминов, использовавшихся различными философами. Продолжающиеся дискуссии о значениях одних и тех же текстов и терминов привели к тому, что в настоящее время большинство историков философии более не рассматривают в качестве единственной цели истории философии установление того и только того, что думал исследуемый ими философ «на самом деле» (что было идеалом исторического образования, заложенного в XIX в. Леопольдом фон Ранке, см. [1. С. 274–275; 2. С. 241]). Однако есть нечто, установленное вполне надежно: это отсутствие у философов общего языка с одинаковым значением терминов, употребляемых разными философами, – ведь философы не только вводят новые термины, но и наделяют старые своим собственным содержанием. Такая «приватность» языка философов обычно рассматривается как подрывающая коммуникацию между ними, а также как делающая невозможным описание одним философом или историком философии убеждений других философов [3. P. 230].

Затруднение, связанное с «приватностью» языков философов, имеет много общих черт с «проблемой интенционального тождества», широко обсуждаемой в современной аналитической философии (своего рода вехами этой дискуссии, включающей в себя десятки статей в престижнейших журналах, являются [4–6]). Среди многих авторов, участвующих в обсуждении проблемы интенционального тождества, выделяется Вальтер Эдельберг, в 1986 г. начавший писать статьи, специально посвященные этой проблеме, и продолжающий делать это до сих пор. «Перспективалистская семантика» В. Эдельберга, представленная в [7], являющаяся подходом в рамках теории моделей, посвящена решению проблемы интенционального тождества в том случае, когда объекты, обозначаемые различными людьми одними и теми же терминами, являются различными. Последнее делает семантику В. Эдельберга пригодной для построения семантики убеждений философов и сообщений об их убеждениях.

Подозрение, что разные люди одними и теми же словами обозначают различные объекты, свойственно, конечно, отнюдь не только методологам истории философии и аналитическим философам, пытающимся решить проблему интенционального тождества. Это подозрение является глубокой и фундаментальной философской проблемой, очень профессионально обсуждавшейся еще Горгием, писавшим, что «никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой» (*MXG* VI, § 26, 980b 19 – по [8], см. тщательный анализ трактата Горгия «О не-сущем» в [9]). Мы уже писали ранее о глубокой укорененности этой предпосылки подхода В. Эдельберга в эпистемологии античных философов (особенно у Парменида, Зенона Элейского, Протагора, Горгия, Платона), при этом многие подходы античной эпистемологии продолжают быть востребованными и в наши дни [10; 11]. Можно сказать, что настоящее исследование, анализируя определенный теоретико-модельный подход к методоло-

гическим проблемам истории философии, тем самым косвенно раскрывает значимость приведенного положения Горгия – через указание на его роль в этом подходе.

Однако основной целью настоящего исследования является представление способа, которым можно прекратить затянувшиеся и идущие по кругу дискуссии среди историков философии, имеющих, как кажется, несовместимые позиции. Одной стороной в этих дискуссиях являются те, кто полагает значение философских текстов исчерпывающим тем и только тем, что вкладывал в этот текст его автор, при том, что для выявления этого значения следует принимать во внимание различные контексты, – например, историческую ситуацию, в которой был написан текст, другие тексты этого философа, тексты тех философов, с которыми этот философ полемизировал. Это позиция историцистов и контекстуалистов. В соответствии с этой позицией, объекты каждого философа уникальны – по крайней мере, они различаются для философов, находящихся в различных исторических обстоятельствах и участвующих в различных дискуссиях. С точки зрения такой позиции эта уникальность объектов *препятствует* их использованию в современных дискуссиях. Сторонников этой позиции, таким образом, можно рассматривать как принимающих (с некоторыми оговорками и ограничениями) приведенный выше тезис Горгия, а также тезис В. Эдельберга о различии объектов из различных систем убеждений.

Другой стороной являются апроприационисты, для которых значение философского текста определяется его использованием для подтверждения или опровержения доводов в современных дискуссиях, а также для генерирования новых подходов, которые ускользнули от замылившегося взгляда современных содискурсантов. В соответствии с этой позицией, объекты даже античных философов могут иметь некие аналоги, эффективно использующиеся в современных дискуссиях. Сторонников этой позиции, таким образом, можно рассматривать как принимающих тезис В. Эдельберга о допустимости наличия у объекта из одной системы убеждений аналога в другой системе убеждений.

Как мы намерены показать, имеется такой способ трактовки указанных двух противостоящих позиций с использованием семантики В. Эдельберга, что они окажутся вполне совместимыми, и это позволит прекратить повторяющиеся споры между двумя лагерями, вывести дискуссии на новый, более продуманный уровень, а также сохранить весьма веские доводы, приводимые обеими сторонами в пользу своих позиций, отбросить которые было бы весьма проблематично. Для этого нам придется, помимо прочего, ответить на вопросы: «в каком смысле различие объектов различных систем убеждений *не препятствует* их использованию в современных дискуссиях?», «что является значением предложения и термина из философского текста?», а также определить, при каких условиях можно говорить о наличии аналога объекта из убеждений одного философа в убеждениях другого философа. В настоящей статье мы пройдем только первую часть обозначенного пути, остановившись на условиях, задающих модель, которая будет построена по образцу одной из моделей В. Эдельберга. В следующей статье мы продолжим построение модели, после чего укажем, как именно она дает ответ на поставленные вопросы.

Дискуссия о семантике философских убеждений и задачи настоящего исследования

Характерной чертой философских рассуждений является частое использование положений о специфических объектах, часто называемых «абстрактными объектами», вроде «красота отдельна от чувственно-воспринимаемых вещей» (позиция Платона) и «красота не отдельна от чувственно-воспринимаемых вещей» (позиция Аристотеля). Платон предлагает доводы в поддержку своей позиции, и Аристотель поступает также. При этом последний схоларх платоновской Академии, Дамаский, придерживается точки зрения Платона. Можем ли мы говорить, что имеется столь длительная, многовековая дискуссия? Можем ли мы вообще понять то, что думали античные философы, учитывая различия в контекстах, в которые помещали эти предложения о красоте Платон и Аристотель, и помещаем их мы? Может ли сообщение об убеждениях Платона вида «Платон верил, что красота отдельна» вообще быть осмысленным и истинным? Попытаемся понять, как отвечают на эти вопросы методологи истории философии различных направлений.

Весьма влиятельными направлениями в методологии истории философии являются историцизм и контекстуализм. Ключевой фигурой историцизма XIX в. является Леопольд фон Ранке, см. [12], среди известных историцистов XX в. можно назвать Робина Джорджа Коллингвуда [13], Аласдера Макинтайра [14], Ричарда Рорти [15]. Контекстуализм можно считать более современным видом историцизма; среди современных контекстуалистов можно выделить Джона Покока [16] и Квентина Скиннера [17]. С точки зрения историцистов и контекстуалистов, смысл положений философов из написанного им текста надо понимать с помощью их непосредственного, довольно узкого контекста, включающего в себя (в различных вариантах историцизма и контекстуализма) исторические обстоятельства написания рассматриваемого текста, тексты самого рассматриваемого философа или его непосредственных содискурсантов, языковые конвенции того времени, унаследованные автором социальные или культурные предрассудки и традиции. Как излагает эту позицию Ив Шарль Зарка, «философский текст, для того, чтобы он стал понятным, следует поместить в контекст, в котором он был написан» [18. P. 149]. Кропотливая работа с контекстами нужна для решения основной задачи историка философии, которая заключается в том, чтобы «обратиться …к тому же самому объекту, что и оригинальный философ» [18. P. 150].

Обычно для историцистов и контекстуалистов невозможно сопоставление убеждений таких весьма отдаленных друг от друга культурно и исторически авторов, как Платон и Дамаский, хотя кажется очевидным, что они признавали довольно много одинаковых предложений и даже сходным образом их по-

нимали. Также становится невозможным обнаружение сквозной проблематики на протяжении значительных периодов истории философии, сходной проблематики в разных школах разных эпох, в разных социальных, культурных и исторических обстоятельствах [18. P. 150; 19. С. 121].

Клод Паначчио приводит свое резюме «обобщенной» позиции историцистов и контекстуалистов в трех тезисах, которые мы приведем ниже. Вряд ли найдется хотя бы один историк философии, открыто придерживающийся всех этих тезисов (кажется, позиция Ричарда Рорти весьма адекватно передается этими тезисами, но не все согласятся назвать Рорти «настоящим» историком философии). Однако, как ни странно, эти тезисы действительно следуют из положений историцизма и контекстуализма, хотя, конечно, их сторонники не склонны признавать эти следствия в таком виде ([20. P. 19]; излагается по [21. С. 235]):

1. Радикальный холизм – в любой философской системе любое утверждение неразрывно связано со всеми остальными утверждениями.

2. Радикальный релятивизм – любая философская система всецело принадлежит тому историческому контексту, в котором она сформировалась.

3. Радикальный дисконтинуизм – невозможно встать на точку зрения философов былых эпох, чтобы обсудить истинность их утверждений, поскольку произошла радикальная смена всех условий философской работы.

Среди реальных фигур, придерживающихся п. 1, можно назвать Марка Бивира, прямо называющего себя «семантическим холистом» [19. С. 128]. При этом М. Бивир в качестве общего содержания вариантов контекстуализма Дж. Покока и Кв. Скиннера выделяет то, что философские понятия для них «не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты», так что они также «отрицают наличие исконных проблем в истории идей» [19. С. 121], т.е. этим общим содержанием оказывается нечто, близкое к п. 2.

Также среди историков философии, придерживающихся п. 2, можно назвать Джона Германа Рэндалла, утверждающего, что «проблемы одного столетия, в конечном счете не имеют отношения к проблемам другого» [22. P. 7].

Вероятно, наиболее обескураживающим следствием истрицизма и контекстуализма является п. 3 (который просто следует из п. 2), в соответствии с которым мы не можем осмысленно высказываться об убеждениях философов минувших эпох: если значения их текстов определяются ближайшими к ним текстами *et vice versa*, то как современный историк философии может определить их значение, ведь значение ни одного из текстов, окружающих исследуемый текст, не известно ему непосредственно, а значит, он вынужден использовать для получения значения одного текста значения других текстов из контекста этого текста и т.д. (что грозит бесконечным регрессом), а для получения значений текстов из контекста он вынужден использовать все еще неизвестное ему значение исходного текста (что грозит порочным кругом)? Это проблема очень четко ставится Престоном Кингом в [3. P. 210–212, 228]. Тем не менее многие историцисты и контекстуалисты полагают, что историк философии может, если использует правильную (историцистскую или контекстуалистскую) методологию, делать осмысленные высказывания о содержании текстов философов других эпох (о притязаниях Дж. Покока и Кв. Синнера на то, что их метод позволяет понять, что автор минувшей эпохи имел в виду, см. [19. С. 119–120]). Как кажется, позиция таких историцистов и контекстуалистов несогласованна.

Стороной, противостоящей историцистам и контекстуалистам, являются апроприационисты, предлагающие встраивать древние тексты в обсуждение современных философских проблем. Теоретическое изложение позиции апроприационизма можно найти у Джона Пассмора [23], «проблемно-ориентированный подход» которого довольно близок к тому, что мы называем «апроприационизмом». Бертран Рассел, когда он писал «Проблемы философии» [24], полагал, что философы в разные времена обращались к одним и тем же проблемам, тем самым отвергая историцизм и склоняясь к апроприационизму. Следующее признание Джонатана Беннетта выражает одну из важнейших характеристик апроприационизма:

«Я рассматриваю умерших великих [философов. – *И.Б.*] как если бы они были великими и живыми, как личностей, которые имеют что-то сказать нам *сейчас*» [25. P. 1].

Апроприационалисты обычно критикуют историцистов и контекстуалистов за сведение истории философии к истории культуры, следствием чего является отказ от стремления внести хоть какой-то вклад в современные философские дискуссии [26. P. 1], так что ценность философских трудов минувших эпох низводится до исключительно «исторической ценности» осколков античных амфор. Например, Дж. Пассмор весьма пренебрежительно относится к историцизму, описывая его как «выставку философских теорий в музее культуры как характерных черт определенного периода» [23. С. 18].

Весьма часто историцистов и контекстуалистов обвиняют в самопротиворечивости их позиции. Например, Гэри Хэтфилд в [27] пытается показать самопротиворечивость историцизма Ричарда Рорти из [28]. По Г. Хэтфилду, Р. Рорти прослеживает метафору «познания как зеркального отражения реальности» сквозь различные эпохи (обнаруживая ее использование Платоном, Декартом, Локком, Кантом), нещадно ее критикуя и требуя избавить эпистемологию от нее, но присутствие такого понимания познания в различные времена несовместимо с радикальным дисконтиуизмом, вытекающим из весьма радикального историцизма Р. Рорти:

«От имени историцизма, Рорти сгладил историю философии. Ему не удалось объяснить, каким образом одновременно могло быть истинным, что философия со времен Платона занималась вопросами об отношении познающего и познаваемого, и что теории и цели философов изменялись от эпохи к эпохе и даже от писателя к писателю» [27. P. 100].

Противоречивость, сходная с подмеченной Г. Хэтфилдом противоречивостью в историцизме Р. Рорти,

на самом деле свойственна многим другим разновидностям историцизма, поскольку историк философии, как правило, живет в другую эпоху, чем исследуемые им философы. Если при этом принимается историцистское и контекстуалистское допущение, что инструменты и объекты философской деятельности в разные эпохи не могут иметь совпадающих характеристик, то из этого следует, что историк философии никогда не сможет приблизиться к постижению объектов своих клиентов. Тем не менее, ни один из известных нам реально работающих историков философии не отрицает, что приближение к пониманию учений исследуемых им философов является необходимым для его работы. Как излагает это следствие Престон Кинг:

«Поскольку я (современный историк) могу правильно понимать прошлое только на его собственном языке, и поскольку по определению этот язык отличается от моего собственного, я (который принадлежит, действует и может влиять только на мое собственное время) неспособен вынести какое-либо релевантное суждение о каком-либо минувшем времени» [3. P. 230].

Универсальность указанного затруднения является знаком его серьезности, и мы ниже попытаемся предложить свое решение этой проблемы, используя семантику В. Эдельберга.

У позиции апроприационистов имеются свои недостатки. Историцисты и контекстуалисты разных направлений – Ричард Рорти, Квентин Скиннер и др. – обвиняют апроприационистов в приписывании древним философам того, чего они не думали и не могли думать, в принуждении древних философов к разговору на нашем языке, к использованию наших понятий, концепций, инструментов и стандартов философствования [26. P. 2; 28. С. 179–172; 29. С. 397; 30. С. 74–75; 31. С. 194; 32. P. 77–89]. Мы попытаемся показать, в каком смысле можно говорить об использовании объектов древних философов в современных дискуссиях без модернизации этих объектов.

Кроме того, апроприационистов часто обвиняют в том, что они отрывают сложившееся сейчас положение дел в философии от его истоков, а это порождает забвение дискуссий, приведших к современной практике использовать такие-то тезисы как нуждающиеся в обосновании, такие-то – как не нуждающиеся в нем, такие-то – как логические и методологические принципы. Это существенно уменьшает степень проработанности современных философских построений, поскольку

«…философский аргумент не появляется ниоткуда. Он является частью культурной традиции, которая привела нас к тому, чем мы стали сегодня; и если мы игнорируем эту традицию, то мы потеряем полноту осознания значимости философских шагов, которые мы делаем, с потенциально катастрофическими последствиями» [33. P. 39].

Еще одним направлением критики апроприационизма является указание на несовместимость этого подхода с широко распространенным сейчас пониманием философской деятельности (особенно среди авторов, склонных к аналитической философии) как не имеющего внутренних ограничений процесса анализа, обоснования или критики теорий. При таком подходе философская деятельность понимается как дискуссия, в которой «за возражениями и ответами *следуют* возражения и ответы, а не определенный ответ» [34. P. 51]. В соответствием с таким пониманием, «философствование должно, неизбежно, обладать историческим измерением, чтобы его вообще можно было считать философствованием» [33. P. 30]. Этот вывод обосновывается тем, что для выполнения анализа современных аргументов необходимо выполнить анализ тех аргументов, на которые они являются ответом, и т.д., т.е. необходимо исследовать их полную генеалогию. Лоренс Крюгер выражает это, говоря о «глобальной историчности» теорий, которая заключается в том, что «открытие, так же как и подтверждение теории, требует предшествующей теории, или, скорее, цепи или сети предшествующих теорий» [35. P. 93].

Однако апроприационисты проявляют интерес к тезисам, которые современные философы пытаются подтвердить или опровергнуть, оставляя без внимания старые аргументы, выдвинутые *pro et contra* этих тезисов, хотя изучение их генеалогии может привести к выводу, что содержание этих тезисов совершенно не такое, какое им приписывалось без изучения генеалогии. И если два современных философа обсуждают одно и то же предложение, максимально полно не учитывая генеалогии, которые каждый из них приписывает этому предложению, то весьма вероятно, что они наделяют это предложение различным содержанием.

Достоинством же позиции апроприационистов является то, что они, в отличие от историцистов и контекстуалистов, отдают должное современным дискуссиям, полагая, что содержание термина из философского текста зависит, помимо прочего, от дискуссий не только в окружении автора этого текста, но и в наше время, что позволяет историкам философии быть не антикваристски настроенными исследователями уже давно никому не нужных вещей, а быть историками *философии*, вносящими вклад в понимание генеалогии, а значит, структуры и содержания современных концепций.

Полемика между контекстуалистами и апроприационистами ведется давно и проявляет явные признаки зацикленности: ходы и доводы повторяются уже несколько десятилетий. Можем ли мы говорить о том, что, хотя объекты теорий древних философов отличаются от наших объектов, мы, тем не менее, способны высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних? Этот вопрос можно считать несколько более точной формулировкой поставленного во *Введении* вопроса: каким образом объекты философов минувших лет могут использоваться в современных дискуссиях? Ни историцисты, ни апроприационисты не способны доказать, что на эти вопросы допустим положительный ответ, хотя некоторые историки философии осознают необходимость разработки методологии истории философии, способной дать такие ответы. В качестве примера такого историка философии можно привести И.Ш. Зарку. С его точки зрения, назрела необходимость построения такой истории философии, которая объективно состоятельна как с

точки зрения философии (объекты которой не привязаны к контексту), так и истории (объекты которой укоренены в контексте). Такую историю философии И.Ш. Зарка именует «философской историей философии», или «философской историографией» [18. P. 155–156].

Сам И. Ш. Зарка далее описывает свой подход, в котором работа историка философии производится в трех «регистрах». Но в этом описании нет обоснования логической совместимости «укорененности в контексте» и «непривязанности к контексту» объектов, о которых говорили философы минувших эпох. Также во многом декларацией или пожеланием остается рассуждение о возможности сохранения философского инструментария при его несомненном изменении у Тома Сорелла [34. P. 45].

Ниже мы намерены продемонстрировать, как можно использовать один из подходов к семантике пропозициональных установок В. Эдельберга, чтобы обосновать возможность использовать объекты философов минувших лет и генеалогию современных философских объектов в современных дискуссиях и возможность высказывать осмысленные сообщения об убеждениях философов других эпох, не приписывая им при этом того, чего они не имели в виду.

Рассмотрим, как, основываясь на перспективалистской семантике В. Эдельберга, можно решить проблемы, поставленные в ходе спора, с одной стороны, истрицистов и контекстуалистов и, с другой стороны, апроприационистов. Из вопросов, порожденных этой дискуссией, для настоящего исследования представляет интерес следующий:

Следует ли из историцистского и контекстуалистского тезиса (ИТ) *античные философы создают теории о своих собственных объектах, отличных от тех объектов, с помощью которых современные историки философии пытаются описать убеждения античных философов* антиапроприационистский тезис (ААТ): *использование современных философских понятий, концепций и инструментов при интерпретации текстов античных философов недопустимо*? Очевидно, что ААТ противоречит апроприационистскому тезису (АТ): *значение философского текста определяется его использованием для подтверждения или опровержения доводов в современных дискуссиях, а также для генерирования новых подходов*.

Ниже мы попытаемся показать, что в моделях, основывающихся на модели Эдельберга для языка L_1, описанной в статье [7. С. 320–325], можно показать истинность предложения

(1) Платон верил, что красота отдельна.

Это предложение, как подразумевается, высказывается современным историком философии.

Покажем, что высказать (1) проблематично для историцистов и контекстуалистов. Для историцистов и контекстуалистов объекты людей различных эпох (Платона и современного историка философии) различны, так что современный историк философии может приписать что-то лишь своей собственной «красоте», но не платоновской. Но какое содержание тогда имеет тогда (1)?

Историцисты и контекстуалисты согласны с тем, что (1) истинно, но, чтобы настаивать на его истинности, надо понимать его содержание. А каково это содержание – не очень понятно. Например, о какой «красоте» идет речь в (1) – о «нашей» красоте или о «платоновской»? Платон не мог иметь убеждений о «нашей» красоте, он имел убеждения только о «платоновской» красоте, – о том, что именно он понимал под «красотой». Значит, под «красотой» в (1) надо понимать «платоновскую» красоту. Но каким образом «платоновская» красота «просочилась» в убеждения современного историка философии, рапортующего об убеждениях Платона? Автор репортажа об убеждениях Платона сообщает о воззрениях последнего на своем языке, слова в котором имеют те значения, которыми автор репортажа их наделяет. Значит, современный историк философии наделяет платоновский термин «красота» некоторым значением в своей собственной системе убеждений (для простоты мы не будем сейчас усложнять ситуацию трудностями перевода с древнегреческого на русский, будем считать, что и Платон, и современный историк философии наделяют значением русский термин «красота»). Но как это совместимо с тезисом (ИТ), отстаиваемым историцистами и контекстуалистами, что ни один объект из системы убеждений Платона не может присутствовать в системе убеждений, определяемой другим, «неплатоновским» контекстом, – в частности, не может присутствовать в системе убеждений современных историков философии? С первого взгляда кажется, что присутствие «неплатоновской» красоты в системе убеждений того, кто желает сегодня сообщить об убеждениях Платона, несовместимо с ИТ.

Это является существенной неприятностью для историцистов и контекстуалистов, и с этим они никак не могут согласиться, ведь они считают себя «подлинными» историками философии, а значит теми, кто может и должен высказывать истинные сообщения об убеждениях античных философов. Одной из причин использования нами ниже подхода В. Эдельберга является то, что, в соответствии с этим подходом, в системе убеждений (теории) того, кто сообщает о системе убеждений (теории) Платона, *не могут присутствовать объекты из теории Платона* (как того и требуют историцисты и апроприационисты), но тем не менее сообщение об убеждениях Платона (1) истинно – при специально разработанных формальных условиях истинности для сообщений об убеждениях.

Без специальной семантики, достигающей такого результата, историцисты и контекстуалисты не могут претендовать на истинность (1), хотя возможность высказывать истинные предложения вроде (1) критически важна для их подхода. Однако семантика В. Эдельберга даже при принятии (1) не легитимизирует антиапроприационистский тезис.

Высказать (1) затруднительно также и для апроприационистов, хотя последние не будут из-за этого расстраиваться. Позицию апроприационистов можно даже представить как происходящую из невозможности получить доступ к аутентичному объекту древнего автора. Как пишет Коэн Вемейер,

«В соответствии с этими философами (апроприационистами, в качестве примера которых рассматривается Джонатан Беннетт. – *И.Б.*) у нас нет объективного доступа к истории. Историография является только одним дискурсом среди многих, конструирующих прошлое» [36. P. 52].

Можно предположить, что указанный пессимизм относительно нашего доступа к объектам древнего философа побудил апроприационистов рекомендовать работу исключительно с современными представлениями о древних понятиях, суждениях и теориях, оставив попытки решить проблему определения «подлинных» убеждений античных философов.

Наш подход, использующий семантику В. Эдельберга, сочетает в себе требование историцистов и контекстуалистов осмысленности и истинности положения (1), а также требование историцистов, что термин «красота» имеет, среди прочих, тип значения, учитывающий использование этого термина в современных дискуссиях. Такой подход сохранит осмысленность работы историков философии, которая невозможна, если они не способны делать претендующие на истину утверждения вроде (1), и, кроме того, продемонстрирует значимость дискуссий, выходящих за рамки одной эпохи и одного контекста, для понимания значения философских терминов и предложений.

Далее, работа историка философии не может быть эффективной без истинности сообщения об убеждениях философа, который не согласен с другим философом по поводу характеристик некоторого объекта. Например, помимо (1), должно быть истинным также и следующее положение:

(2) Аристотель верил, что красота не отдельна.

Если Аристотель спорил с Платоном по поводу характеристик «красоты», то автор сообщений об убеждениях Платона и Аристотеля, как и сам Аристотель, могут отображать этот факт через употребление анафорического местоимения «она же» вместо термина «красота» в сообщении об убеждениях Платона и Аристотеля. Анафора здесь означает, что Аристотель, спорящий с Платоном о красоте, не только верит, что красота отдельна, но также верит, что он имеет в виду оригинальную платоновскую красоту – тот же самый объект, о котором говорил Платон, изрекавший «красота отдельна». А современный историк философии, автор сообщения об убеждениях Платона и Аристотеля, используя в своем сообщении анафорическое местоимение «она же», передает эту последнюю веру Аристотеля (разумеется, из того, что Аристотель верит, что красота из его теории совпадает с красотой из теории Платона, не следует, что это имеет место). Таким образом, нашей задачей должно быть объяснение истинности предложения

(3) Платон верил, что красота отдельна, и Аристотель верил, что *она же* не отдельна.

Истинность (3) может показаться сомнительной из-за того, что взаимоисключающие характеристики, приписываемые Платоном и Аристотелем своим объектам, как кажется, влекут по *Принципу тождества неразличимых*, что объект Платона отличен от объекта Аристотеля. Так что Платон и Аристотель говорят каждый о своей «красоте», а значит, анафорическое местоимение «она же» в (3) *кажется* недопустимым. Для того чтобы сохранить осмысленность использования анафоры здесь, нам предстоит точно определить истинностные условия для сообщений об убеждениях с анафорой так, чтобы уйти от полного тождества объекта Аристотеля с объектом Платона.

Еще одно условие успешного написания истории философии – возможность истинных сообщений о том, что современный автор придерживается того же убеждения, что и античный философ, или придерживается его отрицания. Если такие сообщения невозможны, то мы не можем использовать древние тексты для сегодняшней философской работы, что делает бессмысленным само существование дисциплины «история философии». Таким образом, мы должны продемонстрировать, что может быть истинным, например, следующее положение:

(4) Рассел (когда писал книгу «Проблемы философии», см. [24. Гл. 9–10]) верил, что красота (которую Рассел именует не «идеей» или «эйдосом», как Платон, а «универсалией») отдельна.

Поскольку Рассел соглашается с Платоном, подтверждает именно платоновское убеждение, мы можем записать (1), (2) и (4), используя анафорическое местоимение, – по аналогии с тем, как это было сделано в (3).

Теперь заметим, что философы имеют обыкновение не просто провозглашать тезисы, а выдвигать аргументы. Это значит, что Платон как-то обосновывал, что красота отдельна, и был убежден в этом своем обосновании или аргументе. Таким образом, мы должны показать, что следующее положение также может быть истинным:

(5) Платон верил, что красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

В (5), как и в (4) и (2), «красота» может быть заменена на анафорическое местоимение.

Наконец, заметим, что та пропозиция, в которую Платон, по (5), верил, является сложной пропозицией. Но философы не только пытаются подтвердить свои убеждения доводами, выдвигая тем самым аргументы, но также и критиковать аргументы, выдвигая сложные аргументы, тем самым выдвигая сложные аргументы, содержащие в себе некоторые аргументы. Таким образом, для того, чтобы гарантировать осмысленность работы историка философии, мы должны показать, как может быть истинным положение вроде следующего:

(6) Аристотель верил, что аргумент ‘красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью’ неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

В (6), как в (5), (4) и (2), может быть использовано анафорическое местоимение. Теперь мы можем окончательно записать одно сложное предложение, которое должно быть истинным для того, чтобы историк философии мог обоснованно претендовать на осмысленность своей работы:

(7) Платон верил, что красота отдельна, *и* Аристотель верил, что *она же* не отдельна, *и* Рассел верил,

что *она же* отдельна, *и* Платон верил, что *она же* отдельна, потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью, *и* Аристотель верил, что аргумент '*она же* отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью' неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

Ниже мы намерены построить формальную семантику, в которой формула, являющаяся аналогом (7) на формальном языке, истинна. По ходу этого построения мы ответим на поставленный выше вопрос *способны ли мы высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних?*, предложим способ трактовки значения древних текстов, сочетающий историцистский и апроприационистский подходы, а также покажем совместимость ИТ и АТ.

Лексикон и синтаксис языка L_1

Теперь создадим язык L_1, восходящий к языку L_1 в [7. P. 320–322], на котором мы намерены переписать (7). После этого построим модель M, в которой будут оцениваться на истинность предложения на языке L_1. Построение модели M, помимо этого, даст нам возможность ответить на сформулированные выше вопросы, касающиеся совместимости историцизма и апроприационизма.

Любая правильно построенная формула (далее – ППФ) Ф языка L_1 имеет истинностное значение не просто, а только относительно индекса и теории. Сначала разберем, что такое «иметь истинностное значение относительно индекса», Эдельберг в этом случае выражается, «иметь истинностное значение на индексе». Индекс – примитивное понятие, не имеет определения, о нем можно определенно сказать лишь, что это то, на чем формула оценивается как истинная или ложная. Индекс можно представлять себе как возможный мир (полный или не полный), ситуацию, положение дел. В разных мирах или ситуациях одно и то же значение терма t (термами являются как индивидные константы, так и переменные, но не предикаты) из $\Phi(t)$ может указывать на различные вещи, значения предикатов из этой формулы также могут изменяться. Это объясняет, почему формула на одном индексе может оцениваться как истинная, а на другом – как ложная. Очевидно, что в одном возможном мире Наполеон носит треуголку, а в другом – нет, так что формула Треуголконошение (Наполеон) на одном индексе может быть истинной, а на другом – ложной. Таким образом, истинностное значение формулы релятивизировано к той ситуации, о которой оно высказано: формула не имеет истинностного значения без указания на ситуацию, по отношению к которой оно оценивается.

Язык L_1 совпадает в общих чертах с обычным языком логики предикатов 1-го порядка с предикатом тождества «=», а истинность сформулированных на нем формул может быть определена только относительно модели M. Основным отличием L_1 является использование трех видов кванторов: константных кванторов вида (c/x), восходящих кванторов вида ($\uparrow\exists x$) и нисходящих кванторов вида ($\downarrow\exists x$), а также доксастического оператора BEL_s.

Константные кванторы используются в формулах с теми же целями, с которыми обычно используются индивидные константы: высказаться о некотором индивиде. Однако при их помощи снимается неоднозначность трактовки формул с индивидными константами, ***если эти формулы находятся под доксатсическими операторами***. Единственным таковым оператором в L_1 является BEL_s. Формула $\mathrm{BEL}_s\Phi(c)$ может трактоваться и *de dicto*, что в L_1 записывается как $\mathrm{BEL}_s(c/x)\Phi(x)$, и она же может трактоваться *de re*, что в L_1 записывается как $(c/x)\mathrm{BEL}_s\Phi(x)$. Если формула не находится под оператором BEL_s, то неоднозначности в ее трактовке не возникает, и переписывать формулу обычного языка логики предикатов 1-го порядка $\Phi(c)$ на языке L_1 с помощью константного квантора в виде $(c/x)\Phi(c)$ не обязательно, в этом случае ее можно оставить в исходном виде $\Phi(c)$. Например, формулу $\mathrm{BEL}_s(c/x)\Phi(x)$ можно не переписывать в виде $(s/y)\mathrm{BEL}_y(c/x)\Phi(x)$, ее можно оставить как есть.

Объясним теперь мотивы для введения кванторов $\uparrow\exists$ и $\downarrow\exists$ и принципы их использования. Поскольку истинностное значение формул оценивается на индексе, обычный вид формул с переменными, связанными обычными кванторами существования и всеобщности, оказывается недостаточно информативным для определения истинностного значения формулы. Например, рассмотрим предложение «Некто носит треуголку». На обычном языке логики предикатов первого порядка оно формализуется как ($\exists x$) (Треуголконошение (x)). В этой формуле нет информации о том, какой именно области принадлежит x. Формула с переменной x, снабженная информацией об области пробега x, может быть истинна на индексе либо если в ней говорится о вещах, существующих только на этом индексе, либо если в ней говорится о вещах, существующих хотя бы на одном индексе, допустимом в модели M. Например, если область пробега x определить одним способом, то формула ($\exists x$) (Треуголконошение (x)) истинна, если в настоящий момент в той ситуации, в которой эта формула оценивается на истинность, скажем, в той ситуации, в которой высказывается эта формула, кто-то носит треуголку. Если же область пробега x определить другим способом, то эта формула истинна, если в любой ситуации, полагаемой допустимой тем, кто создает модель M, например, если среди воображаемых ситуаций, или среди прошлых, настоящих и будущих ситуаций, или среди возможных ситуаций найдется ситуация, в которой эта формула истинна. Если, как в первом случае, область пробега x является «узкой», т.е. если x указывает на вещь, имеющуюся в той ситуации, в которой формула оценивается на истинность, то информация о такой области пробега передается через использование специального квантора $\downarrow\exists$, «нисходящего квантора», вместо обычного $\exists$. В этом случае формула обычного языка логики предикатов первого порядка ($\exists x$) (Треуголконошение (x)) передается на L_1 в виде ($\downarrow\exists x$) (Треуголконошение (x)). Если же, как во втором случае, область пробега x является «широкой», т.е.

если x указывает на вещь, имеющуюся в какой-либо из признаваемых в модели M ситуаций, не только в той ситуации, в которой формула оценивается на истинность, то информация о такой области пробега передается через использование специального квантора $\uparrow\exists$, «восходящего квантора», вместо обычного $\exists$. В этом случае формула обычного языка логики предикатов первого порядка $(\exists x)$ (Треуголконошение (x)) передается на L_1 в виде $(\uparrow\exists x)$ (Треуголконошение (x)).

Как обычно, индивидные переменные или индивидные константы именуются *термами*. Термы обозначаются через t, t_1, t_2, … . Индивидная константа обозначается через c (можно использовать также a, b, d, …, каждую букву можно снабжать подстрочными индексами), переменные первого порядка – через x, x_1, x_2, …, x_n, и также через y, z, w с подстрочными индексами. Одноместный предикат обозначается через P^1 или P, n-местный – через P^n. Вместо P здесь можно использовать любые другие латинские заглавные буквы, помимо P, кроме того, они могут иметь подстрочные индексы. Проверить, является ли данная формула ППФ, можно, используя следующие принципы: $P^n(x_1, x_2, \ldots, x_n)$ – ППФ для любого целого n, большего либо равного 1, но меньшего бесконечности; если Φ, Ψ – ППФ, то $(\Phi \,\&\, \Psi)$ – ППФ (то же можно сказать о формулах, построенных с помощью отрицания, дизъюнкции и материальной импликации и признаваемых ППФ в обычной пропозициональной логике); если Φ – ППФ, то $(\uparrow\exists x)\Phi$, $(\downarrow\exists x)\Phi$, $(c/x)\Phi$, $\mathrm{BEL}_x\Phi$ – ППФ. Таким образом, в лексиконе языка L_1 могут иметься следующие множества, мощностью от пустого до бесконечного счетного: множество индивидных констант, множество переменных первого порядка, множество предикатов, множество ППФ. Также обычным способом используются скобки (…), […], {…}. Кроме того, используются угловые кавычки ⌜…⌝. В угловые кавычки заключается формула, находящаяся внутри другой формулы. В этом случае формула, заключенная в угловые кавычки, рассматривается как длинное обозначение пропозиции, которую выражает эта формула, т.е. как пропозициональная константа.

Условия, задающие модель

Мы строим модель M для языка L_1 по образцу модели В. Эдельберга из [7. P. 322], отличия нашей модели от модели В. Эдельберга будут оговорены в следующей статье.

Моделью M для языка L_1 является структура $\langle I, \theta, D, \beta, O, v, \mathfrak{R}\rangle$, удовлетворяющая следующим условиям, на которые в дальнейшем мы будем ссылаться как на «условия, задающие модель» (далее – УЗМ):

1. I есть ***непустое*** множество ***всех*** индексов, включенных в модель M. Индексы обозначаются через i_1, i_2, … Индексы можно понимать как ситуации и пр., включаемые автором модели в создаваемый им «мир», в свой «универсум рассмотрения».

2. θ есть множество теорий, включаемых автором модели в свой «универсум рассмотрения». Каждая теория является множеством, состоящим из индексов. Теории обозначаются через T_1, T_2,… . Например, если $T_1=\{i_1\}$, $T_2=\{i_1, i_2\}$, $T_1\in\theta$, $T_2\in\theta$, то $\theta=\{T_1, T_2\}$. Из такого понимания θ понятно, что любая теория есть какое-либо подмножество множества всех индексов I или само I. θ может быть пустым множеством, но в этом случае приписать убеждения кому-либо будет невозможным, поскольку $\mathrm{BEL}_x\Phi$ становится ложным в соответствии с правилами оценки истинности этой формулы (см. ниже.). Также отнюдь не обязательно, чтобы в модель M входили ***все*** теории, получаемые описанным способом из I. Теория отражает систему убеждений субъекта, а иметь некоторую систему убеждений для субъекта означает придерживаться некоторой теории, для субъекта – это признавать некоторый набор ситуаций (индексов), в которых одни и те же объекты могут описываться в разных обстоятельствах.

3. D есть множество, членами которого являются все множества, каждое из которых содержит *домен индекса* из I. Домен индекса i обозначается через D_i. Доменом индекса называется множество *элементов домена индекса*. Элементы домена индекса обозначаются через δ_1, δ_2, … . Элементом домена индекса i называется та вещь, которая, так сказать, является проявлением (экземплификацией, инстанциацией) некоторого объекта на этом индексе. Например, в различных ситуациях, возможных мирах и пр. объекту, обозначаемому именем «Наполеон», соответствуют различные вещи: в одних случаях он в треуголке, а в других – без нее. D может выглядеть, например, как $D=\{\{\delta_1, \delta_2\}, \{\delta_3, \delta_4\}\}=\{D_{i1}, D_{i2}\}$. Важным условием на D является следующее: ***домены индексов попарно не пересекаются***. Иначе говоря, элемент домена индекса присутствует в одном и только одном домене индекса. Таким образом, если $D_{i1}=\{\delta_1, \delta_2\}$, то допустимо $D_{i2}=\{\delta_3, \delta_4\}$, но недопустимо $D_{i3}=\{\delta_1, \delta_4\}$. Через D^{U} будет обозначаться множество всех элементов всех доменов всех индексов модели M. Так, если $D=\{\{\delta_1, \delta_2\}, \{\delta_3, \delta_4\}\}=\{D_{i1}, D_{i2}\}$, то $D^{\mathrm{U}} = \{\delta_1, \delta_2, \delta_3, \delta_4\}$.

4. β есть частичная функция из D^{U} в θ. β ставит в соответствие специфическим элементам доменов некоторых индексов специфические теории: тем элементам домена индекса, которые являются проявлениями на данном индексе такого объекта o, что одушевлен и имеет теорию на этом индексе; ставится в соответствие теория, которой o на этом индексе придерживается. Если $\beta(\delta)=T$, то T именуется теорией для δ в M.

5. O есть множество частичных функций, обозначаемых $o_1(i)$, $o_2(i)$, …, из I в D^{U}, и именуемых «объектами». Каждая из функций из O, или каждый объект, ставит в соответствие каждому индексу, на котором она определена, значение в виде одного элемента домена этого индекса. Например, функция Наполеон (i) ставит в соответствие индексу i_1 человека в треуголке, а индексу i_2 – человека без треуголки. Эти функции удовлетворяют следующим условиям:

(a) Для любого объекта o из O и любого индекса i из I, если объект $o(i)$ определен, то $o(i)\in D_i$ (т.е. все значения всех определенных на индексе i объектов, принадлежат домену индекса i).

(b) Для любого индекса i из I и любого δ из домена этого индекса D_i имеется объект o из O такой, что $o(i) = \delta$ (т.е. нет элементов доменов индексов, не являющихся значением хотя бы одного объекта, при

этом нет запрета на то, чтобы один элемент домена индекса был значением нескольких объектов, определенных на этом индексе, – например, значения функций Наполеон и Молодой Наполеон совпадают на некоторых индексах, отображающих ситуации с Наполеоном в молодости; на других индексах, отображающих ситуации с Наполеоном в зрелости, Наполеон определен, а Молодой Наполеон – нет).

Важным условием, влияющим на объекты и теории, является следующее: ни один объект не может быть определен на индексах, принадлежащих различным теориям, иначе говоря, ***каждый объект определен на индексах, принадлежащих одной и только одной теории***. При этом один и тот же индекс может принадлежать нескольким теориям, но в этом случае ни один объект не может быть определен на этом индексе.

Объект o именуется существующим на индексе тогда и только тогда, когда он определен на этом индексе, o возможен (возможно существует) на теории T тогда и только тогда, когда o определен на хотя бы одном из индексов теории T, o необходим (необходимо существует) в T тогда и только тогда, когда o определен на всех индексах теории T.

6. $\approx$, отношение «… является близнецом по отношению к …» (counterpart relation) есть бинарное отношение эквивалентности (транзитивное, рефлексивное, симметричное), определенное на O, такое, что для каждых o и o' из O, и для каждого i из I, если $o\approx o'$ и $o(i)$ и $o'(i)$ оба определены (т.е. значениями функций $o(i)$ и $o'(i)$ являются некоторые – совпадающие или нет – элементы домена индекса i), то $o(i)=o'(i)$. Иначе говоря, если два объекта являются двойниками и определены на одном и том же индексе, то значение первого объекта на этом индексе совпадает со значением второго объекта на этом индексе. Два объекта (которые являются частичными функциями) тождественны друг другу тогда и только тогда, когда они определены на одних и тех же индексах и значения этих функций (т.е. элементы доменов индексов) на тех индексах, на которых они определены, совпадают друг с другом.

7. v есть функция валюации (полная для a) и b) и частичная для c)), такая, что:

A. Каждому терму t (т.е. каждой индивидной константе или каждой индивидной переменной) из L_1 функция $v(\underline{t})$ назначает функцию $v(t)(\underline{T})$ от θ к O. Здесь и далее мы полагаем по определению эквивалентными выражения v и $v(\underline{t})$, $v(t)$ и $v(t)(\underline{T})$ и т.д. Например, дополнение $(\underline{t})$ после v в $v(\underline{t})$ указывает на то, что v является функцией, аргументом которой может быть t, т.е. аргументом которой является некоторый терм. Функция $v(t)(\underline{T})$ тем теориям, на которых она определена, ставит в соответствие объект, являющийся значением терма t в той теории, которая является ее аргументом. В этом случае функция $v(t)(\underline{T})$, являющаяся значением функции $v(\underline{t})$ от аргумента t, называется суперинтенсионалом терма t в M. Таким образом, ***суперинтенсионал терма*** t в M есть функция $v(t)(\underline{T})$, аргументами которой являются теории, а значениями – объекты; объект является значением терма t на той теории, на хотя бы одном индексе которой он определен. Таким образом, значение терма зависит от теории, на разных теориях один и тот же терм может принимать различные значения (его значениями на различных теориях являются *различные* объекты). При этом теория есть репрезентация системы убеждений субъекта, придерживающегося этой теории. Это означает, что два различных субъекта, имеющих различные системы убеждений, могут наделять один и тот же терм различным значением, ведь каждый субъект наделяет терм значением *относительно своей теории*. Поскольку один и тот же объект не может присутствовать в двух различных теориях (по УЗМ 5), объекты, являющиеся значением одного и того же терма или двух различных термов на двух различных теориях, *различны*. Таким образом, частичная функция $v(t)(\underline{T})$ не принимает одинакового значения более чем на одной теории. Функция $v(t)(\underline{T})$ определена на теории T тогда и только тогда, когда объект $v(t)(T)$ определен на хотя бы одном индексе теории T. Поскольку предполагается, что все термы и предикаты, включенные в L_1, должны иметь значение в M, частичная функция $v(t)(\underline{T})$ должна быть определена на хотя бы одной теории (но также допустимо, что она определена на всех или некоторых теориях из θ, при условии, что ее значения на различных теориях различны). ***Интенсионал терма t на теории T*** в модели M есть частичная функция $v(t)(T)(\underline{i})$, ***именуемая также объектом*** $o(\underline{i})$. Объект $o(\underline{i})$ каждому индексу из той *единственной* теории T, на которой объект $o(\underline{i})$ определен (по УЗМ 5, объект может быть определен только на одной теории; объект определен на теории тогда и только тогда, когда он определен хотя бы на одном ее индексе), ставит в соответствие элемент домена этого индекса. Видно, что интенсионал терма t на теории T в M есть значение суперинтенсионала терма t на аргументе T. Таким образом, интенсионал терма t на теории T в M есть значение суперинтенсионала терма t на теории T. ***Экстенсионал терма t на теории T на индексе i*** в M есть δ: $\delta=v(t)(T)(i)$, где δ является элементом домена индекса i: $\delta\in D_i$. Таким образом, экстенсионал терма t на теории T на индексе i в M есть значение интенсионала терма t на теории T в M на аргументе i. Объект $v(t)(T)$ может быть не определен на индексе i; поскольку, по УЗМ 5, объект не может быть определенным на всех или некоторых индексах более, чем одной теории, если i не принадлежит T, то объект $v(t)(T)$ не может быть определен на индексе i в M.

B. Каждому n-местному предикату P^n из L_1 функция $v(\underline{P^n})$ назначает функцию от индекса из I в множество, членами которого являются упорядоченные n-ки из элементов домена индекса, такие, что элементы каждой n-ки все вместе выполняют предикат P^n. ***Интенсионал предиката*** P^n в M есть значение функции $v(\underline{P^n})$, каковым значением является функция $v(P^n)(\underline{i})$, которая каждому индексу i ставит в соответствие множество n-ок из домена этого индекса D_i, на каковых n-ках выполнен предикат P^n. Таким образом, значение функции $v(\underline{P^n})$ есть такая функция $v(P^n)(\underline{i})$, что если $<\delta_1, \delta_2,\dots \delta_n>\in v(P^n)(i)$, то $\delta_j\in D_i$ для $1\le j\le n$. ***Экстенсионал предиката*** P^n в M на аргументе i есть значение интенсионала предиката P^n на аргументе i,

т.е. есть значение функции $v(P^n)(\underline{i})$, каковым значением является множество n-ок элементов домена индекса i, на которых выполнен предикат P^n. Например: $v(Q)(i)=\{\delta_1, \delta_2\}$; $v(P^2)(i)=\{<\delta_1, \delta_2>, <\delta_2, \delta_3>, <\delta_4, \delta_1>\}$. Функция $v(P^n)(\underline{i})$ есть полная функция, поскольку она определена для любого индекса из M. Если на индексе i в M нет вещей, чьи упорядоченные n-ки составляют экстенсионал предиката P^n или $v(P^n)(i)$, то экстенсионал предиката P^n есть пустое множество – $v(P^n)(i)=\varnothing$.

С. Ни одной, некоторым или всем ППФ из L_1 частичная функция $v(\underline{\Phi})$ назначает частичную функцию $v(\Phi)(\underline{T})$. ППФ из L_1 рассматривается нами как сложный терм, точнее – как сложная константа, т.е. как константа, в обозначение которой входит несколько символов. В отличие от $v(\underline{t})$, $v(\underline{\Phi})$ является частичной функцией: все или некоторые ППФ, написанные на L_1, могут не иметь назначенных им частичной функцией $v(\Phi)(\underline{T})$ на каких-либо теориях объектов. Объекты назначаются ППФ Ф частичной функцией $v(\Phi)(\underline{T})$, только если Ф истинна на некоторой теории на некотором индексе, т.е. если имеются T_1 и i, такие, что $V[M, T_1, i, \Phi]=1$ (функция V, назначающая истинностное значение формулам, будет описана в следующей статье). При этом частичная функция $v(\Phi)(\underline{T})$ может назначать объект формуле Ф не на теории T_1, на индексе которой Ф истинна, а на теории T_2, такой, что не обязательно, чтобы Ф была истинной на T_2. Во всем остальном сказанное о $v(\Phi)(\underline{T})$, $v(\Phi)(T)(\underline{i})$, $v(\Phi)(T)(i)$ совпадает со сказанным о $v(t)(\underline{T})$, $v(t)(T)(\underline{i})$, $v(t)(T)(i)$ в УЗМ 7.А). Мы говорим, что функция $v(\Phi)(\underline{T})$ ставит в соответствие каждой из тех теорий, на которых она определена, некоторый объект, что частичная функция $v(\Phi)(\underline{T})$ есть ***суперинтенсионал формулы Ф*** в M и т.д.

Объект, являющийся интенсионалом формулы Ф на теории T (т.е. объект o: $o=v(\Phi)(T)$), можно трактовать как пропозицию *что* Ф. Допуская подобные объекты, мы получаем возможность высказываться о пропозициях, ведь значениями переменных и констант в формуле языка L_1 на фиксированной теории являются объекты, определенные на хотя бы одном индексе этой теории. В нашей модели появляются объекты вроде объекта, соответствующего предложению «Положение p обосновано на основании положения q». То есть появляются аргументы. Их можно также сравнивать, соотносить, критиковать, подтверждать, опровергать, получая тем самым новые аргументы – более высокого порядка, представленные в других теориях, – для которых также можно получать обсуждающие их аргументы, и т.д.

Можно увидеть, что функция валюации на формулах $v(\underline{\Phi})$ описана выше точно так же, как и функция валюации на константах $v(\underline{c})$. Поэтому формула Φ_2 может входить в формулу Φ_1 таким способом, что Φ_2 функционирует как единое целое, так что всю Φ_1 можно рассматривать как длинное обозначение некоторой константы, и операции с Φ_2 производятся так, как если бы Φ_1 была обычной константой. Это значит, что присутствующая в Φ_1 формула Φ_2 может присутствовать в константном кванторе, т.е. может входить вместо c в выражение $(c/x)\Phi_3$. Если Φ_2 присутствует в Φ_1 указанным способом, то, как мы видели выше, $v(\Phi_2)(T)=o$, где o есть объект, являющийся некоторой пропозицией, точнее – пропозицией *что* Φ_2. Однако синтаксический анализ и понимание формулы Φ_1 будут невозможны, если входящая в формулу Φ_1 формула Φ_2, и функционирующая в Φ_1 как пропозициональная константа, не будет выделена так, чтобы было понятно, что данная цепочка символов составляет пропозициональную константу, так что входящие в нее термы и предикаты не имеют тех значений, которые им приписываются в модели. Для этого выделения мы используем угловые кавычки, так что Φ_2, функционирующая в Φ_1 как имя для пропозиции (т.е. как пропозициональная константа), входит в состав Φ_1 только в виде $\ulcorner\Phi_2\urcorner$ (вместо Φ_2 в Φ_1 стоит не имя формулы Φ_2, а сама эта формула). Например, предложение «Обосновано, что Сократ мудр» можно записать на L_1 в виде формулы «$J(\ulcorner W(s)\urcorner)$», здесь Φ_1=«$J(\ulcorner W(s)\urcorner)$», Φ_2=«$W(s)$». Использование угловых кавычек сигнализирует, что заключенная в них формула упоминается, а не используется.

8. $\Re$ есть бинарное отношение строгого частичного порядка (транзитивное, антирефлексивное, антисимметричное), определенное в M на O.

Выражение «$o_1 \Re o_2$» читается как «объект o_2 вторичен по отношению к объекту o_1», или «o_2 зависит от o_1», «o_2 является значением функции, аргументом которой является o_1», «o_2 является пропозицией, содержащей o_1 как свою конституенту». Введение отношения $\Re$ позволяет для каждого философского аргумента (мы понимаем аргумент как пропозицию, связывающую некоторым таким отношением несколько пропозиций, что одна из пропозиций объявляется истинной, обоснованной, не противоречащей фиксированному набору пропозиций или выводимой из него и проч.) / пропозиции, определенного на хотя бы одном индексе теории T_2, соотносимого с другими аргументами, или как-то характеризуемого в теории T_2, указывать те объекты, определенные на хотя бы одном индексе T_1 или других теорий, для обсуждения которых этот аргумент / пропозиция из T_2 вводится.

Другими условиями на $\Re$ из M является:

если $o_2 \approx o_1$, то $o_2 \Re o_1$ недопустимо;

если $o_2 \Re o_1$, то $o_2 \approx o_1$ недопустимо;

$o_1 \Re o_2$ в M тогда и только тогда, когда

a) в правильно построенной для языка L_1 формуле Ф содержится терм t, такой, что для T_1, i из M $v(t)(T_1) = o_1$;

b) формула Ф истинна в M на теории T_1 на хотя бы одном индексе i – V $[M, T_1, i, \Phi]$ =1 (функция V, назначающая истинностное значение формулам, будет описана в следующей статье);

c) в M $v(\Phi)(T_2)=o_2$.

***

Построение модели M будет опубликовано в следующей статье, там же мы продемонстрируем, как модель M может быть использована в дискуссиях о методологии истории философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смит Р. История гуманитарных наук. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
2. Вольф М.Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 237–257.
3. King P. Historical Contextualism: The New Historicism? // History of European Ideas. 1995. Vol. 21, № 2. P. 209–233.
4. Quine W.V.O. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, № 5. P. 177–187.
5. Geach P.T. Intentional Identity // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, № 20. P. 627–632.
6. Saarinen E. Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1978. Vol. 2. P. 151–213.
7. Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // Noûs. 1995. Vol. 29, № 3. P. 316–342.
8. Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristotelis opera / Bekker I. Berlin : Reimer, 1831. Vol. 2. P. 202–206.
9. Вольф М.Н. Трактат *О не-сущем*, или *О природе* Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169.
10. Берестов И.В. Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 259–268.
11. Берестов И.В. Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О не-сущем» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 28–38.
12. Eskildsen K.R. Leopold Ranke's Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography // Modern Intellectual History. 2008. Vol. 5, iss. 3. P. 425–453.
13. Collingwood R.G. The Idea of History. Oxford : Clarendon Press, 1946.
14. MacIntyre A. The Relationship of Philosophy to Its Past // Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J.B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 31–48.
15. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997. 320 с.
16. Pocock J.G.A. The History of Political Thought : A Methodological Enquiry // Philosophy, Pokitics and Society, second series / Ed. by P. Laslett and W. Runciman. Oxford : Clarendon Press, 1962. P. 183–202.
17. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // Meaning and Context. Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 29–67.
18. Zarka Y. Ch. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 147–159.
19. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета / под ред. Ханса Эриха Бёдекера; пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 112–152.
20. Panaccio C. De la reconstruction en histoire de la philosophie // La philosophie et son histoire / Boss G., éditeur. Zürich, 1994. P. 294–312.
21. Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований // Логос. 2009. № 4–5 (72). С. 224–246.
22. Randall J.H. The Career of Philosophy. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment. New York : Columbia University Press, 1962.
23. Passmor J. The Idea of a History of Philosophy // The Historiography of the History of Philosophy, History and Theory. The Hague: Mouton, 1965 (Ser. Studies in the Philosophy of History, Iss. 5). P. 1–32.
24. Рассел Б. Проблемы философии / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск : Наука, 2001. 111 с.
25. Bennett J. Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume : In 2 v. Oxford and New York : Oxford University Press, 2001. Vol. 1. P. 1.
26. Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, and Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013.
27. Hatfield G. The History of Philosophy as Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 83–128.
28. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Р. Рорти. М., 2001.
29. Вольф М.Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // Философия и наука: проблемы соотнесения: материалы межд. конф. Алёшинские чтения – 2016. 2-е изд., испр. М. : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2017. С. 393–400
30. Вольф М.Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 189–200.
31. Goldenbaum U. Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy // Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, and Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013. P. 71–90.
32. Cottinham J. Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 25–41.
33. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 43–59.
34. Krüger L. Why Do We Study the History of Philosophy? // Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J.B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 77–101.
35. Vermeir K. Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy // Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, and Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013. P. 50–69.
36. Рокмор Т. Заметки об истории философии и ее отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // История философии: вызовы XXI века / под ред. Н.В. Мотрошиловой. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 64–79.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 сентября 2018 г.

APPLICATION OF WALTER EDELBERG'S PERSPECTIVALIST SEMANTICS IN THE METHODOLOGY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY. PART I: A STATEMENT OF THE PROBLEM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 69–81.
DOI: 10.17223/15617793/436/8

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Keywords: historicism; contextualism; appropriationism; methodology of the history of philosophy; antiquarianism; anachronism; intentional identity; perspectivalist semantics; Walter Edelberg.

In this article, the author analyses the collision between the two methodologies of the history of philosophy – historicism (contextualism) and appropriationism. The author shows that one of the reasons for this collision is the answers to the question: Is the application of the concepts of past philosophers in contemporary discussions possible? There are powerful arguments for the difference of the objects of ancient philosophers from the objects discussed by modern ones, and for the necessity of the study of the application of ancient objects in modern discussions. The author shows that one of the reason for collision between historists (contextualists) and appropriationists is the difference in answers given in these two camps to the question of the possibility of application of the concepts and conceptions of past philosophers in contemporary discussions. The author sets forth these differences in a form suitable for subsequent formalisation by means of W. Edelberg's perspectivalist semantics. As the author shows, one can treat the two opposing positions in such a way (based on W. Edelberg's perspectivalist semantics) that these positions are completely compatible. As the author hopes, this will stop the recurring disputes between the two camps and lead the discussion to a new, more thoughtful level. Moreover, this approach preserves the very powerful arguments cited by both camps in favour of their own positions, which would be very problematic to discard. In order to implement this approach, one has to answer the questions: "In what sense the difference of the objects in different belief systems does not prevent these objects from their involvement in up-to-date discussions?", "What is the meaning of the sentence and the meaning of terms in a philosophical text?". Also one has to determine necessary and sufficient conditions for the existence of an analogue of an object from the belief system of one philosopher in the belief system of another philosopher. In order to achieve the goal, the author proposes to treat the historicist and contextualists as accepting Edelberg's first thesis that there are no identical objects in two different belief systems, and to treat the appropriationists as accepting Edelberg's second thesis that an object from one belief system can have an analogue in another belief system. In the present paper, the author implements only the first part of the set tasks, stopping at the conditions that define the model built after one of Edelberg's models. In the next paper, the author will continue building the model, after which he will indicate how it answers the questions posed.

REFERENCES

1. Smith, R. (2008) *Istoriya gumanitarnykh nauk* [History of the humanities]. Translated from English. Moscow: HSE.
2. Vol'f, M.N. (2017) Sovremennye diskussii ob istorii filosofii: protivostoyanie teksta i konteksta [Modern discussions on the history of philosophy: the confrontation of the text and context]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 15(3). pp. 237–257.
3. King, P. (1995) Historical Contextualism: The New Historicism? *History of European Ideas*. 21(2). pp. 209–233.
4. Quine, W.V.O. (1956) Quantifiers and Propositional Attitudes. *The Journal of Philosoph*y. 53(5). pp. 177–187.
5. Geach, P.T. (1967) Intentional Identity. *The Journal of Philosophy*. 64(20). pp. 627–632.
6. Saarinen, E. (1978) Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes. *Linguistics and Philosophy*. 2. pp. 151–213.
7. Edelberg, W. (1995) A Perspectivalist Semantics for Attitudes. *Noûs*. 29(3). pp. 316–342.
8. Aristotle. (1831) De Xenophane, de Zenone, de Gorgia [To Xenophane, to Zenone, to Gorgia]. In: Bekker, I. (ed.) *Aristotelis opera*. Vol. 2. Berlin: Reimer.
9. Vol'f, M.N. (2014) Gorgias' "On Not-Being or On Nature" In De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: Its Formal Structure and a Translation from Greek Into Russian. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 8(2). pp. 152–169. (In Russian).
10. Berestov, I.V. (2016) Gorgias of Leontinoi's arguments as an evidence for philosophical significance of problem about intentional identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (34). pp. 259–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/31
11. Berestov, I.V. (2016) Holistic assumptions in the third argument of Gorgias' treatise "On non-being". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (36). pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/36/3
12. Eskildsen, K.R. (2008) Leopold Ranke's Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography. *Modern Intellectual History*. 5(3). pp. 425–453. DOI: 10.1017/S1479244308001753
13. Collingwood, R.G. (1946) *The Idea of History*. Oxford: Clarendon Press.
14. MacIntyre, A. (1984) The Relationship of Philosophy to Its Past. In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Pocock, J.G.A. (1962) The History of Political Thought: A Methodological Enquiry. In: Laslett, P. & Runciman, W. (eds) *Philosophy, Politics and Society*. Second series. Oxford: Clarendon Press.
17. Skinner, Q. (1988) Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: Tully, J. (ed.) *Meaning and Context. Quentin Skinner and His Critics*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Zarka, Y.Ch. (2005) The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
19. Bivir, M. (2010) Rol' kontekstov v ponimanii i ob"yasnenii [The role of contexts in understanding and explaining]. In: Bedeker, Kh.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [The history of concepts, the history of discourse, the history of mentality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Panaccio, C. (1994) De la reconstruction en histoire de la philosophie [On the reconstruction of the history of philosophy]. In: Boss, G. (ed.) *La philosophie et son histoire* [Philosophy and Its History]. Zürich: Éditions du Grand Midi.
21. Flasch, K. (2009) Kak pisat' istoriyu srednevekovoy filosofii? K diskussii Kloda Panachchio i Alena de Libera o filosofskoy tsennosti istoriko-filosofskikh issledovaniy [How to write the history of medieval philosophy? To the discussion of Claude Panaccio and Alain de Lieber on the philosophical value of historical and philosophical studies]. *Logos*. 4–5 (72). pp. 224–246.
22. Randall, J.H. (1962) *The Career of Philosophy*. Vol. I. New York: Columbia University Press.
23. Passmor, J. (1965) The Idea of a History of Philosophy. In: *The Historiography of the History of Philosophy, History and Theory*. The Hague: Mouton. (Ser. *Studies in the Philosophy of History*. 5).
24. Russel, B. (2001) *Problemy filosofii* [Problems of Philosophy]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Nauka.
25. Bennett, J. (2001) *Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume: In 2 v*. Vol. 1. Oxford and New York: Oxford University Press.
26. Laerke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) (2013) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
27. Hatfield, G. (2005) The History of Philosophy as Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
28. Rorty, R. (2001) Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [Historiography of Philosophy: Four Genres]. Translated from English. In: Dzhokhadze, I.D. *Neopragmatizm R. Rorty* [Neopragmatism of R. Rorty]. Moscow: Editorial URSS.

29. Vol'f, M.N. (2017) [Methodological controversies around the history of philosophy: contextualism or appropriationism?]. *Filosofiya i nauka: problemy sootneseniya* [Philosophy and science: problems of correlation]. Proceedings of the International Conference *Aleshinskie chteniya – 2016* [Aleshin Readings – 2016]. 2nd ed. Moscow: RSUH. pp. 393–400. (In Russian).
30. Vol'f, M.N. (2018) Historiography of the history of philosophy as a modus of the analytic history of philosophy. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 16(2). pp. 189–200. (In Russian).
31. Goldenbaum, U. (2013) Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy. In: Laerke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
32. Cottinham, J. (2005) Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
33. Sorell, T. (2005) On Saying No to History of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
34. Krüger, L. (1984) Why Do We Study the History of Philosophy? In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Vermeir, K. (2013) Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy. In: Laerke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
36. Rockmore, T. (2014) Zametki ob istorii filosofii i ee otnoshenii k filosofskomu "dukhu vremeni" (Zeitgeist) [Notes on the history of philosophy and its relation to the philosophical "spirit of the time" (Zeitgeist)]. Translated from English. In: Motroshilova, N.V. (ed.) *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st century]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", pp. 64–79.

Received: 28 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 82–89. DOI: 10.17223/15617793/436/9

УДК 1(091)

А.В. Лаврухин

ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВА В ПОНИМАНИИ КАНТА, ГЕГЕЛЯ И ГУССЕРЛЯ

Рассматривается проблема взаимной корреляции индивидуальной и коллективной свободы в контексте этической, правовой и политической легитимации государства. На основе сравнительного анализа выделяется четыре стратегии интерпретации, взятые на вооружение Кантом, Гегелем и Гуссерлем при осмыслении феномена государства: государство как результат естественной телеологии (цель природы), как продукт разумной телеологии (цель «человека разумного»), как этическая (нравственная) необходимость или как инструмент для достижения прагматических (аполитичных) целей.

Ключевые слова: государство; свобода; гражданское общество; право; нравственность; мораль; республика; монархия; аристократия.

Государство как предмет философской рефлексии сохраняет свою актуальность в современном мире: дискуссии об определении сущности государства в политической науке и практике не прекращаются до сих пор, а термин «государство» не имеет сегодня общепризнанного, юридически конвенционального значения. Примечательно, что даже Организация объединенных наций не считает себя вправе признавать новообразованное государство, оставляя этот каверзный вопрос на совести других государств и правительств. Между тем в условиях глобальной неопределенности, проблематизирующей классическое понимание «природы» государства, возрастает спрос на релевантное современности и одновременно ясное, глубокое и всестороннее понимание сути этого феномена, прежде всего, в аспекте взаимосвязи между индивидом и политическим сообществом. Обращение к осмыслению феномена государства такими выдающимися мыслителями, как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и Э. Гуссерль, может оказаться полезным и важным для достижения этой цели. Предпринятый в данной статье сравнительный анализ пониманий феномена государства Кантом, Гегелем и Гуссерлем способствует также решению актуальной историко-философской задачи, стоящей перед исследователями феноменологии Гуссерля, философская программа которого долгое время интерпретировалась как игнорирующая политическую проблематику [1] или нерелевантная ей [2].

Кант: государство как civitas и когнитивная иллюзия

В наследии Канта мы не найдем произведения, имеющего одноименное название «Государство». Ключевое по проблематике политической философии произведение, вышедшее в 1797 г., носит совсем другое название – «Метафизика нравов в двух частях. Метафизические начала учения о праве». *Это обстоятельство недвусмысленно указывает на лейтмотив политической мысли Канта: политическое господство должно быть ограничено этикой и правом*. Об этом же говорит и последовательность изложения: сперва рассматриваются общие вопросы права и философии права, затем частное право и лишь в самом конце – государственное право, народное право и мировое гражданство. Государство как тема появляется лишь в контексте обсуждения государственного права. Параграф 43 начинается с разъяснения понятия законов, которые требуют всеобщего обсуждения в качестве «публичного права» (öffentliches Recht) [3. С. 231]. Публичное право имеет отношение к народу, требующему правового статуса под общей, объединяющей его волей, конституцией (constitutio) для того, чтобы по праву быть причастным к этой общей воле. Затем следует предложение, в котором Кант впервые упоминает государство: «Такое состояние отдельных индивидов в составе народа в отношении друг к другу называется *гражданским* (status civilis), а их совокупность в отношении своих собственных членов – государством (civitas), которое в силу своей формы как нечто связанное общей заинтересованностью всех в том, чтобы находиться в правовом состоянии, называется общностью (res publica latius sic dicta), а в отношении к другим народам – просто властью (potentia) (отсюда и слово Potentaten); поскольку же оно (мнимо) унаследованное объединение, оно называется также коренным народом (gens), что дает основание мыслить под общим понятием публичного права не только государственное право, но и *международное право* (ius gentium)…» [Там же].

Как видим, ориентация Канта на приоритет публичного права перед «волей народа» и государственным правом существенно ограничивает тот аспект господства и абстрактной коллективности, который всегда связывался с феноменом государства. В определении Канта внимание акцентируется на «отдельных индивидах в народе» и «гражданском состоянии» как на этическом базисе со-участия отдельно взятых индивидов в общем существовании: «государство (civitas)» – это «целое народа по отношению к его собственным членам». Заключенное в скобки слово civitas дает нам понять, что между государством и гражданским обществом Кант не проводит различие. Наконец, подчеркивается общая заинтересованность в достижении правового состояния и понятие республики употребляется в более широком смысле как синонимичное. Имплицитно присущая феномену государства «власть» ограничивается сферой внешнего влияния – «по отношению к другим народам». Это означает, что Кант понимает и определяет феномен государства прежде всего на основаниях этики, принципа членства и участия отдельно взятых граждан в

общем публичном и правовом деле. Такие аспекты государства, как абстрактный коллектив, территориально, рационально и централизованно оформленное господство с притязанием на монополию власти по отношению ко всем гражданам государства, напротив, дезавуируются и определяются как вторичные. *Тем самым суть феномена государства в понимании Канта строго задается правовым civitas*.

Скептическое отношение Канта к государству подтверждается еще одним, менее популярным текстом «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”» (1793). Здесь Кант сперва говорит об «общем существовании», под которым подразумевается состояние гражданского общества и в котором подчеркивается момент гражданского участия [4. С. 65–77]. Термин «государство» появляется лишь тогда, когда речь заходит о главе государства, патриотизме, равенстве людей как подданных [Там же. С. 79–81] или о власти и господстве [Там же. С. 89]. Государство, в противоположность «общему существованию» и «стране», представляет собой абстрактный коллектив и правовой конструкт, репрезентирующий себя в термине «правовое государство»: «*Патриотическим* называется такой образ мыслей, когда каждый в государстве (не исключая и его главы) рассматривает общность как материнское лоно и страну свою как родную почву, на которой и из которой он сам вырос и которую он как драгоценный залог должен оставить после себя для того лишь, чтобы охранять права общности посредством законов совместной воли, а вовсе не считает себя правомочным подчинять ее своему безграничному произволу для использования» [Там же. С. 80]. В последней части, посвященной международному праву и, соответственно, интернациональной этике, чаще появляется понятие государства. Логика здесь та же: именно в отношениях государства к внешнему миру этическое, гражданское и правовое измерения отступают на второй план и становится актуальным его политическое измерение, имеющее прямое отношение к отправлению власти, отношениям господства и подчинения и пр. Причем все эти моменты Кант излагает довольно абстрактно, сосредотачивая внимание на республиканской конституции государств как на необходимом условии возможности вечного мира [Там же. С. 99–106].

Сильный акцент на понятии государства мы находим у Канта лишь в одном произведении – «К вечному миру» (1795), где речь идет о международном праве и, соответственно, интернациональной этике. Но даже в этой работе за термином «государство» тотчас появляется «civitas» [5. С. 379]. В этом ограниченном и несамостоятельном статусе феномена государства необходимо выделить два ключевых аспекта: мысль о свободе и мысль о республиканизме.

В сфере индивидуальной этики свобода и автономия воли – единственный принцип морального закона [6. S. 205]. Но если в индивидуальной сфере законодательство свободы выбора и автономной воли, которое делает поступок долгом, называется этическим, то «законодательство, которое не включает это [условие] в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самое идею долга, есть *юридическое* законодательство» [3. С. 126]. Согласно определению, «право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [Там же. С. 139] Соответственно, принуждение и насилие суть те препятствия, которые стоят на пути свободы [Там же. С. 140–143]. Это означает, что в сфере политики и права ноуменальная свобода не может стать основанием морального закона, поскольку она не должна ограничиваться внешними препятствиями. Очевидно, что тем самым подразумевается реализация этой ноуменальной свободы в качестве наибольшей свободы от внешнего принуждения, в качестве «независимости от принуждающего произвола других» [Там же. С. 126–131], под которыми можно подразумевать как других граждан, так и власть государства. Эта свобода является единственным, изначально данным каждому человеку правом на основании его принадлежности человеческому роду (врожденное право) [7. S. 151]. Политическое сообщество уполномочено и обязано достичь наибольшей реализации этой свободы от внешнего принуждения. При этом Кант отвергает любую политику, нацеленную на создание государства благоденствия, если они выходят за пределы обеспечения этой защиты свободы от внешнего принуждения [3. С. 235–243].

Как известно, в понимании Канта единственной легитимной формой государственного правления является республика, поскольку именно она базируется на принципе свободы и закрепляет его на законодательном уровне [3. С. 231–263]. В республике закон является последней инстанцией. При этом настоящая республика понимается Кантом как репрезентативная система, презентирующая не волю суверена, но волю народа. Тем самым Кант утверждает идею народного суверенитета, конститутивными аспектами которого, как и прежде, являются принцип членства и индивидуального участия отдельно взятых граждан, в то время как имплицитно присущие выражению «воля народа» коллективизм, анонимность и господство оказываются деривативными и вторичными. Интегративное определение государства, лаконично и точно собирающее в себе все четыре конститутивных аспекта – базовый принцип свободы, республиканизм, принцип членства и законность, Кант дает в 45 параграфе «Учения о праве»: «Государство (civitas) – это объединение множества людей, подчиненых правовым законам» [Там же. С. 233]. При этом под «правовыми законами» Кант подразумеает априори необходимые законы, вытекающие из понятия права: они образуют «форму государства» в целом, «государство по идее» [Там же]. Что это означает, станет понятно, если прояснить ключевое кантовское различение между идеей и понятием.

Понятие имеет опосредованное отношение к предмету созерцания, причем чистое понятие имеет свое происхождение в разуме, а эмпирическое – в чувствах [8. С. 407–409]. Идеей в техническом смысле Кант называет образование, составленное из чистых понятий, которое превышает возможности опыта и в качестве безусловного делает возможной то-

тальность условий [8. С. 413–415]. Таким образом, идеи, в отличие от понятий, не имеют отношения к предметам созерцания. Именно поэтому идеи в познавательном смысле затруднительны, поскольку всякое познание предметов предполагает чувственное созерцание. В трансцендентальном смысле идеи имеют лишь видимость отношения к объектам познания [Там же. С. 423]. Именно поэтому в «Критике чистого разума» Кант считает притязание идей на отражение реальности неправомерным и не принимает в расчет идеи о бессмертной душе, идею человеческой свободы или идею Бога [Там же. С. 430–507]. Однако в практическом измерении идеи получают свою новую легитимацию. Однако употребляемое в контексте политической философии Канта выражение «идея государства» может иметь двоякий смысл: вышеозначенный технический либо общеупотребительный (в значении «идеал», «утопия»). В пользу последнего говорит то, что в «Учении о праве» связь между идеей и государством эксплицитно выявлена лишь в одном месте, правда, центральном и совсем не случайно. Однако если принять во внимание строгое различие между понятием и идеей, а также контекст рассмотрения, то общеупотребительный смысл видится менее вероятным, чем технический. Но тогда возникает вопрос, как понимать техническую интерпретацию того, что Кант называет «идеей государства», и из каких чистых понятий может быть составлена «идея государства» таким образом, чтобы она, «выступая в качестве безусловности, сделала возможной тотальность условий»? Одним из таких чистых понятий является априорное допозитивное право, или нормы правовой этики. Другим чистым понятием является объединение людей, т.е. членский смысловой аспект civitas, объединенная воля народа как объединение индивидуальных произвольных воль под эгидой всеобщего закона свободы. Соответственно, в понимании Канта государство как идея есть государство априорного права и объединенной гражданской воли, а не абстрактного коллектива и рационального, территориального, централизованного господства. Государство, по Канту, – это идея, а не понятие, поскольку оно относится к праву иначе, нежели созерцание к предмету восприятия. Это, в свою очередь, означает, что в понимании Канта государство представляет собой нечто иллюзорное, когнитивно сомнительное и вызывающее глубокий скепсис.

Гегель: государство как «действительность конкретной свободы»

На раннем этапе своего творческого пути Г.В.Ф. Гегель осмыслял феномен государства, в полной мере разделяя кантовский скепсис. Так, в одном из самых ранних произведений молодой Гегель эмфатически отвергает государство как нечто «механическое», поскольку именно государство, используя всю мощь машины принуждения, обращается с человеком как с винтиком [9. S. 234f]. Мотивации такого отношения к государству точно не известны, но, скорее всего, оно инспирировано бурными студенческими годами и влиянием Шеллинга. Гегель этой поры видит лишь одну позитивную сторону государства – административную, которая позволяет защищать собственность граждан. Это как раз та функция, которую позже в своей работе «Основные черты философии права» Гегель назовет «государство-нужда и разумное государство», соответственно «гражданское общество» [10. S. 340]. При всех нюансах и различиях в понимании функций государства, можно с уверенностью сказать, что до 1800 г. Гегель был солидарен с Кантом по ключевому вопросу взаимосвязи и корреляции между гражданским сообществом (civitas) и государством: государство имело ограниченные полномочия, а гражданский аспект (civitas) играл определяющую роль.

Однако уже в работе «Конституция Германии» (Die Verfassung Deutschlands) (1800–1802) становится заметно менее ригористичое отношение к государству: здесь Гегель утверждает, что ни одна страна «как целое, как государство» не имеет «более плачевной конституции», чем Германский рейх [9. S. 452]. Исходя из этой констатации Гегель приходит к выводу, что Германия больше уже не является государством [Ibid. S. 452, 461]. Примечательно, что и в первом (скептическом), и во втором (менее ригористичном) определении государства для Гегеля ключевым моментом является понятие «целого», или «всеобщего», которое он порой отождествляет с государством [Ibid. S. 454]. Кроме того, в понимании Гегеля властный аспект государства непосредственно связан с «полновластной всеобщностью» как источником всех прав [Там же]. Здесь уже начинают появляться примечательные акценты и отличия от понимания Канта: Гегель считает, что конститутивным для государства является власть [Ibid. S. 577], а гомогенность нравов, образования, языка и религии – суть необходимые атрибуты государства [Ibid. S. 477, 577]. При этом Гегель, в противоположность Канту, подчеркивает важность абстрактного коллектива. Эти акценты усиливаются и приобретают доминирующий характер с появлением двух идей, которые играют решающее значение для всей философской программы Гегеля: идеей реализации нравственности в государстве и идеей государства как воплощения объективного духа.

В своей главной работе по философии права «Основные черты философии права или природное право и наука о государстве» (Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft) Гегель объединяет кантовскую идею права со старой парадигмой природного права и с новой идеей науки о государстве. Если мы посмотрим на рубрикацию этого труда, то может сложиться впечатление, будто тема государства имеет маргинальное положение: в первой части речь идет об «абстрактном праве», во второй – о «моральности», и лишь в третьей части, посвященной «нравственности», появляется рассмотрение государства, причем о государстве Гегель рассуждает в контексте рассмотрения семьи и гражданского общества. Все это может подтолкнуть читателя к мысли о том, будто Гегель здесь выдвигает уже знакомый нам из философии Канта тезис об ограниченности государства рамками права, моральности, семьи и граждан-

ского общества. Однако это не так: за всеми этими проявлениями ограничений государства уже стоит новый лейтмотив – диалектический метод, который полностью переворачивает модель взаимообусловленности в пользу государства. Отныне государство выступает в качестве такого универсального института, в котором растворяются, аннигилируются и интегрируются все прочие институты, поскольку оно является конечной целью диалектического развития объективного духа. Тем самым государство приобретает новое значение и смысл, которые существенно отличаются от кантовского понимания: с одной стороны, усиливается акцент на коллективности, господстве, власти и территории, а с другой стороны, ослабляются, а затем и исчезают вовсе гражданский, либеральный и правовой аспекты государства.

В то же время определение государства Гегелем не так просто для понимания как кажется, поскольку оно осуществляется в новой терминологии и в контексте новой философской программы. Подчас одни и те же термины приобретают принципиально новый, а порой даже противоположный смысл. Так, например, Гегель опирается на Кантовское различие между понятием и идеей, но вкладывает в эти термины принципиально иной смысл: понятия для него подразумевают этап их наивысшей конкретизации в идеях [10. S. 29], когда последние становятся действительностью во всей ее исторической плоти и крови (а не остаются внеисторичными регулятивными идеалами, как это было в случае с Кантом). Гегель определяет такую действительность как «действительность нравственной идеи», «действительность субстанциального воления, которым он (объективный дух. – *А.Л.*) обладает в особенном, возвышенном до своей всеобщности самосознании, в себе и для себя разумном» [Ibid. S. 398f]. Тем самым Гегель определяет нравственность (Sittlichkeit) в качестве «идеи свободы», т.е. в качестве ставшего самим для себя осознанным и в этом смысле полностью реализованным понятием свободы [Ibid. S. 292]. В результате такой реализации понятия свободы все разноречивые и разнообразные субъективные, индивидуальные понимания и самоопределения свободы достигают своей несомненной и определенной идентичности со всеобщим благом, а значит, впервые становятся по-настоящему свободными [Ibid. S. 286]. Гегель исходит из предпосылки, согласно которой сам процесс диалектического развития в основе своей строится на свободном, разумном волеизъявлении [Ibid. S. 87]. Поэтому государство в понимании Гегеля является «всеобщей и объективной свободой» [Ibid. S. 88], «действительностью конкретной свободы» [Ibid. S. 406].

Если рассматривать этот тезис формально и не вдаваясь в детали, может показаться, будто здесь оба мыслителя – Кант и Гегель – единодушны в понимании свободы, которая выступает у них в качестве основания легитимности государства. Между тем именно в этом пункте мы находим наиболее существенные различия между Кантом и Гегелем. Кант, как мы помним, видит в государстве и праве инструменты для обеспечения свободы и независимости от внешних ограничений и угроз. В этой связи он проводит ясное различие между внутренней, ноуменальной свободой, основанием бытия (ratio essendi) морального закона и внешней, феноменальной свободой граждан, связанной с их произвольными действиями и взаимодействиями. Государство и право призваны регулировать именно это внешнее, а мораль – внутреннее пространство свободы. При этом государство и право, с одной стороны, и мораль – с другой, не должны переходить границы своих «полномочий», не должны смешиваться друг с другом. Гегель, напротив, решительно отвергает необходимость такого рода границ и различий [10. S. 66].

В этом же контексте стоит понимать и гегелевскую критику «бредней произвола»: «обычный человек считает, будто он свободен, когда ему разрешено действовать произвольно, но именно в произволе заключается свидетельство тому, что он несвободен» [10. S. 67]. Если в понимании Канта всякое внешнее принуждение индивида к обретению им внутренней свободы представляет собой нарушение автономии индивида и является угрозой гетерономного состояния, то для Гегеля это различение уже не имеет значения, поскольку они растворяются в едином потоке диалектического развития духа. Это ярко проявляется в том, как «работает» понятие свободы в сфере политики: свобода здесь полностью утрачивает свой индекс индивидуальности и приобретает отчетливый нравственный, т.е. внутренний, и одновременно, общезначимый и коллективный, т.е. внешний характер: воля, которая «имеет предметом целью всеобщность, саму себя как бесконечную форму для своего содержания, является свободной волей не только в себе, но и для самой себя – как истинная идея» [Ibid. S. 72]. Утверждая свободу в качестве основополагающего принципа государства, Гегель подразумевает в качестве исходного, конститутивного феномена не свободу отдельно взятого индивида (как это было в случае с Кантом), но коллективную и всеобщую свободу государства, олицетворяющего объективность, истину и нравственность, которые должны регулировать жизнь отдельно взятых индивидов. Более того, высшим идеалом и долгом индивида является его растворение в государстве, а само государство понимается и утверждается в качестве самоцели [Ibid. S. 399]. Гегель усиливает этот тезис путем придания государству гораздо более высокого онтологического ранга и ценностного статуса, чем жизнь отдельно взятого индивида или множества индивидов, не собранных государством в «истинное», «нравственное» и «благое» коллективное единство. Он пишет о государстве как о «в себе и для себя существующей божественности», как об «абсолютном авторитете и величестве (Majestät)» [Ibid. S. 400].

Тем самым Гегель последовательно отвергает не только кантовский тезис о приоритете автономности индивида, но и теорию общественного договора: всеобщая воля должна пониматься не в качестве складывающейся из индивидуальных воль «общественной» воли, но как в себе и для себя разумная воля, реализуемая государством и через государство [10]. Перед лицом того блага разумной воли, которое олицетворяет государство, права человека не играют существен-

ной роли, выборы допустимы, но бессмысленны и не имеют значения с политической точки зрения, т.е. с точки зрения безусловности того блага, которое несет собой государство [10. S. 480].

Соответствующим образом меняется и понятие суверенитета: он теперь означает не суверенитет народа, но суверенитет государства [Ibid. S. 442]. Все гражданские, общественные элементы и аспекты (civitas) политической жизни, конститутивные для «res publica» в понимании Канта, Гегель отбрасывает, сосредотачивая все внимание на абстрактном коллективе, власти и господстве государства, понятого как институт легитимного принуждения индивидов к «истинной», «нравственной» и «совершенной» жизни.

Гуссерль: по ту сторону государства – идеальная аристократия феноменологов

В богатом наследии основателя феноменологии Э. Гуссерля мы не найдем труда с названием, в котором бы содержалось слово «государство» или даже более широкое по объему понятие «политика». Все идеи Гуссерля по проблематике политической философии разбросаны по отдельным работам, манускриптам, черновикам и обширному эпистолярному наследию. Карл Шуман, известный издатель и интерпретатор философии Э. Гуссерля, собрал все эти фрагменты и представил их в систематическом виде в своем монументальном труде «Философия государства Гуссерля» [11]. Здесь мы будем опираться на этот труд, но наша цель будет состоять не в изложении гуссерлевской философии государства, а в анализе сходств и различий с представленными выше учениями Канта и Гегеля.

Гуссерль исходит из предпосылки, согласно которой нет уже существующего государства, на которое мы ориентируемся, когда его проектируем или анализируем, но «оно еще только должно появиться» [11. S. 35]. При этом он полагает, что государство не является ни исходной реальностью коллективной жизни, ни завершающим коллективным целым, «последней целостностью» [Ibid. S. 32]. Являясь лишь промежуточной формой человеческого общежития, оно трансформируется в более совершенную форму коллегиального существования субъектов, обеспечивающих в результате своей совместной деятельности самую оптимальную телеологию разума. Тем самым Гуссерль вписывает себя в традицию просветительского рационализма в целом и немецкого идеализма в особенности.

В понимании Гуссерля единицей социальности и субъектом политической интеракции является субъект как «отдельная монада» [11. S. 44], существующая плюрально, поскольку ни одна монада не похожа на другую. Отдельные монады представляют собой своего рода «атомы действительности», имеющие свое «онтологическое преимущество» перед любого рода общностью в силу их «изначальной данности» [Ibid. S. 48–49]. В этом смысле любая общность (в том числе политическая) – вторичное и более сложное образование. В этом проявляется существенное родство между Кантом и Гуссерлем: для обоих мыслителей индивид имеет приоритетный онтологический ранг перед любыми формами общности, а государство понимается как более сложное вторичное социальное социально-политическое образование. Как и Кант, Гуссерль рассматривает государство в качестве «внешней превалирующей силы» [11. S. 45], которая устанавливает баланс между устремлениями монад, содержащими деструктивные начала: «Государство позволяет исключить и предотвратить возможность разрушения и прекращения всеобщего телеологического движения» [Ibid. S. 45, 115, 117]. При этом Гуссерль, в унисон Канту, полагает, что наиболее адекватным средством государственного урегулирования всех проблем является право, которое обязательно к исполнению [Ibid. S. 121].

Гуссерль солидарен с Кантом и в определении государства в качестве «ирреальной предметности», правда, в весьма специфическом феноменологическом смысле. Это определение базируется на различии между природной (Natur-) и разумной предметностями (Verstandesgegenständigkeit), которое Гуссерль дает в работе «Опыт и суждение». Природные предметности как индивидуальные пространственные предметности имеют свое время данности сознанию и свое природное, объективное время [12. § 64b]. Разумные предметности, напротив, не имеют никакой протяженности во времени и остаются идентичными в любое время [Ibid]. В свою очередь, сами разумные предметности различаются на «свободные идеальности» (выраженные, например, на языке логико-математических формул) и «связанные идеальности», которые подразумевают в своем смысловом бытии реальность. Государство принадлежит к классу «связанных идеальностей». С одной стороны, оно, будучи олицетворенным в основном правовом документе (Конституции), представляет собой идеальность, поскольку выражает государственную волю, категориально должное, которого обязаны придерживаться все и во все времена вне зависимости от конкретных конъюнктурных политических ситуаций и отдельно взятых лиц, облеченных властью. С другой стороны, это идеально должное имеет отношение ко вполне определенному государству и его гражданам, т.е. ирреальность такой идеальности имеет связанный характер – с вполне конкретным государством и вполне конкретными гражданами, которые только и могут вновь и вновь повторять, реактивировать идеально должное (Конституцию) в каждой конкретной ситуации. Иными словами, это такое идеально должное, которое для своего существования и своей реактивации нуждается во «внутримировой локальности».[1] «Государство (народ государства)», – пишет Гуссерль – «имеет «мунданную, многообразно-единообразную реальность», «своеобразную локальность», поскольку оно обладает ландшафтно вполне реальной территорией, в рамках которой только и может быть осуществлена (реактивирвана) сила долженствования и власти идеально должного (Конституции)» [Ibid].

В то же время на вопрос о причинах социального и политического объединения индивидов Гуссерль и Кант отвечают по-разному. Если для Канта основными причинами объединения отдельных личностей в об-

щество являются этический императив и консолидирующая «воля народа», то для Гуссерля – присущая отдельным монадам «изначальная тенденция единения» [11. S. 31]. Эта «тенденция единения» обусловлена конститутивной для всех монад «внутренне присущей им телеологии», устремленной к «сообществу любящих», к гармонии между монадами. Телеологическое движение развития ведет от «всего лишь апперципирующей жизни к вполне развитому самосознанию чисто рационально организованной жизни» [Ibid. S. 45]. Существование друг подле друга и вместе друг с другом образуют низшие слои общности (семья, община) [Ibid. S. 54, 60], которые затем, благодаря коммуникативным процессам, перерастают в более широкие кооперации, партнерства и социальные связи, позволяющие людям достигать поставленных целей в экономической, научной и культурной сферах. Такого рода социальные взаимодействия одного ранга, поскольку все акторы взаимодействуют друг с другом, «будучи в равной мере подчиненными цели устремления» [Ibid. S. 71]. В этой акцентации телеологии разума проявляется родство Гуссерлевского понимания государства с определением государства в качестве объективации абсолютного духа Гегеля. Только вместо понятия духа Гуссерль употребляет выражение «в полной мере развитое самосознание чисто рациональное по своему оформлению» [Ibid]. Отличие от Гегеля состоит также в том, что для Гуссерля государство не является конечной целью развития этого сообщества и не представляет собой идеальной коллективной формы существования самосознания. В понимани Гуссерля, государство – не конечная, но промежуточная цель, поскольку оно должно отмереть [Ibid. S. 159], как только будет реализовано истинно гармоничное сообщество феноменологов [Ibid. S. 46]. Таким образом, в понимании Гуссерля государство призвано выполнить инструментальную функцию – ограничить мировое зло, но оно не способно созидать общественное (социальное и политическое) благо, на это способна только феноменология. «Таким образом, феноменология стоит над государством» [Ibid. S. 149]. Она «как универсальная наука стоит на службе универсально счастливой жизни» [Ibid. S. 139].

Эта идея «универсально счастливой жизни» по своему содержанию близка Кантовской идее «вечного мира». Для Гуссерля, как и для Канта, конфликты в конечном итоге, не являются конститутивными аспектами политического мира: они имеют преходящий характер, а потому в принципе могут быть преодолены по мере того, как мы будем приближаться к состоянию универсальной гармонии. Тем самым оба мыслителя по сути утверждают тезис, согласно которому счастливая человеческая жизнь находится «по ту сторону» государства и политики в целом, а потому политика и политический мир всегда должны знать свои границы. Однако, как справедливо замечает Шуман, «поскольку будущее никогда не может быть полностью реализовано, всегда имеется остаточный риск фундаментальной дисгармонии и неразумия» [11. S. 188].

В то же время у идеи Гуссерля об «универсально счастливой жизни» есть один существенный аспект, вновь сближающий его с Гегелем, – европоцентичность. По Гуссерлю, телеологическое разворачивание монадологической вселенной превосходит и ассимилирует в себе все относительные особенные миры и трансформирует их в новое сообщество – «всечеловечество» [11. S. 142], которое Гуссерль понимает не космополитично, но европоцентрично, употребляя выражение «европейское человечество» (europäische Menschentum) [13]. В унисон с Гегелем, Гуссерль утверждает, что Европа, в отличие от Китая или Индии, несет в себе абсолютную идею [14. S. 14]. Таким образом, если Кант придерживается космополитических взглядов, Гегель утверждает абсолютное превосходство Прусской монархии, то Гуссерль занимает отчетливую европоцентристскую позицию без локализации и конкретизации того государства, формы государственного правления или политического режима, которые представляются ему идеальными или предпочтительными. При этом гуссерлевский европоцентризм претерпевает примечательную трансформацию: Европа понимается как духовная родина разума, т.е. феноменологии, которая «реализует на практике новое человечество» [11. S. 143]. Именно феноменологи «выполняют функцию архонтов в отношении всего человечества» [14. S. 336], тем самым замещая и упраздняя государственных чиновников. В конечном итоге государство и «сообщество любящих» трансформируется у него в «феноменологическое сообщество» [11. S. 170]. Тем самым Гуссерль, вслед за Платоном, осуществляет аисторический прыжок к идеальной аристократии феноменологов.

Заключение

По итогам сравнительнго анализа можно выделить четыре знаковые для истории политической мысли стратегии интерпретации, которые были взяты за основу Кантом, Гегелем и Гуссерлем: 1) понимание государства как результата естественной телеологии (цель природы); 2) понимание государства как продукта разумной телеологии (цель «человека разумного», гражданского соучастия); 3) понимание государства как этической (нравственной) необходимости; 4) определение государства в качестве инструмента для достижения прагматических (аполитичных) целей. Каждая из этих стратегий акцентирует внимание на одном из измерений феномена государства, которые в интерпретации выдающихся мыслителей обретают свою особеную констелляцию.

Так, у Канта доминирует этическое и правовое (прагматико-инструментальное) измерение государства: он исходит из предпосылки о необходимости этической мотивации граждан при построении государства и использовании институтов и инструментов государства для защиты индивидуальной свободы. В то же время первая и вторая стратегии выступают у него, скорее в качестве предмета критики и рационального скепсиса. Именно поэтому Кант выдвигает на передний план индивидуальный, гражданский, этический и правовой аспект государства, игнорируя его властное, абстрактно-коллективное и территориальное измерение.

В случае с Гегелем мы видим, как этическая интерпретация государства сплавляется с двумя други-

ми – игнорируемыми Кантом – стратегиями интерпретации, подразумевающими государство как результат естественной телеологии (цель природы) и как продукта разумной телеологии (цель разумных граждан). Нравственность у Гегеля – это не столько то, что мотивирует граждан к построению государства в качестве нормативного идеала (как у Канта), сколько естественный и необходимый процесс ее реализации в действительности. Субъект сознает себя как тождество с нравственной субстанцией на всех трех фазах ее «естественного» проявления: в семье, гражданском обществе (bürgerliche Gesellschaft) и государстве. При этом «государство» олицетворяет собой нравственность в ее самом совершенном, божественном и благом виде. Тем самым Гегель в определенном смысле возрождает древнегреческое понимание полиса как природной и благой реальности высшего онтологического и этического ранга. Однако это понимание в интерпретации Гегеля претерпевает довольно существенную релятивацию: оно становится динамичным и переменчивым благодаря процессу диалектического развития, проходит целый ряд фаз приближения к заветному тождеству нравственности, блага, совершенства и государства. Примечательно, что эффектом сплавления первого, второго и третьего измерений государства является коллективная, абстрактная воля и самодостаточность государства как абсолютной реальности по отношению к индивиду, его притязаниям на свободу и свой особенный, партикулярный интерес. Гегель не допускает возможности индивидуального произвола. Таким образом, существенные различия между Кантом и Гегелем в понимании феномена государства во многом обусловлены принципиально разным пониманием свободы: если Кант определяет свободу двояко – как безграничную внутреннюю (моральную и ноуменальную) и ограниченную внешнюю (государственно-правовую и феноменальную), то Гегель снимает это различие в пользу «действительной свободы», воплощенной в нравственности и реализованной в государстве свободно сознающим и отождествляющим себя с объективным духом гражданином.

Гуссерль последовательно развивает четвертую стратегию интерпретации, нарочито подчеркивая инструментальный характер государства, необходимый для достижения целей, лежащих, казалось бы, уже за пределами политики и связанных с самореализацией свободного, феноменологически рефлексирующего индивида. Однако свобода индивида-феноменолога имеет относительный характер, поскольку предполагает «естественную» привязанность к сообществу (индивидов-феноменологов) и содержит в себе рудименты естественных и телеологических целей («телеология разума»). Естественные цели связаны с естественостью объединения индивидов в сообщества и существованием самого государства как «природной» политической формы этого объединения, позволяющей сохранить этическое измерение интерсубъективных отношений. В то же время, по мере приближения к совершенной форме сообщества феноменологов, государство утрачивает свою значимость, но при этом само феноменологическое сообщество и феноменология как интеллектуальная практика сохраняют свой статус и ранг благой, этически ценной и счастливой жизни. Таким образом, мы видим, что за стратегией инструментализации государства у Гуссерля стоят два других понимания государства: как природной телеологии и как этической необходимости. При всех бросающихся в глаза сходствах между Гуссерлем и Гегелем в отношении институционализации философии как эминентной (в том числе для политики) интеллектуальной практики, мы можем выделить как минимум два существенных отличия стратегии Гуссерля. Во-первых, феноменология в его понимании не является «государственной философией», но, одновременно, она не является и сугубо персональной практикой, поскольку Гуссерль, в отличие от Гегеля, не утверждает конца философии в смысле ее отождествления со своей собственной философской системой (как конечный пункт диалектического развития абсолютного духа). В то же время Гуссерль авторизует феноменологию в гегельянском стиле: основанное им феноменологическое движение и сообщество феноменологов олицетворяют собой конечную цель политической истории европейского человечества.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Гуссерль проводит в этой связи интересную параллель между содержанием «Фауста» Гёте и его конкретным материальным воплощением в том или ином издании «Фауста»: ««Фауста» Гёте мы можем найти в сколь угодно большом количестве реальных книг (…), которые называют изданиями «Фауста». Этот духовный смысл, смысл этого художественного произведения, определяющий это духовное образование как таковое, конечно же, «воплощён» в реальном мире, но не индивидуирован» [12. § 65].

ЛИТЕРАТУРА

1. Fellmann F. Gelebte Philosophie in Deutschland. Denkformen der Lebensweltphänomenologie und der kritischen Theorie: Alber Verlag (Reihe Fermenta philosophica). Freiburg, München, 1983.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns: Verlag Suhrkamp Taschenbuch. Frankfurt am Main, 1981.
3. Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. // Сочинения: в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, Ч. 2. С. 107–305.
4. Кант И. О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики // Сочинения: в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, Ч. 2. С. 59–106.
5. Кант И. К вечному миру // Сочинения на немецком и русском языках. М. : Kami, 1994. Т. I. С. 354–477.
6. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. III. М., 1997. С. 40–275.
7. Kersting W. Kant's Concept of the State // Howard Williams: Essays on Kant's Political Philosophy. Cardiff, 1992. S. 151–165.
8. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения на немецком и русском языках. М. : Наука, 2006. Т. II.
9. Hegel G.W.F. Das älteste Systemprogramm des deutschen Idealismus // Gesammelte Werke. Bd. 1. Hg. von Eva Moldenhauer und Karl Markus Michel. Frankfurt a. M., 1986.

10. Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse, EA 1821 // Gesammelte Werke. Bd. 7. Hg. von Eva Moldenhauer und Karl Markus Michel, Frankfurt a. M., 1986.
11. Schuhman K. Husserls Staatsphilosophie: Alber Verlag. Freiburg [Breisgau], München, 1988.
12. Husserl E. Erfahrung und Urteil: Meiner Verlag, Leipzig, 1999.
13. Husserl E. Aufsätze und Vorträge. 1922–1937. Husserliana XXVII: Kluwer Academic Publishers, The Hague, 1988.
14. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI: Martinus Nijhoff Verlag, The Hague, 1976.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 29 сентября 2018 г.

THE PHENOMENON OF STATE IN THE UNDERSTANDING OF KANT, HEGEL AND HUSSERL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 82–89.
DOI: 10.17223/15617793/436/9

Andrei V. Lavrukhin, National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: alavruhin@hse.ru

Keywords: state; freedom; civil society; public law; morality; republic; monarchy; aristocracy.

The article is devoted to the problem of mutual correlation between individual and political freedom in the context of ethical, legal and political legitimization of the state. The methods used in the study are hermeneutic reconstruction and comparative analysis of the state philosophy by Kant, Hegel and Husserl. As a result of a hermeneutic reconstruction of Kant's state philosophy, four constitutional factors are revealed: the principle of freedom, Republicanism, the principle of membership and legality. Kant makes a distinction between noumenal (moral) and phenomenal (political-legal) freedom, emphasizing that in the sphere of politics and law, nominal freedom cannot become the basis of moral law, since it should not be limited from the outside (heteronomically), but only be relied upon by the individual "from within" (autonomously). For Kant, noumenal freedom is the only right initially given to each person on the basis of his belonging to the human race (natural right). The political community, represented by the state, is authorized only to protect this freedom from external coercion, but has no right to try to restrict internal (nominal) human freedom. Kant chooses the Republic as a preferred form of government, since the law is the final authority. As a result of the comparative analysis of Kant's and Hegel's state philosophy, the author comes to the conclusion that both thinkers are unanimous in understanding freedom as a basis for state legitimization. At the same time, Hegel "removes" Kant's established distinction between nominal and phenomenal freedom and takes as a basis the collective, universal freedom of the state, which embodies objectivity, truth and morality. The highest ideal and duty of the individual is to renounce autonomy in the name of the state, which is defined as a divine end in itself. Hegel uses the ethical strategy of Kant's interpretation of the state and complements it with two others: the understanding of the state as a result of natural teleology (the purpose of nature) and as a result of reasonable teleology (conscious and free choice of a human). Hegel prefers monarchy as a preferred form of government. Husserl, following Kant, develops and consistently radicalizes the ethical and instrumentalist understanding of the state, emphasizing its transitory nature and focusing on the self-realization of a free, phenomenologically reflective individual. However, the freedom of an individual phenomenologist is limited by attachment to the phenomenological and contains rudiments of natural and intelligent teleology in the spirit of Hegel. Although phenomenology, in Husserl's understanding, is neither a "state philosophy" nor a purely personal practice, it acquires the specific nature of intellectual aristocracy: the phenomenological movement and the community of phenomenologists represent the ideal completion of the political history of European humanity.

REFERENCES

1. Fellmann, F. (1983) *Gelebte Philosophie in Deutschland. Denkformen der Lebensweltphänomenologie und der kritischen Theorie* [Living philosophy in Germany. Concepts of life-world phenomenology and critical theory]. Freiburg, München: Alber Verlag (Reihe Fermenta philosophica).
2. Habermas, J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns* [Theory of communicative action]. Frankfurt: Verlag Suhrkamp Taschenbuch.
3. Kant, I. (1965) Metafizika nravov: v 2 ch. [Metaphysics of morals: in 2 parts]. In: Asmus, V.F., Gulyga, A.V. & Oyzerman, T.I. (eds) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Translated from German. Vol. 4. Pt. 2. Moscow: Mysl'.
4. Kant, I. (1965) O pogovorke "mozhet byt', eto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki" [On the saying "maybe this is true in theory, but it is not suitable for practice"]. In: Asmus, V.F., Gulyga, A.V. & Oyzerman, T.I. (eds) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Translated from German. Vol. 4. Pt. 2. Moscow: Mysl'.
5. Kant, I. (1994) *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. 1. Moscow: Kami. pp. 354–477.
6. Kant, I. (1997) *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. III. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. pp. 40–275.
7. Kersting, W. (1992) Kant's Concept of the State. In: Williams, H. (ed.) *Essays on Kant's Political Philosophy*. Cardiff: University of Wales Press.
8. Kant, I. (2006) *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
9. Hegel, G.W.F. (1986) Das älteste Systemprogramm des deutschen Idealismus [The oldest system program of German Idealism]. In: von Moldenhauer, E. & Michel, K.M. (eds) *Gesammelte Werke* [Collected Works]. Vol. 1. Frankfurt.
10. Hegel, G.W.F. (1986) Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse, EA 1821 [Principles of the Philosophy of Law or Natural Law and Political Science in Sketch Plans, EA 1821]. In: von Moldenhauer, E. & Michel, K.M. (eds) *Gesammelte Werke* [Collected Works]. Vol. 7. Frankfurt.
11. Schuhman, K. (1988) *Husserls Staatsphilosophie* [Husserl's Philosophy of the State]. Freiburg [Breisgau], München: Alber Verlag.
12. Husserl, E. (1999) *Erfahrung und Urteil* [Experience and Judgment]. Leipzig: Meiner Verlag.
13. Husserl, E. (1988) *Aufsätze und Vorträge. 1922–1937. Husserliana XXVII* [Essays and Lectures. 1922–1937. Husserliana XXVII]. The Hague: Kluwer Academic Publishers.
14. Husserl, E. (1976) *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI* [The Crisis of European Science and Transcendental Phenomenology. An introduction to the phenomenological philosophy. Husserliana VI]. The Hague: Martinus Nijhoff Verlag.

Received: 29 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 90–96. DOI: 10.17223/15617793/436/10

УДК 165

Д.В. Черникова, И.В. Черникова

ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Анализируется проблема: как изменения в обществе (переход к обществу знаний) и развитие науки и техники влияют на конвергентно связанные изменения в науке и образовании? Как трансформируется миссия университета в условиях цифровой революции? Анализ модели современного университета проводится в ракурсе социальной эпистемологии. Показано, что геном современного университета представляет неразделимое единство научной и образовательной деятельности. В тоже время, при сохранении целевых установок, существенным образом изменяются механизмы получения и трансляции знаний.

Ключевые слова: наука; образование; университет; познание; знание; общество знаний; социальная эпистемология.

Первые европейские университеты возникли в XIII в. С тех пор концепции университетского образования несколько раз серьезно перестраивались. На первом этапе главной задачей университета было сохранение и передача знаний. Второй этап связан с воплощением идей эпохи Просвещения в форме, предложенной В. фон Гумбольдтом, в которой совмещаются научные исследования и образование. Отсюда сложившаяся модель классического, гумбольдтовского университета, в котором соединены обучение и научные исследования. Третий этап эволюции университета связан с переходом к массовому высшему образованию и созданием американской двухуровневой системы университетского образования. Сегодня этот этап считается завершенным, а сама модель массового университетского образования оценивается как неоправданно расточительная [1], а также приводящая к понижению качества высшего образования и принижению роли средне-специального [2]. Массовизация образования стала одной из причин социальных и научно-технологических трансформаций, характеризуемых как переход к обществу знаний, и поиску новой модели образования, соответствующей уже этой ступени социальной динамики.

Предлагаются различные версии современного университета, среди которых проекты индустриального университета, например, модель университета «Тройная спираль» Г. Ицковица, виртуального университета. Так, известный американский физик Митио Каку полагает, что будущие университеты будут виртуальными, дипломы станут не нужны, возможно, возникнут центры сертификации, в которых претенденты на определённую должность будут сдавать квалификационные экзамены, показывать свои навыки и умения [3]. Р. Барнетт, профессор Института образования Лондонского университета констатирует, что западный университет умер и ставит вопрос об условиях воскрешения университета в современном мире [4].

Определиться в требованиях, отвечающих идее современного университета, Р. Барнетт предлагает с позиций эпистемологии, анализируя вопрос о знании. Соглашаясь с Барнеттом в выбранной стратегии анализа условий развития университета в современном мире, обоснуем правомерность и целесообразность именно эпистемологического анализа обозначенной проблемы – поиска идеи современного университета. Прежде всего, эпистемологический анализ уместен, потому что университет – это место производства и трансляции знаний, и именно эпистемология нацелена на анализ моделей знания. Поскольку моделей знания, даже в классической эпистемологии, представлено немало, необходим поиск модели знания, адекватной запросам современного общества.

В классической эпистемологии знание трактуется как обоснованное, истинное убеждение и рассматривается как продукт деятельности индивидуального субъекта. В классической эпистемологии выделяют следующие модели знания: интуиция (познание предстает как интуитивное понимание, чувствование и носит субъективный характер); верификация (выдвижение и проверка эмпирической гипотезы: исследователь конструирует то, что может быть проверено в эксперименте); соответствие образцу – «pattern» (познание как сравнение с образцом, распознавание образцов, как у мыслителей античности). Также знание различают по уровню теоретизации (обыденное, эмпирическое, теоретическое знание).

Это довольно распространенная, но не единственная классификация. Так, С.Н. Жаров приводит не менее актуальное различение типов знания, связанное со способами духовного схватывания: это знание-информация, знание-причастность (знание-понимание) и знание-метод [5]. Первый из этих способов ведет к знанию как информационной копии объекта (знание-что). Такое знание легко транслируется и может быть формализовано. Данный вид знания можно назвать знанием-информацией.

Второй способ схватывания – это интеллектуальное созерцание (интуиция). Результатом такого постижения является знание-причастность (знание-понимание). Это знание нельзя передать как простую вещь, а если оно усваивается, то меняет усвоившего его. Как отмечал Платон, выделявший именно такой тип знания, «знания нельзя унести в сосуде, а поневоле придется принять их в собственную душу и, научившись чему-нибудь, уйти либо с ущербом для себя, либо с пользой» [6. С. 423]. Третье измерение – знание как метод, это такой тип знания, которое нацелено не на саму истину, а на путь ее достижения (знание-как). Этот аспект знания выделяется в Новое время. Каждый из обозначенных типов знания является результатом познания в рамках соответствующей когнитивной практики, т.е. в зависимости от того, как понимается познание, будем иметь и разные трактовки знания. Так, в созерцательной модели познания

знание – информационная копия объекта; в герменевтической модели познания знание – понимание; в репрезентативной модели познания знание – метод.

Естественные науки, как в исследовании, так и в преподавании, акцентируют внимание на знании-информации и знании-методе. С.Н. Жаров обозначил проблемы образовательной концепции, основанной на трех доминантных установках: прикладная направленность, дистанционное обучение и компетентностный подход. Критически анализируя эти «три кита» образования, автор отмечает, что без усвоения фундаментальных дисциплин наши технологии будут не изобретениями, а тиражированием прошлых решений [5. С. 45]. Преимущества дистанционного обучения связывают с повышением уровня академической свободы. Но творческая самостоятельность это не инстинкт, а «результат долгого и трудного приобщения к истокам науки, и приобщение это не может происходить дистанционным методом» [5. С. 46]. В формулировках компетентностного подхода обнаруживается тревожное противопоставление знания и компетенции: на смену требованию «знать», появились требования «быть», «действовать», «принимать решение» … «Но если компетентность сведена к способности управлять техникой без понимания ее законов, то управление техникой становится одной из форм порабощения ею» [5. С. 46]. Автор цитируемой статьи очень убедителен в основной идее: акцент на одном из трех измерений знания в ущерб остальным приводит к неполноценному знанию.

Итак, выделяемые в классической эпистемологии типы знания не исчерпывают всю палитру смыслового многообразия знания и способов его получения в образовательном процессе. Требуется конкретизация в соответствии с культурно-исторической спецификой. Учитывая, что познание всегда онтологически обосновано, и наше познавательное отношение к миру зависит от того, что мы под миром понимаем, покажем, что вопросы «что значит знать?», «каковы пути обретения знания?» как никогда актуальны в современном этапе социального развития – в обществе знания.

К середине XX в. формируется системное, холистическое мировидение, в котором адекватной практикой познания реальности организмического типа становится эволюционная эпистемология. В эволюционной эпистемологии принята адаптационистская трактовка знания, познание трактуется как жизнедеятельность, а знание – как способ адаптации.

Однако, в плане влияния на образовательную парадигму, важно выявить, как вновь переосмысливается знание в социальной эпистемологии, объектом которой является так называемое общество знания. В традиционной эпистемологии знание рассматривалось как результат познавательной деятельности, в социальной эпистемологии акцентируется зависимость знания от социально-гуманитарного контекста.

В социальной эпистемологии знание трактуется как средство конституирования социального опыта, а не как информационная копия объекта. При этом существенно изменяется трактовка роли знания, знание рассматривается как конституирующий элемент в структуре социальной реальности, а не в контексте познавательной деятельности. Знание как результат познавательной деятельности ориентировано на объективное постижение реальности, знание в социальной эпистемологии трактуется как элемент повседневности, представляет собой «совокупность поведенческих актов и событий [7].

С. Фуллер – один из ведущих представителей социальной эпистемологии – предложил проект, в котором знание трактуется как социальные интеракции, а познание переопределяется в терминах экономики производства текстов. Социальная эпистемология выходит за пределы остальных теорий знания, постулируя идею о том, что знание продуцировано субъектами, не только воплощенными индивидуально, но также коллективно вовлеченными в некоторые специфические отношения, продолжающиеся на больших временных и пространственных отрезках [8. С. 159]. Тем самым производство знания предстает как более сложный феномен, чем его описывала классическая эпистемология. Это позволило исследователям (М. Гиббонс, Х. Новотны, Б. Николеску и др.) построить новую типологию знания, основанную на способе его получения, различить знание типа «Mode-1» и «Mode-2». Для первого способа «Mode-1» характерно производство знания ради знания. Классические университеты не случайно сравнивались с башней из слоновой кости, в которой независимый ученый занят поиском Истины. В коллективном труде «Новое производство знания: динамика науки и исследований в современных обществах» были сформулированы характеристики второго типа производства знания: трансдисциплинарность; организационное многообразие, знание продуцируется в контексте его приложений; социальная ответственность и рефлексия; оценка и контроль качества [9].

Что нового в этой характеристике знания? Ведь и прежде в развитии науки наряду с такой линией, как «знание ради знания», существовали исследования, обусловленные сферой применения, а наряду с когнитивными факторами не меньшую роль играли социокультурные параметры. В новой концепции производства знаний, по Гиббонсу, фундаментальное знание преломляется различными социальными субъектами с целью производства своего отдельного знания. Отмечаемое размывание границ между наукой и обществом, между фундаментальными теоретическими исследованиями и инновациями позволяет исследователям говорить о трансцендирующем сдвиге научного знания в жизненный мир, о социальном производстве знания. Что привело к формированию знания второго типа? Это и внутринаучные тенденции – переход от кумулятивной модели развития науки к постпозитивистским моделям (К. Поппер, Т. Кун, Р.К. Мертон, С. Вулгар, Б. Латур и др.), и собственно социальные трансформации (переход к «знаниевому» обществу), и четвертая промышленная революция (К. Шваб), и цифровизация образования.

Итак, в контексте социальной эпистемологии, объектом которой является общество знаний, познание заменяется коммуникацией, истина – смыслом, а знание – средством конструирования социального опыта.

Знание рассматривается как конституирующий элемент в структуре социальной реальности, а не только как продукт познавательной деятельности.

Общество знаний выступает в роли общества, в котором важнее всего «научиться учиться», а новые информационные технологии должны способствовать «постоянному обновлению личной и профессиональной компетенции». Во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (Париж, 2005 г.) выделены контуры общества знания: повышение роли сетевой организации знания; становление «обучающихся обществ»; образование для всех на протяжении жизни; трансформация науки и образования; развитие электронной демократии; преодоление новых рисков и построение системы гуманитарной безопасности. П. Друкер, которого называют патриархом современного менеджмента, концептуализировал идеи экономики, социологии, философии в рамках единой системы представлений об обществе знания. В работе «Постэкономическое общество» он отметил, что знание, которое всегда рассматривали как сферу существования, стали рассматривать как сферу действия, оно стало важнейшим ресурсом и одной из потребительских услуг. В доиндустриальную эпоху знание использовалось для разработки орудий труда. В индустриальную эпоху знание применялось и для совершенствования самой трудовой деятельности. В постиндустриальную эпоху знание применяется уже для совершенствования самого знания [10].

В течение 1960-х гг. компьютерные технологии и средства передачи информации начали прогрессировать с огромной скоростью, были совершены первые сдвиги в развитии компьютерных сетей, итогом которых стало появление Интернета. В этот же период возникли и получили стремительное развитие новые социальные движения, знание попало в поле зрения политических дебатов как важнейший фактор развития экономики. Концептуализация общества знания, осуществляемая в исследованиях П. Друкера, Ф. Махлупа, Р. Лэйна, Д. Белла, Н. Штера, П. Вайнгарта, Л. Хака, М. Хайденрайха и других авторов, позволяет выделить следующие критерии, связанные с новой ролью знаний в обществе: производство знания направляется ожиданиями полезности и ориентацией на практическое применение; процесс социального обучения, ведущий к общественным изменениям, может иметь место лишь в том случае, если он поддерживается знанием; фундаментальные исследования все чаще переходят из университетов в промышленные лаборатории, а основными стимулами их проведения становятся экономические интересы; наука более не ориентируется исключительно на познание реальности и открытие ее законов, а развивается в сферах ее вероятного применения; организация исследований происходит на фоне усиливающегося напряжения между тенденциями специализации и трансдисциплинарности.

Формирование новой модели взаимодействия знания и общества происходит под влиянием изменения парадигмы научности, переходу к той стадии в развитии науки, которая обозначается термином «технонаука», главной чертой которой является высокая социально-практическая ориентированность. В технонауке знание социально-практически обусловлено, производство знаний обеспечивается компьютеризацией науки, сращиванием науки и производства. Можно говорить об изменении установок научного поиска, направленность исследований определяется не столько углублением в познание природы, сколько контекстом приложений [7].

Переход к обществу знаний стал вызовом не только для науки, но и для образования. Традиционно университет был местом производства (наука) и трансляции (образование) знаний. В обществе знаний, где знание стало конкурентным ресурсом, особое внимание уделяется соотношению знания и действия. Знание стали рассматривать как сферу потребительских услуг. Как отмечает С. Фуллер, анализируя роль университетов в обществе знания, «дискурс общества знания обращается к области менеджмента знания… Применение «менеджмента знания» к университету приводит к «постакадемической» концепции знания, которая на практике размывает традиционное различие между знанием и обычными экономическими товарами [8. С. 161]. Противостояние «фирма против университета» С. Фуллер определяет как поле битвы за управление знанием [Там же. С. 170].

Теоретики менеджмента знания разработали модель организационного знания как знания неформализованного. Неформализованное знание, т.е. знание, не поддающееся кодификации, зависящее от ситуации, личностное или «неявное» знание, эпистемологический аспект которого описан М. Полани, отличается от формализованного знания, которое характеризуется как рациональное, объективное. Создающая знание организация понимается как самовоспроизводящаяся система, где трансформация знания осуществляется не как одностороннее движение: от декларативного (формализованного) знания к процедурному (неформализованному), а как двусторонний процесс, развивающийся по спирали [11. С. 87].

Современный университет, являясь организацией, производящей знание, стал местом, где присутствуют обе стратегии формирования знания. Как отмечает С. Фуллер, «гуру менеджмента знания» хотят убедить научных администраторов управлять университетами как деловыми фирмами, но инновации – не самое важное, когда речь идет о производстве знания. Работу университета нельзя оценивать количественно (патентами, числом публикаций в индексируемых изданиях, количеством грантов…), не менее важны индивидуальные результаты академической деятельности. Размышляя о миссии современного университета, занимающегося не только производством, но и распространением знания, он указывает на важную функцию, выполняемую университетом, – противодействие корпоративному укрыванию знания. Поэтому сохранение автономии университета С. Фуллер связывает с сохранением исследовательской и образовательной функций: «Для университета – это единственно верный способ остаться цельным, даже несмотря на количество требований, все настоятельнее предъявляемых различными клиентурами [8. С. 180].

К подобному выводу приходит и такой авторитетный эпистемолог, как Э. Агацци: «Нам нужно сегодня двигаться к обществу, основанному на знаниях, но при условии, что мы включим в эту «основу» также и те виды знания, которыми, к сожалению, склонны пренебрегать как «бесполезными». Они бесполезны в самом грубом прагматическом смысле, но они драгоценны и неоценимы с более общей точки зрения лучшего общества для нас и наших потомков [12. С. 20].

Для российской ментальности особенно характерно выделение образовательной функции университета. Слово «образование», в английском языке «education», происходит от латинского «educere», что означает «построение», «создание» образа человека. В философии образования С.И. Гессена, идеи которого почитаемы в российской педагогике, образование трактуется прежде всего как приобщение к культуре. Образование внутренне связано с воспитанием, формированием целостного человека, способного к творчеству, к духовному освоению мира, и именно в этом важнейшая роль университета, его роль в развитии общества. Так, В.Г. Горохов подчеркивает, что не безличные рыночные механизмы и экономические ценности, якобы автоматически регулирующие общественные отношения в нужном направлении, а именно образование является необходимым условием модернизации общества [13. С. 15].

Готово ли человечество адекватно реагировать на технологические вызовы и угрозы? Необходимо понимать, что не сами технологии вызывают изменения, а осознанная человеческая деятельность по их применению. Характеризуя кардинальные изменения во всех отраслях деятельности, К. Шваб отмечает, что сегодня мы являемся свидетелями коренных преобразований систем производства, потребления, поставки; в социальной сфере это смена парадигмы коммуникации, самовыражения; аналогичная трансформация происходит в государственных учреждениях, в системе здравоохранения и образования. Эти изменения он обозначает термином «четвертая промышленная революция»[1], уникальность которой видит в растущих темпах развития, широте охвата и интеграции большого количества научных дисциплин [14. С. 20].

Для университета проявлением четвертой промышленной революции является цифровизация науки и образования, стирание институциональных границ (обмен студентов, преподавателей, создание виртуальных научных сообществ …), динамизм, неустойчивость, открывшаяся сверхсложность изучаемого мира, требующая формирования сложного, креативного мышления.

Цифровизация затрагивает не только содержание образования, но и его организацию. Университеты активно используют различные формы дистанционного образования: Moodle (от англ. Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment – модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда), MOOC (от англ. – Massive open online courses – массовые открытые онлайн-курсы). Размышляя над последствиями «разгерметизации» образования, выхода его за пределы университетских учебных аудиторий, лабораторий, библиотек, ученые выражают опасения в редукции университета к инновационному предприятию. Внедрение электронных курсов рассматривается прежде всего как способ экономии на часах и преподавателях и превращение преподавания в университете в прекарный труд (от англ. Precarious – негарантированный, нестабильный) [15]. Преимущества цифровизации науки и образования также очевидны. Это, например, доступность фондов библиотек лучших университетов мира, возможность освоить курсы на платформах, таких как Coursera, Национальная платформа открытого образования. Личный опыт преподавателя, использующего и традиционную, и дистанционную формы обучения, формирует убеждение в том, что дистанционные формы могут служить дополнением, но не заменой личного общения преподавателя и обучающегося, в ходе которого формируются исследовательские навыки, творческая любознательность и инициатива.

Следующий важный вызов современному университету обусловлен собственно научной динамикой, это открывшаяся научному пониманию сверхсложность мира. Выше мы уже отмечали, что познавательное отношение к миру зависит от того, что под миром понимаем. Между тем формируемая научная картина мина претерпела радикальные изменения. Современная наука открывает нелинейные процессы в природной реальности (И. Пригожин). Социальная реальность характеризуется как «общество риска» (У. Бек), «мир сотворенного риска» (Э. Гидденс). Конвергентные технологии стирают границы привычного деления на естественное и искусственное. Акторно-сетевые (Б. Латур) отношения преобразуют окружающий мир в качественно иную гибридную действительность. Чтобы действовать в таком мире, нужны новые навыки и новое мышление, которое обозначают как «сложностное мышление» (Э. Морен). Это еще одна важная эпистемологическая проблема, с которой сталкивается современный университет. В основе концепции университета, предлагаемой Р. Барнеттом, лежит представление о всеобщей хрупкости и неустойчивости.

Понятие хрупкости введено в научное мировоззрение Н. Талебом как важнейшая характеристика сложных систем. Автор ставит задачу понять, как тот или иной объект реагирует на беспорядок. Он делит объекты на три группы – хрупкое, неуязвимое и антихрупкое (хрупкое хочет спокойствия, антихрупкое развивается в условиях беспорядка, а неуязвимому попросту все равно). Антихрупкость – это свойство всех сложных систем, которые сумели выжить. Отличить хрупкость от антихрупкости можно при помощи теста: все, что от случайных событий и потрясений скорее улучшается, чем ухудшается, антихрупко. Неопределенность – ключевое свойство антихрупкости. Уникальность антихрупкости в том, что она позволяет нам работать с неизвестностью, делать что-то в условиях, когда мы не понимаем, что делаем [16. С. 20].

В этой связи сущность современного университета заключается в том, чтобы сделать возможным существование в этих условиях. Этот тезис, по мнению Р. Барнетта, можно принять за отправную точку в реконструкции общей идеи университета. В контексте

эпистемологического анализа современного научного познания ставится задача реконструкции субъекта сложностного познания, сформулировано представление о пост-неклассическом субъекте как об автопоэтическом субъекте-наблюдателе (В.И. Аршинов, В.Е. Лепский). Выделены характеристики, позволяющие отличать среди многообразных систем сложные. Это системы, состоящие из множества элементов, обладающие следующими свойствами: динамичность, многоуровневость, открытость, эмерджентность, рекурсивность. Важным свойством сложных систем является самореферентность (способность системы достраиваться с учетом собственных описаний и формировать новый уровень сложности, включающий описания описаний). Когнитивный аспект сложности выявляется особым способом мышления о бытии – сложным мышлением. Этот вид сложности порождается рефлексивно-коммуницирующим субъектом, который осознает себя не только как часть и участника эволюции познаваемого им мира, но и как того, кто своей проективно-коммуникативной деятельностью этот мир конструирует [17].

Основоположник концепции «сложного мышления» Э. Морен в книге «Метод» отмечает, что парадигма сложности позволяет осознать тот вызов, который бросает нам хаотичный и неопределенный мир. Первый фундаментальный аспект сложности, выделяемый Э. Мореном – это холизм. Второй аспект сложности состоит в том, что всякое сложное познание и явление «раздираемо нередуцируемыми противоречиями, это динамичное целое, которое «балансирует на краю хаоса» [18. С. 14]. По мнению Морена, познание не является простым отражением объективной реальности, но всегда является конструкцией познающего субъекта. Всякая понятийная конструкция основана на знаниях мыслящего существа, включая его ценности и убеждения. Поэтому познание познания не возможно без самопознания. Наблюдатель является частью определяемой системы, а наблюдаемая система – частью интеллекта и культуры наблюдателя. На уровне парадигмы сложности изменяется и видение реальности, и образ действия, что в итоге трансформирует саму реальность. Объекты больше не являются только объектами, вещи больше не являются только вещами. Всякий объект наблюдения или изучения должен быть понят в зависимости от его организации, окружающей его среды, его наблюдателя.

Современный университет является местом, где формируется сложностное мышление и создаются условия для выживания в хрупком и непредсказуемом мире. Подготовка к жизни в этом мире и есть главная миссия современного университета. Ее реализации, по мнению Р. Барнетта, могут способствовать: критическая междисциплинарность (университет сам вовлечен в процесс создания новых форм знания); коллективный самоанализ (если университет в течение долгого времени с готовностью разрабатывал риторику коллективной критической рефлексии целого общества, то теперь эта риторика должна обратиться на сам университет); целевое возрождение (проект миссии университета постоянно подвергается переосмыслению и переинтерпретации); подвижные границы (в эпоху сверхсложности формы академической идентичности должны создаваться в горизонтальной плоскости (через границы) и в вертикальной (в рамках локальных подразделений, на уровне факультета, университета, государства), при этом, ни одна из этих форм не должна претендовать на превосходство относительно других); ангажированность (университет больше не является башней из слоновой кости, а вступает в альянс с промышленностью, профессиональными объединениями, чтобы сохранить свое место на рынке производства знаний); коммуникативная терпимость (не просто не препятствовать желанию другого высказаться, но создать условия, побуждающие иметь альтернативные мнения и их высказывать) [4].

Итак, на основе вышепроведенного исследования эволюции университета, особенностей его функционирования в обществе знаний, приходим к выводу, что геном современного университета представляет неразделимое единство научной и образовательной деятельности. В то же время, при сохранении целевых установок, существенным образом изменяются механизмы получения и трансляции знаний. Вызовы современному университету обусловлены: формированием новой модели знания Mode-2, создаваемой в обществе знаний; цифровизацией образования, происходящей на стадии развития, обозначаемой как четвертая промышленная революция; осознанием необходимости перехода к «сложностному мышлению» как условию понимания открывшейся науке сверхсложности мира.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Первая промышленная революция (с 1760 по 1840-е гг.) связана с развитием механического производства, обусловленного изобретением парового двигателя. Вторая промышленная революция (с конца XIX по начало XX в.) связана с изобретением электричества и внедрением конвейера. Третья промышленная революция, начавшаяся в 1960-е гг., связана с компьютеризацией и внедрением информационных технологий, компьютерных устройств и интернета. Четвертая промышленная революция, начавшись на рубеже веков, разворачивается на основе не только цифровых технологий, она характеризуется синтезом, конвергентным взаимодействием нескольких высоких технологий: информационных, биотехнологий, нано- и когнитивных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wolf A. Does Education Matter? Myths about Education and Economic Growth. London: Penguin Books, 2002.
2. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования. 2005. Т. 2, № 2. С. 2–28.
3. Физик-теоретик Митио Каку о будущем системы образования. URL: https://zumim.com/fizik-teoretik-mitio-kaku-o-budushhem-sistemyi-obrazovaniya.html
4. Barnett R. The Ecological University: A Feasible Utopia. Routledge: Taylor & Francis Group, 2017. 214 p.
5. Жаров С.Н. Образование в потоке перемен: что значит «знать», и какому знанию мы учим // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Проблемы высшего образования. 2017. № 1. С. 42–48.

6. Платон. Протагор // Собрание сочинений: в 4 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. 852 с.
7. Черникова И.В. Черникова Д.В. Концепции знания в обществе знаний и в технонауке // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2. С. 114–122.
8. Фуллер С. Социальная эпистемология университета. Как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 158–187.
9. Трансдисциплинарность – Трансдисциплинарные исследования. URL: http://transstudy.ru/q-q-.html
10. Drucker P. Post-capitalist society. New-York : Harper Collins, 1993.
11. Нонака Икуджиро, Такеучи Хиротака. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес». 2011. 384 с.
12. Агацци Э. Идея общества основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–20.
13. Горохов В.Г. Как возможны наука и образование в эпоху академического капитализма // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–15.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Изд-во «Э». 2017. 208 с.
15. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.
16. Талеб Насим. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М. : Ко Либри, Азбука Аттикус. 2017. 768 с.
17. Черникова И.В. Онтология и эпистемология сложности // Гуманитарный вектор. 2013. № 2. С. 91–98.
18. Морен Э. Метод. Природа Природы. М. : Прогресс-Традиция. 2005. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 июня 2018 г.

THE EVOLUTION OF THE UNIVERSITY IN THE PERSPECTIVE OF SOCIAL EPISTEMOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 90–96.
DOI: 10.17223/15617793/436/10

Irina V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru
Daria V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: chdv@mail.tsu.ru

Keywords: science; education; university; cognition; knowledge; knowledge society; social epistemology.

The paper examines stages of the university evolution and discusses the problem of how social transformations (transition to knowledge society, fourth industrial revolution) and science and technology (technoscience) development influence the converging changes in science and education. The analysis of the contemporary university model is made in the perspective of social epistemology, since the university is the place for production and translation of knowledge, and epistemology is focused on interpretation of knowledge models. The models of knowledge (knowledge-intuition, knowledge-verification, knowledge-conformity to the pattern, knowledge-information, knowledge-involvement, knowledge-method) defined in classical epistemology and the related educational concepts are analyzed. It is shown that the types of knowledge accentuated in classical epistemology do not represent the whole palette of the semantic variety of knowledge and the ways of its obtaining in the educational process; concretization is required according to cultural and historical specifics. Thus, in the knowledge society, both the knowledge model (Mode-2) and the analysis tool (social epistemology) have changed. It is revealed how knowledge in social epistemology is rethought, where the object is represented by the so-called knowledge society. In traditional epistemology, knowledge was interpreted as the result of cognitive activity; social epistemology emphasizes the dependence of knowledge on the social and humanitarian context. The transition to a knowledge society has become a challenge not only for science, but for education as well. Traditionally, the university was a place of production (science) and translation (education) of knowledge. In a knowledge society, where knowledge has become a competitive resource, special attention is paid to the relationship between knowledge and action. Knowledge management theorists have developed a model of organizational knowledge as of nonformalized knowledge. The contemporary university, being an organization of knowledge producing, has become a place where both strategies for the formation of knowledge are present. Based on the conducted study of the university evolution and the specific features of its being in the knowledge society, the authors come to the conclusion that the genome of the contemporary university represents an indivisible unity of scientific and educational activities. At the same time, with the preservation of the objectives, mechanisms for obtaining and translating knowledge change significantly. Challenges for the contemporary university are conditioned by the formation of a new model of knowledge Mode-2 developed in the knowledge society; digitalization of education, taking place at the stage of development, referred to as the fourth industrial revolution; awareness of the necessity of transition to “complex thinking” as a prerequisite for understanding the supercomplexity of the world that has opened to science today.

REFERENCES

1. Wolf, A. (2002) *Does Education Matter? Myths about Education and Economic Growth*. London: Penguin Books.
2. Fuller, S. (2005) V chem unikal’nost’ universitetov? Obnovlenie ideala v epokhu predprinimatel’stva [What is the uniqueness of universities? Updating the ideal in the era of entrepreneurship] *Voprosy obrazovaniya*. 2(2). pp. 2–28.
3. Zumim.com. (2016) *Fizik-teoretik Mitio Kaku o budushchem sistemy obrazovaniya* [The theoretical physicist Michio Kaku on the future of the education system]. [Online] Available from: https://zumim.com/fizik-teoretik-mitio-kaku-o-budushhem-sistemyi-obrazovaniya.html.
4. Barnett, R. (2017) *The Ecological University: A Feasible Utopia*. Routledge: Taylor & Francis Group.
5. Zharov, S.N. (2017) Education in the flow of time: What it means to “know” and what knowledge we teach. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Problemy vysshego obrazovaniya – Proceedings of Voronezh State University. Ser. Problems of higher education.* 1. pp. 42–48. (In Russian).
6. Plato. (1990) Protagor [Protagoras]. In: Losev, A.F. et al. (eds) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Translated from Ancient Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl’.
7. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2014) Knowledge’ concepts in the knowledge society and in technoscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2. pp. 114–122. (In Russian).
8. Fuller, S. (2008) Social epistemology of the university. How to preserve the integrity of knowledge in the so-called knowledge society. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 1. pp. 158–187.
9. Transstudy.ru. (n.d.) *Transdistsiplinarnost’ – Transdistsiplinarnye issledovaniya* [Transdisciplinarity – Transdisciplinary research]. [Online] Available from: http://transstudy.ru/q-q-.html
10. Drucker, P. (1993) *Post-capitalist society*. New-York: Harper Collins.

11. Nonaka, I. & Takeuchi, H. (2011) *Kompaniya – sozdatel' znaniya. Zarozhdenie i razvitie innovatsiy v yaponskikh firmakh* [The ***Knowledge***-Creating *Company*. How *Japanese Companies* Create the Dynamics of *Innovation*]. Moscow: ZAO "Olimp-Biznes".
12. Agazzi, E. (2012) Ideya obshchestva osnovannogo na znaniyakh [Idea of a society based on knowledge]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–20.
13. Gorokhov, V.G. (2010) Kak vozmozhny nauka i obrazovanie v epokhu akademicheskogo kapitalizma? [How are science and education possible in the era of academic capitalism?]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 3–15.
14. Schwab, K. (2017) Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from English Moscow: Izd-vo "E".
15. Tul'chinskiy, G.L. (2017) Digital Transformation of Education: Challenges for Higher School. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 6. pp. 121–136.
16. Taleb, N. (2017) *Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa* [How to Profit from Chaos: Lessons from Antifragile]. Translated from English. Moscow: Ko Libri, Azbuka Attikus.
17. Chernikova, I.V. (2013) Ontology and Epistemology of Complexity. *Gumanitarnyy vektor*. 2. pp. 91–98. (In Russian).
18. Morin, E. (2005) *Metod. Priroda Prirody* [Method. The Nature of Nature]. Translated from French by E.N. Knyazeva. Moscow: Progress-Traditsiya.

Received: 13 June 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 97–105. DOI: 10.17223/15617793/436/11

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

Б.Х. Бахриев

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НЕЗАВИСИМОГО ТАДЖИКИСТАНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке МГИМО МИД России (проект «№ КМУ VI МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук»).

Представлен анализ потенциала «мягкой силы» Республики Таджикистан. На основе методологии выбранных автором международных профильных рейтингов определены наиболее перспективные мягкосиловые ресурсы республики – историко-культурное наследие, туризм, инициативы в сфере «водной» дипломатии и возможности таджикской диаспоры. Сделан вывод, что развитие механизмов публичной дипломатии потенциально может способствовать конвертации потенциала «мягкой силы» Таджикистана в реальный ресурс его внешней политики.

Ключевые слова: «мягкая сила» Таджикистана; публичная дипломатия; культура; туризм; Центральная Азия.

Концепция «мягкой силы» прочно вошла в лексикон политических исследователей, практиков и всех тех, кто занимается «мягким», социально-гуманитарным измерением мировой политики. Постепенно она входит и в доктринальные документы, стратегические концепции разных стран, становясь частью их инструментария создания международного привлекательного образа и достижения других внешнеполитических целей мягкими, несиловыми методами в противоположность грубой, «жесткой силе». Политика проведения «мягкой силы» выходит на первый план и в более широком контексте – в глобальном управлении [1. С. 81–90]. По мнению автора рассматриваемой концепции Дж. Ная-мл., «мягкую силу» государства формируют его культура, аттрактивность политических ценностей, демонстрация реальной приверженности этим ценностям и успешные действия на международной арене [2. С. 11].

В исследовательском дискурсе России, да и на Западе, в фокусе научного внимания ученых преимущественно оказывается «мягкая сила» ведущих держав. Значительных работ, в которых анализировались бы аналогичный потенциал малых, менее статусных на международной арене государств, не так уж много. Наверное, высокая конкуренция между глобальными акторами за усиление своей привлекательности в нынешнем веке высоких информационных технологий формирует у некоторых исследователей мнение, что «мягкой силой» в полной мере обладают только те государства, у которых она подкреплена «жесткой силой». Иными словами, как пишет Н. Фергюсон, «мягкая сила» является всего лишь «шелковой перчаткой, скрывающей железную руку» [3. С. 24].

Конечно, если исходит из позиции жесткосилового детерминизма, список государств – обладателей «мягкой силы» будет не таким уж большим. Но тогда возникает вопрос, как в существующих рейтингах «мягкой силы» некоторые *малые* страны оказываются выше *крупных* государств? [4]. Такие рейтинги демонстрируют, что на самом деле «мягкой силой» обладают все государства, но отличаются источники, масштабы, критерии оценки, особенности и способности прикладного применения ее ресурсов. И важно понимать, как отмечает М. Лебедева, что «мягкая сила» – это лишь некий «потенциал, который может быть использован, а может оставаться только в качестве потенциала» [5. С. 212–223].

В современном мире, в котором наблюдаются диффузия влияния и тенденция расслоения ресурсного потенциала государств, его перераспределение от ведущих государств к другим государствам и негосударственным акторам [6. С. 99–108], почти все страны, так или иначе, заинтересованы в прикладном применении «мягкой силы». Более того, сегодня наблюдается тренд, который связан со стремлением государств стать сверхдержавами в области «мягкой силы» (*soft power superpower*) [7]. Если для *ветеранов* в этой области задачей являются оптимизация механизмов «мягкой силы» и ее приумножение, то для *новичков* все начинается с оценки их существующего *мягкосилового* потенциала и выявления наиболее эффективных способов его прикладного применения [8. С. 9].

Названные тренды делают актуальной темой исследовательского анализа кейсы не только традиционно сильных государств в плане «мягкой силы», лидеров всевозможных рейтингов привлекательности, но государств, которые только вступают на путь борьбы за *умы и сердца* международного сообщества. Важно еще и то, что в современной научной литературе многие малые страны рассматриваются как объекты «мягкой силы» и публичной дипломатии ведущих глобальных или региональных держав, а изучение их собственной акторности в этой сфере остается за пределами регулярного анализа. К таким странам относятся и государства постсоветской Центральной Азии. И в этом контексте автор настоящей работы пытается выявить, в чем заключается потенциал «мягкой силы» Таджикистана и как можно его укрепить с помощью одного из основных инструментов «мягкой силы» – *публичной дипломатии*.

Потенциал «мягкой силы» Таджикистана

Таджикистан в сознании большинство иностранцев – как из близких, так и дальних стран – ассоции-

руется с картиной бедной страны, оправляющейся от разрушительных последствий гражданской войны; с государством, которое зависит от денежных переводов своих трудовых мигрантов. Наряду с этим различные международные правозащитные организации часто критикуют Таджикистан за неразвитость институтов демократии и ограничения свободы СМИ (например, [9]). Картину дополняют географическое соседство с нестабильным десятилетиями Афганистаном и «репутация» транзитной страны для афганских опиатов. Примерно так вырисовывается образ Таджикистана в информационном поле и так формируется значителный зарубежный дискурс о нем, что логично влияет на его восприятие в международной среде [10. С. 67–72]. Хотя некоторые из вышесказанных фактов имеют отношение к действительности, но часто подобный образ Таджикистана и его властей формируется на основе тенденциозных, предвзятых и политизированных оценок. В контексте нашей же темы возникает логичный вопрос: что же тогда с привлекательностью Таджикистана? За счет чего формируется потенциал его «мягкой силы»?

Обратимся к международным рейтингам «мягкой силы», которые при оценке изучаемой страны опираются на широкий ряд параметров – от объема расходов на образование, статистики туристической отрасли и уровня грамотности населения до количества зарубежных представительств, числа фолловеров официальных страниц первых лиц государств в социальных сетях и наличия на территории государства объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Из всего многообразия критериев автор выдвигает на первый план те параметры, которые на данный момент представляются наиболее перспективными в определении потенциала «мягкой силы» Таджикистана.

1. *Историко-культурное наследие.* Историко-культурное наследие Таджикистана можно считать одним из ключевых компонентов потенциала его «мягкой силы». Президент Таджикистана Э. Рахмон называет землю предков таджиков вечным музеем истории. Действительно, на данный момент в стране зарегистрировано 1 873 историко-культурных памятника [11. С. 179–183], из которых два объекта – Саразм и Таджикский национальный парк (Памирские горы), находятся в списке объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Еще 16 объектов на территории страны находятся в числе кандидатов на включение в этот список. Помимо объектов материального наследия в репрезентативный список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО входит музыка шашмаком (от Таджикистана и Узбекистана), праздник Навруз (совместная заявка 21 государства) и оши-палав – традиционное блюдо и его социально-культурный контекст в Таджикистане [12].

Народные традиции, уникальные особенности обычаев таджикского народа, уходящие корнями в глубокую древность, являются потенциалом его «мягкой силы». Тот же Навруз – самый почитаемый праздник в Таджикистане, считается древнейшим праздником в истории человечества. В знак уважения к Навруз и его значимости в межкультурном диалоге, в 2010 г. Генассамблея ООН объявила 21 марта «Международным днем Навруза» [13]. Можно сказать, что древние традиции и обычаи, аутентичная культура каждого этноса, общие праздники иранских народов, например названный нами Навруз, формируя потенциал «мягкой силы» Таджикистана, способствуют развитию контактов между народами. Примером может служить ежегодное совместное празднование Навруз странами Центральной Азии, Ирана, Афганистана с участием представителей других государств.

Однако рассмотренный нами выше потенциал, если его рассматривать в контексте «мягкой силы», будет реализован только в случае существенного интереса со стороны иностранных туристов.

2. *Туристическая аттрактивность как фактор «мягкой силы» Таджикистана.* Объясняя значимость туризма как стратегического ресурса внешней политики языком политической науки, вспоминаются слова американского специалиста в области международных отношений Дж. Розенау, который, указывая на множественность участников современной мировой политики, всю их совокупность сводил к символическим образам туриста и террориста [14. С. 53–65]. Получается, туристы – это стратегический политический ресурс, способный формировать международный имидж государств, которые они посещают, и потенциально оказать влияние на общественное мнение в отношении этих стран и их политики.

Культурное наследие Таджикистана привлекает внимание все больших иностранных туристов. В 2015 г. туристический прирост этой страны, которая известна своими зелеными пейзажами и подходящими для альпинизма горами, составил 94%. Страну за год посетили 414 тыс. туристов. Всемирная туристическая организация (ЮНВТО) признала Таджикистан одним из самых быстрорастущих туристических направлений (2-е место после Парагвая) [15]. В 2017 г., согласно докладу Всемирного экономического форума, Таджикистан улучшил свою позицию, попав в тройку стран с самым значительным прогрессом (most-improved countries) [16]. Правительство республики в Концепции развития туризма на 2009–2019 гг. ставит задачу – добиться ежегодного привлечения более 1 млн туристов в страну до 2020 г. [17]. Данная задача, по мнению экспертов, представляется достижимой при условии инвестирования в туристическую инфраструктуру, активного использования медиаресурсов для пиара и гармонизации правовых вопросов [18].

Однако туристический потенциал и растущая привлекательность Таджикистана в глазах зарубежных туристов интересуют автора не в терминах экономической выгоды, а с точки зрения ресурсов «мягкой силы». Принося миллионы в казну государства, иностранные туристы увозят впечатления, от которых в современный век технологии и интернета зависят формирование образа страны и отношение к ней в тех обществах, откуда в эту страну приезжают интересующиеся ее достопримечательностями иностранные граждане.

Международные рейтинги, несмотря на методологические недостатки, «отличия в целях, масштабах

охвата и способах операционализации измеряемого концепта» [19. С. 43], все же выступают неким эталоном при оценке «мягкой силы» государств [20. С. 50], обеспечивая «значимый профиль индикаторов "мягкой силы" для масштабного "взвешивания" репутации и влияния стран мира» [15]. Автором выбраны два международных рейтинга для оценки туристической привлекательности в совокупном измерении «мягкой силы» Таджикистана.

В этих рейтингах туризм представлен единственным фокусом измерения «мягкой силы» государств. Чтобы получить адекватное представление о позиции Таджикистана, автор проводит сравнение его позиций с соседними государствами Центральной Азии (таблица).

Таджикистан в международных рейтингах (с оценками туристического потенциала) для измерения «мягкой силы» (сравнение со странами-лидерами и государствами Центральной Азии)

Международный рейтинг	Методология оценки	Число государств в рейтинге	Лидер рейтинга	Таджикистан	Казахстан	Киргизия	Туркменистан	Узбекистан
				Позиция				
The Travel & Tourism Competitiveness Index (2017)	Совокупность показателей, имеющих отношение к туризму	136	Испания	**107**	81	115	–	–
Bloom Consulting Country Brand Ranking. Tourism Edition (2017/2018)	Совокупность показателей, имеющих отношение к туризму	193	США	**179**	98	145	–	–

Показатели данных авторитетных рейтингов проливают свет на многие проблемы, но и демонстрируют сильные, привлекательные стороны туристической отрасли Таджикистана. Так, в рейтинге «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» состояние этой отрасли в каждой стране определяется по 14 показателям. Таджикистан по параметру «безопасность и охрана» лидирует в регионе, имеет хорошие показатели по показателям «здоровье и гигиена», «человеческие ресурсы и рынок труда», «бизнес-среда», «ценовая конкурентоспособность», но сильно отстает по развитию информационных и коммуникационных технологий, туристической инфраструктуры [21].

Рейтинг государственного бренда в сфере туризма, который готовит компания «Bloom Consulting», составляется на основе четырех показателей:

– показатели экономического развития, связанные с туризмом;

– упоминания в поисковых запросах в контексте туризма (digital demand);

– показатели стратегического позиционирования национальных туристических организаций (country brand strategy);

– стратегии присутствия в виртуальном пространстве (online performance).

В 2017 г. Таджикистан впервые оказался в этом рейтинге (179-е место), получив категорию B – «относительно хорошо» (slightly good) по такому важному показателю, «как стратегическое позиционирование национальных туристических организаций». Значимость данного показателя выявляется после анализа онлайн-запросов, связанных с Таджикистаном в интернете. Нас же интересует именно туристическая привлекательность страны, т.е. то, что ищут пользователи о туризме в Таджикистане. Согласно данным *The Digital Country Index 2017*, больше всего пользователи Сети ищут информацию о туризме и об инвестициях в Таджикистане. В контексте туризма 77% интересуются общей информацией о стране, остальные – природными красотами и развлечениями, культурным наследием и состоянием туристического рынка. Логично, что при слабой представленности Таджикистана в интернете, *пользователи-потенциальные туристы / инвесторы* сталкиваются с недостатком информации, что может оказать влияние на их выборе страны посещения или на решении инвестировать в ее экономику.

Таким образом, можно говорить, что культурное наследие Таджикистана формирует хорошую основу для развития туризма, который в свою очередь может способствовать укреплению «мягкой силы» этой республики. Однако существующие проблемы тормозят практическое превращение туристической отрасли в инструмент таджикской «мягкой силы».

3. *Международные инициативы с акцентом на водную дипломатию*. Наряду с культурным компонентом потенциал «мягкой силы» государств формируется за счет их успешных международных инициатив. В этом сегменте у Таджикистана имеются успехи, которые, в первую очередь, связаны с усилиями страны в области водного сотрудничества. Президент республики Эмомали Рахмон с высоких международных трибун привлекает внимание мирового сообщества не только к проблемам Таджикистана, соседнего Афганистана, к борьбе с терроризмом и контрабандой наркотиков, но особый акцент делает на обеспечении человечества чистой водой [23].

В определении глобальной повестки дня по водному сотрудничеству Таджикистан действительно является одним из самых активных государств. Одним из важнейших международных достижений Таджикистана стало поддержание в ООН инициативы его Президента об объявлении 2003 г. годом пресной воды. С тех пор Таджикистан превратился в одного из главных международных игроков в сфере водной дипломатии. В соответствии с Душанбинской деклара-

цией 23 декабря 2003 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла соответствующую резолюцию относительно объявления 2005–2015 гг. Международным десятилетием действия «Вода для жизни». Принимая во внимание нарастающую водную проблематику и признавая сотрудничество как ключевой фактор в их решении, Генассамблея ООН по инициативе таджикского государства в 2010 г. объявила 2013 г. Международным годом водного сотрудничества [23].

В июне 2015 г. на душанбинской Международной конференции высокого уровня по итогам реализации Международного десятилетия действий «Вода для жизни, 2005–2015» высокопоставленные участники конференции в своих выступлениях поддержали достойные инициативы Таджикистана, в том числе очередное предложение президента республики о провозглашении нового международного десятилетия действий под лозунгом «Вода для устойчивого развития». Данная глобальная инициатива в декабре 2016 г. была единодушно одобрена резолюцией Генассамблеи ООН, которая дает старт новой декаде международной программы «Вода для устойчивого развития (2018–2028)» [24].

По нашему мнению, лидерские позиции Таджикистана в определении глобальной повестки дня по одному из острейших вопросов современности – водному вопросу, авторитет его президента Э. Рахмона, сделавшего многое для продвижения водной дипломатии, способствуют укреплению потенциала «мягкой силы» таджикского государства [25]. Проведение в стране международных мероприятий по данной теме, как отмечают эксперты, направлено на создание Таджикистаном своего образа как ответственного регионального и глобального актора, защитника окружающей среды и на решение существующих противоречий с соседями по водному вопросу с помощью «мягкой силы».

4. *Таджикская диаспора за рубежом*. Сегодня на фоне стремительного роста иммигрантских сообществ можно говорить, что одним из сценариев развития человечества является «диаспоризация мира» [26. С. 80]. Диаспора справедливо рассматривается как один из значимых проводников «мягкой силы» государства. Правильная работа с диаспорой, по мнению Н. Емельянова, не только поможет в привлечении инвестиций, но и в оказании влияния на зарубежное общественнное мнение, в построении привлекательного образа исторической родины [27].

Еще в 1993 г., выступая на Всемирном форуме таджиков и зарубежных соотечественников, таджикский президент Э. Рахмон призывал гостей форума «лучше познакомиться с Таджикистаном, чтобы благосклонно относиться к Таджикистану, его народу, внутренней и внешней политике» и назвал их потенциальный вклад в это дело «великой исторической миссией» [28]. С тех пор республика работает с диаспорой через проведение форумов, конференций, орагнизовывая встречи через посольства и другие официальные ведомства [29].

Таджикистану еще предстоит установить численность таджикской диаспоры и оценить ее возможности в социально-экономическом развитии исторической родины и в плоскости «мягкой силы». Для этого необходимо целый набор шагов – от установления численности, определения целей взаимодействия с диаспорой, уточнения характеристик диаспоры, укрепления доверия между диаспорами и госучреждениями до мобилизации диаспоры в качестве партнера в развитии Таджикистана [30. P. 9–10]. По данным ООН, основная доля (около 75%) таджикской диаспоры приходится на Россию [31]. Специалисты отмечают, что интеллектуальный потенциал таджикской диаспоры в России огромный, но использование его – мизерное [32. С. 802].

Деятельность существующих организаций таджикской диаспоры, например в России, показывает, что при умелом использовании этого ресурса можно добиться хороших результатов в плане представления национальной культуры, адаптации прибывающих мигрантов и формирования адекватного образа народа и страны. Примером является Региональная общественная организация «Таджикская диаспора “Нур”», которая своими ресурсами и при поддержке Посольства Таджикистана в Москве регулярно участвует в крупных российских и международных культурных мероприятиях, представляя богатую культуру Таджикистана. Она вносит вклад в адаптацию таджикских мигрантов в российском обществе через организации лекций и семинаров для мигрантов, уроки русского, английского и математики – для их детей [33. С. 186].

В целом, если Таджикистан помимо заполнения вышеназванных пробелов будет еще совершенствовать организацию коммуникаций с таджикской диаспорой, т.е. если будут учреждены подразделения по работе с диаспорой при компетентных государственных ведомствах, созданы интерактивные веб-порталы для обеспечения онлайн-контактов с организациями и членами диаспоры [34], то таджикская диаспора может стать реальным проводником «мягкой силы» Таджикистана.

Конечно, существование потенциала «мягкой силы» не означает автоматичекое обладание такой силой. Необходима последовательная, систематическая работа, чтобы конвертировать такой потенциал в реальный инструмент достижения внешне- и внутриполитических целей государства. Здесь Таджикистану целесообразно обратиться к международной практике использования института публичной дипломатии, являющегося инструментом продвижения «мягкой силы».

Публичная дипломатия: возможности для Таджикистана

Публичную дипломатию простыми словами можно определить как систему взаимодействия одного государства с зарубежной общественностью другого с целью установления долгосрочных отношений, оказания влияния на общественное мнение и формирования своего позитивного имиджа. Такая политика реализуется разными инструментами – от применения культурной дипломатии, СМИ, НПО до образовательных обменов и использования ресурсов диаспор [35. С. 63–73].

Говоря о возможностях публичной дипломатии для Таджикистана, следует отметить, что таджикский исследовательский дискурс о публичной дипломатии еще не сформировался, что можно объяснить недостаточностью накопленного практичекого национального опыта и научных разработок в этой сфере. На практике Таджикистан прибегает к инструментам публичной дипломатии, и активизация деятельности в этом направлении может способствовать научному осмыслению рассматриваемого феномена в среде таджикских ученых [36. С. 142].

Одним из аспектов публичной дипломатии является культурная дипломатия, которую специалисты называют одним из «важнейших приоритетов государства и неотъемлемой частью его внешнеполитической стратегии» [37. С. 76]. В Концепции внешней политики Республики Таджикистан культурная дипломатия провозглашается именно в таком качестве; отмечается важность многоплановой работы с зарубежными соотечественниками и «создания атмосферы интереса и доброжелательного отношения к Таджикистану и его народу со стороны мирового сообщества и международных политических кругов» [38]. Для продвижения таджикской культуры за рубежом страна действительно делает многое. Официальные представительства Таджикистана за рубежом, особенно в России, в сотрудничестве с активными организациями таджикской диаспоры продвигают таджикскую культуру. Можно назвать ежегодное празднование Навруза на больших площадках в крупных городах России, организацию различных культурных, творческих вечеров видных таджикских деятелей культуры, фотовыставки и другие мероприятия [39]. Дни культуры Таджикистана успешно прошли во многих странах – от Китая, России, Индии до Германии, Франции, Ирана. Наряду с культурными мероприятиями за пределами страны в самом Таджикистане регулярно проходят международные конференции, посвященные искусству, музыке, творчеству классиков таджикско-персидской литературы. В этом направлении работает и Таджикское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС) – общественная некоммерческая организация, действующая на принципах народной дипломатии в интересах развития и укрепления межкультурных связей с народами зарубежных стран. ТОДКС имеет 14 обществ дружбы с разными странами мира [40].

Таджикистан активно занимается благоустройством историко-культурных памятников, которых в стране свыше 2 тысяч [41]. Такая работа увеличивает число исторических достопримечательностей, привлекая внимание туристов. Однако значительных медиа-ресурсов, на которые сегодня во многом опирается публично-дипломатическая деятельность, страна не имеет. На информационном поле она пока не представлена конкурентоспособными информационными и медийными инструментами. Туристический потенциал Таджикистана без солидного мультиязычного информационного пиар-механизма оказывается слабо задействованным. Эксперты отмечают, что страна недостаточно использует возможности интернета – в поисковиках вроде Яндекс и Google в основном доминируют негативные новости о Таджикистане [18], что не может привлекать туристов, которые сегодня в большинстве случаев (около 77%) при выборе туристической дестинации обращаются к интернету [42]. Таких видеороликов, как «Tajikistan. Feel the friendship», который транслировался в 2011 г. на канале Евроньюс для привлечения туристов и рекламы Таджикистана, должно быть в разы больше, чтобы формировался туристический бренд страны.

Наряду с международной рекламой надо заниматься улучшением туристической инфраструктуры внутри страны. Руководство страны признает, что «по сравнению с другими странами, туристическая инфраструктура в стране до сих пор развивается неправильно и не отвечает современным требованиям» [43]. В последние годы, однако, предпринят ряд шагов, что в итоге может оказать положительное влияние на туристическую привлекательность Таджикистана. Например, в 2016 г. страна ввела электронные визы. Этот шаг, значительно упрощая процесс подачи заявки, делает Таджикистан одной из пяти стран в мире, в которых проще всего получить туристическую визу [44]. Важной также кажется структурное преобразование в виде созданного в 2017 г. отдельного Комитета по развитию туризма. Раньше он был частью Комитета по делам молодежи, спорта и туризма. Последний в 2016 г. провел 613 мероприятий различного уровня – от конференции и туристических ярмарок до участия таджикских туристических компаний в аналогичных мероприятиях за пределами страны. На 5-м Форуме туристических компаний комитет провел акцию «Таджикистан – страна туризма»; было распространено более 2 500 буклетов, брошюр, кассет и дисков о туристических местах страны [45].

Может показаться, что автор, вдаваясь в анализ туристической отрасли, уходит от темы статьи, однако рассмотрение туризма как потенциала «мягкой силы» страны и публичной дипломатии как инструмента конвертации такого потенциала в ресурс реальной политики, требует подобного отступления. Туристическая дипломатия, хотя и по сущности является экономической, но сегодня в большей степени осуществляется методами публичной дипломатии [46. С. 95].

К тому же, если распространение информации о стране, о ее достижениях на площадках различных форумов (пусть и туристических) за пределами страны для одних является мероприятием экономического характера, то с точки зрения «мягкой силы» и публичной дипломатии – это деятельность долгосрочной перспективы, направленная на формирование положительного имиджа государства.

Формирование такого имиджа для Таджикистана становится проблематичным, учитывая возрастающую роль инфокоммуникационных технологий и отставание страны в этой сфере. Серьезным вызовом является применение СМИ как инструмента конкурентной публичной дипломатии. Как отмечают таджикские эксперты З. Сайидзода и Ф. Саидов, «содержание значительного массива СМИ показывает, что отображение реальной ситуации в Таджикистане в мировом (в том числе российском) информационном пространстве яв-

но недостаточно и неадекватно. Большинство публикуемых материалов… носит негативную по отношению к республике окраску» [47. С. 4]. Подобный негативный образ страны складывается не всегда стихийно, иногда за ним стоят сознательные и эффективные пиар-действия заинтересованных сторон или лиц. Существующие государственные информационные инструменты Таджикистана (например, НИАТ «Ховар», пресс-служба таджикского МИД, таджикское телевидение) пока не могут на равных конкурировать с большим потоком негативной информации о стране.

В российском информационном пространстве образ Таджикистана и его народа тоже нуждается в коррекции. Для разрушения существующих негативных стереотипов в отношении представителей таджикского народа необходима комплексная работа не только информационного характера, но и воспитательного – как в России с подключением таджикской диаспоры, так в самом Таджикистане [48]. С учетом того, что в России находится большое число граждан Таджикистана, их поведение зачастую становится основой для формирования образа страны и народа. Можно сказать, что почти каждый гражданин Таджикистана за его пределами становится ресурсом публичной дипломатии своего государства, т.е. может оказать влияние на формирование того или иного образа своей страны в российском обществе. Чтобы на информационном поле заинтересованные акторы не делали акцент исключительно на негативные события, необходимо широкое освещение достижения таджикской диаспоры, культурных мероприятий этой страны в России. По словам И. Сатторова, Посла Республики Таджикистана в России, между обществом Таджикистана и России, несмотря на их принадлежность к общему пространству СНГ, чувствуется недостаток знания друг о друге. Очень важно, чтобы СМИ писали не только о терроризме и преступлениях, но и освещали достижения Таджикистана и людей, его населяющих [49].

На фоне вышесказанного, создание Таджикистаном своих конкурентоспособных, мультиязычных информационных и аналитических агентств кажется крайне важной задачей. Задача по широкому использованию возможностей современных информационно-коммуникационных технологий для презентации и пропаганды достижений и перспектив социально-экономического развития страны, ее культурных и научных завоеваний ставится в Концепции внешней политики Таджикистана [39]. Президент Э. Рахмон, подчеркивая важность создания международного положительного образа Таджикистана, призывает МИД страны «коренным образом улучшить свое взаимодействие с представителями средств массовой информации и расширить свое присутствие в Интернета и в его социальных сетях» [49].

Очевидно, что такое взаимодействие должно нести планомерный, постоянный, а не спорадический характер. И социальные сети, которые для многих государств стали ареной продвижения внешнеполитических интересов, пока не входят в арсенал таджикской публичной дипломатии. Таджикский ученый Р. Ульмасов, называя публичную дипломатию мягким оружием широкого спектра, отмечает, что «внедрение публичной дипломатии требует коренного изменения нашей системы. Система может не верить в нее, как когда-то не верила в тот же Twitter, но Фейсбук безжалостен и изменения неизбежны. Сегодня мы не выдумываем велосипед. Мы просто должны быстро крутить его педали» [50]. Интересным и в то время целесообразным кажется предложение Р. Ульмасова о «созревании» МИД Таджикистана для создания отдельного структурного подразделения – Управления публичной дипломатии. Действительно, учреждение такой профильной структуры, которая координировала бы политику республики в области взаимодействия с зарубежной общественностью, информирования о положении дел в стране, о ее политике, достижениях и создания международного бренда Таджикистана, могло бы стать важным шагом в институционализации таджикской публичной дипломатии. Однако может показаться, что время для такой новации еще не пришло, но в сегодняшнем глобализирующемся мире, где ожесточенная борьба за умы и сердца людей разворачивается не только в физическом мире, но и виртуальном пространстве, время только уходит. Успешная конвертация потенциала «мягкой силы» Таджикистана в реальный ресурс практической политики может помочь не только в конструировании положительного международного имиджа таджикского государства, но и способствовать достижению других целей, которые стоят перед внешней политикой Республики Таджикистан в двадцать первом веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рустамова Л.Р. Фактор «мягкой силы» в глобальном управлении на примере Германии. Межсекционный сборник № 2 «Глобальное управление» (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) / под ред. М.М. Лебедевой, М.В. Стрежневой, В.В. Пановой, А.И. Никитина. М. : Изд-во «МГИМО–Университет», 2015. С. 81–90.
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs Group, 2004. 191 p.
3. Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. N.Y. : Penguin Press, 2004. 24 p.
4. McClory J. The Soft Power 30. Portland, 2017. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf (дата обращения: 09.12.2017).
5. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
6. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.
7. Fletcher T. How to become a soft power superpower. The SP30 blog. 15 September 2017. URL: https://softpower30.com/become-soft-power-superpower/ (дата обращения: 10.12.2017).
8. Gregory F. Treverton, Seth G. Jones. Measuring National Power. Santa Monica, CA. : RAND National Security Research Division, 2005. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/ 2005/RAND_ CF215.pdf (дата обращения: 10.12.2017).
9. Human Rights Watch World Report 2016: Tajikistan. URL:https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/Tajikistan (дата обращения: 08.12.2017).
10. Бушков В.И., Поляков С.П., Селиванец А.А., Собянин А.Д. Таджикистан: образ российского стратегического союзника в СМИ // Профи. 2001. № 1–2. С. 67–72.

11. Тиллоев С.С. Место памятников культурного наследия в Республике Таджикистан // Вестник КГУСТА. 2013. № 4. С. 179–183.
12. UNESCO Intangible Heritage. Oshi Palav, a traditional meal and its social and cultural contexts in Tajikistan. URL:https://ich.unesco.org/en/RL/oshi-palav-a-traditional-meal-and-its-social-and-cultural-contexts-in-tajikistan-01191?RL=01191 (дата обращения: 08.12.2017).
13. Resolution adopted by the General Assembly on 23 February 2010 (A/RES/64/253) on International Day of Nowruz. URL:http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/147580/A_RES_64_253-EN.pdf?sequence=3&isAllowed=y (дата обращения: 08.03.2018).
14. Цыганков П. Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 1 (7). С. 53–65. UNWTO Tourism Highlights. 2016 Edition. URL: http://www.dadosefatos.turismo.gov.br/images/pdf/estatisticas_indicadores/UNTWO_Tourism_Highlights_2016_Edition.pdf дата обращения: 13.12.2017).
15. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Geneva: World Economic Forum, 2017.
URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf (дата обращения: 11.12.2017).
16. Концепция развития туризма в Республике Таджикистан на 2009–2019 гг. от 02.04. 2009.
17. Примкулов А., Христолюбова Д. Туризм в Таджикистане: достижения и барьеры. Специально для Asia-Plus. Душанбе. Ноябрь, 2016 г. URL: http://project75783.tilda.ws/tj_travel (дата обращения: 08.12.2017).
18. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 42–53.
19. Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.
20. Крыстев В.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии // Вестник АРГО. 2017 (6). С. 92–102.
21. Bloom Consulting Country Brand Ranking 2014/2015. Tourism Edition. 40 p. URL: http://www.bloomcon sulting.com/pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_ Tourism.pdf (дата обращения: 08.12.2017).
22. Выступление Э. Рахмона на пленарном заседании 72-й сессии Генассамблеи ООН, 19.09.2017. URL:http://www.prezident.tj/ru/node/16226 (дата обращения: 08.12.2017).
23. Глобальные водные инициативы Республики Таджикистан. Asia-Plus, Апрель, 2015. URL: http://www.asiaplus.tj/ru/news/globalnye-vodnye-initsiativy-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 08.12.2017).
24. Резолюция ООН о Международном десятилетии действий «Вода для устойчивого развития», 2018–2028 гг. URL: http://www.president.tj/ru/node/14109 (дата обращения: 08.12.2017).
25. Menga F., Mirumachi N. Fostering Tajik hydraulic development: Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam // Water Alternatives. 2016. № 9 (2). P. 373–388.
26. Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ – 2012. М. : МГИМО–Университет, 2012. С. 79–86.
27. Емельянова Н. Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы. Портал «Перспективы». Март, 2016. URL:http://www.perspektivy.info/rus/gos/_magkoje_obajanije_indii_preimushhestva_ i_predely_2016-03-21.htm (дата обращения: 08.12.2017).
28. Выступление Э. Рахмона на открытии второго форума таджиков мира. Душанбе, 08.09.1993. URL: http://www.president.tj/ru/node/1090 (дата обращения: 28.12.2017).
29. Связь с зарубежными соотечественниками. Министерства труда и занятости населения РТ. Октябрь, 2016. URL: www.mehnat.tj/mehnat/2016/10/23/ робита-бо-ҳамватанони-бурунмарзӣ/ (дата обращения: 22.01.2018).
30. Dovelyn Rannveig Agunias and Kathleen Newland. Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policy-makers and Practitioners in Home and Host Countries. IOM - MPI, 2012. P. 9–10.
31. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013).
32. Икромов Д.З. Оценка потенциала диаспор в развитии Таджикистана // Фундаментальные исследования. 2016. № 11. С. 797–802.
33. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия государств Центральной Азии // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 177–193.
34. Мукомель В. Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. Миссия МОМ в Республике Таджикистан. Душанбе, 2014. С. 147.
35. Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1 (25). С. 63–73.
36. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 1 (70). С. 131–147.
37. Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 76–97.
38. Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 года.
39. URL: https://www.tajembassy.ru/ru/ (дата обращения: 08.12.2017).
40. URL: http://www.friendship.tj/index.php (дата обращения: 10.12.2017).
41. Информация с официальной страницы Президента Республики Таджикистан: URL:http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/162? Device =desktop
42. The 2014 Traveler's Road to Decision. Google Travel Study, June 2014. URL: https://storage.googleapis.com/think/docs/2014-travelers-road-to-decision_research_studies.pdf (дата обращения: 08.12.2017).
43. Выступление на Национальном совете по делам молодежи при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 27.05.2016. URL: http://www.president.tj/ru/node/11860
44. You're welcome! The 5 easiest visas to get in the world. URL:https://www.wanderlust.co.uk/content/easiest-visasworldwide?utm_source=Microsoft&utm_ medium=MSN_collaboration (дата обращения: 11.12.2017).
45. Туризм в Таджикистане развивают. Азия Плюс. URL: https://www.news.tj/ru/node/239473 (дата обращения: 08.12.2017).
46. Черевичко Т.В. Туризм как инструмент публичной дипломатии // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 4. С. 93–95.
47. Сайидзода З.Ш., Саидов Ф.З. Таджикистан: информационный ресурс, внешняя политика, имидж государства. Душанбе : Изд-во «Иттилоот ва муошират», 2008. 37 с.
48. Тайны «девочек-калькуляторов»: Манижа и Ёсуман раскрыли свои секреты. Sputnik, 08.11.2017. URL: http://ru.sputnik-tj.com/style/20171108/1023830228/devochki-kalkulyatory-manizha-yosuman-tadzhikskie.html (дата обращения: 08.12.2017).
49. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания МИД РТ. Душанбе, 15.03.2013. URL:http://www.prezident.tj/ru/node/4114 (дата обращения: 28.02.2017).
50. Ульмасов Р. Миграционная ситуация в Таджикистане: проблемы и пути решения // Портал «Культурная дипломатия». Апрель, 2016. URL: http://culturedip.interaffairs.ru/index.php/analitika/itemlist/user/1030 (дата обращения: 08.12.2017).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 28 августа 2018 г.

SOFT POWER AND PUBLIC DIPLOMACY: OPPORTUNITIES FOR INDEPENDENT TAJIKISTAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 97–105.
DOI: 10.17223/15617793/436/11

Bahri Kh. Bahriev, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Keywords: soft power of Tajikistan; public diplomacy; culture; tourism; Central Asia.

This paper analyzes Tajikistan's soft power potential and the possibilities of its conversion into an applied foreign policy resource through public diplomacy mechanisms. The reason behind the selection of this Central Asian nation is the fact that contemporary research discourse on soft power and public diplomacy mainly focuses on the experience and practice of leading global nations. The similar potential of small, less ambitious states often appears out of regular scientific analysis. The capacity of Tajikistan's soft power is determined based on certain international specialized ranking methodology, Tajikistan's domestic field-oriented statistics, its goal-setting document objectives and the practical steps of the country. Thus, the paper defines four most promising factors/drivers that seem to constitute Tajikistan's soft power potential at the modern stage – the country's authentic culture heritage, its tourist sights and their growing appeal for foreigners, successful global initiatives in the sphere of water cooperation and presence of a big Tajik diaspora abroad. If the first two factors are related to the internal situation in the republic and require demonstration of openness and specific domestic reforms, the other two increase the international recognition of the country and can contribute to the enhancement of Tajik nation's image. The conducted analysis suggests that, despite having solid soft power capabilities, Tajikistan has not been quite successful in turning it into an applied foreign policy resource. The republic has a controversial international image that seems to be constructed under the influence of many factors some of which are politically charged or based on the established stereotypes about the country. Such an image of Tajikistan is observed not only in countries far from Central Asia but also in those within the CIS space, in particular, in Russia. It is supposed that such an image is formed largely because of Tajikistan's weak representation on the Internet; negative information about this nation appears to prevail in major search engines. The country's lack of competitive international information and media tools is also its significant trouble spot in this context. Based on the above-mentioned facts, the author concludes that such state of affairs, *firstly*, demands stepping up public diplomacy efforts, especially in its info-communication dimension, *secondly*, increases the importance of institutionalization of Tajikistan's public-diplomacy activity. Those steps would provide the young republic with an additional tool, compatible with modern requirements, for pursuing its foreign policy objectives in the 21st century.

REFERENCES

1. Rustamova, L.R. (2015) Faktor "myagkoy sily" v global'nom upravlenii na primere Germanii [The factor of "soft power" in global governance on the example of Germany]. In: Lebedeva, M.M., Strezhneva, M.V., Panova, V.V. & Nikitin, A.I. (eds) *Mezhsektsionnyy sbornik № 2 "Global'noe upravlenie" (Materialy VIII Konventa RAMI, aprel' 2014 g.)* [Intersection collection number 2 "Global Governance" (Proceedings of the VIII Convention RAMI, April 2014)]. Moscow: MGIMO-University. pp. 81–90.
2. Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs Group.
3. Ferguson, N. (2004) *Colossus: The Price of America's Empire*. N.Y.: Penguin Press.
4. McClory, J. (2017) *The Soft Power 30*. Portland. [Online] Available from: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf. (Accessed: 09.12.2017).
5. Lebedeva, M.M. (2017) Soft Power: The Concept and Approaches. *Vestnik MGIMO-Universiteta – Vestnik MGIMO-University*. № 3 (54). pp. 212–223. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
6. Lebedeva, M.M. (2014) Resources of influence in world politics. *Polis – Polis. Political Studies*. 1. pp. 99–108. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07
7. Fletcher, T. (2017) *How to become a soft power superpower*. The SP30 blog. 15 September [Online] Available from: https://softpower30.com/become-soft-power-superpower/. (Accessed: 10.12.2017).
8. Treverton, G.F. & Jones, S.G. (2005) *Measuring National Power*. Santa Monica, CA.: RAND National Security Research Division. [Online] Available from: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_ CF215.pdf. (Accessed: 10.12.2017).
9. Human Rights Watch. (2016) *Human Rights Watch World Report 2016: Tajikistan*. [Online] Available from:https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/Tajikistan. (Accessed: 08.12.2017).
10. Bushkov, V.I., Polyakov, S.P., Selivanets, A.A. & Sobyanin, A.D. (2001) Tadzhikistan: obraz rossiyskogo strategicheskogo soyuznika v SMI [Tajikistan: The Image of a Russian Strategic Ally in the Media]. *Profi*. 1–2. pp. 67–72.
11. Tilloev, S.S. (2013) Mesto pamyatnikov kul'turnogo naslediya v Respublike Tadzhikistan [Place of monuments of cultural heritage in the Republic of Tajikistan]. *Vestnik KGUSTA*. 4. pp. 179–183.
12. UNESCO Intangible Heritage. (n.d.) *Oshi Palav, a traditional meal and its social and cultural contexts in Tajikistan*. [Online] Available from:https://ich.unesco.org/en/RL/oshi-palav-a-traditional-meal-and-its-social-and-cultural-contexts-in-tajikistan-01191?RL=01191. (Accessed: 08.12.2017).
13. UN. (2010) *Resolution adopted by the General Assembly on 23 February 2010 (A/RES/64/253) on International Day of Nowruz*. [Online] Available from:http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/147580/A_RES_64_253-EN.pdf?sequence=3&isAllowed=y. (Accessed: 08.03.2018).
14. Tsygankov, P. (2016) Mirovaya politika i ee soderzhanie [World politics and its content]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 3:1(7). pp. 53–65.
15. World Economic Forum. (2017) *The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017*. Geneva: World Economic Forum.
[Online] Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf. (Accessed: 11.12.2017).
16. Tajikistan. (2009) *Kontseptsiya razvitiya turizma v Respublike Tadzhikistan na 2009–2019 gg*. [The concept of tourism development in the Republic of Tajikistan for 2009–2019].
17. Primkulov, A. & Khristolyubova, D. (2016) *Turizm v Tadzhikistane: dostizheniya i bar'ery* [Tourism in Tajikistan: Achievements and barriers]. [Online] Available from: http://project75783.tilda.ws/tj_travel. (Accessed: 08.12.2017).
18. Pestsov, S.K. & Bobylo, A.M. (2015) Soft power in world politics: The typology of approaches to measurement and evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (31). pp. 42–53. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/31/5
19. Kharitonova, E.M. (2015) Soft Power Effectiveness: Problem of Evaluation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 6. pp. 48–58. (In Russian).
20. Krystev, V.K. (2017) The tourism as an instrument of "soft power" of the space: Geopolitical interpretation on the example of Bulgaria. Vestnik ARGO. (6). pp. 92–102. (In Russian).
21. Bloom Consulting. (2015) *Bloom Consulting Country Brand Ranking 2014/2015. Tourism Edition*. [Online] Available from: http://www.bloomcon sulting.com/pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_ Tourism.pdf. (Accessed: 08.12.2017).

22. UN. (2017) *Vystuplenie E. Rakhmona na plenarnom zasedanii 72-y sessii Genassamblei OON* [Speech by E. Rahmon at the plenary meeting of the 72nd session of the UN General Assembly]. 19.09.2017. [Online] Available from:http://www.prezident.tj/ru/node/16226. (Accessed: 08.12.2017).
23. Asia-Plus. (2015) *Global'nye vodnye initsiativy Respubliki Tadzhikistan* [Global Water Initiatives of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: http://www.asiaplus.tj/ru/news/globalnye-vodnye-initsiativy-respubliki-tadzhikistan. (Accessed: 08.12.2017).
24. UN. (2018) *Rezolyutsiya OON o Mezhdunarodnom desyatiletii deystviy "Voda dlya ustoychivogo razvitiya", 2018–2028 gg.* [UN Resolution on the International Decade for Action "Water for Sustainable Development", 2018–2028]. [Online] Available from: http://www.president.tj/ru/node/14109. (Accessed: 08.12.2017).
25. Menga, F. & Mirumachi, N. (2016) Fostering Tajik hydraulic development: Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam. *Water Alternatives*. 9 (2). pp. 373–388.
26. Borishpolets, K.P. (2012) Mekhanizmy vzaimodeystviya gosudarstva s natsional'nymi diasporami [Mechanisms of interaction of the state with national diasporas]. In: *Ezhegodnik IMI – 2012* [Yearbook of the Institute of International Research – 2012]. Moscow: MGIMO–University. pp. 79–86.
27. Emel'yanova, N. (2016) *Myagkoe obayanie Indii: preimushchestva i predely* [The soft charm of India: Advantages and limits]. [Online] Available from:http://www.perspektivy.info/rus/gos/_magkoje_obajanije_indii_preimushhestva_i_predely_2016-03-21.htm. (Accessed: 08.12.2017).
28. Tajikistan. (1993) *Vystuplenie E. Rakhmona na otkrytii vtorogo foruma tadzhikov mira* [Speech by E. Rahmon at the opening of the second forum of Tajik world]. [Online] Available from: http://www.president.tj/ru/node/1090. (Accessed: 28.12.2017).
29. Ministry of Labor and Employment of the Population of the Republic of Tajikistan. (2016) *Svyaz' s zarubezhnymi sootechestvennikami* [Communication with compatriots abroad]. [Online] Available from: www.mehnat.tj/mehnat/2016/10/23/robita-bo-xamvatanoni-burunmarzī/. (Accessed: 22.01.2018).
30. Agunias, D.R. & Newland, K. (2012) *Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries*. IOM – MPI.
31. UN Department of Economic and Social Affairs. (2013) *Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin.* UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013.
32. Ikromov, D.Z. (2016) Assessing the potential of diaspora on development of Tajikistan. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 11. pp. 797–802. (In Russian).
33. Bakhriev, B.Kh. (2017) Publichnaya diplomatiya gosudarstv Tsentral'noy Azii [Public Diplomacy of Central Asian States]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press.
34. Mukomel', V. (2014) *Diaspora – partner po razvitiyu Tadzhikistana. Missiya MOM v Respublike Tadzhikistan* [Diaspora – development partner of Tajikistan. IOM mission in the Republic of Tajikistan]. Dushanbe: MOM.
35. Dolinskiy, A. (2011) Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on public diplomacy]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 9:1(25). pp. 63–73.
36. Bakhriev, B.Kh. (2017) Public diplomacy in contemporary research discourse. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk – Bulletin of TSULBP*. 1 (70). pp. 131–147. (In Russian).
37. Lebedeva, O.V. (2016) Kul'turnaya diplomatiya kak instrument vneshney politiki Rossii na sovremennom etape [Cultural Diplomacy as an Instrument of Russia's Foreign Policy at the Present Stage]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 9. pp. 76–97.
38. Tajikistan. (2015) *Kontseptsiya vneshney politiki Respubliki Tadzhikistan ot 27 yanvarya 2015 goda* [The concept of foreign policy of the Republic of Tajikistan on January 27, 2015].
39. [Online] Available from: https://www.tajembassy.ru/ru/. (Accessed: 08.12.2017).
40. [Online] Available from: http://www.friendship.tj/index.php. (Accessed: 10.12.2017).
41. Tajikistan. (n.d.) *Informatsiya s ofitsial'noy stranitsy Prezidenta Respubliki Tadzhikistan* [Information from the official page of the President of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from:http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/162?Device =desktop.
42. Google Travel Study. (2014) *The 2014 Traveler's Road to Decision. Google Travel Study*. [Online] Available from: https://storage.googleapis.com/think/docs/2014-travelers-road-to-decision_research_studies.pdf. (Accessed: 08.12.2017).
43. Tajikistan. (2016) *Vystuplenie na Natsional'nom sovete po delam molodezhi pri Prezidente Respubliki Tadzhikistan* [Speech at the National Council on Youth Affairs under the President of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: http://www.president.tj/ru/node/11860.
44. Wanderlust.co.uk. (n.d.) *You're welcome! The 5 easiest visas to get in the world*. [Online] Available from:https://www.wanderlust.co.uk/content/easiest-visasworldwide?utm_source=Microsoft&utm_medium=MSN_collaboration. (Accessed: 11.12.2017).
45. Aziya Plyus. (2017) *Turizm v Tadzhikistane razvivayut. Aziya Plyus* [Tourism in Tajikistan is developing]. [Online] Available from: https://www.news.tj/ru/node/239473. (Accessed: 08.12.2017).
46. Cherevichko, T.V. (2014) Tourism as an instrument of public diplomacy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 14(4). pp. 93–95. (In Russian).
47. Sayidzoda, Z.Sh. & Saidov, F.Z. (2008) *Tadzhikistan: informatsionnyy resurs, vneshnyaya politika, imidzh gosudarstva* [Tajikistan: information resource, foreign policy, state image]. Dushanbe: Izd-vo "Ittiloot va muoshirat".
48. Sputnik. (2017) *Tayny "devochek-kal'kulyatorov": Manizha i Esuman raskryli svoi sekrety* [Secrets of the "calculator girls": Manizh and Yosuman revealed their secrets]. [Online] Available from: http://ru.sputnik-tj.com/style/20171108/1023830228/devochki-kalkulyatory-manizha-yosuman-tadzhikskie.html. (Accessed: 08.12.2017).
49. Tajikistan. (2013) *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Tadzhikistan Emomali Rakhmona na vstreche s diplomaticheskimi rabotnikami strany po sluchayu otkrytiya novogo zdaniya MID RT* [Speech by President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon at the meeting with the country's diplomatic staff on the occasion of the opening of the new building of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from:http://www.prezident.tj/ru/node/4114. (Accessed: 28.02.2017).
50. Ul'masov, R. (2016) *Migratsionnaya situatsiya v Tadzhikistane: problemy i puti resheniya* [The migration situation in Tajikistan: Problems and solutions]. [Online] Available from: http://culturedip.interaffairs.ru/index.php/analitika/itemlist/user/1030. (Accessed: 08.12.2017).

Received: 28 August 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 106–117. DOI: 10.17223/15617793/436/12

УДК 314.74

Н.П. Погодаев

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТАМИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В ТОМСКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ

Анализируется процесс социализации студентов из Таджикистана в университетах Томска. Формулируется тезис о том, что накопление личностного и социального капитала дает возможность молодым мигрантам постепенно вливаться в состав российской гражданской нации. Анализируются барьеры, препятствующие реализации этого процесса. Методологическая основа исследования – теория «социального поля» П. Бурдьё и тезис немецкого социолога Г. Хайнзона о «Youth Bulge» – «молодежном пузыре». Эмпирическая основа – материалы индивидуальных глубинных интервью со студентами из Таджикистана и другими акторами, включенными в рассматриваемый процесс.

Ключевые слова: студенты-мигранты; социальный капитал; «новые русские азиаты»; культурная дистанция; культурный шок; Youth Bulge.

Введение

Университеты Томска привлекают большое количество студентов из-за рубежа, в том числе из стран Центральной Азии. После окончания вузов перед выпускниками встает выбор – вернуться на родину или остаться в России, вливаясь в мультимодальные узлы миграции [1]. В Сибири это прежде всего Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Тюмень. Там им предстоит занять те или иные социальные ниши, соответствующие их образованию и возможностям реализовать свои социальные притязания. В связи с этим в статье используется понятие «новые русские азиаты». Этим термином мы обозначаем выходцев из Центральной Азии, получивших в современной России высшее образование, оставшихся здесь работать и претендующих на вхождение в средние и верхние слои общества, на доступ к дефицитным ресурсам в социальной, экономической, политической сферах. Те, кто сегодня едет учиться в Россию, родились уже в суверенной Республике Таджикистан [2], постепенно все больше и больше отличающейся от Таджикской Советской Социалистической Республики в составе СССР. И хотя до сих пор страны СНГ многими воспринимаются как часть условно единого культурного пространства, реалии говорят об ином положении дел. В Россию из Таджикистана едет молодежь, выросшая уже в иной культуре и потому стоящая перед проблемой адаптации и социализации в культуре принимающего сообщества. Одним из наиболее важных компонентов адаптации таджикских студентов является освоение ими русского языка – устного, письменного и арго изучаемой специальности, как средства погружения в культуру принимающего сообщества [3]. Таджикско-русский билингвизм, сформировавшийся за время вхождения таджиков в состав Российской империи и Советского Союза, претерпевает сегодня значительные изменения. Нынешнее поколение молодежи знает русский гораздо хуже, чем старшие поколения страны [4]. Выбор – вернуться на родину или остаться в России – гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Связывая свое будущее с Россией, молодые люди встают перед серьезной проблемой – стать частью ее гражданской нации или оказаться здесь в этническом гетто. Рынок труда, на который они с неизбежностью выходят, более жесток, нежели университетское пространство, с которым они ассоциировали Россию на протяжении своих студенческих лет [5].

В качестве методологической основы исследования используется широкий круг теоретических подходов к анализу динамики культурной дистанции между народами. В данной статье приоритет отдан теории «социального поля» французского социолога П. Бурдьё и тезису немецкого социолога Гуннара Хайнзона о «Youth Bulge» – «злокачественном демографическом приоритете молодежи».

Эмпирической основой исследовательского проекта, в рамках которого написана данная статья, являются материалы индивидуальных глубинных интервью, проводимых автором публикации со студентами из Таджикистана, обучающимися в университетах Томска, руководителями таджикской диаспоры города, таджиками, живущими в других городах России, сотрудниками томских университетов и другими представителями принимающего сообщества. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов, что позволяет показать степень владения студентами из Таджикистана русским языком.

Причины образовательной миграции из Таджикистана в Россию

Студенты из Таджикистана учатся почти по всей России. Больше всего их в двух столичных городах, в университетах Центральной России, Поволжья, Урала и Сибири [6]. Массовая трудовая и образовательная миграция из Таджикистана в Россию вызвана целым рядом факторов. Среди них исторические связи двух государств, значительная разница в уровне развития экономики и уровне жизни, в демографическом потенциале стран. Так, по данным Международного валютного фонда, в 2014 г. на душу населения в России приходилось $ 24 805, в Таджикистане – $ 2 688 [7]. Рождаемость, по данным за 2014 г., в России составляла 11,87 ребенка на 1 000 человек, в Таджикистане – 24,99 [8]. Впрочем, есть и другие данные об уровне рождаемости в России в 2014 г. – 13,31 детей на тысячу населения [9].

В качестве объяснения эмиграции из стран Центральной Азии в Россию может быть использовано по-

нятие «Youth Bulge», употребляемое немецким социологом Гуннаром Хайнзоном в работе «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций» [10]. Понятие «Youth Bulge» переводится как «молодежный выступ» или «молодежный пузырь», а в контексте работы немецкого социолога как «злокачественный демографический приоритет молодежи». Речь идет о сравнении количества мужчин в возрасте 40–44 лет с количеством мальчиков от 0 до 4 лет. Немецкий социолог приводит данные о том, что в Германии это соотношение выглядит как 100/50, в секторе Газа 100/464, в Афганистане 100/403, в Ираке 100/351, в Сомали 100/364. Суть тезиса ученого из университета Бремена состоит в том, что в тех странах, где в структуре населения образуется большое количество молодых мужчин, возрастает конфликтность, обретающая различные острые формы. Подобная демографическая ситуация порождает мультипликативный эффект, пронизывающий и экономическую, и социальную, и политическую сферы. Одним из способов канализации подобной проблемы является эмиграция значительной части молодых мужчин. Страны, в которых своей молодежи слишком мало, по мнению Хайнзона, не могут сопротивляться напору молодежи из стран с избыточным количеством молодежи. «Демографический сбой происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится меньше 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет» [11]. Подобный аспект проблемы уже рассматривается зарубежными исследователями [12]. Данная точка зрения, во-первых, выделяет возраст как одну из важных структурных проблем общества, во-вторых, позволяет посмотреть на рабочую и образовательную миграцию через призму внутренней политической безопасности как страны исхода, так и страны приема мигрантов. Это актуализирует вопрос о том, в качестве кого в принимающем обществе окажутся молодые мигранты из перенаселенных стран. Станут ли они новым физическим и интеллектуальным ресурсом в развитии принимающего сообщества, найдут ли достойное место на рынке труда или пополнят маргинальные слои, склонные к иждивенчеству и агрессии [13]. По словам руководителя одного из Центров социокультурной и языковой адаптации мигрантов в Красноярске, в регионе постепенно начинает меняться отношение к мигрантам из Центральной Азии: *«если раньше шли от поликультурности, то теперь стремятся к изменению национальных стереотипов и встраиванию этнофоров в принимающее общество»* [14].

«Миграционный капитал» студентов из Таджикистана

В качестве методологической основы изучения процесса адаптации и социализации студентов из Таджикистана в новой для них культуре используется тезис П. Бурдьё о социальном пространстве, которое есть «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей…, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала…» [15. С. 40]. Главными подпространствами студента-иностранца являются его присутствие в своей родной культуре и присутствие в культуре русской. В рамках каждого из подпространств он обладает определенным капиталом, потенциал которого (как и всякого капитала вообще) весьма динамичен. В период подготовки к поездке в Россию будущий студент полностью погружен в реалии поля своей национальной культуры. В качестве капитала на этом поле выступают родной язык, национальная ментальность, национальные и семейные традиции, социальные сети родственников и друзей, религиозные устои [16]. Россия в этих условиях воспринимается через образ «другого».

Поле русской культуры предстает перед будущим студентом в неком виртуальном облике, основанном на тех представлениях о России, которые он получил за годы учебы в таджикской школе (тот или иной уровень знания русского языка, сведения по истории России, та или иная интерпретация взаимоотношений таджиков и русских в исторической ретроспективе), в результате обсуждений образа России и русских в семье и с друзьями, по материалам таджикских средств массовой информации и по передачам электронных российских СМИ, транслируемых на Таджикистан [17]. В силу существующих в Таджикистане традиций, пиетета детей перед родителями, будущая жизнь и учеба в России воспринимается, кроме всего прочего, через те паттерны национальной культуры, которые исходят от семьи. Родители, рассказывает один из респондентов, *«говорили, что «сынок, не натвори глупости там, чтобы у тебя до свадьбы детей не было. Это вообще стыд и срам» ....Остро, жестко, чтобы было понятно, что вот это запрещено, а вот это разрешено. Не только родители, не только мама и папа, а вся твоя родня тебе об этом говорит»* [18]. Информация о России актуализируется через соответствующую мотивацию – стремление учиться в российском университете и предпринимаемые для этого усилия организационного и интеллектуального характера: поиск вариантов быть включенным в программу обучения на бюджетной основе, выбор того или иного университета: *«Ну, в школах приходят, рекламируют. Ну, говорят вот нам,… что есть, …шансы. Из тех, кто хотят, может поступать, баллы набрать, по конкурсу если пройти, можно приехать сюда …Ну, там у нас приходят каждый год квоты, не только Томск, разные города бывают, там Москва, Питер, и…, вот, … по крайней мере, Томск был. Я сдал документы, там баллы набрал, и вот ощасливился»* [19]. Учитывается степень знания русского языка: «*У меня дома еще родители общаются, все знают русский язык, не только я»* [20]. Другая часть капитала будущего студента представлена моральной и финансовой поддержкой семьи, отправляющей сына иди дочь в Россию. Очевидно, что учебу за границей могут себе позволить выходцы из относительно обеспеченных таджикских семей. И, наконец, частью этого капитала является позиция таджикского государства, проводящего политику сотрудничества с Российской Федерацией в образовательной сфере [21].

Несмотря на то что этот капитал формируется еще на территории родной страны, он направлен в сторону последующих изменений жизни индивида, связанных с перемещением из отдающего общества в принима-

ющее, и может быть назван «миграционным капиталом» будущего студента. Характерной его особенностью является приходящая роль и временна́я ограниченность.

Формирование личностного и социального капитала в принимающем обществе: учеба, досуг, быт, подработка

Оказавшись в числе студентов российских университетов, молодежь из Таджикистана начинает формировать свой личностный и социальный капитал[1] в рамках принимающего общества. Виртуальные представления о России заменяются вполне реальными, основанными на повседневных практиках: *«…я себе как бы вообще…, по-другому представляла Томск …(смеется) ну как бы очень большие здания!, ну, как вот Америка там есть. Ну я себе так представляла… И учебные заведения. Я … вот университет, по телевизору как раз смотрела Москву, там большая, и лестницы такие большие. Я тоже думала, что я буду вот в таком университете учиться. Ну, приехала, тут маленькое как-то. … ну, не понравилось вначале. Вначале я месяц почти плакала, не хотела* (*учиться – авт.*)*, хотела уйти. Потом уже со временем, когда студенты все приехали, уже знакомые… там, ну, вот, и постепенно уже привыкла ко всему»* [22]. Более трезво оценивается уровень владения русским языком: *«…я учил вот одиннадцать классов русский язык, но еще уровень русского языка, который в Таджикистане проходят, и уровень русского языка в России – это две разные вещи, я могу сказать»* [23]. По-новому оцениваются возможности к адаптации в принимающем сообществе: «*В 2010 г. нас …поступило семеро человек. Из семерых толко двое остались, а остальные не смогли продолжить учебу, у них проблемы с-с-с…речью. И…, с знанием. Не хватало»* [24]. Ту же ситуацию прокомментировал и другой студент-таджик из того же томского университета: *«Ну, эти парни, они вообще не знали русского, один вообще не знал русского. Ну, как-то поступил? Как-то! (усмехается)… Я вот таких людей не понимал, и не понимаю до сих пор. Ну зачем ехать в чужую страну, которой не знаешь языка? И на что-то, на чудо какое-то надеяться»* [25]. Реалии Таджикистана начинают оцениваться через призму российской действительности: *«Тут, например, надо все…, на всех семинарах там учиться, отвечать, ну, как я вот, по своей практике. А там вот, ну, можно …деньги заплатить»* [26].

Можно предположить, что структура этого нового видения социокультурных реалий довольно сложна. Паттерны, связанные с отношением к родителям, к браку, например, остаются в основном прежними: *«У меня, как бы, хоть и родители образованные люди… они мне сказали, когда я на первом курсе…«ты знаешь, что у тебя жена будет таджичка»* [27]. Это было интервью со студентом 4 курса. Примерно так же говорили и многие другие ребята. Но в последующие годы приходилось видеть магистрантов из Таджикистана, которые встречались уже с русскими девушками. Хотя и здесь сложно выносить однозначные суждения. Иногда девушки, по словам респондентов, обещают своим потенциальным мужьям, что примут мусульманство.

В ситуации постепенной адаптации вполне возможны конфликты паттернов, происходящие на внутриличностном уровне: *«Один раз, просто когда ехал в автобусе… вот у нас воспитание, что взрослые заходят, надо вставать, уступать место… А здесь, такого нет (смеется) … один раз девушка просто зашла в автобус, я встал, «садитесь, девушка». Ну, она на меня наехала с такими словами, что, «я что, такая старая, чтобы ты мне уступаешь…». Я просто промолчал, сел обратно, и я как-то уже опасаюсь кому-то уступать»* [28].

Скорее всего, процесс переориентации на социальные реалии принимающего общества отнюдь не прямолинеен. Может сказываться и влияние родителей, советующих активнее поддерживать связи с родиной, вернуться после учебы домой, и фрустрация, связанная с неудачами в учебе или другими проблемами адаптации. Но в целом структура полей жизненного пространства студента-мигранта претерпевает изменения в пользу все более глубокого погружения в реалии принимающего общества и определенного отдаления от реалий общества исхода: *« … со мной…, вот парень живет,… он уже … магистратуру заканчивает... Он говорит, я останусь тут, потому что я не могу больше в Таджикистане жить. … когда я еду домой, там уже как будто я не у себя дома там. У всех другие мысли, … все по-другому делается, мне это, ну, не подходит больше. …Ну, буду ехать туда,… не буду навсегда тут оста…, но жить-то тут буду. Потому что уже привычно тут жить, так, как живешь»* [29].

Формируемый в условиях принимающего общества капитал студента-мигранта характеризуется культурной бинарностью, преломляющейся через призму личностных особенностей конкретного индивида. Этот бинарный культурный капитал операционализируется в определенном качестве двуязычия, частичного присвоения паттернов принимающего сообщества, которые накладываются на паттерны таджикской культуры. То есть происходит процесс, во-первых, ситуативной адаптации и, во-вторых, более пролонгированный процесс инкультурации студента из Таджикистана в принимающее общество [52].

В дальнейшем динамика бинарной культуры будет зависеть от соответствующих социальных траекторий выпускника российского университета. В условиях дисперсного проживания диаспоры ее представитель будет наращивать в своем бинарном капитале компоненты русской культуры. Пределы этого процесса будут определяться его личностными возможностями к инкультурации и потребностями его профессиональной и социальной траектории. В случае проживания в национальном анклаве инкультурация будет ограничиваться потребностями взаимодействия с принимающим сообществом. Если его социальный капитал будет формироваться в основном в профессиональных, публичных сферах принимающего сообщества, то процесс инкультурации будет и более глубоким и более пролонгированным. Если социальный капитал будет нарабатываться преимущественно

в семейном окружении или в окружении соплеменников, то процесс инкультурации либо замедлится, либо стагнирует на относительно низком уровне. В семье, созданной молодым выходцем из Таджикистана с университетским образованием в России, его бинарная культура будет воздействовать на его детей, родившихся, или, по крайней мере, воспитывающихся в России [30].

Процесс инкультурации студентов-иностранцев также можно рассматривать через тезис П. Бурдьё о том, что «Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материального или символического) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала» [15. С. 43]. Постепенное накопление этого капитала происходит у молодых выходцев из Таджикистана в годы студенчества в процессе повседневных практик их социальной активности: учебной, досуговой, бытовой, трудовой.

Учеба многим выходцам из Таджикистана, особенно на первом курсе, дается нелегко. Трудности, например, возникают с конспектированием лекций. Не владея хорошо русским языком, некоторые студенты переводят услышанное на родной и пишут конспект на таджикском языке. В университетах есть курсы по русскому языку, как иностранному, но они не включены в обязательную учебную программу. Несмотря на плохое знание русского языка, сами студенты часто не считают нужным их посещать. Студент-старшекурсник одного из технических университетов Томска, в ответ на вопрос о том, ходил ли он на дополнительные занятия по русскому языку, говорит: *«Не, не ходили, там, просто у нас тестирование прошло, кто нормально тестирование проходил, им, сказали, не надо. Мы написали очень…, на среднее написали, и нам сказали, не надо. И ми, каждый раз там вот на всяких лабораторных, конференциях участвовали и активно в университете образ жизни проводили, и из-за этого свободно разговариваем»* [31].

Иногда те, кто хотел бы повысить свои знания по русскому языку, не находят подходящий вариант для подготовки: *«…Ну, как я приехала, я говорила, что я затрудняюсь по поводу языковой и я понимаю очень хорошо, но я не могу выражать своего мысля, как я хочу, как я понимаю, потому что мне хватает этого. Ну, мне посоветовали, что есть такой курс русского языка в нашем университете, мне познакомили с преподавателем. Э-э-э…этот преподаватель со мной пообщалась. А,…она говорила, что, «моя группа состоит из китайцев»… очень более, такой, как называется… «на уровне моего студента, Вы на один ступенька выше»; поэтому Вы зря своего время тратите с моими студентами ходите, потому что они изучают слова еще, а Вы очень много слов знаете, но просто Вы на втором ступеньке, а до этого еще мы не прошли. Так что у меня группа, к которой меня поставили, не соответствовала, поэтому, … я сама начинала самостоятельно учить»* [32]. Трудности возникают при подготовке к семинарским занятиям, когда необходимо прочитать материал, осмыслить его и выступить на занятии. Иногда, говорят респонденты, можно рассчитывать на помощь одногруппников, хотя и не всегда: *«… что будет непонятно, обращаюсь культурно, они объясняют все. Если не хотят, то говорят: «не смогу», или «забыла», «ой, я сама не знаю, спроси другого». Это нормально, я думаю»* [33]. Иногда студенты из Таджикистана чувствуют, что их считают аутсайдерами в группе и не хотят помогать: *«...Начинается пара и говорят – разделитесь по группам, чтобы сделать задание. Получается так, что ты попадаешь в группу и те, кто с тобой в группе, ну, мимикой, не знаю, тоном разговора тебе дают ясно понять, что мы, вот, будем работать, а ты ничего не сделаешь, потому что, ну, как бы ты не шаришь, не знаешь … бывали такие моменты, что вот приходилось … говорить, что ну зачем – если не хотите, то я буду, ну как бы даже один работать, но не надо вести себя так»* [34].

Сфера досуга студентов является очень важным каналом их адаптации и инкультурации [35]. Формы проведения свободного времени весьма разнообразны, хотя, чаще всего, локализованы в рамках университета, студгородка, кафе, расположенных в университетской части Томска, и тех мест, где собираются представители диаспоры. Большое внимание уделяется спорту. Респонденты упоминают главным образом командные (футбол, баскетбол, волейбол) и силовые виды спорта (бои без правил, бокс, кикбоксинг, пауэрлифтинг, тяжелую атлетику). Таджикские студенты входят в составы сборных факультетов по разным видам спорта.

Значимой частью досуговой деятельности студентов из Таджикистана является их участие в праздниках. В Таджикистане, который по внутреннему валовому продукту занимает последнее место среди стран СНГ, массовые городские праздники проводятся лишь в столице и крупных городах. Поэтому тот же «День города» в Томске привлекает большое внимание таджикских студентов. Участвуют они и в различных университетских праздничных мероприятиях, в которых принимают участие представители разных национальностей [36]. Но наибольшее внимание уделяется участию в проведении в Томске Навруза – праздника Нового года по астрономическому солнечному календарю, который отмечают иранские и тюркские народы. Праздник является хорошим поводом для поддержания национальной рефлексии через встречи, совместную трапезу в национальном кафе, принадлежащем таджикам, национальные песни и танцы. Судя по имеющимся фотографиям и комментариям к ним, этот праздник студенты проводят вместе с представителями местной таджикской диаспоры и трудовыми мигрантами. Отмечаются и главные мусульманские праздники – Ураза-байрам и Курбан-байрам. Правда, как говорят студенты, в силу тяжелых для них климатических условий, перед праздником Ураза-байрам не все держат пост в священный месяц Рамадан. Но, не успевая порой бывать в мечети даже по пятницам, в праздничные дни студенты, как правило, рано утром идут в мечеть. В Курбан-байрам местные единоверцы угощают их там мясом. Из двух томских мечетей – Красной и Белой томские таджики предпочитают Красную, где имамом является таджик

Низамуддин Жумаев [37]. Правда, туда, как, впрочем, и в Белую мечеть, не ходят студенты из Горного Бадахшана, которые являются шиитами-исмаилитами [38]. Большинство из них учится в Томском государственном архитектурно-строительном университете (ТГАСУ). Имея возможность и в Томске принимать участие в религиозных праздниках, студенты, тем не менее, отмечают, что в Томске дух этих событий отличается от того, как это проходит в Таджикистане: «*О, это очень как бы…(улыбается) Во-первых, атмосфера – тут ощущается, что, вот, праздник, ну, когда ты приезжаешь в тот же мечеть или, не знаю, к каким-то землякам, что вот Навруз или Курбан-байрам, что вот праздник, ну как бы стол накрыт, ну, достархан накрыт – есть все. Но той атмосферы, которая в Таджикистане, что каждый дом этот праздник празднует, каждый, там… дети ходят, шумят, веселятся, что ты можешь к любому зайти и там помолиться, там, не знаю, поесть, встать и уйти, как бы такого тут нету. Все равно атмосфера другая. Даже не, даже тут, в России, там, не знаю, в Чечне или, не знаю, в Дагестане или в Татарстане – такая же атмосфера. В Томске этого нету»* [39]. За этими словами та самая культурная дистанция, то самое отличие в проведении праздника на родине и вдали от нее, в российских регионах с преобладанием мусульман и в Томске.

Некоторые встречи студентов, которые устраивает руководство таджикской национально-культурной автономии вкупе с другими общественными организациями Томска, бывают посвящены знаменитым представителям таджикской культуры прошлых эпох. Один из литературных вечеров, например, который проводился в Российско-немецком доме, был посвящен поэту, философу и ученому Омару Хайяму.

В рамках досуговой сферы происходят и конфликты, в которых участвуют студенты-мигранты. Что само по себе, как писал американский социолог Л. Козер, является совершенно естественной составляющее социального взаимодействия [40]. Конфликты возникают, порой, между таджикскими студентами из Горного Бадахшана, с одной стороны, и таджикскими студентами из иных регионов Таджикистана – с другой. В качестве поводов обычно выступают столкновения между группами молодежи в сфере культуры или спорта. Причины же лежат гораздо глубже и связаны, видимо, с конфликтом между разными течениями ислама [41]. Во время празднования Навруза в 2013 г. стычка между студентами из Горного Бадахшана и Куляба произошла из-за музыки в кафе, где отмечали праздник: *«Изначально все были вместе, … и старшие и руководители и учредители, все были вместе. Но так как они уехали и это как в школе, когда последний звонок, когда директор и физрук уехал и все начинается. Там такая же ситуация. Кто-то хотел сказать… ну, может они подразумевали, что вот мы круче вас, вы должны делать, как мы говорим. Может вобше просто хотели слушать свою музыку – я не могу это сказать как они хотели, но конфликт был, конфликт был очень серьезный и, слава богу, что они решили все это мирным путем»* [42]. Бывает, что стычки происходят во время занятий спортом. Вроде той, что произошла между студентами из Горного Бадахшана и студентами из Душанбе: *«… был тренировочный день …Сняли, вот, спортивный комплекс, пришли тренироваться. Все были таджики – ребята из Памира, ребята из Душанбе, ребята из Куляба – со всех регионов Таджикистана. Собрались командой. Ребята из Памира – у них своя команда. Ну и они начинают грубо играть. Им объясняешь, что так играть не надо, они начинают, как бы вот… как хочу, так играю. … Дошло до того, что чуть до драки не дошло. Ну, а, не знаю, в своей физической подготовке я всегда был уверен и если б до драки дошло – никто не смог бы остановить, но, слава богу, опять же все решилось тем, что поорали друг на друга и успокоились»* [43]. Видимо, подспудно сказывается та культурная, языковая, историческая дистанция, которая существует между суннитами и шиитами-исмаилитами, те весьма острые политические противоречия, которые существуют внутри современного таджикского общества. По словам респондента, во время конфликта в кафе из-за пустяковых казалось бы разногласий по поводу музыки, со стороны студентов из Горного Бадахшана раздавались фразы о том, что *«Мы не таджики, мы хотим жить отдельно, мы хотим отдельное государство»* [44].

Большинство студентов из Таджикистана живет в общежитиях. Бытовая сфера «общаги» является одним из главных механизмов адаптации студентов-мигрантов к новой реальности. Но именно там, в первые дни и месяцы пребывания в Томске, студенты из Таджикистана порой испытывают культурный шок, который свидетельствует о серьезных отличиях в повседневных практиках жителей двух стран: *«Когда я приехала, мне неприятно было …в душе одном мыться… Может быть, это зависит от моего воспитания, что мы более-менее скромные, нам воспитали так, что женщина всегда должна быть свои прелести не показать... А когда я в душе, все мы вместе зашли, чуть-чуть для меня это неприятно было»* [45]. *« …я был очень шокирован … когда ты встаешь в первый день утром, выходишь в секцию в общежитии … умыться и видишь – там девушка …в шортах, которые, не знаю, короче твоих трусов… это вообще шок – что делать?! Ну, приходилось обратно заходить в комнату пока как бы все не уедут или не умоются»* [46]. Впрочем, оба респондента отметили, что довольно быстро привыкли к нравам томских общежитий. Но есть и то, что, видимо, затрагивает более глубокие пласты нравственных устоев и даже по прошествии времени вызывает вполне определенное неприятие: *«Здесь непривычно что, вот… много они себе позволяют… курят, бухают… У нас в Таджикистане как бы не до такого степени…, ну там таким вещам редко занимаются. А вот здесь… например, там новогодние праздники, день радио…, они просто вот, с утра, с ночи они бухают. Че за традиция? Я вот не знаю…»* [47]. Случаются и конфликты, связанные с совместным проживанием в одной комнате представителей разных культур: *«… студент приехал – он… встает в пять утра молиться, а в это время… другие спят. Вот и как бы получается так, что другие начинают спрашивать… почему ты это делаешь, ты*

как бы учитывай, что мы тоже тут живем. Вот, ну а этому студенту, понятно, что с самого детства воспитывали, что вот в это время ты обязан вставать, … делать этот обряд, молиться и все. И поэтому бывало, что конфликты из-за этого. Но все это со временем уходит, многие стараются потише быть и, не знаю, совершать молитву в то время, когда соседей нет или многие просто не молятся. Ну, вот это как бы уже идет адаптация к новой культуре и поведение менять надо бы» [48].

Большое значение в общежитии имеет то, кто окажется соседями по комнате, в которой живут по три-четыре человека. На тех факультетах, где учится много выходцев из Таджикистана, их могут селить вместе. Там, где один-два студента, они неизбежно селятся с русскими. Сами студенты относятся к таким вариантам весьма амбивалентно. Им нравится жить с соплеменниками, но, в то же самое время, они понимают, что это негативно скажется на качестве их разговорного языка, их адаптации к культуре принимающего общества [49]. Не существует политики университетов, направленной на дисперсное расселение студентов из Таджикистана с целью их более глубокой адаптации и инкультурации. Разное воспитание девушек в России и Таджикистане также порой становится причиной конфликтов в комнате. На одном из факультетов студентку-таджичку возмутило то, что ее русская соседка по комнате приглашала в гости молодого человека. Сначала это вызывало смущение, а потом переросло в конфликт. На родине девушку с детства учили тому, что до свадьбы никаких встреч между парнями и девушками быть не должно. Конфликты у них возникали и по другим проблемам: *«в маленьком комнате мы три девушки жили, у нас был, что мы друг друга не понимали. Мне, как я приехала, мне в письмо написано было, что обеспечивать общежитием, мне дали комнату как студентка иностранный такой, более-менее условия хороший. А девушка, которая жила раньше, она приехала чуть-чуть позже, она недовольство…, говорила, что я не хочу жить с этой девушкой… Конечно, это неприятно было, когда меня обзывала: «Дура! Я с таким дуром не хочу жить». Я говорила: «Я эту комнату не выбрала, и тебя не выбрала, меня так выселили (заселили – авт.), че я виновата, что ли, что ты не хочешь со мной жить?» Потому что она девушка более-менее совре…свободная была. Мне было неприятно, но я потом, …у-у-у , как назвать… потом поняла, что это нормально (философским тоном). Ну, человек не хотела, а че? Плюс к другому потом меня выселили, очень хорошо и дружно мы жили, общались»* (с другими соседками в другой комнате – авт.) [50].

Подобно многим российским студентам, молодежь из Таджикистана в годы учебы подрабатывает на условиях гибкой занятости охранниками в клубах, кафе, ресторанах и на предприятиях, грузчиками в больших магазинах, подсобными рабочими на стройках, на работах, связанных с благоустройством. Чаще всего это «серая занятость» без заключения официального трудового договора. Официальное трудоустройство существует лишь в летних студенческих строительных отрядах. Девушки-студентки из Таджикистана стараются находить работу в фирмах своих соплеменников: *«… они, все-таки наша культура, знает этот человек, как к девушке восточной относиться. Как бы нормально, хорошо работать»* [51]. Этот рабочий опыт в период учебы дает представление о структуре занятости в регионе, уровне оплаты труда, дает навык взаимодействия с работодателями. Заработанные деньги позволяют решать повседневные проблемы. В этом отношении студенты отличаются от гастарбайтеров и своим защищенным статусом и тем, что они, как правило, не отсылают деньги в Таджикистан для поддержки родственников, а используют их на собственные нужды.

Ворота в будущее: в «клуб» или в «гетто»

Окончив российские университеты и оставшись в России для формирования своей дальнейшей жизненной траектории, таджикская молодежь становится частью российского общества. Обретенный на родине и в России личностный и социальный капитал позволяет ей определенным образом выстраивать конфигурацию социальных связей. По мнению П. Бурдьё, «Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения [15. С. 43].

Социальный капитал двойной инкультурации позволяет молодым выходцам из Таджикистана, окончившим российские университеты, символически присутствовать в социальном пространстве определенных социальных сфер обеих стран. Это символическое присутствие становится основой и для физического присвоения локусов России и Таджикистана посредством физической и социальной мобильности, что дает им доступ к «пространственным прибылям» [Там же. С. 44].

Уровень инкультурации выпускников университетов в местное сообщество может диагностироваться через их дальнейшую социальную активность в преимущественно гомогенных группах выходцев из Таджикистана или в группах, преимущественно состоящих из представителей принимающего общества. Прежде всего, это касается профессиональной деятельности, где определяющими являются профессиональные компетенции, язык и культурные паттерны. Тем, кто не смог обрести капитал, необходимый для доступа к относительно дефицитным социальным ресурсам принимающего сообщества, остается довольствоваться ресурсами менее эффективными, сковывающими развитие личностной и профессиональной траекторий. Маргинализация индивида, частично растерявшего капитал родной культуры, отдалившегося от нее и не сумевшего в должной степени сформировать за годы учебы капитал на поле принимающего общества, становится серьезной преградой для дальнейшего материального и символического присвоения социальных пространств как отдающего, так и принимающего сообществ, для формирования личностных и профессиональных траекторий.

Геттоизация мигрантов из Центральной Азии в современной России порой понимается слишком бук-

вально, как создание физических локусов, в которых обитают мигранты, лишенные возможности жить в иных, более престижных условиях. Но эта физическая локализация мигрантов в ряде городов России, во-первых, еще весьма слаба в силу социальной синкретичности городского пространства, во-вторых, она является лишь физической проекцией более широкого явления символической геттоизации. Студенты из Таджикистана в Томске и других университетских городах России не имеют никакого отношения к тем или иным формам физической геттоизации. Их повседневные практики связаны с учебой в университете, с жизнью в студенческих общежитиях. То есть на этом этапе жизни они весьма гармонично инкорпорированы в адекватное для них социальное пространство принимающего общества. Но часть из них уже в годы учебы и после окончания университетов могут испытывать определенные признаки геттоизации символической. В качестве методологической основы понимания этой ситуации можно использовать тезис П. Бурдьё об «эффекте клуба» и эффекте гетто [15. С. 48–49]. «Эффект клуба» доступен для тех, кто после окончания университета может найти работу по специальности, реализовать обретенные профессиональные компетенции и войти в соответствующие относительно высокие слои общества. Встраивание в эти слои позволяет наращивать социальные связи среди тех, кому доступны относительно дефицитные ресурсы: занятость в сфере не физического, а интеллектуального труда с перспективой роста зарплаты, карьеры в производственной и общественной сферах, доступ к работе в структурах муниципального и государственного управления, к политической деятельности, более высоким статусным позициям в матримониальной сфере.

В период учебы у студентов формируются определенные социальные связи. Чаще всего этот процесс плохо отрефлексирован, потому что только по прошествии ряда лет твой друг по студенческой группе, по дискотеке, по стройотряду или по комнате в общежитии становится заметной фигурой в экономической, политической или общественной сфере. Если друзья детства студентов из Таджикистана, различные их семейно-клановые ресурсы находятся в другом подпространстве, то дружеские связи периода юности складываются именно в студенческой среде – основном символическом и физическом локусе подпространства принимающего общества. В дальнейшем они могут стать одним из привилегированных ресурсов молодых выходцев из Таджикистана, окончивших российские университеты. Немалую роль при этом играет бинарность культуры. Часть выпускников университетов могут сделать ставку в основном на дальнейшее развитие связей в среде сверстников-этнофоров, укорененных в Томске членов таджикской диаспоры. Можно предположить, что характерной особенностью социализации выпускника на этом поле будет «прочный фундамент, но низкий потолок». То есть относительно надежная моральная опора в лице соплеменников, но невысокие перспективы роста в сфере дефицитных социальных ресурсов. Социализация на поле принимающего общества может быть образно определена как «слабый фундамент, но высокий потолок». Дружеские связи студенческих лет с представителями принимающего общества могут серьезно помочь в дальнейшем профессиональном и социальном продвижении. Но здесь большую роль играют такие «тонкие аспекты культурного и лингвистического капитала, как манера держаться, акцент и т.п.» [15. С. 50].

Обретенный за годы учебы в университете солидный социальный капитал распространяет на успешных студентов из Таджикистана «эффект клуба», открывая им доступ к существующим социальным лифтам на поле принимающего общества. В России определенной социальной опорой для них могут быть успешные однокашники из числа коренных жителей и формирующиеся из их числа поколенческие социальные сети. Межпоколенческая трансмиссия семейного капитала, характерная для коренных жителей, так же в той или иной степени может сослужить пользу для тех, кто является «членом клуба». То есть при трудоустройстве или профессиональном росте выходцев из Таджикистана могут сыграть роль семейные связи университетских однокашников из числа коренных жителей.

Подобно тому, как П. Бурдьё говорит о «концентрации позитивных полюсов всех полей», накапливающихся в столице, концентрация позитивных полюсов бинарной культуры формирует в регионе элиту диаспоры, признаваемую и этнофорами и принимающим обществом. Часть студентов из Таджикистана, окончивших российские университеты, станут частью этой элиты. Причем те, кто приехал учиться во второй половине двухтысячных годов, станут первым поколением образованных таджиков в постсоветской России. Предшествующее поколение, как правило, училось в томских университетах еще в советские годы. Этническая солидарность при совпадении интересов в рамках социальных стратегий дает не только дополнительный ресурс разным поколениям диаспоры, взаимодействующим между собой, не только реализует механизм межпоколенческой трансмиссии, но и создает некий синергетический эффект, превращающий диаспору в нечто большее, нежели простая сумма ресурсов входящих в нее индивидов. Диаспора является воплощением того социального поля, которое связывает студентов с родиной и национальной культурой. В России существует более 80 таких объединений. Их количество разнится по разным федеральным округам: «в ЦФО – 20; в ПФО – 18, в СФО – 14, в СЗФО – 11, в ЮФО – 5, в ДФО – 3, в СКФО – 1» [52]. Степень социализации на этом поле может зависеть от личностных качеств индивида, места его рождения в Таджикистане, статуса семьи там, ее принадлежности к тем или иным территориальным или клановым группировкам. Может зависеть от способности вписаться в те тренды, которые актуальны для таджикской диаспоры в локусе постуниверситетского пребывания индивида, интересов наиболее влиятельных членов диаспоры. Именно нынешнее поколение «новых русских азиатов» в лице молодых таджиков с университетским образованием будет формировать и развивать модели инкультурации этой социальной

страты в многонациональное и многоконфессиональное сообщество Сибири и России в целом.

У студентов из Таджикистана, не осиливших необходимый уровень адаптации и инкультурации за годы учебы, ее результаты могут вызывать фрустрацию, порождаемую несбывшимися ожиданиями от обучения в России: *«Я-то думал, что они подскажут, как мне, или нам, группе, как войти в …международную среду бизнеса, как… показать входы и выходы….. как создать свою компанию, там, например. И как войти в рынок, быть конкурентноспособными. Ну, мне этого не хватает реально… А про реальное вхождение, там, например, так-то нам ниче не говорят. …»* [53]. Им окажутся недоступны ресурсы последующей социализации, на которые они хотели бы рассчитывать, получив дипломы российских университетов. Они не смогут устроиться на относительно престижную интеллектуальную работу, обеспечивающую достойный уровень жизни, им окажутся недоступны каналы профессионального роста и общественного признания. Представитель таджикской диаспоры одного из крупных промышленных городов Сибири сказал, что трудоустройство выпускников университетов является очень большой и болезненной проблемой: *«…здесь, вот, в нашем крае вот такая проблема, что иностранные студенты, которые заканчивают, сложно … в дальнейшем работать здесь. Потому что не берут таких, не каждого берут, и не каждый может по профессии работать... Это очень большая головной бол для нас тоже, для молодежь, потому что мы сколько лет учились здесь, заканчивали, да, мы не можем здесь по диплому работать уже»*. На вопрос о причинах сложившейся ситуации, респондент сказал: *«Вот это проблема власти»* и добавил: *«Увидят – не русский… Такая проблема существует и здесь существует»* [54]. Обращает на себя внимание то, что респондент в качестве основного актора процесса трудоустройства называет власть, а не бизнес. Здесь, возможно, сказываются патерналистские установки, характерные для населения Таджикистана. Или образ «другого» существует для них в синкретичном виде. Русские, жизнь в России воспринимаются через единый образ государства, общества, частных предприятий. Хотя от людей с высшим образованием можно было бы ожидать иной рефлексии. Что касается выделения этнического признака в качестве основания в отказе в работе, то, вероятно, в реальных ситуациях дело связано не с этнической принадлежностью человека, а с его владением русским языком и своей специальностью. Сибирь никогда не была моноэтнической и, по словам предпринимателей, для них, прежде всего, значима компетентность специалиста, а не его этническая принадлежность. Таким образом, подобные оценки проблем с трудоустройством строятся, возможно, на искажении причинно-следственных связей. Многие выпускники университетов видят выход в том, сказал респондент, чтобы вернуться в Таджикистан, где российский диплом считается весомым аргументом при приеме на работу. Но, отметил он же, там сказывается, что полученное образование, как правило, не подкрепляется практическими навыками и соответствующими компетенциями: *«…у ребят нету практики. Учеба одно, а практика – другое. Во время учебы прохождение практики они за это короткое время они не могут.. я считаю так, что ребята не готовы»* [55]. Одним из главных барьеров к получению качественного образования и успешного выстраивания дальнейших социальных траекторий является недостаточное владение русским языком во всех трех его ипостасях – разговорного, письменного, арго профессионального поля [56]. В данной ситуации существует опасность того, что подобные выпускники будут невольно выталкиваться в социальное пространство себе подобных аутсайдеров. Собственная рефлексия и мнение окружающих будут представлять собой то, что П. Бурдьё называет эффектом «клеймения», усиливающим эффект отделенности [15. С. 49]. В этой ситуации они могут достаточно быстро примкнуть к тем слоям соотечественников, которые заняты в России малопрестижным физическим трудом с соответствующей стигматизацией. Эта символическая геттоизация может быстро конвертироваться в присвоение соответствующего физического пространства, в результате чего геттоизация превращается из символической в физическую. Эффект гетто с большой долей вероятности лишает выпускника университета тех социальных связей, которые дает «эффект клуба». Он ограничивает доступ к дефицитным ресурсам и соответствующим социальным сетям. Возникающий диссонанс между притязаниями и реальными возможностями может привести этих выпускников к фрустрации и поиску путей «восстановления социальной справедливости». При этом, во-первых, идет поиск идеологем, перекладывающих ответственность с личности на общество, во-вторых, идет поиск моральной поддержки среди людей с подобным качеством социального капитала, в-третьих, внимание с неизбежностью обращается на «имеющиеся образцы». К их числу относится и участие в организованных преступных группировках и в радикальных религиозных и террористических организациях. Эта часть молодежи испытывает проблемы, сходные с теми, которые возникают у фрустрированных таджикских гасторбайтеров из Таджикистана в России [Там же. С. 317]. Религиозные радикальные и террористические организации, в свою очередь, ведут активную пропагандистскую и организационную деятельность по привлечению подобных аутсайдеров в свои ряды.

Вернувшись в Таджикистан, эта категория выпускников российских университетов, обладающая более престижными российскими дипломами, вероятно, может рассчитывать на определенный статусный рост. Но трудности трудоустройства, связанные с высоким уровнем безработицы и значимостью принадлежности родительской семьи к тому или иному клану, низкая заработная плата и сформировавшиеся за годы учебы в России притязания к уровню жизни могут создать им немалые проблемы и на родине. Тем более что долгое отсутствие в Таджикистане так же в ряде случаев может ослабить их доступ к существующим там социальным лифтам и дефицитным ресурсам. То есть эти молодые люди, испытывающие риски возможной символической геттоизации, «будучи ли-

шены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением» [15. С. 49].

Заключение

Анализ данных Минобрнауки показывает, что студенты из Таджикистана учатся почти по всей России. Поэтому опыт томских вузов по адаптации и социализации этих студентов-мигрантов может иметь значение и для других университетских центров. Точно так же, как опыт последних может быть интересен Томску. Те выпускники университетов, которые хорошо адаптируются в принимающем сообществе, обретают необходимое качество социального капитала для дальнейшей инкультурации, становятся «членами клуба». Они привнесут свою интерпретацию феномена «Youth Bulge» в институализированном виде конкуренции за дефицитные социальные ресурсы в новом обществе в процессе его развития. А те, кто попадает в символическое, а затем и в физическое гетто, возможно, реализуют деструктивный вариант «Youth Bulge». Ими будут двигать несбывшиеся надежды и нарастающая фрустрация. Наличие пусть некачественного, но тем не менее высшего образования и соответствующих притязаний может, во-первых, толкать их на поиск «социальной справедливости» на путях деструктивной деятельности, во-вторых, обеспечивать им в гетто лидерские позиции, увлекающие других.

Нынешнее поколение образованных таджиков постепенно будет приходить на смену тем руководителям таджикской диаспоры, которые учились в томских университетах еще во времена Советского Союза. Оно продолжит развитие этой социальной группы как части многонационального и многоконфессионального сообщества Томска, Сибири. Из их среды выйдут те, чье влияние проявится в экономической, социальной, а затем, возможно, и в политической сфере. Особенно на муниципальном уровне.

Появление значительного количества выходцев из Центральной Азии, получивших в России высшее образование и оставшихся здесь жить, создающих здесь семьи, ставит вопрос о необходимости приспособления принимающего сообщества к новым реалиям. Восприятие слоя «новых русских азиатов» в России чрез призму этничности поставит трудноразрешимые проблемы в сфере управления обществом. Если же эту нарождающуюся социальную категорию рассматривать не в категориях этичности, а в категориях гражданства, то они гораздо проще впишутся в универсальные модели управления. Но для этого необходимо, чтобы они отвечали тем маркерам, которые характерны для коренного населения. Одним из главных является хорошее владение русским языком. Дети образованных выходцев из Таджикистана, оставшихся в России, окончат здесь школу и будут формировать свою жизненную траекторию на правах коренных россиян. Таджикско-русская модель билингвизма уступит место русско-таджикской. В отличие от паттернов их родителей смешанные браки станут для них, скорее, обыденностью. Другая модель, связанная с анклавизацией и геттоизацией таджиков в России, приведет к мультикультурализму в форме консервации традиционной национальной культуры, национальной ментальности, недостаточного знания русского языка, отстраненности от социальных лифтов и существования на периферии гражданской нации. Вероятность реализации той или иной модели зависит от многих обстоятельств как личных траекторий индивидов, так и социально-политических реалий России.

Данная оценка ситуации может быть учтена руководством высших учебных заведений, органами региональной власти и муниципального самоуправления. Строительство в Таджикистане пяти новых школ на средства российского бюджета и работа там учителей из России позволяет томским университетам установить партнерские связи с этим учебными заведениями, чтобы ориентировать будущих выпускников на продолжение образования в Томске. Учитывая, что в томские вузы будут поступать выпускники не только русских, но и обычных таджикских школ, университетам целесообразно усилить работу подготовительных отделений, позволяющих студентам в течение года адаптироваться к местным условиям и повысить уровень своей подготовки по русскому языку и базовым предметам. Федеральным и региональным средствам массовой информации во взаимодействии с исследователями и представителями бизнеса необходимо формировать в общественном сознании представление о «новых русских азиатах» как неотъемлемой составляющей экономического и социального развития страны, уделять внимание причинам трудностей социализации на рынке труда России выходцев из разных стран, заканчивающих российские университеты.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] В статье «Формы капитала» (журнал «Экономическая социология», 2002, № 5, с. 60–74) П. Бурдьё выделяет экономический, культурный и социальный капиталы. Причем культурный капитал рассматривается в трех состояниях: инкорпорированном, объективированном и институализированном. Под личностным капиталом я понимаю инкорпорированное состояние культурного капитала. А социальный капитал представляет собой устойчивую сеть институализированных связей индивида в разных социальных группах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савинов Л.В., Шевцова Е.В. Менеджмент миграционных процессов в Сибири: этнополитологический анализ // Вопросы управления. 2016. № 3 (40). С. 37–43.
2. Республика Таджикистан. Комплексное диагностическое исследование страны. Май 2018 // Группа Всемирного Банка. URL: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/scd (дата обращения 17.07.2017).
3. Усмонов Р.А. Таджикистан: история языковой независимости // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2014. № 5. С. 74–90. URL: http://www.publishing-vak.ru/archive-2014/history-5-usmonov.htm (дата обращения 04. 11.2017).
4. Усмонов Р.А. Русский язык в культуре и политике Таджикистана // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 2. С. 8–23 URL: http://www.publishing-vak.ru/archive/philology-2011-2-usmonov.htm (дата обращения 11.09.2016).

5. Локшин М.М., Чернина Е.М. Мигранты из Таджикистана на рынке труда России // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 1. С. 41–74. URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285553945/17_01_03.pdf (дата обращения 06.10.2015).
6. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. URL: http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014 (дата обращения 3.01.2016).
7. Список стран по ВВП (ППС) на душу населения. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения 12.12.2015).
8. Список стран по уровню рождаемости. URL: http://nonews.co/directory/lists/countries/birth (дата обращения 12.12.2015).
9. Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения 14.12.2015).
10. Gunnar Heinsohn. Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen, 2003.
11. Тигран Хзмалян. Гуннар Хайнзон: Мальчики для джихада. URL: http://5165news.com/nota-bene/ (дата обращения 15.12.2015).
12. Beehner L. The Effects of 'Youth Bulge' on Civil Conflicts. 2007.
Youth Bulges and their Socio-political Implications in Tajikistan. Sophie Roche. Foreword by Günther Schlee. 2014.
13. Безработная молодежь Таджикистана: «потерянное поколение» // Central Asia Monitor. 16-04-16. URL: https://camonitor.kz/22718-bezrabotnaya-molodezh-tadzhikistana-poteryannoe-pokolenie.html (дата обращения 12.01.2018).
14. Круглый стол «Адаптация мигрантов – фактор цивилизованного общества» // V Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) 30 ноября – 2 декабря 2015 г. Архив автора.
15. Бурдьё П. Социология политики: пер.с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
16. Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан. Утверждена постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 марта 2006 г. № 94. URL: https://docplayer.ru/61986335-Nacionalnaya-koncepciya-vospitaniya-v-respublike-tadzhikistan.html (дата обращения 16.04.2018).
17. Шарифзода М. «Мягкая сила» России в отношении Центральной Азии (на примере Таджикистана) // Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» 03.04.2017. URL: http://www.picreadi.ru/myagkaya-sila-rossii-v-tadzhikistane/ (дата обращения 24.06.2018).
18. Погодаев Н.П. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
19. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-6. Архива автора.
20. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-6. Архива автора.
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма (Душанбе, 19 сентября 1995 год) // Министерство образования и науки Российской Федерации. Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009. С. 149–154. URL: https://минобрнауки.рф/ministry/68/file/914/МС_Образование.pdf (дата обращения 14.04.2018).
22. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-12. Архива автора.
23. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4. Архива автора.
24. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-2. Архива автора.
25. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
26. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4. Архива автора.
27. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
28. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
29. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4. Архива автора.
30. Кикиани В.А., Здоровенко С.И., Бареева А.А. Этнопсихологические характеристики детей из семей мигрантов // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1748–1750. URL: https://moluch.ru/archive/115/30561/ (дата обращения: 26.05.2018).
31. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-2. Архива автора.
32. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
33. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
34. Погодаев Н.П. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
35. Панфилова Е.В. Ценности культуры досуга студенческой молодежи: результаты исследования // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 278–283. URL: https://moluch.ru/archive/43/5192/ (дата обращения: 12.04.2018).
36. Апанасюк Л.А., Даниэль Джерри Б. Преодоление ксенофобии в процессе организации социально-культурного взаимодействия студентов-мигрантов. Вектор науки ТГУ. 2013. № 4. С. 193–198.
37. Красная мечеть в Томске // Культура.РФ. URL: http://www.culture.ru/institutes/12884/krasnaya-mechet-v-tomske (дата обращения 12.11.2015).
38. Саркорова А. Чем живут таджикские мусульмане-исмаилиты // Агентство религиозной информации «Благовест» 20.09.2007. URL: http://blagovest-info.ru/index.php?id=15938&s=7&ss=2 (дата обращения 21.04.2018).
39. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
40. Козер Л.А. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. М. : Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
41. Сунниты и шииты. Историческое противоборство // Сайт Islamtoday. All about Muslim World. – 03 мая 2012. URL: https://islamtoday.ru/islam_v_mire/turcia/sunnity_i_shiity_istoricheskoe_protivoborstvo/ (дата обращения 15.06.2017).
42. Погодаев Н.П. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
43. Погодаев Н.П. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
44. Погодаев Н.П. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
45. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
46. Погодаев Н.П.Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
47. Погодаев Н.П.Интервью СТТ-2. Архива автора.
48. Погодаев Н.П. Интервью СТТ- 4.1. Архива автора.
49. Погодаев Н.П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве Томска // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 91–103.
50. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
51. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-10. Архив автора.
52. Хоперская Л.Л. Трудовая миграция из Таджикистана: новая ситуация // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В.В. Степанов. М. : ИЭА РАН, 2015–2016. С. 311.
53. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-7. Архива автора.
54. Погодаев Н.П. Интервью ТДКр-1. Архива автора.
55. Погодаев Н.П. Интервью ТДКр-1. Архива автора.
56. Погодаев Н.П. Забони русӣ: проблемы билингвизма студентов из Таджикистана в томских университетах // Миграция и мигранты в Росси и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В.В. Степанов. М. : ИЭА РАН, 2015–2016. С. 251–262.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

СТТ – студент из Таджикистана (таджик).
ТДКр – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Красноярске.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 5 ноября 2018 г.

FORMATION OF PERSONAL AND SOCIAL CAPITAL BY STUDENTS FROM TAJIKISTAN IN TOMSK: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 106–117.
DOI: 10.17223/15617793/436/12
Nikolay P. Pogodaev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru
Keywords: student migrants; social field; social capital; new Russian Asians; cultural distance; cultural shock; youth bulge.

This paper aims to analyse the process of socialisation of international students from Tajikistan in the course of their studies at universities of Tomsk. The author argues that gaining of the social capital enables young migrants from Tajikistan to gradually become a part of the Russian nation. The term “new Russian Asians” is introduced to define migrants from Central Asia who got their higher education in modern Russia, live and work here and claim access to limited resources in social, economic and, possibly, political spheres. The methodological basis of this paper is formed by the theory of “social field” of the French sociologist Pierre Bourdieu and the idea of “Youth Bulge” introduced by the German sociologist Gunnar Heinsohn who described it as “malignant demographic dominance of the youth”. The empirical data for the project, the results of which are partially outlined in this paper, were gathered in the course of individual in-depth interviews with the students of Tajik origin studying at Tomsk universities, the heads of the national Tajik diaspora of Tomsk, the Tajiks living in other Russian cities, the staff members of Tomsk universities and other actors. The part “Reasons of Student Migration from Tajikistan to Russia” is focused on demographic, social and economic factors that form the basis of the migration process. The part ““Migration Capital” of Students from Tajikistan” analyses the “assets” that Tajik youth possess in their native country, their perception of Russia and basic motives for studying in this country. The part “Formation of Personal and Social Capital in the Receiving Society: Studies, Leisure, Everyday Life, Part-Time Jobs” describes the formation of personal and social capital of migrant students in the receiving society. The author gives special attention to the binary nature of this capital that is manifested in personal characteristics of an individual. The part “Way to the Future: To “Club” or To “Ghetto”” analyses, on the one hand, the situation where an individual gains substantial capital in the receiving society and gets opportunities for further successful steps in this society and access to its limited resources. On the other hand, the author analyses the way of those who are unable to gain sufficient social and personal capital and, therefore, become outsiders. The paper presents a conclusion that “new Russian Asians” will gradually get access to the limited resources of Russia making use of their binary culture. Their perception in Russia from the ethnocentric point of view is sure to result in the rise of intractable issues for the system of social administration. If treated as a category of citizenship, this emerging social layer will be smoothly integrated in universally accepted models of social administration.

REFERENCES

1. Savinov, L.V. & Shevtsova, E.V. (2016) Management of migration processes in Siberia: Ethnopolitological analysis. *Voprosy upravleniya – Management Issues*. 3 (40). pp. 37–43. (In Russian).
2. World Bank Group. (2018) *Respublika Tadzhikistan. Kompleksnoe diagnosticheskoe issledovanie strany. May 2018* [Republic of Tajikistan. A comprehensive diagnostic study of the country. May 2018]. [Online] Available from: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/ publication/scd. (Accessed 17.07.2017).
3. Usmonov, R.A. (2014) Tajikistan: the history of language independence. *“Belye pyatna” rossiyskoy i mirovoy istorii – “White Spots” of the Russian and World History*. 5. pp. 74–90. (In Russian). [Online] Available from: http://www.publishing-vak.ru/archive-2014/history-5-usmonov.htm. (Accessed 04. 11.2017).
4. Usmonov, R.A. (2011) Russian language in culture and politics in Tajikistan. *Yazyk. Slovesnost’. Kul’tura*. 2. pp. 8–23. (In Russian). [Online] Available from: http://www.publishing-vak.ru/archive/philology-2011-2-usmonov.htm. (Accessed 11.09.2016).
5. Lokshin, M.M. & Chernina, E.M. (2013) Migranty iz Tadzhikistana na rynke truda Rossii [Migrants from Tajikistan on the labor market in Russia]. *Ekonomicheskiy zhurnal VShE*. 1. pp. 41–74. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285553945/17_01_03.pdf. (Accessed 06.10.2015).
6. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Department of Strategy, Analysis and Forecast. (2014) *Statistics 2014*. (In Russian). [Online] Available from: http://https://xn–80abucjiibhv9a.xn–p1ai/%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-2014. (Accessed 3.01.2016).
7. Wikipedia. (2015) *Spisok stran po VVP (PPS) na dushu naseleniya* [List of countries by GDP (PPP) per capita]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_(%D0%9F%D0%9F%D0%A1)_%D0%BD%D0%B0_%D0%B4%D1%83%D1%88%D1%83_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F. (Accessed 12.12.2015).
8. CIA. (2017) *Spisok stran po urovnyu rozhdaemosti* [List of countries by birth rate]. [Online] Available from: http://nonews.co/directory/lists/countries/birth. (Accessed 12.12.2015).
9. Wikipedia. (2017) *Estestvennyy prirost naseleniya sub”ektov Rossiyskoy Federatsii* [Natural growth of the population of the subjects of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8. (Accessed 14.12.2015).
10. Heinsohn, G. (2003) *Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen* [Sons and World Power: Terrorism, Rise and Fall of Nations.]. Zurich: Orell Füssli Verlag.
11. Khzmalyan, T. & Khaynzon, G. (n.d.) *Mal’chiki dlya dzhikhada* [Boys for jihad]. [Online] Available from: http://5165news.com/nota-bene/. (Accessed 15.12.2015).
12. Beehner, L. (2007) *The Effects of ‘Youth Bulge’ on Civil Conflicts*. [Online] Available from: https://www.cfr.org/backgrounder/effects-youth-bulge-civil-conflicts.

13. Central Asia Monitor. (2016) *Bezrabotnaya molodezh' Tadzhikistana: "poteryannoe pokolenie"* [Unemployed youth of Tajikistan: A "lost generation"]. [Online] Available from: https://camonitor.kz/22718-bezrabotnaya-molodezh-tadzhikistana-poteryannoe-pokolenie.html. (Accessed 12.01.2018).
14. Author's Archive. (2015) Kruglyy stol "Adaptatsiya migrantov – faktor tsivilizovannogo obshchestva" [Round table "Adaptation of migrants is a factor of civilized society"]. *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX–XXI vekakh: opyt i perspektivy* [Specificity of ethnic migration processes in the territory of Central Siberia in the XX – XXI centuries: experience and prospects] Proceedings of the V International Conference. Krasnoyarsk. 30 November – 2 December 2015.
15. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Translated from French. Moscow: Socio-Logos.
16. Tajikistan. (2006) *Natsional'naya kontseptsiya vospitaniya v Respublike Tadzhikistan. Utverzhdena postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tadzhikistan ot 3 marta 2006 g. № 94* [The national concept of upbringing in the Republic of Tajikistan. Approved by the Government of the Republic of Tajikistan on March 3, 2006, No. 94]. [Online] Available from: https://docplayer.ru/61986335-Nacionalnaya-koncepciya-vospitaniya-v-respublike-tadzhikistan.html. (Accessed 16.04.2018).
17. Sharifzoda, M. (2017) *"Myagkaya sila" Rossii v otnoshenii Tsentral'noy Azii (na primere Tadzhikistana)* [The "Soft Power" of Russia in relation to Central Asia (on the example of Tajikistan)]. [Online] Available from: http://www.picreadi.ru/myagkaya-sila-rossii-v-tadzhikistane/. (Accessed 24.06.2018).
18. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
19. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-6. Author's Archive. (In Russian).
20. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-6. Author's Archive. (In Russian).
21. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2009) Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan o sotrudnichestve v oblasti kul'tury, nauki i tekhniki, obrazovaniya, zdravookhraneniya, informatsii, sporta i turizma (Dushanbe, 19 sentyabrya 1995 god) [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on cooperation in the field of culture, science and technology, education, health, information, sports and tourism (Dushanbe, September 19, 1995)]. In: *Mezhdunarodnye soglasheniya o sotrudnichestve v sfere obrazovaniya* [International agreements on cooperation in the field of education]. [Online] Available from: https://xn–80abucjiibhv9a.xn–p1ai/ministry/68/file/914/%D0%9C%D0%A1_%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf. (Accessed 14.04.2018).
22. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-12. Author's Archive. (In Russian).
23. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4. Author's Archive. (In Russian).
24. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-2. Author's Archive. (In Russian).
25. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-13. Author's Archive. (In Russian).
26. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4. Author's Archive. (In Russian).
27. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-13. Author's Archive. (In Russian).
28. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-13. Author's Archive. (In Russian).
29. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4. Author's Archive. (In Russian).
30. Kikiani, V.A., Zdorovenko, S.I. & Bareeva, A.A. (2016) Etnopsikhologicheskie kharakteristiki detey iz semey migrantov [Ethnopsychological characteristics of children from migrant families]. *Molodoy uchenyy*. 11. pp. 1748–1750. [Online] Available from: https://moluch.ru/archive/115/30561/. (Accessed: 26.05.2018).
31. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-2. Author's Archive. (In Russian).
32. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
33. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
34. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
35. Panfilova, E.V. (2012) Tsennosti kul'tury dosuga studencheskoy molodezhi: rezul'taty issledovaniya [Values of student youth leisure culture: Research results]. *Molodoy uchenyy*. 8. pp. 278–283. [Online] Available from: https://moluch.ru/archive/43/5192/. (Accessed: 12.04.2018).
36. Apanasyuk, L.A. & Daniel, J.B. (2013) Xenophobia overcoming in the course of students migrants sociocultural interaction. *Vektor nauki TGU*. 4. pp. 193–198. (In Russian).
37. Kul'tura.RF. *Krasnaya mechet' v Tomske* [The Red Mosque in Tomsk]. [Online] Available from: https://www.culture.ru/objects/1776/krasnaya-mechet-v-tomske. (Accessed 12.11.2015).
38. Sarkorova, A. (2007) *Chem zhivut tadzhikskie musul'mane-ismaility* [How do the Ismaili Tajik Muslims live?]. [Online] Available from: http://blagovest-info.ru/index.php?id=15938&s=7&ss=2. (Accessed 21.04.2018).
39. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
40. Kozer, L.A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [Functions of social conflict]. Translated from English by O. Nazarova. Moscow: Dom intellektual'noy knigi: Ideya-press.
41. Islam Today. All about Muslim World. (2012) *Sunnity i shiity. Istoricheskoe protivoborstvo* [Sunnis and Shiites. Historical confrontation]. [Online] Available from: https://islam-today.ru/islam_v_mire/turcia/sunnity_i_shiity_istoricheskoe_protivoborstvo/. (Accessed 15.06.2017).
42. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
43. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
44. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
45. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
46. Pogodaev, N.P.Interv'yu with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
47. Pogodaev, N.P.Interv'yu with a student from Tajikistan-2. Author's Archive. (In Russian).
48. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
49. Pogodaev, N.P. (2015) Competence in the Russian language as a condition of adaptation of students from Tajikistan at the universities of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (29). pp. 91–103. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/29/10
50. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
51. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-10. Author's Archive. (In Russian).
52. Khoperskaya, L.L. (2015–2016) Trudovaya migratsiya iz Tadzhikistana: novaya situatsiya [Labor migration from Tajikistan: A new situation]. In: Stepanov, V.V. (ed.) *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* [Migration and migrants in Russia and the world: The experience of socio-anthropological and ethnographic observations]. Moscow: IEA RAS.
53. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-7. Author's Archive. (In Russian).
54. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a head / an active member of the Tajik diaspora in Krasnoyarsk-1. Author's Archive. (In Russian).
55. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a head / an active member of the Tajik diaspora in Krasnoyarsk-1. Author's Archive. (In Russian).
56. Pogodaev, N.P. (2015–2016) Zaboni rusī: problemy bilingvizma studentov iz Tadzhikistana v tomskikh universitetakh [The Russian language: Problems of bilingualism of students from Tajikistan in Tomsk universities]. In: Stepanov, V.V. (ed.) *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* [Migration and migrants in Russia and the world: The experience of socio-anthropological and ethnographic observations]. Moscow: IEA RAS.

Received: 05 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 118–123. DOI: 10.17223/15617793/436/13

УДК 172.12

О.А. Попандопуло

МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Работа выполнена в рамках реализации пакета социальной поддержки на 2017 год молодых ученых ВолГУ.

Рассматриваются модели правовой социализации человека и ее роль в становлении гражданского общества в России. В работе сделан вывод о том, что исторически обусловленной национальной моделью выступает авторитарная, однако общественный прогресс требует развития гуманистической модели правовой социализации, способствующей формированию субъект-субъектных отношений в правовой жизни. Данная модель генетически связана с модернизацией российского общества и развитием ее гражданских институтов.

Ключевые слова: правовая социализация; гражданское общество; модернизация; институты гражданского общества; правовое поведение личности.

Российское общество на данном этапе развития отличают распространение и процветание правового нигилизма, не признающего социальную ценность права, что, безусловно, негативно влияет на процессы правовой социализации молодых граждан Российской Федерации. Доминирование нигилистических настроений в значительной части общественной жизни населения нашей страны выступают значимым препятствием на пути реформирования и преобразования государственного устройства. Важность задачи теоретического исследования обусловлена современным состоянием научного знания о феномене правовой социализации человека в целом. На сегодняшний день как отечественные, так и зарубежные ученые только приступают к системному социально-философскому анализу данной проблематики, который ранее был представлен разнородной совокупностью исследований об отдельных частных свойствах и сторонах данного процесса: юридических, педагогических, психологических, социологических и т.п. В связи с этим представляется необходимым сформировать целостное представление о субстанциальных, сущностных началах правовой социализации и ее моделях в условиях становления и развития гражданского общества, поскольку вектор исследований в современном научном познании фактически направлен на анализ пассивных форм правовой социализации, когда личность является лишь объектом. Важным условием успеха правовой социализации является побуждение индивида к активным самостоятельным действиям в социуме, направленных на усвоение правовых знаний, ценностей и норм, наличие в аксиологической системе правосознания граждан такой составляющей, как индивидуальная и правовая свобода, на страже которой и должны стоять институты гражданского общества. Англо-германский исследователь и общественный деятель Р. Дарендорф справедливо отмечал: «Мне нравится думать о гражданстве как о неких шансах. Это и отличает свободное общество от несвободного. Свобода – это шанс, условие, при котором люди сами выбирают свой путь, как в том смысле, что им никто не будет мешать, так и в смысле их способности сделать такой выбор... Гражданство в этом смысле есть квинтэссенция свободы» [1. С. 193]. Свобода является базовым принципом перспективной гуманистической персоноцентрической модели правовой социализации. Только в сильном гражданском обществе, деятельность которого ориентирована на строгое подчинение закону и уважению прав человека, для личности становится возможным наиболее полно реализовать и поместить в свое сознание базовые правовое ценности.

Современному российскому государству объективно необходимо гарантировать права и свободы личности в соответствии со своими конституционными принципами, поскольку «там, где отрицается свободная индивидуальность, личность, правовое значение физического лица, там нет и не может быть права (и правового принципа формального равенства), там не может быть и каких-то действительно правовых индивидуальных и иных (групповых, коллективных, институциональных и т.д.) субъектов права, действительно правовых законов и правовых отношений и в обществе в целом, и в различных конкретных сферах общественной и политической жизни» [2. С. 3]. Формируя систему взаимоотношений человека и государства, следует ограничивать права государства и в то же время четко устанавливать права и обязанности личности. Это будет способствовать формированию гуманистической модели правовой социализации и выступать важным фактором развития гражданского общества в непростых условиях догоняющей модернизации.

Анализ типа модернизации российского общества позволяет определить социальные переменные, которые способствуют общественному прогрессу и развитию социума, а также объяснить процесс социально-правовой эволюции сознания человека. Рассматривая модернизационные процессы в российском обществе в контексте исторического развития, необходимо акцентировать исследовательский интерес «на процессе перехода от закрытой структуры "традиционного" (патриархального) общества к включению в глобализованную структуру современности» [3. С. 78], тем самым появляется возможность в качестве социальной переменной, специфичной конкретно для России, принять непосредственное влияние реформ на изменения как внутри социума,

так и отдельной личности. Это, несомненно, позволит проследить изменения в становлении и формировании модели правовой социализации в контексте управления модернизационными процессами с точки зрения исторического развития.

Классические труды, описывающие модернизацию [4–9], акцентируются на формировании индустриального общества, где модернизация протекает параллельно с индустриализацией, происходит трансформация традиционного аграрного общества в индустриальное, причем развивается она по двум направлениям: либеральному и авторитарному. Исходя из понимания модернизации как перманентного процесса, осуществляющегося посредством проведения реформ и внедрения инноваций во все сферы жизнедеятельности [10], можно с уверенностью утверждать, что российское государство и общество длительный исторический период определяли консервативные привычки и обычаи, которые имели значительное преимущество над инновациями. Это свидетельствует о преобладании традиционной авторитарной линии в управлении модернизационными процессами. Ведь Русское царство, Российская империя и Советский Союз характеризовались скачкообразной социальной и культурной динамикой развития общества, когда периоды застоя сменялись периодами догоняющей модернизацией. Это можно объяснить, прежде всего, определенным ограничением связей российского суперэтноса с глобальной социальной, религиозной и культурной средой.

В процессе социально-правовой эволюции российского общества авторитарное и либеральное направление периодически сменяли друг друга. В связи с этим возможность успешно завершить процесс модернизации традиционных социальных институтов был параллелен критическому восприятию опыта западных государств в деле модернизации. В то же время необходимость придерживаться традиций национальной культуры с ее социокультурными особенностями шло в разрез с объективной необходимостью реформирования государственных институтов. Современные исследователи, анализируя модели модернизации западного и отечественного типов, убеждаются в том, «что западные ценности зачастую способствовали эрозии имперских оснований российской системы и подготовили почву для последующего всплеска либеральных настроений» [11. С. 78]. Наличие консервативного и либерального трендов оказывало воздействие на типы и модели правовой социализации. Консервативное направление способствовало эволюции авторитарного типа, либеральное – гуманистическому.

В Российской империи реформирование происходило только путем авторитарной модернизации. Представить этот процесс можно как, с одной стороны, частичное заимствование, а, с другой – как вынужденное приспособление отдельных элементов социально-правовой жизни к необходимым в подобной ситуации задачам построения государства. Следование авторитарному направлению модернизации, несомненно, приводило к определенной перемене правовой жизни членов общества. Но следует отметить то, что процесс модернизации затрагивал в первую очередь преимущественно верхний слой общества, хотя в исторические периоды социальных революций реформированию подвергалась общественная жизнь в целом. Это, несомненно, способствовало преобладанию авторитарной линии в процессе формирования авторитарной, социоцентрической модели правовой социализации человека.

Период развития российского государства, характеризующийся активными модернизационными процессами, связан с эпохой великих петровских реформ. Россия, являясь частью европейского мира, заимствовала многие новации с Запада. Однако создавая национальные проекты по западному образцу, реформаторы мало обращали внимания на их адаптацию к особенностям социокультурной жизни российского суперэтноса. Они практически всегда не учитывали своеобразие менталитета российского народа. Согласно Ш. Эйзенштадту, подобного рода реформирование представляет собой специфический «вызов», в соответствии с которым от каждого общества должна последовать реакция, основанная на принципах, структурах и символах, вложенных в цивилизационных достижениях их многовекового развития и изменения. «Поэтому ее итогом является не обязательно усвоение социальных достижений Запада, но совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени адаптированных к мануфактурному или индустриальному производству» [12. С. 261]. Последовав впоследствии поток новаций и охватив все государство, обусловил появление критического напряжения культурно-цивилизационной системы, хаотизации социокультурной действительности, спровоцировал начало эволюции противоположной либерально-буржуазной системы. Это, безусловно, в определенной мере способствовало формированию персоноцентрической модели правовой социализации, поскольку либерализм права и свободы человека признает краеугольным камнем политико-правовой системы современного общества. В качестве основного ресурса здесь могла бы выступать сила авторитета и нравственного примера, которая призывает индивида к самореализации путем приобщения к нормам закона и порядка в государстве и обществе, а не применение силы власти, давления или манипуляции.

К концу XIX в. сложившаяся ситуация в России требовала не только радикально обновить имперскую идеологию, но и начать развивать институты гражданского общества. Этого требовали задачи очередного этапа модернизации. Российское государство в очередной раз столкнулось с потребностью в радикальных преобразованиях, обусловленных ускоряющейся исторической и социокультурной динамикой западных обществ, от которых оно стало все более отставать. Соответственно, объективно требовалась модернизация существующих моделей правовой социализации. В российском обществе фундаментальная задача по созданию эффективного, жизнеспособного синтеза авторитарно-имперской и либерально-капиталистической систем оказалась весьма затруднительной для ее выполнения. М. Вебер, анализируя

социальную жизнь российского государства в начале XX в., писал: «… страна, еще каких-то 100 лет назад напоминавшая своими наиболее укорененными в национальной традиции институтами монархию Диоклетиана, не может найти такую формулу реформы, которая имела бы местные "исторические" корни и была бы при этом жизнеспособной» [13. С. 126]. Соглашаясь с ним, В.В. Кибальчич, революционер и деятель коммунистической партии, известный под псевдонимом Виктор Серж, пишет: «Приверженность последнего российского императора Николая II консерватизму, боязнь гражданской активности, стремление действовать в рамках, задаваемых российской социокультурной традицией, причем не только в сфере властного управления, но и в повседневной жизни, непонимание динамично изменяющегося европейского мира привели империю к катастрофе» [14. С. 60]. На этом этапе исторического развития России предлагался очередной исторический выбор: принять европейский путь развития, предполагающий применение модели либеральной модернизации (и соответствующей ей национальной модели правовой социализации, в которой ведущую роль играют институты гражданского общества), либо продолжать авторитарную, имперскую линию развития, которая не «воспринимала» ценность гражданского общества. По какому пути пошла наша страна, нам хорошо известно.

Социокультурная динамика в стиле европейских обществ вызывала необходимость ускоряющейся модернизации, поскольку российское общество и власть длительное время пытались применять устаревшие инструменты и социальные институты, которые не имели большого эффекта. «Когда правительство, вместо того чтобы вести народ путем постепенных улучшений, останавливает всякое развитие гражданских институтов и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстывать потерянное время» [15. С. 509].

В период очередного, советского этапа модернизации возникла необходимость решать те исторические проблемы, которые в европейской цивилизации уже давно были решены. Советскому Союзу удалось восстановить государство на совершенно новом идеологическом фундаменте, который в итоге детерминировал авторитарный тип социоцентрической модели правовой социализации. Идеология марксизма столкнулась с «пластом архаической жизни, тысячелетней консервативной культурой крестьянства, сохранившего в своих обычаях и преданиях нечто от незапамятных времен» [11. С. 80] в России. Специфика советского общества в немалой степени обусловлена своеобразием русского менталитета. Как отмечал В.В. Шульгин, «идея большевизма все-таки выступает азиатским элементом, который "сидит" в той или иной степени в каждом из русских» [16. С. 146]. Появиться и укрепиться система политической власти советского государства смогла благодаря тому, что отражала ведущую, основополагающую потребность общества – необходимость в «собирании русских земель», в завершении кризиса и развала государственного аппарата и укреплении центральной власти. Естественные права и свободы человека были принесены в жертву этатизма, который стал основополагающим принципом формирования модели правовой социализации.

Советские модернизационные преобразования разрушили одни основы общества, но создали другие, при этом отдельные оставшиеся элементы традиционного российского общества трансформировали в новую сложившуюся структуру. На «свалку истории» большевики отправили и зарождающиеся с конца XIX в. институты гражданского общества. Произошло полное вытеснение персоноцентрических моделей правовой социализации. Усиление авторитарного вектора социализации способствовало развитию методов и механизмов с установками, противоречащими либеральному развитию общества. Итогом данных процессов явился расцвет в общественной среде как политического радикализма, так и правового идеализма и нигилизма. Исследователь модернизационных процессов в Советской России Е.Г. Ясин писал: «Нас в новых формах, с новыми словами погрузили в еще больший феодализм, который взял на себя миссию вырвать Россию из отсталости, построить передовую индустрию... феодальными методами» [17. С. 67]. Результатом этого явилось и применение террора, имеющего под собой не только идеологическое толкование, но и который выступал попыткой, применяя крайние формы насилия, привития человеку некого нравственного императива.

История развития и становления российского государства свидетельствует о том, что социокультурная система общества диктует существование внешних форм контроля над человеком в процессе его правовой социализации, саморегуляция правосознания не стала основополагающей в России ни в царский, ни в советский, ни в постсоветский периоды. «В рыхлую, нестойкую среду ворвалась бешеная индустриальная горячка с ее военно-террористической хваткой... а главное с вовлечением в индустриальное пекло огромных толп мещанства, деревенщины, толкаемой разорением и боязнью мобилизации прямо в пасть индустриального Молоха, который потряс этих людей до самых основ их душевного и умственного строя...» [18. С. 152]. «Всполошенная» социальная практика затруднила создание четкой системы ценностно-смысловых ориентиров правосознания, необходимой для любой национально-государственной модели правовой социализации.

В результате социальных и политических трансформаций образовалась благоприятная почва для проявления в среде российского общества дифференцирующих факторов и элементов вместо необходимых интегрирующих условий. Руководству страны необходимо было сделать очередной выбор: переход к либеральному стилю реформирования или продолжение установления авторитарной модели модернизации. Советское государство, занимающее на тот период ведущее место в правовом становлении молодого поколения, находилось под сильным влиянием коммунистической идеологии, в соответствии с которой право и государство отомрут в скором времени. В связи с этим, установленные стандарты законопо-

слушного поведения невозможно соотнести с критериями морали и права. В современном российском обществе идеал Сталина все более закрепляется в паттернах авторитарного типа социоцентрической модели правовой социализации.

В современный период развития российского государства «сформировалось поколение граждан, первичная правовая социализация которых прошла в условиях относительной свободы. Это поколение преимущественно ориентировано на включение в формирующееся глобальное мировое сообщество, институциональная среда и в меньшей мере ценностно-нормативная система которого генеалогически восходят к западной цивилизации. Развитие российского общества медленно, но уверенно двигается в сторону, противоположную традиционализму» [19. С. 211–212]. «После столетий общинного и государственного коллективизма наметился сдвиг в сторону индивидуализма с его приоритетом личных интересов над коллективными. В обществе обнаруживается доминирование модернистских установок, наблюдается ломка старых стереотипов, давно сложившихся ценностей социально-экономической и политико-идеологической реальности» [20. С. 139–142].

Формирование гуманистической персоноцентрической модели в контексте современного модернистского тренда не является такой уж жесткой антитезой традициям, напротив, она представляется в качестве естественной трансформации системы гуманистических воззрений во времени, и соответствующими изменениями в согласии со сложившимися персоноцентрическими взглядами на окружающий мир и действующие социальные институты [21. С. 64]. Модернизация, выступающая фактором и условием социокультурных изменений, процесс длительный и весьма сложный, итогом которого должно стать сформированное на гуманистических принципах гражданское общество. Оно есть плод исторического развития, показатель цивилизованности общества, в этой роли оно предполагает наличие определенной степени достижения справедливости, равенства и свободы. Наличие развитых институтов гражданского общества отражает высокий уровень не только правовой, а так же материальной и духовной составляющей культуры российских граждан, поскольку «гражданин» – «это, прежде всего, сознательный член общества, сочетающий свои личные интересы с общественными» [22. С. 155].

Рассматривая процесс правовой социализации в условиях формирования российского гражданского общества, необходимо указать на два направления исследования специфики взаимоотношений государственной власти и гражданского общества, которые применимы и к российскому гражданскому обществу. Одна из них идет от Дж. Локка; вторая – от И. Канта. Первый в своих работах утверждает такой тип государства, который при помощи комплекса законов защищает потребности гражданского общества, передавшего эту функцию, основываясь на общественном договоре. Понятие «правовое гражданское общество», применимое впервые И. Кантом, сформировалось из понимания им неотделимости государства и гражданского общества, его «впечатанности». С этим следует лишь отчасти согласиться, поскольку, с одной стороны, гражданское общество и государство с его правом и системой правоохранительных органов не может находиться по разные стороны; с другой – государство не должно доминировать над гражданским обществом. Канту удается дать достаточно полную аксиологическую трактовку сущности гражданского общества, заключающуюся в том, что необходимые ценностные составляющие приобретаются не при помощи негосударственной сферы, противоположной государственной власти, а путем сложившихся взаимоотношений с государством. Эти ценности и должны быть отражены в национально-государственной модели правовой социализации.

В отечественном философском дискурсе так же отмечаются подобные взгляды на специфический процесс становления институтов гражданского общества в России. В исследовании Л.С. Васильева «История Востока» автор доказывает, что противопоставление Запада и Востока берет свое начало в античный период, а именно когда частная собственность в Древней Греции начала преобладать. «Начиная с античной Греции в цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая была представлена многими вариантами, различающимися в разных районах мира, но принципиально сходными, однотипными в главном: им не были знакомы ни господствующая роль частной собственности, ни античное “гражданское общество”. С тех пор существуют два пути развития человечества» [23. С. 235].

Гражданское общество в сегодняшней России обусловлено сложившимися механизмами правовых взаимоотношений человека и государства, собственности и труда, регулируемые правом и обеспеченные силой государства [24]. Слабым государством не обеспечивается нормальное функционирование правовой плоскости гражданского общества, вследствие чего и процесс успешной правовой социализации граждан проходить не может. Гражданское общество – это совокупность индивидов в конкретной правовой реальности, которая кардинально изменяет систему взаимоотношений между человеком и государством. «В рамках правового поля смысл гражданского общества сводится к выполнению двух главных функций: обеспечение свободы, включающей безопасность жизни и жизнедеятельности каждого гражданина этого общества, и соблюдение принципа справедливости, без которой не может быть свободы и индивидуальной выживаемости» [25. С. 24]. При формировании национальной модели правовой социализации необходимо учитывать интересы как личности, так и общества и государства. На уровень интересов человека, формирующихся в сфере его частной жизни, которые можно определить как «частные интересы», могут сводиться и общественные, и даже государственные. Важно, чтобы общественные фундаментальные интересы переходили у человека во внутреннюю систему убеждений и понимались им как личные, неотделимые от его «Я». В процессе правовой социализации частная жизнь человека имеет собственную структуру. Сово-

купность экзистенциальных качеств частной правовой жизни приобретают социальный смысл при условии их общественного признания и правового санкционирования. Это необходимо учитывать при формировании современной модели правовой социализации.

Таким образом, процесс правовой социализации россиян на сегодняшний день имеет ряд особенностей и, главное, реализуется путем ориентации на ценностную концепцию того социального объединения, участником которого человек выступает, а не в целом на систему общественно-правовых ценностей российского социума. В сложившихся условиях складывается понимание того, что правовая социализация человека зависит только от него самого. Учитывая такой характер правовой социализации человека, необходимо отметить, что, несмотря на всю традиционную критику современной молодежи, сегодня вполне сформировалось то поколение граждан России, которым по силам развивать институты гражданского общества, которое, в первую очередь, способствует формированию и становлению гуманистической персоноцентрической модели правовой социализации человека. Специфика развития гражданского общества в России характеризуется непроявленностью и противоречивостью притязаний к формирующемуся правовому облику нового человека, сужением плоскости жизненных ориентаций и убеждений, искажением и обеднением культурной, образовательной, нравственной и политической составляющей социальной деятельности российских граждан. В данной ситуации первостепенной задачей выступает формирование в личностной структуре человека внутреннего защитного механизма от правового нигилизма и идеализма, а также нетерпимого отношения к отступлению от базовых принципов нормальной жизнедеятельности. Необходимость системы гражданско-правового воспитания, формирования национально-государственного сознания и создание современной модели правовой социализации человека являются необходимыми условиями становления институтов гражданского общества. Безусловно, важнейшим фактором успешности модернизационных процессов в российском обществе выступают реализация и внедрение гуманистического типа персоноцентрической модели правовой социализации в общественную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь. 1993. № 3. С. 179–191.
2. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
3. Шмаков В.С. Модернизация в России: от традиции к глобализму // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2007. Т. 5, вып. 2.
4. Конт О. Общий обзор позитивизма М. : Наука, 2011.
5. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск, 2007.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого Рейнского ландтага: Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955.
7. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995.
9. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002.
10. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М. : Едиториал УРСС, 2004.
11. Узлов Ю.А. Модернизация как фактор развития российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 78–80.
12. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Академия, 1999.
13. Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5 (20).
14. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Москва ; Оренбург, 2001.
15. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М. : Наука. 2000.
16. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится…». СПб., 1992.
17. Ясин Е.Г. Прелюдия // Знание – сила. 2001. № 2. С. 67.
18. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М. : Академия, 2001.
19. Бабаскина В.В. Особенности использования государственных и общественных механизмов управления правовой социализацией в России // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 3. С. 211–212.
20. Баранов П.П. Политико-правовые формы взаимодействия российского гражданского общества и государства // Философия права. 2007. № 4. С. 139–142.
21. Попандопуло О.А., Васильева Е.Н., Галкин А.П. Перспективы становления гуманистической модели правовой социализации человека в российском обществе // Политика и общество. 2016. № 1. С. 56–64.
22. Доманов В.Г. Инвариативность концепции и процессов становления гражданского общества в современном мире: российский опыт. Ростов-н/Д : Южный федеральный университет, 2008.
23. Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. М. : Высш. шк. 1993. Т. 1.
24. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Проблемы верификации конституционных норм // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 48–58.
25. Орлова И.В. Социально-философский анализ гражданского общества как формы бытия современной демократии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 3 октября 2018 г.

A LEGAL SOCIALIZATION MODEL IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF MODERNIZATION MANAGEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 118–123.
DOI: 10.17223/15617793/436/13

Olga A. Popandopulo, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: olga_popandopulo@list.ru

Keywords: legal socialization; civil society; modernization; civil society institutions; legal behavior of individual.

An attempt has been made to determine the role and place of the legal socialization of a person in social development, the significance of its humanistic person-centered model, which is a fundamental factor in the development of a civil society in modern

Russia. Evaluation of modernization processes in Russian society in the context of historical development has created the need to shift the focus of research on the transition from a closed structure of a "traditional" (patriarchal) society to its inclusion in the globalized structure of modernity (transition to civil societies). Thus, as a social variable that is specific to Russia, the author used the assessment of the direct impact of reforms on changes both within society and an individual, which made it possible to track changes in the formation and formation of a model of legal socialization in the context of modernizing management. An analysis of the classic works exploring the formation of an industrial society, in which modernization proceeds in parallel with industrialization, made it possible to establish two directions of development – liberal and authoritarian, which periodically replaced each other in the process of the social and legal evolution of Russian society. In the Russian Empire, reform took place only along the path of authoritarian modernization and affected mainly the upper stratum of Russian society, although in historical periods of social revolutions changes were also made in public life as a whole. This undoubtedly contributed to the predominance of the authoritarian line in the formation of the national model of the legal socialization of man. The period of development of the Russian state, characterized by active modernization processes, is associated with the era of the great reforms of Peter the Great. Being a part of the European world, Russia had to borrow many innovations from the West, but, creating national projects by the Western model, reformers paid little attention to their adaptation to the peculiarities of the socio-cultural life of the Russian population. By the end of the 19th century, the state once again faced the need for radical transformations due to the accelerating historical and sociocultural dynamics of Western societies, which it became increasingly behind. At this stage of development, Russia again faced a historic choice: to adopt the European path of development, involving the use of a model of liberal modernization (and the corresponding model of legal socialization, in which civil society institutions play a leading role), or continue authoritarian development that did not perceive the value of a civil society. During the Soviet stage of modernization, it became necessary to solve the historical problems that were solved long ago in the European civilization. The USSR managed to restore the state on a completely new ideological foundation, which ultimately determined the authoritarian type of the sociocentric model of legal socialization. In the modern period of development of the Russian state, modernization is a factor and condition for sociocultural changes, it is a long and very complex process, the result of which should be a civil society formed on humanistic principles.

REFERENCES

1. Darendorf, R. (1993) Moral', instituty i grazhdanskoe obshchestvo [Morals, institutions and civil society]. *Put'*. 3. pp. 179–191.
2. Nersesyants, V.S. (2002) Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kontseptsiya [Philosophy of Law: Libertarian legal concept]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–15.
3. Shmakov, V.S. (2007) Modernizatsiya v Rossii: ot traditsii k globalizmu [Modernization in Russia: from tradition to globalism]. *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*. 5(2).
4. Compte, A. (2011) *Obshchiy obzor pozitivizma* [A general view of positivism]. Translated from French. Moscow: Nauka.
5. Spenser, G. (2007) *Lichnost' i gosudarstvo* [Personality and State]. Translated from English. Chelyabinsk: Sotsium.
6. Marks, K. & Engels, F. (1955) *Debaty shestogo Reynskogo landtaga: Debaty o svobode pechati i ob opublikovanii protokolov soslovnogo sobraniya* [Debates of the Sixth Rhine Landtag: Debates on freedom of the press and on the publication of the minutes of a class meeting]. Translated from German. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
7. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
8. Durkheim, E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Translated from French by A. Gofman. Moscow: Kanon.
9. Tonnies, F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and society. Basic terms of pure sociology]. Translated from English. St. Petersburg: Izd-vo "Vladimir Dal'".
10. Gavrov, S.N. (2004) *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of empire. Socio-cultural aspects of the modernization processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS.
11. Uzlov, Yu.A. (2011) Modernizatsiya kak faktor razvitiya rossiyskogo obshchestva [Modernization as a factor in the development of Russian society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 1. pp. 78–80.
12. Eisenstadt, S. (1999) *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and transformation of societies. A comparative study of civilizations]. Translated from English. Moscow: Akademiya.
13. Weber, M. (1997) K sostoyaniyu burzhuaznoy demokratii v Rossii [On the state of bourgeois democracy in Russia]. Translated from German. *Rubezhi*. 5 (20).
14. Serge, V. (2001) *Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera* [From revolution to totalitarianism: Memoirs of a revolutionary]. Translated from French. Moscow; Orenburg: Orenburg. kniga.
15. Chicherin, B.H. (2000) Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya [Russia on the eve of the twentieth century]. In: Abramov, M.A. & Fedorovoy, M.M. *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)* [On Freedom: An Anthology of World Liberal Thought (1st half of the 20th century)]. Moscow: Nauka.
16. Shul'gin, V.V. (1992) *"Chto nam v nikh ne nravitsya…"* ["What we don't like about them . . ."]. St. Petersburg: Khors.
17. Yasin, E.G. (2001) Prelyudiya [Prelude]. *Znanie – sila*. 2.
18. Kheveshi, M.A. (2001) *Tolpa, massy, politika: Ist.-filos. ocherk* [Crowd, masses, politics: A historical-philosophical essay]. Moscow: Akademiya.
19. Babaskina, V.V. (2010) Osobennosti ispol'zovaniya gosudarstvennykh i obshchestvennykh mekhanizmov upravleniya pravovoy sotsializatsiey v Rossii [Features of the use of state and public mechanisms of legal socialization management in Russia]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 3. pp. 211–212.
20. Baranov, P.P. (2007) Political and legal forms of interaction of the Russian civil society and the state. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 4. pp. 139–142. (In Russian).
21. Popandopulo, O.A., Vasil'eva, E.N. & Galkin, A.P. (2016) Perspektivy stanovleniya gumanisticheskoy modeli pravovoy sotsializatsii cheloveka v rossiyskom obshchestve [Prospects for the formation of a humanistic model of the legal socialization of man in Russian society]. *Politika i obshchestvo*. 1. pp. 56–64. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.1.14444
22. Domanov, V.G. (2008) *Invariativnost' kontseptsii i protsessov stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v sovremennom mire: rossiyskiy opyt* [Invariance of the concept and processes of the formation of a civil society in the modern world: The Russian experience]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
23. Vasil'ev, L.S. (1993) *Istoriya Vostoka: v 2 t.* [History of the East: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Vyssh. shk.
24. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2014) Problems of verification of constitutional norms. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10 (214). pp. 48–58. (In Russian).
25. Orlova, I.V. (2007) *Sotsial'no-filosofskiy analiz grazhdanskogo obshchestva kak formy bytiya sovremennoy demokratii* [Socio-philosophical analysis of civil society as a form of modern democracy]. Abstract of Philosophy Cand. Dis. Moscow.

Received: 03 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 124–130. DOI: 10.17223/15617793/436/14

УДК: 911.3 + 323.2

П.Л. Попов, А.А. Черенев, В.Г. Сараев

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ПОДДЕРЖКИ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В ГД РФ 2016 г.

Рассматриваются корреляции результатов выборов в Государственную Думу 2016 г. (% избирателей, поддержавших каждую из трех основных партий) на уровне регионов (субъектов РФ), с тремя показателями. Статья включает три раздела, в каждом из которых рассматриваются, поочередно, эти показатели. Первый показатель – социально-экономические явления на уровне региона. Второй показатель – результаты тех же выборов на уровне макрорегионов, к которым принадлежат соответствующие регионы. Третий показатель – социально-экономические явления на уровне макрорегионов, к которым принадлежат соответствующие регионы. С учетом этих корреляций для каждого показателя установлены четыре типа регионов.

Ключевые слова: выборы в 2016 и 2018; «Единая Россия»; КПРФ; ЛДПР; корреляция; регион; макрорегион; потенциальное повышение или понижение поддержки партии.

Введение

Электоральная география – неотъемлемая часть политической географии. Одной из первых работ с описанием связи интересов людей с их потребностями на различных территориях была книга А. Тюрго «Размышления о создании и распределении богатств», написанная им в 1766 г. Именно Тюрго считают автором термина «политическая география». Родоначальником политической географии как отдельной научной дисциплины принято считать Ф. Ратцеля, который в своей работе «Политическая география» (1897) увязывал развитие государства со спецификой его географического положения и географических условий.

Основоположником электоральной географии является французский ученый А. Зигфрид, который занимался выявлением взаимосвязей между политикой и географией. Первой крупной работой по электоральной географии является его труд «электоральная геополитика», вышедший в 1913 г. и посвященный географии голосований во Франции. В дальнейшем подход А. Зигфрида получил название экологического. Главная идея заключалась в практической необходимости изучения политических предпочтений населения, проживающего в определенной местности, и определении «привилегированных территорий» у каждой из политических партий, т.е. выделение политических регионов и климата.

В дореволюционной России в трудах выдающихся русских географов – Н.П. Огарева (его районирование России включало политико-географические элементы), П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.П. Семенова-Тян-Шанского – были заложены основы отечественной политической географии [1].

Изучение электоральных процессов на региональном уровне с учетом комплексной характеристики жизнедеятельности населения субъектов РФ позволяет определить политические силы, с которыми население связывает улучшение жизненных перспектив, и наметить стратегические ориентиры оптимальной электоральной политики на местах. Различные аспекты данного круга проблем рассматривались в трудах ряда отечественных и зарубежных ученых. Пространственно-временная картина электоральной реальности на уровне РФ или регионов изучалась А.А. Дегтяревым [2. С. 157–162], Е.А. Покровским [3. С. 245], А.Г. Манаковым [4], Н.В. Петровым [5. С. 72], Р.Ф. Туровским [6], Р. Джонстоном [7. P. 585], Дж. Хеппена [8. P. 201]; психологические аспекты проведения выборов были многосторонне рассмотрены К.С. Жуковым [9]; теоретические аспекты применения математических методов к электоральным процессам анализировались в трудах А.С. Ахременко [10, 11]; теоретическая и методологическая база разрабатывалась В.В. Лапкиным [13. С. 59–72], Б.М. Ишмуратовым [14. С. 7–12], В.П. Максаковским [15], Н.А. Нартовым [16], Н.П. Огаревым [17], Ю.Г. Саушкиным [18], Б.Н. Чичериным [19], Дж. О'Луглина [20. P. 270]. Концептуальные наработки перечисленных авторов позволили нам перейти при анализе электоральных явлений к применению методов математической статистики. В нашем исследовании методы математической статистики применяются для анализа электоральных процессов на уровне совокупности субъектов РФ и при учете большого массива социально-экономических явлений.

Социальные характеристики субъекта РФ оказывают влияние на электоральное поведение его населения. Это – факт несомненный и заслуживающий всестороннего изучения. При разработке методологических подходов нами учитывались работы применения. Нами [21. С. 77] была предпринята попытка выяснить, с каким комплексом социальных признаков субъекта РФ связана поддержка каждой из трех основных политических партий – Единой России (ЕР), КПРФ, ЛДПР – на выборах в ГД РФ 2016 г. На основе полученных результатов была предложена типология регионов РФ, учитывающая как уровень поддержки основных политических партий, так и выраженность комплекса социально-экономических признаков, благоприятствующих ее поддержке. Это рассмотрение целесообразно дополнить рассмотрением связи электоральных предпочтений населения региона с электоральными предпочтениями населения макрорегиона, к которому относится соответствующий регион. Поскольку оба рассмотрения основаны на едином подходе и мыслятся нами именно как сочетающиеся между собой, начнем с краткого изложения опубликованного материала по связи электоральных и социально-экономических характеристик регионов.

Типологизация субъектов РФ, основанная на учете соотношения «уровень поддержки определенной партии / полнота комплекса социальных признаков, благоприятствующих ее поддержке»

Социальным признаком субъекта РФ называем повышенное, или, напротив, пониженное (по отношению к среднему значению по субъектам РФ) количественное значение определенного социального явления; например повышенное значение продолжительности предстоящей жизни в Воронежской области является одним из ее социальных признаков, а пониженное значение этого показателя – одним из социальных признаков Новгородской области. С помощью корреляционного анализа были выявлены связи результатов выборов в ГД РФ с социальными явлениями на уровне совокупности субъектов РФ.

Было установлено 16 признаков, благоприятствующих голосованию за ЕР, 14 признаков – голосованию за ЛДПР и 8 признаков – голосованию за КПРФ. В том или ином регионе РФ присутствует до 16 признаков, благоприятствующих голосованию за ЕР, до 14 – за ЛДПР, до 8 – за КПРФ. Коэффициент корреляции доли голосов, поданных за определенную партию в регионе, с количеством признаков региона, благоприятствующих голосованию за нее, равен для ЕР 0,80; для ЛДПР – 0,75; для КПРФ – 0,4. Уровень статистической достоверности при данной величине выборки достигается при величине коэффициента корреляции не ниже по абсолютной величине 0,22. На основе этих результатов были предложены подход к оценке устойчивости поддержки партии в регионе и, соответственно, подход к оценке перспектив поддержки кандидатов от этих партий на президентских выборах 2018 г.

Если в регионе фактически оказана поддержка определенной партии на выборах в ГД 2016 г. (эта партия получила здесь больше голосов, чем в среднем по стране) и, вместе с тем, присутствует и больше половины от комплекса признаков, благоприятствующих голосованию за эту партию, – такой субъект РФ можно назвать регионом устойчивой поддержки данной партии. Обозначаем такой тип регионов как тип 1. Если в регионе данная партия получила меньше голосов, чем в среднем по стране, и в регионе присутствует меньше половины от комплекса признаков, благоприятствующих голосованию за данную партию, такой субъект можно назвать регионом устойчиво-пониженной поддержки данной партии (тип 2). Если в регионе данная партия получила больше голосов, чем в среднем по стране, но имеет меньше половины от комплекса благоприятствующих признаков, такой субъект РФ можно назвать регионом потенциального понижения поддержки данной партии (тип 3). Если в регионе фактически партия получила меньше голосов, чем в среднем по стране, и присутствует больше половины комплекса благоприятствующих данной партии признаков, то такой регион можно назвать регионом потенциального повышения поддержки данной партии (тип 4). Есть основания считать, что регионы потенциального повышения поддержки определенной партии являются для нее перспективным полем предвыборной деятельности, а регионы потенциального понижения поддержки – слабым звеном, тоже требующим специальных усилий. В случае повышения или, напротив, понижения авторитета партии в масштабах страны, изменения, предположительно, коснутся в большей степени регионов потенциального повышения ее поддержки (в первом случае) или потенциального понижения поддержки (во втором). Эти выводы относятся и к прогнозируемым результатам президентских выборов 2018 г. [21. С. 80].

Но электоральные предпочтения населения региона имеют связи не только с наличием в данном регионе определенной группы социальных явлений (когда определенное электоральное предпочтение, в аспекте распространения по субъектам РФ, тяготеет к определенному комплексу социальных явлений). Они, эти предпочтения, связаны также с электоральными предпочтениями территориально близких регионов (когда определенное электоральное предпочтение, в аспекте распространения по субъектам РФ, тяготеет к группам территориально смежных и нередко близких в ряде других отношений субъектов РФ). Это обстоятельство известно – вспомним понятие «Красный пояс», отражающее ареал повышенной поддержки КПРФ в 1990-е гг., охватывавший Центральное Черноземье и некоторую часть Поволжья и Урала.

В качестве средства группировки регионов, взаимно близких в территориальном, во многих случаях в физико-географическом и культурном отношениях, можно использовать известную сетку экономических районов России (их выделяют обычно около 10). В контексте нашего исследования, однако, их целесообразно называть макрорегионами, поскольку у нас речь идет не об экономических явлениях.

Типологизация субъектов РФ, основанная на учете соотношения «уровень поддержки определенной партии / уровень поддержки данной партии в остальной части макрорегиона, в который входит данный субъект»

Субъект РФ, в котором фактически оказана повышенная (по отношению в среднему уровню по стране) поддержка определенной партии, находящийся в макрорегионе, в остальной части которого поддержка данной партии (в среднем по соответствующим субъектам РФ) также повышена, будем называть регионом устойчиво-повышенной поддержки данной партии (тип 1). Субъект РФ, в котором фактически оказана пониженная поддержка определенной партии и находящийся в макрорегионе, в котором и в остальной части в среднем по соответствующим субъектам поддержка данной партии также понижена, будем называть регионом устойчиво-пониженной поддержки данной партии (тип 2). Субъект РФ, в котором фактически партии оказана повышенная поддержка, находящийся в макрорегионе, в остальной части которого поддержка данной партии понижена, будем называть регионом потенциального понижения поддержки данной партии (тип 3). Субъект РФ, в котором фактически оказана пониженная поддержка определенной

партии, находящийся в регионе, в остальной части которого поддержка данной партии повышена, будем называть регионом потенциального повышения поддержки данной партии (тип 4).

Чтобы не смешивать типы 1–4, выявленные при учете социальных признаков (об этих типах речь шла выше) с типами 1–4, выявленными при учете электоральных предпочтений на уровне макрорегионов, будем первые называть С-типами (от слова «социальный»), а вторые – М-типами (от слова «макрорегион»).

Проверить предположение, согласно которому, по результатам выборов в ГД РФ 2016 г., связь электоральных предпочтений на региональном и макрорегиональном уровнях существует, можно, определив на совокупности субъектов РФ коэффициент корреляции между количеством голосов, поданных за определенную партию в каждом регионе, с количеством голосов, поданных за эту партию в остальной части макрорегиона, к которому относится регион.

Выясняется, что для ЕР коэффициент корреляции равен 0,62; для ЛДПР – 0,70; для КПРФ – 0,05, т.е. поддержка этой партии на данных выборах не обнаруживает достоверной связи макрорегиональных и региональных показателей. Но именно наличие такого рода связи, как и наличие достоверной связи электоральных предпочтений с социально-экономическими признаками региона, позволяет выявлять типы регионов устойчиво-повышенной, устойчиво-пониженной поддержки партии, потенциального повышения или понижения ее поддержки. Следовательно, для КПРФ выявление М-типов по материалам данных выборов нецелесообразно. Выявление С-типов имеет смысл, потому что связь поддержки КПРФ с социально-экономическими признаками региона хотя и слабее аналогичных связей ЕР и ЛДПР, но все же достоверна [22. С. 85].

Типологизация субъектов РФ, основанная на учете соотношения «уровень поддержки определенной партии / полнота комплекса социальных признаков, благоприятствующих ее поддержке в остальной части макрорегиона, в который входит данный субъект»

Существует и связь фактически оказываемой поддержки на уровне региона (это показатель, учитываемый при выявлении всех типов электоральной предрасположенности регионов) и социально-экономических признаков поддержки на уровне макрорегиона. Если один вариационный ряд образуют результаты определенной партии по субъектам РФ, а другой вариационный ряд – количества признаков поддержки этой партии в остальной части макрорегиона, к которому принадлежит данный регион, то корреляции по партиям будут выглядеть следующим образом: ЕР 0,62; КПРФ 0,19; ЛДПР 0,67. Сохраняется закономерность, установленная и для двух других типологизаций: корреляции результатов КПРФ с рассматриваемым показателем слабее (вплоть до потери статистической достоверности) корреляций результатов ЕР и ЛДПР.

В данном случае можно применить тот же подход, что и при соотнесении фактически оказываемой поддержки партии на уровне региона с фактически оказываемой поддержкой на уровне макрорегиона (М-типы) или с полнотой комплекса признаков поддержки на уровне региона (С-типы). Можно выделить третий алгоритм, в соответствии с которым выявляется особая группа типов регионов. Их назовем СМ-типами. СМ-тип 1 – это регион устойчиво-повышенной поддержки партии, когда партия в определенном субъекте имеет результаты выше средних по регионам РФ и при этом в макрорегионе, к которому относится данный регион, социально-экономические признаки поддержки партии также представлены более полно, чем в среднем по РФ. СМ-тип 2 (регион устойчиво-пониженной поддержки) означает противоположный случай – когда в регионе поддержка партии снижена, а в макрорегионе признаки поддержки также представлены менее полно, чем в среднем по РФ. СМ-тип 3 (регион потенциального понижения поддержки) – если в регионе поддержка партии повышена, а социально-экономические признаки поддержки партии в макрорегионе представлены менее полно, чем в среднем по РФ. СМ-тип 4 – если в регионе поддержка партии понижена, а в макрорегионе признаки поддержки представлены более полно, чем в среднем по РФ.

Таким образом, в содержаниях всех рассматриваемых «буквенных» типов (С, М, СМ) есть общая часть – это фактически оказываемая поддержка соответствующей партии на уровне региона (субъекта Федерации). Каждый из этих типов имеет и особенную, отличающую от двух других типов, часть в содержании. В случае С-типа это полнота набора социальных признаков, благоприятствующих голосованию на региональном уровне за определенную партию, в случае М-типа – это фактически оказанная поддержка данной партии на макрорегиональном уровне и в случае СМ-типа – полнота набора социальных признаков, благоприятствующих голосованию за данную партию на макрорегиональном уровне.

Эту особенную часть можно назвать также соотносительной частью, поскольку ее соотнесение с общей частью дает «номерные» типы 1–4.

Далее в приводимом списке по каждому субъекту РФ указывается, после названия партии, типологическая характеристика региона для тех партий, признаки поддержки которых образую достоверную корреляцию с фактически оказанной поддержкой на уровне региона (соответственно, по ЕР и ЛДПР представлены С-типы, М-типы, СМ-типы, по КПРФ – только С-типы).

Центральное Черноземье, ЦЧ (Белгородская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С3; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Брянская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Курская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С4; ЛДПР: С3, М3, СМ3), Тамбовская (ЕР: С1, М1; СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Тульская (ЕР: С3, М1, СМ 3; КПРФ: С3; ЛДПР: С4, М2, СМ2), Орловская (ЕР: С4, М4, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С3, М3, СМ3), Рязанская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С3, М3, СМ3), Калужская (ЕР: С2, М4, СМ3; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М3, СМ3), Липецкая (ЕР: С1,

М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Воронежская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С3; ЛДПР: С2, М2, СМ2) области). **Центральное Нечерноземье, ЦНЧ** (Владимирская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Московская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С3, М3, СМ1), Костромская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Тверская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Смоленская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Ивановская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Ярославская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1) области). **Северо-Запад, СЗ** (Калининградская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Ленинградская (ЕР: С4, М2, СМ4; КПРФ: С4; ЛДПР: С2, М4, СМ4), Псковская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С4, М4, СМ4), Новгородская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1) области, Республика Карелия (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1)). **Северо-Восток Европейской части, СВЕЧ** (Архангельская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Вологодская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Мурманская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1) области, Республика Коми (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1)). **Северный Кавказ, республики, СК** (Республика Дагестан (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ), Республика Адыгея (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Республика Северная Осетия-Алания (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С1; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Чеченская Республика (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Республика Ингушетия (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Кабардино-Балкарская Республика (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С1; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Карачаево-Черкесская Республика (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Республика Калмыкия (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2)). **Юго-Запад, ЮЗ** (Ростовская область (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М4, СМ2), Краснодарский (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М4, СМ2) и Ставропольский (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С3, М3, СМ3) края). **Поволжье, П** (Нижегородская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С4, М2, СМ2), Кировская (ЕР: С2, М4, СМ4; КПРФ: С2; ЛДПР: С1, М3, СМ3), Пензенская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Ульяновская (ЕР: С4, М4, СМ4; КПРФ: С3; ЛДПР: С3, М3, СМ3), Самарская (ЕР: С2, М4, СМ4; КПРФ: С3; ЛДПР: С4, М2, СМ2), Саратовская (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Волгоградская (ЕР: С4, М4, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М3, СМ3), Астраханская (ЕР: С4, М4, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С2, М2, СМ2) области, Республики Татарстан (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Мордовия (ЕР: С1, М1, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Мари Элл (ЕР: С4, М4, СМ4; КПРФ: С3; ЛДПР: С2, М2, СМ2), Чувашская Республика (ЕР: С4, М2, СМ4; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2)). **Урал, У** (Свердловская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Оренбургская (ЕР: С4, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Челябинская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Курганская области (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Пермский край (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Республика Башкортостан (ЕР: С1, М3, СМ1; КПРФ: С3; ЛДПР: С2, М4, СМ4), Удмуртская Республика (ЕР: С4, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С4, М4, СМ4)). **Западная Сибирь, ЗС** (Тюменская (ЕР: С1, М3, СМ3; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М4, СМ4), Омская (ЕР: С2, М2, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Томская (ЕР: С2, М2, СМ4; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Новосибирская (ЕР: С2, М4, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Кемеровская области (ЕР: С1, М3, СМ3; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М4, СМ4), Алтайский край (ЕР: С2, М4, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ3), Республика Алтай (ЕР: С4, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С4, М4, СМ4), Ямало-Ненецкий (ЕР: С1, М3, СМ3; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М4, СМ4) и Ханты-Мансийский (ЕР: С4, М2, СМ2; КПРФ: С2; ЛДПР: С1, М1, СМ1) автономные округа). **Восточная Сибирь, ВС** (Красноярский край (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Иркутская область (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Республика Хакасия (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Республика Тыва (ЕР: С1, М3, СМ3; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М4, СМ4), Республика Бурятия (ЕР: С4, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С4, М4, СМ4), Республика Саха (Якутия) (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С4, М4, СМ1), Забайкальский край (ЕР: С4, М2, СМ4; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1)). **Дальний Восток, ДВ** (Магаданская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1). Сахалинская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Амурская (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1) области, Камчатский (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Приморский (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1) и Хабаровский (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1) края, Еврейская автономная область (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С1; ЛДПР: С1, М1, СМ1), Чукотский автономный округ (ЕР: С1, М3, СМ1; КПРФ: С2; ЛДПР: С1, М1, СМ1)). К макрорегионам приравниваются также **Москва, М** (ЕР: С4, М4, СМ4; КПРФ: С2; ЛДПР: С2, М2, СМ2) и **Санкт-Петербург, СПб** (ЕР: С2, М2, СМ2; КПРФ: С4; ЛДПР: С4, М4, СМ4).

О сочетаниях типов электоральной предрасположенности регионов

Регион, принадлежащий в аспекте голосования за определенную политическую партию к С-типам 1 или 3, имеет, по определению, повышенный уровень поддержки данной партии. Следовательно, он может относиться только к М- и СМ-типам, имеющим те же номера, 1 или 3, поскольку и они подразумевают повышенную поддержку данной партии. Если регион относится к С-типам 2 или 4, то он может относиться только к М- и СМ-типам 2 или 4 (во всех случаях поддержка данной партии понижена).

Если у региона номера типов (С- и М-типа, СМ-типа и М-типа, СМ- и С-типа, или всех трех типов) совпадают, то очевидно, что его электоральная характеристика, общая этим номерам, усиливается. Например, Воронежская область по голосованию за ЕР относится к С-типу 1, М-типу 1 и СМ-типу 1, следовательно, ее характеристика как региона устойчиво-повышенной поддержки данной партии усиливается, по сравнению с оценкой, полученной на основании учета только одного из этих типов.

Если номера типов региона не совпадают, можно, по-видимому, считать, что данный регион относится к одному из переходных типов. Характеристику, даваемую С-типом, особенно в случае ЕР, следует считать более сильной, чем характеристику, даваемую М- или СМ-типом. Коэффициент корреляции уровня поддержки ЛДПР и ЕР в регионе с количеством социально-экономических явлений, благоприятствующих поддержке данной партии, выше коэффициента корреляции уровня поддержки данной партии в регионе с количеством голосов, поданных за эту партию в остальной части макрорегиона, к которому относится регион. Он выше и коэффициента корреляции уровня поддержки данной партии в регионе с выраженностью комплекса социальных признаков ее поддержки на макрорегиональном уровне.

Следует отметить, что фактическая частотность совпадений номеров типов значительно выше, чем следовало бы ожидать при случайном распределении соответствующих показателей. При парных сравнениях (например, сопоставим С- и М-типы по определенной партии), следовало бы ожидать совпадений номеров типов в 50% случаев, поскольку, что мы уже отметили, регион, принадлежащий к определенному типу, скажем С1, может принадлежать М-типам 1 или 3 (но не 2 или 4), и при равной вероятности появления обоих типов число совпадений С1 с ними должно составить 50%. Иными словами, в 50% субъектов РФ номера С- и М-типов должны совпадать.

Но фактическая частотность совпадений намного выше. Для ЕР число совпадений номеров С- и М-типов составляет 74% (т.е. в 74% субъектов РФ номера С- и М-типов совпадают), число совпадений С- и СМ-типов составляет 80%, и число совпадений М- и СМ-типов – 88%. По ЛДПР соответствующие цифры еще выше и составляют 83, 82 и 94% соответственно.

Объясняется такое положение тем, что показатели (полнота комплекса социально-экономических признаков поддержки на уровне региона, фактическая поддержка на уровне макрорегиона, полнота комплекса социально-экономических признаков поддержки на уровне макрорегиона), входящие в содержание С-, М- и СМ-типов, достаточно тесно коррелируют между собой.

Например, выявляется корреляция полноты набора признаков, благоприятствующих голосованию за определенную партию, по регионам (субъектам РФ) с полнотой набора соответствующих признаков по макрорегионам, к которым относятся регионы. Для ЕР коэффициент корреляции равен 0,74, для КПРФ 0,69, для ЛДПР – 0,77. Иными словами, в регионе признаки, благоприятствующие голосованию за определенную партию, в значительной мере повторяют ситуацию в остальной части макрорегиона, к которому данный регион относится.

Фактическая поддержка партии на уровне макрорегиона и полнота набора признаков, благоприятствующих голосованию за эту партию также на уровне макрорегиона, связаны следующими корреляциями: ЕР 0,94; КПРФ 0,31; ЛДПР 0,66.

Полнота признаков поддержки на уровне региона и фактическая поддержка на уровне макрорегиона образуют следующие корреляции: ЕР 0,70; КПРФ 0,41; ЛДПР 0,71.

Ясно, что чем теснее связи показателей, входящих в С-, М- и СМ-типы, тем больше возможностей отрывается для электорального прогнозирования.

Ранее мы высказали предположение, что в практической подготовке к выборам наиболее важны регионы 3-го и 4-го типов, а также те регионы, которые принадлежат к типам 1 и 2, но приближаются по соотношению «уровень поддержки / полнота комплекса признаков, характерных для регионов с повышенной поддержкой» к типам 3 и 4.

Мы также предположили, что если уровень поддержки той или иной партии в стране в целом до президентских выборов 2018 г. увеличится, то в большей степени увеличение проявится в регионах ее потенциальной поддержки (тип 4). Если, наоборот, уровень поддержки партии ослабеет, то в большей степени это коснется регионов потенциального ослабления ее поддержки (тип 3). Речь шла только об С-типах. Сейчас можно отнести те же предположения к регионам, относящимся к М- и СМ-типам 3 и 4. Особенно неустойчивыми и, с этой точки зрения, важными являются регионы, в которых (в каждом) С-, М- и СМ-тип совпадают по номеру 3 или 4. В случае, буквенные типы региона не совпадают, его следует считать регионом переходного типа, т.е. приближающимся к номерным типам 3 или 4, потому тоже имеющим повышенное значение. При этом в аспекте голосования за ЕР принадлежность региона к С-типу более значима, чем его принадлежность к М- или СМ-типу.

Таким образом, выявление связей электоральных предпочтений региона с электоральными предпочтениями на уровне макрорегиона и выявление связей электоральных предпочтений региона с социально-экономическими признаками данного региона, а также макрорегиона – взаимно дополняющие предпосылки прогноза электорального поведения населения региона.

Выводы

1. По результатам выборов в ГД РФ 2016 г. уровень поддержки ЕР, КПРФ и ЛДПР на региональном уровне достоверно коррелирует с полнотой комплекса социальных признаков поддержки этих партий на региональном уровне, что позволяет учитывать данный комплекс признаков при электоральном прогнозировании.

2. По результатам выборов в ГД РФ 2016 г. уровень поддержки ЕР и ЛДПР на региональном уровне достоверно коррелирует с уровнем их поддержки на макрорегиональном уровне, что позволяет учитывать его при электоральном прогнозировании.

3. По результатам выборов в ГД РФ 2016 г. уровень поддержки ЕР и ЛДПР на региональном уровне достоверно коррелирует с полнотой комплекса социально-экономических признаков поддержки этих партий на макрорегиональном уровне, что позволяет учитывать данный комплекс признаков при электоральном прогнозировании.

4. Уровень поддержки КПРФ на региональном уровне не имеет достоверной корреляции с уровнем поддержки этой партии на макрорегиональном уровне и с полнотой социально-экономических признаков поддержки данной партии на макрорегиональном уровне.

5. Уровень поддержки каждой из рассматриваемых партий (ЕР, КПРФ, ЛДПР) на уровне макрорегиона, полнота социальных признаков поддержки на уровне макрорегиона, полнота социальных признаков поддержки на уровне региона имеют достоверную корреляцию между собой. Этим обстоятельством обусловливается высокая степень совпадения типологических характеристик региона, полученных при опоре на разные классы признаков (социальный, макрорегиональный, социально-макрорегиональный), что способствует решению задач электорального прогнозирования.

6. Характеристика каждого региона по трем классам признаков поддержки данной партии (социальному, макрорегиональному, социально-макрорегиональному) и соотнесение этих классов признаков с фактическим уровнем поддержки данной партии в регионе позволяют определить его электоральную предрасположенность. Это регионы устойчиво-повышенной поддержки, устойчиво-пониженной поддержки, потенциального повышения и потенциального понижения поддержки. Информация (установление типа региона) по каждому классу дополняет информацию по другому классу при решении задач электорального прогнозирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полян П.М. Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский: 1870–1942. М. : Наука, 1989. 123 с.
2. Дегтярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 154–168.
3. Покровский Е.А. Проблемы реализации избирательного процесса в регионе Российской Федерации как источник конфликтности // Правоведение. 1999. № 1. С. 244–247.
4. Манаков А.Г., Капкина И.В. Электоральная география России и Псковской области. Псков: Центр «Возрождение», 1998. 46 с.
5. Петров Н.В., Титков А.А. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999–2000 гг. М. : Гендальф, 2000. С. 72–74.
6. Туровский Р.Ф. Политическая география : учеб. пособие. Смоленск : Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
7. Johnston R. Anglo – American electoral geography: same roots and same goals, but different means and ends? // The professional geographer. Forum and Journal of The Association of American Geographers, 2005. № 57 (4). P. 580–587.
8. Heppen J. Racial and social diversity and U.S. presidential election regions // The professional geographer. Forum and Journal of The Association of American Geographers. 2003. № 33 (55). P. 191–205.
9. Карнышев А.Д., Жуков К.С., Шестак В.Ф. Психология и политика: вопросы теории и практики. Иркутск : ИГУ, 2004. 364 с.
10. Ахременко А.С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М. : Изд-во МГУ, 2008. 160 с.
11. Ахременко А.С. Количественный анализ политической динамики: статистический и детерминистский подходы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 4. С. 3–17.
12. Ахременко А.С. Качество жизни регионов России: политологический аспект, методология и методика измерения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 1. С. 67–83.
13. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.
14. Ишмуратов Б.М. Экономико-географические и геополитические факторы развития межэтнических отношений на современном этапе // География и природные ресурсы. 1998. № 1. С. 5–14.
15. Максаковский В.П. Географическая картина мира. Кн. 1. Общая характеристика мира. М. : Дрофа, 2008. 495 с.
16. Нартов Н.А. Геополитика : учеб. для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999. 359 с.
17. Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М. : Литературное наследство, 1952. Т. 1. 95 с.
18. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М. : Мысль, 1973. 443 с.
19. Чичерин Б.Н. Бюрократия и земство. Вопросы политики. М., 1905. 78 с.
20. O'Loughlin J. Polical Geography // The professional geographer. Forum and Journal of The Association of American Geographers. 1981. № 33 (2). P. 270–271.
21. Попов П.Л., Сараев В.Г., Черенев А.А., Галес Д.А. Результаты выборов в ГД РФ 2016 г. и перспективы региональной поддержки кандидатов от основных политических партий на президентских выборах // Власть. 2017. Т. 25, № 8. С. 74–82.
22. Попов П.Л., Сараев В.Г., Черенев А.А. От результатов выборов в ГД РФ 2016 г. на региональном и макрорегиональном уровнях к оценке перспектив кандидатов основных партий на президентских выборах 2018 г. // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 83–87.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 23 сентября 2018 г.

ANALYSIS OF REGIONAL AND MACRO-REGIONAL FACTORS FOR SUPPORTING THE MAIN POLITICAL PARTIES AT THE ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2016

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 124–130.
DOI: 10.17223/15617793/436/14

Petr L. Popov, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: plp@irigs.irk.ru

Aleksei A. Tcherenev, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

Vladimir G. Saraev, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: soclab@irigs.irk.ru

Keywords: elections in 2016 and 2018; United Russia; CPRF; LDPR; correlation; region; macro-region; potential increase or decrease in support for party.

The article examines the correlation of election results in the State Duma in 2016 (per cent of voters who supported each of the three main parties) at the level of the regions (subjects of the Russian Federation) with three indicators. The article includes three sections, each of which, in turn, examines these indicators. The first indicator is socio-economic phenomena at the regional level. The second indicator is the results of the same elections at the level of the macro-regions to which the respective regions belong. The third indicator is socio-economic phenomena at the level of macro-regions to which the respective regions belong. Taking into account these correlations, four types of regions are established for each indicator. If the region in fact supported a certain party in the elections to the Duma of 2016 (this party received more votes here than the national average), and, at the same time, had support factors for this party, more than the national average, this was a region of sustained support for this party (support factors in this and other types can characterize both the region directly and the macro-region to which the region belongs). If the region gave fewer votes for this party than the national average and had less support for this party than the national average, this was a region of steadily low support for this party. If the region gave this party more votes than the national average, but had fewer support factors, this was a region of potential reduction of support for this party. If the region gave the party fewer votes than the national average, but had a relatively strong range of support factors for this party, this was a region of potential increase in support for this party. The greatest attention in the pre-election struggle should be drawn by the regions of potential increase and potential reduction in support for a particular party. All three indicators and types are considered complementary to each other when predicting the electoral behavior of the population of the region.

REFERENCES

1. Polyan, P.M. (1989) *Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shanskiy: 1870–1942* [Veniamin Petrovich Semenov-Tian-Shansky: 1870–1942]. Moscow: Nauka.
2. Degtyarev, A.A. (2004) Politicheskiy analiz kak prikladnaya distsiplina: predmetnoe pole i napravleniya razvitiya [Political analysis as an applied discipline: The subject field and directions of development]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 154–168.
3. Pokrovskiy, E.A. (1999) Problemy realizatsii izbiratel'nogo protsessa v regione Rossiyskoy Federatsii kak istochnik konfliktnosti [Problems of implementation of the electoral process in the region of the Russian Federation as a source of conflict]. *Pravovedenie*. 1. pp. 244–247.
4. Manakov, A.G. & Kapkina, I.V. (1998) *Elektoral'naya geografiya Rossii i Pskovskoy oblasti* [Electoral geography of Russia and Pskov Oblast]. Pskov: Tsentr "Vozrozhdenie".
5. Petrov, N.V. & Titkov, A.A. (2000) Elektoral'nyy landshaft [Electoral landscape]. In: Makfol, M. & et al. (eds) *Rossiya v izbiratel'nom tsikle 1999–2000 gg*. [Russia in the 1999–2000 election cycle]. Moscow: Gendal'f.
6. Turovskiy, R.F. (1999) *Politicheskaya geografiya* [Political geography]. Smolensk: Smolensk State University.
7. Johnston, R. (2005) Anglo-American electoral geography: same roots and same goals, but different means and ends? *The Professional Geographer. Forum and Journal of The Association of American Geographers*. 57 (4). pp. 580–587. DOI: 10.1111/j.1467-9272.2005.00500.x
8. Heppen, J. (2003) Racial and social diversity and U.S. presidential election regions. *The Professional Geographer. Forum and Journal of The Association of American Geographers*. 33 (55). pp. 191–205. DOI: 10.1111/0033-0124.5502007
9. Karnyshev, A.D., Zhukov, K.S. & Shestak, V.F. (2004) *Psikhologiya i politika: voprosy teorii i praktiki* [Psychology and politics: Theory and practice]. Irkutsk: Irkutsk State University.
10. Akhremenko, A.S. (2008) *Kolichestvennyy analiz rezul'tatov vyborov: sovremennye metody i problemy* [Quantitative analysis of election results: modern methods and problems]. Moscow: Moscow State University.
11. Akhremenko, A.S. (2009) Quantitative analysis of election results: statistical and deterministic approaches. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 4. pp. 3–17. (In Russian).
12. Akhremenko, A.S. (2010) Qualitative Analysis of Political Dynamics: Stochastic versus Deterministic Approach. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 1. pp. 67–83. (In Russian).
13. Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., Bardin, A.L. & Pantin, V.I. (2017) Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 54–78. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
14. Ishmuratov, B.M. (1998) Ekonomiko-geograficheskie i geopoliticheskie faktory razvitiya mezhetnicheskikh otnosheniy na sovremennom etape [Economic-geographical and geopolitical factors in the development of inter-ethnic relations at the present stage]. *Geografiya i prirodnye resursy*. 1. pp. 5–14.
15. Maksakovskiy, V.P. (2008) *Geograficheskaya kartina mira* [Geographical picture of the world]. Book 1. Moscow: Drofa.
16. Nartov, N.A. (1999) *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow: YuNITI.
17. Ogarev, N.P. (1952) *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya* [Selected socio-political and philosophical works]. Vol. 1. Moscow: Literaturnoe nasledstvo.
18. Saushkin, Yu.G. (1973) *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic geography: history, theory, methods, practice]. Moscow: Mysl'.
19. Chicherin, B.N. (1905) *Byurokratiya i zemstvo. Voprosy politiki* [Bureaucracy and zemstvo. Policy issues]. Moscow: Tipografiya t-va I. N. Kushnerev i K.
20. O'Loughlin, J. (1981) Political Geography. *The Professional Geographer. Forum and Journal of The Association of American Geographers*. 33 (2). pp. 270–271.
21. Popov, P.L., Saraev, V.G., Cherenev, A.A. & Gales, D.A. (2017) From the Election Results in the Russian Federation of 2016 at the Regional and Macro Regional Levels to Evaluating the Perspectives of the Candidates of the Main Parties at the Presidential Elections of 2018. *Vlast' – The Authority*. 25(8). pp. 74–82. (In Russian).
22. Popov, P.L., Saraev, V.G. & Cherenev, A.A. (2017) From the Election Results in the Russian Federation of 2016 at the Regional and Macro Regional Levels to Evaluating the Perspectives of the Candidates of the Main Parties at the Presidential Elections of 2018. *Vlast' – The Authority*. 25(11). pp. 83–87.

Received: 23 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 131–138. DOI: 10.17223/15617793/436/15

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) “1741-1760”

К.Д. Бугров

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ» ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭРЫ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ПРИДВОРНОЙ ПРОПОВЕДИ 1740-х – 1750-х гг.

Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-5914.2018.6 («Роль церковной проповеди и панегирика в российской политической культуре XVIII в.»).

Рассматривается легитимационная идеология императрицы Елизаветы Петровны, сформированная стараниями церковных иерархов и проповедников на протяжении 1740-х – 1750-х гг. Хотя середину XVIII в. часто считают эрой секуляризации, на практике религиозный способ размышлять о политике оставался чрезвычайно значимым. Манифесты Елизаветы о вступлении на престол комбинировали различные аргументы в пользу легитимности дочери Петра Великого (завещание Екатерины I, династическая легитимность, общее желание подданных, Божий промысел), весьма скоро доминирующим в идеологии нового царствования стал именно богословский подход.

Ключевые слова: Российская империя; монархизм; абсолютизм; проповедь; Елизавета Петровна.

При изучении политической культуры России XVIII в. исследователи часто указывают на то, что основное содержание данного периода отечественной истории заключалось в секуляризации и вестернизации. Еще П.Н. Милюков отмечал в знаменитых «Очерках по истории русской культуры»: «В целом общественном слое традиционные формы веры, неприспособленные к новым формам жизни, отмирали мало-помалу, оставляя одну пустоту, нечувствительную для большинства и поэтому не заполненную своевременно никакими новыми формами. <…> Почва была неблагоприятна для распространения сознательного отношения к вопросам веры и нравственности в шляхетской среде. Шляхетство не могло усвоить себе нового мировоззрения, которое бы на религиозных началах устраивало его отношение к новым основам жизни» [1. С. 218]; лидер кадетской партии с легкостью отмахнулся от богословской традиции в российской интеллектуальной истории. И впрямь: большинство обобщающих очерков по истории отечественной социально-политической мысли из церковных авторов XVIII столетия уделяет внимание только Феофану (Прокоповичу) и «Правде воли монаршей», составленной Феофаном (или, по крайней мере, при его деятельном участии). После Феофана представители политического богословия в российской традиции исчезают со страниц большинства обобщающих исследований [2. С. 31–43; 3. С. 172–218], а концепция божественного происхождения власти фигурирует в основном как безликая манифестация некоей политической традиции, имманентно присущей России [4. С. 301–302].

Вопрос о том, какую роль богословская традиция в действительности играла в развитии российской политической культуры XVIII в., весьма сложен и, конечно, выходит далеко за рамки отдельной статьи [5; 6]. Тем не менее в рамках настоящей статьи мы должны указать на один из аспектов этого вопроса. Традиция описания политической культуры России Нового времени как культуры, основным процессом развития которой является процесс секуляризации и вестернизации (два этих феномена часто понимаются исследователями как синонимы), игнорирует тот факт, что вестернизация с легкостью могла разворачиваться и в богословской, религиозной сфере и что характеристика европейской культуры XVIII в. как всецело светской является заведомо неточной – «авторитетную топику» церковной проповеди и панегирика следует, вслед за Ю.В. Кагарлицким, признать основным ресурсом «имперского дискурса» в России Нового времени [6]. Религиозный панегирик оставался востребованным жанром в России 1-й половины XVIII в., а церковный дискурс продолжал доминировать, особенно за пределами узкого круга придворно-административной элиты, оставаясь принципиально значимым для властной идеологии [7. P. 137; 8. P. 37]. С другой стороны, менялся и состав высшего слоя церковных иерархов: в 1-й половине XVIII в. во главе русской церкви встали «не просто представители нового поколения, но люди, в мышлении которых сочетались две культурные традиции: православная и западноевропейская» [9. С. 89].

Мы рассмотрим проблему функционирования политического богословия на примере стратегий легитимации императрицы Елизаветы Петровны. Как показывают исследования Е.И. Кисловой, годы царствования Елизаветы были временем резкого взлета в публикации проповедей – взлета, который по масштабам российского книгоиздания XVIII в. был весьма значительным – Елизавета сделала издание придворных проповедей обязательным, а суммарный тираж изданий придворных проповедей за 1741–1752 гг. составил свыше 50 000 экземпляров [10. С. 66]. Конечно, и до елизаветинской эпохи церковные иерархи – яркие ораторы и проповедники – играли важную роль в легитимации российской монархии: достаточно вспомнить Феофана (Прокоповича) или Гавриила (Бужинского). Однако ситуация царствования Елизаветы Петровны была новой: впервые в России XVIII в. царствующая особа заняла трон в результате

переворота, сместив и подвергнув тюремному заключению предыдущего монарха.

Легитимность Елизаветы была проблемной, и окружению новой государыни пришлось приложить все усилия, чтобы оправдать и объяснить переворот 1741 г. Российский историк И.В. Курукин справедливо называет елизаветинское царствование «новым периодом воздействия на умы подданных», отмечая, что «официальные акты и проповеди тех лет создавали идеологическую доктрину елизаветинского царствования: восстановление петровских “начал” при крайне негативной характеристике периода 1725–1741 гг. как времени господства “иноземцев”» [11. С. 459]. Складывалась, по выражению современного исследователя А.В. Петрова, своеобразная «мифология власти», опиравшаяся на «культ предков» Елизаветы [12. С. 152–154]. Легитимация новой государыни, впрочем, была многослойной, и «культ предков» был встроен в более сложную интеллектуальную систему. Чрезвычайно важную роль в этой системе играли именно усилия верхушки церковной иерархии: как отмечает Е.И. Кислова, «роль духовной литературы как важнейшего инструмента формирования общественного мнения была хорошо понята Елизаветой» [10. С. 61]. Какова же была идеологическая основа елизаветинской легитимности?

Наиболее авторитетным ресурсом легитимации были, разумеется, придворные манифесты – законодательные акты верховной власти, с помощью которых до подданных доводилась официальная точка зрения – а также церемонии. В *кратком манифесте* от 25 ноября 1741 г., сообщившем о восшествии Елизаветы на трон, отмечалось, что по причине младенчества бывшего императора Ивана VI «правление Государственное чрез разные персоны и разными образами происходило», от чего «уже как внешние, так и внутрь Государства беспокойства и непорядки, и, следовательно, немалое же разорение всему Государству последовало б». Чтобы исправить ситуацию, «все Наши, как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо Лейб-Гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы, яко по крови ближняя, Отеческий Наш Престол всемилостивейше восприять соизволили» [13. С. 537]. Итак, смена монарха обосновывалась в манифесте тремя доводами: Елизавета «восприяла» престол, во-первых, «по законному праву», во-вторых, «по близости крови к Самодержавным Нашим вседражайшим Родителям» (Петру I и Екатерине I – впервые трон России занял монарх, у которого оба родителя были российскими самодержцами), и, в-третьих, «по всеподданнейшему Наших верных подданных единогласному прошению».

Пространный манифест Елизаветы от 28 ноября 1741 г. детально раскрывал первый аргумент из числа приведенных в кратком манифесте, поскольку открывался ссылкой на завещание Екатерины I, устанавливавшее порядок наследования престола в случае отсутствия потомства у Петра II. Завещание, однако, было скрыто «недоброжелательными и коварными происками» графа А.И. Остермана, в то время как Анна Иоанновна была избрана на престол «мимо» Елизаветы. О легитимности Анны Иоанновны больше не говорилось, но ее завещание, возводившее на трон Ивана VI, было объявлено не имеющим силы. Более того: согласно елизаветинскому манифесту мать Ивана VI Анна Леопольдовна незаконно присвоила себе регентство (хотя свергнутый ей регент Э. Бирон в манифесте не упоминается), а затем, благодаря интригам кабинет-министров М.Г. Головкина и А.И. Остермана, якобы замыслила сама стать императрицей в нарушение ранее принесенной собственному сыну присяги! [13. С. 543]

Наконец, в *коронационном манифесте* Елизаветы Петровны, напечатанном в ее коронационном альбоме, провиденциалистская риторика выдвинулась на первый план. Здесь Елизавета объявляла, что «полученная Нами превеликая и преславныя сея монархии наследственная держава, есть дар, данный Нам от Царя, царствующих единого подающего и утверждающего Царские скиптры Бога» [14. С. 2–3]. На коронационных гравюрах Елизаветы присутствуют не только олимпийские боги, но и Юдифь с Деборой. Не менее интересны эмблемы на триумфальных арках. На Тверской арке присутствовало изображение руки, протянутой с небес и возлагающей корону на голову Елизаветы с надписью «Истинная государыня, яже не от земли но свыше имать венчатися» [Там же. С. 132]. А, например, на Китайгородской арке была изображена «статуа от Государя Императора ПЕТРА Великаго недоделанная» и возносящийся к небесам император, говорящий дочери: «Крепися и соверши» [Там же. С. 142].

На коронационной медали божественный Промысел, «изображенный на легком облаке», прикрывал Елизавету щитом и короновал ее. Перед Елизаветой была помещена «Любовь к Отечеству», а позади императрицы – «два столпа великолепного трона», с именами родителей Елизаветы – Петра и Екатерины. Было здесь и восходящее солнце, которое символизировало процветание России, грядущее с воцарением Елизаветы. Надпись на медали «Промысл Божий чрез верных подданных» отсылала к формулировкам краткого манифеста. Золотые и серебряные жетоны были проще по исполнению и подобных отсылок не содержали: на них была изображена «корона из облака светом и лучами освещаемая» с надписью «От Вышняго благодать» [14. С. 93–94]. Визуальный канон прославлял императрицу [15. С. 132], подобную одновременно своим славным родителям, святым и божеству.

Как видим, обоснование елизаветинской легитимности претерпело следующие трансформации: вначале речь шла о желании подданных (с акцентом на роли гвардии), затем на передний план выдвинулось екатерининское завещание, формально-юридическая законность. Но, как справедливо отмечает Е.В. Анисимов, завещание это (напечатанное в составе манифеста о восшествии на трон Петра II в 1727 г. при одновременном изъятии у населения экземпляров петровского манифеста 3 февраля 1718 г., отрешавшего царевича Алексея от наследования, и Устава о престолонаследии 1722 г.) вовсе не давало Елизавете сильной легитимации: по нормам завещания выходи-

ло, что наследовать трон должна не Елизавета, а сын Анны Петровны – Карл-Петер-Ульрих Гольштейн-Готторпский, будущий Петр III [16. С. 143]. И уже в коронационном альбоме императрицы превалирующей оказалась другая концепция легитимности – *божественное избрание*. Но легитимация власти Елизаветы не сводилась только к манифестам и церемониям. Важнейшую роль в легитимации новой императрицы играла верхушка церковной иерархии.

Первым среди придворных проповедников елизаветинской поры следует назвать архиепископа Новгородского и Великолуцкого Амвросия (Юшкевича), выпускника Киево-Могилянской академии и обладателя обширной библиотеки в 358 наименований [17. С. 18]. Именно ему принадлежала одна из первых проповедей, посвященных оправданию восшествия новой царицы на трон – «Слово в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елисаветы Петровны» (1741).

Здесь Амвросий говорил о божественном воцарении Елизаветы. Конечно, Елизавета имела основания занять трон по наследству: «Известно есть не токмо Всероссийской империи, но и всему свету, что еще по кончине блаженная памяти императора Петра Второго, тебе, яко дщери законной обоих коронованных родителей твоих, наследие всероссийского престола надлежало». Но затем «за наши грехи и беззакония послал Бог недобросовестных человеков, которые, презрев всего отечества нашего общую пользу для своея богоненавистныя корысти, сделали препятствие к законному восприятию престола всероссийского тебе, всеавгустейшая монархиня наша!» Однако «что Бог вечный определил непременными своими судьбами, того никто, ни самый ад, со всеми крайними своими силами, не мог и не может переменить и тому воспрепятствовать» [18. С. 6]. Несмотря на все козни злодеев Бог определил российский престол Елизавете с самого ее рождения. В качестве доказательства Амвросий отмечает: «Ибо ежели посмотрим на все законы, то есть на естественный, гражданский и божественный, по которым наследие твердо и непременно потомкам остается, тех всех существенные свойства, даже до последней черты, в наследии империи Всероссийския ея императорского величества имеются. Рождена ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО от обоих коронованных лиц, от обоих законовладельных Самодержавных Героев и Монархов, которые не только по прерогативам своего Самодержавия, но и по самым своим неслыханным к отечеству заслугам имели истинный закон вечно со всеми своими Высочайшими Потомками престол российский наследствовать» [Там же. С. 7].

Интересно, что Амвросий здесь говорит о наследовании по происхождению и – в отличие от официального манифеста! – не ссылается на завещание Екатерины I. Вместо этого он говорит (со ссылкой на главу 27 книги Чисел) о том, что по «естественному, гражданскому и божественному» закону наследовать при отсутствии сына должна дочь [18. С. 10]. Кроме того, Амвросий сравнивает Елизавету с Юдифью, отдавая, впрочем, предпочтение российской царице, поскольку Юдифь побеждала внешних врагов, тогда как Елизавета – внутренних, а «враг внутренний и сокровенный есть страшнейший». Под видом заботы об Отечестве эти враги разоряли Россию, расхищали и разрушали наследие Петра Великого. Но Бог сокрушил этих «разорителей Отечества» через новую Юдифь – Елизавету. Законность царствования дочери Петра и Екатерины определяется не только правом наследования, но и экстраординарными достоинствами царственной четы; основание для наследования – благодарность, а не право. Те же «безбожники», которые ссылаются на «фортуну и случай», по суровому выражению Амвросия, «блядословят»: «Говорит Бог явственно “Аз”, не фортуна, не случай, не народ Израильский, но Я, который небом и землею владею, и которого есть вселенная и исполнение ея, поставил тебе, Давид, царем над Израилем» [18. С. 14]. А как же действия подданных, о которых говорилось в манифестах Елизаветы? Противоречие здесь кажущееся: топос «народного желания» оставался фиктивным и не отсылал ни к какому юридическому решению. В этом смысле глас народа – глас Божий, и легитимационная литература XVIII в. удивительным образом оказывается близка к идеям книжников начала XVII в. Избрание, однако, не является исключительным основанием для воцарения законной государыни – оно лишь объясняет его механику. Но к *истинности* Елизаветы как государыни народное «желание» отношения не имеет: сам Бог по ее рождению определил ей царство задолго до событий 1741 г.

Аналогичные темы архиепископ Амвросий развивал и в слове на «вшествие» Елизаветы Петровны в Москву во время коронационных торжеств 1742 г. (эта проповедь была включена в официальный коронационный альбом). Карая Россию за грехи, Господь отнял у нее «блаженныя памяти ПЕТРА Втораго, первого же Внука Императора ПЕТРА Великого», и обрушил на страну множество бедствий; теперь россиянам следует повиноваться новой императрице и уклоняться от «грехов и беззаконий», не только чтобы отблагодарить Елизавету за ее «труды и подвиги», но и чтобы вновь не навлечь на себя кару Провидения. Амвросий не только охотно использовал метафору воплощения, но и обыграл ее с изяществом: если Елизавета Петровна – воплощение Петра Великого, то наследник Петр Федорович – воплощение Петра II, который совсем неспроста был упомянут в начале проповеди: «К тому ж еще буди благодарна дивному промыслу Божию, который на тебе Бог милосердый явственно и чувственно показует, когда на место ПЕТРА Второго, первого же Внука блаженныя памяти Императора ПЕТРА Великого, послал тебе второго Внука тем же именем и такими ж добродетельми сияющего» [14. С. 14]. Амвросий следовал за формулами завещания Екатерины I, выстраивая династическую линию: Петр I (и Екатерина) – Петр II – Елизавета – будущий Петр III.

О Елизавете как воплощении Петра Амвросий говорил и в «кратком поздравлении», произнесенном сразу после церемонии коронации: «Едва ли ПЕТР, возлюбленный Родитель Твой, не заслужил такового благополучия, дабы в Тебе, вседражайшей Дщери своей, красоте и славе Российской, и жил, и побеж-

дал, и царствовал бесконечно» [14. С. 62]. Здесь вновь упоминались «героичные дела» императрицы и одержанная над врагами «неслыханная виктория», используются солярные метафоры («светило сие чудесное в теле девическом сияющее»). Хотя Екатерина I и не упоминалась Амвросием, в «кратком поздравлении» в ход пошли аналогичные приемы: в «девической душе» Елизаветы можно видеть «непобедимое мужество, сердце героическое» и все военные доблести, отсылающие к описаниям мужества Екатерины, созданным когда-то Феофаном (Прокоповичем) [15. С. 143]. Однако у Елизаветы не было своего Прутского похода, и Амвросию пришлось силой красноречия превратить в военный подвиг… захват власти в ночь с 24 на 25 ноября 1741 г.: «И кое ж большее может быть великодушие как сие: забыть деликатного своего полу, пойти в малой компании на очевидное здравия своего опасение, не жалеть за целость веры и отечества последней капли крови, быть вождем и Кавалером воинства, собирать верное салдатство, заводить шеренги, идти грудью против неприятеля, и седящих в гнезде орла Российского, нощных сов и нетопырей мыслящих злое государству, прочь выпужать» [14. С. 64–65]. Кроме того, Амвросий сравнил «непобедимую героиню» Елизавету с «увенчанным победою» Христом.

В этом лестном сравнении Амвросий не был первым. Раньше него Елизавету уподобил Христу московский епископ Платон (Малиновский) в проповеди 1741 г., посвященной дню рождения Елизаветы. Подобно Христу, спасшему мир, Елизавета избавила Россию «от многих бед и злоключений» [19. С. 3]: посреди «ночи безбожия» и «еретического зловерия» Провидение явило недостойным россиянам милость и возвело на трон Елизавету [Там же. С. 10–12]. Проповедь завершалась обращением к Елизавете, в котором Платон отмежевался от любых юридических формулировок, недвусмысленно указывая на абсолютную истинность Елизаветы как избранницы Божьей: «От века предизбравый тя Бог, и от чрева матерна предопределивый родитися во спасение наше, от временных бед, и благоизволивый счастливо царствовати над нами» [Там же. С. 13].

Карельский епископ Маркелл (Родышевский) использовал сходные категории в проповеди, произнесенной 26 декабря 1741 г. по случаю праздника рождества. Опираясь на прекрасно известный слушателям сюжет о рождестве, Маркелл выстроил впечатляющую политическую аналогию: подобно тому, как сын Божий родился «в самом убогом вертепе», страдая от холода, так и «истинная по природе своей императрица» страдала, видя свое государство в чужих руках: «Не сносно сие воистину, не токмо самодержавному и превысочайшему лицу, но и последней самой кондиции людям, в доме своем сущем не имети и места. Люто и весьма печально смотрети на свой сущий дом, еще и расхищаемый и опустошаемый, а от него изгонимыми быти» [20. С. 8–9]. Подобно другим проповедникам, Маркелл говорит о страданиях России под властью иностранных врагов, вознамерившихся разрушить все построенное Петром Великим и истребить его учеников (сам Маркелл действительно пострадал от преследований в годы царствования Анны Иоанновны), и прославляет бескровный переворот: Божьей милостью Елизавета «избила враги своя без оружия, восприяла и наследие свое без брани, и исполнила неизреченныя радости сердца всех своих подданных» [20. С. 10].

Иеромонах Порфирий (Крайский), знаменитый преподаватель риторики Славяно-Греко-Латинской академии, в придворной проповеди 16 апреля 1742 г. (за 9 дней до коронации Елизаветы Петровны) говорил о страданиях России и о том, как Провидение спасло россиян от несчастия, вознеся на трон дочь Петра Великого и Екатерины, восстановившую пошатнувшееся благочестие [21. С. 20–22]. Однако более развернуто Порфирий коснулся истории о воцарении Елизаветы в другой проповеди, произнесенной в 1749 г. (к этому времени он уже был епископом Суздальским) и посвященной дню восшествия Елизаветы на престол. Он воспроизводит сложившийся канон, описывая восшествие Елизаветы на трон как торжество истинной монархини, которой «по всем правам Государственным давно уже принадлежала Корона Всероссийская», и одновременно – как возрождение наследия Петра из забвения [22. С. 8–9]. Основная часть проповеди была посвящена описанию того, как Петр трудился «о общем добре Всероссийском, нещадя своего здравия», создав из ничего армию, флот, города, науки и искусства. Неблагодарная Россия позабыла о петровском наследии, и власть «по неиспытанным судьбам Божиим» досталась «чужим рукам», от которых нечего было ожидать добра России и православной церкви [Там же. С. 11]. Но Россия спаслась благодаря милости Всевышнего: «Он давно уже утвердил и написал в книгах своих не писалом человеческим, но перстом вседержавныя руки своея, вливает собственные духи, движет и возбуждает сердца неких верных подданных, возводит сам Сию преславно на Родительский и Прародительский престол Всероссийский» [Там же. С. 17]. Порфирий подчеркивает, что короны Бог дает тем, кого избрал с рождения и предуготовил к высокой участи через многочисленные испытания «веры сердец их» [Там же. С. 14].

Серию политических проповедей 1742 г. завершила речь диакона Петропавловского собора Алексея (Флорова), произнесенная в придворной церкви 18 декабря 1742 г. и посвященная дню рождения императрицы. Оратор упоминает добродетели Елизаветы, в частности, ее «терпение и крепкое на Бога упование». Страдания Елизаветы диакон Алексей уподобляет страданиям Давида, а ее смирение – смирению пророка Самуила перед гонениями со стороны Саула: «Тако и наша долготерпеливая и великодушная героиня уповая крепко на Бога, что Бог врагом ея аще не зде, то в будущем веце воздаст по делом их, сама же аще и могла, обаче не творила отмщения никакого» [23. С. 10].

Легитимационная стратегия Елизаветы, разработанная в политической проповеди 1741–1742 гг., использовалась и в последующие годы. К примеру, соответствующие риторические ходы присутствуют в проповеди епископа Костромского и Галицкого Сильвестра (Кулябки), произнесенной 25 ноября 1745 г. в

честь дня восшествия Елизаветы на трон. Сильвестр, как и другие иерархи, подчеркивал, что Елизавета была легитимной монархиней с момента рождения. Поместив рядом с историей о Елизавете библейские примеры Моисея, Давида, Саула, Аарона и других, Сильвестр заключал: «В таковом смотрении царский чин у Бога! так прилежно избирает Бог, кому бы люди свои вручити! еще во утробах матерних не суть, а уже скипетры приемлют» [24. С. 7]. Интересно, что проповедник проигнорировал здесь не только короткое царствование Петра II, но и правление матери Елизаветы, Екатерины I: по его словам, Елизавета после своего великого отца «сама нам осталась и ПЕТР, сама и ПЕТРОВНА» [Там же. С. 10].

Еще один видный церковный оратор, епископ Псковский и Нарвский Симон (Тодорский), в проповеди 1747 г. также указывал на божественный характер не только власти монарха, но и его восшествия на трон, рассуждая о «званиях» и «должностях» людей – Бог, подобно мудрому монарху, «посылает нас рождением нашим в мир сей в великий дом свой <...> единых на власть, других под власть, иных повелевати, иных же точию повеленное исполняти». А если по «внешнему званию» Бог поступает с нами неравно, то это «не по злобе какой, еже и помыслити на Бога безстудно есть, но по непостижимым судбам своим: толико на всякого возлагая тяжести, колико силы понести могут» [25. С. 8]. Отсюда Симон переходит к примеру Елизаветы, которая, претерпев множество тягот, не роптала; и уповала на Бога. Симон говорит о жертвенном подвиге Елизаветы, не забыв назвать императрицу «новой Юдифью»: «Увидела смущающуюся церковь Божию, увидела колеблющееся благочестие, увидела истощевающееся отечество, помыслила же купно, яко всего того Бог взыщет от рук ЕЯ, яко правильной по завету достоблаженных родителей наследницы престола всероссийского, и абе возревнова почести Бога создателя своего и церкве его святой, возревновала по отечествии своем, единою точию вооружившися молитвою Новая Сия Иудифь, толикое спасительное всему свету известное в едином часу и начала и совершила дело, хотя и не без крайней опасности дражайшия жизни своея <…> О колико благополучны есмы Россияне! Не себе, но нам родившуюся, последовательно же не своея, но нашея пользы ищущую монархиню, или паче Матерь от Бога стяжавши» [Там же. С. 19–20].

Показательным является упоминание Юдифи (появляющейся, как мы отметили выше, и на коронационных эмблемах). Юдифь стала одним из значимых библейских образов, поддерживавших легитимность царицы. Так, она упоминается в пространном панегирике «Благоутробие Марка Аврелия Антонина кесаря римского», который был составлен иеромонахом Михаилом (Козачинским) в честь визита Елизаветы Петровны в Киев в 1744 г. и издан в следующем, 1745 г. Собственно диалог «Благоутробие Марка Аврелия» занимает лишь часть издания; помимо диалога, в книгу входят разнообразные панегирики, канты и песни, сочиненные Михаилом и исполнявшиеся учащимися Киево-Могилянской академии во время визита царицы. Здесь – среди прочих лестных сравнений – Елизавета дважды сравнивается с Юдифью, в одном случае из-за красоты, а в другом – из-за доблести: «Се ти Юдифь, повестей достойная славных, // Яже всех олофернов сотвори безглавных» [26. С. 3, 19]. Как видим, это сравнение оказалось чрезвычайно важным для церковных авторов – его использовали, наряду с Михаилом (Козачинским), упомянутые выше Амвросий (Юшкевич), Симон (Тодорский), Алексей (Флоров).

Осмысление политического в категориях религии, как видим, не потеряло своего значения к середине XVIII в. Набравшая стремительный ход вестернизация России не вытесняла религиозный дискурс на периферию, а, напротив, подпитывала его. В частности, разработанная при Елизавете усилиями церковных иерархов политическая идеология легитимации «дщери Петровой» своеобразно сочетала религиозную традицию, веяния барочного католицизма (транслированные через Киев) и сугубо российские новации, вытекавшие из развернувшегося с конца XVII в. процесса вестернизации. Данная идеология опиралась на четыре основные системы аргументации.

Во-первых, политическое богословие елизаветинской эпохи презентовало воцарение Елизаветы как акт божественного промысла, спасший Россию от гибели в «нощи безбожия». Церковные проповедники старались подчеркнуть исключительную легитимность новой императрицы, и это придало новые черты начавшему складываться ранее политическому языку провиденциального монархизма, который теперь в еще большей степени подчеркивал экстраординарные, божественные качества императора-демиурга и одновременно – прямое вмешательство Провидения в ход событий, избрание монарха на трон «от рождения».

Во-вторых, описание воцарения Елизаветы в придворной проповеди активно использовало мотив *жертвенности*. Этот мотив, возникший еще в литературе о Петре (которому не жалко было пожертвовать жизнью за Отечество) и Екатерине (которая, подобно Христовой невесте, пожертвовала всем ради своего коронованного супруга в Прутском походе [27. P. 150–151]), теперь был использован заново – проповедники елизаветинской поры охотно обращались к интеллектуальному наследию петровской эры [7. С. 49]. Дворцовый переворот превратился в героическое предприятие, а сама Елизавета – в героиню, подобную своим родителям.

В-третьих, проповедники по большей части игнорировали юридический нарратив о воцарении Елизаветы. Они подчеркивали божественный характер воцарения: как с помощью упомянутого выше мотива жертвенности, предстающего теперь в качестве механики *чуда*, так и с помощью ссылок на божественное избрание Елизаветы «от рождения» (здесь провиденциальная легитимность смыкалась с династической). К легитимации воцарения Елизаветы через завещание Екатерины I проповедники не проявляли интереса, и можно сказать, что в политическом богословии елизаветинской эпохи эта тема распространения не получила.

В-четвертых, политическая проповедь использовала риторику *воплощения*, опиравшуюся на своеобразный культ Петра. Используя уже сложившиеся паттерны для описания Петра как творца новой России, проповедники осмысляли переход власти к потомству

Иоанна Алексеевича как отход от заветов демиурга, как пренебрежение великим петровским наследием. Но воцарение Елизаветы описывалось не только как восстановление верного петровского политического курса! Воцарившаяся Елизавета одновременно возрождала Петра, оказывалась его воплощением; подобная риторика, скомбинированная с мотивами жертвенности и героизма, позволяла описать Елизавету с помощью авторитетных сравнений – как героиню, новую Юдифь, и как богоподобную государыню, вплоть до риторического сравнения с Христом.

Комбинация этих связанных между собой интеллектуальных стратегий определяла облик политической теологии елизаветинской эпохи, а вместе с ней – и всей политической культуры того времени. Можно утверждать, что в развитии представлений о монархии в России Нового времени елизаветинское царствование с его опытом дворцового переворота сыграло ключевую роль – ответом на кризис стало интенсивное использование концепции божественного происхождения власти с опорой на рассмотренные выше модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3, вып. 2. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 248 с.
2. Летняков Д.Э. Очерки истории русской политической мысли. М. : Летний сад, 2012. 176 с.
3. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России. М. : Юрист, 2003. 415 с.
4. Цыганов В.И., Шлыков В.А. Легитимность верховной власти российского самодержавия в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Нижегородского государственного университета. 2013. № 5–1. С. 301–305.
5. Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. С. 235–337.
6. Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html (дата обращения: 01.06.2018).
7. Кислова Е.И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III. Филология. 2014. № 3 (38). С. 36–50.
8. Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Leiden; New York; Koln: E. J. Brill, 1995. 290 p.
9. Закржевский А.Г. Национальная и западноевропейская культурные традиции в среде высшего духовенства в первые десятилетия «синодального правления» // Филаретовский альманах. 2015. № 11. С. 86–92.
10. Кислова Е.И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сборник 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб. : Наука, 2011. С. 52–72
11. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : П.А. Трибунский, 2003. 570 с.
12. Петров А.В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («Мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 31. С. 152–161.
13. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XI. 1740–1743. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. 988 с.
14. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея Августейшего Императорского Величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб. : Типография Академии наук, 1744. 168 с.
15. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М. : ОГИ, 2004. 597 с.
16. Анисимов Е.В. Афродита у власти: Царствование Елизаветы Петровны. М. : АСТ : Астрель, 2010. 608 с.
17. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. История библиотеки Новгородской духовной семинарии: 1706–1925 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 53. С. 16–19.
18. Амвросий (Юшкевич). Слово в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года. СПб. : Акад. наук, 1741. 16 с.
19. Маркелл (Родышевский). Слово на день Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб. : Имп. Акад. наук, 1742. 12 с.
20. Платон (Малиновский). Слово в день рождения Ея Императорскаго Величества. М. : Моск. тип., 1752. 7 с.
21. Порфирий (Крайский). Слово в великий пяток, на страсти господа нашего Иисуса Христа. М. : Моск. тип., 1742. 12 с.
22. Порфирий (Крайский). Слово в высокоторжественный день вступления на всероссийский престол Ея Императорскаго Величества благочестивейшия великия государыни императрицы Елисавети Петровны самодержицы Всероссийския. М. : Моск. тип., 1750. 11 с.
23. Алексей (Флоров). Слово на высокоторжественный день рождения ея императорскаго величества всепресветлейшия и самодержавнейшия великия государыни первыя императрицы матери всемилостивейшия Елисаветы Петровны. СПб. : Имп. Акад. наук, 1743. 15 с.
24. Сильвестр (Кулябка). Святый и всерадостный сущими сынами Российскими долго от Бога исканный, а прежде четырех лет от егоже Отца всякия утехи возсиявший, на наследный Родителский Престол Возшествия, Благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Нашея Императрицы Елисавети Петровны всея России день. М. : Моск. тип., 1746. 8 с.
25. Симон (Тодорский). Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Нашея Императрицы Елисавети Петровны всея России. М. : Синод. типография, 1747. 12 с.
26. Благоутробие Марка Аврелия кесаря римского. Диалог с прологом и эпилогом. Киев : [б/и], 1745. 39 с.
27. Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2007. 309 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2018 г.

“POLITICAL THEOLOGY” IN ELIZAVETA’S AGE: LEGITIMATION OF ELIZAVETA PETROVNA’S POWER IN COURT SERMONS OF THE 1740S–1750S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 131–138.
DOI: 10.17223/15617793/436/15

Konstantin D. Bugrov, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Keywords: Russian Empire; sermon; monarchism; absolutism; Elizaveta Petrovna.

The article deals with the ideology of legitimation of Elizaveta Petrovna, Empress of Russia, that was formed through the efforts of the hierarchs of Russian Orthodox church and court sermonizers in the 1740s–1750es. Though the middle of 18th century is widely considered to be the age of secularization in Russia, in fact, the religious ways of thinking and speaking about politics remained quite important. During the first decade of Elizaveta's rule, the number of printed sermons increased greatly, which mirrored the attempts of the new government to use "political theology" as an ideology for legitimation. The aim of the article is to reconstruct the main concepts and strategies of Elizaveta's "political theology" in order to improve our understanding of the political culture of 18th century Russia. The sources of the study are the complex of political sermons that were delivered at the imperial court by different authors in the 1740s–1750s; all of them were printed as separate books. The leading proponents of "political theology" under Elizaveta were such church sermonizers as Amvrosii (Yushkevich), Silvestr (Kulyabka), Porfirii (Kraiskiy), Simon (Todorskiy), Platon (Malinovskiy), Markell (Rodyshecskii), Alexey (Florov), Mikhail (Kozachinskiy). The ascension manifestos of Elizaveta combined different arguments in favor of legitimacy of the daughter of Peter the Great (testament of Catherine I, dynastic legitimacy, general desire of subjects, God's will), the theological approach to the legitimacy of Elizaveta soon became dominant with the efforts of the above-mentioned sermonizers. The court preachers were elaborating a new political language, based upon the Biblical analogies, presenting Elizaveta as new Judith or Deborah, and even comparing her to Jesus Christ. The same line of visual images was used to decorate the solemn entrance of the new empress to Moscow. The preachers were emphasizing the providential character of Elizaveta's ascension to power, while leaving all kinds of juridical legitimation (like the testament of Catherine I) almost totally neglected. In general, these sermons and panegyrics exploited four main strategies of legitimation of the power of the new empress: the providential origin of her power, the motif of sacrifice, the understanding of a palace coup as a miracle, and the Petrine cult and the rhetorical figure of embodiment (Elizaveta as a new Peter). This political ideology was peculiar, combined the religious tradition, the concepts of Baroque Catholicism (translated through Kiev) and the Russian innovations derived from the Westernization process.

REFERENCES

1. Milyukov, P.N. (1903) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Pt. 3. Is. 2. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
2. Letnyakov, D.E. (2012) *Ocherki istorii russkoy politicheskoy mysli* [Essays on the history of Russian political thought]. Moscow: Letniy sad.
3. Isaev, I.A. & Zolotukhina, N.M. (2003) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy Rossii* [History of political and legal doctrines of Russia]. Moscow: Yurist.
4. Tsyganov, V.I. & Shlykov, V.A. (2013) The legitimacy of the supreme authority of Russian autocracy in the late 18th – first half of the 19th century. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 5–1. pp. 301–305. (In Russian).
5. Uspenskiy, B.A. & Zhivov, V.M. (1994) Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and god Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia]. In: Uspenskiy, B.A. *Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: v 2 t.* [Selected Works. Semiotics history. Semiotics of culture: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
6. Kagarlitskiy, Yu.V. (1999) Sakralizatsiya kak priem: resursy ubeditel'nosti i vliyatel'nosti imperskogo diskursa v Rossii XVIII veka [Sacralization as a technique: resources of persuasiveness and influence of imperial discourse in Russia of the 18th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 38. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html. (Accessed: 01.06.2018).
7. Kislova, E.I. (2014) The Mother in the Era of the Daughter. Catherine I in Ecclesiastical Panegyrics of the Elizabethan Era. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. III. Filologiya*. 3 (38). pp. 36–50. (In Russian).
8. Okenfuss, M. (1995) *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia*. Leiden; New York; Koln: E. J. Brill.
9. Zakrzhevskiy, A.G. (2015) The national and western European cultural tradition in the life of higher Orthodox clergy in the early decades of the "Synodal Epoch". *Filaretovskiy al'manakh*. 11. pp. 86–92. (In Russian).
10. Kislova, E.I. (2011) Izdanie pridvornykh propovedey v 1740-e gody [Publication of court sermons in the 1740s]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek. Sbornik 26. Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka* [18th century. Collection 26. The old and the new in the Russian literary consciousness of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka.
11. Kurukin, I.V. (2003) *Epokha "dvorskikh bur'": Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg.* [The Epoch of "Court Storms": Essays on the Political History of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.
12. Petrov, A.V. (2011) Mythological and political formulae in manifestoes and odes of 1741–1742 ("Mythology of the Power" in political and literary cultures in Russia of the 18th century). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 31. pp. 152–161. (In Russian).
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. XI. 1740–1743. St. Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
14. Anon. (1744) *Obstoyatel'noe opisanie torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneyshego koronovaniya Eya Avgusteyshego Imperatorskogo Velichestva vsepresvetleyshiya derzhavneyshiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elisavet Petrovny samoderzhitsy Vserossiyskoy, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A detailed description of the solemn order of the safe entry into the ruling city of Moscow and the most sacred coronation of Her Imperial Majesty, Great Empress Elizaveta Petrovna of Russia, the entry to be on February 28, the crowning on April 25, 1742]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk.
15. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.
16. Anisimov, E.V. (2010) *Afrodita u vlasti: Tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Aphrodite in power: The reign of Elizaveta Petrovna]. Moscow: AST: Astrel'.
17. Grigor'eva, I.L. & Salonikov, N.V. (2009) Istoriya biblioteki Novgorodskoy dukhovnoy seminarii: 1706–1925 gg. [History of the Novgorod Theological Seminary Library: 1706–1925]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU*. 53. pp. 16–19.
18. Amvrosiy (Yushkevich). (1741) *Slovo v vysochayshiy den' rozhdeniya blagochestiveyshiya samoderzhavneyshiya velikiya gosudaryni nasheya imperatritsy Elisavety Petrovny vseya Rossii dekabrya 18 dnya, 1741 goda* [A word on the highest birthday of the piety of the autocratic great empresses of our empress Elizabeth Petrovna of All Russia on December 18, 1741]. St. Petersburg: Akad. nauk.
19. Markell (Rodyshevskiy). (1742) *Slovo na den' Rozhdestva Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Khrista* [Word on the day of the Nativity of God and our Savior Jesus Christ]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
20. Platon (Malinovskiy). (1752) *Slovo v den' rozhdeniya Eya Imperatorskago Velichestva* [Word on the birthday of Her Imperial Majesty]. Moscow: Mosk. tip.
21. Porfiriy (Krayskiy). (1742) *Slovo v velikiy pyatok, na strasti gospoda nashego Iisusa Khrista* [A word on great Friday, on the passion of our Lord Jesus Christ]. Moscow: Mosk. tip. 22. Porfiriy (Krayskiy). (1750) *Slovo v vysokotorzhestvennyy den' vstupleniya na vserossiyskiy prestol Eya Imperatorskago Velichestva blagochestiveyshiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elisaveti Petrovny samoderzhitsy Vserossiyskiya* [A word on the highest day of the accession to the All-Russian throne of Her Imperial Majesty Great Sovereign Empress Elizaveti Petrovna, the autocrat of all Russia]. Moscow: Mosk. tip.

23. Aleksey (Florov). (1743) *Slovo na vysokotorzhestvennyy den' rozhdeniya eya imperatorskago velichestva vsepresvetleyshiya i samoderzhavneyshiya velikiya gosudaryni pervyya imperatritsy materi vsemilostiveyshiya Elisavety Petrovny* [A word to the highly celebrated birthday of her imperial majesty, all the most luminous and autocratic great sovereign of the first empress all-merciful Elisabeth Petrovna]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
24. Sil'vestr (Kulyabka). (1746) *Svyatyy i vseradostnyy sushchimi synami Rossiyskimi dolgo ot Boga iskannyy, a prezhde chetyrekh let ot egozhe Ottsa vsyakiya utekhi vozsiyavshiy, na naslednyy Roditelskiy Prestol Vozshestviya, Blagochestiveyshiya Samoderzhavneyshiya Velikiya Gosudaryni Nasheya Imperatritsy Elisaveti Petrovny vseya Rossii den'* [The holy and joyful day of the crowning of Great Empress Elisabeth Petrovna of all Russia]. Moscow: Mosk. tip.
25. Simon (Todorskiy). (1747) *Slovo v den' vysochayshago rozhdeniya blagochestiveyshiya Samoderzhavneyshiya Velikiya Gosudaryni Nasheya Imperatritsy Elisaveti Petrovny vseya Rossii* [Word on the day of the highest birth of the pious Autocratic Great Empress Elizaveta Petrovna of All Russia]. Moscow: Sinod. tipografiya.
26. Anon. (1745) *Blagoutrobie Marka Avreliya kesarya rimskogo. Dialog s prologom i epilogom* [The grace of Marcus Aurelius, Caesar of Rome. Dialogue with the prologue and epilogue]. Kiev: [s.n.].
27. Marker, G. (2007) *Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Received: 16 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 139–147. DOI: 10.17223/15617793/436/16

УДК 582.29:504.3.054(571.14)

Е.Г. Водичев

В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ТУПИКЕ: ОТРАСЛЕВАЯ НАУКА НА ВОСТОКЕ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00170 «Наука и ученые в восточных регионах России в мобилизационной парадигме (1930 – начало 1950-х гг.)»).

Характеризуется ситуация в «гражданском» сегменте отраслевой науки в восточных регионах СССР в условиях сохранявшейся в послевоенные годы «мобилизационной» парадигмы развития. Анализ проведен на фоне экономических и технологических «вызовов» послевоенного времени и их отражения в советской научно-технической «протополитике». Особое внимание уделяется характеристике сети науки научных учреждений в отраслевом и территориальном разрезах. Сделан вывод о принципиальном несоответствии потенциала «гражданской» отраслевой науки масштабу стоящих перед научно-техническим комплексом страны и региона задач.

Ключевые слова: отраслевая наука; технологические вызовы; поздний сталинизм; восточные регионы СССР; мобилизационная парадигма.

Общая характеристика экономических «вызовов» послевоенного времени. Завершение Второй мировой войны обернулось для Советского Союза политическим триумфом, сопряженным с тяжелыми экономическими и социальными последствиями. Наряду со многими другими задачами, в стране предстояло довести до логического завершения индустриализацию в тех секторах, где накануне войны так и не был достигнут современный уровень индустриального производства. Это касалось почти всех отраслей машиностроения, за исключением тяжелой промышленности, транспорта (хотя развитие транспортной инфраструктуры и сети коммуникаций оставалось крайне неудовлетворительным) и военной индустрии в целом. Однако для достижения стратегических перспектив было необходимо решить еще одну, связанную с первой, проблему – обеспечить переход экономики на новый технологический уровень.

Последнее требовало системности и комплексности при формировании стратегии экономического развития. Окончание войны оставляло шанс для восстановления производства с одновременным изменением его структуры и повышением технологической культуры, проведением масштабной реконверсии, усилением социального вектора экономического развития. Этого, однако, не произошло, и после завершения реконструктивных процессов советская экономика оставалась крайне милитаризованной, а реконверсия была далеко не полной. СССР сохранял экономику воюющей страны, а структура и характер развития экономического потенциала совершенно не отвечали задачам мирного времени.

Начавшаяся в 1946 г. «холодная война» служила оправданием для высокого уровня милитаризации производственного потенциала СССР. Однако не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что такой тип мобилизационной экономики стал «родовым признаком» сталинского режима, не изменившись и в первые послевоенные годы. На «внешних врагов» в условиях формирующегося биполярного мира списывалась невозможность обеспечить усиление социальных направлений в развитии экономики, а о модификации модели взаимоотношений власти, государства и общества вопрос вообще не стоял.

Весьма противоречивым оставался и подход к территориальным пропорциям экономического развития. Напомним, что задача сдвига производственного потенциала на восток предусматривалась еще в 1930-е гг. в рамках первых пятилетних планов. Чрезмерная концентрация производства в центральных и западных регионах правомерно рассматривалась как фактор, сдерживающий экономическое развитие, формирующий социально-политические диспропорции и создающий потенциальную угрозу национальной безопасности. Наиболее перспективными в плане размещения производительных сил считались восточные регионы России.

Как известно, война привела к фантастическому по своим масштабам перемещению производственной базы на восток и юго-восток, за тысячи километров от прежнего «хартленда», который исторически формировался в континентальной империи на протяжении столетий. Парадоксальным образом в результате войны было достигнуто такое изменение пропорций в развитии потенциала восточных территорий, которое вряд ли бы удалось осуществить за десятилетия мирного развития. Уровень производственного потенциала периферийных регионов существенно возрос. Реэвакуация не была полной: на востоке и юго-востоке, на Урале, в Сибири, в Казахстане остались многочисленные промышленные предприятия. Однако по большей части они принадлежали к военному сектору экономики, и в силу своей «закрытости» не могли стать основой для комплексного развития территорий размещения. Если ко времени окончания войны для военно-промышленного комплекса (ВПК) результаты масштабного сдвига производственной базы на восток были очевидными, то в «гражданских» секторах экономики эта задача вновь отодвигалась на перспективу. К тому же планируемый там «восточный сдвиг» отражал прежде всего «нарастающую потребность в сырьевых и энергетических ресурсах, которую испытывали развитые западные районы СССР» [1. С. 144].

После окончания войны прежняя экономическая модель со всеми особенностями, присущими индустриализационному варианту развития на основе мобилизационной парадигмы, сформировавшаяся еще в 1930-е гг., в целом восстанавливалась [2. С. 21–59]. Сохранялись старые подходы и к структуре производства, и к инвестиционным приоритетам – развитие экономики осуществлялось, как и прежде, за счет возрастающей нагрузки на население страны. Во всяком случае, именно на этой основе строились проектировки послевоенных пятилетних планов. Акценты по-прежнему расставлялись в пользу приоритетного развития тяжелой промышленности, а наукоемкое производство оставалось «за кадром», по крайней мере – в «гражданских» секторах экономики [3. С. 4]. Как выяснилось впоследствии, сохранение прежних приоритетов оказалось крайне затратным. «В одну и ту же реку нельзя войти дважды – за масштабное и насильственное изъятие продовольствия в течение четверти века, между 1928 и 1953 гг., на протяжении последующих десятилетий придется дорого платить» [4. С. 327–328]. Но в первые послевоенные годы постановка вопроса о смене приоритетов развития перспектив явно не имела.

Технологические «вызовы» и особенности научно-технической политики. Не менялись и технологические приоритеты в гражданском сегменте экономики. Объективно перед советской экономикой стояла задача масштабного перехода на более высокий технологический уровень. Если анализировать зарубежные тренды, то фактически речь должна была идти об ускоренном формировании нового технологического уклада внутри советской экономической системы. В передовых экономиках Запада высокие темпы технологического обновления производства стали сочетаться с фронтальным научно-техническим прогрессом, вышедшим за рамки относительно узкого набора приоритетов, имеющих преимущественно оборонное значение. Принцип «ведущего звена» отошел в прошлое, а технико-технологический прогресс в экономике стал приобретать более сбалансированный и системный характер. Такой уровень системности для советской экономики с жесткими акцентами на производстве средств производства и доминированием отраслей ВПК оказался недостижим.

Формирование нового технологического уклада было невозможным без ускоренного развития новой техники, технологий, инноваций в целом. Однако в экономической политике послевоенного времени этим вопросам не уделялось сколько-нибудь достойного внимания. Да и о какой-либо технической политике, а тем более научно-технической или инновационной, можно было говорить лишь с высокой долей условности [5]. Существовала лишь некая «протополитика», в рамках которой в первые послевоенные годы проблема генерирования инноваций явно не относилась к числу приоритетных. В историографии справедливо утверждается, что «…по-прежнему, если не на словах, то на деле адаптация зарубежного научно-технического опыта и форсированное наращивание на этой основе экономических возможностей страны рассматривались в качестве первоочередной задачи» [6. С. 49].

Очевидным исключением из этого правила являлись лишь ряд секторов военно-промышленного комплекса, хотя и там при решении «задач номер один, номер два и номер три», связанных с разработкой ядерного оружия, средств его доставки и систем наведения, использование зарубежного опыта некоторое время являлось важнейшим инструментом. Осознание необходимости формирования собственной научно-технической базы происходило постепенно, по мере продвижения вперед в решении «оборонных» задач [7].

В 1940-е – начале 1950-х гг. научно-технический прогресс носил в стране «островной» характер, не выходя в сколько-нибудь существенной мере за рамки военно-промышленного комплекса. В то же время трансферт ноу-хау и технологий в «гражданские» сектора экономики оставался практически заблокированным из-за завесы секретности, высочайших ведомственных барьеров, атмосферы подозрительности и шпиономании. Там воспроизводился прежний технологический уклад. При этом крайне слабой оставалась фундаментальная основа для развития технико-технологического прогресса – развитие научных исследований, ориентированных на «гражданские» отрасли экономики. Несмотря на быстрое количественное увеличение ряда показателей научного потенциала, таких как численность научных учреждений и научно-технического персонала, в стране отсутствовала единая научно-техническая политика как совокупность целей и задач по использованию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для обеспечения приоритетов государственного развития [8. С. 444–445].

В то же время формирование технической политики на основе заимствованных технологий могло оставаться актуальным лишь на протяжении относительно короткого времени. Во-первых, зарубежные источники получения оборудования, как и сроки, в течение которых вывоз технологий оставался возможным, были крайне ограниченными и уже в 1946 г. со всей очевидностью показали свои пределы. Во-вторых, вывоз технологий касался все же весьма небольшого количества отраслей и не мог решить проблемы повышения технологической культуры всей экономики страны. В-третьих, зависимость производств от технологий, не имеющих собственной научной базы внутри страны, представлялась чрезвычайно рискованной, особенно в военно-технической сфере и машиностроении, основе производственного потенциала экономики [9. С. 167].

Опираясь на заимствованные технологии, очень скоро страна рисковала оказаться в технологическом тупике. Выходом из такой ситуации могло стать только ускоренное развитие собственной научно-технической и технико-технологической инфраструктуры. Начиная с первых послевоенных лет формирование такой базы форсированными темпами происходило в ключевых отраслях ВПК, но, как уже отмечалось, в условиях заблокированного перетока научно-технологических решений в «гражданские» сектора, в остальном в первое послевоенное десятилетие советская экономика явно переставала соответствовать духу времени. Представляется справедливым мнение

тех специалистов, кто делает вывод «о недооценке на официальном уровне роли отечественной науки в технико-технологическом прогрессе» [6. С. 51].

Характер экономического потенциала на востоке СССР. В полной мере это касалось и восточной макрозоны страны, экономическая ситуация в которой оставалась в послевоенные годы весьма сложной. Массовая реэвакуация промышленных предприятий на места их прежней дислокации не была полной – значительная их часть из стратегических соображений оставалось на территории востока СССР. Фактически в регионе, как и в стране в целом, сформировался огромный «Архипелаг ВПК» со своей собственной системой научно-технического и технико-технологического обеспечения, выросший в окружении предприятий, действовавших в рамках устаревших технологических укладов, и практически изолированный от прочих сегментов региональной экономики.

Именно там и коренилось большинство проблем для региона. В литературе отмечается, что «интенсифицируя оборонное производство, война резко затормозила развитие традиционной экономики в регионе. …Война отрицательно сказалась на состоянии местной промышленности, всех видов транспорта. Чрезвычайные обстоятельства военного времени имели краткосрочное влияние на темпы индустриального развития Сибири. Они в дальнейшем затормозились в связи с процессами реконверсии, а в некоторых важнейших промышленных центрах наблюдалось даже снижение выпуска валовой продукции. … Отрицательные последствия войны сказывались на экономике Сибири вплоть до середины 50-х гг., а некоторые и до сих пор, поскольку на ее территории оказались производства, которые в мирное время здесь никто бы не стал создавать» [10. С. 14].

Экономическое развитие восточных регионов СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. отличалось определенной спецификой по сравнению с европейской частью России. Несмотря на отсутствие оккупации и массовых разрушений основных фондов, к началу первого послевоенного десятилетия в общем и целом экономическая ситуация на востоке была хуже. Промышленность здесь оказалась более милитаризованной, соответственно задачи реконверсии носили более сложный и глубокий характер.

К тому же в первые послевоенные годы изменились воспроизводственные пропорции в экономике и межрегиональное перераспределение ресурсов. Инвестиции перераспределялись в регионы, в наибольшей степени пострадавших от военных действий и оккупации. В результате совокупная доля Сибири и Дальнего Востока в капиталовложениях в 1946–1950 гг. существенно снизилась по сравнению с предвоенным периодом.

Следует также отметить, что в Сибири наметилась тенденция существенного более высокого роста отраслей топливно-энергетического комплекса по сравнению с промышленностью в целом. Во второй половине 1940-х гг. экономический профиль восточных регионов страны изменился. В промышленности Сибири и Дальнего Востока снизился удельный вес черной металлургии, машиностроения и металлообработки, химической промышленности, легкой промышленности. Напротив, доля отраслей, производящих первичное сырье (угольная промышленность, лесоразработка и деревообработка, цветная металлургия и др.), повысилась [11. С. 28–31]. В результате усилилась ресурсная ориентация экономики региона.

Однако уже к началу 1950-х гг. на экономическом горизонте все более отчетливо проступали социально-экономические ограничения стратегий, ориентированных лишь на использование Сибири как сырьевого придатка европейской России. Возникли новые проблемы и в экономическом комплексе страны в целом. С одной стороны, чрезмерная концентрация перерабатывающих отраслей промышленности в центральной и западной частях СССР при постоянном увеличении масштабов производства приводила к огромному перенапряжению транспортных потоков. С другой стороны, деформированная структура производства внутри Сибирского региона все сильнее ограничивала перспективы его дальнейшего роста, формируя не только экономические, но и социальные вызовы и повышая экологическую нагрузку на среду обитания до недопустимого уровня. К тому же сами по себе ресурсные отрасли экономики региона нуждались в рационализации, техническом перевооружении и значительном росте эффективности производства.

В целом же изменение территориальных акцентов в развитии экономики по сравнению с предвоенным периодом для восточной макрозоны России обернулось значительно более низкими темпами экономического развития. Постепенно приходило понимание, что данная ситуация представляет большую опасность для экономического комплекса страны в целом. В целях преодоления сложившейся асимметрии вновь был акцентирован курс на ускоренное развитие восточных регионов страны, прежде всего Сибири и Дальнего Востока.

Отраслевая наука региона: возможности и ограничения. Масштабность экономических вызовов, стоящих перед экономикой восточных территорий страны, требовала адекватных инструментов для «расшивки» проблемных ситуаций. Многое упиралось в остро вставшую проблему научно-технического и технико-технологического обеспечения производства и социально-экономического развития в целом. Решение ее в рассматриваемый период оказалось связанным со значительными сложностями. Как уже отмечалось, рассчитывать на трансферт технологий от предприятий ВПК в «гражданскую» экономику не приходилось. Возможности использования в регионе зарубежных технологий также были весьма ограниченными. К тому же возникала проблема адаптации зарубежной техники и технологических решений. Именно ее, наряду с разработкой собственных научно-технических и технико-технологических решений, что уже в краткосрочной перспективе должно было стать гораздо более важным фактором развития экономики, предстояло решить отраслевой науке.

Основной груз ответственности должны были взять на себя центральные научно-исследовательские учреждения (НИУ) соответствующих ведомственных

вертикалей, по большей части в рассматриваемый период расположенные в центре страны. Однако при этом оставалась не менее сложная задача регионализации научных и технико-технологических разработок для использования в суровых условиях локализованных в Сибири предприятий. Решать ее предстояло отраслевой науке региона, а также ограниченному сегменту «заводской науки», комплексу научно-технических подразделений субъектов экономической деятельности, которые также зачастую рассматривают в рамках отраслевого сегмента научного потенциала. Вопрос заключался в том, в какой мере «гражданская» отраслевая наука восточных территорий СССР была готова к решению такой задачи.

Основные организационные тенденции в развитии отраслевой науки в восточных регионах России были производными от общей стратегии научно-технического развития страны. Именно в отраслевой науке в наибольшей степени проявилось стремление перенести в эту сферу складывающиеся в годы первых пятилеток хозяйственные практики. Принцип приближения институтов к производственной базе был сформулирован еще накануне первой пятилетки. Став отправной точкой научно-организационной стратегии, он определял территориальный сдвиг науки на восток, ближе к реальному производству. Ускоренное «освоение» восточных регионов страны отраслевой наукой обозначилось еще в 1930-е гг., однако на протяжении всего предвоенного десятилетия оно носило крайне противоречивый характер [12. С. 136–147]. Локализация НИУ была обусловлена аргументами отдельных ведомств, однако с точки зрения региональной и общенаучной целесообразности она зачастую оказывалась далеко неоптимальной.

Вторая мировая война существенно изменила территориальный профиль отраслевой науки. В годы войны произошло массированное перемещение на восток не только промышленных предприятий, но и многочисленных НИУ. Сеть учреждений отраслевой науки в регионе, в особенности в Западной Сибири, существенно увеличилась, причем это касалось как индустриальных, так и аграрных и медицинских институтов, отделений и филиалов. В целом война создала научно-организационные предпосылки ускоренного продвижения науки на Урал и в Сибирь и формирования здесь новых научных учреждений.

Но главным образом передислокация промышленных предприятий на восток обусловила быстрое развитие в регионе научных учреждений, обслуживающих оборонный комплекс, которые в том или ином виде остались в местах нового размещения и после окончания войны. Однако, как и в сфере промышленного производства, в послевоенные годы граница между «оборонным» сегментом отраслевой науки, и ее «гражданской» частью оставалась незыблемой.

Как часть вертикально интегрированных производственных комплексов, подчиненная в организационном отношении соответствующим ведомствам, отраслевая наука была тесно связана с реальным сектором экономики. Именно здесь можно было ожидать наибольших корреляций между локализацией научных учреждений и производством. Логично предположить, что отраслевая наука в гораздо большей мере, чем другие сегменты советской научной системы, отразит в своем пространственном развитии объективные потребности экономических трансформаций.

Традиционно основной характеристикой при исследовании институциональных аспектов развития науки является анализ структуры ее сети и кадрового потенциала. Исходя из теоретических предпосылок, для восточных регионов России институциональные трансформации должны были означать опережающий рост сети и кадрового потенциала локализованных там отраслевых НИУ, изменение структуры сети в пользу наиболее эффективных и устойчивых ее компонентов, обеспечение тесной корреляции между профилем производственной деятельности и спецификой реализуемых в отраслевых НИУ научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Произошло ли это на самом деле и насколько реальная ситуация соответствовала теоретическим построениям? Ответы на эти вопросы позволяли оценить возможности отраслевой науки решать объективно стоящие перед регионом социально-экономические и социокультурные задачи.

После окончания войны сеть научных учреждений, подчиненных различным ведомствам, на территории Сибири была довольно обширной. По имеющимся данным, к 1946 г. в регионе действовало 94 НИУ различной ведомственной принадлежности, без учета учреждений АН СССР, а также архивов и музеев, работавших практически в каждом республиканском, краевом и областном центре [12. С. 235, 237]. Статус «научных» на такие учреждения можно было распространить лишь с большой долей условности. Вместе с тем, лишь 1/5 часть всех НИУ состояла из самостоятельных научно-исследовательских институтов (16 НИИ) и их отделений и филиалов (4 НИУ). Институты и филиалы составляли ядро научного потенциала отраслевой науки, в них работала почти половина всех научных работников ведомственных НИУ. В то же время свыше 2/3 от общего количества отраслевых НИУ (65 учреждений) Сибири было представлено опытными и научно-исследовательскими станциями, опорными пунктами, опытными полями и питомниками.

Сеть отраслевых НИУ в Сибирском регионе отличалась определенным своеобразием. Несмотря на явное доминирование в составе региональных НИУ таких незначительных по размеру, слабых по своему потенциалу и, как правило, не ведущих самостоятельных НИОКР учреждений, как опытные и научно-исследовательские станции, опытные поля, питомники и заповедники, она включала в себя, как отмечалось выше, довольно значительную часть НИИ и их филиалов. Некоторые из них были достаточно крупными по меркам учреждений отраслевой науки. Так, например, в филиале Макеевского НИИ по безопасности работ в горной промышленности работало 34 сотрудника, правда, научных работников среди них было всего семь. В Сибирском филиале Всесоюзного научно-исследовательского маркшейдерского института работало всего шесть научных сотрудников. Никто из них не имел ученых степеней и званий

[13. Л. 37]. Оба института находились в ведении Министерства угля СССР.

Были исключения и среди научно-исследовательских станций. Они относились в основном к учреждениям, расположенным в полярных районах и находившихся в ведении Главсевморпути. Например, штат полярной станции «Диксон» состоял из 116 чел., «Мыс Челюскина» – 44 чел. (обе территориально относились к Красноярскому краю). Значительная численность работающих была характерна и для селекционных станций Министерства земледелия СССР. В Алтайском крае в таких НИУ в Барнауле и Славгороде в совокупности работало более 300 чел., но лишь 14 из них являлись научными сотрудниками. В Восточной Сибири в аналогичных учреждениях в поселке Солянка (Красноярский край) и г. Тулун (Иркутская область) работало более 250 чел. в каждом. Количество научных сотрудников также было ограничено 15 и 10 специалистами. Крупнейшей селекционной станцией в Сибири являлась Ленинск-Кузнецкая в Кемеровской области – 323 работника, в том числе семь научных сотрудников [13. Л. 89].

Размещение отраслевых НИУ по территории Сибирского региона на макроуровне было почти равным в западной и восточной частях региона при некотором превышении удельного веса Восточной Сибири по общему количеству НИУ. Самостоятельные НИИ равномерно распределялись между двумя частями Сибири. Половина от общего числа НИИ была представлена научно-исследовательскими институтами медицинского профиля, которые действовали в Омске, Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске и Чите. Особенностью Восточной Сибири был высокий удельный вес отраслевых институтов гуманитарного профиля. Они составляли $^{1}/_{4}$ часть всех отраслевых институтов. Эти НИИ работали в национальных автономиях Восточной Сибири – в Абакане, Кызыле, Якутске и Улан-Удэ – при правительствах соответствующих автономных республик и областей. Следует отметить, что к 1951 г. количество таких НИИ возросло уже в Западной Сибири, за счет формирования Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (НИИЯЛИ). Такие комплексные научные учреждения гуманитарного профиля в 1930-е – 1950-е гг. создавались в большинстве национальных автономий СССР [14. С. 451–452].

Эти же НИИ среди других отраслевых научных учреждений обладали и наиболее квалифицированным кадровым составом. Например, в 1946 г. в Якутском НИИЯЛИ из 18 научных сотрудников пятеро имели степени кандидатов наук, в расположенном в Абакане (Красноярский край) Хакасском НИИЯЛИ работало 12 научных сотрудников, в том числе три кандидата наук, в Тувинском НИИЯЛИ в Кызыле из пяти научных работников двое были кандидатами наук [13. Л. 54–55].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в западной части Сибирского региона крупными научно-исследовательскими организациями являлись действовавший в Новосибирске Институт мер и измерительных приборов, переведенный в этот город из Томска, подведомственный ВАСХНИЛ Сибирский НИИ зернового хозяйства в Омске и Сибирский НИИ животноводства в Новосибирске, а также Кузнецкий научно-исследовательский угольный институт в г. Прокопьевске Кемеровской области. В крупнейших городах Западной Сибири действовало четыре НИИ медицинского профиля [12. С. 235–236].

Некоторые из этих институтов возникли еще в 1930-е гг., другие, в особенности относящиеся к высокотехнологичным секторам производства, что, однако, для «гражданского сегмента» отраслевой науки было большой редкостью, сформировались в годы войны и быстро развивались в послевоенные годы. В этом плане типичной является история Института мер и измерительных приборов, начавшего свою деятельность в 1944 г. Уже за рамками рассматриваемого периода, к середине 1950-х гг. на базе этого НИИ возникла вторая метрологическая база СССР, что позволило ему в дальнейшем претендовать на роль главного центра эталонов в некоторых областях измерений и эталонной базы на востоке России [15. С. 774].

Крупными научными учреждениями считались филиалы институтов горнодобывающего профиля, расположенные в Кузбассе, Прокопьевске и Ленинск-Кузнецке (уже упоминавшиеся Кузнецкий угольный институт, филиал Макеевского НИИ и Сибирский филиал Всесоюзного научно-исследовательского маркшейдерского института), а также отделение ВНИИ озерного и речного хозяйства в Тобольске, Тюменской области. Аналогичное учреждение работало и в Якутии, на востоке региона.

В Восточной Сибири одним из крупнейших отраслевых НИИ являлся Иркутский институт редких и цветных металлов («Иргиредмет») Министерства цветной металлургии СССР, созданный еще в 1930-м г. и претерпевший в годы войны ряд реорганизаций. Институт занимался исследованиями и разработками в интересах золотодобывающей промышленности, имел собственную экспериментальную и производственную базу.

В количественном отношении среди НИИ Восточной Сибири весомую долю занимали учреждения медицинского и санитарного профиля. В Иркутске работало сразу несколько медицинских НИИ – Институт эпидемиологии и микробиологии (аналогичный институт работал и в Красноярске), Иркутский институт травматологии и ортопедии, Противочумный институт, Ангарский НИИ гигиены труда и профзаболеваний. Ведущим учреждением санитарно-гигиенического профиля в Забайкалье являлся Читинский институт эпидемиологии и микробиологии [16. С. 215–216]. Однако в целом в системе отраслевой науки Сибири доминировали учреждения сельскохозяйственной науки, в основном опытные станции и поля [13. Л. 1–163].

Если же рассматривать территориальный «срез» сети отраслевой науки на востоке России в более широкой проекции, добавляя к исходным данным сведения и по Уральскому, и по Дальневосточному регионам, то здесь наблюдается в целом ожидаемая картина. Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что на Урале (в границах Уральского экономического района, т.е. в то время включая

Башкирскую АССР) работало приблизительно столько же НИУ, сколько в Сибири и на Дальнем Востоке вместе взятых. При этом большая часть таких учреждений была сосредоточена на Среднем Урале, в Свердловской области (23 из 33 НИУ учитываемого в статистических расчетах типа). В Свердловске было расположено больше всего самостоятельных НИИ, а также филиалов, отделений лабораторий других НИИ среди всех регионов восточной части страны. Очевидно, что в первые послевоенные годы именно Свердловск, с учетом действующих там Уральского филиала АН СССР и значительного количества вузов, с полным основанием мог претендовать на роль «научной столицы» российской периферии. Кроме Свердловска, уральские НИУ размещались также в Уфе, Молотове (Перми) и Чкалове (Оренбурге).

Во-вторых, очевидна тенденция уменьшения количества НИУ при продвижении с запада на восток. Однако внутри сибирских регионов она имела сглаженный характер: в Западной Сибири (с учетом Тюменской области) и в Восточной Сибири (включая Якутскую АССР, исходя из действовавших в то время принципов экономического районирования) количество НИУ было практически одинаковым – соответственно, 13 и 12 учреждений), а вот Дальний Восток в этом отношении значительно отставал (9 НИУ). На Дальнем Востоке 2/3 НИУ концентрировались в Хабаровском крае, который в рассматриваемый период представлял собой обширную территорию, включавшую не только современную Амурскую область, но и весь северо-восток РСФСР. 1/3 НИУ территориально располагалась в Приморском крае, во Владивостоке. Дефицит научного обеспечения отдаленных российских территорий на востоке страны со всей очевидностью просматривался даже по данным статистики. При этом хотелось бы подчеркнуть, что статистически учтены лишь самостоятельные НИИ, а также их филиалы, отделения и территориально обособленные лаборатории. Другие научные учреждения, многочисленные, но, за редкими исключениями, не имеющие значительного штата научных работников (научно-исследовательские и опытные станции, опытные поля, заповедники, музеи, архивы, библиотеки и т.п.) в данном случае остаются вне поля анализа.

Точками концентрации отраслевых НИУ в Западной Сибири ожидаемо стали два крупнейших промышленных региона – Новосибирск (20,8% от всех локализованных в Сибири НИУ) и Кемеровская область (12,5%) и два аналогичных в Восточной Сибири – Красноярский край (16,7%) и Иркутская область (12,5%). Среди всех территориально-административных образований Сибири НИУ учитываемого типа не было лишь в Алтайском крае, хотя в этом преимущественно аграрном регионе работала значительная часть опытных станций и полей сельскохозяйственного направления, которые в данном случае статистикой не учитываются.

Более 1/3 локализованных в регионе НИУ относилось к категории промышленных, обслуживая различные сферы индустриального производства и строительства. Из них 2/3 было расположено в Западной Сибири, и 1/3 – в Восточной. При этом специализированных НИУ в области транспорта и связи в рассматриваемый период в Сибири вообще не существовало. Однако ведущая по количеству учреждений группа НИУ (40%) была все же представлена не промышленными НИИ, а институтами, работавшими в области охраны здоровья и медицины. Они в равной пропорции распределялись между двумя частями Сибири. Значительная часть НИУ (16%) состояла из учреждений статистической группы «Просвещение и культура». Среди институтов это был уже упоминавшийся НИИЯЛИ [13. Л. 1–163].

Все крупные НИУ, относящиеся к сфере сельскохозяйственного производства, находились в Западной Сибири, в Новосибирске и Омске. В первой половине и середине XX в. Омская область считалась ведущим центром аграрной науки на востоке России. Локализация в Омской области сельскохозяйственных НИУ имела давние исторические корни. Вместе с тем, как уже отмечалось, научные и экспертные возможности еще одного сибирского аграрного региона – Алтайского края – в рассматриваемый период были ограничены лишь небольшим количеством сотрудников опытных полей и научных станций.

Статистический анализ показывает, что сибирские НИУ тяготели к местам размещения предприятий тех отраслей производства, которые они были призваны обслуживать – угольной промышленности (Кемеровская область), машиностроения (Новосибирск, Томск), лесной промышленности (Красноярский край), сельского хозяйства (Новосибирск, Омск), т.е. по большей части ресурсных отраслей. Не менее значимым фактором локализации крупных НИУ являлась развитая городская среда – институты, работающие в сфере медицины и санитарии, распределялись по городам региона относительно равномерно, тяготея, однако, к большим городам (Новосибирск, Иркутск). НИИ культурологического профиля располагались в этнонациональных районах, имея специфическую социокультурную и идеологическую миссию и решая соответствующие задачи (Абакан, Кызыл, Улан-Удэ и Якутск).

Территориальное распределение научных кадров отраслевой науки Сибири практически полностью воспроизводило географию сети НИУ. Численность научных сотрудников, работавших в учреждениях отраслевой науки в западной и восточной частях региона, была практически равной, коррелируя с размещением НИУ в каждой из них.

Реальные возможности структурных компонентов сети НИУ характеризует численность научного персонала в разрезе различных типов научных учреждений. Как уже отмечалось, наиболее высокой концентрация научного персонала была в специализированных НИИ и их отделениях и филиалах, где работала почти половина от общего количества научных сотрудников отраслевой науки Сибирского региона. Именно в таких НИУ были заняты все доктора наук (семь человек на начало 1946 г.) и 2/3 кандидатов наук (57 из 86). Оставшаяся треть специалистов с учеными степенями кандидатов наук являлась сотрудниками опорных пунктов, опытных полей, питомников и заповедников, то есть НИУ сельскохозяйственного профиля.

Специализированные НИИ обладали достаточно высоким уровнем квалификации персонала – каждый пятый научный сотрудник таких учреждений имел ученую степень доктора или кандидата наук. Для регионального сегмента отраслевой науки в целом соответствующие показатели не превышали и 10%. Вместе с тем даже в крупных НИИ проблема квалифицированного персонала стояла очень остро. В уже упоминавшемся «Иргиредмете» в 1948 г. лишь 36% сотрудников имели высшее образование, и только три человека (из 160 работников) обладали ученой степенью кандидатов наук [16. С. 224].

К началу первого послевоенного года отраслевая наука в Сибири вряд ли могла быть отнесена к доминирующему сегменту регионального научного потенциала. Несмотря на то, что именно к отраслевой науке относилось почти 2/3 всех действовавших в Сибири НИУ и вузов, в них, по имеющимся данным, работало менее 1/5 научных работников и менее 8% тех специалистов, кто обладал ученой степенью кандидата или доктора наук [17. С. 157].

Анализ статистической информации показывает, что в структуре научно-производственного комплекса (НПК) региона в первые послевоенные годы явно доминировали учреждения высшей школы (3 882 научных работника), но не отраслевая наука (963) и тем более не Академия наук (115 научных работников) [17. С. 157]. Хотя это относилось к обеим частям Сибири, межрегиональные различия также были очевидны. При одинаковом количестве научных работников в обеих частях региона в абсолютных показателях, доля научных работников отраслевых НИУ в совокупной численности научных работников региона варьировала в Сибири в широких пределах. В Западной Сибири она составляла всего лишь 17%, в то время как в Восточной – почти 38%. В то же время по общему количеству НИУ учреждения науки, расположенные в регионе и подведомственные министерствам и ведомствам, более чем в три раза превышали совокупные показатели вузов и НИУ АН СССР. Это характеризовало структуру сети, отражало реальные возможности отраслевых НИУ и являлось объективным показателем ограниченности потенциала отраслевой науки.

При итоговых выводах, однако, следует отметить один важный момент. В открытой статистике не учитывались данные по НИУ закрытого типа, расположенных на территории восточных регионов страны. Как справедливо отмечает Л.И. Пыстина, это не позволяет получить полные представления о реальном состоянии научного потенциала региона. Очевидно, что такие НИУ отличались от других учреждений отраслевой науки в лучшую сторону практически по всем характеристикам. Примером тому является уже упоминавшийся СибНИА. По случайно попавшим в открытую статистику данным, к 1951 г. в этом НИИ работало около 70 научных работников, в том числе один доктор и восемь кандидатов наук [12. С. 236], что являлось очень хорошим показателем для учреждений отраслевой науки.

Однако все это не касалось «гражданского» сектора отраслевой науки. Во-первых, структура сети отраслевых НИУ в первой половине 1940-х гг. продолжала оставаться несовершенной и не соответствовала институциональному типу быстро развивающейся науки. На востоке страны доля НИИ в общем количестве НИУ была существенно меньшей, чем в европейской части России, и в особенности в столичных городах, а наиболее слабые сегменты отраслевой науки (такие, например, как опытные поля) были представлены гораздо сильнее. Аналогичным образом в отраслевой науке региона выглядело и ее кадровое наполнение.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, следует отметить, что и в стране в целом сформированный к этому времени потенциал отраслевой науки оказался недостаточным для решения быстро возрастающего объема задач в сфере НИОКР в интересах ускоренного развития восточных территорий страны. Его структура отражала специфику предшествующего «индустриализационного» этапа в локализации научных учреждений, когда институты размещались в центре, а на расположенные на востоке НИУ в основном возлагались задачи по «доводке» техники и технологий, разработанных в центральных НИИ. В новых условиях такие НИИ все более отрывались от своей производственной базы.

Однако решение новых задач оказывалось невозможным и для НИУ, локализованных непосредственно в регионе. И в количественном, и в качественном аспекте потенциал отраслевой науки на востоке СССР существенно уступал соответствующим показателям отраслевых НИУ в центральной части страны. В Сибири действовала лишь небольшая часть самостоятельных институтов. Большинство отраслевых НИУ, представленных станциями, лабораториями, в лучшем случае отделениями и филиалами центральных НИИ, не было самостоятельно в выборе тематики исследования, не имело необходимой исследовательской и опытно-конструкторской инфраструктуры, испытывало постоянные материально-технические и финансовые проблемы и кадровый голод. Кадровый потенциал отраслевых НИУ Сибири в большинстве случаев не позволял им претендовать на весомый вклад в формирование отраслевых стратегий даже в пределах Сибирского региона.

Их способность адекватно удовлетворять не только перспективные, но и текущие потребности производства, локализованного в Сибири, оставалась под большим вопросом. Особенно острой эта задача оказалась для НИУ промышленного и строительного профилей. Имевшийся в регионе научный потенциал, ориентированный на научное обеспечение и сопровождение развития таких отраслей промышленности, как топливно-энергетическая, нефтехимическая, лесохимическая, металлургическая, нуждался в кардинальном укреплении.

Во-вторых, распределение отраслевых НИУ по территории Сибири также не соответствовало намеченным приоритетам в развитии производительных сил. Потенциал отраслевой науки, которым располагал регион, концентрировался в немногих территориальных центрах. Отраслевые НИУ не демонстрирова-

ли большого стремления к продвижению в регионы перспективного хозяйственного освоения, стремясь «задержаться» в крупных городах и мегаполисах.

В-третьих, в рассматриваемый период в восточных регионах РСФСР активно формировались отраслевые НИУ закрытого типа. Этот сюжет остался за рамками нашего анализа в данной статье. В контексте вышеизложенного отметим лишь, что такие НИУ частично концентрировались в крупнейших городах региона (Свердловск, Новосибирск, Томск, Красноярск), а частично – в создаваемых для решения оборонных задач наукоградах (Свердловская, Челябинская, Томская области, Красноярский край и так далее). Подобные НИУ обладали намного большим потенциалом, чем типичные региональные отраслевые НИУ. Однако, являясь продолжением «оборонных» производств, они, как правило, находились во внерегиональном экономическом, технико-технологическом и научно-техническом пространстве и крайне слабо влияли на состояние «гражданского» сегмента отраслевой науки и технико-технологический уровень предприятий за пределами ВПК.

Анализ институциональных аспектов развития отраслевой науки на востоке страны приводит к пониманию, что сформированный в регионе ко второй половине 1940-х гг. потенциал отраслевой науки не удовлетворял потребностям развития региона. Отраслевая наука не опережала потребности производства, а шла за ними, причем, как правило, с заметным отставанием. Конфигурация сети НИУ ставила под вопрос ее возможности по научному обеспечению производства даже в рамках сложившихся пропорций, не говоря уже об объективных потребностях их скорейшей трансформации. Частично эта проблема компенсировалась ресурсами академической науки, поскольку середина и вторая половина 1940-х гг. стала периодом становления и развития филиалов Академии наук СССР в Западной и Восточной Сибири, ориентированных в основном на изучение ресурсных возможностей востока СССР, но не «завязанных» на отдельные отрасли экономики и социокультурной сферы [18. С. 69–84; 19. С. 107–166]. Однако полностью решить проблему это не могло. Через несколько лет региону предстояло столкнуться с реализаций вновь декларированного курса на ускоренное экономическое развитие восточных территорий, что объективно еще больше повышало градус ожиданий от отраслевой науки. Однако во второй половине 1940-х гг. она, оставаясь в рамках «индустриализационной» парадигмы и продолжая движение в фарватере мобилизационных стратегий, оказалась к этому явно не готова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2004.
2. Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012.
3. XIX Съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и исправл. Т. 8: 1946–1955. М. : Политиздат, 1985.
4. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 3-е изд. М., 2005.
5. Водичев Е.Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.: маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28).
6. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриализационной модернизации. М. : РОССПЭН, 2006.
7. Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.
8. Водичев Е.Г., Красильников С.А. Наука на Востоке России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2.
9. Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России: Очерк социальной истории. 1925–1963. М., 2003.
10. Сибирь на пороге нового тысячелетия. Новосибирск, 1998.
11. Экономические проблемы развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил. Новосибирск, 1974.
12. Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в. динамика и механизмы развития. Новосибирск, 2009.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1184.
14. Водичев Е.Г., Узбекова Ю.И. Научно-исследовательские институты языка, литературы и истории // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2.
15. Энциклопедия «Новосибирск». Новосибирск, 2003.
16. Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1998.
17. Пыстина Л.И. Научные кадры Сибири: в 1946–1956 годах // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991.
18. Водичев Е.Г., Красильников С.А., Ламин В.А. и др. Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск, 2007.
19. Аблажей Н.Н., Букин С.С., Водичев Е.Г., Ламин В.А., Тимошенко А.И. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2004.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 августа 2018 г.

IN THE TECHNOLOGICAL DEAD END: BRANCH SCIENCE IN THE EAST OF THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE 1940S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 139–147.
DOI: 10.17223/15617793/436/16

Evgeny G. Vodichev, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vodichev@mail.ru

Keywords: branch science; technological challenges; late Stalinism; eastern regions of the USSR; mobilization paradigm.

The paper aims to characterize the civilian segment of the branch science in the East of the USSR after the end of WWII, and assess the capabilities of the branch research and development (R&D) institutions to cope with new scientific, technical and technolog-

ical issues of the time. The set of the research questions of the paper includes the analysis of the branch science network structure, and reconstruction of the profile and human potential of the research establishments. The study is conducted taking into consideration the specifics of economic and technological challenges that the country faced in the second half of 1940s, and their reflection in S&T "protopolicy". In the course of this study, the author relied on generic research methods, as well as historical and statistical methods, and used data from the federal and local archives. As a result of the research, the following conclusions have been made. After the end of WWII, the USSR faced a number of economic challenges. One of the most important was militarization of its economy, and a huge gap between the defense and civilian sectors of the economy, as referred to the technological level of production. In the meantime, the transfer of technologies and know hows between these two sectors was practically blocked. At the first years after the end of the war, the accents in science and technological policy were made on massive utilization of technologies obtained in the West, mostly as reparations. The government underestimated national science and technological (S&T) policy as a driver of the economic growth in the civilian sector of national economy. Meanwhile, the regional network was very weak and incomprehensible, and incorporated just a limited number of R&D institutes. The thematic focus of the branch R&D institutions science did not properly correspond to the profile of the economy as a whole. The policy to bring branch institutions closer to the economics actors in the regions was not successful. During the war and right after the end of the war, the eastern territories became a place of dislocation of numerous classified military production plants, scientific and technological units, but they operated in the "out-of-region" space without significant connections with the civilian branch science and industrial actors. Thus, the capacities of the branch institutes on the East of the USSR were not enough to solve technological issues of the time, not talking about forthcoming challenges connected with the accelerated industrial growth of the eastern territories. The regional segment of the branch science in the civilian sector of the national economy, as well as in the Soviet civilian economics as a whole in the second half of 1940s was still developing in the framework of the algorithms of the 1930s based on the mobilization paradigm, for which comprehensiveness of economic and science and technology decisions had never been a characteristic point.

REFERENCES

1. Alekseev, V.V. et al. (2004) *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike XVI–XX veka* [Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the 16th–20th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Vodichev, E.G. (2012) *Nauka na vostoke SSSR v usloviyakh industrializatsionnoy paradigm* [Science in the east of the USSR in terms of the industrialization paradigm]. Novosibirsk: Geo: INGG SO RAN.
3. Fedoseeva, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) (1985) XIX S"ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) [XIX Congress of the All-Union Communist Party (Bolshevik)]. In: *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 8: 1946–1955. Moscow: Politizdat.
4. Gaydar, E.T. (2005) Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii. 3rd ed. Moscow: Izdatel'stvo AST.
5. Vodichev, E.G. (2014) Soviet Science Policy in the Years of the ''Late Stalinism'' (second half of 1940s – beginning of 1950s): Markers and Metamorphoses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (28). (In Russian).
6. Artemov, E.T. (2006) *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrializatsionnoy modernizatsii* [Science and technology policy in the Soviet model of late industrialization modernization]. Moscow: ROSSPEN.
7. Artemov, E.T. (2017) *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic project in the coordinates of the Stalinist economy]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
8. Vodichev, E.G. & Krasil'nikov, S.A. (2009) Nauka na Vostoke Rossii [Science in the East of Russia]. In: Lamin, V.A. et al. (eds) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri.
9. Kozlov, B.I. (2003) *Akademiya nauk SSSR i industrializatsiya Rossii: Ocherk sotsial'noy istorii. 1925–1963* [Academy of Sciences of the USSR and the industrialization of Russia: Essay on social history. 1925–1963]. Moscow: Academia.
10. Kuleshov, V.V. (ed.) (1998) *Sibir' na poroge novogo tysyacheletiya* [Siberia on the threshold of the new millennium]. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN.
11. Orlov, B.P. (ed.) (1974) *Ekonomicheskie problemy razvitiya Sibiri. Metodologicheskie problemy razvitiya i razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil* [Economic problems of the development of Siberia. Methodological problems of development and distribution of productive forces]. Novosibirsk: Nauka.
12. Krasil'nikov, S.A. (ed.) (2009) *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial Sibiri v pervoy polovine XX v. Dinamika i mekhanizmy razvitiya* [Scientific and educational potential of Siberia in the first half of the 20th century. Dynamics and mechanisms of development]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS: Novosibirsk State. University.
13. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1562. List 17. File 1184. (In Russian).
14. Vodichev, E.G. & Uzbekova, Yu.I. (2009) Nauchno-issledovatel'skie instituty yazyka, literatury i istorii [Research institutes of language, literature and history]. In: Lamin, V.A. et al. (eds) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri.
15. Lamin, V.A. (ed.) (2003) *Entsiklopediya "Novosibirsk"* [Encyclopedia "Novosibirsk"]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izd-vo.
16. Kazarin, V.N. (1998) *Obrazovanie, nauka i intelligentsiya v Vostochnoy Sibiri (vtoraya polovina 40-kh – seredina 60-kh gg. XX v.)* [Education, science and intellectuals in Eastern Siberia (the second half of the 1940s–mid-1960s)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Pystina, L.I. (1991) Nauchnye kadry Sibiri: v 1946–1956 godakh [Scientific personnel of Siberia: in 1946–1956]. In: Soskin, V.L. (ed.) *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: problemy istorii* [Personnel of the science of Soviet Siberia: problems of history]. Novosibirsk: Nauka.
18. Vodichev, E.G. et al. (2007) *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical essay]. Novosibirsk: Nauka.
19. Ablazhey, N.N. et al. (2004) *Ekonomicheskie i sotsiokul'turnye vzaimodeystviya v Uralo-Sibirskom regione* [Economic and socio-cultural interactions in the Ural-Siberian region]. Novosibirsk: SibAGS.

Received: 29 August 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 148–150. DOI: 10.17223/15617793/436/17

УДК 947

В.А. Есипова

ДОКУМЕНТЫ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ВИНА В СИБИРИ В XVII В.: МАТЕРИАЛЫ НБ ТГУ И ТОКМ

Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области № 17-14-70006 ОГН ОГН_СИБ-А, а также гранта Фонда им. Д.И. Менделеева (Национальный исследовательский Томский государственный университет. № 8.1.17.2018).

Статья имеет целью введение в научный оборот неизвестного ранее документа, посвященного истории распространения в Сибири спиртных напитков в конце XVII в. Документ хранится в Томском областном краеведческом музее и позволяет рассмотреть вопросы учета и измерения объемов присланного вина, измерения содержащейся в вине доли спирта. Также в документе указаны имена поставщиков вина в Сибирь и перечислено, как именно оно распределялось. Установлено, что в Научной библиотеке ТГУ хранится еще один документ, составляющий, наряду с публикуемым текстом, часть служебной переписки сибирских воевод по указанным вопросам.

Ключевые слова: Сибирь; винокурение; исторический источник.

Исследователи уже неоднократно обращались к истории винокурения и распространения вина в Сибири [1–4], однако они вынуждены были констатировать, что вопрос о производстве и потреблении вина в Сибири в XVII в. до сих пор изучен не до конца. Основной причиной является плохая сохранность документов, которые к тому же рассредоточены по разным хранилищам от сибирских городов до Москвы и не все еще введены в научный оборот.

Один из таких документов хранится в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского университета (ОРКП НБ ТГУ), он опубликован как в традиционном, так и в электронном виде и был известен еще И.И. Тыжнову, который готовил текст к публикации [5. С. 77; 6. С. 123–125]. Это отписка тобольских воевод М.Я. и П.М. Черкасских тарскому воеводе М.И. Вельяминову о приеме от Петра Григорьева остаточного вина и о посылке на Тару ведра, аршина и опытного вина от 19 августа 1698 г. [7]. Необходимо отметить, что в работе Д.В. Раева, специально посвященной рассмотрению кружечных дворов Западной Сибири во второй половине XVII – начале XVIII в., о Таре не говорится вообще, что автор объясняет плохой сохранностью источниковой базы.

В документе поднимается ряд вопросов, связанных с распространением вина в Сибири. Так, там описывается процесс доставки вина из европейской части России: в Сибирском приказе в Москве енисейский посадский человек Якушка Кулаков подрядился поставить вино на Тару. В отписке сообщается, что в текущем году вино и «опыты вину в скляницах» были поставлены представителем купца Алексея Ушакова Петром Артемьевым Григорьевым. Однако возникли проблемы с измерением количества доставленного вина, возникло сомнение, что имеющаяся мерка («заорленое ведро») не соответствует стандарту. В результате в Москве было заказано новое ведро для мерки. Таким образом, в документе поднимаются вопросы доставки вина в Сибирь, а также вопросы его учета и измерения количества.

В Томском областном краеведческом музее (ТОКМ) хранится еще один образец переписки между теми же персонами по аналогичному поводу; этот документ еще не вводился в научный оборот [8]. Это также отписка тобольских воевод М.Я. и П.М. Черкасских тарскому воеводе М.И. Вельяминову об опытах вину. Отписка долгое время находилась в экспозиции ТОКМ, предпринимались отдельные попытки прочесть ее текст, однако работа по введению в научный оборот этого документа не была доведена до конца. Поэтому было принято решение извлечь документ из экспозиции, выполнить его оцифровку, полное палеографическое описание и транскрипцию текста. В настоящее время этот комплекс работ выполнен и по его итогам можно сказать следующее.

Точная дата в документе отсутствует; можно датировать его второй половиной 1698 – первой половиной 1699 г. Сузить датировку документа позволяет запись на обороте: указано, что отписка подана адресату тарским пушкарем Андреем Лычагиным 19 августа 1698 г., что означает, что написана она ранее этой даты. Отметим, что документы написаны разными почерками; в случае документа ТОКМ почерк более крупный и практически без наклона, в то время как отписка из НБ ТГУ написана более небрежно, с видимым наклоном вправо. В документе говорится о том, что на Тару из Тобольска отправлена партия вина «для погребной дачи» с тарским пушкарем Андреем Лычагиным; отметим, что именно Лычагин являлся подателем первого документа, хранящегося в НБ ТГУ. Также всем воеводам рекомендовано «чинить опыт» присланному вину: «налить мерку / чарки ввде и звесить и жечь. И сколко / ево угорит, и по весу и по мере остан/нетца, то ему и свидетелство за пе/чатью опыт послать».

Как видно, в тексте отписки воспроизводится почти дословно одно из положений указа Петра I от 22 ноября 1689 г. [9]. Указ, в числе прочего, закреплял, видимо, хорошо известный и до этого способ определения крепости вина – отжиг. Очевидно, именно на этот указ и ссылается настоящая отписка, когда оговаривает, что «послан/ному вину по грамоте великого / государя велено опыт чинить». Ниже приводятся и результаты произведенного «опыта»: «погребною чаркою в мерку налита / чарки вина по весу пятнатцать / золотников, и

то вино зажжено /и угорело того вина по весу / шесть золотников, а осталос того / вина по весу девять золотников». Учитывая, что золотник составлял около 4,26 г, в чарку было налито 63,9 г, угорело 25,56 г, а осталось 38,34 г. Таким образом, содержание спирта в описанном опыте составляло порядка 40%.

В отписке также оговаривалось, куда следует направить полученное на Таре вино: его предполагалось раздать тарским служилым людям на праздники, а также «ясашным / иноземцом для ясашнаго платежа».

Как было установлено, документ ТОКМ также готовился к публикации И.И. Тыжновым [5. С. 78], однако составленное им описание показывает, что в распоряжении Тыжнова мог быть другой экземпляр. Основной текст совпадает, но отличаются записи на обороте: в случае рассматриваемого документа присутствуют указания на адресата («Господину Митрофану Ивановичю») и о подаче отписки пушкарем Андреем Лычагиным. Тыжнов же указывает, что на обороте документа имеется еще запись «О посылке вина на Тару», которая отсутствует в экземпляре ТОКМ. К сожалению, в воспроизведении текста, выполненном Тыжновым, отсутствует указание на разделение строк и листов, поэтому невозможно установить, совпадает ли распределение текста по строкам.

Таким образом, в ТОКМ хранится документ, который показывает начало проведения в жизнь петровского указа от 22 ноября 1689 г. Важно, что, помимо пересказа текста о произведении замера доли спирта, в тексте приводятся и результаты собственно опыта, произведенного с присланным из Москвы вином. В целом два описанных выше документа дают представление о различных сторонах распространения вина в Сибири в конце XVII в.: здесь присутствуют вопросы учета и измерения объемов присланного вина, измерения содержащейся в вине доли спирта. Также указаны имена поставщиков вина в Сибирь и перечислено, как именно оно распределялось. Описанный выше документ из ОРКП НБ ТГУ составляет, наряду с публикуемым текстом, часть служебной переписки сибирских воевод между собой по вопросам реализации указа от 22 ноября 1698 г.

Ниже приводится описание и текст отписки, хранящейся в ТОКМ. Текст воспроизведен по следующим правилам: написание приведено к современной орфографии, сохранены только вариативные написания, отражающие произношение; титла раскрыты, все выносные буквы внесены в строку без оговорок; пунктуация проставлена в соответствии с современными правилами. Разделение на строки показано одинарной косой чертой, разделение листов – двойной косой чертой.

ТОКМ 14374. 1698 г., августа до 19. Отписка тобольских воевод кн. Михаила Яковлевича и Петра Михайловича Черкасских тарскому воеводе Митрофану Ивановичу Вельяминову об опытах вину. 2 л. Бумага ручной выделки, филигрань «голова шута». 69,0×16,5 см.

На обороте почерком основной рукописи: «Господину Митрофану Ивановичю»; там же, чернилами, скорописью XVII в. отметка о подаче отписки 19 августа 1698 г. пушкарем Андреем Лычагиным. На лицевой стороне чернилами, скорописью XVIII в.: «№ 61», фиолетовыми чернилами, скорописью XX в.: «ТОМ ИО № 1097».

Воспроизведение текста: Тыжнов, № 71. С. 77.

(л. 1) Господину Митрофану Ивановичу Михайло да Петр / Черкаские челом бьют. В нынешнем в 206-м году / по указу великого государя и по грамотам, послано / ис Тоболска на Тару служилым людем и ясашным иноземцом на погребную дачю против / прошлого 205-го году тоболского куренья вина / дватцать семь ведер с полуведром / четыре чарки погребных с тарским / с пушкарем с Ондрюшкою Лычагиным / с товарыщив дубовой бочке, а послан/ному вину по грамоте по грамоте великого / государя велено опыт чинить, налить мерку / чарки ввде и звесить и жечь. И сколко / ево угорит, и по весу и по мере остан/нетца, то ему и свидетелство за пе/чатью опыт послать с посланным / вином в городы и к воеводам / писать о том имянно, чтоб они, воеводы, / у посылщиков вино приняв, чинили / опыт также зжением, и о том / в Тоболеск писали. И буде по их воево/дцким отпискам то вино будет / несходно, и про тех посылщиков розы/скивать, и по сыску на них за то вино / править безо всякие пощади денги / по указной цене. А им чинить наказанье / смотря по винам и по людям, чтоб / на то смотря иным так делать / неповадно было. И по тому вышепи/санному великого государя указу, посланному / вышеписанному вину в Тоболску / учинен опыт московскою присылкою / погребною чаркою в мерку налита / чарки вина по весу пятнатцать / золотников, и то вино зжено /и угорело того вина по весу / шесть золотников, а осталос того // (л. 2) вина по весу девять золотников. / И того вышеписанного вина / опыт в склянице за печатью /великого государя Тоболскою печатью / послали ис Тоболска на Тару / с вышеписанными тарскими пу/шкарем, с Ондршкою Лычагиным / с товарыщи. И как он с тем / вином на Тару приедут, и тебе б / велеть то вино у них принять / против опыту и для подлинного / свидетелства того вина учинить / опыт по вышеписанному указу. / И то вино записать в приходную / книгу и роздать тарским служи/лым людем на три указные празни/ка на нынешней 206-й год, и ясашным / иноземцом для ясашнаго платежу / по грамотам великого государя, каковые / посланы на Тару, и записать в росход / и в сметной список особ статьею, / а которые бочки дубовые с вином / присланы на Тару, и те бочки / прислать в Тоболеск, и о том к нам писать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прыжов И.Г. История кабаков в России. М. : Юрайт, 2018. 228 с.
2. Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля. 1862. Т. VI. № 10.
3. Раев Д.В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск : «Сова», 2005. 274 с.
4. Зиновьев В.П. Традиции сибирского винокурения в XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1 (2). С. 13–23.

5. Тыжнов И.И. Тарские акты XVII века / сост. В.А. Есипова, Д.Я. Резун, Н.В. Васенькин. Томск, 2012. 120 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000440329
6. Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы : собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000068296
7. ОРКП НБ ТГУ. В-8520. Л. 2–4. Отписка тобольских воевод кн. Михаила Яковлевича и Петра Михайловича Черкасских тарскому воеводе Митрофану Ивановичу Вельяминову о приеме от Петра Григорьева остаточного вина и о посылке на Тару ведра, аршина и опытного вина / на об. адрес, отметка о теме отписки расписка в подаче отписки 19 августа 1698 г. пушкарем Андреем Лычагиным. Тобольск, 1698, августа до 19. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000499290
8. ТОКМ 14374. 2 л. Отписка тобольских воевод кн. Михаила Яковлевича и Петра Михайловича Черкасских тарскому воеводе Митрофану Ивановичу Вельяминову об опытах вину. Тобольск, 1698 г., августа до 19.
9. Указ № 1655 от 22 нояб. 1698 г.: О ведении в Сибири кабаков таможенным Головам, а не Воеводам, и об управлении питейными сборами // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. С. 517–523.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 октября 2018 г.

DOCUMENTS ON THE DISTRIBUTION OF WINE IN SIBERIA IN THE 17TH CENTURY: MATERIALS OF TOMSK STATE UNIVERSITY RESEARCH LIBRARY AND TOMSK MUSEUM OF LOCAL HISTORY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 148–150.
DOI: 10.17223/15617793/436/17
Valeriya A. Esipova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru
Keywords: Siberia distillery; historical source.

The aim of the article is to introduce into scientific discourse a previously unknown document on the distribution of wine in Siberia in the 17th century. Researchers have repeatedly turned to the history of the spread of wine in Siberia in the 17th century; however, they have to admit that the problem has not yet been studied thoroughly. The reason is the poor safety of documents, which are stored in different places from the Siberian cities to Moscow and not fully introduced into scientific discourse. One of the documents on the topic is kept in the Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library (ORKP NB TGU), it is published both in the traditional and in electronic form. It is a letter from Tobolsk Governors M.Ya. and P.M. Cherkassky to Tara Governor Velyaminov on receiving the remaining wine from P. Grigoriev (August 19, 1698). The document raises a number of issues related to the spread of wine in Siberia: for example, it describes the delivery of wine from the European part of Russia. One more sample of correspondence between the Tobolsk governors and the Tara governor is kept in the Tomsk Museum of Local History (TOKM), it is a letter about wine inspection. The document was in the exposition of TOKM for a long time, separate attempts were made to read its text, but the work on the introduction of the document into scientific discourse was not completed. It was found that the exact date is missing in the document; it is possible to date it by the second half of 1698 – the first half of 1699. In the document, all governors were recommended to make a test of the wine sent. One of the provisions of the decree of Peter I (November 22, 1698) was reproduced in the document almost verbatim: it fixed a well-known method of determining the strength of wine – annealing. It was also stipulated in the document, where the wine received in Tara should be sent: it was supposed to be given to Tara servant and yasak people for holidays. Thus, the document from TOKM shows the beginning of the implementation of Peter's decree of November 22, 1689. In general, the two documents described above give an idea of the various aspects of wine distribution in Siberia at the end of the 17th century: recording and measuring the volumes of wine, determining the strength of wine. The names of wine suppliers to Siberia also are listed, as well as ways of wine distribution. The document from ORKP NB TGU, described above, makes, along with the text published, part of official correspondence of the Siberian governors on the implementation of Peter's decree of November 22, 1689. The article contains a paleographic description and the full text of the document from TOKM, which thus is introduced into scientific discourse.

REFERENCES

1. Pryzhov, I.G. (2018) *Istoriya kabakov v Rossii* [History of taverns in Russia]. Moscow: Yurayt.
2. Potekhin, L. (1862) Vinokurenie v Sibiri [Distilling in Siberia]. *Promyshlennost', manufaktura i torgovlya*. VI(10).
3. Raev, D.V. (2005) *Kruzhechnye dvory gorodov Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XVII – nachalo XVIII v.)* [Taverns of cities in Western Siberia (second half of the 17th – beginning of the 18th centuries)]. Novosibirsk: "Sova".
4. Zinov'ev, V.P. (2008) Tradition of Siberian brandy-distillery on the XVIII–XIX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (2). pp. 13–23. (In Russian).
5. Tyzhnov, I.I. (2012) *Tarskie akty XVII veka* [Tara Acts of the 17th century]. Tomsk: [s.n.]. [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000440329.
6. Esipova, V.A. & Starikova, G.N. (1999) *Pervoe stoletie osvoeniya Sibiri russkimi. Novye dokumenty: sobranie sibirskikh gramot XVII – nachala XVIII vekov v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The first century of the development of Siberia by Russians. New documents: A collection of Siberian documents of the 17th – early 18th centuries in the funds of the Research Library of Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University, [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000068296.
7. Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library. V-8520. P. 2–4. *Otpiska tobol'skikh voevod kn. Mikhaila Yakovlevicha i Petra Mikhaylovicha Cherkasskikh tarskomu voevode Mitrofanu Ivanovichu Vel'yaminovu o prieme ot Petra Grigor'eva ostatochnogo vina i o posylke na Taru vedra, arshina i opytnogo vina / na ob. adres, otmetka o teme otpiski raspiska v podache otpiski 19 avgusta 1698 g. pushkarem Andreem Lychaginym. Tobol'sk, 1698, avgusta do 19* [Letter from Tobolsk Governors Princes Mikhail Yakovlevich and Pyotr Mikhailovich Cherkassky to Tara Voivode Mitrofan Ivanovich Veliyaminov about receiving residual wine from Pyotr Grigoriev and about sending a bucket, arshin and wine for testing to Tara / on the back: address, a note on the subject of the letter, signed of sending the letter on August 19, 1698 by the gunner Andrei Lychagin]. [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000499290
8. Tomsk Museum of Local History. 14374. 2 l. *Otpiska tobol'skikh voevod kn. Mikhaila Yakovlevicha i Petra Mikhaylovicha Cherkasskikh tarskomu voevode Mitrofanu Ivanovichu Vel'yaminovu ob opytakh vinu. Tobol'sk, 1698 g., avgusta do 19* [Letter from Tobolsk Governors Princes Mikhail Yakovlevich and Pyotr Mikhaylovich Cherkassky to Tara Voivode Mitrofan Ivanovich Veliyaminov about the tests of wine. Tobolsk, 1698, August 19].
9. Russian Empire. (1830) Ukaz № 1655 ot 22 noyab. 1698 g.: O vedenii v Sibiri kabakov tamozhennym Golovam, a ne Voevodam, i ob upravlenii piteynymi sborami [Decree No. 1655 of 22 Nov. 1698: On the maintenance of taverns in Siberia to the customs heads, and not the governors, and on the management of alcohol taxes]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 3. St. Petersburg. pp. 517–523.

Received: 15 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 151–159. DOI: 10.17223/15617793/436/18

УДК 930

В.П. Корзун, М.А. Мамонтова

«СТИХИЙНЫЕ ИСТОРИОГРАФЫ» В РЕГИОНАЛЬНОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ: В.И. МАТЮЩЕНКО, Н.А. ТОМИЛОВ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области, № гранта 17-11-55004 а (р).

Рассматривается историко-научная деятельность двух знаковых фигур в интеллектуальном ландшафте Омска последней трети XX – начала XXI вв. – профессоров В.И. Матющенко и Н.А. Томилова. В фокусе нашего внимания – вклад этих исследователей в разработку историографии как научной дисциплины. В качестве опции исследования предложена науковедческая дефиниция «стихийный науковед», основными источниками послужили авторские историографические тексты и библиографические указатели. Сделан вывод о расширении историографического сегмента исторической науки за счет «стихийных историографов».

Ключевые слова: стихийные историографы; В.И. Матющенко; Н.А. Томилов; интеллектуальный ландшафт; научное сообщество.

Проблема локальных научных сообществ в интеллектуальном пространстве России последней трети XX – начала XXI вв. вызывает интерес в силу ряда обстоятельств, связанных как с трудным процессом самоидентификации современного историка как профессионала в условиях смены исследовательских парадигм, так и с изменившейся иерархией коммуникативных связей между провинциальной и столичной наукой. В целом заметен дисбаланс в изучении региональной и столичной версий развития исторической науки в этот сложный период. В обобщающие работы, как правило, не включается материал по институциональной трансформации в поле исторической науки в региональном срезе. «Применительно к Омску отдельные аспекты темы нашли отражение в работах «по исследованию интеллектуального ландшафта города с вниманием к инфраструктуре исторической науки, а также в ряде юбилейных публикаций, посвященных истории отдельных институций – 80-летию факультета истории, философии и права ОмГПУ, 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 20-летию Сибирского филиала Российского института культурологии, 25-летию Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН» [1. С. 292].

В данной статье мы обращаемся к некоторым аспектам антропологического измерения локального научного сообщества историков, к персональному вкладу в становление омской историографии двух знаковых фигур – профессоров В.И. Матющенко и Н.А. Томилова. Их роль в обустройстве интеллектуального ландшафта г. Омска в последней трети XX – начала XXI в. достаточно полно освещена в исследовательской литературе. Однако, за редким исключением [2–12], вне поля зрения историографов оказались историко-научные взгляды этих ученых, что и понятно. В.И. Матющенко известен как один из отцов-основателей западносибирской археологии, декан исторического факультета ОмГУ, заведующий кафедрой всеобщей истории, затем – кафедрой первобытной истории ОмГУ. Н.А. Томилов – как специалист по этнической истории тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины, основатель этноархеологического направления в отечественной науке, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музееведения ОмГУ, ставший во главе принципиально новых институций, существенно изменивших гуманитарную инфраструктуру города Омска[1]. Для этих ученых историография не была приоритетным направлением, но, забегая вперед, отметим их значительный вклад и в эту область научного знания, принципиально значимую в современном интеллектуальном пространстве в условиях утраты многих черт профессионализма исторического сообщества, характерных для классического и неклассического образов исторической науки.

Мы намеренно уходим от традиционной в таком случае проблемно-ориентированной историографии, это лучше сделают специалисты археологи и этнографы, и попытаемся определить мотивацию историко-научных исследований двух «неисториографов», формы и жанры историографических текстов и их место в коммуникативном поле отдельного университетского города. В качестве опции своего исследования обратимся к одной из науковедческих дефиниций, основательно еще не проработанной, но, как нам представляется, вполне инструменталистской, – «стихийный науковед».

Современные науковеды, описывая собственное сообщество, выделили его основные слои. Ядерный слой науковедческого сообщества – это те, кто профессионально работает в области истории, философии и социологии науки, психологии науки и позиционирует себя в дисциплинарном поле науковедения. В центре их исследовательских интересов «закономерности развития науки и влияющие на них факторы» [13. С. 35]. Второй слой составляют исследователи, которые «не выдвигают науку в качестве центрального объекта изучения», но, так или иначе, выходят на науковедческие проблемы через интерес к вопросам познания, национальных культур, национальных экономик и т.д. Третий слой – «стихийные науковеды» – ученые (вне зависимости от дисциплинарной принадлежности), входящие в это поле, возделывающие его отдельные сегменты, рефлексирующие над историей своей науки [Там же. С. 36].

Именно к этому слою, назовем его «стихийные историографы», мы и отнесем В.И. Матющенко и

Н.А. Томилова. Несмотря на разницу в возрасте и научном статусе, ко времени появления в Омске (В.И. Матющенко (1976 г.) было 48 лет, и он уже имел степень доктора исторических наук, Н.А. Томилову (1974 г.) – 33 года, и к этому моменту он – кандидат исторических наук) их сближало то обстоятельство, что за плечами был Томский университет с уже сложившимися историографическими традициями и высокой репутацией в плане подготовки профессионалов-историков. Оба – полевики, страстно преданные своей науке, а по натуре – смелые созидатели, харизматические лидеры, способные сплотить вокруг себя коллектив единомышленников, ориентированных на получение нового знания и его институализацию. Полевая работа и специфика формирования источниковой базы – эти факторы оказывали влияние на складывание ментальной карты профессий: и для археолога, и для этнографа музей и музейная деятельность с обязательным ритуалом презентации являются неотъемлемыми атрибутами профессионализма, по существу, своего рода «эпистемологическими догматами». Стоит учесть и то, что в определенной степени каждый ученый выступает в роли «стихийного историографа», так как одним из атрибутивных признаков научного исследования является проблемность, немыслимая вне историографического анализа. Естественно, склонность к проблематизации и науковедческой рефлексии различна у разных ученых, зависит от индивидуальных особенностей человека науки. Наконец, обратим внимание на общий научный контекст периода творческой активности ученых (для Матющенко это 1960-е – начало 2000-х гг., для Томилова – 1970-е – первые десятилетия 2000-х гг.), который, естественно, изменялся как в плане моделей научности, так и в плане социокультурных условий развития науки и соответствующих запросов общества. Период 1960–1970 гг. можно назвать советским историографическим ренессансом, совпавшим со взлетом науковедения, хотя активная экспликация последнего в исследовательскую практику приходится на 1980-е гг. Именно «…на науковедческом поле, независимо от того, где проходили его границы, родились такие понятия, как “парадигма” или “исследовательская программа”, было взращено знание о логико-философских, социологических, психологических и других закономерностях развития науки… образуя каркас... социального и методологического самоопределения» различных научных дисциплин [13. С. 37]. В эти годы происходит переформатирование предметного поля многих наук, в том числе археологии и этнографии, что объективно стимулировало интерес к истории своих наук.

Пути становления В.И. Матющенко и Н.А. Томилова как историографов имели свои особенности. Сначала обратимся к историографическому творчеству ***Владимира Ивановича Матющенко***. Основными источниками для нас являются научные работы автора по историографии сибирской археологии, учебная литература, библиографический список научных работ историка и воспоминания о нем. Из 275 опубликованных работ исследователя 36 было посвящено историко-научной проблематике, из них одна монография «300 лет истории сибирской археологии» (Т. 1–2. Омск, 2001), 3 рецензии на исследования, 3 учебных пособия, 6 статей методологического характера, 5 из которых посвящены творчеству известных ученых [14]. И это далеко не полный список работ В.И. Матющенко.

Первое обобщение накопленного в экспедициях археологического материала было сделано В.И. Матющенко в кандидатской диссертации, защищенной в 1961 г. в Ленинградском отделении АН СССР, – «Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи». Уже здесь заметно стремление автора к осмыслению археологических памятников в историографическом интерьере: наряду с Самусьским и Яйским могильниками, над которыми работал в полевых исследованиях сам автор, В.И. Матющенко использует уже изученный другими археологами материал Кузнецкого и Томского могильников [15. С. 1]. Намечается выход на историографическую проблематику инструменталистского характера.

Докторская диссертация стала следующим этапом обобщения и систематизации эмпирических данных, позволивших выйти на уровень теоретического осмысления происходящих в Сибири процессов периода неолита и раннего металла. Второй параграф докторской диссертации был посвящен проблемной историографии – «истории изучения неолита и бронзового века лесного и лесостепного Приобья» [16]. Среди исследователей автор чаще всего делает сноски на работы А.П. Дульзона, М.Н. Комаровой, М.П. Грязнова, М.Ф. Косарева, высоко оценивая их «вклад в дело изучения прошлого Приобья» [Там же. С. 16], в «восстановление научной достоверности» [Там же. С. 15] отдельных памятников. Этап в изучении проблемной историографии (1960 – начала 1970-х гг.) уже тогда В.И. Матющенко выделяет особо: «…работы последних лет свидетельствуют о начале нового этапа в археологических исследованиях нашего района – этапа широких исторических обобщений и выводов» [Там же. С. 24]. Таким образом, работая над докторской диссертацией, археолог приходит к выводу, что история изучения неолита и бронзового века Приобья имеет определенные этапы своего развития, среди которых только последний позволяет исследователям выйти на уровень научных обобщений. Оформление историко-научных подходов В.И. Матющенко происходит уже в омский период его творческой деятельности. Можно предположить, что этот новый исследовательский интерес был связан с осмыслением накопленного материала по изучению древних культур Сибири. Накопленные знания историко-проблемного характера, разносторонние связи, включенность в профессиональные научные сообщества археологов, этнографов, историографов, с одной стороны, и фрагментарность, отсутствие общей картины развития сибирской археологии – с другой, подвигли профессионального археолога задуматься о написании обобщающего труда. Другой мотив был связан с преподавательской деятельностью: желание представить комплексную оценку развития сибирской археологии студентам и аспирантам, поделиться с будущими историками еще одной своей научной

«находкой», вернее, титаническим трудом по собиранию, обобщению и складыванию в единое целое разбросанных по многочисленным работам свидетельств о поисках и находках сибирских археологов и, что самое ценное, своими воспоминаниями, известными лишь узкому кругу лиц деталями тех или иных открытий. Это достаточно типичные мотивы историографических занятий для ученого, связанного с высшей школой, имеющего значительный опыт исследовательской работы и функционирования в научном сообществе.

Первое обобщенное осмысление особенностей развития сибирской археологии происходит в 1990-х гг., когда выходит ряд учебных пособий по отдельным периодам и этапам развития археологических исследований. Причем автор начинает свою историографическую «эпопею» длиною в почти два десятилетия с систематизации и представлении самых первых шагов по открытию («разведыванию») и изучению историко-культурных памятников Сибири, которые происходили одновременно с заселением и хозяйственным освоением этих территорий, и доводит повествование до конца 1930-х гг. – времени профессионального становления сибирской археологии («История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х гг.): учебное пособие») [17, 18]).

Далее В.И. Матющенко выделяет в качестве хронологического рубежа 1940–1950-е гг., которому спустя два года посвящает второе учебное пособие «Сибирская археология в 1940-е – 1950-е гг.» [19]. И, наконец, третий этап развития сибирской археологии выделен им с 1960-х гг. по современность (т.е. до начала 1990-х гг.). Этому хронологическому отрезку, активным деятелем и наблюдателем которого являлся он сам, посвящается две части учебного пособия, где отдельно выделены процессы развития археологии как науки [20] и проблематика исследований [21]. Без сомнения, данный этап для него являлся важным в развитии археологических исследований Сибири, в котором складывались современные школы, шла специализация, отрабатывались профессиональная методика и методология, достигался высокий уровень теоретических обобщений.

Формат учебных пособий позволил в редуцированном виде систематизировать и апробировать свои наблюдения о развитии отечественной и зарубежной археологии применительно к Сибири. Следующим шагом стала монография «300 лет истории сибирской археологии» (Омск, 2001), из-за обширности собранного и систематизированного материала вышедшая в двух томах [22–23]. Части данной монографии по названию, структуре и объему материала совпадали с уже вышедшими учебными пособиями, но по содержанию автор провел дальнейшую уточняющую и корректирующую работу.

Характеризуя этот большой (более чем в 540 страниц) научно-исторический труд, необходимо отметить широкий хронологический охват: начиная от самых первых шагов по освоению и изучению неизвестной Сибири в XVII в. до расцвета сибирской археологии начала 1990-х гг. Монография состоит из трех частей: зарождение и становление сибирской археологии (XVII в. – конец 1930-х гг.), археология Сибири в 1940–1950-е гг., сибирская археология в 1960 – начале 1990-х гг.

При описании выделенных этапов (XVII в. – 1930-е гг., 1940–1950-е гг., 1960-е – начало 1990-х гг.) историк в первую очередь обращает внимание на экономические и политические факторы, влияющие на становление и эволюцию исследований в области сибирской археологии. Каждую часть предварял параграф или даже глава, посвященная общему состоянию русской или советской археологии, далее следовали параграфы об институциональной составляющей археологии, ее профессиональных кадрах, завершающими являлись части проблемно-исторического характера: по изучению каменного века, эпохи металла, средневековой археологии. Третья часть (217 страниц) содержала обширный материал, по объему сопоставимый с первыми двумя частями, вместе взятыми (238 страниц), поэтому была разбита на два раздела, первый из которых посвящен описанию общего состояния археологии, институциям (Институту истории, филологии и философии СО АН СССР, академическим научным и учебным заведениям), в том числе конференциям, совещаниям и международным связям, профессиональным сообществам и центрам, музеям и научным общественным организациям, специализированным изданиям, характеристике «людей сибирской археологии». Второй раздел носил проблемно-историографический характер и был систематизирован на основе выделения отдельных проблем сибирской археологии: изучение каменного века, бронзового века, раннего железного века, средневековья, начало палеоэтнографических исследований, разработка проблем духовной жизни первобытного человека Сибири, археологические исследования северо-востока Азии и Заполярья.

Таким образом, В.И. Матющенко как историка науки отличает комплексный подход, при котором рассматривается не только развитие исторической мысли (то есть проблемы археологических исследований), но и развитие археологических институций и, конечно, акторы данного процесса – археологи. Причем уже в эти годы В.И. Матющенко презентует особое видение развития сибирской археологии не через объективированное и оторванное от ученого знание, а через субъективный фактор, через достижения и открытия отдельных археологов, исследователей, музейных работников, учителей, энтузиастов своего дела. Методика, принципы ведения археологических раскопок приобретают авторские черты, оживают на страницах его работы и представляют развитие российской / советской археологии как живой организм, наполненный межличностными связями, противоречиями и амбициозными планами.

Одним из своих учителей В.И. Матющенко называл М.П. Грязнова [24–27]. Важным шагом в процессе консолидации омских исследователей стало проведение «Исторических чтений памяти Михаила Петровича Грязнова» [28] (с 1987 г.). Инициатором и вдохновителем этого научного мероприятия, которое до сих пор объединяет представителей археологии, этногра-

фии, истории науки, историографии, выступил В.И. Матющенко. Он же в первом выпуске чтений посвятил одну из первых статей оценке деятельности своего старшего коллеги, отмечая всесторонность и масштабность этого исследователя, внесшего вклад в: «1) полевую практическую работу и связанные с ней поиски методических приёмов расколок; 2) исследования полученного материала в камеральных условиях; 3) научную интерпретацию археологических материалов как исторического источника; 4) приёмы и методы широких исторических обобщений; 5) работу по подготовке научных кадров» [36. С. 7]. В структуре самих чтений был выделен специальный раздел «Теория и методология археологии», в который сам В.И. Матющенко вплоть до 2004 г. (шестые чтения) помещал свои историографические исследования. Всего с 1987 по 2017 г. состоялось девять исторических чтений памяти Михаила Петровича Грязнова, что свидетельствует о мощном импульсе, заложенном его инициатором. Самому же М.П. Грязнову археолог посвятил пять статей, в которых показал Михаила Петровича как профессионального ученого, одного из первых методологов археологических исследований и основоположника особой археологической школы [29–32]. Высоко оценивая вклад М.П. Грязнова, В.И. Матющенко скромно обходил вниманием собственные достижения в воспитании целой плеяды профессиональных археологов, которые вслед за своим наставником обратились к осмыслению историографического и источниковедческого срезов развития сибирской археологии [33–35].

В качестве основного источника в исследовании историко-научных подходов ***Николая Аркадьевича Томилова*** обратимся к библиографическим спискам его научных работ, позволяющих выявить жанры историографических текстов, иначе говоря (для нас как исследователей), определить виды историографических источников и проследить их временную динамику. Естественно, мы обращаемся прежде всего к научным историографическим текстам автора. Список научных работ Н.А. Томилова на конец 2016 г. насчитывает 1 274 работы [36][2], из них 561 работу можно отнести к историографическим. В эту группу, наряду с традиционными видами историографических источников – монографиями, статьями, тезисами докладов, – мы включили сообщения об экспедициях и научных конференциях различного уровня.

Что касается видовой структуры микропотока историографических источников по характеру информации, нами выявлено, что больше половины его представлено научными статьями (357, что составляет 63,6 % от общего числа историографических работ), на втором месте – периферийный историографический жанр – информация о научных конференциях и форумах, юбилейных событиях научного сообщества (151 работа или 27 %), на третьем – презентации научных изданий (50, или 8,9%), далее следуют монографические исследования (3 работы, или 0,5%). Статьи представлены проблемной историографией, отражающей основные направления научной деятельности ученого в области изучения этнографии народов Сибири, музееведения, культурологии, концептуализации этнографо-археологического направления в отечественной науке, теоретико-методологических вопросов развития науки. Значительный блок представлен статьями биографического характера (55 работ) и статьями по истории институций (110), в основном тех, во главе которых стоял ученый.

Одним из самых ранних проявлений историографического интереса Н.А. Томилова можно считать небольшую статью «Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (к вопросу об угорском и самодийском компонентах)», вышедшую в 1973 г. [37]. Это знаковый год в жизни ученого, он отмечен защитой кандидатской диссертации «Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар». Следующая статья историографического содержания появляется пять лет спустя, и если судить по названию [38], это было осмысление проблемного поля докторской диссертации, которая была защищена в 1983 г.

Изменения в динамике появления научных историографических статей наблюдаются с 1995–1996 гг., пик публикаторской активности приходится на 1999–2000 г. (53–45 статей соответственно) и 2008–2010 гг. (46–42 статьи соответственно), т.е. на омский период. Историко-научные исследования нашли отражение в ряде обобщающих работ, которые стали знаковыми событиями не только в омском интеллектуальном пространстве, но и общероссийском. Речь идет о коллективном исследовании Н.А. Томилова и И.В. Захаровой «Этнографические научные центры Западной Сибири. Омский этнографический центр» (2007) [39], авторской монографии «Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований» [40] и учебном пособии «Музеология как отрасль знаний. Избранные лекции для студентов высших учебных заведений [41]. Интенсивность историографических исследований и пики публикаторской активности Н.А. Томилова возможно объяснить несколькими обстоятельствами. Прежде всего, это личностно-профессиональное развитие, дифференциация исследовательских интересов, накопление опыта и источниковой базы. Все большее место в научных поисках Н.А. Томилова занимают вопросы теоретико-методологического и научно-организационного плана, последнее естественно для руководителя крупных научных коллективов. И помимо очевидного – выхода на пик творческой зрелости – можно выделить и следующие, не столь очевидные, личностно не определяемые факторы. К таковым относится изменение предметного поля самой науки, происходящий в ней двуединый процесс дифференциации / интеграции и общий тренд гуманитарных наук в сторону культуры, так называемый культурный поворот. Процессы эти отражаются в деятельности Н.А. Томилова и возглавляемого им большого научного коллектива этнографов / культурологов / историков как в плане научной разработки новой проблематики, так и в плане презентации результатов исследования внутри научного сообщества и за его пределами. Обращение к истории науки может и свидетельствовать о степени зрелости предмет-объектной оформленности дисциплины, и

являться симптомом ее сложного переходного состояния, связанного с манифестацией «нового». Для членов научного сообщества выстраивание «своей истории» – это еще и способ профессиональной самоидентификации, средство борьбы за пространство внимания, что является нормой в научном сообществе, ибо наука коммуникативна по своему определению (как актеру необходима сцена, так и ученому нужен читатель, поле трансляции своих идей, оппонентский круг). Заслуженное внимание, которое уделяется в публикаторской деятельности Н.А. Томилова новому перспективному научному направлению – этноархеологии, служит наглядным подтверждением второго обозначенного нами проявления историографичности [42–44].

Как уже подчеркивалось, наиболее крупным исследованием историко-научного плана, позволяющим представить историографический почерк Н.А. Томилова, является монография, написанная совместно с И.В. Захаровой, – «Этнографические научные центры Западной Сибири. Омский этнографический центр» [39]. Авторы сосредоточили внимание в основном на социальных институтах своей науки. Институциональный подход не сводится к обозначению реестра основных институциональных площадок, он задает и когнитивную направленность. Руководствуясь, по сути, принципами «нового институционализма», авторы траекторию движения этнографической науки рассматривают посредством периодизации истории идей и истории институций. В тоже время обращается внимание на роль личностей, определяющих плодотворность и напряженность научной деятельности того или иного периода, по существу речь идет о вариантах интеллектуальной биографии, которая отражает состояние науки и место в ней конкретного ученого.

В истории омской этнографической науки выделяются четыре основных периода: 1) 1854–1875 гг. (становление и первые шаги омской этнографии); 2) 1876–1920-е гг. (этнографические исследования отдельных крупных ученых и Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества); 3) 1921–1973 гг. (развитие музейной этнографии, фольклорных исследований); 4) с 1974 г. по настоящее время (возрастающая плотность этнографических исследований сначала в рамках Омского государственного университета, позднее в Омском филиале Объединенного института истории, филологии, философии Сибирского отделения Российской академии наук и в Сибирском филиале Российского института культурологии) [39. С. 10]. В качестве достоинств данной монографии назовем фиксацию не только преемственности в развитии этнографической мысли и в целом исследовательских практик, но и прерывность в их развитии, тем самым была актуализирована новая проблематика – влияние социальных процессов как на инфраструктуру науки, так и на ее концептуальные построения применительно к этнографическому сибиреведению. Данное историографическое исследование «…дает толчок для дальнейшей рефлексии по поводу общих тенденций развития науки и роли научных сообществ различного типа в познавательном процессе. Активное познание и освоение окраинных территорий в связи с модернизацией страны, возрастающая роль научного знания в этом процессе, наряду с разреженностью интеллектуального пространства в Сибири, приводит к тому, что реализацию части научных функций и задач берут на себя общественно-научные организации. Таким образом, проявляется одна из тенденций развития науки, связанная с ее самоорганизацией, что находится в тренде современных историков науки» [39. С. 223]. Со второй половины 1970-х гг. начинается новый этап (исходя из содержания работы в данной статье мы можем определить его как этап зрелости омской этнографии). Авторы со знанием дела описывают происходящие на этом этапе процессы институализации и профессионализации этнографических исследований в Омске. Обращается внимание: 1) на усложнение инфраструктуры омской этнографии (появление новых научно-организационных центров в связи с открытием в 1974 г. Омского государственного университета, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии (1991), Сибирского филиала Российского института культурологи (1993)), зарождение и деятельность нескольких областных общественных организаций (культурных центров по изучению и популяризации народных традиций различных этносов); 2) процесс подготовки кадров профессиональных этнографов (образовательная составляющая); 3) складывание устойчивого научного сообщества этнографов с возрастающей интенсивностью научных коммуникаций; 4) основные научные направления в области этнографического сибиреведения; 5) биобиблиографическое представление итогов научной деятельности. Представляется весьма плодотворной и намеченная линия фиксации и анализа коммуникативных связей омских этнографов с представителями других научных школ. Полагаем, что в дальнейшем схоларная проблематика приобретет статус самостоятельной. Н.А. Томилов не просто свидетель, но и активный участник, координатор развития омской этнографии, в своих историографических работах представил ее историю и со знанием дела, и с любовью к ее служителям. Эти обстоятельства подвигли авторов «…к составлению обстоятельной библиографии трудов своих коллег со специальным выделением серийных научных изданий омского научного центра по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии, к составлению хроники научной жизни локального научного сообщества омских этнографов, включающей научные конференции и конгрессы, защиты кандидатских и докторских диссертаций. Упомянутые материалы вместе с юбилейными и памятными статьями, посвященными деятелям этнографической науки, и фотоиллюстрации являются, в свою очередь, ценными историографическими источниками, позволяющими уловить ритм омской этнографической жизни, ощутить общие токи науки, стремящейся к методологическому синтезу, и еще раз убедиться в значимости личностного фактора в науке. Репрезентируя омскую школу в современной историографии, размышляя о зигзагах этнографической традиции, Н.А. Томилов отдает себе отчет в значимости историко-научных исследований и наличии в этой

области многих нерешенных проблем, тем самым вовлекая читателя-специалиста в новую проблематику» [39. С. 226].

Резюмируем наши наблюдения. Ролевые и статусные функции в историографическом поле у данных ученых были различны, что нашло отражение в жанрах и архитектонике историографических текстов. В библиографическом списке В.И. Матющенко присутствуют в основном работы проблемно-историографического характера и исследования, посвященные конкретным взглядам историков с определенным вниманием к истории научного сообщества, что является типичным для ученого, не отягченного административной деятельностью, переживающего определенный этап творческой зрелости, в известной степени итожащему свой научный путь. Историографический опыт Н.А. Томилова демонстрирует иную модель, в которой соединяется «естественная историографичность» любого крупного ученого, как это мы отметили в случае с В.И. Матющенко, с особой ролью «администратора от науки», озабоченного презентацией больших исследовательских коллективов и необходимостью выработки стратегических путей развития новых научных направлений. Борьба за пространство внимания в научном сообществе имела своим следствием появление новых коммуникативных площадок в виде специализированных научных журналов и конференций, что, бесспорно, уплотнило интеллектуальный ландшафт города, создавая своеобразные точки сгущения потенциальной коммуникативной активности [45. С. 29]. И одновременно происходило расширение историографического сегмента исторической науки за счет «стихийных историографов». Локальное микроисследование подвигает нас к постановке проблемы фундаментального плана – структурной сложности историографического сообщества и существования отличающихся образов / ликов историографии в различных дисциплинарных полях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Речь идет об Омском филиале Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ранее – Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН), который он возглавлял с 1991 по 2017 гг. и Сибирском филиале Российского института культурологии Министерства культуры РФ, директором которого он был с 1993 по 2014 гг.

[2]Дополнительно данные за 2012–2016 г. были предоставлены нам в электронной версии помощником директора Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН Э.Р. Ахуновой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корзун В.П. Изменения институционального ландшафта исторической науки в 1990–2000-е гг.: омский вариант // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 4. С. 292–299.
2. Тихонов С.С. Рыцарь сибирской археологии // Рыцарь сибирской археологии : сб., посвящ. памяти В.И. Матющенко. Омск, 2007. С. 4–12.
3. Зотов И.А. О вкладе В.И. Матющенко в разработку концепции археологических микрорайонов // Vitascientificus, или археолог В.И. Матющенко : сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко – археолога, ученого, педагога. Омск, 2014. С. 68–71.
4. Данченко Е.М. О «периоде Матющенко» в западносибирской археологии // Vitascientificus, или археолог В.И. Матющенко : сб. науч. тр., посвященный 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко – археолога, ученого, педагога. Омск, 2014. С. 100–107.
5. Яшин В.Б. Классик археологии и «неклассическая» археология // Vitascientificus, или археолог В.И. Матющенко : сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко – археолога, ученого, педагога. Омск, 2014. С. 108–131.
6. Косарев М.Ф. В.И. Матющенко: Последний из могикан // Археологические материалы и исследования Северной Евразии, древности и Средневековья. Томск, 2007. С. 18–20.
7. Тихонов С.С. Владимир Иванович Матющенко и его исследования археологических микрорайонов Западной Сибири // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2009. С. 9–13.
8. Петрина А.Б. Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели : автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2009. 21 с.
9. Корзун В.П. Рец. на: И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский научный центр. Омск : Изд. дом «Наука», 2007. 400 с., ил. // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 188–190.
10. Корзун В.П. Рец. на: Этнограф, этноархеолог, культуролог… К 65-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / отв. ред. А.В. Ремнев, В.И. Струнин. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. 324 с. // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 183–185.
11. Тихонов С.С. Н.А. Томилов как фактор становления концепции изучения этнографо-археологических комплексов // Этнограф, культуролог, историк… К 70-летию проф. Николая Аркадьевича Томилова / сост. С.Н. Корусенко, А.П. Деревянко, К.Э. Разлогов, В.И. Струнин. Омск, 2011. С. 243–253.
12. Жук А.В. Н.А. Томилов как систематик истории этноархеологического направления отечественной науки // Этнограф, культуролог, историк… К 70-летию проф. Николая Аркадьевича Томилова / сост. С.Н. Корусенко, А.П. Деревянко, К.Э. Разлогов, В.И. Струнин. Омск, 2011. С. 254–262.
13. Юревич А.В. «Слои» науковедческого сообщества // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / под. ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М., 2005. С. 26–42.
14. Список работ В.И. Матющенко // Рыцарь сибирской археологии : сб., посвящ. памяти В.И. Матющенко. Омск, 2007. С. 19–85.
15. Матющенко В.И. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1960. 15 с.
16. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть I. Верхнеобская неолитическая культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9. С. 12–26.
17. Чиндина Л.А. Предисловие // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск, 2007. С. 7–12.
18. Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов) : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГУ, 1992. 138 с.
19. Матющенко В.И. Сибирская археология в 1940-е – 1950-е годы : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГУ, 1994. 101 с.
20. Матющенко В.И. Археология Сибири 1960-х – начала 1990-х годов: Процессы развития : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. 128 с.
21. Матющенко В.И. Археология Сибири 1960-х – начала 1990-х годов: Проблематика : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. 97 с.
22. Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск : ОмГУ, 2001. Т. 1. 178 с.

23. Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск : ОмГУ, 2001. Т. 2. 171 с.
24. Матющенко В.И. Основные направления современной историографии сибирской археологии // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. 1. Омск, 1992. С. 39–42.
25. Матющенко В.И. Научно-интеллектуальные сообщества и историческая наука (археология) // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 1995. Ч. 1. С. 72–75.
26. Матющенко В.И. Некоторые явления формирования научных центров сибирской археологии в 1920–1950 гг. // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2000. С. 85–88.
27. Матющенко В.И. Современное состояние сибирской археологии (конец XX – начало XXI века) // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. С. 11–15.
28. Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : тезисы докл. обл. науч. конф. Омск, 1987. 200 с.
29. Матющенко В.И. Михаил Петрович Грязнов и его место в советской археологии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 1987. С. 6–9.
30. Матющенко В.И. Вклад М.П. Грязнова в разработку методологии и методики археологических исследований // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Тюмень, 1989. С. 12–14.
31. Матющенко В.И. М.П. Грязнов – историк // Историки об истории. Омск, 1989. С. 26–32.
32. Матющенко В.И. Михаил Петрович Грязнов: истоки научной школы // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 77–90.
33. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник (методика технологической диагностики лепной посуды): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995. 37 с.
34. Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е годы : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 29 с.
35. Свешникова О.С. Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (конец 1920-х – середина 1950-х гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2006. 25 с.
36. Список научных и учебных работ Н.А. Томилова // Этнограф, культуролог, историк ... К 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / сост. С.Н. Корусенко; отв. ред. А.П. Деревянко, К.Э. Разлогов, В.И. Струнин. Омск, 2011. С. 19–118.
37. Томилов Н.А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (к вопросу об угорском и самодийском компонентах) // Проблемы этногенеза народов Сибири и дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 132–134.
38. Томилов Н.А. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 131–149.
39. Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири. Омский этнографический центр / отв. ред. В.П. Корзун, В.И. Матющенко. Омск, 2007. 400 с.
40. Томилов Н.А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований / отв. ред. В.П. Корзун. Омск, 2010. 164 с.
41. Томилов Н.А. Музеология как отрасль знаний : избранные лекции / отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск : Изд. дом «Наука», 2012. 100 с.
42. Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление // Введение в этноархеологию / отв. ред. С.С. Тихонов. Омск : Изд. Омск. гос. ун-т, 1999.
43. Томилов Н.А. Этноархеология: понятие, объектно-предметная и проблемная сферы // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 9–19.
44. Томилов Н.А., Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск : Изд. «Наука», 2014. 192 с.
45. Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки. От размышления историографов к опытам описания // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 37. С. 24–44.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

“SPONTANEOUS HISTORIOGRAPHERS” IN THE REGIONAL INTELLECTUAL LANDSCAPE: V.I. MATYUSHENKO AND N.A. TOMILOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 151–159.
DOI: 10.17223/15617793/436/18
Valentina P. Korzun, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: korzunv@mail.ru
Marina A. Mamontova, Dostoevsky Omsk State Universityy (Omsk, Russian Federation). E-mail: mamontovama@omsu.ru
Keywords: spontaneous historiographers; V.I. Matyushchenko; N.A. Tomilov; intellectual landscape; scientific community.

The aim of this article is to reveal the personal contribution to the formation of Omsk historiography of two iconic figures in the Omsk scientific community, professors, “non-historiographers” by definition: the archaeologist V.I. Matyushchenko and the ethnographer N.A. Tomilov. The object of the research is the scientific community of Omsk historians, the subject is the historiographical views of the two mentioned researchers in the context of the dynamics of the institutional features of the formation of the Omsk community of historians and the specifics of the appeal to historiography in various disciplinary fields. The main sources are represented by authoritative scientific texts of a historiographical nature, bibliographic lists and indexes, reviews and reminiscences of students. The study is carried out at the intersection of intellectual history and the social history of science. The science-based definition “spontaneous science theorist” reformatted in this study into a “spontaneous historiographer” was chosen as the main option. Bibliometric analysis of historiographical sources made it possible to reveal not only their array (Tomilov made 561 publications, Matyushchenko 36), but also peaks of historiographical creativity, which, despite the fact that the researchers belonged to different generations, coincided (1999 – early 2000s), as well as the main genres of their historiographical works. Appeal to the institutional and biographical approaches allowed the authors to conclude that the historiographical creativity influenced not only the general tendencies in the development of the humanities at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries, but also the importance of external biographical factors reflecting different status and role functions in the scientific community. Matyushchenko’s bibliography mostly consists of works of a problem-historiographical nature and studies devoted to specific views of historians with attention to the history of the scientific community, which is typical for a researcher not engaged in administrative activities, experiencing a certain stage of creative maturity, and, to a certain extent, cumulating his own scientific path. Tomilov’s historiographical experience demonstrates a different model in which “natural historiography” combines with the special role of “administrator from science”, concerned with the presentation of large research teams and the need to develop strategic ways for the development of new scientific directions. The authors have obtained data that provide material for further reflection on the expansion of the historiograph-

ical segment of historical science through "spontaneous historiographers", as well as on the heterogeneity of the historiographic community.

REFERENCES

1. Korzun, V.P. (2017) Changes in the institutional landscape of historical science in the 1990s–2000s: Omsk case. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk* University. Series *"Historical Studies"*. 4. pp. 292–299. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.294-301
2. Tikhonov, S.S. (2007) Rytsar' sibirskoy arkheologii [The Knight of Siberian archeology]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Rytsar' sibirskoy arkheologii: sb., posvyashch. pamyati V.I. Matyushchenko* [The Knight of Siberian archeology. Collection in memory of V.I. Matyushchenko]. Omsk: Omsk State University.
3. Zotov, I.A. (2014) O vklade V.I. Matyushchenko v razrabotku kontseptsii arkheologicheskikh mikrorayonov [On the contribution of V.I. Matyushchenko to the development of the concept of archaeological microregions]. In: Tikhonov, S.S. & Yashin, V.B. (eds) *Vitascientificus, ili arkheolog V.I. Matyushchenko: sb. nauch. tr., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Ivanovicha Matyushchenko – arkheologa, uchenogo, pedagoga* [Vitascientificus, or archaeologist V.I. Matyushchenko: Works dedicated to the 85th anniversary of the birth of Vladimir Ivanovich Matyushchenko, an archaeologist, scientist, and teacher]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN.
4. Danchenko, E.M. (2014) O "periode Matyushchenko" v zapadnosibirskoy arkheologii [On the "Matuschenko period" in West Siberian archeology]. In: Tikhonov, S.S. & Yashin, V.B. (eds) *Vitascientificus, ili arkheolog V.I. Matyushchenko: sb. nauch. tr., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Ivanovicha Matyushchenko – arkheologa, uchenogo, pedagoga* [Vitascientificus, or archaeologist V.I. Matyushchenko: Works dedicated to the 85th anniversary of the birth of Vladimir Ivanovich Matyushchenko, an archaeologist, scientist, and teacher]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN.
5. Yashin, V.B. (2014) Klassik arkheologii i "neklassicheskaya" arkheologiya [The classic of archeology and "non-classical" archeology]. In: Tikhonov, S.S. & Yashin, V.B. (eds) *Vitascientificus, ili arkheolog V.I. Matyushchenko: sb. nauch. tr., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Ivanovicha Matyushchenko – arkheologa, uchenogo, pedagoga* [Vitascientificus, or archaeologist V.I. Matyushchenko: Works dedicated to the 85th anniversary of the birth of Vladimir Ivanovich Matyushchenko, an archaeologist, scientist, and teacher]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN.
6. Kosarev, M.F. (2007) V.I. Matyushchenko: Posledniy iz mogikan [Matyushchenko: The last of the Mohicans]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoy Evrazii, drevnosti i Srednevekov'ya* [Archaeological materials and studies of Northern Eurasia of Antiquity and the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 18–20.
7. Tikhonov, S.S. (2009) Vladimir Ivanovich Matyushchenko i ego issledovaniya arkheologicheskikh mikrorayonov Zapadnoy Sibiri [Vladimir Ivanovich Matyushchenko and his research on the archaeological microregions of Western Siberia]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii* [Archaeological microregions of Northern Eurasia]. Omsk: Izd-vo "Apel'sin".
8. Petrina, A.B. (2009) *Nauchnaya biografiya v rossiyskoy kul'turnoy i intellektual'noy traditsii: poisk novoy modeli* [Scientific biography in the Russian cultural and intellectual traditions: The search for a new model]. Abstract of History Cand. Dis. Omsk.
9. Korzun, V.P. (2009) Book Review: Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (2007) Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX – nachala XXI veka. Omskiy nauchnyy tsentr [Ethnographic research centers of Western Siberia in the middle of the 19th – beginning of the 21st centuries. Omsk Research Center]. Omsk: Izd. dom "Nauka". *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 188–190.
10. Korzun, V.P. (2007) Book Review:: Remnev, A.V. & Strunin, V.I. (eds) (2006) Etnograf, etnoarkheolog, kul'turolog… K 65-letiyu professora Nikolaya Arkad'evicha Tomilova [Ethnographer, ethno-archaeologist, cultural scientist. To the 65th anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk: Izd. dom "Nauka". *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 183–185.
11. Tikhonov, S.S. (2011) N.A. Tomilov kak faktor stanovleniya kontseptsii izucheniya etnografo-arkheologicheskikh kompleksov [N.A. Tomilov as a factor in the formation of the concept of the study of ethnographic and archaeological complexes]. In: Korusenko, S.N. et al. *Etnograf, kul'turolog, istorik… K 70-letiyu prof. Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Ethnographer, cultural scientist, historian. To the 70th anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk: Izdat. dom "Nauka".
12. Zhuk, A.V. (2011) N.A. Tomilov kak sistematik istorii etnoarkheologicheskogo napravleniya otechestvennoy nauki [N.A. Tomilov as a systematist of the history of the ethno-archaeological direction of national science]. In: Korusenko, S.N. et al. *Etnograf, kul'turolog, istorik… K 70-letiyu prof. Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Ethnographer, cultural scientist, historian. To the 70th anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk: Izdat. dom "Nauka".
13. Yurevich, A.V. (2005) "Sloi" naukovedcheskogo soobshchestva ["Layers" of the community of scientific studies]. In: Allakhverdyana,A.G. et al. (eds) *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitii rossiyskoy nauki* [Science studies and new trends in the development of Russian science]. Moscow: Logos, pp. 26–42.
14. Tikhonov, S.S. (ed.) (2007) *Rytsar' sibirskoy arkheologii: sb., posvyashch. pamyati V.I. Matyushchenko* [The Knight of Siberian archeology. Collection in memory of V.I. Matyushchenko]. Omsk: Omsk State University. pp. 19–85.
15. Matyushchenko, V.I. (1960) *Neolit i bronzovyy vek v basseyne r. Tomi* [The Neolithic and the Bronze Age in the basin of the river Tom]. Abstract of History Cand. Dis. Tomsk.
16. Matyushchenko, V.I. (1973) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya. Chast' I. Verkhneobskaya neoliticheskaya kul'tura [Ancient history of the population of the forest and forest-steppe Ob region. Part I. The Upper Ob Neolithic Culture]. In: Moshinskaya, V.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Is. 9. Tomsk: Tomsk State University. pp. 12–26.
17. Chindina, L.A. (2007) Predislovie [Foreword]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoy Evrazii, drevnosti i Srednevekov'ya* [Archaeological materials and studies of Northern Eurasia of Antiquity and the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 18–20.
18. Matyushchenko, V.I. (1992) *Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy Sibiri (do kontsa 1930-kh godov)* [The history of archaeological research in Siberia (until the end of the 1930s)]. Omsk: Omsk State University.
19. Matyushchenko, V.I. (1994) *Sibirskaya arkheologiya v 1940-e – 1950-e gody* [Siberian archeology in the 1940s–1950s]. Omsk: Omsk State University.
20. Matyushchenko, V.I. (1995) *Arkheologiya Sibiri 1960-kh – nachala 1990-kh godov: Protsessy razvitiya* [Archeology of Siberia of the 1960s – beginning of the 1990s: Development processes]. Omsk: Omsk State University.
21. Matyushchenko, V.I. (1995) Arkheologiya Sibiri 1960-kh – nachala 1990-kh godov: Problematika [Archeology of Siberia of the 1960s – beginning of the 1990s: Problems]. Omsk: Omsk State University.
22. Matyushchenko, V.I. (2001) *300 let istorii sibirskoy arkheologii* [300 years of history of Siberian archeology]. Vol. 1. Omsk: Omsk State University.
23. Matyushchenko, V.I. (2001) 300 let istorii sibirskoy arkheologii [300 years of history of Siberian archeology]. Vol. 2. Omsk: Omsk State University.
24. Matyushchenko, V.I. (1992) [The main directions of modern historiography of Siberian archeology]. *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Second historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Pt. 1. Omsk: Omsk State University. pp. 39–42. (In Russian).

25. Matyushchenko, V.I. (1995) [Scientific and intellectual communities and historical science (archeology)]. *Tret'i istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Third historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Pt. 1. Omsk: Omsk State University. pp. 72–75. (In Russian).
26. Matyushchenko, V.I. (2000) [Some phenomena of the formation of scientific centers of Siberian archeology in the 1920s–1950s]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Fifth historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 85–88. (In Russian).
27. Matyushchenko, V.I. (2004) [The current state of Siberian archeology (end of the 20th – beginning of the 21st centuries)]. *Shestye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Sixth historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 11–15. (In Russian).
28. Omsk State University. (1987) *Istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Abstracts of the Regional Conference. Omsk: Omsk State University.
29. Matyushchenko, V.I. (1987) *Mikhail Petrovich Gryaznov and his place in Soviet archeology]. Istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Abstracts of the Regional Conference. Omsk: Omsk State University. pp. 6–9. (In Russian).
30. Matyushchenko, V.I. (1989) [The contribution of M.P. Gryaznov to the development of methodology and methods of archaeological research]. *Aktual'nye problemy metodiki zapadnosibirskoy arkheologii* [Topical problems of the methodology of West Siberian archeology]. Tyumen': GPNTB RAN, pp. 12–14. (In Russian).
31. Matyushchenko, V.I. (1989) M.P. Gryaznov – istorik [M.P. Gryaznov as a historian]. In: Korzun, V.P. (ed.) *Istoriki ob istorii* [Historians about history]. Omsk: Omsk State University.
32. Matyushchenko, V.I. (1990) Mikhail Petrovich Gryaznov: istoki nauchnoy shkoly [Mikhail Petrovich Gryaznov: The origins of the scientific school]. *Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy Sibiri* [History of archeological research in Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 77–90. (In Russian).
33. Glushkov, I.G. (1995) *Keramika kak arkheologicheskiy istochnik (metodika tekhnologicheskoy diagnostiki lepnoy posudy)* [Ceramics as an archaeological source (method of technological diagnostics of molded ware)]. Abstract of History Dr. Dis. Novosibirsk.
34. Zhuk, A.V. (1995) *Organizatsiya arkheologicheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri. 1860–1920-e gody* [The organization of archaeological research in Western Siberia. 1860s–1920s]. Abstract of History Cand. Dis. Barnaul.
35. Sveshnikova, O.S. (2006) *Istoricheskaya interpretatsiya arkheologicheskogo istochnika v otechestvennoy arkheologii (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.)* [Historical interpretation of the archaeological source in national archeology (late 1920s – mid-1950s)]. Abstract of History Cand. Dis. Omsk.
36. Derevyanko, A.P. et al. (eds) (2011) Spisok nauchnykh i uchebnykh rabot N.A. Tomilova [List of research and educational works of N.A. Tomilov]. In: Korusenko, S.N. et al. *Etnograf, kul'turolog, istorik… K 70-letiyu prof. Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Ethnographer, cultural scientist, historian. To the 70th anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk: Izdat. dom "Nauka".
37. Tomilov, N.A. (1973) [The study of the ethnogenesis of the Siberian Tatars in the Soviet literature (on the question of the Ugrian and Samoyed components)]. *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i dal'nego Vostoka* [Problems of the ethnogenesis of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 132–134. (In Russian).
38. Tomilov, N.A. (1978) Voprosy etnicheskogo razvitiya sibirskikh tatar v dorevolyutsionnoy i sovetskoy literature [Issues of ethnic development of the Siberian Tatars in the pre-revolutionary and Soviet literature]. In: Matyushchenko, V.I. (ed.) *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural phenomena in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 131–149.
39. Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (2007) *Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoy Sibiri. Omskiy etnograficheskiy tsentr* [Ethnographic research centers of Western Siberia. Omsk ethnographic center]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
40. Tomilov, N.A. (2010) *Narodnaya kul'tura gorodskogo naseleniya Sibiri: ocherki istoriografii i teorii istoriko-etnograficheskikh issledovaniy* [Folk culture of the urban population of Siberia: essays on historiography and theory of historical and ethnographic research]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
41. Tomilov, N.A. (2012) *Muzeologiya kak otrasl' znaniy: izbrannye lektsii* [Museology as a branch of knowledge: Selected lectures]. Omsk: Izd. dom "Nauka".
42. Tomilov, N.A. (1999) Etnoarkheologiya kak nauchnoe napravlenie [Ethnoarcheology as a scientific direction]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Vvedenie v etnoarkheologiyu* [Introduction to ethnoarcheology]. Omsk: Omsk State University.
43. Tomilov, N.A. (2002) Etnoarkheologiya: ponyatie, ob"ektno-predmetnaya i problemnaya sfery [Ethnoarcheology: Concept, object-subject and problem areas]. In: Korusenko, M.A. & Tikhonov, S.S. (eds) *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: Problems of culture and society]. Vol. 5. Novosibirsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
44. Tomilov, N.A. et al. (2014) *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnaya sreda, etnosy, istochniki* [Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tara Irtysh: The natural environment, ethnic groups, sources]. Omsk: Izd. "Nauka".
45. Korzun, V.P. & Ryzhenko, V.G. (2011) Communicative field of the contemporary historical discipline: from historiographical reflections to the attempts at description. *Dialog so vremenem.* 37. pp. 24–44. (In Russian).

Received: 18 April 2018

УДК 655:004.738.5:378.(571.16)

С.А. Некрылов, И.А. Дунбинский, Е.А. Костылева

ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ НА ПРИМЕРЕ «ЭЛЕКТРОННОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

На основании опыта по проектированию и сопровождению «Электронной энциклопедии Томского государственного университета» коллективом авторов анализируются проблемы и вызовы, с которыми они столкнулись в ходе реализации проекта. Раскрываются механизмы функционирования энциклопедии в интернет-пространстве, ее отличия от аналогичного рода ресурсов, а также изучается потенциал дальнейшего развития данного электронного ресурса.
Ключевые слова: электронная энциклопедия; дорожная карта; Томский университет; Томск.

Долгое время энциклопедии являлись одной из основополагающих форм хранения и упорядочения знаний. Так, для большинства людей единственным источником достоверной информации становились различного рода энциклопедические издания и словари, как, например, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона или Большая советская энциклопедия [1. С. 208–210].

Однако с момента появления интернета и персональных компьютеров нахождение достоверной и полной информации перестало быть проблемой для современного человека. Информация обновляется и пополняется постоянно из десятков тысяч источников. Вследствие этого публикация бумажных энциклопедий и справочных изданий стала стремительно терять свою актуальность, особенно если рассматривать биографии ныне действующих людей или организаций. В этой связи наиболее простым и емким решением является обращение к новым формам систематизации и хранения информации, например электронным энциклопедиям, которые, находясь в открытом онлайн-пространстве, позволяют неограниченно редактировать себя и дополнять свежей и актуальной информацией.

В настоящее время существует огромное количество различного рода электронных энциклопедий. Некоторые из них являются международными, а другие – региональными или узконаправленными проектами [2. С. 154–156; 3. С. 340–341]. Однако большинство этих изданий объединяют общие проблемы, которые зачастую возникают перед авторским коллективом на начальном этапе формирования проекта. Рассмотрим эти проблемы на примере «Электронная энциклопедия Томского государственного университета».

Данная электронная энциклопедия была создана в мае 2014 г. в рамках Дорожной карты Томского государственного университета по стратегической инициативе СИ 3 «Привлечение в ТГУ талантливых студентов и аспирантов. Поколение 2020» [4]. С самого начала реализации проект преследовал несколько целей: во-первых, охватить всю историю ТГУ, продемонстрировать точки роста и векторы развития университета в прошлом и настоящем. Во-вторых, повысить позиции ТГУ в рейтинге webometrics, увеличив количество страниц, связанных с доменом tsu.ru. В-третьих, повысить цитируемость научных работ сотрудников ТГУ. В-четвертых, провести брендирование ТГУ через его исторический контекст. В-пятых, создать новый информационный ресурс, связанный с историей ТГУ и удобный для его использования в образовательном процессе и научных исследованиях. В-шестых, «Электронная энциклопедия ТГУ» могла оказать значительное влияние на формирование положительной корпоративной идентичности сотрудников и студентов университета за счёт формирования преемственности между поколениями через создание некой «культурной эстафеты поколений».

Первой проблемой при создании «Электронной энциклопедии ТГУ» стал вопрос о содержании издания. С самого начала проект позиционировался как энциклопедия ТГУ о прошлом и настоящем университета, т.е. о сотрудниках, выпускниках, факультетах, кафедрах, общественных и научных организациях университета. Однако чтобы писать статьи обо всем сразу, необходим огромный коллектив авторов, члены которого все свое время вынуждены были бы посвящать работе над энциклопедией, в то время как над проектом в разное время работала команда, не превышающая 10 человек единовременно. В связи с этим было принято решение сместить фокус энциклопедии в первую очередь на написание биографий сотрудников и выпускников университета, так как людей всегда интересуют в первую очередь другие люди, а не структурные подразделения.

Но это решение, в свою очередь, поставило перед коллективом энциклопедии вторую проблему: о ком в таком случае писать биографии? Наиболее очевидным решением было написание биографий обо всех людях, кто когда-либо учился или работал в ТГУ. Однако это подразумевало работу с огромным объемом информации, следовательно, необходимо было провести выборку будущих биографий. В этих условиях ключевым критерием стала значимость человека для истории ТГУ (добившиеся значительных успехов в научной или организационно-административной деятельности).

Третьей проблемой стал баланс между научной фундаментальностью статей и научной популярностью. При реализации проекта этот вопрос вставал неоднократно. Так, одна часть коллектива отстаивала идею строгой научности энциклопедии и соблюдения

всех академических принципов при написании статей. Другая часть коллектива настаивала на написании небольших научно-популярных статей с яркой визуализацией материала. В итоге было принято решение о приоритете научной составляющей при написании статей, но с сохранением некой научной популярности. Так, например, в биографиях ученых по их желанию размещаются их фотографии из путешествий, создаются отдельные блоки текста об их увлечениях и хобби, что в значительной степени оживляет образ таких ученых.

Из проблемы баланса между академичностью и научной популярностью вытекает четвертая проблема: создавать «Электронную энциклопедию ТГУ» как открытый для редактирования ресурс или закрыть его для посторонних. В настоящее время такие крупные ресурсы, как, например, «Википедия – свободная энциклопедия», являются условно открытыми площадками. Любой желающий может зарегистрироваться в них и получить доступ к их редактированию. В потенциале такая политика открытости может значительно увеличить количество статьей в энциклопедии и расширить материал. Однако при этом необходимо иметь целую команду постоянных модераторов проекта, которые были бы способны проверять новую информацию на достоверность с целью сохранения академичности энциклопедии. Проект «Электронная энциклопедия ТГУ» реализовывался небольшой командой разработчиков, в связи с чем и было принято решение о закрытии от редактуры извне.

Немаловажным в проекте являлось создание рубрикатора статьей: любая размещенная в энциклопедии статья без систематизации и упорядочения информации терялась в общем потоке. В целях упорядочения и систематизации статей было принято решение о разработке рубрикатора для «Электронной энциклопедии ТГУ». Только на его разработку было затрачено около трех месяцев. В результате было создано 408 уникальных категорий, которые охватывают большинство возможных связей человека или структуры с Томским государственным университетом.

В настоящее время главной проблемой проекта является его дизайн. Очевидно, что, несмотря на высокую научность, проекту не хватает красоты визуального стиля. Однако до сих пор нет единого мнения о векторе будущего дизайна энциклопедии: нужно ли сохранять академическую сухость в визуализации или идти в сторону большей красочности сайта. Кроме того, если все вышеперечисленные проблемы вполне можно решить на общественных началах, то работа профессионального дизайнера, а затем программиста требует значительных затрат. В этой связи вопрос о редизайне энциклопедии до сих пор остается открытым.

Затрагивая тему реализации проекта, необходимо разделить историю создания «Электронной энциклопедии ТГУ» на четыре отдельных этапа. В первый период существования проекта с мая 2014 г. по май 2015 г. проект существовал, опираясь на финансовую поддержку со стороны ТГУ. В это время в команду под руководством С.А. Некрылова входило 17 человек, из которых 12 человек работали в качестве авторов статей, а 5 человек осуществляли техническое сопровождение энциклопедии. За это время было выставлено чуть более 700 уникальных статей. Однако в мае 2015 г. финансирование проекта было приостановлено. Встал вопрос о дальнейшей судьбе энциклопедии [5].

С мая по декабрь 2015 г. над проектом работал только его руководитель. В этот период он самостоятельно разместил около 200 статей, доведя общее число публикаций до 900. После этого работа над проектом была заморожена вплоть до осени 2016 г.

Вопрос о повторном запуске проекта возник в связи с тем, что, несмотря на отсутствие работы над энциклопедией, просмотры опубликованных статей постоянно росли. С осени 2016 г. над «Электронной энциклопедией ТГУ» на общественных началах стали работать два человека: С.А. Некрылов и И.А. Дунбинский. Благодаря их совместным усилиям в марте 2017 г. «Электронная энциклопедия ТГУ» набрала свой 1 млн просмотров. С осени 2017 г. к проекту «Электронная энциклопедия ТГУ» присоединилась Научная библиотека ТГУ. Сотрудник библиотеки ТГУ стал создавать ссылки в опубликованных биографиях на выложенные труды в электронной библиотеке, формируя связь между этими двумя проектами. С 2018 г. к проекту, также на общественных началах присоединился четвертый участник Е.А. Костылева. Кроме того, на протяжении всего существования проекта в формировании статей к энциклопедии посильную помощь оказывает С.Ф. Фоминых вместе со своими учениками.

Таким образом, к настоящему времени количество статьей в «Электронной энциклопедии ТГУ» составило 1 289. Суммарное количество просмотров более 2 млн 400 тыс., а количество ежедневных просмотров в день варьируется от 3 до 5 тыс. Это позволяет электронной энциклопедии постоянно развиваться. Так, если в 2014–2015 гг. выложенная уникальная статья появлялась на первой странице поисковых систем Google и Yandex спустя примерно полгода, то сейчас статья выводиться на первое место в Google и Yandex за 3–5 дней. Анализ статей «Электронной энциклопедии ТГУ» в системах рейтинга Google и Yandex показал, что подавляющее большинство публикаций находиться на 2–3-м месте в случае популярной биографии и на 1-м месте в случае уникальной статьи или значительно расширенной по сравнению с другими публикациями. Кроме того, с 2014 г. «Электронная энциклопедия ТГУ» имеет собственный ISBN (Международный стандартный номер книги), а с апреля 2015 г. энциклопедия была зарегистрирована в РИНЦ как научное издание [6].

В настоящее время на базе «Электронной энциклопедии ТГУ» студентами и аспирантами факультета исторических и политических наук ТГУ реализуются ряд научно-исследовательских проектов по опубликованным биографиям сотрудников и выпускников университета. Помимо этого на протяжении всех 4 лет к авторскому коллективу «Электронной энциклопедии ТГУ» неоднократно обращались родственники размещенных в энциклопедии людей с просьбой дополнить уже имеющиеся на сайте биографии и с выражением благодарности за проделанную работу.

Так, например, благодаря выставленной в «Электронной энциклопедии ТГУ» биографии И.П. Гурова поисковому отряду «Обелиск» удалось выяснить биографию погибшего воина, связаться с его живыми родственниками, а затем организовать торжественное перезахоронение его останков в деревне Васильевское Темкинского района Смоленской области [7].

Кроме того, к настоящему времени практически завершен начатый еще в 2014 г. проект по размещению 178 биографий студентов, преподавателей, аспирантов, научных сотрудников, рабочих и служащих Томского университета, ушедших защищать родину во время Великой Отечественной войны и не вернувшихся домой. Все они увековечены на памятной стеле в университетской роще ТГУ, со 172 биографиями можно ознакомиться на страницах «Электронной энциклопедии ТГУ», по оставшимся шести ведется поиск информации.

Таким образом, отличительными особенностями «Электронной энциклопедии ТГУ» от других аналогичных изданий являются ориентация проекта в первую очередь на внутреннюю историю Томского государственного университета, использование принципа научной академичности при написании статьей, закрытость ресурса от изменений статей извне, а также существование проекта исключительно на волонтерской основе на протяжении уже трех лет.

Благодаря работе команды проекта, которая сформировалась из заинтересованных в нем людей, «Электронная энциклопедия ТГУ» уже на протяжении года занимает первые строчки в поисковых системах Yandex и Google при запросе на поиск «электронная энциклопедия». Размещенная в энциклопедии информация помогла найти родственников или дополнить биографические данные о них десяткам заинтересованных людей, проживающих на территории не только России, но и за рубежом. В настоящее время формируется команда из студентов Томского государственного университета, заинтересованных в проекте и готовых работать над ним. Все это в совокупности свидетельствует о том, что «Электронная энциклопедия Томского государственного университета» в настоящее время является одним из наиболее перспективных региональных энциклопедических изданий в России, а также важным элементом в позиционировании Томского государственного университета в русскоязычном секторе интернета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова И.Г. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона как явление в русской культуре (к 125-летию с начала издания) // Человек и общество в системе религиозного и социально-гуманитарного знания. Заокский : Изд-во ЗХГЭИ, 2015. С. 207–212.
2. Емельяненко В.Д., Жукова С.Э. Википедия как источник научной информации // Информация как двигатель научного прогресса : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 22 января 2018 г.): в 3 ч. Стерлитамак : АМИ, 2018. Ч. 3. С. 154–161.
3. Ряховская М.А. Электронные региональные энциклопедии // Труды ГПНТБ СО РАН. 2011. № 2. С. 339–345.
4. Карта инициативной среды ТГУ // Программа повышения конкурентоспособности ТГУ. URL: http://viu.tsu.ru/ (дата обращения: 06.08.2018).
5. Шарапова Н.А. Найди себя в энциклопедии. «Вики» ТГУ соберет всю информацию об истории университета и его людях // Alma Mater. 2015. 28 января.
6. Электронная энциклопедия Томского государственного университета // Научная электронная библиотека elibrary.ru. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25243695 (дата обращения: 06.08.2018).
7. Выпускник ТГУ 1941 года будет захоронен под Смоленском // Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: http://www.tsu.ru/news/vypusknik-tgu-1941-goda-budet-zakhoronen-pod-smole/?sphrase_id=163912 (дата обращения: 06.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 24 сентября 2018 г.

TECHNOLOGIES OF DESIGNING AND IMPLEMENTATION OF AN ELECTRONIC ENCYCLOPEDIA ON THE EXAMPLE OF THE ELECTRONIC ENCYCLOPEDIA OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 160–163.
DOI: 10.17223/15617793/436/19

Sergei A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru
Ilya A. Dunbinskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbunskiy@mail.ru
Eva A. Kostyleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: idafrei@yandex.ru

Keywords: electronic encyclopedia; road map; Tomsk University; Tomsk.

The aim of this article is to identify the key milestones in the creation of the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University, mechanisms of its functioning in the Internet space, as well as to analyse its potential for further development. The object of the research is electronic encyclopedias in the Internet space, and the subject is the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University. To solve the aim, the authors analysed the problems and challenges they faced during the design and creation of the electronic encyclopedia. Based on the identified experience, key elements that distinguish the encyclopedia from a similar kind of resources have been identified. The history of the creation and implementation of the project of the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University was described. In addition, in the final part of the article, the achievements of the project over the past four years and the potential for further development of this electronic resource were described. As a result of the work done, the authors of the article came to a conclusion that the features that distinguish the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University from other similar publications is the orientation of the project primarily on the internal history of Tomsk State University. During the writing of each published article in the encyclopedia, the scientific academicity principle was used. The scientific academic content of the material is preserved due to the impossibility of editing the encyclopedia articles from the outside. In addition, for the past three years, the project has been implemented exclusively on a volunteer basis. Currently, a small team of authors and content managers work on the project on a regular basis. Thanks to their joint work, the electronic encyclopedia has been first in the Yandex and Google search engines during the year when entering the search query “electronic encyclopedia”. Moreover, the information posted in the

encyclopedia helped to find relatives or add information about them to dozens of interested people living not only in Russia but also abroad. All this together shows that the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University is currently one of the most promising regional encyclopedic publications in Russia, as well as an important element in the positioning of Tomsk State University in the Russian-language sector of the Internet.

REFERENCES

1. Mikhaylova, I.G. (2015) Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona kak yavlenie v russkoy kul'ture (k 125-letiyu s nachala izdaniya) [Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron as a phenomenon in Russian culture (on the 125th anniversary of the publication)]. In: Petrishchev, A.A. (ed.) *Chelovek i obshchestvo v sisteme religioznogo i sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* [Man and society in the system of religious and social and humanitarian knowledge]. Zaokskiy: Izd-vo ZKhGEI.
2. Emel'yanenko, V.D. & Zhukova, S.E. (2018) Vikipediya kak istochnik nauchnoy informatsii [Wikipedia as a source of scientific information]. *Informatsiya kak dvigatel' nauchnogo progressa* [Information as an engine of scientific progress]. Proceedings of the International Conference. Saratov. 22 January 2018. Pt. 3. Sterlitamak: AMI. pp. 154–161. (In Russian).
3. Ryakhovskaya, M.A. (2011) Elektronnye regional'nye entsiklopedii [Electronic Regional Encyclopedias]. *Trudy GPNTB SO RAN*. 2. pp. 339–345.
4. Toms State University. (n.d.) *Karta initsiativnoy sredy TGU* [Map of the TSU initiative environment]. [Online] Available from: http://viu.tsu.ru/. (Accessed: 06.08.2018).
5. Sharapova, N.A. (2015) Naydi sebya v entsiklopedii. "Viki" TGU soberet vsyu informatsiyu ob istorii universiteta i ego lyudyakh [Find yourself in the encyclopedia. TSU "Wiki" will collect all the information about the history of the university and its people]. *Alma Mater*. 28 January.
6. Fominykh, S.F. et al. (2015) *Elektronnaya entsiklopediya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Electronic Encyclopedia of Tomsk State University]. [Online] Available from: https://elibrary.ru/item.asp?id=25243695. (Accessed: 06.08.2018).
7. Tomsk State University. (2017) *Vypusknik TGU 1941 goda budet zakhoronen pod Smolenskom* [TSU 1941cGraduate will be buried near Smolensk]. [Online] Available from: http://www.tsu.ru/news/vypusknik-tgu-1941-goda-budet-zakhoronen-pod-smole/?sphrase_id=163912. (Accessed: 06.08.2018).

Received: 24 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С.164–174. DOI: 10.17223/15617793/436/20

УДК 323.3 (39)

А.Б. Панченко, О.Н. Стафеев

ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВА

Предпринята попытка рассмотреть инородческий вопрос через призму многофакторного подхода, предполагающего существование нескольких разнонаправленных дискурсов, создаваемых различными акторами. В рамках властного дискурса инородцы описывались как отдельное сословие, созданное для максимально эффективного использования особенностей хозяйства и самоуправления некоторых групп населения. В общественно-политическом дискурсе существовало несколько трактовок: как «иной», враждебно настроенный по отношению к русскому народу; как нерусские народы империи, ущемленные в правах; как отсталые, а потому безвредные народы Сибири.

Ключевые слова: инородцы; ориентализм; внутренняя колонизация; новая имперская история; дискурс-анализ.

Понятие «инородцы» впервые было введено в законодательный и властный дискурс Российской империи в 1822 г., после принятия разработанного М.М. Сперанским «Устава об управлении инородцев» [1. С. 394–416], хотя первые обсуждения, связанные с ним, проходили в конце 1820 – начале 1821 г., когда готовился его проект [2]. Первое упоминание термина в законодательстве относится к 1700 г., где он присутствовал в заголовке (но не в тексте, где были упомянуты только «ясачные народы») указа «… об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия Сибирским инородцам и Китайцам» [3. С. 59–61]. Но, как указывает А.Ю. Конев [4. С. 118], названия указов давались М.М. Сперанским только в 1830-е гг., когда составлялось полное собрание законов, соответственно термин «инородцы» в данном случае относится уже к первой трети XIX в.

Традиция исследования инородческого вопроса в Российской империи берет истоки во второй половине XIX в. (с эпохи Великих реформ). За это время был накоплен значительный материал, затрагивающий практически все аспекты существования этой общности, начиная от государственной политики и заканчивая особенностями быта отдельных групп инородцев. Достаточно подробная историография представлена в диссертации А.Ю. Ледовских [5], поэтому представляется возможным ограничиться только несколькими замечаниями.

Подавляющим большинством исследователей категория «инородцы» рассматривается как этническая, призванная отделить ряд народов от «природных русских» и, таким образом, выступающая в качестве средства конструирования образа «иного» или «чужого». Некий итог этой исследовательской парадигме подводит статья А.Ю. Конева, в которой анализируются дискурсивные практики XVIII в. (особый упор сделан на словарях) и делается вывод, что «Впервые слово “инородец” появится в пятой части Словаря Академии Российской, опубликованной в 1794 г. Здесь же за ним окончательно закрепляется смысловое значение, связанное с племенной / этнической принадлежностью» [4. С. 119]. Хотя, например, Дж.У. Слокум и говорит, что «…для России конца императорского периода была характерна “сложная, разнородная структура общества” – “смешанная система“ сословий и классов”» [6. С. 506], но в дальнейшем он сам практически игнорирует собственное утверждение, только вскользь упоминая, что изначально термин «инородец» был юридической категорией, сводя ее к необходимости отграничения «чужого», который к тому же воспринимался как «второсортный». Кроме того, при характеристике «инородческого вопроса» современные исследователи в основном обращаются к публицистике и / или специальным работам пореформенного периода, в которой термин «инородец» действительно использовался в качестве этнической категории, игнорируя тот факт, что в законодательной практике он по-прежнему оставался названием сословия. На этом фоне значительный вклад был внесен В.О. Бобровниковым, который на примере в первую очередь северокавказского фронтира сделал вывод, что понятие «инородцы» «означает искусственно сконструированные сословные группы, созданные в результате взаимодействия империи и местных кочевых и оседлых обществ на укрепленных пограничных линиях преимущественно восточной российской периферии в XVIII – начале XX века» [7. С. 290]. Однако и он рассматривает этот термин через призму колонизаторского дискурса, отдавая приоритет законодательной и административной практике.

В настоящее время изучение инородческого вопроса в Российской империи в основном ведется в русле двух подходов – «новой имперской истории» и «внутренней колонизации», которые объединяет ориенталистская парадигма. Однако, как показал Н. Найт [8] в споре с А. Халидом [9], это приводит к значительному упрощению реальной ситуации. Ориенталистский подход является следствием распространенного заблуждения в том, что власть и интеллектуалы (а также интеллигенция) имели консолидированную позицию по отношению к различным этническим и социальным группам империи, тогда как даже в среде общества (под которым объединяются как представители признанного властями академического сообщества, так и оппозиционная правительству интеллигенция) существовало множество течений, что увеличивает количество действующих акторов. Кроме того, исследователями не придается никакого значения тому факту, что сам термин «народ» (в том числе и применительно к русскому народу, который создавался как бы «в противовес» инородцам) имел два различных значения – как собственно этническое (причем в этом смысле чаще использовался термин «племя»), так и социальное

(как обозначение крестьянского сословия). В силу этого рассмотрение категории инородцев исключительно как обозначения этнических общностей, противопоставленных русскому этносу, представляется некорректным и не учитывающим специфики Российской империи, которая не позволяет механически применять концепции, созданные на основе изучения европейских империй. Для определения содержания инородческого вопроса в различных дискурсах Российской империи необходим многофакторный подход, предполагающий выделение различных акторов, определение их интересов, мотивов, особенностей применения тех или иных терминов.

Начиная с XVI в. Московское царство (а затем Российское государство и Российская империя) становилось все более полиэтничным, включая в свой состав территории, заселенные представителями не только других этносов, но и иных конфессий, в том числе и те, где уже существовали независимые государства, превращаясь, таким образом, в империю. Существование этнических различий внутри государства было очевидно для властей, что нашло отражение уже в первом общероссийском законодательстве – Соборном уложении 1649 г., где присутствовали статьи, посвященные татарам, башкирам и «ясачным людям» (которые противопоставлялись «русским людям»). Однако при создании системы управления основной упор был сделан не на учет этих различий (как и любых других), а на обеспечение максимальной эффективности функционирования государства как целого. Именно поэтому политика российских властей в области выделения различных групп населения, их структурирования и организации управления ими была очень гибкой, учитывающей множество различных условий, но в то же время крайне последовательной. Из-за этого отдельные группы могли быть в разное время сконструированы как социальные, этнические или конфессиональные и переводиться из одного разряда в другой по мере необходимости. Как показал Ч. Стейнведел [10] на примере башкир, из-за меняющихся приоритетов в государственной политике эта группа изначально была оформлена как этническая, затем превратилась в социальную, а после снова стала этнической, причем переведенной из разряда инородцев в «обычную» национальность. Не менее серьезные трансформации, при сохранении общего принципа государственной целесообразности, пережила и категория «инородцы» как некая отдельная общность.

Как указывалось в «Уставе об управлении инородцев», понятие «инородцы» вводилось применительно ко всем обитающим в Сибири инородным племенам взамен термина «ясачные» [1. С. 394]. В законодательных актах с 1649 по 1822 гг., где говорилось о ясаке и ясачных для обозначения конкретной этнической группы, указывалось ее название (обязательно с заглавной буквы), без добавления обозначения «народ», например, Татары, Башкирцы, Якуты. Для обобщенного названия категории населения, обложенной ясаком, как правило, использовался термин «люди» – ясачные люди, либо просто – «ясачные». Словосочетание «ясачные народы» использовалось достаточно редко, в большинстве случаев применительно исключительно к Сибири, а учитывая тот факт, что термин «народ» чаще всего использовался для обозначения низшего податного слоя Российской империи, можно говорить, что это является не этнической, а социальной категорией. Термин же «ясачные племена» в законодательстве предшествующего периода отсутствовал, хотя именно племя в лексиконе этой эпохи было синонимом современного термина «этнос». Таким образом, ясачные народы (или племена) – это определенное сословие, в которое хоть и входят представители различных этнических групп, но это не играет существенной роли, поскольку отнесены они в этот разряд не потому, что относятся к определенным этносам, а потому, что занимаются определенной деятельностью и, исходя из нее, облагаются определенными податями. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести татар, которые могли быть занесены как в категорию служилых, так и ясачных, в зависимости от занятий. Еще одним доказательством того, что инородцы были сословием, а не обозначением совокупности этнических групп, является тот факт, что в принятом в 1833 г. Своде законов Российской империи общее законодательство об инородцах отнесено в группу актов о состояниях [11] (правах и обязанностях сословий). Но стоит отметить, что при этом там же инородцы выделялись в отдельную группу, отличную как от «природных обывателей», состоящих из городского и сельского населения, так и от иностранцев. Хотя и в этом случае видно, что определяющим фактором являлся не этнический, а хозяйственный, поскольку, например, «Татары-поселяне» рассматривались в разделе о сельских обывателях, т.к. занимались сельским хозяйством в Таврической губернии [Там же. С. 160–167].

Однако введение категории инородцев означало не просто механическую замену прошлого термина и его некоторую конкретизацию в пространстве (Сибирь) и составе (к инородцам не были причислены татары, башкиры и другие этносы Поволжья). По всей видимости, уже в это время в правительстве произошло осознание исчерпаемости пушных богатств Сибири и необходимости поиска новых, оптимальных форм эксплуатации «ясачных людей». Например, уже в 1766 г. был выпущен указ Сената [12. С. 1110–1112], в котором говорилось о сборе ясака лосиной и оленьей кожей для изготовления из нее армейской амуниции, а после введения «Устава об управлении инородцев» количество законодательных актов, посвященных сбору ясака, резко сокращается по сравнению с предшествующим периодом, причем значительная их часть направлена на освобождение от него отдельных групп внутри инородческого сословия. Соответственно можно констатировать, что речь шла об упразднении одной социальной общности и создании вместо нее совершенно иной, где маркером принадлежности стал не вид государственных повинностей, а нечто другое.

Хотя в самом Уставе не были обозначены критерии, согласно которым та или иная группа включается в сословие инородцев, но их можно выделить исходя из двух моментов. Во-первых, сам документ носит

название «Устав об управлении инородц*ев*» (но не инородц*ами*). Во-вторых, в Своде законов Российской империи он был помещен в том, посвященный системе государственного и губернского управления [13]. Поскольку и Устав, и Свод были составлены М.М. Сперанским, очевидно, что это соответствовало определенной логике. Таким образом, инородцы оказывались группой, для которой характерны определенные особенности в (само)управлении, опирающиеся на существующие у отдельных разрядов (подгрупп), ее составляющих, традиции и обычаи, отличающиеся от общеимперских практик. Это объясняет и выделение в составе сибирских инородцев, помимо трех разрядов, связанных непосредственно с образом жизни (оседлые, кочевые и бродячие), еще двух – чукчей и джунгарских двоеданцев. Но если брать за основной критерий наличие особенностей (само)управления, то внешнее противоречие исчезает. С этой точки зрения становится понятным включение в инородческое сословие евреев (частично самоуправляющихся с помощью кагалов), которые и по уровню развития, и по этнорасовым особенностям не имели ничего общего с сибирскими этносами. По всей видимости, имперские власти исходили из того, что максимально эффективная эксплуатация инородцев возможна только с опорой на распространенные у них практики управления, без их унификации (хотя при этом тем же М.М. Сперанским была начата кодификация обычного права сибирских инородцев, подразумевавшая определенную модернизацию и приведение к некой «цивилизованной норме» [14. С. 165]). Но при этом эти практики охватывали только ту сферу, которая относилась к увеличению пользы того или иного разряда внутри инородческого сословия для государственных нужд (не обязательно относящихся только к дополнительным доходам). Из того же принципа государственной целесообразности различные разряды инородцев наделялись теми или иными правами и обязанностями, которые по необходимости могли быть изменены.

С этой точки зрения обвинения целого ряда исследователей в адрес Российского государства в том, что введение категории инородцев, не предусматривающей возможности для общностей, входящих в нее, стать русскими, привело к созданию группы населения со «второсортным статусом» [6. С. 511; 15. С. 126; 16. С. 105], оказывается беспочвенным. Как и любое другое сословие, инородческое не предполагало возможности группового перехода в иное (кроме как перевод в новое сословие по инициативе государства), но при этом возможности индивидуального повышения сословного статуса оставались открытыми. При организации инородческого сословия для государства вопрос этничности (или народности) вообще не стоял, поскольку никак не мог способствовать повышению эффективности эксплуатации этой группы населения. Хотя при составлении «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанский и подразумевал возможности перехода отдельных племен из одного разряда в другой, видя одну из задач правительства в повышении культурного уровня инородцев, но это было скорее побочным результатом процесса освоения занятых ими территорий. Сословный принцип организации Российской империи обеспечивал необходимую устойчивость, одновременно оставляя достаточный простор для маневра, поэтому в ряде случаев этнические группы сознательно конструировались как социальные, как произошло, например, с башкирами, ставшими сначала одним из разрядов казачества, а после исчезновения необходимости в охране Оренбургской линии были переведены в крестьянство, но сохранили свой этноним; аналогичной была ситуация с евреями, которые в законодательстве сначала фигурировали как иноверцы, а потом – как сословие внутри инородцев.

В дальнейшем произошло расширение перечня групп, входивших в состав инородческого сословия. Если в Своде законов 1833 г. таковых было названо четыре (помимо вышеупомянутых сибирских инородцев и евреев, были кочующие инородцы Кавказской области и калмыки, кочующие в Астраханской губернии и Кавказской области [11. С. 226]), то в издании 1912 г. (неофициальном, но включающем все действовавшие на тот момент законы) как «инородцы» было выделено уже 8 групп: 1) Сибирские инородцы; 2) Самоеды Архангельской губернии; 3) кочевые инородцы Ставропольской губернии; 4) Калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях; 5) Киргизы Внутренней Орды; 6) инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской; 7) инородческое население Закаспийской области; 8) Евреи [17. С. 87]. Видно, что по большей части это те группы, которые населяли зоны фронтира, что во многом и обеспечило им это положение (такая же ситуация была с башкирами до того, как границы империи сдвинулись южнее). Как и в случае с сибирскими инородцами и евреями, правительство стремилось наиболее эффективно использовать особенности различных групп, наделяя их элементами самоуправления, основанного на существующих традициях.

В целом анализ законодательства об инородцах показывает, что государство четко придерживалось единожды обозначенной логики, воспринимая эту общность как сословие, состоящее из конкретно определенных групп, не столько этнических, сколько территориально-хозяйственных, отличительной чертой которых было наличие элементов самоуправления, основанного на традициях и обычаях. Единственным исключением из правил являются документы, связанные с вопросом просвещения инородцев, подготовленные министром Д.А. Толстым в 1870 г. В его докладе для императора Александра II указано, что к инородцам России относится много различных племен и групп, в том числе татары-мусульмане, населяющие Казанскую губернию и Крым [18], хотя с точки зрения действующего законодательства они не считались инородцами. Но здесь важно учесть, что как министра народного просвещения его интересовали не инородцы как сословие, а группы, отличающиеся степенью русификации и конфессиональной принадлежностью. Использование же им термина «инородцы» применительно к этим группам, по всей видимости, является результатом заимствования из

общественно-политического дискурса, где несколько раньше начала формироваться его новая трактовка, о которой будет сказано ниже. Итогом этого доклада стал императорский указ «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», где были упомянуты как раз татары [19. С. 314]. Но в целом, вплоть до падения самодержавия в 1917 г., инородцы в законодательном и властном дискурсах рассматривались как социальная группа, о чем свидетельствуют и опубликованные результаты первой всероссийской переписи населения, где они фигурируют наравне с другими сословиями.

Но при этом для представителей администрации на местах было очевидно, что происходящие в стране изменения, в том числе в образе жизни инородцев, требуют и серьезного пересмотра законодательства. Так, в материалах по существующему положению инородцев Приамурья указывалось: «Современные условия и государственной и инородческой жизни требуют замены принципа раздробления принципом объединения инородцев в правовом отношении и устроения их на общепринятых в Империи началах гражданской жизни. Между прочим, принцип объединения даст возможность завершиться естественному историческому процессу слияния инородческого населения в одно равноправное с сельскими обывателями, подобно оседлым инородцам, сословие, по примеру того, как сословие сельских обывателей образовалось в XIX столетии таким же путем объединения многочисленных разрядов сельского населения» [20. С. 5]. Из этих материалов видно, что инородцы описываются как сословие, состоящее из многих разрядов, различия между которыми в бытовой и хозяйственной сфере практически исчезли, что было связано с массовым переходом к оседлому образу жизни. Соответственно ставился вопрос о том, что необходимость в особом управлении уже отпала и необходимо ликвидировать прежние органы самоуправления, заменив их на те, что существуют для крестьянства империи.

Кроме того, само выделение инородческого сословия уже породило определенные проблемы. Если для управления другими группами не требовалось дополнительной подготовки, то чиновники и администраторы, имеющие дело с инородцами, должны были обладать знаниями не только языка, но и особенностей быта и традиций вверенного им населения. Но при этом системы подготовки таких кадров в Российской империи не существовало, поэтому часто управленцы руководствовались только крайне обобщенными представлениями, реже привлекая материалы, собранные членами Императорского Русского географического общества (ИРГО). Это приводило к тому, что администраторы либо старались строго следовать букве закона, игнорируя происходившие с инородцами изменения, либо пытались «цивилизовать» инородцев, следуя распространенным в российском обществе просветительским идеям, смешанными с линейным эволюционизмом. Безусловно, эта проблема осознавалась как на высшем уровне (практика перевода чиновников, получивших определенный опыт управления инородцами в другие регионы), так и в среде самих администраторов. То, что она так и не была решена, стало одной из основных причин критики правительства за политику по отношению к инородцам со стороны различных течений общественно-политической мысли в России. При этом нельзя не отметить последовательность в политике правительства в инородческом вопросе – стремление «извлечь из сего племени пользу для государства».

В общественно-политический дискурс понятие «инородцы» вошло гораздо позже – в эпоху Великих реформ и начала активного нациестроительства в Российской империи. Именно поэтому в исследовательской литературе (преимущественно западной) и сложилось устойчивое представление о том, что эта категория использовалась в качестве обобщенного «иного», по отношению к которому конструировалась русская нация (или этнос). Однако это утверждение является верным только отчасти, поскольку общественно-политический дискурс в Российской империи не был однородным, а потому разными течениями категория «инородцы» воспринималась по-разному.

Как указывает А.Ю. Ледовских [5. С. 43], обсуждение сибирского инородческого вопроса было инициировано в начале 1860-х гг. представителями сибирского областничества на страницах центральных толстых журналов. В дальнейшем к ним присоединились и другие общественные деятели, которые так или иначе были связаны с Сибирью (ссыльные, ученые, чиновники и т.д.). Здесь важно отметить, что областниками инородческий вопрос поднимался не как самостоятельный, а как часть «сибирского вопроса». Свою задачу они видели в необходимости показать неэффективность государственной политики по отношению к Сибири, которую они воспринимали как колонию (вопреки правительственному дискурсу, в котором колоний у России не было). Инородцы, наряду с сибиряками, описывались как жертвы центрального правительства, составляя категорию колониального населения. Но при этом инородцы представали еще и как угнетенные со стороны русского населения Сибири (хотя причиной столь нецивилизованного поведения сибиряков является как раз пренебрежение ими со стороны имперских властей, из-за чего в сибиряках развиваются многочисленные негативные черты) [21. С. 86–125; 22].

В рамках областнического дискурса фигурировали только сибирские инородцы, которые описывались в категориях расы (понимаемой как этнос) и характеризовались как дикари, находящиеся на грани вымирания, для чего использовался термин «пролетариат». Но причины этого виделись не во врожденных расовых / племенных чертах, а исключительно в ухудшении бытовых и хозяйственных условий, вызванных деятельностью русских. Позитивно оценивалась идея, отраженная в законодательстве об инородцах, о предоставлении им определенного самоуправления, хотя отмечалось, что практическая реализация оставляет желать лучшего. При устранении негативных влияний инородцы способны к усвоению всех достижений цивилизации. Однако областники были против обрусения инородцев, считая, что гораздо важнее для них сохранить собственную идентичность: «истинное

образование инородца не должно порывать его связь с своим народом» [21. С. 122].

Вообще, для областников была характерна определенная двойственность понимания термина «инородец», причем использовали они его применительно только к одному разряду – сибирским народам. С одной стороны, они делали основной аспект на этнических особенностях сибирских народов, в первую очередь хозяйственных. Но с другой стороны, говоря об организации управления инородцами, они полностью следовали властному дискурсу, в котором эта группа считалась сословием. Важно отметить и то, что в качестве «иного», по отношению к которому конструировалась сибирская идентичность, выступали не инородцы, а русские из Европейской части империи. Интересно, что после Февральской революции, когда возникла идея создания Сибирской областной думы, областники видели в центральном правительстве некоего третейского судью в возможных спорах между сибиряками и инородцами [23. С. 14–15]. Это делает невозможным однозначно отнести областничество к ориенталистским дискурсам, хотя и можно допустить некоторые пересечения.

Однако сибирские инородцы были в целом периферийной темой в общественно-политическом дискурсе 1860-х гг., причем практически всеми его участниками они рассматривались обособленно от других групп. А.Ю. Ледовских [5. С. 94–95] хорошо показано, что представителями либерального направления был сформулирован тезис о необходимости просвещения инородцев, для приобщения их к общечеловеческим ценностям, при этом негативные аспекты русского влияния ими замалчивались. Консерваторы же выступали за сохранение инородцами их самобытности и подчеркивали мирный характер взаимодействия русских с коренными народами Сибири. Объединяло эти два направления восприятие инородцев в качестве этнических групп, находящихся на низком уровне развития, тогда как сословная характеристика практически игнорировалась, хотя и не отвергалась полностью, поскольку наличие особого способа управления сибирскими инородцами признавалось за благо.

Совершенно иной была ситуация при обращении к центральной части Российской империи. Одним из самых актуальных вопросов в начале 1860-х гг. стала готовящаяся Земская реформа, которая должна была ввести органы самоуправления в большинстве губерний Европейской России, в том числе и тех, где проживали представители одного из разрядов инородцев, уже частично имеющие таковые, – евреи. В это же время был принят новый закон, согласно которому евреи, получившие диплом доктора, магистра или кандидата получали право служить по любому ведомству и жить за пределами черты оседлости [24. С. 508–509], что породило ряд серьезных опасений среди представителей славянофильства, тогда как западники приветствовали этот шаг, считая его знаковым в деле уравнения евреев в правах с другими группами населения империи. К этому же времени относятся первые серьезные попытки со стороны общества по конструированию русского народа на основе крестьянского сословия, вызванные отменой крепостного права. Это привело к тому, что в рамках славянофильской парадигмы общественно-политического дискурса понятие «инородец» (причем применительно именно к евреям) перестало восприниматься как обозначающее сословную принадлежность, сменившись этнической трактовкой термина (хотя для сибирских инородцев сохранилось и восприятие их как сословия). При этом представители других общественно-политических течений фактически игнорировали термин «инородец» относительно всех групп, кроме сибирских.

В результате четкая законодательная характеристика инородцев как сословия стала трактоваться совершенно в другом аспекте, согласно которому закон «установляет только различные права состояния для природных обывателей, для инородцев и для иностранцев, и в числе инородцев включает евреев, для которых излагает особые узаконения: очевидно, что закон рассматривает их как особую народность» [25. С. 340]. Хотя в законодательстве принципиально игнорировался этнический аспект, но процессы нациестроительства приводили к переосмыслению старых терминов, наполняя их тем содержанием, которое на государственном уровне не закладывалось. Иногда это приводило даже к «избирательной слепоте» в области действующего законодательства, например, указывалось, что евреи принципиально не хотят становиться русскими, для чего создали себе особый орган самоуправления – кагал, хотя это было прописано в законе и не имело никакого отношения к желаниям самих евреев (такая избирательность тем интереснее, поскольку один из основоположников «еврейского вопроса» в славянофильстве – И.С. Аксаков получил юридическое образование и должен был быть знаком с тонкостями инородческого законодательства; по всей видимости, здесь налицо подчеркнутое стремление дистанцироваться от официально-политического дискурса). Оппонентами славянофилов законодательство о евреях также рассматривалось крайне избирательно – акцент делался на существующих ограничениях, которые не позволяют евреям полностью интегрироваться в русскую нацию (хотя термин «инородец» ими не использовался, поскольку, по-видимому, он на тот момент уже приобрел некоторый уничижительный оттенок и мог применяться только к «отсталым» народам империи).

Во всех отношениях евреи идеально подходили на роль «чужого» – в первом случае не желающего (по причине того, что связывают свое существование с государством вне России [26. С. 465–466]), а во втором – не могущего (из-за притеснений) стать «русским» – на основе которого создается образ «своего». Интересно, что как славянофилами (а позже правыми и консерваторами), так и западниками (левыми, либералами) русскому народу приписывались те качества, которые ассоциировались с государственной политикой в области инородцев-евреев: либо открытость, либо «национальное чванство». При этом речь шла не о реальной политике (которая оперировала сословными категориями и была довольно последовательной – группа не может по своей воле сменить статус, но ее

отдельные члены – вполне), а о неких образах, которые складывались у различных направлений общественно-политического дискурса.

Последовавшее в 1863 г. Польское восстание привело к переносу образов, которые сформировались о евреях, на поляков. Результатом этого стало формирование нового наполнения термина «инородец» – теперь под ним понимались народы, стремившиеся к созданию автономий в составе Российской империи либо даже к обретению полной национальной независимости. При этом все оценочные суждения, которые относились к евреям, были полностью перенесены на всех инородцев в новой трактовке. В несколько упрощенном виде, для правых течений в общественной мысли они воспринимались как враги, стремящиеся разрушить великую Россию и поработить русский народ; для левых (куда относились как революционные, так и либеральные) – как угнетенные царской властью народы, развитие которых сдерживается многочисленными ограничениями. Интересно, что в результате в либеральной среде возникло некоторое чувство стыда перед народами, которым правительством не предоставлены равные права с русскими и которые становились жертвами погромов: «Невольно при встрече с нашими инородцами и иноверцами приходится краснеть, вспоминая бесцеремонное, подчас возмутительно-циничное с ними обращение нашей братии, – так мало в нем национального самоуважения!» [27. С. 13]. Парадоксально, но оба лагеря сходились в том, что в основном уровень развития, просвещения, цивилизованности и т.д. у этих инородцев выше (хотя есть и исключения – собственно те инородцы, которые прописаны в законодательстве, кроме евреев), чем у русских. Собственно, именно этим и объясняется подобное отношение к этим народам, для обозначения которых все чаще используется термин «нация», имеющий ярко выраженный политический контекст – народ, претендующий на собственное государство. Сословная характеристика инородцев в это время уже полностью исчезает, вытесненная этнической.

Своего пика инородческий вопрос в общественно-политическом дискурсе достиг к началу XX в., когда национальные партии стали значимой силой в политике, как легальной, так и противозаконной. В основном эта тема поднималась представителями правых партий и движений, выражающих серьезную обеспокоенность усилением инородческих движений, которые расценивались как сепаратистские. Основной характеристикой инородцев в правом дискурсе стала их неблагодарность: «Но несмотря на всю нашу доброту к инородцам, они недовольны нами, постоянно жалуются, что мы их тесним, и всячески стараются делать зло русскому народу и русскому государству; а наши революционные газеты с явным злым умыслом твердят при всяком случае, что русское правительство давит и оскорбляет инородцев» [28. С. 1–2]. В многочисленных публикациях представителей правого лагеря перечислялись злодеяния инородцев, их деятельность по подрыву целостности государства, притеснению русских, расправы с представителями власти. По мере расширения сепаратистских национальных движений, увеличивался и перечень народов, относящихся к инородцам, фактически ими стали все, кроме великороссов (включив даже белорусов и малороссов).

Но, выступая безусловно против превращения России в федерацию на основании равенства всех народов, правые были также против и русификации инородцев: «Не механическое обрусение инородцев, а органическое их сроднение с русскою образованностью должно быть задачею как нашей окраинной школы, так и всей нашей окраинной политики» [29. С. 75]. В первую очередь именно для правых инородцы стали тем «иным», в противостоянии которому должна была сформироваться русская нация: «Когда в сознании русского общества произойдет поворот в сторону национализма и понимания инородческой опасности, перед ним раскроется широкое поле национальной работы» [30. С. 68].

Для левого лагеря инородческий вопрос стал частью борьбы с правительством за гражданские права. Ими инородцы воспринимались не как «иные», а как естественные союзники в этой борьбе. В этом дискурсе термин «инородцы» постепенно начал утрачивать этническую составляющую, вытесняясь гражданско-правовой, т.е. инородцы – это неполноправные подданные. Но так как всех гражданских прав не имеют и русские, то противостояние с инородцами не имеет смысла, а общим врагом является самодержавие [31]. В некотором плане можно говорить о возврате к исходному значению термина, который присутствовал в законодательном дискурсе (как группы с определенными особенностями управления и самоуправления, не совпадающими с некой имперской «нормой»), но с включением в эту социальную группу уже всех народов, за исключением русских, *хотя* в данном случае это не является принципиально важным.

Отдельно можно упомянуть общественно-правовой дискурс, представленный работами профессиональных юристов. Как указывает Н.Н. Андриянова [32], среди ученых не существовало единого понимания того, по каким критериям выделяется категория инородцев, на какие разряды она делится, насколько проницаема грань между ними, а также по вопросу о возможности перехода из инородческого сословия в другие. Несмотря на существование подробного законодательства об инородцах, было возможно наличие существенных расхождений во мнениях, а это свидетельствует о том, что для представителей различных направлений общественной мысли в Российской империи само понятие «инородцы» воспринималось в отрыве от существующей системы управления, превратившись в некий маркер, разделивший интеллигенцию на несколько лагерей.

Не менее интересной была ситуация в академическом историческом и этнографическом дискурсе. Так, авторы многотомных исследований по истории России (Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др.) просто игнорировали понятие «инородцы», равно как и «инородческий вопрос». Этнография же до конца 1880-х гг. не была представлена в качестве специальности в университетах, ею занимались представители самых различных наук (от лингвистики до географии, от статистики до права), а

основными научными центрами были отделения ИРГО, в состав которых входили в основном не академические ученые, а представители широких слоев интеллигенции, включая и политических ссыльных, внесших основной вклад в изучение российских инородцев, под которыми понимали коренные народы Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Средней Азии и Кавказа, не включая в эту категорию народы западной окраины, в том числе и евреев. Так, в исследовании М.И. Берлина (этнического еврея), выполненного по заказу Этнографического отделения ИРГО, «Очерк этнографии еврейского народонаселения в России» [33] термин «инородцы» не встречался ни разу. Таким образом, и в академическом дискурсе отсутствовало единое представление о содержании понятия «инородцы» – ученые-правоведы рассматривали его как сословие, историки игнорировали, а этнографы (среди которых, как правило, не было людей со специальным образованием) использовали в этническом смысле.

В основном, как правильно отметил Дж. Слокум [6. С. 518–523], к началу XX в. категория «инородцы» воспринималась в российском обществе исключительно как этническая, хотя и без четкого обозначения критериев ее выделения. Но процесс трансформации в общественном сознании сословной категории в этническую начался гораздо раньше – в 1860-е гг. в среде славянофилов, а в 1880-е гг. охватил уже все течения общественной мысли в России. При этом не существовало консолидированной позиции российского общества по инородческому вопросу – для правых инородцы были угрозой как для русского народа, так и для государства (эти два понятия рассматривались неразрывно), а потому лучшее отношение к ним – сохранение существующих ограничений и отказ от массовой русификации (потому что в этом случае произойдет размытие чистоты русского народа), при этом уровень образованности у инородцев воспринимался как более высокий, чем у русского народа, что нехарактерно для колонизаторского дискурса. Для левых же (куда входили как либералы, так и революционеры) инородцы – естественные союзники русского народа и российской интеллигенции в борьбе за гражданские права, но для этого необходимо проводить их активное просвещение, что придавало этим рассуждениям ориенталистский окрас. Особняком стоял дискурс о сибирских инородцах, относительно положения которых существовал определенный консенсус – они рассматривались как группа абсолютно не опасная для русского народа из-за своего низкого уровня развития, вследствие чего она нуждается в покровительстве со стороны государства и общества.

Из-за существующего в Российской империи разрыва между властью и обществом многие образованные люди оказывались как бы на перепутье – находясь на государственной службе они были вынуждены оперировать категориями властного и законодательного дискурса, а вне ее оказывались во власти понятий, ходивших в общественно-политической сфере. Из-за этого один и тот же человек в различных ситуациях мог придерживаться противоположных позиций. В качестве показательного примера, иллюстрирующего всю сложность восприятия категории инородцев к началуXX в., можно привести воспоминания А.И. Термена – бывшего полицмейстером в Мукдене и участковым приставом в одном из уездов Туркестана, – который как четко указывал на существующие проблемы, так и делился своим опытом в администрировании. Он отмечал, что для правильной организации системы управления инородцами необходимо учитывать исследования в области биологии, социологии, психологии и этнографии, игнорирование которых «приводит к ряду ошибок, которые исправляет жизнь… Естественными последствиями целого ряда административных ошибок и объясняется, таким образом, вымирание самоедов и их стад, вечные беспорядки на Кавказе, обнищание инородцев Сибири, андижанское восстание, поднятое минтюбинским ишаном, и полный упадок некогда несравненно более заселенного и цветущего Камчатского края» [34. С. 1]. А.И. Термен указывал, что администратор для инородцев – это воспитатель, который должен изучить особенности вверенного ему народа, «снизойдя» до него, поскольку «легче человеку развитому снизойти до уровня понимания дикаря, чем дикарю подняться до понятий человека развитого, так как этот последний в унаследованном родовом опыте прошел уже стадию дикаря, а дикарь в наследство получил лишь опыт предшествующих стадий развития». После этого администратор должен вести своих «подопечных» по пути эволюции, не перескакивая через стадии, но несколько ускоряя этот процесс за счет внедрений достижений цивилизации.

Описывая свой опыт управления мусульманами Туркестана, А.И. Термен приводит программу собственных действий, которую можно применять и для других групп инородцев (с соответствующими доработками): «1) Показать, что администрация не чужда интересов и идеалов населения. 2) Что администрация справедлива, и карает, что с точки зрения этики ислама караемо. 3) Из этики Ислама указывать и напирать на то, что тождественно с христианством, чем вести народ по пути примирения с христианством. 4) Подобрав известные изречения из Корана, стараться требования правительства основывать насколько окажется возможным на требованиях Корана или Шариата…» [34. С. 4]. Но не менее показательной является реакция губернатора после того, как подобные рекомендации были ему представлены: «Я не думал, что Термен такой ретроград. Нам нужно игнорировать Шариат, а не подымать его значение. Надо, чтобы они его забыли и могли управляться одними нашими законами» [Там же. С. 20].

В этих небольших по объему воспоминаниях проявляется сразу несколько сюжетов. С одной стороны, – стремление следовать законодательству в отношении инородцев, учитывать их конфессиональные, этнические, бытовые особенности. С другой – пренебрежительно-покровительственное отношение к инородцам как к дикарям, которых необходимо привести к прогрессу. С третьей – губернатор предстает как проводник политики русификации и унификации, что противоречило самому духу законодательства об инородцах. Это показывает, насколько запутанным стал инородческий вопрос в эпоху нациестроитель-

ства и попыток одновременной модернизации империи и сохранения в ней сословий.

Понятие «инородцы», введенное в публичную сферу в 1822 г. законодательства, на протяжении столетия неоднократно меняло свое содержание в рамках различных дискурсивных практик Российской империи. Изначально этот термин обозначал новое сословие, пришедшее на смену группе ясачных людей, и применялся исключительно к народам Сибири и Дальнего Востока, но уже в 1833 г. в него были включены евреи и кочевые народы кавказского фронтира. Данное сословие формировалось по принципу наличия органов самоуправления, опирающихся не на имперское законодательство, а на обычаи и традиции народов, входящих в него. Делалось это для повышения эффективности управления и экономической эксплуатации этих народов, хотя из-за злоупотреблений на местах, а также того, что изменения в законодательстве не всегда поспевали за изменениями в образе жизни, поставленная цель реализовывалась только частично. Именно в сословном, а не этническом смысле понятие «инородец» просуществовало в имперском законодательном дискурсе вплоть до 1917 г.

В общественно-политический дискурс термин «инородцы» вошел только в эпоху Великих реформ и оказался связан с процессами нациестроительства и модернизации. Изначально он применялся к тем же группам, зафиксированным в законодательстве, – сибирским инородцам, которые воспринимались как этнические общности, находящиеся на низком уровне развития, а потому безвредные для государства, и евреям, отношение к которым было различно у представителей разных общественно-политических течений. Если для славянофилов, а затем правых и консерваторов евреи выступали в качестве опасного врага, который борется и с Россией как государством и с русским народом, то для западников (левых, либералов) они считались угнетенным меньшинством, которому следует предоставить равные права с остальными народами империи.

В дальнейшем категория инородцев начала расширяться за счет включения в нее всех народов (или даже наций) империи, претендующих на политическую самостоятельность, при сохранении тех же оценок, которые были даны евреям. Правыми течениями инородцы стали восприниматься как обобщенный «иной», в борьбе с которым должна была формироваться и развиваться русская нация, тогда как левые видели в них союзника в борьбе с самодержавием за гражданские права, которые должны быть одинаковыми у всех этносов России, допуская возможность создания инородцами своих государств (либо автономий в составе федеративной России). При этом уровень развития инородцев часто воспринимался как равный или даже превосходящий тот, на котором находится русский народ.

В силу существования нескольких серьезно различающихся позиций, инородческий вопрос невозможно однозначно отнести к ориенталистскому дискурсу. Также это ставит под сомнение утверждение Дж. Слоукома, согласно которому «Инородцы также представляли собой существенную угрозу, реальную или воображаемую, безопасности российского государства и русского народа. Важнейшей задачей российской политики было нейтрализовать эту угрозу, в идеале – через ассимиляцию, поскольку пока инородцы оставались неассимилированными, ощущение угрозы сохранялось» [6. С. 516]. Частично оно является верным для правого дискурса конца XIX – начала XX в., хотя ассимиляция инородцев правыми в большинстве своем отвергалась. Для российского же правительства инородческий вопрос был принципиально выведен за сферу этнического, осмысляясь в категориях сословия, которое не противостоит остальным группам населения, а составляет вместе с ними единое целое, особенности которого надо не ликвидировать, а постараться максимально эффективно использовать.

Парадоксально, но наиболее близко к колонизаторскому и ориенталистскому дискурсу стоял Л.Я. Штернберг – сам выходец из инородцев (еврей), бывший революционер, в ссылке ставший ученым исследователем народов Дальнего Востока, а в дальнейшем – одним из основоположников советской этнографии. Он абсолютно правильно подметил существование в Российской империи двух подходов при выделении инородцев – «этнополитического» и «сословного», подвергнув критике оба. Но далее он писал: «Для нашей задачи – характеристики национального движения – термин “инородцы” может иметь только одно толкование, именно то, которое ему придается в *этнографическом* (курсив Л.Я. Штернберга) понимании слова, то есть группы народов, либо совсем чуждых, либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре» [35. С. 532]. А еще дальше он указывал, что некоторые из этих народов до настоящего времени не дошли до уровня национального самосознания, а другие – едва ли когда-нибудь дойдут [Там же. С. 533]. Здесь отчетливо видно стремление классифицировать народы по уровню развития на низшие и высшие, причем мерилом является культура Европы. Однако подобная позиция не была магистральной в дискурсах об инородцах, получив распространение только в среде «околоакадемической» науки и отдельных групп революционной интеллигенции. Таким образом, мы можем говорить о существовании нескольких пересекающихся пластов трактовки термина «инородцы» в дискурсах Российской империи, что не позволяет рассматривать его только с позиций колониализма и ориентализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. XXXVIII. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1354 с.
2. Конев А.Ю. О первоначальном проекте устава об управлении инородцев: история создания и основные положения // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 47–52.
3. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. IV. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 892 с.

4. Конев А.Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
5. Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2008. 241 с.
6. Слокум У.Дж. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое изд-во, 2005. С. 502–532.
7. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 259–291.
8. Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М. : Новые границы, 2005. С. 323–343.
9. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М. : Новые границы, 2005. С. 310–322.
10. Стейнведел Ч. Племя, сословие или национальность? // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Библиотека журнала «AbImperio») / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань : Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 473–500.
11. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1833. 446 с.
12. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. XVII. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1137 с.
13. Свод законов Российской империи. Т. II. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1833. 904 с.
14. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «AbImperio», 2017. 630 с.
15. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М. : «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. 344 с.
16. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизованный пер. с англ. О. Леонтьевой. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
17. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб. : Изд-во книжного товарищества «Деятель», 1912. 208 с.
18. Доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.). URL: http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped012.html
19. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II. Т. XLV. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1874. 897 с.
20. Солярский В.В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Материалы по изучению Приамурского края. Вып. XXVI. Хабаровск : Типография Канцелярии Приамурского Генерал-губернатора, 1916. 174 с.
21. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
22. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб. : Типография И.М. Сибирякова, 1891. 306 с.
23. Серебренников И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск: Коммерческая электро-тип., 1917. 16 с.
24. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II. Т. XXXVI. Отделение второе. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1863. 1057 с.
25. Аксаков И.С. Не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев // Наше знамя – русская народность / сост. и ком. С. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 339–345.
26. Аксаков И.С. Разбор циркулярного воззвания «еврейского всемирного союза» // Наше знамя – русская народность / сост. и ком. С. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 457–473.
27. Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. СПб. : Книгоиздательство «Правда», 1907. 14 с.
28. Добромыслов Инородцы в России. Б.м., 1907. 16 с.
29. Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб. : Типография А.С. Суворина, 1907. 75 с.
30. Сидоров А.А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. М. : Типография В.М. Саблина, 1912. 68 с.
31. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. С. 97–127.
32. Андриянова Н.Н. Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. 2009. № 2 (4). 2009. С. 107–114.
33. Берлин М.И. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 94 с.
34. Термен А.И. Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. СПб. : Типография Л. Сапер, 1914. 20 с.
35. Штернберг Л.Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб. : Изд. товарищества «Общественная польза», 1910. С. 529–574.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 апреля 2018 г.

INORODTSY'S QUESTION IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE: BETWEEN GOVERNMENT NEEDS AND SOCIETY IMAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 164–174.
DOI: 10.17223/15617793/436/20
Alexey B. Panchenko, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: alexeypank@rambler.ru
Oleg N. Stafeev, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: varnak81@mail.ru
Keywords: inorodtsy; Orientalism; internal colonization; modern imperial history; discourse analysis.

The main aim of this research is the identification of various interpretations of the term "inorodtsy" (non-Russians) in the discourses of the Russian Empire. The authors have set the following research objectives: to allocate the main discourses raising the foreign question in the Russian Empire; to define features of perception of the foreign question within various discourses. In modern science. the question of the content of the term "inorodtsy" in the Russian Empire is considered, as a rule, through an Orientalism prism. Within the theory of "internal colonization", this concept is treated as an ethnic category, representatives of "modern imperial history" speak about foreigners as an artificially designed social community. The methodological basis of the research is a multiple-factor approach assuming the existence of several multidirectional discourses created by various actors. Based on the *Collection of laws of the Russian Empire*, the *Code of Laws of the Russian Empire,* journalistic works and academic research, the authors identify power, socio-political and academic discourses differing both in the interpretations of the term "inorodtsy" and in the judgments on the "inorodtsy" question. Within the power discourse, "inorodtsy" were considered as a separate class created for the most effective use of features of economy and self-government of some groups of the population for the benefit of the state. This position remained

invariable throughout the existence of the Russian Empire. The socio-political discourse was not uniform, and the division was based on the political principle (the right and the left), and on the territorial one (Siberian and the discourse of European Russia). In the right discourse, "inorodtsy" were considered as "alien", hostile in relation to the Russian people, and included all non-Russian population of the western borderlands of the empire and the Volga region. For the left discourse, "inorodtsy" were understood as non-Russian people of the empire restrained in the rights and therefore natural allies of the Russian people and society in fight for freedoms. The discourse about the Siberian "inorodtsy" united representatives of various currents in society that treated them as backward and harmless peoples of Siberia. The academic discourse was not uniform either. It was divided depending on the scientific direction. Within a legal discourse, foreigners were considered as a class, but with unclear criteria for separation. Within a historical discourse, this concept was ignored; in the ethnographic one, the concept covered indigenous peoples of the borderlands. The main conclusions are as follows: the concept "inorodtsy" of the Russian Empire repeatedly changed its content within various discourse practices, which does not allow to consider it only from positions of colonialism and Orientalism; political preferences and motives of authors determine features of the use of these or those interpretations of this term.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection I. Vol. XXXVIII. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
2. Konev, A.Yu. (2013) O pervonachal'nom proekte ustava ob upravlenii inorodtsev: istoriya sozdaniya i osnovnye polozheniya [On the initial draft of the charter on the management of foreigners: the history of creation and basic provisions]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 47–52.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection I. Vol. IV. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
4. Konev, A.Yu. (2014) 'Inorodtsy' of the Russian Empire: History of Concept's Origin. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 13. pp. 117–120. (In Russian).
5. Ledovskikh, A.Yu. (2008) *Sibirskiy "inorodcheskiy vopros" na stranitsakh rossiyskoy zhurnal'noy pressy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Siberian "non-Russian issue" in the pages of Russian magazines in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Dis. Omsk.
6. Slocum, J.W. (2005) Kto i kogda byli "inorodtsami"? Evolyutsiya kategorii "chuzhie" v Rossiyskoy imperii [Who, and When, *Were* the Inorodtsy? The *Evolution of the Category* of "*Aliens*" in Imperial Russia]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izd-vo.
7. Bobrovnikov, V.O. (2012) Chto vyshlo iz proektov sozdaniya v Rossii inorodtsev? (otvet Dzhonu Slokumu iz musul'manskikh okrain imperii) [What came out of the projects of the evolution of foreigners in Russia? (Reply to John Slocum from the Muslim borderlands of the empire)]. In: Miller, A.I., Sdvizhkov, D. & Shirle, I. (eds) *"Ponyatiya o Rossii": K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Understanding of Russia": On the historical semantics of the imperial period]. Vol. II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Knight, N. (2005) O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: A response by Adeeb Khalid]. Translated from English. In: Leont'eva, O. (ed.) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years]. Moscow: Novye granitsy.
9. Khalid, A. (2005) Rossiyskaya istoriya i spor ob orientalizme [Russian history and the debate over Orientalism]. In: Leont'eva, O. (ed.) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years]. Moscow: Novye granitsy.
10. Steinwedel, Ch. (2004) Plemya, soslovie ili natsional'nost'? [A tribe, class or nationality?]. Translated from English. In: Gerasimov, I.V. et al. (eds) *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New imperial history of the post-Soviet space]. Kazan: Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii.
11. Russian Empire. (1833) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. IX. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
12. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection I. Vol. XVII. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
13. Russian Empire. (1833) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. II. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
14. Gerasimov, I. (ed.) (2017) *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazi*i [New imperial history of Northern Eurasia]. Pt. 2. Kazan: "AbImperio".
15. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia, a multinational empire]. Moscow: "Traditsiya" – "Progress-Traditsiya".
16. Slezkine, Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Translated from English by O. Leont'eva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Russian Empire. (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. IX. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
18. Russian Empire. (1870) *Doklad ministra narodnogo prosveshcheniya D.A. Tolstogo "O merakh s obrazovaniem naselyayushchikh Rossiyu inorodtsev" (1870 g.)* [Report of Minister of Public Education D.A. Tolstoy "On measures with the education of foreigners inhabiting Russia" (1870)]. [Online] Available from: http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped012.html.
19. Russian Empire. (1874) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection II. Vol. XLV. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
20. Solyarskiy, V.V. (1916) *Sovremennoe pravovoe i kul'turno-ekonomicheskoe polozhenie inorodtsev Priamurskogo kraya. Materialy po izucheniyu Priamurskogo kraya* [Modern legal and cultural-economic situation of foreigners of the Amur region. Materials on the study of the Amur region]. Is. XXVI. Khabarovsk: Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo General-gubernatora.
21. Yadrintsev, N.M. (1889) *Sibir' kak koloniya. K yubileyu trekhsotletiya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee* [Siberia as a colony. On the 300th anniversary. The modern position of Siberia. Its needs and requirements. Its past and future]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
22. Yadrintsev, N.M. (1891) *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian foreigners, their life and current situation]. St. Petersburg: Tipografiya I.M. Sibiryakova.
23. Serebrennikov, I. (1917) *Inorodcheskiy vopros v Sibiri* [The foreign issue in Siberia]. Irkutsk: Kommercheskaya elektro-tip.
24. Russian Empire. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection II. Vol. XXXVI. Part II. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
25. Aksakov, I.S. (2008) Ne ob emansipatsii evreev sleduet tolkovat', a ob emansipatsii russkikh ot evreev [We should speak about the emancipation of the Russians from the Jews rather than about the emancipation of the Jews]. In: Platonov, O. (ed.) *Nashe znamya – russkaya narodnost'* [Our banner is the Russian people]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
26. Aksakov, I.S. (2008) Razbor tsirkulyarnogo vozzvaniya "evreyskogo vsemirnogo soyuza" [Analysis of the circular appeal of the Jewish World Union]. In: Platonov, O. (ed.) *Nashe znamya – russkaya narodnost'* [Our banner is the Russian people]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
27. Kavelin, K.D. (1907) *Nashi inorodtsy i inovertsy* [Our non-Russians and non-Orthodox]. St. Petersburg: Knigoizdatel'stvo "Pravda".

28. Dobromyslov. (1907) *Inorodtsy v Rossii* [Foreigners in Russia]. S.l.: [s.n.].
29. Budilovich, A.S. (1907) *Mozhet li Rossiya otdat' inorodtsam svoi okrainy?* [Can Russia give its borderlands to foreigners?]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
30. Sidorov, A.A. (1912) *Inorodcheskiy vopros i ideya federalizma v Rossii* [Foreign question and the idea of federalism in Russia]. Moscow: Tipografiya V.M. Sablina.
31. Peshekhonov, A.V. (1905) Khronika vnutrenney zhizni [Chronicle of the inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 4. pp. 97–127.
32. Andriyanova, N.N. (2009) The Notion "Minorities" and Their Classification in Prerevolutionary Law Literature and in the Legislation of the Russian Empire in XIX Century. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik Moscow City Pedagogical University*. 2 (4). pp. 107–114. (In Russian).
33. Berlin, M.I. (2015) *Ocherk etnografii evreyskogo narodonaseleniya v Rossii* [Essay on the ethnography of the Jewish population in Russia]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
34. Termen, A.I. (1914) *Vospominaniya administratora. Opyt issledovaniya printsipov upravleniya inorodtsev* [Administrator's memories. Experience in the study of the principles of management of non-Russians]. St. Petersburg: Tipografiya L. Saper.
35. Shternberg, L.Ya. (1910) Inorodtsy. Obshchiy obzor [Non-Russians. Overview]. In: Kastelyanskiy, A.I. (ed.) *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [Forms of the national movement in modern states: Austria-Hungary. Russia. Germany]. St. Petersburg: Izd. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".

Received: 17 April 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 175–183. DOI: 10.17223/15617793/436/21

УДК 902.01

Л.М. Плетнева

ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ ИЗ ОБЪЕКТОВ ПОСЕЛЕНИЯ ШЕЛОМОК II

Ставится задача исследования орнаментации керамики из раскопанных объектов поселения Шеломок II. В результате выявлено 10 групп фрагментов керамики, в четырех из которых преобладает орнаментация с жемчужником. Статистико-планиграфический анализ орнаментации керамики из раскопанных объектов позволил выявить как общие черты в орнаментации, так и ее специфику, которая может быть объяснена назначением объектов, семейно-брачными отношениями и традициями населения шеломокской культуры. Подтверждена датировка объектов концом V–IV вв. до н.э. Установлено, что орнаментация керамики из раскопанных объектов и из культурного слоя идентична и относится к шеломокской культуре.

Ключевые слова: керамика; орнамент; статистико-планиграфический анализ; группы орнамента; шеломокская культура.

Поселение Шеломок II расположено в 10 км к югу от Томска на правом берегу Томи, на гриве шириной 15–40 м и высотой 12–15 м от уреза воды. Поселение открыто Г.В. Трухиным в 1959 г. В 1971 г. обследование памятника было произведено Л.М. Плетневой. Ею же проведены раскопки 1972, 1973, 1975, 1976, 2001 и 2002 гг. [1–4]. Памятник скифского периода эпохи раннего железа является наиболее исследованным в Томском Приобье. Материалы по таким признакам шеломокской культуры, как вооружение, конское убранство, бронзолитейное производство, ритуальные комплексы, опубликованы [5; 6].

Керамика является одним из основных компонентов при определении культурной принадлежности памятников и характеристики культуры в целом. Результаты исследования керамики памятника Шеломок II опубликованы только по материалам раскопок 1972, 1973 гг. [5]. Эта статья является продолжением статьи автора [7], в которой основной целью было определение наличия или отсутствия керамики переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Цель данной статьи – дать общую характеристику керамики из объектов, сравнить орнаментацию керамики со всего поселения с орнаментацией ее по объектам и выявить специфические черты орнаментации сосудов из каждого объекта.

Вся посуда по форме представлена тремя типами: банками, горшками со слабо профилированным плечиком и чашами-мисками. Большинство сосудов плоскодонные и орнаментированные [7]. Орнамент располагался в верхней части сосуда, чаще всего в 1–2 горизонтальных ряда, редко занимая одну треть высоты сосуда. Край венчика не орнаментирован, за исключением нескольких сосудов.

Работа по анализу орнаментации сосудов из объектов проведена в два этапа: сначала выявлена орнаментация сосудов по группам орнамента (табл. 1), затем произведен количественный анализ орнаментированных сосудов по объектам и группам орнамента (табл. 2).

Проанализируем табл. 1. В ней учтена орнаментация венчиков сосудов из западин № 6, 7, 10, 11, 15, 16. Объекты № 8, 9 и 18 сохранились частично, поэтому они не учтены. Орнаментация представлена десятью группами. *Группа 1*. 12 узоров. Орнаментация состоит из одного горизонтального ряда, включающего только жемчужник и жемчужник с другими элементами – разделителями. Следующие три группы составляют венчики, украшенные двумя и более рядами, расположенными вертикальным, горизонтальным или наклонным способами (мотивами) либо их сочетанием. В этих группах обязательно присутствует жемчужник. *Группа 2*. 12 композиций (узоров). Сосуды украшены жемчужником и оттисками треугольной, четырехугольной или округлой палочек. *Группа 3*. 6 композиций. Она включает венчики, украшенные жемчужником с оттисками гребенки. На одном венчике добавлен еще один ряд оттисков треугольной палочки. *Группа 4*. 12 узоров. Орнамент состоит из сочетания таких элементов, как жемчужник и резные линии. Четыре композиции в этой группе дополнены оттисками треугольной палочки. *Группа 5*. 2 композиции. Несколько венчиков в орнаментации имеют сквозные отверстия в сочетании с двумя рядами оттисков треугольной палочки. *Группа 6*. 11 узоров. В нее вошли венчики, украшенные насквозь проколотыми жемчужинами и такими же жемчужинами в сочетании с оттисками треугольной и округлой палочки, гребенки и резной сетки.

Следующие четыре группы выделены по принципу отсутствия в композициях жемчужника, сквозных отверстий и проколотого жемчужника. *Группа 7*. 3 композиции. Она включает венчики с оттисками треугольной палочки, в одном случае добавлен горизонтальный ряд гребенки. *Группа 8*. 8 композиций. Орнаментация состоит из оттисков гребенки, расположенных горизонтальным, наклонным способами или их сочетанием. *Группа 9*. Состоит из четырех композиций резных линий. *Группа 10* включает узоры, не вошедшие в описанные 9 групп. Это венчики сосудов, украшенные скобками (2 композиции), мелкими лунками, мелкими ямками, треугольниками и жемчужником, узкими желобками, оттисками узкой лопаточки и рядом жемчужника, чередующегося с оттисками треугольной палочки. Всего 8 композиций.

Таким образом, орнаментация керамики из обозначенных выше западин представлена десятью группами и 78 композициями, состоящими из таких элементов, как жемчужник, сквозные отверстия, проколотый жемчужник, треугольник, резная линия, ямка, лунка и гребенка. Табл. 1 показывает наличие или отсутствие каждого узора на керамике из каждой западин.

Таблица 1

Орнаментация керамики из западин

Группы	Вариант	№№ п/п	Рисунок	Номера западин					
				6	7	10	11	15	16
1 А	1	1		+	+	+			+
1 Б	2	2				+		+	
	3	3							+
	4	4						+	+
	5	5						+	+
	6	6				+			
	7	7		+	+	+	+	+	+
	8	8				+			
	9	9					+		
	10	10				+			+
	11	11							+
	12	12				+			
2	1	13			+			+	
	2	14				+	+		+
	3	15				+			
	4	16			+				+
	5	17						+	

	6	18			+				
	7	19							+
	8	20				+			
	9	21						+	+
	10	22						+	
	11	23						+	+
	12	24						+	
3	1	25			+				+
	2	26				+			
	3	27							+
	4	28			+				
	5	29			+				
	6	30				+			
4	1	31							+
	2	32		+	+				+
	3	33		+					
	4	34		+					+

	5	35				+			
	6	36			+	+			
	7	37							+
	8	38		+					
	9	39				+			
	10	40				+			
	11	41				+			
	12	42				+			
5	1	43			+	+			
	2	44		+					
6А	1	45		+			+	+	
6Б	2	46					+		
	3	47					+		
	4	48		+					
	5	49							+

	6	50							+
	7	51						+	
	8	52					+		
	9	53					+		
	10	54					+		
	11	55				+			
7	1	56		+			+		
	2	57		+					
	3	58			+				
8	1	59			+				
	2	60					+		
	3	61		+	+				
	4	62			+				
	5	63		+		+			
	6	64		+					

	7	65						+	
	8	66					+		
9	1	67							+
	2	68			+				
	3	69			+				
	4	70				+			
10	1	71			+	+			
	2	72							+
	3	73							+
	4	74					+		
	5	75		+					
	6	76				+			
	7	77			+	+			
	8	78						+	

Условные обозначения:

- жемчужник
- сквозные отверстия
- преколотый жемчужник
- ямка
- лунка
- оттиск округлой палочки
- оттиск уголком палочки

Для количественной характеристики орнаментации венчиков сосудов и выявления специфики орнаментации по каждому объекту составлена табл. 2. Проведем ее анализ. Общее количество венчиков 143. *Группа 1.* 42 экз. венчика. Чистым жемчужником орнаментировано 24 венчика (17,4%), венчиков с орнаментацией в один горизонтальный ряд жемчужника с разделителем – 18 экз. (12,4%). Следует отметить, что в западине № 11 не обнаружено венчиков первой группы. Наибольшее количество их происходит из западины № 16 (всего учтено 29 экз., к первой группе относится 15 экз.), в западине № 6 их всего 3 из 19, в западине № 7 – 7 из 24; в западине № 10 – 15 из 41, в западине № 15 – 4 из 15. *Группа 2* представлена 23 экз. венчиков, третья – 10, четвертая – 13 экз. Таким образом, *группы 1–4*, в которых зафиксированы венчики сосудов с орнаментацией жемчужником и жемчужником в сочетании с другими элементами, составили 82 экз. из 143 (61,4%).

Таблица 2

Количество венчиков сосудов в западинах по группам орнаментации

Группа / № западин	1		2	3	4	5	6		7	8	9	10	Итого
	А	Б					А	Б					
6	2	1	–	–	4	1	2	1	4	3	–	1	19
7	6	1	3	3	2	1	–	–	3	2	2	1	24
10	7	6	9	3	4	1	1	1	4	2	1	2	41
11	–	–	1	2	–	–	3	6	2	1	–	–	15
15	1	3	6	–	–	–	1	1	1	2	–	–	15
16	8	7	4	2	3	–	–	2	–	–	1	2	29
Итого	24	18	23	10	13	3	7	11	14	10	4	6	143
%	17,4	12,4	16,0	7	8,9	2,0	4,7	7,4	9,6	7,4	2,8	4,8	100

Группа 5 – сквозные отверстия и сквозные отверстия с оттисками треугольной палочки, представлена тремя венчиками (2,06%), найденными по одному в западинах № 6, 7 и 10.

Группа 6 – проколотый жемчужник и проколотый жемчужник в сочетании с другими элементами (см. табл. 1); представлен 18 венчиками (12,1%) наибольшее число таких венчиков происходит из западины № 11 (9 из 15).

Группа 7 – оттиски уголком треугольной палочки или треугольным штампом; представлена 14 венчиками (9,6%), наибольшее число по 4 – зафиксированы в западинах № 6 и 10.

Группа 8 – венчики, украшенные гребенчатым орнаментом; насчитывает 10 экз. (7, 4).

Группа 9 – венчики, орнаментированные резным орнаментом; представлена всего 4 экземплярами (2,8%). Они есть в западинах № 7, 10 и 16.

Группа 10 – сборная. К ней отнесены венчики, по орнаментации не вошедшие в другие группы. Их всего 7 (4,8 %) таких венчиков в западинах № 11, 15 нет.

Таким образом, наибольшее разнообразие узоров представлено в группе 2 – орнаментация сосудов жемчужником в сочетании с оттисками треугольной, четырехугольной или округлой палочки в сочетании с резными линиями. Как уже отмечено, жемчужник входит в четыре группы композиций, что составляет 61,4%, если добавим сюда группы 5 и 6 (узоры с проколотым жемчужником и сквозными отверстиями), то получим 75,6 %. Остальные группы показывают, какие еще узоры были зафиксированы на посуде из объектов поселения Шеломок II.

Для выявления особенностей в орнаментации керамики по западинам важное значение имеет количество сосудов (венчиков) в каждой западине (см. табл. 2). Рассмотрим орнаментацию керамики, происходящей из объектов.

Западина № 6. 19 экз. венчиков. Семь венчиков из 19 относятся к группам 1, 4; 11 венчиков соотнесены с группами 5, 6, 7, 8, 10. Группы 2, 3, 9 отсутствуют.

Западина № 7. 24 экз. венчиков. Большинство венчиков (15) имеют орнаментацию 1–4-й групп, группа 6 отсутствует, остальные сосуды входят группы 5, 7–10. Следует отметить, что по количеству преобладают венчики с чистым жемчужником.

Западина № 10. 41 экз. венчиков. В ней присутствуют все группы орнаментации. Преобладают венчики первой и второй группы.

Западина № 11. 15 экз. венчиков. Преобладают сосуды, украшенные узорами группы 6. Отсутствуют венчики с орнаментом групп 1, 4, 5, 9, 10. Вторая группа представлена одним сосудом, третья – двумя.

Западина № 15. 15 экз. венчиков. Преобладают узоры 1-й и 2-й групп. Отсутствуют узоры 3, 4, 5А, 9, 10-й групп.

Западина № 16. 29 экз. венчиков. Выделяется преобладанием в орнаментации 1 группы – 15 экз. из 29. Группы 1–4 включают 24 сосуда. Группы 5, 6А, 7, 8 отсутствуют.

Отметим некоторые особенности в орнаментации сосудов из объектов. Так, в ритуальной постройке (№ 16) не было сосудов, украшенных проколотым жемчужником и проколотым жемчужником в сочетании с другими элементами орнамента (группа 6). Не обнаружено здесь сосудов с оттисками треугольной палочки (группа 7). Объяснение этому факту может быть неоднозначным: так как каждый знак орнамента имел свое смысловое значение, то посуда с подобной

орнаментацией, видимо, не должна была употребляться при проведении ритуалов в этой постройке. Возможен и другой вариант: посуда группы 7 могла принадлежать одному из этнических компонентов населения этого поселка (возможно, пришлому) и это не нашло пока отражения в ритуальной практике. Надеюсь, что технико-технологический анализ керамики поселения Шеломок II более надежно покажет состав населения. Не обнаружено в этом объекте сосудов с орнаментацией групп 5, 6, 8.

Западины № 10 и 11 определены как производственные объекты. В обоих объектах нет керамики с орнаментацией групп 5 и 9 за исключением одного венчика в западине № 10. Неожиданным явилось отсутствие в объекте № 11 керамики группы 1. Объединяет эти два объекта керамика с орнаментацией групп 2, 3, 6, 7, 8. Надо отметить, что в объекте № 11 значительно больше керамики группы 6 (см. табл. 2).

Статистико-планиграфическое исследование выборки керамики из раскопанных объектов поселения Шеломок II позволяет сделать следующие выводы.

1. Анализ орнаментации венчиков сосудов из шести западин поселения Шеломок II подтвердил вывод о том, что все рассмотренные объекты датируются в рамках хронологического периода второй половины VI–IV вв. до н.э., как и керамика со всего поселения [5]. В пределах этого времени возможно, что объект № 15, определенный как жилище, был сооружен несколько позднее, чем другие. На раскопках этого объекта при выборке его заполнения расчистка была проведена тщательно: отдельно зафиксированы находки при выборке входа, центральной части, нар, южной части жилища, западной части, не говоря о фиксации по горизонтам и квадратам. Всего из него насчитывается 254 находки, 4 из них из камня, остальные из керамики, из них 33 орнаментированных фрагмента, венчиков – 15. Керамика из этого объекта выделяется отсутствием венчиков, орнаментированных узорами 3, 4, 5 и 9-х групп. Надо отметить и тот факт, что среди фрагментов керамики здесь много мелких. В целом керамика из жилища 15 расхождений с общей датой не показала. И тем не менее это жилище выделяется глубиной котлована, наличием нар, четко прослеживается вход, в нем не обнаружено ни бронзовых предметов, ни следов бронзолитейного производства. Но если предположить, что оно было сооружено позже существования поселения Шеломок II, то грунт, вынутый из его котлована, должен (хотя бы частично) перекрывать культурный слой поселения более раннего времени. Однако этого обнаружено не было. Нет в нем и более поздних находок.

2. Он же подтвердил вывод о преобладании керамики, происходящей из западин, орнаментированной жемчужником и жемчужником в сочетании с другими элементами, также как и при анализе всей керамики с поселения Шеломок II [7]. При анализе орнаментации керамики из культурного слоя и из западин, группы композиций определены несколько по-разному [7; табл. 1]. Группы 1–4 совпадают, но процентное соотношение разное (71,3 и 61,4%). Расхождение объясняется тем, что в данной статье нами отдельно выделена группа с проколотым (возможно, в некоторых случаях сбитым) жемчужником. Группа эта составляет 12,1%. Таким образом, если суммировать группы 1–4, 6, то получим 75,6% венчиков, сосудов, в состав орнаментации которых входит жемчужник и проколотый жемчужник. А в культурном слое такой керамики 78%. Следующая группа сосудов (группа 3 по статье 2017 и группа 7 в данной статье), украшенная оттисками или штампом треугольной, реже – четырехугольной палочки, составляет в культурном слое 6,6%, из западин – 9,6%, группа 4 из культурного слоя и группа 8 из западин – орнаментация гребенчатым штампом – составляет 6,6% и 7,4%. Орнамент с резными линиями – 0,5% и 2,8%. В статье 2017 г. [7] такие орнаменты, как лунки, наколы, ямки, выделены в отдельные группы, при анализе керамики из западин они объединены в группу 10.

Таким образом и в культурном слое, и в выборке керамики из западин существенно преобладает орнаментация посуды жемчужником и жемчужником в сочетании с другими элементами, что является характерным признаком для эпохи раннего железа южнотаежной, лесостепной и степной зоны Западной и Южной Сибири [8–12]. В эту территорию входила и шеломокская культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева Л.М. Археологические экспедиции в Томском Приобье (1963–2005). Томск : Изд-во ТГПУ, 2016. 144 с.
2. Коллекция № 7107. Раскопки поселения Шеломок II 1972, 1973, 1975, 1976 гг. Хранится в музее археологии и этнографии Сибири ТГУ.
3. Коллекция № 5277. Раскопки поселения Шеломок II в 2001 г. Хранится в Музее г. Северска.
4. Коллекция № 5642. Раскопки поселения Шеломок II в 2002 г. Хранится в Музее г. Северска.
5. Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. 190 с.
6. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 108 с.
7. Плетнева Л.М. Керамика поселения Шеломок II – памятника эпохи раннего железа Томского Приобья // Тезисы докладов 4-го Археологического съезда. Барнаул : Изд-во АлГу, Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 23–24
8. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.
9. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988. 240 с.
10. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ие, 1979. 208 с.
11. Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб. : Элек-Сис, 2012. 180 с.
12. Троицкая Т.Н, Бородовский А.П. Большереченская культура. Новосибирск, 1994. 184 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 сентября 2018 г.

ORNAMENTATION OF CERAMICS FROM STRUCTURES OF SHELOMOK II SETTLEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 175–183.
DOI: 10.17223/15617793/436/21

Lyudmila M. Pletneva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tspu_kae@mail.ru

Keywords: ceramics; ornament; statistical analysis; horizontal stratigraphy; ornament groups; Shelomok culture.

Due to its widespread nature and applicability of statistical comparison methods, ceramics is one of the essential elements in cultural attribution of monuments and general description of an ancient culture. The analysis focuses on ornaments. The article describes remnants of ceramic tableware from Shelomok II, a settlement of the Early Iron Age (Tomsk District, Tomsk Oblast). Being important for understanding the history of the Upper Ob region, this monument has been studied repeatedly since the 1970s. A variety of artifacts, including armaments, equestrian equipment, bronze casting, and artifacts that shed light on the worldview of the ancient local population, have been analysed. Results of this analysis have been published in sufficient detail. As for the ceramic items discovered in Shelomok, the findings are published only on the basis of excavations in 1972, 1973 and, partly, 2001. This article compares ornaments of ceramics from six excavated hollows and a cultural horizon of the archaeological monument Shelomok II. The analysis is aimed at giving a general description of these ornaments using statistical comparison methods. Based on the results of the study, ten groups of ornaments (78 compositions) can be identified. The classification is based on the presence or absence of pearls in ornamentation. Groups 1–4 include vessels with ornaments consisting of pearls in combination with other elements (61.4%). Group 1 includes two subgroups — A and B. Subgroup A is represented by ornaments with pure pearls, which encircle a vessel in one row (17.4%). Subgroup B comprises vessels decorated with pearls that are separated by specific elements (holes, carved lines, combs, triangles) in a single row (12.4%). Group 2 includes pearls and impressions of triangular and square sticks (16% of vessels). Group 3 is represented by pearls with comb impressions (7%). Group 4 comprises pearls with carved lines (8.9%). Groups 5 and 6 include through holes and pierced pearls in combination with other elements (7.7%). Groups 1–6 (ornamentation of vessels with pearls, pierced pearls and through holes) account for 75.6% of the vessels. Utensils from the cultural horizon and the hollows are similar in terms of ornamentation: utensils with pearls, pierced pearls and through holes make up 78% in the cultural horizon and 75.6% in the hollows. The other four groups, which do not have pearls, pierced pearls or through holes in ornamentation, account for 24.4% of the vessels. The analysis of the ceramics in individual structures revealed some specific features of ornamentation, which can be explained by several reasons: purpose of structures (dwellings, production facilities, buildings of worship), family and marital relations, the presence of foreign population (other than local residents), other ethnic and cultural components from different archaeological cultures. In general, the author has concluded that this ornamentation of ceramic vessels is typical of the Early Iron Age cultures located in southern taiga, forest-steppe and steppe zones of Western and Southern Siberia. This conclusion confirms that the Shelomok culture, including one of its monuments, Shelomok II settlement, can be attributed to these cultures.

REFERENCES

1. Pletneva, L.M. (2016) *Arkheologicheskie ekspeditsii v Tomskom Priob'e (1963–2005)* [Archaeological expeditions in the Tomsk Ob region (1963–2005)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
2. Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University. Collection 7107. *Raskopki poseleniya Shelomok II 1972, 1973, 1975, 1976 gg.* [Excavations of the Shelomok II Settlement in 1972, 1973, 1975, 1976].
3. Seversk Museum. Collection 5277. *Raskopki poseleniya Shelomok II v 2001 g.* [Excavations of the Shelomok II Settlement in 2001].
4. Seversk Museum. Collection 5642. *Raskopki poseleniya Shelomok II v 2002 g.* [Excavations of the Shelomok II Settlement in 2002].
5. Pletneva, L.M. (2012) *Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya* [Objects of the Scythian-Siberian animal style from the Tomsk Ob region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
6. Pletneva, L.M. (1977) *Tomskoe Priob'e v kontse VIII–III vv. do n.e.* [The Tomsk Ob region in the late 7th – 3rd centuries BC]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Pletneva, L.M. (2017) [The ceramics of the Shelomok II settlement – a monument to the era of Early Iron Age of the Tomsk Ob region]. *Tezisy dokladov 4 Arkheologicheskogo s"ezda* [Abstracts of reports of the Fourth Archaeological Congress]. Barnaul: Altai State University, Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 23–24. (In Russian).
8. Abdulganeev, M.T. & Vladimirov, V.N. (1997) *Tipologiya poseleniy Altaya 6–2 vv. do n.e.* [Typology of Altai settlements of the 6th–2nd cc. BC]. Barnaul: Altai State University.
9. Koryakova, L.N. (1988) *Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri* [Ther Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural State University.
10. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka.
11. Savinov, D.G. (2012) *Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.)* [Monuments of the Tagar culture of the Mogilny steppe (by the results of archaeological research in 1986–1989)]. St. Petersburg: Elek-Sis.
12. Troitskaya, T.N & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura* [The Bolsherechenskaya culture]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 13 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 184–191. DOI: 10.17223/15617793/436/22

УДК 930.2 / 94(47).072

Д.В. Тимофеев

ПРИНЦИПЫ ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ «ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-31-00007-ОГН.

Рассмотрены основные вопросы применения методологии современной истории понятий в исследованиях по истории общественной мысли России. На основе анализа дискуссии в журналах первой четверти XIX в. о книге Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» представлено отношение современников к конституции и действенности выборных институтов для обеспечения прав граждан. Сделан вывод о наличии в общественном сознании взаимосвязи понятий «закон», «собственность», «свобода» и «конституция».

Ключевые слова: история понятий; история общественной мысли; теория речевых жанров; методы исторических исследований; публичная коммуникация; российский конституционализм XIX в.

Изучение истории общественного сознания Нового времени, вне зависимости от того, является ли предметом изучения история экономической мысли, политических идеологий или философско-правовых учений, невозможно без выявления смысловых значений основных социально-политических понятий. В отличие от большинства слов такие понятия обозначают не предметы или явления материального мира, а используются для описания характера взаимоотношений между индивидами и властными институтами, моделей организации систем управления разного уровня, формулировки идеологических принципов и перспектив изменений политической и социально-экономической системы. Содержательно они могли быть известны достаточно длительное время или являлись новыми, заимствованными извне, но, в силу их концептуальной нагруженности, такие понятия всегда остаются открытыми для интерпретации представителями различных социальных страт и политических группировок. Так, например, в России дореформенного времени посредством одного и того же понятия «свобода» дворянин, купец или крепостной крестьянин могли обозначать принципиально различный спектр возможностей индивида в обществе, а соответственно, по-разному оценивали перспективы расширения границ личной инициативы в экономической и социально-политической сферах. Аналогичная вариативность смысловых акцентов прослеживается и при использовании российскими авторами понятий «конституция», «гражданские права», «просвещение», «государство», «собственность» [1].

Особую значимость социально-политические понятия получают с начала Нового времени в связи с процессом формирования публичной сферы как совокупности формальных и неформальных способов коммуникативного взаимодействия [2], позволяющих индивидам не только оперативно обмениваться информацией в процессе непосредственного личного общения, но и высказывать оценки и предложения по преобразованию окружающей их действительности. В России второй половины XVIII – первой четверти XIX в. рост количества и тематического разнообразия газет, журналов, литературно-публицистических произведений и научно-популярной литературы, расширение каналов обращения во властные структуры различного уровня с прошениями, жалобами и проектами – все это способствовало возникновению в публичном пространстве дискуссий по широкому спектру религиозно-философских, социально-экономических, внутри- и внешнеполитических вопросов.

Аргументами в процессе публичных дискуссий могло быть обращение к произведениям известных европейских авторов, апелляция к общепризнанным моральным или религиозным нормам, а также рационально-утилитарное обоснование «полезности» определенного действия для достижения общественно значимых целей. В сложившихся условиях большое значение приобретали различные риторические приемы: способность использовать в определенном контексте известные читателю / слушателю понятия и ассоциации, умение придавать тексту необходимую эмоциональную, или напротив – рационально-логическую окрашенность. Все это существенно расширило возможности современников по интерпретации и реинтерпретации значений основных социально-политических понятий, которые становятся действенным инструментом в процессе конкурентной борьбы между сторонниками проектов изменения общественного устройства и приверженцами сохранения традиционных ценностей и институтов.

Для историка, исследующего историю общественного сознания, возрастание интерпретационной активности участников публичных дискуссий актуализирует необходимость разработки *практически ориентированной модели историко-понятийного анализа* текста исторического источника. Такая модель должна содержать комплекс принципов, позволяющих выявить не только изменения в содержании основных социально-политических понятий, но и то, каким образом современники использовали новые значения для выстраивания позитивно / негативно окрашенных ассоциативных связей, формулировки рациональных аргументов, способствующих усилению воздействия на потенциального читателя / слушателя.

Одним из вариантов решения обозначенной задачи может быть обращение к методологии «истории поня-

тий», в основании которой лежит признание неразрывной связи социальной реальности, языка, общественного сознания и коммуникативных действий. Теоретические рамки современной «истории понятий» были выработаны в процессе дискуссий между представителями двух основных направлений: немецкой школы Begriffsgeschichte, основоположником которой был профессор Билефельдского университета Р. Козеллек, руководивший коллективом авторов по составлению «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии» [3]; и англосаксонской школы History of Concepts, концептуальные положения которой представлены в работах Дж. Покока, Кв. Скиннера [4, 5]. Наличие историографических обзоров, раскрывающих содержание теоретических построений, сходства и отличия в подходах Begriffsgeschichte и History of Concepts [6–10], позволяет нам, не повторяя основные положения каждого направления, сконцентрировать внимание на решении ряда принципиальных вопросов, связанных проведением конкретно-исторических исследований по истории общественного сознания в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Первый из них связан с необходимостью разграничения истории отдельных слов / понятий как таковых и истории общественного сознания в широком историко-культурном контексте. Принципиально важным в этой связи представляется признание бесперспективности изучения истории отдельных понятий без учета их взаимосвязей с другими понятиями, контекстами употребления и целями использования современниками изучаемого периода времени. С этих позиций, по словам Х.Э. Бёдекера, «… не одно отдельное понятие является предметом устремлений истории понятий, а весь понятийный аппарат, со всеми его внутренними взаимосвязями» [7. С. 45].

При таком подходе основополагающими принципами инструментализации методологии истории понятий в конкретно-исторических исследованиях должен быть принцип *системности*, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями, и *принцип контекстуальности*, предписывающий исследователю выявлять не только смещение смысловых акцентов при использовании социально-политических понятий, но и цели, средства и результаты такого смещения с позиций современников. Эвристический потенциал системного подхода к анализу социально-политического языка отчетливо прослеживается на примере адаптации в России начала XIX в. либерального принципа свободы личности. В текстах российских авторов смещение смысловых акцентов индивидуальной «свободы» происходило посредством установления взаимосвязей с понятиями «просвещение», «закон» и «государство», с помощью которых утверждалось – объем и границы «свободы» должны устанавливаться государством дифференцировано для каждой сословной, или даже внутрисословной, группы [1. С. 192–228, 366–404, 442–453].

Реализация принципа системности и контекстуальности ставит перед историком вопрос о методике формирования источниковой основы исследования. Возможно ли использование текстов, чье авторство не установлено (например, публикации в журнале без подписи автора), отражает ли текст *выдающихся* исторических персонажей существенные изменения в социально-политическом языке или для выявления этих изменений следует обратиться к массовым источникам? Отвечая на подобные вопросы, К. Скиннер в докладе «О маловажности великих текстов» признавал, что «…совершенно недостаточно сколь угодно пристального чтения отобранных «значимых» трудов «великих» авторов, а требуется радикальное расширение как набора изучаемых текстов, так и круга их создателей, включая сюда словари, толковники, пособия и прочую «подручную» литературу той или иной эпохи» [11. С. 11–12]. Только при таком сочетании произведений выдающихся авторов, способных генерировать новые идеи и разнообразных, в том числе и вполне заурядных, текстов их современников, становится возможной реконструкция широкого спектра общественных настроений.

Все это, на мой взгляд, обусловливает необходимость сформулировать еще одни принцип изучения истории общественного сознания – принцип *сочетания текстов публичной коммуникации с неопределенным и определенным адресатом*. К первой группе текстов следует отнести законодательные акты, литературно-публицистические произведения, журнальные и газетные публикации, трактаты и листовки, публичные выступления и учебные пособия, т.е. тексты, открытые для чтения неограниченным кругом лиц и нацеленные на выражение позиции государственных структур или формирование общественного мнения как организованными группами, так и отдельными авторами. Вторая группа источников – тексты, созданные в процессе публичной коммуникации с определенным адресатом – может быть представлена проектами реформ, особыми мнениями, докладами, донесениями, частными жалобами, прошениями и т.п. Авторы такого рода текстов, обращаясь к конкретному адресату, рассчитывали на его ответную реакцию и для усиления эмоционального впечатления нередко использовали в необходимом (позитивном или негативном) контексте основные социально-политические понятия.

Предложенное сочетание двух типов публичных текстов позволяет сопоставить особенности использования социально-политических понятий в различных социальных средах и одновременно выявить особенности аргументации необходимости совершения практических действий как в масштабах страны, так и на местном, локальном уровне. Так, например, при изучении процесса поиска современниками вариантов решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX в. принципиально важно сопоставить значение и контексты использования понятий «свобода», «вольность», «рабство», с одной стороны, в текстах многочисленных проектов отмены / смягчения крепостной зависимости, составленных представителями правительственной элиты, предложениях купечества, жалобах и прошениях частновладельческих крестьян, а с другой – в опубликованных на страницах россий-

ских журналах информационных заметках о «рабстве невольников» в других странах, статьях о способах управления помещичьим хозяйством, учебных пособиях для гимназий и университетов [12].

Сопоставление комплекса разнородных по своей направленности источников требует от исследователя выявления зависимости их содержания от непосредственных целей автора, статуса адресата и жанровой принадлежности текста [13]. При таком подходе ключевые категории историко-понятийного анализа – *адресность и жанровая принадлежность текста,* – обусловливают необходимость обращения *к* «теории речевых жанров» М.М. Бахтина[1]. По его мнению, «речевой жанр» – устойчивый тип высказываний, существенным признаком которого является обращенность к слушателю / читателю, а содержание и способ выражения основных авторских интенций обусловлены представлениями о характере взаимоотношений между адресатом и адресантом, сформировавшимися стереотипами внутри- и межгруппового общения, широким социально-политическим, экономическим и культурным контекстом. С этих позиций «каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [14. С. 291]. В данном контексте при работе с текстом исторического источника необходимо изучить как автор, стремясь к достижению определённой цели, формулировал аргументацию и подбирал наиболее значимые для слушателя / читателя понятия с учетом сформировавшегося в его сознании образа адресата [Там же. С. 290–291, 294–295].

Все вышеизложенное позволяет нам сформулировать еще один принцип изучения общественно-политической мысли России Нового времени, в соответствии с которым следует анализировать не только различия между идеологическими позициями авторов, но и *неформальные «жанровые правила» построения текста*, которых они должны были придерживаться для того, чтобы быть «услышанными» определенным или неопределенным кругом адресатов. Так, например, при изучении политических сочинений российских авторов второй половины XVIII в. целесообразно сопоставить две сферы, различающиеся статусами участников коммуникации, – придворную и публичную. Жанровые правила придворной сферы формировались исходя из изначального неравенства участников коммуникации: одна из сторон – монарх, чей статус, вне зависимости от того, выступал он в качестве адресата (ода, панегирик, доклад и т.п.) или адресанта (наказ, именной указ и т.п.) был заведомо выше статуса любого другого участника, а другая – лица, обладавшие возможностью регулярного личного обращения к монарху и / или его фавориту. Такое коммуникативное неравенство, несмотря на значимость придворного окружения в процессе принятия монархом важных управленческих решений, практически исключало возможность публично оспорить любое высказывание, исходящее от носителя абсолютной императорской власти. Именно поэтому в текстах придворной сферы XVIII в. рассуждения, например, о законе или форме правления завершались констатацией справедливости и правильности монархии в России [15].

В рамках публичной сферы была сформирована принципиально иная модель коммуникации, так как неизменным высшим статусом не обладал ни один из ее участников. В этом пространстве становятся возможными дискуссии между равными субъектами в открытом для всех поле [2. P. 54–55], а круг адресатов мог быть как определенным, так и неопределенным, хотя, безусловно, даже в этом случае авторы текстов имели субъективные представления о потенциальной аудитории своих читателей.

Расширение возможности публично высказать согласие или несогласие с какими-либо политическими или экономическими принципами, используя для этой цели концептуально нагруженные социально-политические понятия, отчетливо просматривается при анализе содержания российских общественно-политических журналов первой четверти XIX в. Одним из наиболее полемичных жанров в периодической печати этого времени становятся так называемые «критические замечания». Написанные в форме рецензии на сочинения российских авторов, подобного рода тексты были ориентированы не только на обезличенную аудиторию читателей журнала, но и на вполне конкретного, читателя – автора, произведение которого подвергалось оценке. В некоторых случаях ответная реакция на «замечания» разворачивалась в заочный диалог двух авторов, обращавшихся к читателям в качестве своеобразного арбитра в споре. При этом наиболее часто используемым риторическим приемом стало утверждение, что «ложное мнение» автора / критика является следствием неправильной трактовки того или иного понятия.

Именно такой сценарий диалога представлен в публикациях о книге Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» на страницах журналов «Сын Отечества» и «Дух журналов». Его участниками были, с одной стороны, анонимный автор, указавший о себе только то, что он был «воспитан и взрос в Англии… в доме российского министра» [16. Кн. 5. С. 193–194], а с другой – известный публицист, член комиссии составления законов Н.И. Тургенев[2]. В отличие от ряда других рецензий [18–20] основное содержание опубликованных в «Духе журналов» «замечаний» [16, 21] было сосредоточено не на главном предмете сочинения Н.И. Тургенева – основных принципах налогообложения в различных странах мира, а вокруг двух сюжетов: необходимости «прояснения» для читателей соотношения понятий «закон» и «свобода» в современном обществе; ответа на вопрос, является ли «конституция» и органы сословного представительстве гарантией соблюдения гражданских прав и свобод.

Отправной точной для первого сюжета стала приведенная Н.И. Тургеневым цитата из работы И. Бентама о сущности закона: «Всякой закон есть зло, ибо всякой закон есть нарушение свободы» [22. С. 16–18]. Данное утверждение побудило автора «замечаний» выйти за пределы экономического дискурса и поразмышлять о сущности понятий «свобода» и «закон». Он напоминал читателю, что «слово свобода предполагает воли неограниченное действие: я свобо-

ден делать зло и добро, глупо и умно действовать, своевольничать и вредить каждому и всем как мне рассудится» [21. С. 142]. В данном контексте, по его мнению, «… закон, нарушая свободу человека, могущего предаваться злому, и удерживая ее в границах правды, блага и порядка, есть самое величайшее благо, коим человек пользоваться может; есть причина его безопасности от наклонностей лиц посторонних, и основание его спокойствия и блаженства» [Там же. С. 144].

Рассматривая взаимосвязь понятий «закон» и «свобода» в широком морально-этическом, религиозном и правовом контексте, критик сочинения Н.И. Тургенева использовал хорошо известные риторические приемы: противопоставление негативного и, безусловно, позитивного значения понятия; подтверждение своих суждений яркими, эмоционально-окрашенными примерами, вызывающими скептическую усмешку и / или чувство сострадания к обездоленным; иллюстрация позитивного опыта, позволяющего избежать описываемых проблем.

Все эти способы аргументации были последовательно использованы при ответе на поставленный перед читателями вопрос: «В чем состоит свобода народная?». Автор «замечаний», объясняя необходимость поиска ответа, констатировал, что в современном обществе «свобода» – есть «слово, неопределенное в смысле и понятии, получает разные толки; один понимает оное так, другой инак, и оба самим себе делаются невразумительными» [16. Кн. 6. С. 263]. Для устранения подобной двойственности читателю был предложен целый ряд риторических вопросов, подразумевающих отрицательный ответ:

«В том ли свобода, чтобы какой-нибудь сумасброд посредством ему подобных был волен собрать более сорока тысяч бессмысленных зевоворотов…, врать народу о мерах правительства, коих ни он сам, ни слушатели не знают и не понимают; проповедовать площадные истины, в чем Конституция обветшала, которые все знают только отрывками, ибо целого сообразить не состоянии. <…> В том ли свобода, чтоб рассыпавшись по улицам, напиться пьяным, насильствовать, грабить дома чиновников государственных. <…> В том ли свобода, чтоб как во Франции делал народ, вешая на фонарях, по наущению Маратов, Робеспьеров и иных подобных; <…> В том ли свобода, чтоб открыть пространное поле безумному своевольству, бешенству страстей и неистовству помраченного разума, объятого мраком и пьяного предубеждениями?» [16. Кн. 6. С. 264–265].

Общее негативное впечатление от того, к чему приводит ложное понимание «свободы», усиливалось упоминанием о Французской революции и авторским комментарием, что «...всяк с ужасом усмотрит, что это гибель общая, а не свобода гражданская» [Там же. С. 265]. Продолжая избранный жанр разговора с читателем, автор «замечаний» предлагает в противовес ложному пониманию «свободы» ее позитивную трактовку.

По его мнению, «свобода» состоит *«…в том, чтоб всякий член общества, ограничивающий себя в пределах правды, блага и порядка, не делающий иному того, чего себе не желает и чужого не желающий, имел несомненное право, своими трудами, искусством, знанием и прочими средствами, иным невредными, промышлять продовольствие своего семейства, не токмо безбедное по состоянию своему и чину, в обществе занимаемому, но даже избыточное; употреблять приобретаемое им для блага своего семейства; и чтоб ни Правительство, ни частные лица в оном ему препятствовать были бессильны»* [16. Кн. 6. С. 266].

Таким образом для автора «замечаний» понятие «свобода» оказывается тесно взаимосвязанным с готовностью индивида к добровольному самоограничению эгоистичных желаний, если они противоречат общему благу; уважением интересов других индивидов; наличием у человека возможности обеспечить материальное благополучие своей семьи; безусловной гарантией соблюдения права личности на безопасность и неприкосновенность собственности. При этом его интересует не только теоретическое определение данного понятия, но и конкретные примеры, иллюстрирующие возможность реализации «свободы» на практике. Именно в этом контексте он обращается к анализу утверждения Н.И. Тургенева о решающем значении английской «конституции», определившей право выборных представителей выражать свое согласие на введение новых налогов. Важным следствием такого «согласия / несогласия» в работе Н.И. Тургенева объявлялась возможность защиты «подлинной гражданской свободы» для каждого индивида.

Сформулировав перед читателями вопрос «...существенно ли Англия пользуется свободою, или токмо формами гражданской свободы», автор подробно и эмоционально описывал недостатки выборов в парламент, которые, по его мнению, не имеют ничего общего со свободным волеизъявлением народа. Непропорциональное представительство различных районов страны, предварительный сговор и подкуп голосов, невежество не только избирателей, но и членов Нижней палаты Английского парламента, которые нередко спали на заседаниях или, напротив, могли драться друг с другом – все это позволило автору утверждать, что депутаты не способны выражать интересы своих избирателей, а вынуждены исполнять волю правительства и крупных монополистов. Отсутствие фактической свободы принятия решений народными представителями являлось убедительным доказательством существования в Англии лишь внешней формы, своеобразной иллюзии «свободы». На практике же, по мнению автора, «… слово вольность, Конституция, благо общественное и пр. в устах, но корысть и собственные выгоды в сердце» [16. Кн. 5. С. 208].

Не менее убедительным подтверждением формального характера «народной свободы» в Англии, обязательным атрибутом которой автор считал возможность индивида обеспечить благосостояние своей семьи и приобрести собственность, является значительное имущественное расслоение населения Англии. Для доказательства справедливости данного утверждения он использовал еще два часто встречающихся

в текстах второй половины XVIII – первой половины XIX в. риторических приема свидетельство очевидца; и обращение к работам авторитетного литератора, правоведа или экономиста, имя которого могло быть известно читателям, даже в том случае, если они лично не были знакомы с его произведениями.

Позиционируя себя как человека, хорошо знакомого с английской действительностью, автор «замечаний» изложил свои впечатления от пребывания в Англии. По его словам, при внешнем благополучии городов и селений бедность не бросается в глаза праздному путешественнику, «…но… загляни в ярус подземельный, на чердаки, в сараи: там увидишь работников с семействами, помещенных по углам, где настлано соломой…» [16. Кн. 6. С. 276–277]. Низкая заработная плата, «…установленная многими учреждениями парламента», и безработица стали главными причинами положения, при котором около 6 млн человек испытывают недостаток в элементарных продуктах питания, одежде и жилье. Для большей убедительности автор цитирует отрывки из работ Ж.Б. Сея о формальном характере гарантий свободы и права собственности, а завершает предлагаемую читателю систему доказательств изложением мнения А. Смита: «Сам англичанин признается, что такого притеснительного для бедных учреждения нигде нет, кроме Англии, под Конституцией, ограждающей свободу и собственность жителей; почему всякой видит, какова ограда сия» [Там же. С. 276–279]. На этом фоне положение наемных работников в России представлено автором как безусловно положительный пример действительной, а не «формальной «свободы»: «Никому не воспрещено трудами, искусством, работою и промышленностию снискать довольство и даже излишество для своего семейства, и нет законов противодействующих каждого благосостоянию; следственно русские пользуются *сущностию* свободы, оставляя без зависти просвещенных англичан, праведно гордиться формами своей свободы и своевольства» [Там же. С. 275].

Однако подобного рода благостная картина российской действительности и описание народной бедности в Англии не позволяли ответить на одни из главных вопросов – действительно ли, как утверждал в своей книге Н.И. Тургенев, именно «конституция» как комплекс законов, обеспечивающих право народных представителей защищать свободу и собственность граждан, способствовала росту экономического могущества Англии? Отвечая на него, автор «замечаний» приходит к главному выводу: в основе доминирования английских товаров на рынках различных стран мира лежит прагматичный союз власти и торгово-промышленных кругов: «… не конституция, не свобода и блаженство народа, а корысть, имущая всевозможную силу в руках, дала Англии над всеми народами и Государствами преимущество в торговле» [16. Кн. 6. С. 283]. В такой трактовке автор не отрицает потенциальную возможность благотворного влияния «конституции», если она действительно обеспечивает личную свободу, неприкосновенность собственности и личную безопасность граждан. Он лишь акцентировал внимание читателей на декларативном характере конституции в Англии и возможности обеспечения благополучия граждан без дополнительных политических институтов, таких, например, как английский парламент.

Реакция Н.И. Тургенева на критические «замечания» представляется не менее интересной для историко-понятийного анализа текстов публичной коммуникации. В отличие от своего анонимного оппонента, он использовал не восклицательно-пафосный, а иронически-назидательный и рационально-доказательный стиль изложения. Так, например, в первой части ответной статьи Н.И. Тургенев отмечает небрежное отношение рецензента к употреблению некоторых понятий и даже неуместное стремление к «словопроизводству или «словосоставлению» [23. С. 103]. В начале второй части – с удивлением замечает «новизну» и необоснованность утверждения о значительной роли Вольтера в формировании представлений современников о «Конституции»: «…Английская Конституция, по словам Рецензента, обязана своею извесностию Вольтеру! Вот новая заслуга славного Писателя, которой не приписывали ему самые горячие его защитники и почитатели и которую предоставлено было открыть и засвидетельствовать нашему Рецензенту!» [17. С. 207–208].

Однако, несмотря на нескрываемую иронию в отношении уровня образованности своего оппонента, Н.И. Тургенев ведет разговор с читателем о принципиально важной, с его точки зрения, задаче – необходимости формирования в сознании современников правильного смыслового наполнения понятий «закон», «свобода» и «конституция». Так, например, отвечая на критику в отношении приведенной в книге «Опыт теории налогов» цитаты из сочинения И. Бентама о том, что «всякий закон есть нарушение свободы», он с сожалением констатировал: «рецензент вместо того, чтобы говорить о финансах и тем самым способствовать распространению здравых идеей о сем предмете, представил в замечаниях своих собственную свою теорию о законе, истолкование некоторых заповедей, привел в пример Мунго-Парка и проч., и проч.» [23. С. 97]. При этом читателям было предложено самим разобраться, был ли он не прав, когда использовал слова «глубокомысленного писателя» для иллюстрации сущности налоговой системы, которая, как и любой «закон», накладывает обязательства и ограничивает личную «свободу» индивида. Н.И. Тургенев объяснял, что никогда не опровергал необходимость «закона» для обеспечения бесконфликтного сосуществования людей обществе, а лишь указывал на принципиальное противоречие между экономическими интересами отдельного индивида и его обязанностью платить налоги. Именно с этих позиций «…каждый налог есть зло, ибо он лишает платящего части его собственности», а следовательно, правительству «надлежит с искусством избирать сие зло, т.е. надлежит избирать легчайшее» [Там же. С. 101–103]. В данном контексте содержание понятия «закон» трактовалось шире, чем просто «предписание, правило, учащее, что делать и чего не делать» [24. С. 9; 25. С. 612], подразумевало, что у гражданина существуют «естественные права» на «свободу» и «собственность», наличие которых

должно учитывать «государство» при осуществлении своей налоговой политики.

Аналогичной логики прояснения смысла понятий, основываясь не только на теоретических рассуждениях европейских мыслителей, но и учитывая социально-экономические реалии каждой конкретной страны, Н.И. Тургенев придерживался и при ответе на замечания рецензента о формальном характере выборов в английский парламент и неспособности депутатов отстаивать гражданские права своих избирателей. Он признавал, что существующая в Англии избирательная система действительно не позволяет обеспечить справедливое пропорциональное представительство различных территорий, но это не имеет принципиального значения, так как, по его словам, «Великие выгоды Английской Конституции и сила общего мнения исправляют сей недостаток» [17. С. 210]. Именно такое сочетание – институционально оформленное представительство (парламент) и неконтролируемое властями «общее мнение» – позволяет, по мысли Тургенева, утверждать: «…каждый депутат представляет не только тех, от кого он выбран <…>, но весь народ, так, что Палата депутатов, равно как и каждый член оной, действует именем всего народа» [Там же. С. 211]. Следовательно, благодаря «силе общего мнения» «…каждый гражданин, на самом деле, имеет своего представителя в парламенте», который будет защищать его экономические интересы.

В качестве примера, опровергающего выводы рецензента о зависимости выборных депутатов от монополистов и правительства, Н.И. Тургенев приводит парламентскую дискуссию «о податях с дохода (income tax)» 1816 г., в ходе которой «…представители народные требовали уничтожения сего налога и успели в своем требовании, несмотря на сильное сопротивление со стороны Министров» [17. С. 215–216]. Но главный, сущностный, ответ Н.И. Тургенева на критику сводился к тому, что что его оппонент, акцентируя внимание читателей на недостатках выборной процедуры и работы парламента, тем самым признавал принципиальную важность института народного представительства как такового. По мнению автора, рецензент, по сути, соглашался с утверждением о функциональном назначении «конституции», вне зависимости от того, представлена ли она в форме одного «коренного закона» или системы важнейших нормативно-правовых актов. Сам факт критики системы выборов и невозможности депутатов отстаивать интересы своих избирателей подтверждал общность понимания содержания понятия «конституция», главным предназначением которой является установление порядка формирования органов сословного представительства, юридическое закрепление прав граждан на свободу, собственность и безопасность от посягательств как со стороны сограждан, так и государства [17. С. 210, 214].

Приведенный пример историко-понятийного анализа публичной дискуссии в рамках жанра «рецензии / замечаний» и «ответа на рецензию / мнение» наглядно демонстрирует эвристический потенциал предложенного подхода для выявления содержания и взаимосвязей понятий «свобода», «закон», «собственность» и одновременно их включенности в смысловое поле понятия «конституция». Конечно, выявленные варианты трактовок этих понятий не исчерпывают всю палитру восприятия современниками конституционных идей, но существенным образом дополняют наши представления о точках соприкосновения позиций и формировании системы аргументов как противников, так и сторонников перспективы установления в России первой четверти XIX в. конституционной монархии.

Аналогичным образом следует анализировать содержание публичных дискуссией, возникавших в различных жанрах по вопросу о необходимости и возможных вариантах решения проблемы «рабства крестьян», повышения эффективности системы управления и судопроизводства, модернизации фабрично-заводской промышленности и укрепления финансовой системы, целесообразности законодательной регламентации содержания гражданских прав для каждой сословной группы российского общества. Таким образом, реализация предложенных принципов (контекстуальности; системности; сочетания текстов публичной коммуникации с определенным и неопределенным адресатом; проблемно-тематического и жанрового многообразия) позволит исследователю реконструировать процесс взаимопроникновения концепций и идеологических установок, оказывавших влияние на формирование различных направлений в общественном сознании России второй половины XVIII–XIX вв. В совокупности обозначенный комплекс принципов, предоставляя историку конкретные инструменты формирования источниковой базы и методов работы с текстами, может стать основой универсальной, практически ориентированной модели изучения истории общественного сознания в различных странах мира Нового и Новейшего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Практически одновременно с Бахтиным сходные идеи высказал британский лингвист Дж. Остин. Его концепция речевых актов (Speech Acts Theory) была представлена в работе 1962 г. «How to Do Things With Words». Позднее она стала основой для концептуальных построений Кв. Скиннера и Дж. Покока.

[2]В ответной публикации Тургенев высказывает сомнение в достоверности этих сведений, резко критикуя уровень грамотности, логические противоречия и стилистические особенности текста «замечаний» [17. С. 208, 211–214].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 456 с.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge : MIT Press, 1991. 301 c.
3. Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: пер с нем. В 2 т. М. : НЛО, 2014. Т. 1. С. 23–44.

4. Pocock J.G.A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972. 290 c.
5. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.
6. Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) // Новое литературное обозрение. 2015. № 134 (4). С. 21–41.
7. Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера: пер. с нем. М. : НЛО, 2010. С. 34–65.
8. Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. СПб. : Алетейя, 2006. С. 9–32.
9. Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М. : НЛО, 2012. Т. 1. С. 5–46.
10. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
11. Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16.
12. Тимофеев Д.В. Теория и практика источниковедения в исследованиях по истории крестьянского вопроса в России первой четверти XIX века // Мир историка и пространство историии: сб. ст. к юбилею профессора Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2018. С. 259–274.
13. Бугров К.Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII века // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 160–176.
14. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
15. Киселев М. Трактат De L'Esprit des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1131–1148.
16. Замечания на книгу Тургенева Опыт теории налогов (продолжение) // Дух журналов. 1820. кн. 5. С. 193–214, кн. 6. С. 263–286.
17. Продолжение замечаний на рецензию в Духе Журналов помещаемую // Сын Отечества. 1820. Ч. 60, № XI.
С. 207–216.
18. Некоторые замечания на опыт Теории налогов // Отечественные записки. 1826. Ч. 26, кн. LXXIV. С. 415–434.
19. Новые книги // Сын Отечества. 1818. Ч. 50, № XLVIII. С. 134–138; 1819. Ч. 58, № LI. С. 225–231.
20. Опыт теории налогов, сочиненной Николаем Тургеневым // Сын Отечества. 1818. Ч. 50, № L. С. 207–224; № LI. С. 258–271.
21. Замечания на книгу Тургенева Опыт теории о налогах (сообщено) // Дух журналов. 1820, кн. 4. С. 141–156.
22. Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. 371 с.
23. Нечто о рецензии, помещенной в 4 нумере Духа журналов // Сын Отечества.1820. Ч. 60, № IX. С. 97–104.
24. Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб., 1792. С. 9.
25. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 2.: Д – К. СПб., 1809. С. 612.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

PRINCIPLES OF INSTRUMENTALIZATION OF THE "HISTORY OF CONCEPTS" METHODOLOGY IN THE STUDIES OF PUBLIC THOUGHT IN RUSSIA IN THE 18TH – FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 184–191.
DOI: 10.17223/15617793/436/22

Dmitrii V. Timofeev, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Keywords: history of concepts; history of public thought; speech genre theory; historical methods; public communication; 19th-century Russian constitutionalism.

The paper deals with the important issues of implementation of methods of the history of concepts in the historical studies of public thought. The aim of the paper is to establish the principles of conducting a study of public thought with the use of methodological approaches of German and Cambridge schools of 'history of concepts' and Bakhtin's theory of speech genres. The paper also formulates the principles of contextuality, of system approach, of combining texts of public communication with specified and unspecified addressee, of thematic and genre variety of sources of historical study. The practical approbation of the aforementioned principles was based upon the study of a polemic in Russian periodicals of the early 19th century around N. I. Turgenev's "Experience in the Theory of Taxes:: a review of an anonymous author and Turgenev's response published in *Syn Otechestva* and *Dukh zhurnalov* in 1820. The central point of the polemic was the question about the ability of elective bodies of class representation, which were also seen as the essence of 'constitutional government', to provide adequate protection of civil rights. Turgenev, using England as an example, argued in favor of the elective system to increase personal freedom and property of citizens, while his anonymous opponent insisted that any elective bodies would be merely tools of bureaucratic deception chasing their own purposes. The comparison of interpretations, logical arguments and interconnections the participants of the discussion used while talking of 'liberty', 'law', 'constitution' and 'property' allows to discover the most important contexts of their practical use. The author shows that the anonymous critic of Turgenev's work envisaged 'law' and 'liberty' in a broader moral, religious and legal context, including the well-known rhetorical tricks, like the counterposing of the negative French revolutionary experience to the positive Russian monarchical stability. Meanwhile, Turgenev, responding to the attack, emphasized the importance of legal protection of rights of elected representatives to participate in the discussion of issues of taxation and property. These functions of parliament, according to Turgenev, reflected the very essence of constitutional governance. The author makes a conclusion about the existence of strong connections between the concepts 'law', 'property', 'liberty' and 'constitution' in the Russian public thought of the early 19th century; such a connection could be used either to argue in favor of parliamentary innovations in Russian political practice, or to criticize them fiercely. The author also stresses that the proposed set of methodological principles of 'history of concepts' could be used rather productively to study the public discussion about the purposes and character of political modernization of the Modern Age.

REFERENCES

1. Timofeev, D.V. (2011) *Evropeyskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka* [European ideas in the socio-political lexicon of the educated Russian citizen of the first quarter of the 19th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.

2. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press.
3. Kozellek, R. (2014) Vvedenie (Einleitung) [Introduction]. In: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stat'i. V 2 tt.* [Dictionary of basic historical concepts: selected articles. In 2 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: NLO.
4. Pocock, J.G.A. (1972) *Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History*. London: Methuen & Co LTD.
5. Skinner, K. (2004) Kollingvudovskiy podkhod k istorii politicheskoy mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [Collingwood's approach to the history of political thought: The formation, challenge, prospects]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 66. pp. 55–66.
6. Atnashev, T. &Velizhev, M. (2015) "Context is king": Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazykov (ot sostaviteley) [Context Is King: John Pocock, a Historian of Political Languages (from compilers)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*, 134(4). pp. 21–41.
7. Boedeker, H.E. (2010) Razmyshleniya o metode istorii ponyatiy [Reflections on the method of the history of concepts]. In: Boedeker, H.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor* [History of concepts, history of discourse, history of metaphors]. Translated from German. Moscow: NLO.
8. Koposov, N.E. (2006) Istoriya ponyatiy vchera i segodnya [The history of yesterday and today concepts]. In: *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical concepts and political ideas in Russia in the 16th – 20th centuries]. St. Petersburg: Aleteyya.
9. Miller, A.I., Sdvizhkov, D.A. & Shirle, I. (eds) (2012) *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* [Concepts about Russia: on the historical semantics of the imperial period]. Vol. 1. Moscow: NLO. pp. 5–46.
10. Atnashev, T. & Velizhev, M. (2018) *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: NLO.
11. Dmitrieev, A. (2004) Kontekst i metod (predvaritel'nye soobrazheniya ob odnoy stanovyashcheysya issledovatel'skoy industrii) [Context and method (preliminary considerations about one emerging research industry)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 66. pp. 6–16.
12. Timofeev, D.V. (2018) Teoriya i praktika istochnikovedeniya v issledovaniyakh po istorii krest'yanskogo voprosa v Rossii pervoy chetverti XIX veka [Theory and Practice of Source Study in Studies on the History of the Peasant Question in Russia in the First Quarter of the 19th Century]. In: Grishina, N.V. & Andreeva, T.A. (eds) *Mir istorika i prostranstvo istorii* [World of Historian and Space of History]. Chelyabinsk: Entsilopediya.
13. Bugrov, K.D. (2017) Applying the methods of the history of concepts to the study of 18th century Russia's political history. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* 19:1(160). pp. 160–176. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.1.013
14. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, pp. 250–296.
15. Kiselev, M. (2017) Montesquieu's treatise De L'Esprit des Lois and fundamental laws in Russia in the early 1760s. *Quaestio Rossica.* 5(4). pp. 1131–1148. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2017.4.271
16. Dukh zhurnalov. (1820) Zamechaniya na knigu Turgeneva Opyt teorii nalogov (prodolzhenie) [Commentaries on Turgenev's Experience in the Theory of Taxes (cont.)]. *Dukh zhurnalov*. 5. pp. 193–214; 6. pp. 263–286.
17. Syn Otechestva. (1820) Prodolzhenie zamechaniy na retsenziyu v Dukhe Zhurnalov pomeshchaemuyu [Commentaries for review in Dukh zhurnalov, cont.]. *Syn Otechestva*. 60(XI). pp. 207–216.
18. Otechestvennye zapiski. (1826) Nekotorye zamechaniya na opyt Teorii nalogov [Some remarks on the Experience of the Theory of Taxes]. *Otechestvennye zapiski*. 26(LXXIV). pp. 415–434.
19. Syn Otechestva. (1818) Novye knigi [New Books]. *Syn Otechestva*. 50(XLVIII). pp. 134–138.
20. Syn Otechestva. (1818) Opyt teorii nalogov, sochinennoy Nikolaem Turgenevym [The Experience of the Theory of Taxes by Nikolai Turgenev]. *Syn Otechestva*. 50(L). pp. 207–224; 50(LI). pp. 258–271.
21. Dukh zhurnalov. (1820) Zamechaniya na knigu Turgeneva Opyt teorii o nalogakh (soobshcheno) [Commentaries on the Experience of the Theory of Taxes by Nikolai Turgenev]. *Dukh zhurnalov*. 4. pp. 141–156.
22. Turgenev, N.I. (1818) *Opyt teorii nalogov* [The Experience of the Theory of Taxes]. St. Petersburg: tip. N. Grecha.
23. Syn Otechestva. (1820) Nechto o retsenzii, pomeshchennoy v 4 numere Dukha zhurnalov [Something about the review, placed in Is. 4 of Dukh zhurnalov]. *Syn Otechestva*. 60(IX). pp. 97–104.
24. Imperial Academy of Sciences. (1792) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Pt. 3. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. p. 9.
25. Imperial Academy of Sciences. (1809) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyy* [Dictionary of the Russian Academy, in alphabetical order]. Pt. 2. St. Petersburgpri Imperatorskoy Akademii nauk. p. 612.

Received: 24 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 192–198. DOI: 10.17223/15617793/436/23

УДК930.1

Н.В. Трубникова

«ПОЗВОЛИТЬ ПРОШЛОЕ КАК ИСТОРИЮ»: О ВЛИЯНИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА НА ИСТОРИОПИСАНИЕ В XXI в.

Рассматривается содержание дискуссий 2000–2010-х гг., связанных с определением познавательных возможностей исторической науки на излете эпохи постмодернизма. Последовательно анализируются ключевые понятия и векторы воздействия постмодернистской теории на сферу исторического знания. Представлен спектр современных воззрений на проблему исторической репрезентации, показан разрыв в понимании идентичности исторического знания между англо-американской и европейской гуманитарной мыслью.

Ключевые слова: постмодернизм; постструктурализм; лингвистический поворот; нарративная идентичность истории; историческая репрезентация; репрезентационализм; антирепрезентационализм; историческая эпистемология.

Одно из наиболее стойких клише, повсеместно культивируемых современной историографией последних трех десятилетий, – это констатация расцвета эпохи постмодернизма, диктующей особые культурные предпочтения и разрушающей нормы научной рациональности, которые сложились ранее. Насколько актуален этот идейный тренд на излете 2010-х гг.? Самый беглый просмотр базы Web of Science позволяет обнаружить, что более ста шестидесяти свежих и относительно новых статей о различных аспектах социогуманитарного знания имеют заголовок или аннотацию, содержащие слова «после постмодернизма». Формирующееся интеллектуальное «послевкусие» и определило исследовательский интерес, положенный в основу этой статьи: как мыслится сейчас авторами влиятельных международных научных журналов теоретическое наполнение столь пространного понятия, как «постмодернизм», и можем ли мы попробовать отследить самые заметные маркеры его влияния на исторические знания, некогда ставшие его излюбленной мишенью?

При всей многозначности определений «постмодернизм» отсылает к интеллектуальной позиции, скептически воспринявшей «проект Просвещения» и его итоги – весь опыт эпохи модернизма и все ее ценности, будь то идеи свободы или прогресса, универсальные общечеловеческие максимы или способы академического письма. В исследованиях понятие часто ассоциируется с практиками постструктурализма, однако последний, по отношению к культурным проявлениям постмодернизма большого радиуса действия, имеет более ясный теоретический фокус, замкнутый на критике только структурализма и отношений власти, с ним связанных, а не всего разнообразия современности.

Столь же близко соотносится с общим контекстом постмодернизма и понятие «лингвистического поворота», объявленного в начале 1980-х гг. рядом американских исследователей, которые, сгруппировав под своим флагом идейно разнородные работы о языке, бросили вызов представителям научного гуманитарного истеблишмента требованием пересмотра устоявшихся исследовательских практик под углом разнообразных изысканий о дискурсе. Декларация «лингвистического поворота», как метко подметил Ж. Нуарьель, являла собой тот же тип стратегии, который в свое время «Анналы» применили против «позитивистской» истории [1]. Но вместо утверждения «всякая реальность социальна, значит, социальная история и есть сумма всех возможных историй» теоретики «лингвистического поворота» заявили: «всякая реальность проявляется через посредничество языка и текстов, значит, всякое историческое исследование зависимо от рефлексии о дискурсе» [2. P. 136–137]. Таким образом, стремление к «естественному языку» научного описания было представлено как нерефлексируемый недостаток базового интеллектуального инструментария историка.

«Точкой отсчета» применения понятия «постмодернизм» в гуманитарных науках считается работа Жана-Франсуа Лиотара, подразумевавшего под ним недоверие к «метанарративам» (дословно по-французски les grand récits – «великие истории») в широком смысле [3. P. 7]. К. Илмаз усматривает три причины, почему «постмодернизм» при всей частоте употребления так и не обрел твердой дефиниции. Среди них – антиэссенциалистский и антифундаменталистский характер самого течения, сопротивляющегося любым определениям; слишком рыхлая интеллектуальная основа, включающая множество разноречивых идейных оснований; отсутствие явных идеологов, кто мог бы взять на себя смелость обобщить совокупный вектор движения и предложить ясное описание рассматриваемого явления [4. P. 780].

Современные исследователи выделяют несколько филиаций постмодернизма, оказавших на становление современной гуманитарной теоретической рефлексии вполне самостоятельное воздействие. С. Сьюзен в монографии «Постмодернистский поворот» в социальных науках» (2015) [5] выделяет, по меньшей мере, пять его измерений.

Первое из них связано с «релятивистским» поворотом в эпистемологии социальных наук, повышающим значение различных социокультурных контекстов для этого способа познания. Вторым является «интерпретативный» поворот, сосредоточенный на теме дискурса и форм текстуальности для наук о человеке. Следующим измерением постмодерна является «культурный» поворот, поставивший под сомнение использование устоявшихся социологических категорий. Он повышает значение жизненного опыта людей по сравнению с исследованиями социальных струк-

тур, формируя «культурные исследования» экзистенциального опыта там, где раньше доминировали социальные изыскания. Четвертым открытием постмодерна стал поворот от «необходимости» к «вероятности» в историографии, что подразумевало сознательный отказ от телеологических суждений, формируемых господствующими метанарративами, и провозглашало проект «открытой» и экспериментальной истории, равноудаленной от любых стереотипов академического производства предшествующей эпохи. И, наконец, пятый, «автономный», поворот в политической сфере отдал приоритет индивидуализму, процессам самоидентификации и культурным различиям в противовес общности и коммунализму, изменяя фокус интереса от макрополитических процессов государственного уровня к микромасштабным или локальным движениям.

Находя исследуемое интеллектуальное течение интересным и идейно состоявшимся, автор отмечает избыточную риторическую заостренность постмодернистской критики, (сознательно?) упускающей из виду критическую сторону саморефлексии оспариваемого модернизма. Многое из того, что провозглашалось постмодернистами как оригинальные находки, в действительности имело значительно более ранних предшественников. Так, значение непосредственного чувственного опыта, определяющего восприятие внешнего мира, важность категории историзма в интерпретации форм языка и смысловых значений, давно обсуждалось в герменевтике, недоверие к метанарративам также было свойственно нескольким направлениям и эпохам западной гуманитарной мысли [5. P. 237–240]. Постмодернизм не превзошел критический дух модернизма, но придал ему более радикальные черты, иногда довольно карикатурного вида. Эта преувеличенная реакция видна, в частности, в экстремальной озабоченности проблемами дискурса и текстологических форм академического знания.

Критикуя модернистскую приверженность культу «объективной истины» (хотя принцип релятивизма утвердился как общенаучный задолго до рассматриваемых коллизий), его критики оказались столь захвачены проблемами дискурса, что превратили социологию в культурные исследования, а историю – в форму литературы. В радикальных формах постмодернистской рефлексии история как знание, основанное на интерпретации артефактов прошлого, фактически отрицается, поскольку видится как совокупность текстов, пересекающихся в самодостаточном пространстве интертекстуальности, которое почти лишено самостоятельных пространственно-временных координат [6]. Реальность погружается в туман дискурса, в котором нет и не может быть прочных логических оснований для общей дискуссии.

С. Сьзен полагает, что размывание четких смысловых границ, определяющих конкретно-исторические измерения социального мира, по сути, влечет за собой имплицитный консерватизм сознания и воспитывает пассивное восприятие действительности. «Культурный» подход к социальной реальности, слишком ироничный и игривый, не ухватывает асимметрий власти и стратегии, применяемые элитами для удержания своих привилегированных позиций (что являлось сильной стороной структурализма). Культ крайнего индивидуализма, проблем самоопределения личности оставляет за гранью рассмотрения или, по меньшей мере, существенно обесценивает любые общезначимые вопросы.

И все же наибольшую угрозу постмодернизм представляет для истории, приглашая фабриковать интерпретации прошлого в перспективе свободного сочинительства, эссеистики и реализации различных профессиональных предпочтений, где нет места точным эпистемическим критериям, на основе которых можно было бы различать конкурирующие интерпретации. В перспективе это может привести к развенчанию историографии как проблемного поля, где ранее достигались некие академические компромиссы.

Не все исследователи усматривают во влиянии постмодернизма столь ощутимую опасность для академического знания. Д.Д. Робертс в рецензии на книгу С. Сьюзена резюмирует, что постмодернизм стал заметным культурным явлением, тяготеющим «…к крайностям, экстравагантности и чрезмерной реакции, и отчасти по этой причине он вызвал поляризацию и ответную чрезмерную реакцию. Это повлекло за собой элементы одной лишь чудаковатости, и неудивительно, что этот термин вскоре перестал пользоваться популярностью. Но многое оставалось непереваренным, и последствия и возможности постмодернистского поворота все еще не были должным образом разобраны» [7. P. 126].

Очевидно, что исследователи по-разному оценивают не только содержание, но и степень воздействия постмодернизма на социогуманитарную мысль, рефлексия о характере его теоретического влияния на историографическую сферу только начинается. Сосредоточимся же на уязвимой сути истории перед лицом ее постмодернистских критиков.

Очевидно, что история лишена непосредственного доступа к своему объекту исследования: все уже случилось в прошлом, «онтологический зазор» между реальностью и минувшим является неустранимым. Никакое исследование историка не может быть проверено непосредственным наблюдением: можно лишь сравнить его с работами других историков. При этом сами историки руководствуются традиционным «эмпирическим» методом исторического источниковедения, по-прежнему силясь восстановить прошлое, максимально близкое к тому, «каким оно было на самом деле», согласно старинной ранкеанской парадигме. Старания социальной истории в духе французских «Анналов» по внедрению «истории-проблемы» расширили проблемное поле истории, но ничего не изменили в базовом историческом методе. При этом, отстаивая свое право практиковать «ремесло историка» согласно дисциплинарным нормам, критики постмодернизма, как правило, не читают его классиков и даже, повторяя с чужих слов, приписывают им цитаты, которых те никогда не произносили [4. P. 787].

Впрочем, примеры некорректного цитирования здесь не идут ни в какое сравнение с тем, сколь небрежно и поверхностно сторонники нарративистского направления современной философии истории

подытоживают весь опыт исторической науки, рассматриваемой как некое общее течение «исторического реализма». Характерным рупором такого отношения к истории является, к примеру, журнал «Rethinking History» («Переосмыслить историю») и его редактор Алан Манслоу.

Некогда практикующий социальный историк, А. Манслоу в своих публикациях задается вопросом, выживет ли история в ее нынешнем виде, проблемы которой начинается с имплицитно провозглашаемого стремления к истине и «достоверным» репрезентациям прошлого. Как и большинство англоязычных нарративистов, автор почти не использует европейский континентальный контекст развития этой темы, без которого ни социальная история, ни сам постмодернизм не могут быть корректно представлены. Автор избирает нарративную стратегию иронии, не уставая смеяться над «наивными» историками, слепо следующими давно устаревшими тропинками традиционного исторического объяснения, сохраняя веру в то, что посредством метода документальной критики они получают «надежные» научные доказательства. Не вдаваясь в детальную критику, Манслоу противопоставляет им понятие релятивизма, хотя в реальности академического мира оно давно является одним из базовых принципов историописания, и, следовательно, не является полемическим аргументом.

Автор всецело разделяет представление о том, что история – это, прежде всего, литература, подчиняющаяся законам тропологии Х. Уайта, и, на его вкус, «…глубоко несчастливая ирония в подготовке историков состоит … в том, что они начинают с артефактов прошлого скорее, чем с механики историописания» [8. P. 557].

Однако, разбирая «механику историописания», автор не предлагает радикально новых способов осмысления прошлого, лишь призывает привнести в исследование свои субъективные ценности и получить в итоге настоящее «художественное произведение», некую разновидность исторического экспрессионизма. Вместо эпистемически наивного «исторического метода» в основу исторической работы предлагается положить эстетический и этический базис, на основе которых, вероятно, сформируется определенный исследовательский формат. С точки зрения автора, его «…рассуждение требует восстановления, реабилитации и понимания себя, позиции и субъективности внутри фигуры автора-историка» [9. P. 148] Манслоу, выражая доминирующую в постмодернистской историографии позицию, ратует за «наполненную сюжетом» историю, «history as story», в попытке дискредитировать сложившуюся академическую традицию историографии как «эпистемически» несостоятельную.

И все же, как бы не была велика пропасть непонимания между адептами постмодернизма и носителями более традиционного исторического знания, наиболее тесно и продуктивно его теоретические новации и «реалистически» ориентированные исследования смыкаются на обширном поле теории конструктивизма. По отношению к истории это общее направление питают различные концепции. Одни авторы, подобно А. Манслоу (носители нарративного, или риторического, подхода к истории), признавая свободу творчества историка, сосредоточены на литературном измерении, фиксируя жанровое сходство и даже родство целеполагания у авторов исторических и художественных произведений. Другие авторы (сторонники философского направления лингвистического поворота, многие из которых черпают вдохновение в трудах немецкого историка и философа Р. Козеллека) сосредоточены на анализе семантики исторических текстов, в которой выражаются более общие отношения мира и языка, они проверяют значение смыслов и выражений, определяя некие «условия истины», на основе которых кристаллизуется определенный исторический опыт [10].

Именно последняя разновидность конструктивистских воззрений логически комплиментарна с исследовательскими стратегиями обновленной социальной истории, поскольку активно использует понятие исторической репрезентации, хотя и отрицает концепцию «наивно реалистического» видения прошлого. Однако здесь следует ясно заявить: с момента всемирного информационного триумфа французских «Анналов» 1960–1970-х гг. профессиональное сообщество историков совсем не рассматривает свое производство как прямое отражение реальности прошлого. Так, например, Роже Шартье ясно пишет о том, что ни один текст, сколь бы «объективными» не были ментальные установки и исследовательские процедуры автора, не поддерживает прозрачной связи с реальностью, поскольку подчиняется определенным условиям производства, литературным стилям эпохи, логике восприятия, формирующим конкретно-историческую ситуацию его написания [11. P. 58–59].

Исследователь Е. Зеленак посвятил рефлексии о репрезентационализме и антирепрезентационализме современной исторической мысли отдельную статью [12]. Если первое направление стремится модернизировать традиционное видение прошлого историками, то второе полностью отрицает само понятие исторической репрезентации, хотя и предлагает взамен нечто другое.

Репрезентационализм заменяет «двухслойную» репрезентацию, приписываемую автором историкам (прошлое плюс текст), на трехслойную, добавляя в качестве посредника процесс авторской интерпретации. «Согласно двухуровнему видению, исторический текст прямо описывает события прошлого, он обеспечивает простое и ясное описание определенной части прошлого», в то время как трехслойное исследование текста уже не является зеркалом прошлого, связь между ними усложняется. «Наивный» подход является атомистическим, нацеленным на анализ отдельных событий, с которыми связаны устоявшиеся в историографическом производстве сентенции. Обновленный подход, основанный на репрезентации, – холистический, он руководствуется принципом «сверху вниз», он организует всю совокупность формируемых представлений, признавая «взаимоотношения суждений, которые образуют историческую репрезентацию, и различные утверждения «второго плана» [12. P. 214–215]. Нет никакого исторического источника, который

бы прямо транслировал себя в то или иное суждение: напротив, всякое суждение должно рассматриваться в свете целостного описания исследуемой темы, которое пытается объяснить этот исторический источник. Необходимо брать в расчет фундаментальные теоретические основания и прочие соображения, которые образуют репрезентацию и определяют использование историками смыслообразующих терминов. Исторические образы всегда ретроспективны и многослойны, они улавливают не только само рассматриваемое событие в прошлом, но и все последующие события, которые используют опыт и память об этом событии.

В подтверждение своих мыслей, автор приводит в пример корифеев теоретической рефлексии: А. Данто в своих трудах исследовал нарративные утверждения, приходя к выводу, что историк не может считаться «идеальным свидетелем», поскольку наделяет рассматриваемое событие значением с точки зрения последующих событий, а также иных подспудных смыслов.

Л.О. Минк задавался вопросом, как историческое исследование остается исследованием фактов, будучи при этом нарративом. То есть история представляет собой не просто последовательность событий во времени, но особую «конфигурационную модель понимания», восприятие объекта как сети отношений, обозреваемых как поток реки с высоты «птичьего полета». Наконец, Ф. Анкерсмит в труде «Историческая репрезентация» (2001) описывает процесс ее создания как преодоление зазора между целостным историческим текстом (язык) и прошлым (мир) посредством оригинальной исторической интерпретации [12. P. 216–217].

Представленная структура исторической репрезентации сомнений не вызывает. Интересно лишь, где и когда существовали столь «наивные двухслойные» троглодиты-историки, отзеркаливающие прошлое, которых упоминает Е. Зеленак? Мишель де Серто, являясь большим эрудитом и мастером источниковедения, еще в начале 1970-х с сожалением писал о том, что чем больше он погружался в изучение прошлого, тем более убеждался в его инаковости и недоступности для настоящего: «Оно ускользало от меня, или, скорее, я начинал осознавать, что оно от меня ускользает. Именно с этого момента, всегда размещенного во времени, датируется рождение историка. Именно это отсутствие образует исторический дискурс» [13. P. 29]. *Рождение историка начинается именно с понимания «разрыва» связи времен, который надо попытаться как-то преодолеть.*

Более ста лет назад незаслуженно третируемый «Анналами» Шарль Сеньобос предостерегал юношество по поводу «непроницаемой» аутентичной сути исторического источника, имеющего для потомков «полумагический» характер. Архивные документы отражают лишь символическую суть, они нестабильны и призрачны, « … могут когда-либо быть собраны вместе только посредством цементирующей силы воображения» [14. P. 35]. Разве здесь применима метафора простого зеркала?

Противоположное течение антирепрезентационализма ориентировано прежде всего на критику своего визави, с использованием следующих аргументов.

1. Репрезентационализм здесь оценивается как нечто близкое «наивному подходу» к истории, отрицается идея того, что репрезентация способна «схватывать», пусть опосредованно и сложно, образ прошлого.

2. В стане «лингвистического поворота» нет единодушия в определении «среднего слоя» репрезентации – посредника между прошлым и его отражением. Даже корифей теории исторической репрезентации Ф. Анкерсмит использует в работах разного времени термины «образ», «картина», «точка зрения», «тезис», «интерпретация» и, наконец, «аспект», который «сам является частью этого мира». Предлагается использовать этот уровень репрезентации лишь в эпистемическом, общетеоретическом ключе, что делает связанное с ним понятие неясным и мало операбельным.

3. Критики признают искусственной и недостаточно продуктивной дуалистическую структуру рассуждения о репрезентации, которая делит исторический текст на «что?» и «как?», форму и содержание. Каковы пределы их сочетаемости в дискурсе о прошлом? Бывает ли бесформенное содержание и бессодержательная форма? Можно ли любую форму наделить любым содержанием? Есть ли содержание с невыразимой природой? [12. P. 216–217].

Основная критика исторического репрезентационализма для автора статьи наиболее явно концентрируется в трудах П.А. Рота и Дж.-М. Куукканена. Первый из них предлагает пересмотреть привычные предзаданные категории типа «нация», «раса», «государство», «класс» и т.д. Необходимо понять, что положено в основу этих классификаций, каким образом эти ключевые слова закрепляются в групповом сознании человечества. Должен быть пересмотрен сам способ созидания исторического знания, в котором отнюдь не реальность или исторические источники формируют категории мышления – все происходит с точностью до наоборот, побуждая к изучению сложившихся когнитивных компромиссов, вербальных конвенций, которые и позволяют создавать те или иные исследовательские практики. Добавлю, что последние труды П.А. Рота более детально привязаны к содержанию исторической репрезентации в попытке совместить исследование законов нарративной структуры повествования, с одной стороны, и логической рациональности полученных выводов, с другой, или, иными словами, согласовать процедуры исторического описания и объяснения [15].

Для Дж.-М. Куукканена история – это дискурсивная практика, целью которой является реализация стратегии аргументации за или против какого-то тезиса, а отнюдь не репрезентация истории при посредничестве историка. С его точки зрения, представленной в одной из новых работ, основной проблемой как современной философии истории, так и историографии является поиск принципиально нового способа ранжирования различных интерпретаций прошлого, в котором бы не оценивалась их «истинность» в терминах соответствия или правдоподобия, что характерно для традиции исторического реализма. «Адекватной» теории оценки историографии с точки зрения нарративистского понимания философии истории до сих пор не создано. Лучше анализировать историографическое

производство в свете общей традиции представления исторических воззрений и тезисов о прошлом, рассматривая их не как «истинные», но как «оправданные» или «подходящие». Всякий историк стремится произвести как можно более разумно обоснованное и убедительное изображение прошлого, однако его рациональная целесообразность зависит одновременно от трех измерений когнитивной оценки: эпистемического, риторического и дискурсивного [16].

Таким образом, антирепрезентационализм отвергает способность исторического исследования формировать отражения прошлого и многократно повышает значение творческой функции самого историка. Предложенный подход сводит работу исторической реконструкции всего лишь к мнениям, интерпретациям, оригинальным утверждениям и аргументативным стратегиям, не имеющим прямого отношения к репрезентациям прошлого. При этом искусство интерпретации наделяется высоким самостоятельным значением, не сводимым к роли посредника или инструмента, которые были бы нужны для того, чтобы как-то приблизить нас к прошлому.

Антирепрезентационализм чужд идее, что исторические работы эпистемически связаны с прошлым, что исторические репрезентации соответствуют прошлому (как в классическом историческом реализме) или непрямо представляют его (как в репрезентационализме). Е. Зеленак, защищая право на существование «эпистемологии соответствия» прошлого его историческим репрезентациям, возражает Куукканену, что репрезентационалисты вовсе не так наивны, как он их изображает. Но ведь и «наивные историки» не столь эпистемологически невинны, как их изображают репрезентационалисты? Похоже, этот тип дискуссии, в котором каждый возражает лишь воображаемому призраку своего оппонента без всякой обратной связи, совсем не имеет намерения достичь какого-то общего понимания или идейного компромисса.

И все же автор наделяет антирепрезентационализм определенным познавательным значением: «Авторы как Рот и Куукканен не должны быть поняты как утверждающие, что прошлого нет, скорее, как говорящие, что прошлое не играет той роли, которую понятие репрезентации заставляет его играть» [12. P. 224].

Англоязычная постмодернистская дискуссия об эпистемических основах исторического знания, к сожалению, замкнута в рамках очень узкого круга участников, имеющих малое представление как о своих оппонентах, так и о содержании уже состоявшихся (и нередко судьбоносных!) иноязычных дискуссий на указанные темы (как если бы их никогда и не было), совсем не стремясь к подлинному диалогу с историками или к поиску компромиссов. Немалая часть оппозиций о познавательной способности истории была разрешена Полем Рикёром, который, несмотря на всемирную известность, ни разу (!) не был процитирован ни одним из вышеупомянутых авторов. Между тем именно этот французский мыслитель смог предложить непротиворечивое представление об идентичности историка и его праве на научную легитимность, основанное на отказе от перспективы разделения исторического исследования на «научное» или «субъективистское» направление. Уникальная специфичность труда историка, по мнению Рикёра, состоит в необходимости сохранять динамическое равновесие между объективностью рудиментов прошлого и субъективностью прочих факторов, привносимых историком, между объяснением и описанием.

Историческое объяснение всегда апеллирует к объективности, которая у историка реализуется в мастерстве документальной критики. Другая часть доказательной рационализации коренится в способности к пониманию в категориях герменевтики, умении выделять причинно-следственные отношения, используя методы логической дедукции. Однако историческая объективность всегда остается незавершенной и «уравновешивается» субъективностью личности историка, которая проявляется на многих уровнях исследования, от выбора предмета до окончательных выводов. История к тому же всегда остается попыткой «перевода» прошлого на язык современности, делающего воссоздание «аутентичного» прошлого невозможным, что прекрасно осознает всякий, даже наиболее «эпистемически неискушенный» историк. Исследователь преодолевает «онтологический зазор» между собой и прошлым с помощью исторического воображения.

В своем последнем труде «Память, история, забвение», описывая двойственную природу исторического знания, Рикёр объяснил разницу между историей и литературой, описав трехступенчатую структуру исторического исследования. На первом «архивном» этапе историк преобразует память, превращая свидетельства прошлого в исторические источники посредством документальной критики. На втором этапе историк реализует задачу понимания и объяснения, что по объему привлекаемых средств рационализации и моделирования превосходит понятие интерпретации, созданное в герменевтике. На третьем этапе исторического исследования формируется целостная историческая репрезентация, и лишь здесь основной для автора становится проблема нарративной формы и стратегии аргументации. Откликаясь на постмодернистские дискуссии, Рикёр изобретает понятие «répresentance» («вновь-присутствие») в противопоставление устоявшемуся «représentation» (репрезентация, «вновь-представление») [17. P. 359–369]. Игра слов подчеркивает разницу между игрой воображения у писателя и репрезентацией у историка: последний повествует о ситуациях и персонажах, которые реально существовали ранее, независимо от того, кто и когда решил о них рассказать. П. Рикёр предостерегает против перехода через эпистемологическую черту, разделяющую исторический дискурс и другие формы повествования.

Оставаясь нарративистом и убедительно демонстрируя в своем труде «Время и рассказ» принципиальную невозможность для историка освободиться от принуждений литературной формы, Рикёр пишет о своеобразном «многоголосии» исторического повествования, формирующего «четырехугольник дискурса»: носителя события речи; его собеседника, ибо любой дискурс диалогичен; смысла, передаваемого дис-

курсом; предмета обсуждения, внешнего по отношению к дискурсу. Однако интерес к «нарративной идентичности» истории отнюдь не отменял для автора основного стремления историка к объективности, которая остается главным средством противодействия все формам манипуляции памятью о прошлом [18].

Таким образом, реагируя на современные дискуссии о познавательных способностях истории, историку, на наш взгляд, следует оставаться на позиции «критического реализма», чтобы сформировать, выбирая из многих равнозначных подходов, собственную исследовательскую методологию. Эта перспектива будет поддерживать эпистемологически состоятельную способность истории анализировать прошлое, рассматривая его как самостоятельную по отношению к дискурсу реальность, но не отвергая плодотворные возможности дискурсивного анализа. Именно так должна завершиться для историка эпоха постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубникова Н.В. Ревизия наследия позитивизма в современной французской историографии // Известия Томского политехнического университета. 2006. № 6, Т. 309. С. 206–210.
2. Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. P. : Ed. Belin, 1996.
3. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. P. : Les Editions des Minuits, 1979.
4. Yilmaz K. Postmodernism and its Challenge to the Discipline of History: Implications for History Education // Educational Philosophy and Theory. 2010. № 7, Vol. 42. P. 779–795.
5. Susen S. The «Postmodern Turn» in the Social Sciences. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
6. Asdal K., Jordheim H. Texts on the move: textuality and historicity revisited // History and Theory. 2018. № 1, Vol. 57. P. 56–74.
7. Roberts D.D. Postmodernism, social science, and history: returning to an unfinished agenda // History and Theory. 2017. № 1, Vol. 56. P. 114–126.
8. Munslow A. Thoughts on authoring the past as history // Rethinking History. 2016. № 4 (20). P. 556–585.
9. Munslow A. The Future of History. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010.
10. Ageeva V.V., Trubnikova N.V. Discourse analysis and the «History of notions» of Reinhardt Koselleck in the adoption of the contemporary Western historiography // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 2 (6). [P. 27–30]. URL: https://dx.doi.org/10.18454/RULB.6.20
11. Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre cértitude et inquiétude. P. : A. Michel, 1998.
12. Zeleňák E. Two versions of a constructivist view of historical work // History and Theory. 2015. Vol. 54. P. 209–225.
13. Dosse F. Paul Ricoeur, Michel de Certeau. L'Histoire : entre le dire et le faire. P. : L'Herne, 2006.
14. Seignobos C. La Méthode historique appliquée aux sciences sociales. P. : Félix Alcan, 1901.
15. Roth P.A. Essentially narrative explanations // Studies in history and philosophy of science. 2017. Vol. 62. P. 42–50.
16. Kuukkanen J.M. Why we need to move from truth-functionality to performativity in historiography // History and Theory. 2015. Vol. 54, iss. 2. P. 226–243.
17. Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. P. : Le Seuil, 2000. P. 359–369.
18. Trubnikova N.V. Modern historical epistemology through the prism of Paul Ricoeur' transactions // SHS Web of Conferences. Les Ulis: EDP Sciences. 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). URL: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801140 http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33042

Статья представлена научной редакцией «История» 29 августа 2018 г.

"TO ALLOW THE PAST AS A HISTORY": ON THE INFLUENCE OF POSTMODERNISM ON HISTORIOGRAPHY IN THE 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 192–198.
DOI: 10.17223/15617793/436/23

Natalia V. Trubnikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru

Keywords: postmodernism; poststructuralism; linguistic turn; narrative identity of history; historical representation; representationalism; nonrepresentationalism; historical epistemology.

The article deals with the content of historiographical discussions of 2000–2010, associated with the identifying of historical science gnostic possibilities at the end of the postmodernism epoch. The research is carried out using problematic-chronological and comparative methods with elements of content analysis. The contribution of postmodernism to the development of humanitarian knowledge and, more specifically, of historical knowledge, primarily affects the sphere of the narrative identity of history. Analysts estimate this process in different ways, from sharply negative assessments to reservedly neutral ones. The main point of the proposals for transforming the "historian's craft" comes down to increasing the value of his creative function, which could impart an experimental nature to this kind of knowledge. Participants in the English-language discussion on the gnostic abilities of history are clearly divided into two groups. The first one includes supporters of a narrative, or rhetorical approach to history, they recognize the freedom of the historian's creativity, focus on the literary dimension, fix the genre similarity and even close goal-setting of the authors of historical writings and fiction. The second group represents the philosophical direction of the linguistic turn. It focuses on the analysis of historical texts semantics, in which the more general relations of the world and language are expressed. It tests the sense of meanings and expressions, determines certain "conditions of truth" on the basis of which certain historical experience crystallizes. However, a more significant demarcation of the postmodernists' camp goes along the line of attitude to the problem of historical representations. Supporters of representationalism, usually appertaining to the philosophical direction of the linguistic turn, write about the ability of the historian to indirectly reflect the past through the refraction of his own art of interpretation. The adepts of nonrepresentationalism (most often representing a narrative direction) believe that historical representation essentially represents only the author's argumentative strategy, which should persuade of the validity of his conclusions, and which has nothing to do with the past. The author comes to a conclusion that all participants in the English-speaking discussion about the epistemic nature of history are surprisingly deaf in relation to the achievements of European humane thought, in particular, of Paul Ricoeur. The latter was able to overcome the contradictions of historical knowledge in question between description and explanation, past and present, objectivity and subjectivity. He substantiated the irreconcilably ambivalent character of historical scholarship and showed, by no means denying the narrative essence of history, where the epistemological barrier passes between historical research and literary oeuvre.

REFERENCES

1. Trubnikova, N.V. (2006) Revision of the heritage of positivism in the contemporary French historiography research. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 6(309). pp. 206–210. (In Russian).
2. Noiriel, G. (1996) *Sur la crise de l'histoire* [On the crisis of history]. Paris: Ed. Belin.
3. Lyotard, J.-F. (1979) *La condition postmoderne* [The postmodern condition]. Paris: Les Editions des Minuits.
4. Yilmaz, K. (2010) Postmodernism and its Challenge to the Discipline of History: Implications for History Education. *Educational Philosophy and Theory*. 7(42). pp. 779–795. DOI: 10.1111/j.1469-5812.2009.00525.x
5. Susen, S. (2015) *The "Postmodern Turn" in the Social Sciences*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
6. Asdal, K. & Jordheim, H. (2018) Texts on the move: textuality and historicity revisited. *History and Theory*. 1(57). pp. 56–74. DOI: 10.1111/hith.12046
7. Roberts, D.D. (2017) Postmodernism, social science, and history: returning to an unfinished agenda. *History and Theory*. 1(56). pp. 114–126. DOI: 10.1111/hith.12008
8. Munslow, A. (2016) Thoughts on authoring the past as history. *Rethinking History*. 4(20). pp. 556–585. DOI: 10.1080/13642529.2016.1218136
9. Munslow, A. (2010) *The Future of History*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
10. Ageeva, V.V. & Trubnikova, N.V. (2016) Discourse analysis and the "History of notions" of Reinhardt Koselleck in the adoption of the contemporary Western historiography. *Russian Linguistic Bulletin*. 2 (6). pp. 27–30. DOI: 10.18454/RULB.6.20
11. Chartier, R. (1998) *Au bord de la falaise. L'histoire entre cértitude et inquiétude* [At the edge of the cliff. History between certitude and anxiety]. Paris: A. Michel.
12. Zeleňák, E. (2015) Two versions of a constructivist view of historical work. *History and Theory*. 54. pp. 209–225. DOI: 10.1111/hith.10754
13. Dosse, F., Ricoeur, P. & Michel de Certeau. (2006) *L'Histoire: entre le dire et le faire* [History: Between Saying It and Doing It]. Paris: L'Herne.
14. Seignobos, C. (1901) *La Méthode historique appliquée aux sciences sociales* [The historical method applied to the social sciences]. Paris: Félix Alcan.
15. Roth, P.A. (2017) Essentially narrative explanations. *Studies in History and Philosophy of Science*. 62. pp. 42–50. DOI: 10.1016/j.shpsa.2017.03.008
16. Kuukkanen, J.M. (2015) Why we need to move from truth-functionality to performativity in historiography. *History and Theory*. 54(2). pp. 226–243. DOI: 10.1111/hith.10755
17. Ricoeur, P. (2000) *La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli* [Memory, History, Forgetting]. Paris: Le Seuil. pp. 359–369.
18. Trubnikova, N.V. (2016) Modern historical epistemology through the prism of Paul Ricoeur' transactions. *SHS Web of Conferences*. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). Les Ulis: EDP Sciences. [Online] Available from: http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33042. DOI: 10.1051/shsconf/20162801140

Received: 29 August 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 199–212. DOI: 10.17223/15617793/436/24

УДК 930

Джеймс М. Уайт

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБЗОР АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1991–2017)

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект) № 17-18-01194.

Представлен обзор англоязычной историографии с 1991 г. по теме религиозных меньшинств в Российской империи. Статья разделена на четыре тематических раздела: общие обзорные работы; труды, посвященные инославным христианским конфессиям; нехристианским конфессиям (ислам, иудаизм, буддизм, политеизм); русскому религиозному расколу. В заключении подведены итоги, выделены слабые и сильные стороны исследований и намечены перспективные направления для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: религиозные меньшинства; Российская империя; Иудаизм; Ислам; Буддизм; конфессии.

Введение

До распада Советского Союза в 1991 г. религиозное измерение имперской России было крайне слабо изучено как англоговорящими историками, так и западными учеными вообще. Это касалось не только положения религиозных меньшинств, но и самой православной церкви [1, 2]. Работы по этим взаимосвязанным темам (весьма сложно писать о религиозных меньшинствах без упоминания русского православного большинства) появлялись спорадически и потому не представляли собой постоянный исследовательский проект. Трудности доступа к архивным источникам зачастую приводили к неточным предположениям, общим широким обобщениям и повторению штампов, взятых из ранее опубликованной документации. В контексте холодной войны на англоязычную историографию непосредственное влияние оказывала советология, которая в основном была сфокусирована на том, как действовала идеология в Советском Союзе, а также стремилась понять природу внешней политики и военной стратегии СССР. Изучение же России московского (допетровского) и имперского периодов было посвящено природе и функционированию самодержавного абсолютизма и российским историческим геополитическим целям. Исключением стала работа Роберта О. Крамми о старообрядческой Выговской общине [3].

Не меньшее влияние на ученых оказывали и другие важные научные тренды: спад интереса к политической истории в 1950-х гг. и усиление внимания к социальной истории в 1960–1970-е гг. привлекали внимание специалистов соответственно к лидерам империи и к рабочим и крестьянам. Религии, когда о ней упоминали, не придавали особого значения или рассматривали в рамках марксистского подхода. Наконец, как отмечал Аргириос К. Писиотис по поводу изучения русского православия, история российской религии затруднялась «множеством взаимопроникающих антирелигиозных и антиклерикальных предубеждений, модных в России и Европе во второй половине XIX в.» [4. С. 56]: эти секуляристские суждения интеллектуально-атеистического толка долгое время оказывали влияние на западное академическое сообщество.

Ситуация начала меняться в 1980-е гг. Новаторские работы Грегори Фриза, посвященные духовенству [5–7], разрушали многие долгоживущие предрассудки о церкви и открывали дорогу для нового поколения исследователей. Подъем истории культуры в 1980-е гг. возродил интерес к научному изучению истории религии, которое ожидаемо привело к объединению новой культурной истории с антропологией. Расцвет направления исследований, связанного с этой новой тенденцией, привел к ряду концептуальных инноваций, например, к опровержению дихотомии между элитарной и народной религией, зачастую приводившей к негативной оценке в отношении первой и снисходительности в отношении второй [8–10]. Не менее влиятельной была «новая имперская история». Под влиянием постструктуралистов и исследований постколониализма ученые перешли от изучения политической и экономической истории империи к исследованиям культурного измерения империи [11]. В 1991 г. распад Советского Союза облегчил работу с архивными фондами иностранных специалистов, позволив им получить доступ к огромным массивам неопубликованного материала. Результатом этих процессов стало создание междисциплинарного исследовательского поля, занятого изучением истории религиозных меньшинств в России. Такие исследования сосредотачивались не только на связях меньшинств с Российским имперским государством, но и на их социально-религиозной жизни, их отношениях с собственными управляющими структурами, а также на том, как они жили бок о бок с представителями других конфессий. В настоящее время практически каждому религиозному движению, существовавшему в Российской империи, посвящена хотя бы одна публикация в высокорейтинговом журнале, а большинству конфессий посвящены ряд монографий и диссертаций.

Обзор, предлагаемый в данной статье, не первый в своем роде [12] и его нельзя назвать абсолютно исчерпывающим. Его цель – познакомить русскоговорящих историков с современным состоянием исследований в англоязычном мире, провести критический анализ концептуальных и методологических подходов, показать их сильные и слабые стороны, а также наметить перспективные, на наш взгляд, направления дальнейших исследований. Обзор разделен на четыре части: обзорные работы; труды, посвященные ино-

славным христианским конфессиям; нехристианским конфессиям (ислам, иудаизм, буддизм, политеизм); русскому религиозному расколу.

Обзорные работы

Первое обобщающее исследование в XXI в. по рассматриваемой тематике появилось в 2014 г., что неудивительно, учитывая непродолжительное время существования этого исследовательского направления. Благодаря работам многих ученых в последние 25 лет, отдельные религиозные меньшинства были изучены весьма тщательно, что позволило появиться обзорному труду Пола Верта *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* [13]. Это продолжение систематизации исследований по религиозным меньшинствам в Российской империи, представленной ранее в антологии, составленной Робертом Герачи и Майклом Ходарковский [14], а также в статьях Питера Уолдрона [15] и Лоры Энгельштейн [16]. Несмотря на то, что Герачи и Ходарковский привлекли бесценный материал с мест, собранный рядом авторов (о многих из них будет сказано ниже), существенным недостатком их работы является недостаточное стремление к полной систематизации собранного материала и вследствие этого отсутствие целостной картины. Статьи Уолдрона и Энгельштейн интересны в плане полезных концептуализаций (среди прочего можно отметить их замечания о существовании иерархии терпимых вероисповеданий, которую имперское правительство использовало для усиления контроля над религиозными меньшинствами и реакции на изменения ситуации в стране), однако их подход был несколько ограничен: в качестве источников они использовали в основном официальное законодательство Российской империи, а также материалы, в которых нашли отражение споры в правительственной среде и в обществе. В этом состоит существенное отличие от книги Верта, в которой рассматриваются не только законодательные, бюрократические и интеллектуальные споры о положении религиозных меньшинств, но и свидетельства, отражающие опыт собственно различных религиозных групп. Этот подход позволяет систематизировать и обобщать сведения внутри одной работы, а также проводить тщательный анализ постоянно развивавшегося управления религиозными вопросами на протяжении столетий существования империи.

Российские специалисты, несомненно, знакомы с работами Верта, в особенности со сборником его трудов, опубликованном под заглавием «*Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российскои Империи*». В настоящее время он – профессор в университете Невады и редактор престижного журнала «Kritika», автор четырех книг, редактор коллективной монографии, 15 статей в ведущих журналах, 15 глав в коллективных трудах и четырех обзоров литературы. Все это составило солидный фундамент для книги «*The Tsar's Foreign Faiths» («Иностранные вероисповедания в царское время»),* где Вертом представлены выводы по итогам двадцати лет исследовательской деятельности.

В этой книге Верт утверждает, что эволюция имперского управления религиозным плюрализмом была обусловлена сложной диалектикой между двумя силами. С одной стороны, это был «миссионерский импульс»: официальной религией империи (или как тогда ее называли «господствующей») было православие, представленное Русской православной церковью. Следствием этого было стремление к обращению подданных в православие, что должно было гарантировать внутреннюю стабильность, посредством перехода к конфессиональному единообразию. Однако этот импульс всегда ограничивался нехваткой бюрократических ресурсов на окраинах и опасениями, что миссионерские кампании могут спровоцировать волнения или даже восстание. Этот императив к толерантности был облечен в то, что Верт назвал «мультиконфессиональной системой» ('*multiconfessional establishment*'), серией гибких законодательных и институциональных распоряжений, целью которых было «привязать» верхушку неправославных конфессий к центральным государственным органам. Подобная система давала государству значительное пространство для маневра, позволяя ему предоставлять привилегии или накладывать ограничения в зависимости от ситуации. Как пишет Верт, эти меры даже позволили государству поддерживать раскольнические движения внутри неправославных религий, когда это было желательно.

В то же время мультиконфессиональной системе противостоял не только миссионерский импульс. В XIX в. растущая популярность принципа свободы совести размывала основания мультиконфессиональной системы, поскольку в рамках этого принципа религия рассматривалась как личное дело каждого, а государственное вмешательство в дела религии исключалось. Точно так же рост национализма размывал использование религии как категории управления, поскольку идентичность стала в большей степени определяться национальностью и языком, а не вероисповеданием. Так, несмотря на несомненные успехи в применении гибких способов управления огромной и разнообразной империей в XIX в., мультиконфессиональная система становилась все больше анахронизмом по мере того, как империя двигалась к своему краху в 1917 г.

Приведенная концепция представляется очень ценным инструментом для объяснения и интерпретации, демонстрирующим, как религия, занимавшая центральное положение в истории Российской империи, постепенно отходила на второй план под влиянием сил модерности. Богатый архивный материал, собранный автором, и огромное разнообразие примеров (от Армянской Апостольской церкви до бурятского буддизма) означает, что эта работа стала своего рода эталоном исследования на определенное время. Однако и эта работа небезупречна. Одной из лакун в работе, что признает и сам Верт, – является отсутствие раздела о старообрядцах. В определенной мере это оправдано. Старообрядцы не входили в мультиконфессиональную систему (не были официально признанной конфессией). Они сумели добиться этого только в апреле 1905 г. согласно указу об укреплении

начал веротерпимости, и даже после этого староверы во многих случаях испытывали трудности с окончательным признанием законности их веры. В любом случае необходимо проведение дополнительных исследований, чтобы понять, возможно ли применять выводы Верта в отношении русских старообрядцев и какие изменения нужно внести в его концепцию для включения в нее староверов.

Инославные конфессии

Естественно предположить, что англоговорящие историки много писали о католицизме и протестантизме в Российской империи, так как они должны быть лучше осведомлены об этих религиях. Тем не менее, в сравнении с исламом и иудаизмом, о западном христианстве написано поразительно мало. В частности, совсем немного работ, посвященных протестантизму в России. Главная работа по лютеранству – это небольшая статья Грегори Фриза [18]. Существенное дополнение в изучение вопроса внесла докторская диссертация Карен Вебер о преследованиях лютеранских пасторов в позднеимперской России [19]. Также можно отметить весомый вклад диссертации Джеймса Райана о переходе прибалтийских крестьян в православие [20], статьи Саймона Диксона о деятельности архиепископа Сергия (Страгородского) по преимуществу в лютеранском великом княжестве Финляндском [21], а также двух работ Ирины Пярт о школах в поликонфессиональной Прибалтике [22, 23]. Удивительно, что таких исследований немного, учитывая значимость и заметность лютеранских прибалтийских элит в имперском правительстве и относительную доступность архивов центральной лютеранской консистории. Лишь некоторые из этих публикаций посвящены непосредственно лютеранству, для большей части работ характерен взгляд со стороны православной церкви и ее различных миссионерских и образовательных усилий. Относительно подробный обзор истории лютеран в Российской империи можно найти в немецкой литературе [24].

Общий обзор истории католицизма в России (от позднего Средневековья до постсоветского периода) был выполнен Деннисом Дж. Данном [25]. Михаилу Долбилову, крупному специалисту по истории религии в западных провинциях империи, принадлежит обзорная работа о католицизме в эпоху Достоевского [26], а Роберту Блобауму – глава о польской католической церкви в революции 1905 г. [27]. Внутри широкой темы католицизма выделяются несколько работ по более частной проблематике. Например, труд Уильяма А. Джеймса о роли иезуитов в основании школ в Российской империи [28].

Ряд исследователей рассматривали вопросы жизни католиков в России и их отношения с Российским государством через биографии отдельных личностей [29–31]. Политика руссификации в отношении католиков Российской империи, начатая в ходе польского восстания 1863–1864 гг. и приведшая к сокращению привилегий Римской церкви, рассматривалась Теодором Р. Уиксом [32, 33] и Дариусом Сталиунасом [34]. Работы Уикса посвящены западным территориям вообще, а Сталиунас фокусируется на литовских и белорусских случаях.

Из-за православных обрядов униаты (или грекокатолики) не могли пользоваться тем же уровнем терпимости, что и католическая церковь. Более того, несколько «унификаций» было предпринято в конце XVIII–XIX вв., чтобы вернуть униатов обратно в православную церковь [35, 36]. Здесь особенно важна книга Барбары Скиннер о развитии особой униатской конфессии и преследованиях униатов в эпоху Екатерины II [37]. Эта работа интересна по ряду причин: во-первых, Скиннер применяет концепцию конфессионализации в отношении униатской церкви, чтобы проанализировать ее трансформацию в определенную религиозную организацию и сопутствующий процесс построения идентичности; во-вторых, ее работа показывает, что для эпохи Екатерины II, в основном ассоциируемой с ростом веротерпимости, также были характерны и религиозные преследований [38].

Довольно мало трудов посвящено армянской Григорианской церкви, вероятно, вследствие того, что необходимый уровень владения армянским языком – редкий навык на западе. Тем не менее в работе Пола Верта есть замечательный сюжет на основе русскоязычных источников, посвященный реакции армянских католикосов на изменения приоритетов внешней политики Российской империи. Османская угроза, по словам Верта, сделала возможным для католикосов противостоять предписаниям и требованиям Российского государства и, в конечном итоге, вынудила конфисковать недвижимость армянской церкви в 1903 г. [39]. Этот кризис в отношениях между католикосом и русским правительством подробно разбирается в новой работе Онура Ёнола об Армении в поздней Российской империи [40. С. 17–26; 71–100]. Будем надеяться, что в скором времени появятся и подробные работы по истории Армянской григорианской церкви в XIX в.

Иудеи, мусульмане, буддисты и политеисты

Множество высококлассных работ написано об иудеях Российской империи. В настоящее время в этой области остается довольно мало тем, незатронутых исследователями. В качестве примера можно привести ряд обстоятельных работ по иудеям в городах (особенно в Киеве и Одессе) [41–44], в музыке [45], образовании и благотворительности [46], издательской деятельности [47], об особенностях их браков [48], эмиграции в Норвегии [49] и обращении в православие [50]. В большом количестве представлены и переводы источников. В частности, заслуживает внимания антология, подготовленная Керэн Фриз и Джеем М. Харрисом, в которой опубликовано множество переведенных документов по разным аспектам повседневной жизни иудеев Российской империи (вопросы перехода в православие, школы, труда, секса и т.д.) [51]. Наиболее важными общими работами по взаимоотношениям иудеев с Российским государством можно признать обширное исследование Бенджамина Нэтанса по контактам русских и евреев за пределами черты оседлости (в городском простран-

стве Санкт-Петербурга, в российских университетах, их роли в законодательной системе) [52], а также работу Юджина М. Аврутина, основное внимание которой сосредоточено на том, как имперское правительство определяло принадлежность к иудейству [53].

Поражает, что в центре подобных исследований находятся неспокойное соседство, а иногда и жестокие столкновения между иудеями и христианами в России. Исследования судов по кровавому навету (судебные процессы, сопровождавшиеся обвинениями против иудеев, якобы убивающих христиан, чтобы получить их кровь для религиозных ритуалов) в последнее время были практически поставлены на поток: две книги были опубликованы в течение двух лет по знаменитому делу Менделя Бейлиса 1913 г. [54, 55]. Юджин М. Аврутин исследовал менее известное Велижское дело 1820–1830-х гг. (самое долгое дело по кровавому навету в европейской истории) и стал одним из редакторов сборника, где в сравнительной перспективе приводится ряд дел по кровавому навету в Восточной Европе [56, 57]. Не ослабевает интерес исследователей и к теме погромов. Хороший фундамент для исследований этой темы был заложен в сборнике научных статей Джона Дойла Клиера и Шломо Ламброзы [58]. Важность этого сборника подтверждается еще и тем, что он выдержал несколько переизданий, а недавно был переведен на русский язык [59]. Клиер также подытожил десятилетия исследований в работе, посвященной погромам 1881–1882 гг. [60]. Роль православной церкви в преследованиях иудеев в поздней Российской империи была освещена в замечательной работе Саймона Диксона, в главе, где он описывает, как «сумасшедший монах» Иларион (Труфанов) помогал инициировать погромы в Царицыне в 1908 г. [61].

Во всех представленных выше работах о погромах и кровавом навете обсуждаются следующие темы: роль антисемитизма и его природа; отношение и действия центральных и местных властей; работа судебной системы до и после реформы; рост этнического национализма и его взаимоотношения со старыми антиеврейскими предубеждениями; динамика повседневного насилия и терпимости в конфессионально смешанных общинах. Особый интерес представляют продолжающиеся споры о происхождении и природе погромов: появились ли они из скрытых антисемитских традиций окружающих народов (русских, поляков, украинцев) или они усилили проявления повседневной социальной и экономической напряженности, которые обычно были скрыты [62–64]? Также противоречивые оценки вызывает вопрос о степени причастности имперского режима к этим деструктивным вспышкам. Часть исследователей доказывает, что царское правительство пыталось поддерживать гражданский порядок и таким образом подавляло насилие против иудеев. Другие же подчеркивают, что рост влияния антисемитизма в государственной идеологии вел к замедлению реакции властей на проявления насилия, а назначение чиновников-юдофобов и поддержка экстремистских правых политических движений в сочетании с сохранением и расширением ограничений для иудейского населения готовили почву для дальнейших беспорядков и кровопролития. Большую ценность в этом массиве литературы представляет подход ученых, в рамках которого они демонстрируют, как изменялась природа антииудейского насилия и политики в ответ на меняющиеся социальные, политические, культурные и интеллектуальные условия.

Ислам также продолжает привлекать внимание исследователей, и новые труды выходят практически каждый год. Большинство работ посвящено месту ислама в структуре Российского государства. Одной из главных в этом направлении является работа Роберта Крюса, отличающаяся широкими хронологическими и географическими рамками [65]. Крюс рассматривает пути институционализации ислама в Российской империи после создания Оренбургского магометанского духовного собрания в 1788 г. [66] и влияние, которое этот орган имел на мусульман в разных регионах. Он понимает инкорпорацию ислама в правительственные структуры как одну из форм государственного строительства в рамках стремления российских властей к расширению контроля над территориями империи. Впрочем, такой подход недавно был подвергнут критике Мустафой Туна [67]. Также недавно была защищена новаторская диссертация Е.Ф. Дэвиса о мусульманах в русской армии (1874–1917) [68]. Весьма интересна и работа Эйлин Кейн, которая сумела отыскать необычные и неожиданные пути, которыми Российское государство пыталось тайно спонсировать хадж – мусульманское паломничество в Мекку и Медину [69, 70]. Труд Елены Кэмпбелл посвящен проблемам, связанным с инкорпорированием мусульман в имперские структуры. Автор изучает трудности, с которыми столкнулось царское правительство в 1860-х–1917 гг., вынужденное заботиться о сохранении лояльности мусульман имперскому государству и противостоять их проповеди в инородческой среде [71].

Мусульмане жили и продолжают жить в разных регионах Российского государства, вследствие чего ислам в России отличается неоднородностью в плане этничности, языка, экономического благосостояния, образования и верований [72]. Пожалуй, наиболее древняя мусульманская община находится в Поволжье [73]. Казанская община подробно изучена в книге Роберта Герачи, где развитие ислама в городе представлено в контексте различных представлений русских о Востоке [74]. Работа Чарльза Штайнведеля посвящена исламу среди башкир в контексте экспансии России в регион в XVI–XX вв. [75]. Аллен Франк исследует взаимоотношения ислама и Российских имперских учреждений в казахских степях [76]. Мария Козельски изучает проблемы христианизации крымских татар после присоединения полуострова к России в 1783 г. [77, 78]. Интересно, что изгнанию крымских мусульман после Крымской войны (1853–1856) посвящен целый ряд статей [79–81]. Это связано с тем, что события XIX в. явились в определенной мере провозвестниками массовых сталинских депортаций. Также эти работы наглядно демонстрируют, как отношение имперской администрации к мусульманам было обусловлено беспокойством об их лояльности России.

Средняя Азия, сравнительно поздно вошедшая в состав Российской империи, с точки зрения администраторов представляла собой особое имперское пространство по типу британских или французских колоний. Это подход Александра Моррисона, который сравнивает российскую Среднюю Азию (и управление ее мусульманским населением) с британским господством над Индией [82]. Мусульманская религиозная и интеллектуальная жизнь региона рассмотрены в замечательном труде Адиба Халида, посвященном исламскому реформистскому движению джадидизм с момента его появления в 1860-е гг. [83]. Кавказ, подчиненный лишь после десятилетий войны, представлял собой крайне проблемный регион. Сложности управления мусульманскими народами этой части империи были рассмотрены в большом количестве работ, например, Шона Поллока [84], Майкла Ходарковского [85, 86], Остина Джерсильда [87], Майкла Рейнольдса [88] и Анны Зелкиной [89]. В труде Ирмы Крейтен представлен несколько другой взгляд. Она рассматривает проблему выселения народов Западного Кавказа с перспективы изучения геноцида [90].

В последние годы изучение буддизма Российской империи в рамках англоязычной историографии едва началось[1]. Главный труд по этой проблематике – превосходная статья Х.С. Хандли, в которой приведен обзор появления буддизма в Сибири, а также рассмотрены установление института Пандито Хамболам в 1764 г. и попытки имперского правительства регулировать распространение буддизма на берегах озера Байкал [91]. Как и многие другие работы, представленные в этом обзоре, труд Хандли в основном базируется на русскоязычных материалах и фокусируется таким образом на отношениях между буддизмом и правительством. Как показывает исследовательница, инструментализация буддизма имеет много схожего со способами, которыми ислам инкорпорировался в государственные структуры примерно в то же время. Иван Саблин также рассматривает буддизм в контексте государственного строительства в Бурятии и Монголии в 1911–1924 гг. [93]. Очевидно, что в данном исследовательском поле все еще остается немало лакун, заполнить которые предстоит в будущем. Например, необходимо исследование внутренней жизни российского буддизма, основанное, где это возможно, на источниках, оставленных носителями местных языков. Также хочется надеяться, что со временем появится труд, посвященный антиламаистской миссии православной церкви в конце XIX в., поскольку этот вопрос непосредственно связан с развитием светской антропологии и этнографии в России. Американский исследователь Джесси Д. Мюррей, уже предпринявший некоторые шаги в этом направлении, также отмечала многонациональный характер российского буддизма [94][2].

Наконец, необходимо кратко отметить работы, посвященные изучению шаманизма (т.е. религиозных практик, основанных на поклонении силам природы, распространенных среди ряда народов Поволжья и Сибири). Вновь основополагающей работой стал труд Верта, где рассматривается церковная миссионерская деятельность в Волго-Камском регионе среди марийцев, чувашей и других народов, масштабы и эффективность миссионерской деятельности, реакция этих народов на подобные кампании, рост влияния ислама как конкурента православию в регионе и развитие местной формы реформированного анимизма, известной как Кугу-сорта [95]. Недавно исследовательница А. Колосова рассматривала схожие сюжеты в своей диссертации, выполненной на высоком уровне и посвященной системе Ильинского среди чувашей [96, 97]. Что касается Сибири, то по этой теме есть замечательное компаративное исследование канадского ученого Андрея Знаменского, который фокусируется на трех разных группах шаманистов Сибири и Аляски (дена'ина, чукчи и алтайские народы) [98, 99]. Несмотря на то, что в основном автор изучает попытки православных миссионеров обратить этих людей к церкви, он также отмечает роль бурханизма (реформированного шаманизма, зародившегося в начале XX в.), которую он сыграл в развитии этнонационализма на Алтае [100]. Также у него есть работа о взглядах русских на сибирский шаманизм в XVIII–XX вв. [101]. Эти работы, хотя до сих пор и рассматривают шаманизм с русской стороны, тем не менее дистанцируются от перспективы, где церковь занимает центральное место.

Нонконформисты и инакомыслящие[3]

Россия долгое время была известна на Западе как страна, где существовало множество таинственных, странных и экзотических религий. Вследствие этого некоторые ученые занялись исследованиями прошлого этих движений в имперской России. Наиболее многочисленными (по разным оценкам их было от 10 до 20 миллионов к 1900 г.) были старообрядцы. Неудивительно, что они и привлекали львиную долю внимания исследователей. Действительно, изучение староверов оказалось весьма плодотворным в концептуальном плане, поскольку исследователи пытались объяснить это явление с разных точек зрения. Одним из первых в этом направлении начал работать Роберт Крамми. С 1970-х гг. им опубликован целый ряд статей, большая часть которых вошла в сборник его трудов [103]. В его работах, основанных на изучении старопечатных книг, рукописей, а также литературных и архивных источников, был предложен взгляд на старообрядчество как на «текстуальную общность» ('*textual community*', т.е. общину, чья идентичность и структуры были обусловлены грамотностью ее членов и особым значением русской средневековой литературной традиции). Также он помещал старообрядчество в контекст европейских историографических споров о дихотомии между «официальной» и «народной» религией.

Основываясь на фундаменте, заложенном Крамми, Рой Робсон провел исследование золотого века старообрядчества в 1905–1917 гг. [104], Юха Пентикяйнен выступил редактором сборника статей о староверах и финно-уграх в России и за рубежом [105], Ирина Пярт выпустила монографию о роли гендера у староверов-беспоповцев в конце XVIII –

первой половине XIX в. [106], Юджин Клэй посвятил свои труды отдельным старообрядческим монастырям [107] и развитию антистарообрядческих миссионерских стратегий [108], Дуглас Роджерс в ходе изучения староверов пермского села Сепыч разработал инновационное понятие «этического репертуара» для описания общины и изменений в обычаях и поведении старообрядцев [109], а Питер Томас де Симоне, исследовавший историю московского Рогожского кладбища, полагал, что ее ход определялся как появлявшимися возможностями, так и преследованиями со стороны властей [113]. Другие историки использовали историю старообрядчества, чтобы пересмотреть устоявшиеся стереотипы об определенных периодах российской истории. Джордж Микелс исследовал природу раскола в России XVII в. и пришел к выводу, что старообрядчество не сформировалось как реальное движение до конца этого столетия [114, 115], Томас Марсден рассматривал антистарообрядческие кампании времен Николая I как часть процессов национального и государственного строительства [116]. Джон Бушнелл показал, что влияние учения спасовцев о браке на крестьян значительной части Нижегородской и Владимирской губерний привело к тому, что количество браков не дотягивало здесь до типичных значений, характерных для крестьянских обществ России XVIII – начала XIX в. [117]. Также следует упомянуть сборники статей, в работе над которыми принимали участие и российские специалисты [118]. Наконец в последнее время у исследователей появился интерес к истории единоверия – своеобразному союзу между православной церковью и старообрядцами, в рамках которого старообрядцам разрешалось сохранять дореформенные обряды, но они должны были признавать главенство епископата господствующей церкви [119][4].

Другие формы религиозного инакомыслия, появившиеся в России, также привлекают внимание ученых. Изучению таких движений, как хлысты (известные своими экстатическими духовными плясками и мнимыми оргиями), молокане, духоборы и субботники (стремившиеся приблизить христианство к иудейским практикам), посвящен целый ряд статей Юджина Клэя и Александра Эткинда [120–125]. Большой интерес представляет и книга Николаса Б. Брейфогла, в которой рассматриваются роль этих «еретиков» в колонизации Кавказа (куда их массово ссылали), противоречия между их пацифистскими взглядами и имперским режимом, а также их бегство в Канаду [126, 127]. Лора Энгельштейн написала замечательную историю скопцов, основанную на неопубликованных архивных материалах из петербургского Музея истории религии, включая обширные интервью с оставшимися членами «секты», проведенные Владимиром Бонч-Бруевичем в 1920-е гг. [128].

Появление неопротестантских «сект» во второй половине XIX в. оказалось серьезным вызовом для Российского государства и официальной церкви. Для многих русских светски ориентированные, неформальные, волнующие, сосредоточенные на чтении и персональной интерпретации Писания богослужения баптистов (как и других протестантских общин) были предпочтительней православной литургии, которую служили на едва понятном церковнославянском языке. В своей ключевой работе историк Сергей Жук охарактеризовал этот период острого соперничества между евангелическим протестантизмом и православной церковью во многих регионах как «потерянную Реформацию» (*'Lost Reformation'*) России [132, 133]. Исследования Жука особенно интересны, потому что рассматривают не какую-то отдельную группу, а явление в целом. Хотя баптизм и не был чем-то новым в России (его практиковали, например, немцы Поволжья), его появление среди русского и украинского населения было новшеством, серьезно беспокоившим церковные и светские власти. Здесь следует отметить работу Хизер Коулмэн, посвященную истории российского баптизма в 1905–1920-х гг. Особый интерес вызывает ее глава о напряженности между православными и баптистскими общинами на местном уровне после указа об укреплении начал веротерпимости 1905 г.; соображения о том, что православная церковь не могла реформировать свои миссионерские стратегии для эффективного противостояния баптистской угрозе [134–136]. Также нужно упомянуть работы Эйба Дьюэка, Абрахама Фрайзена и Эйлин Фрайзен о российских меннонитах [137–139].

Баптизм был в основном популярен среди низших классов российского общества, в частности крестьян. Тем не менее религиозное инакомыслие проявлялось и среди элит позднеимперского периода. Долгое время это явление было в центре внимания западных ученых. Такой инетерс объясняется тем, что в протестантское движение были вовлечены многие знаменитые представители русской интеллигенции и иностранные проповедники (возьмем для примера влияние лорда Рэдстока на полковника В.А. Пашкова, основателя евангелического движения пашковцев, популярного в аристократических салонах 1870–1880-х гг. [140]. Учитывая вышесказанное, можно понять, почему материалистическая и основанная на общинности версия христианства, разработанная Л.Н. Толстым, продолжает привлекать англоговорящих исследователей. Пожалуй, наиболее плодовитый исследователь в этой области – Пол Кольстё, на протяжении трех десятилетий изучающий различные аспекты религиозных и философских взглядов Толстого, включая и его участие в полемике о православии [141–145]. Впрочем, он не единственный ученый, заинтересованный в этой теме. Дэвид Мэтуэл писал о переводе Толстым Библии [146], Терри Хоптон – о взаимоотношениях между религиозными взглядами Толстого и анархизмом [147], а Ирина Паперно – о переписке Толстого по вопросам веры с Владимиром Страховым, ведущим теоретиком культуры [148]. Инесса Меджибовская попыталась поместить «обращение» Толстого в религиозный контекст эпохи [149]. Другие историки рассматривали толстовство как международное движение [150]. Недавно увидела свет и биография одного из лидеров толстовства – Владимира Черткова [151].

Заключение

Тема религиозных меньшинств Российской империи после 1991 г. превратилась в огромное исследовательское поле. Это выражается не только в количестве работ, но и в их качестве. Большинство упомянутых работ появились в результате интенсивной архивной работы и раскрывают темы, малоизученные в исследовательской литературе. Исследователи, владеющие несколькими языками, расширяют возможности изучения вопроса. Знание языков менее распространенных, чем русский и английский (например, татарский, армянский, бурятский, идиш), позволяет продвинуться дальше и взглянуть на предмет не только с точки зрения имперского государства, но и исследовать меньшинства на основе источников, созданных их представителями на родных языках. Рассматриваемое поле исследования видится концептуально новаторским. Исследователи заимствовали и адаптировали концепции, используемые в изучении других вопросов, а также разработали собственные подходы анализа и объяснения изучаемых явлений. Хотя рассмотренные работы сложно объединить в одно исследовательское поле, можно предположить, что большая их часть имеет дело с очень похожими темами: взаимодействие меньшинств и имперского государства; отношение официальной церкви к ним; влияние законодательных запретов и привилегий на индивидуальную и общинную жизнь; меняющаяся природа религиозных верований и обрядов вследствие взаимодействия с модернизирующимся российским обществом; причины и последствия преследований; роль религиозных меньшинств в государственном, конфессиональном и имперском строительстве и их сопротивление этим процессам; вовлечение конфессий в общественную, экономическую, культурную и политическую жизнь Российской империи; меняющаяся природа веротерпимости. Можно сказать, что рассматриваемые работы ищут ответы на общий комплекс важнейших вопросов: какие решения принимало имперское государство, чтобы привести очень разные способы взаимодействия с религиозными меньшинствами к единому знаменателю? какие проблемы возникали вследствие этих решений и как разные общины реагировали на эти решения?

Конечно, остаются еще значительные лакуны. Необходимо больше работ по главным христианским конфессиям, в особенности лютеранству и армяно-григорианской церкви. Было бы интересно увидеть компаративистские исследования, посвященные не только сравнению положения дел в России и других империях, но и сопоставлению положения разных религиозных меньшинств в России [152]. Также, как недавно заметил Грегори Фриз, исследователи Русской православной церкви должны учитывать не только влияние православия на религиозные меньшинства, но и влияние религиозных меньшинств на православие [153]. Наконец, открывается большое поле для транснациональных исследований. Практически все группы, упомянутые здесь, имели связи за пределами границ империи. Даже русские старообрядцы были связаны с одноверцами в Пруссии, на Балканах и в Малой Азии и испытывали мощное влияние со стороны заграничных собратьев. Исследования в этом направлении позволят ученым показать, что российские религиозные меньшинства эпохи империи – явление действительно глобального масштаба.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тем не менее существуют работы, написанные чуть раньше. К таким относится, например, труд о деятельности британских миссионеров среди российских буддистов и шаманистов в начале XIX в., написанный Чарльзом Боуденом. Эта работа в значительной степени основана на архивных материалах различных британских евангелических учреждений [92].

[2] Также можно отметить ее более обширную диссертацию [102].

[3] В этой части обзора я принципиально рассматриваю работы, посвященные исследованиям религиозных движений, а не отдельных личностей и групп, избегавших религии вообще, или интеллектуалов, предававшихся мистицизму. Однако по этой тематике есть несколько интересных работ. В частности, книга Виктории Фрид об атеизме в России XIX в. [110], работа Мари Карлсон о теософии [111], а также труд Джулии Маннхерц об оккультизме [112].

[4] См. подробнее о единоверии на русском с английскими аннотациями [129–131].

ЛИТЕРАТУРА

1. Shelton-Curtiss J. Church and State in Russia: The Last Years of Empire, 1900–1917. New York : Columbia University Press, 1940.
2. Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. London : Darton, Longman & Todd, 1963.
3. Crummey R.O. The Old Believers, the Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. Madison : University of Wisconsin Press, 1970.
4. Pisiotis A. K. Orthodoxy versus Autocracy: The Orthodox Church and Clerical Political Dissent in Late Imperial Russia, 1905–1914. PhD thesis. Georgetown University, 2000.
5. Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge : Harvard University Press, 1977.
6. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton : Princeton University Press, 1983.
7. Freeze G.L. Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered // Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 46. P. 82–102.
8. Davis N.Z. From «Popular Religion» to Religious Cultures // Ozment S. Reformation Europe: A Guide to Research. St. Louis : Center for Reformation Research, 1982. P. 321–324.
9. Scribner R.W. Interpreting Religion in Early Modern Europe // European Studies Review. 1983. Vol. 13. P. 89–105.
10. Harline C. Official Religion – Popular Religion in Recent Historiography of the Catholic Reformation // Archiv für Reformationsgeschichte. 1990. Vol. 81. P. 239–262.
11. Howe S. The New Imperial Histories Reader. London : Routledge, 2009.
12. Werth P.W. Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia // Kritika. 2011. Vol. 12, № 4. P. 849–865.
13. Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford : Oxford University Press, 2014.
14. Geraci R.P., Khodarkovsky M. Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca : Cornell University Press, 2001.

15. Waldron P. Religious Toleration in Late Imperial Russia // Crisp O., Edmonson L., eds. Civil Rights in Imperial Russia. Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 103–119.
16. Engelstein L. The Dream of Civil Society in Tsarist Russia: Law, State, and Religion // Bermeo N., Nord P. eds. Civil Society before Democracy: Lessons from Nineteenth-Century Europe. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 23–42.
18. Freeze G.L. Lutheranism in Russia: A Critical Reassessment // Medick H., Schmidt P., eds. Luther zwischen den Kulturen. Gottingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. P. 297–317.
19. Weber K. Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917: PhD thesis. New York University, 2013.
20. Ryan D.C. The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics, and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery, 1845–1870s.: PhD thesis. University of California, 2008.
21. Dixon S. Sergei (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese of Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917 // The Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82, № 1. P. 50–73.
22. Paert I. The Russian Imperial Practices of Language and Religion in the Classroom in the Baltic Provinces: The Case of the Orthodox Schools in Livland (1880–1914) // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 236. P. 362–367.
23. Paert I, Schvak T. Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941 // Quaestio Rossica. 2014. № 3. P. 142–158.
24. Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart : Evangelisches Verlagswerk, 1961.
25. Dunn D.J. The Catholic Church and Russia: Popes, Patriarchs, Tsars, and Commissars. Aldershot : Ashgate, 2004.
26. Dolbilov M. Roman Catholicism // Martinsen D.A., Maiorova O. Dostoevsky in Context. Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
27. Blobaum R. Rewolucja: Russian Poland, 1904–1907. Ithaca : Cornell University Press, 1995.
28. James W.A. The Jesuits' Role in Founding Schools in Late Tsarist Russia // Timberlake C.E. Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold. Seattle : University of Washington Press, 1992. P. 48–64.
29. McErlean J.M. Catholic, Liberal, European: A Critic of Orthodox Russia, the Diplomat Prince P.B. Kozlovskii (1783–1840) // Timberlake C.E., Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold. Seattle : University of Washington Press, 1992. P. 65–89.
30. Beshoner J.B. Ivan Sergeevich Gagarin: The Search for Orthodox and Catholic Union. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 2002.
31. Bakhmetyeva T.V. Mother of the Church: Sofia Svechina, the Salon, and the Politics of Catholicism in Nineteenth-Century Russia and France. Chicago : University of Chicago Press, 2017.
32. Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1996.
33. Weeks T.R. Religion and Russification: Russian Language in the Catholic Churches of the «Northwest Provinces» after 1863 // Kritika. 2001. Vol. 2, № 1. P. 87–110.
34. Staliunas D. Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam : Rodopi, 2007.
35. Weeks T.R. The «End» of the Uniate Church in Russia: The Vozsoedinenie of 1875 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 44, № 1. P. 28–40.
36. Weeks T. R.. Between Rome and Tsargrad: The Uniate Church in Imperial Russia // Geraci R.P., Khodarkovsky M. Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerence in Tsarist Russia. Ithaca : Cornell University Press, 2001. P. 70–91.
37. Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2009.
38. Wolff L. The Uniate Church and the Partitions of Poland: Religious Survival in an Age of Enlightened Absolutism // Harvard Ukrainian Studies. 2002/2003. Vol. 26, № 1–4. P. 153–255.
39. Werth P.W. Imperial Russia and the Armenian Catholicos at Home and Abroad // Ieda O., Uyama T. Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds. Sapporo : Slavic Research Center. 2006. P. 203–235.
40. Önol O. The Tsar's Armenians. A Minority in Late Imperial Russia. London : I. B. Tauris, 2017.
41. Zipperstein S.J. The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794–1881. Stanford : Stanford University Press, 1991.
42. Meir N.M. Kiev, Jewish Metropolis: A History, 1859–1914. Bloomington : Indiana University Press, 2010.
43. Hamm M. F. Kiev: A Portrait, 1800–1917. Princeton : Princeton University Press, 1993.
44. Khiterer V. Jewish City or Inferno of Russian Israel? A History of the Jews in Kiev before February 1917. Boston : Academic Studies Press, 2016.
45. Loeffler J.B. The Most Musical Nation: Jews and Culture in the Late Russian Empire. New Haven : Yale University Press, 2010.
46. Horowitz B. Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late Tsarist Russia. Seattle, University of Washington Press, 2009.
47. Stein S.A. Making Jews Modern: The Yiddish and Ladino Press in the Russian and Ottoman Empires. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
48. Freeze C.Y. Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia. Hanover: Brandeis University Press, 2002.
49. Thorvaldsen G. Religiosity from Russia to Norway: The Orthodox and the Jews in the 19th and Early 20th Centuries // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, № 4. P. 207–220.
50. Schainker E.R. Confessions of the Shtetl: Converts from Judaism in Imperial Russia, 1817–1906. Stanford: Stanford University Press, 2016.
51. Freeze C.Y., Harris J.M. Everyday Jewish Life in Imperial Russia. Select Documents, 1772–1914. Waltham: Brandeis University Press, 2014.
52. Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley : University of California Press, 2001.
53. Avrutin E.M. Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca : Cornell University Press, 2010.
54. Weinburg R. Blood Libel in Late Imperial Russia: The Ritual Murder Trial of Mendel Beilis. Bloomington: Indiana University Press, 2013.
55. Levin E. A Child of Christian Blood: Murder and Conspiracy in Tsarist Russia: The Beilis Blood Libel. New York : Schocken Books, 2014.
56. Avrutin E.M. The Velizh Affair: Blood Libel in a Russian Town. Oxford: Oxford University Press, 2017.
57. Avrutin E.M., Dekel-Chen J., Weinberg R. Ritual Murder in Russia, Eastern Europe, and Beyond: New Histories of an Old Accusation. Bloomington : Indiana University Press, 2017.
58. Klier J.D., Lambroza, S. Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern History. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
59. Клиер Д., Ламброза Ш. Погромы в российской истории нового времени (1881–1921). М. : Книжники, 2016.
60. Klier J.D. Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
61. Dixon S. The 'Mad Monk' Iliodor in Tsaritsyn // Dixon S. Personality and Place in Russian Culture. Essays in Memory of Lindsey Hughes. London : Modern Humanities Research Association, 2010. P. 377–415.
62. Klier J.D. The Pogrom Paradigm in Russian History // Klier J.D., Lambroza S., Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern History. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 13–38.
63. Kolstø P. Sources of Russian Anti-Semitism in the Late Nineteenth Century: A Socio-Economic Explanation // Scando-Slavica. 2009. Vol. 55, № 1. P. 43–64.
64. Weinburg R. Look! Up There in the Sky: It's a Vulture, It's a Bat, It's a Jew: Reflections on Antisemitism in Late Imperial Russia, 1906–1914 // Avrutin E., Murav H. Jews in the East European Borderlands: Daily Life, Violence, and Memory. Brighton : Academic Studies Press, 2012. P. 167–186.
65. Crews R.D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge : Harvard University Press, 2006.

66. Naganawa N. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905 // Acta Slavica Iaponica. 2006. Vol. 23. P. 101–23.
67. Tuna M.Ö. Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
68. Davies E.F. Muslims in the Russian Army, 1874–1917. PhD thesis, Ludwig-Maximilians-Universität, 2016.
69. Kane E.M. Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca. Ithaca : Cornell University Press, 2015.
70. Brower D. Russian Roads to Mecca: Religious Tolerance and Muslim Pilgrimage in the Russian Empire // Slavic Review. 1996. Vol. 55, № 3. P. 567–584.
71. Campbell E.I. The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Bloomington : Indiana University Press, 2015.
72. Crews R.D. The Russian Worlds of Islam // Motadel D. Islam and the European Empires. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 35–52.
73. Bushkovitch P. Orthodoxy and Islam in Russia, 988–1725 // Steindorff L. Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.–17. Jahrhundert. Weisbaden : Harrassowitz Verlag, 2010. P. 117–143.
74. Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca : Cornell University Press, 2001.
75. Steinwedel C. Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkira, 1552–1917. Bloomington : Indiana University Press, 2016.
76. Frank A.J. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. Leiden : Brill, 2001.
77. Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2009.
78. O'Neil K. Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire. New Haven : Yale University Press, 2017.
79. Brooks W. Russia's Conquest and Pacification of the Caucasus: Relocation Becomes a Pogrom in the Post-Crimean War Period // Nationalities Papers. 1995. Vol. 23, № 4. P. 675–686.
80. Williams B.G. Dar al-Harb. The 19th-Century Crimean Tatar Migrations from Russia to the Ottoman Empire: A Critical Analysis of the Great Tatar Emigration of 1860–1861 // Cahiers du Monde Russe. 2000. Vol. 41, № 1. P. 79–108.
81. Kozelsky M. The Crimean War and the Tatar Exodus // Fray L.J., Kozelsky M. Russian-Ottoman Borderlands: The Eastern Question Reconsidered. Madison : University of Wisconsin Press, 2014. P. 165–192.
82. Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford : Oxford University Press, 2008.
83. Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley : University of California Press, 1998.
84. Pollock S. Empire by Invitation? Russian Empire-Building in the Caucasus in the Reign of Catherine the Great : PhD thesis. Harvard University, 2006.
85. Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800 // The Journal of Modern History. 1999. Vol. 71, № 2. P. 394–430.
86. Khodarkovsky M. Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. Ithaca : Cornell University Press, 2011.
87. Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal : McGill-Queen's University Press, 2002.
88. Reynolds M. Muslim Mobilization in Imperial Russia's Caucasus // Motadel D. Islam and the European Empires. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 187–212.
89. Zelkina A. In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance into the North Caucasus. London : Hurst, 2000.
90. Kreiten I.A Colonial Experiment in Cleansing: The Russian Conquest of Western Caucasus, 1856–65 // Journal of Genocide Research. 2009. Vol. 11, № 2–3. P. 213–241.
91. Hundley H.S. Defending the Periphery: Tsarist Management of Buriat Buddhism // The Russian Review. 2010. Vol. 69, № 2. P. 231–250.
92. Bawden C.R. Shamans, Lamas, and Evangelicals: The English Missionaries in Siberia. London : Routledge & Kegan Paul, 1985.
93. Sablin I. Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924. Buddhism, Socialism, and Nationalism in State and Autonomy Building. Basingstoke : Taylor & Francis, 2016.
94. Murray J. «Not Far from the Kingdom of God»: Shamanism and Colonial Control in Russia's Eastern Borderlands, 1853–1917 // Journal of World History. 2016. Vol. 28, № 3. P. 535–563.
95. Werth P.W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca : Cornell University Press, 2002.
96. Kolosova A. Nardonost' and Obshchechelovechnost' in 19th-Century Russian Missionary Work: N. I. Il'minskii and the Christianization of the Chuvash : PhD thesis. Durham University, 2016.
97. Kefeli A.N. Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy. Ithaca : Cornell University Press, 2014.
98. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport : Greenwood Press, 1999.
99. Vinkovetsky I. Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. Oxford : Oxford University Press, 2011.
100. Znamenski A.A. Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai, 1904–1922 // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. P. 25–52.
101. Znamenski A.A. Shamanism in Siberia: Religious Records of Indigenous Spirituality. Dodrecht : Kluwer Academic Publishers, 2010.
102. Murray J. Building Empire among the Buryats: Conversion Encounters in Russia's Baikal Region, 1860s–1917 : PhD thesis. University of Illinois-Champaign, 2012.
103. Crummey R.O. Old Believers in a Changing World. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2011.
104. Robson R.R. Old Believers in Modern Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1995.
105. Pentikäinen J. «Silent as Waters We Live»: Old Believers in Russia and Abroad. Cultural Encounter with the Finno-Ugrians. Helsinki : Finnish Literature Society, 1999.
106. Paert I. Old Believers, Religious Dissent, and Gender in Russia, 1760–1850. Manchester : Manchester University Press, 2003.
107. Clay E. An Old Believer Monastery on the Volga: The Cheremshan Monastic Complex, 1820–1925 // Slavonica. 2001. Vol. 7, № 2. P. 9–27.
108. Clay E. Mapping the Limits of Orthodoxy: Russian Orthodox Missionary Encounters in Perm' Diocese, 1828–1912 // Russian History. 2008. Vol. 35, № 1–2. P. 113–128.
109. Rogers D. The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals. Ithaca : Cornell University Press, 2009.
110. Frede V. Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison : University of Wisconsin Press, 2011.
111. Carlson M. No Religion Higher than Truth: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922. Princeton : Princeton University Press, 1993.
112. Mannherz J. Modern Occultism in Late Imperial Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2012.
113. De Simone P.T. The Old Believers in Imperial Russia. Oppression, Opportunism and Religious Identity in Tsarist Moscow. London : I. B. Tauris, 2018.
114. Michels G.B. At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford : Stanford University Press, 2000.
115. Michels G.B. From Persecuted Minority to Confessional Church. Some Thoughts on the Near Extinction and Ultimate Survival of Old Belief (1650s–1730s) // *Canadian-American Slavic Studies*. 2015. Vol. 49. P. 322–337
116. Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford : Oxford University Press, 2015.

117. Bushnell J. Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th-19th Centuries. Bloomington : Indiana University Press, 2017.
118. Michels G.B., Nichols R.L. Russia's Dissident Old Believers, 1650–1950. Minneapolis : University of Minnesota, 2009.
119. White J. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918 // Russian History. 2016. Vol. 43. P. 181–208.
120. Clay E. Apocalypticism in the Russian Borderlands: Inochentie Levizor and His Moldovan Followers // Religion, State & Society. 1998. Vol. 26, № 3–4. P. 251–263.
121. Clay E. Orthodox Missionaries and «Orthodox Heretics» in Russia // Geraci R.P., Khodarkovsky M. Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca : Cornell University Press, 2001. P. 38–69.
122. Clay E. The Woman Clothed in the Sun: Pacifism and Apocalyptic Discourse among Russian Spiritual Christian Molokan-Jumpers // Church History. 2011. Vol. 80, № 1. P. 109–138.
123. Clay E. Russian Spiritual Christianity and the Closing of the Black-Earth Frontier: The First Heresy Trials of the Dukhobors in the 1760s // Russian History. 2013. Vol. 40, № 2. P. 221–243.
124. Clay E. The «Quaker Heresy» in Siberia // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51, № 1. P. 122–136.
125. Etkind A. Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects // The Russian Review. 2003. Vol. 62, № 4. P. 565–588.
126. Breyfogle N.B. Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca : Cornell University Press, 2005.
127. Inikova S.A. The New Doctrines of the Doukhobor Fasters and Tolstoyism // Djuric Milovanovic A., Radic R. Orthodox Christian Renewal Movements in Eastern Europe. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. P. 47–66.
128. Engelstein L. Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Ithaca : Cornell University Press, 2003.
129.Palkin A.S. Edinoverie v kontze 1820-h – 1850-e gody: vthanizmy gosudarstvennogo prinuzhdeniya I protivostoyanie staroverov [Common faith in the 1820s–1850s: Mechanisms of state Oppression and old-believers' opposition] // Quaestio Rossica. 2014. № 3. P. 87–106.
130. White J.M. Edinoverie i oficialnoe pravoslavie: neudavshiisya opyt ob'edineniya v praktike publichnyh ceremonii (1900–1913) [Edinoverie and official Orthodoxy: the failure of unity in ceremonial practice (1900–1913)]. Quaestio Rossica. 2015. № 2. P. 201–223.
131. White J.M. Edinoverie i koncepciya konfessionalizacii: diskursivnye zametki [Edinoverie and the concept of confessionalisation: discursive remarks] // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, № 4. C. 177–189. DOI: 10.15826/qr.2016.4.199
132. Zhuk S.I. Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. Washington : John Hopkins University Press, 2004.
133. Zhuk S.I. Maliovantsy: Orthodox Christianity and the Ukrainian "Evangelical" Peasants of Late Imperial Russia // Djuric Milovanovic A., Radic R. Orthodox Christian Renewal Movements in Eastern Europe. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. P. 77–103.
134. Coleman H.J. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington : Indiana University Press, 2005.
135. Wardin A. On the Edge: Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia, 1855–1917. Eugene, Oregon : Wipf & Stock, 2013.
136. Raber M. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929. Eugene, Oregon : Pickwick Publications, 2016.
137. Dueck A.J. Mennonites, the Russian State, and the Crisis of Brethren and Old Church Relations in Russia, 1910–1918 // The Mennonite Quarterly Review. 1995. Vol. 69, № 4. P. 457.
138. Friesen A. In Defense of Privilege: Russian Mennonites and the State before and during World War I. Winnipeg : Kindred Productions, 2006.
139. Friesen A. The Case of a Siberian Sect: Mennonites and the Incomplete Transformation of Russia's Religious Structure // Journal of Mennonite Studies. 2014. Vol. 30. P. 139–158.
140. Heier E. Religious Schism in the Russian Aristocracy, 1860–1900: Radstockism and Pashkovism. The Hague, Nijhoff. 1970.
141. Kolstø P. A Mass for a Heretic? The Controversy over Leo Tolstoi's Burial // Slavic Review: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies. 2001. Vol. 60, № 1. P. 75–95.
142. Kolstø P. The Demonized Double: The Image of Lev Tolstoi in Russian Orthodox Polemics // Slavic Review: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies. 2006. Vol. 65, № 2. P. 304–324.
143. Kolstø P. The Elder at Iasnaia Poliana – Lev Tolstoi and the Orthodox Starets Tradition // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9, № 3. P. 533–554.
144. Kolstø P. «For Here We Do Not Have an Enduring City»: Tolstoy and the Strannik Tradition in Russian Culture // The Russian Review. 2010. Vol. 69, № 1. P. 119–134.
145. Kolstø P., Schmid U. Fame. Sainthood and Iurodstvo: Patterns of Self-Presentation in Tolstoi's Life Practice // Slavic and East European Journal. 2013. Vol. 57, № 4. P. 525–543.
146. Matual D. Tolstoy's Translation of the Gospels: A Critical Study. Lewiston : E. Mellen Press, 1992.
147. Hopton T. Tolstoy, God and Anarchism // Anarchist Studies. 2000. Vol. 8, № 1. P. 27–52.
148. Paperno I. Leo Tolstoy's Correspondence with Nikolai Strakhov: The Dialogue on Faith. In: Orwin D.T. // Anniversary Essays on Tolstoy. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 96–119.
149. Medzhibovskaya I. Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887. Lanham : Lexington Books, 2008.
150. Alston C.L.R. Tolstoy and His Disciples: The History of a Radical International Movement. London : I.B. Tauris, 2014.
151. Popoff A. Tolstoy's False Disciple: The Untold Story of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. New York : Pegasus Books, 2014.
152. Davies F., Wessel M.S., Brenner M. Jews and Muslims in the Russian Empire and the Soviet Union. Gottingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2015.
153. Freeze G.L. Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2017. T. 62, № 1. P. 4–17.

Статья представлена научой редакцией «История» 29 октября 2018 г.

RELIGIOUS MINORITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE: A HISTORIOGRAPHICAL SURVEY OF THE ENGLISH-LANGUAGE LITERATURE (1991–2017)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 199–212.
DOI: 10.17223/15617793/436/24
James White, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: james.white@eui.eu
Keywords: religious minorities; Russian Empire; Judaism; Islam; Buddhism; confessions.

In this article, the author presents a review of the English-language research on religious minorities in the Russian Empire released after 1991. In the period before 1991, this subject was relatively under-studied. On the one hand, this was due to the inaccessibility of Russian archives to foreign academics; on the other, western historians were often more interested in researching the political and economic questions of Russian history. This situation fundamentally changed with the growth in the popularity of the history of culture and the new imperial history in the 1980s and the opening of the archives after the fall of the Soviet Union. Especially

important was the innovative historian Gregory Freeze. The review is divided into four parts. First of all, the review examines the general works (those by Paul Werth and a range of other specialists) on this theme: these are dedicated to questions of the classification and conceptualisation of religious issues in the Russian Empire. Next, works dedicated to the non-Orthodox Christian confessions are considered. These consist of research on Catholicism (J. Dunn, M. Dobilov, R. Blobaum, and others), Lutheranism (G. Freeze), the Uniates (B. Skinner), and the Armenian Gregorian Church (O. Enud). Academic works on the non-Christian faiths are the subject of the next section: these faiths include Judaism (B. Nathans, E. Avrutin, and others), Islam (R. Cruise, E. Davis, E. Kane), Buddhism (Hindley, Murray, and Sablin), polytheism (P. Werth, A. Znamenski, and A. Kolosova). Finally, the last section discusses the history of religious sects in the Russian Church (R. Robson, I. Paert, S. Zhuk, and many others). At the basis of the analysis of this collection of academic literature, one can conclude that today work on religious minorities is developing dynamically. In recent years, numerous pieces have been published in English, including monographs, scholarly articles, and doctoral dissertations. The fundamental themes of these works are the relationship between religious minorities, the official Church, and the imperial state; the influence of legislative limitations and privileges on individual and community life; the changing nature of religious faith and rituals; the role of religious minorities in state, confession, and empire building; and the shifting character of religious toleration. However, significant lacunae remain. For example, there is a sharp need for more words on the main Christian confessions, especially Lutheranism and the Armenian Gregorian Church. Equally, comparative and transnational studies would be highly advantageous.

REFERENCES

1. Shelton-Curtiss, J. (1940) *Church and State in Russia: The Last Years of Empire, 1900–1917*. New York: Columbia University Press.
2. Zernov, N. (1963) *The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century*. London: Darton, Longman & Todd.
3. Crummey, R.O. (1970) *The Old Believers, the Vyg Community and the Russian State, 1694–1855*. Madison: University of Wisconsin Press.
4. Pisiotis, A.K. (2000) *Orthodoxy versus Autocracy: The Orthodox Church and Clerical Political Dissent in Late Imperial Russia, 1905–1914*. PhD thesis. Georgetown University.
5. Freeze, G.L. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press.
7. Freeze, G.L. (1985) Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered. *Journal of Ecclesiastical History*. 46. pp. 82–102.
8. Davis, N.Z. (1982) From "Popular Religion" to Religious Cultures. In: Ozment, S. *Reformation Europe: A Guide to Research*. St. Louis: Center for Reformation Research.
9. Scribner, R.W. (1983) Interpreting Religion in Early Modern Europeю *European Studies Review*. 13. pp. 89–105.
10. Harline, C. (1990) Official Religion – Popular Religion in Recent Historiography of the Catholic Reformation. *Archiv für Reformationsgeschichte*. 81. pp. 239–262.
11. Howe, S. (2009) *The New Imperial Histories Reader*. London: Routledge.
12. Werth, P.W. (2011) Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia. *Kritika*. 12(4). pp. 849–865.
13. Werth, P.W. (2014) *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press.
14. Geraci, R.P. & Khodarkovsky, M. (2001) *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
15. Waldron, P. (1989) Religious Toleration in Late Imperial Russia. In: Crisp, O. & Edmonson, L. (eds) *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press.
16. Engelstein, L. (2000) The Dream of Civil Society in Tsarist Russia: Law, State, and Religion. In: Bermeo, N. & Nord, P. (eds) *Civil Society before Democracy: Lessons from Nineteenth-Century Europe*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
18. Freeze, G.L. (2004) Lutheranism in Russia: A Critical Reassessment. In: Medick, H. & Schmidt, P. (eds) *Luther zwischen den Kulturen* [Luther between the cultures]. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
19. Weber, K. (2013) *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917*: PhD thesis. New York University.
20. Ryan, D.C. (2008) *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics, and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery, 1845–1870s*: PhD thesis. University of California.
21. Dixon, S. (2004) Sergei (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese of Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917. *The Slavonic and East European Review*. 82(1). pp. 50–73.
22. Paert, I. (2016) The Russian Imperial Practices of Language and Religion in the Classroom in the Baltic Provinces: The Case of the Orthodox Schools in Livland (1880–1914). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 236. pp. 362–367. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.12.053
23. Paert, I. & Schvak, T. (2014) Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941. *Quaestio Rossica*. 3. pp. 142–158. DOI: 10.15826/qr.2014.3.066
24. Amburger, E. (1961) *Geschichte des Protestantismus in Russland* [History of Protestantism in Russia]. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk.
25. Dunn, D.J. (2004) *The Catholic Church and Russia: Popes, Patriarchs, Tsars, and Commissars*. Aldershot: Ashgate.
26. Dolbilov, M. (2015) Roman Catholicism. In: Martinsen, D.A. & Maiorova, O. *Dostoevsky in Context*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Blobaum, R. (1995) *Rewolucja: Russian Poland, 1904–1907*. Ithaca: Cornell University Press.
28. James, W.A. (1992) The Jesuits' Role in Founding Schools in Late Tsarist Russia. In: Timberlake, C.E. *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold*. Seattle: University of Washington Press.
29. McErlean, J.M. (1992) Catholic, Liberal, European: A Critic of Orthodox Russia, the Diplomat Prince P.B. Kozlovskii (1783–1840). In: Timberlake, C.E. *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold*. Seattle: University of Washington Press.
30. Beshoner, J.B. (2002) *Ivan Sergeevich Gagarin: The Search for Orthodox and Catholic Union*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
31. Bakhmetyeva, T.V. (2017) *Mother of the Church: Sofia Svechina, the Salon, and the Politics of Catholicism in Nineteenth-Century Russia and France*. Chicago: University of Chicago Press.
32. Weeks, T.R. (1996) *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
33. Weeks, T.R. (2001) Religion and Russification: Russian Language in the Catholic Churches of the "Northwest Provinces" after 1863. *Kritika*. 2(1). pp. 87–110.
34. Staliunas, D. (2007) *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam: Rodopi.
35. Weeks, T.R. (1996) The "End" of the Uniate Church in Russia: The Vozsoedinenie of 1875. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 44(1). pp. 28–40.
36. Weeks, T.R. (2001) Between Rome and Tsargrad: The Uniate Church in Imperial Russia. In: Geraci, R.P. & Khodarkovsky, M. *Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerence in Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
37. Skinner, B. (2009) *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

38. Wolff, L. (2002–2003) The Uniate Church and the Partitions of Poland: Religious Survival in an Age of Enlightened Absolutism. *Harvard Ukrainian Studies*. 26(1–4). pp. 153–255.
39. Werth, P.W. (2006) Imperial Russia and the Armenian Catholicos at Home and Abroad. In: Ieda, O. & Uyama, T. *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*. Sapporo: Slavic Research Center.
40. Önol, O. (2017) *The Tsar's Armenians. A Minority in Late Imperial Russia*. London: I. B. Tauris.
41. Zipperstein, S.J. (1991) *The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794–1881*. Stanford: Stanford University Press.
42. Meir, N.M. (2010) *Kiev, Jewish Metropolis: A History, 1859–1914*. Bloomington: Indiana University Press.
43. Hamm, M.F. (1993) *Kiev: A Portrait, 1800–1917*. Princeton: Princeton University Press.
44. Khiterer, V. (2016) *Jewish City or Inferno of Russian Israel? A History of the Jews in Kiev before February 1917*. Boston: Academic Studies Press.
45. Loeffler, J.B. (2010) *The Most Musical Nation: Jews and Culture in the Late Russian Empire*. New Haven: Yale University Press.
46. Horowitz, B. (2009) *Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late Tsarist Russia*. Seattle: University of Washington Press.
47. Stein, S.A. (2006) *Making Jews Modern: The Yiddish and Ladino Press in the Russian and Ottoman Empires*. Bloomington: Indiana University Press.
48. Freeze, C.Y. (2002) *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*. Hanover: Brandeis University Press.
49. Thorvaldsen, G. (2016) Religiosity from Russia to Norway: The Orthodox and the Jews in the 19th and Early 20th Centuries. *Quaestio Rossica*. 4(4). pp. 207–220. DOI: 10.15826/qr.2016.4.201
50. Schainker, E.R. (2016) *Confessions of the Shtetl: Converts from Judaism in Imperial Russia, 1817–1906*. Stanford: Stanford University Press.
51. Freeze, C.Y. & Harris, J.M. (2014) *Everyday Jewish Life in Imperial Russia. Select Documents, 1772–1914*. Waltham: Brandeis University Press.
52. Nathans, B. (2001) *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press.
53. Avrutin, E.M. (2010) *Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
54. Weinburg, R. (2013) *Blood Libel in Late Imperial Russia: The Ritual Murder Trial of Mendel Beilis*. Bloomington: Indiana University Press.
55. Levin, E. (2014) *A Child of Christian Blood: Murder and Conspiracy in Tsarist Russia: The Beilis Blood Libel*. New York: Schocken Books.
56. Avrutin, E.M. (2017) *The Velizh Affair: Blood Libel in a Russian Town*. Oxford: Oxford University Press.
57. Avrutin, E.M., Dekel-Chen, J. & Weinberg, R. (2017) *Ritual Murder in Russia, Eastern Europe, and Beyond: New Histories of an Old Accusation*. Bloomington: Indiana University Press.
58. Klier, J.D. & Lambroza, S. (1992) *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern History*. Cambridge: Cambridge University Press.
59. Klier, D. & Lambroza, Sh. (2016) *Pogromy v rossiyskoy istorii novogo vremeni (1881–1921)* [Pogroms in the Russian history of the New Time (1881–1921)]. Moscow: Knizhniki.
60. Klier, J.D. (2014) *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge: Cambridge University Press.
61. Dixon, S. (2010) *Personality and Place in Russian Culture. Essays in Memory of Lindsey Hughes*. London: Modern Humanities Research Association. pp. 377–415.
62. Klier, J.D. (1992) The Pogrom Paradigm in Russian History. In: Klier, J.D. & Lambroza, S. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern History*. Cambridge: Cambridge University Press.
63. Kolstø, P. (2009) Sources of Russian Anti-Semitism in the Late Nineteenth Century: A Socio-Economic Explanation. *Scando-Slavica*. 55(1). pp. 43–64. DOI: 10.1080/00806760903175359
64. Weinburg, R. (2012) Look! Up There in the Sky: It's a Vulture, It's a Bat, It's a Jew: Reflections on Antisemitism in Late Imperial Russia, 1906–1914. In: Avrutin, E. & Murav, H. *Jews in the East European Borderlands: Daily Life, Violence, and Memory*. Brighton: Academic Studies Press.
65. Crews, R.D. (2006) *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press.
66. Naganawa, N. (2006) Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905. *Acta Slavica Iaponica*. 23. pp. 101–23.
67. Tuna, M.Ö. (2015) *Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
68. Davies, E.F. (2016) *Muslims in the Russian Army, 1874–1917*. PhD thesis. Ludwig-Maximilians-Universität.
69. Kane, E.M. (2015) *Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca*. Ithaca: Cornell University Press.
70. Brower, D. (1996) Russian Roads to Mecca: Religious Tolerance and Muslim Pilgrimage in the Russian Empire. *Slavic Review*. 55(3). pp. 567–584.
71. Campbell, E.I. (2015) *The Muslim Question and Russian Imperial Governance*. Bloomington: Indiana University Press.
72. Crews, R.D. (2014) The Russian Worlds of Islam. In: Motadel, D. *Islam and the European Empires*. Oxford: Oxford University Press.
73. Bushkovitch, P. (2010) Orthodoxy and Islam in Russia, 988–1725. In: Steindorff, L. *Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.–17. Jahrhundert* [Religion and integration in Moscow Russia. Concepts and practices, potentials and limits. 14th–17th centuries]. Weisbaden: Harrassowitz Verlag.
74. Geraci, R.P. (2001) *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
75. Steinwedel, C. (2016) *Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkira, 1552–1917*. Bloomington: Indiana University Press.
76. Frank, A.J. (2001) *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden: Brill.
77. Kozelsky, M. (2009) *Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
78. O'Neil, K. (2017) *Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire*. New Haven: Yale University Press.
79. Brooks, W. (1995) Russia's Conquest and Pacification of the Caucasus: Relocation Becomes a Pogrom in the Post-Crimean War Period. *Nationalities Papers*. 23(4). pp. 675–686.
80. Williams, B.G. (2000) Dar al-Harb. The 19th-Century Crimean Tatar Migrations from Russia to the Ottoman Empire: A Critical Analysis of the Great Tatar Emigration of 1860–1861. *Cahiers du Monde Russe*. 41(1). pp. 79–108.
81. Kozelsky, M. (2014) The Crimean War and the Tatar Exodus. In: Fray, L.J. & Kozelsky, M. *Russian-Ottoman Borderlands: The Eastern Question Reconsidered*. Madison: University of Wisconsin Press.
82. Morrison, A. (2008) *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press.
83. Khalid, A. (1998) *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press.
84. Pollock, pp. (2006) *Empire by Invitation? Russian Empire-Building in the Caucasus in the Reign of Catherine the Great*: PhD thesis. Harvard University.
85. Khodarkovsky, M. (1999) Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800. *The Journal of Modern History*. 71(2). pp. 394–430.
86. Khodarkovsky, M. (2011) *Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press.
87. Jersild, A. (2002) *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
88. Reynolds, M. (2014) Muslim Mobilization in Imperial Russia's Caucasus. In: Motadel D. *Islam and the European Empires*. Oxford: Oxford University Press.
89. Zelkina, A. (2000) *In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance into the North Caucasus*. London: Hurst.

90. Kreiten, I.A. (2009) Colonial Experiment in Cleansing: The Russian Conquest of Western Caucasus, 1856–65. *Journal of Genocide Research*. 11(2–3). pp. 213–241. DOI: 10.1080/14623520903118953
91. Hundley, H.S. (2010) Defending the Periphery: Tsarist Management of Buriat Buddhism. *The Russian Review*. 69(2). pp. 231–250. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2010.00564.x
92. Bawden, C.R. (1985) *Shamans, Lamas, and Evangelicals: The English Missionaries in Siberia*. London: Routledge & Kegan Paul.
93. Sablin, I. (2016) *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924. Buddhism, Socialism, and Nationalism in State and Autonomy Building*. Basingstoke: Taylor & Francis.
94. Murray, J. (2016) "Not Far from the Kingdom of God": Shamanism and Colonial Control in Russia's Eastern Borderlands, 1853–1917. *Journal of World History*. 28(3). pp. 535–563. DOI: 10.1353/jwh.2016.0119
95. Werth, P.W. (2002) *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca: Cornell University Press.
96. Kolosova, A. (2016) *Nardonost' and Obshchechelovechnost' in 19th-Century Russian Missionary Work: N. I. Il'minskii and the Christianization of the Chuvash*: PhD thesis. Durham University.
97. Kefeli, A.N. (2014) *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy*. Ithaca: Cornell University Press.
98. Znamenski, A.A. (1999) *Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport: Greenwood Press.
99. Vinkovetsky, I. (2011) *Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867*. Oxford: Oxford University Press.
100. Znamenski, A.A. (2005) Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai, 1904–1922. *Acta Slavica Iaponica*. 22. pp. 25–52.
101. Znamenski, A.A. (2010) *Shamanism in Siberia: Religious Records of Indigenous Spirituality*. Dodrecht: Kluwer Academic Publishers.
102. Murray, J. (2012) *Building Empire among the Buryats: Conversion Encounters in Russia's Baikal Region, 1860s–1917*: PhD thesis. University of Illinois-Champaign.
103. Crummey, R.O. (2011) *Old Believers in a Changing World*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
104. Robson, R.R. (1995) *Old Believers in Modern Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
105. Pentikäinen, J. (1999) *"Silent as Waters We Live": Old Believers in Russia and Abroad. Cultural Encounter with the Finno-Ugrians*. Helsinki: Finnish Literature Society.
106. Paert, I. (2003) *Old Believers, Religious Dissent, and Gender in Russia, 1760–1850*. Manchester: Manchester University Press.
107. Clay, E. (2001) An Old Believer Monastery on the Volga: The Cheremshan Monastic Complex, 1820–1925. *Slavonica*. 7(2). pp. 9–27.
108. Clay, E. (2008) Mapping the Limits of Orthodoxy: Russian Orthodox Missionary Encounters in Perm' Diocese, 1828–1912. *Russian History*. 35(1–2). pp. 113–128.
109. Rogers, D. (2009) *The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals*. Ithaca: Cornell University Press.
110. Frede, V. (2011) *Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia*. Madison: University of Wisconsin Press.
111. Carlson, M. (1993) *No Religion Higher than Truth: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922*. Princeton: Princeton University Press.
112. Mannherz, J. (2012) *Modern Occultism in Late Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
113. De Simone, P.T. (2018) *The Old Believers in Imperial Russia. Oppression, Opportunism and Religious Identity in Tsarist Moscow*. London: I. B. Tauris.
114. Michels, G.B. (2000) *At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia*. Stanford: Stanford University Press.
115. Michels, G.B. (2015) From Persecuted Minority to Confessional Church. Some Thoughts on the Near Extinction and Ultimate Survival of Old Belief (1650s–1730s). *Canadian-American Slavic Studies*. 49. pp. 322–337.
116. Marsden, T. (2015) *The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855*. Oxford: Oxford University Press.
117. Bushnell, J. (2017) *Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th-19th Centuries*. Bloomington: Indiana University Press.
118. Michels, G.B. & Nichols, R.L. (2009) *Russia's Dissident Old Believers, 1650–1950*. Minneapolis: University of Minnesota.
119. White, J. (2016) Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918. *Russian History*. 43. pp. 181–208. DOI: 10.1163/18763316-04302004
120. Clay, E. (1998) Apocalypticism in the Russian Borderlands: Inochentie Levizor and His Moldovan Followers. *Religion, State & Society*. 26(3–4). pp. 251–263.
121. Clay, E. (2001) Orthodox Missionaries and "Orthodox Heretics" in Russia. In: Geraci, R.P. & Khodarkovsky, M. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
122. Clay, E. (2011) The Woman Clothed in the Sun: Pacifism and Apocalyptic Discourse among Russian Spiritual Christian Molokan-Jumpers. *Church History*. 80(1). pp. 109–138. DOI: 10.1017/S0009640710001587
123. Clay, E. (2013) Russian Spiritual Christianity and the Closing of the Black-Earth Frontier: The First Heresy Trials of the Dukhobors in the 1760s. *Russian History*. 40(2). pp. 221–243. DOI: 10.1163/18763316-04002005
124. Clay, E. (2017) The "Quaker Heresy" in Siberia. *Canadian-American Slavic Studies*.
51(1). pp. 122–136. DOI: 10.1163/22102396-05101005
125. Etkind, A. (2003) Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects. *The Russian Review*. 62(4). pp. 565–588.
126. Breyfogle, N.B. (2005) *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press.
127. Inikova, S.A. (2017) The New Doctrines of the Doukhobor Fasters and Tolstoyism. In: Djuric Milovanovic, A. & Radic, R. *Orthodox Christian Renewal Movements in Eastern Europe*. Cham: Palgrave Macmillan.
128. Engelstein, L. (2003) *Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale*. Ithaca: Cornell University Press.
129. Palkin, A.S. (2014) Common faith in the 1820s–1850s: Mechanisms of state Oppression and old-believers' opposition. *Quaestio Rossica*. 3. pp. 87–106. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2014.3.063
130. White, J.M. (2015) Edinoverie and official Orthodoxy: the failure of unity in ceremonial practice (1900–1913). *Quaestio Rossica*. 2. pp. 201–223. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2015.2.104
131. White, J.M. (2016) Edinoverie and the concept of confessionalisation: discursive remarks. *Quaestio Rossica*. 4(4). pp. 177–189. DOI: 10.15826/qr.2016.4.199
132. Zhuk, S.I. (2004) *Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917*. Washington: John Hopkins University Press.
133. Zhuk, S.I. (2017) Maliovantsy: Orthodox Christianity and the Ukrainian "Evangelical" Peasants of Late Imperial Russia. In: Djuric Milovanovic, A. & Radic, R. *Orthodox Christian Renewal Movements in Eastern Europe*. Cham: Palgrave Macmillan.
134. Coleman, H.J. (2005) *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington: Indiana University Press.
135. Wardin, A. (2013) *On the Edge: Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia, 1855–1917*. Eugene, Oregon: Wipf & Stock.
136. Raber, M. (2016) *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929*. Eugene, Oregon: Pickwick Publications.
137. Dueck, A.J. (1995) Mennonites, the Russian State, and the Crisis of Brethren and Old Church Relations in Russia, 1910–1918. *The Mennonite Quarterly Review*. 69(4). p. 457.

138. Friesen, A. (2006) *In Defense of Privilege: Russian Mennonites and the State before and during World War I*. Winnipeg: Kindred Productions.
139. Friesen, A. (2014) The Case of a Siberian Sect: Mennonites and the Incomplete Transformation of Russia's Religious Structure. *Journal of Mennonite Studies*. 30. pp. 139–158.
140. Heier, E. (1970) *Religious Schism in the Russian Aristocracy, 1860–1900: Radstockism and Pashkovism*. The Hague, Nijhoff.
141. Kolstø, P. (2001) A Mass for a Heretic? The Controversy over Lev Tolstoi's Burial. *Slavic Review: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies*. 60(1). pp. 75–95. DOI: 10.2307/2697644
142. Kolstø, P. (2006) The Demonized Double: The Image of Lev Tolstoi in Russian Orthodox Polemics. *Slavic Review: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies*. 65(2). pp. 304–324. DOI: 10.2307/4148595
143. Kolstø, P. (2008) The Elder at Iasnaia Poliana – Lev Tolstoi and the Orthodox Starets Tradition. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 9(3). pp. 533–554. DOI: 10.1353/kri.0.0027
144. Kolstø, P. (2010) "For Here We Do Not Have an Enduring City": Tolstoy and the Strannik Tradition in Russian Culture. *The Russian Review*. 69(1). pp. 119–134. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2010.00557.x
145. Kolstø, P. & Schmid, U. (2013) Fame. Sainthood and Iurodstvo: Patterns of Self-Presentation in Tolstoi's Life Practice. *Slavic and East European Journal*. 57(4). pp. 525–543.
146. Matual, D. (1992) *Tolstoy's Translation of the Gospels: A Critical Study*. Lewiston: E. Mellen Press.
147. Hopton, T. (2000) Tolstoy, God and Anarchism. *Anarchist Studies*. 8(1). pp. 27–52.
148. Paperno, I. (2010) Leo Tolstoy's Correspondence with Nikolai Strakhov: The Dialogue on Faith. In: Orwin D.T. *Anniversary Essays on Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press.
149. Medzhibovskaya, I. (2008) *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887*. Lanham: Lexington Books.
150. Alston, C.L.R. (2014) *Tolstoy and His Disciples: The History of a Radical International Movemen*t. London: I.B. Tauris.
151. Popoff, A. (2014) *Tolstoy's False Disciple: The Untold Story of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov*. New York: Pegasus Books.
152. Davies, F., Wessel, M.S. & Brenner, M. (2015) *Jews and Muslims in the Russian Empire and the Soviet Union*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
153. Freeze, G.L. (2017) Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 62(1). pp. 4–17. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.101

Received: 29 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 213–218. DOI: 10.17223/15617793/436/25

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.4

С.В. Лавриненко

ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА К УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Представлены результаты исследования интернет-зависимости студентов первого курса одного из ведущих технических вузов России. Исследование проводилось на основе методики К. Янг. Согласно полученным данным всего 10,2% студентов являются обычными пользователями интернета и у 13% студентов выявлены симптомы интернет-зависимости, что негативно сказывается на образовательном процессе. Для решения данной проблемы необходимо активнее организовывать образовательный процесс в электронной среде, тогда, находясь за компьютером, студенты будут проводить время с пользой для учебы, а не в ущерб ей.

Ключевые слова: интернет-зависимость; студенты первого курса; социальная адаптация; обучение.

За последнее десятилетие интернет стал неотъемлемой частью жизни для большинства населения. Безусловно, интернет имеет огромное значение в современном мире и приносит большую пользу человечеству: как неиссякаемый источник информации, инструмент организации образовательного процесса, как незаменимый помощник в работе и бизнесе, как средство проведения и планирования досуга и многое другое [1, 2]. Сегодня любой современный человек хоть раз в день, для общения, работы или просто поиска нужной информации посещает сети «всемирной паутины», причем часть населения нашей планеты уже не представляют свою жизнь без интернета. Однако чрезмерное пристрастие к интернету негативно сказывается на психике и эмоциональной сфере человека. Резкое увеличение использования интернета в последние годы привело к негативным патологическим последствиям – интернет-зависимости [3], а для некоторых людей использование интернета может привести к состоянию, которое соответствует психическому расстройству [4]. В странах Азии уже давно ведутся активные работы по сокращению чрезмерного использования интернета [5]. Так, например, первая китайская клиника лечения интернет-зависимости в Пекине расширилась с 40 до 300 стационарных мест, а в других городах Китая создаются новые клиники [6].

Проблему использования интернета, ставшую сегодня глобальной, можно в целом охарактеризовать как неспособность контролировать свое времяпрепровождение в интернете, что приводит к негативным последствиям в повседневной жизни [7]. Интернет-зависимость характеризуется чрезмерными или плохо контролируемыми озабоченностями, побуждениями или поведением в отношении использования компьютеров и доступа в интернет, которые приводят к ухудшению или стрессовому состоянию [8].

Понятие «зависимость от интернета» имеет три разных значения [9. С. 45]:

1) зависимое поведение в рамках девиантного поведения;

2) способ адаптации аномальной личности, за которым скрывается множество других личностных и/или психических расстройств;

3) специфическая болезнь: интернет-зависимость как самостоятельная нозологическая единица, обусловленная взаимными патогенным влиянием характерологических черт и интернет-среды».

Согласно исследованию С.Е. Гришина 82,4% интернет-зависимых – молодежь в возрасте от 16 до 24 лет, поэтому в данной статье рассматривается проблема интернет-аддикции среди студентов первого курса обучения. В связи с этим к перечисленным выше трем значениям «зависимости от интернета» в рамках данного исследования можно добавить еще одно: «не оптимальный способ социальной адаптации нормальной личности к новым сложным условиям жизнедеятельности». Данное понятие характерно именно для студентов первого курса в связи с напряженностью их личностных механизмов адаптации в процессе активного включения в учебно-профессиональную деятельность на базе технического вуза. Именно чрезмерное использование Интернета на данном этапе профессионального становления компенсирует недостаток информации, общения, эмоционально-значимого взаимодействия со знакомыми ранее людьми, от которых многие первокурсники находятся на значительном удалении.

В качестве основных характеристик интернет-зависимости J.J. Kandell выделяет [10]:

– серьезные денежные вложения в ресурсы, связанные с деятельностью в интернете;

– неприятные ощущения (беспокойство, депрессия, пустота и т.п.) в автономном режиме (без интернета);

– возрастающая толерантность к негативным последствиям времяпрепровождения в интернете;

– отрицание проблемного поведения.

Симптомы чрезмерного использования интернета сравнивались с критериями, используемыми для диагностики других зависимостей. Отмечается, что стимулируемая активизация стимулов к видеоиграм в интернете может быть аналогична той, которая наблюдается у людей с зависимостью от психотропных веществ или азартных игр [11, 12].

Сегодня проводятся исследования по выявлению предрасположенностей той или иной группы людей к

компьютерной зависимости. Согласно ряду исследований, индивидуальные характеристики личности, такие как агрессия, самоконтроль и нарциссические черты характера, могут предрасполагать некоторых людей к пристрастию к онлайн-играм [13]. При этом жестокие компьютерные игры могут повысить агрессивность и уменьшить чувствительность человека к страданиям других [14, 15].

Согласно исследованиям, генетика человека не оказывает значительного влияния на интернет-зависимость [16], кроме того, интернет-зависимость не зависит от пола [17]. Однако подростки мужского пола проводят значительно больше времени в интернете, чем женского. При этом большая часть девушек активно используют социальные сети, в то время как большинство юношей активно используют интернет-технологии для многопользовательских ролевых игр и сайтов для взрослых [18]. Поэтому, при появлении симптомов интернет-зависимости, больше внимания следует уделять подросткам мужского пола с высоким уровнем агрессии [19].

Количество молодёжи среди интернет-пользователей растет быстрее, чем количество представителей других возрастных групп. Но и среди молодёжи выделяется категория наиболее частых пользователей интернета – студенческая молодёжь [20–22]. Общение в социальных сетях стало весьма популярной деятельностью среди подростков, что потенциально ведет к чрезмерному использованию интернета [23]. Активное использование интернета обычно приводит к сокращению времяпрепровождения с членами семьи, снижению социального круга близких и знакомых, а также увеличению уровня депрессии и одиночеству [24]. Выпивка и активное использование интернета можно считать стратегией преодоления трудностей студентов, столкнувшихся с жизнью в новых условиях (общежитиях) [25].

Цель исследования: оценить проблему интернет-зависимости у подростков мужского пола.

Задачи исследования: 1) провести анкетирование среди студентов первого курса в техническом вузе; 2) конкретизировать понятие «интернет-зависимость» в рамках адаптации студентов первого курса; 3) выделить перечень мероприятий, позволяющих минимизировать возможность формирования интернет-зависимости или снизить негативные факторы воздействия интернета на образовательный процесс.

Для выявления интернет-зависимости студентов было проведено исследование среди студентов первого года обучения. Исследование проводилось на основе методики, разработанной Кимберли Янг [26]. Опросник состоял из 40 вопросов, на каждый из которых испытуемый должен был дать ответ в соответствии с 5-балльной шкалой ликкерта (никогда – 1 балл, редко – 2 балла, регулярно – 3 балла, часто – 4 балла, постоянно – 5 баллов). Адаптация опросника для русского языка была произведена В. Лоскутовой.

Субъектами исследования стали студенты первого года обучения, одного из ведущих технических вузов России – Национального исследовательского Томского политехнического университета.

В исследовании приняли участие 359 студентов мужского пола Энергетического института Томского Политехнического университета 2017 г. приема. Возраст тестируемых от 16 до 22 лет (табл. 1).

Таблица 1

Количество студентов в каждой возрастной группе

Год рождения (возраст)	2000 (16)	1999 (17)	1998 (18)	1997 (19)	1996 (20)	1995 (21)	1994 (22)
Количество человек	9	30	261	31	13	12	3

Тест представляет собой инструмент самодиагностики патологического пристрастия к интернету (вне зависимости от формы этого пристрастия).

Конечно, тест не может служить основанием для постановки диагноза, так как имеет слишком простую и прозрачную структуру. Между тем тест может служить инструментом отбора тех лиц, которым нужна консультация специалиста, а тестирование в динамике можно использовать для оценки улучшения состояния больного в процессе лечения.

Студенты, прошедшие тестирование, были разделены на три группы (табл. 2), в зависимости от количества набранных баллов: 20–49 баллов – обычный пользователь интернета; 50–79 баллов – есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом; 80–100 баллов – интернет-зависимость.

Таблица 2

Распределение студентов первого курса разных возрастов по группам интернет-зависимости согласно результатам тестирования по методике К. Янг

Возраст, лет группа	16	17	18	19	20	21	22	16–22
Обычный пользователь, %	10,0	12,9	8,8	12,9	23,1	16,7	0,0	10,2
Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом, %	80,0	77,4	77,3	74,2	61,5	75,0	100,0	76,7
Интернет-зависимость, %	10,0	9,7	13,8	12,9	15,4	8,3	0,0	13,1

Полученные данные свидетельствуют о значительном количестве интернет-зависимых (13,1%) среди студентов первого года обучения. Больше чем у половины опрошенных студентов (76,7%) есть неко-

торые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом. И всего 10,2% студентов являются обычными пользователями интернета. Для выявления статистически значимых отличий между результатами тестирования студентов разных возрастов был рассчитан критерий хи-квадрат Пирсона. Полученное значение критерия $\chi^2 = 10{,}28$ не превышает критическое значение χ^2 (21,026) при уровне значимости $p < 0{,}05$, следовательно можно сделать вывод об отсутствии статистической взаимосвязи между возрастом тестируемых и уровнем зависимости от интернета.

Столь большое количество времени, проведенного в интернете, можно было бы списать на необходимость обучения, ведь сегодня практически вся учебная деятельность реализуется через онлайн-сервисы. Однако, на заданный вопрос «На что вы тратите больше всего времени в интернете?» большинство студентов давали совершенно другие ответы (рис. 1).

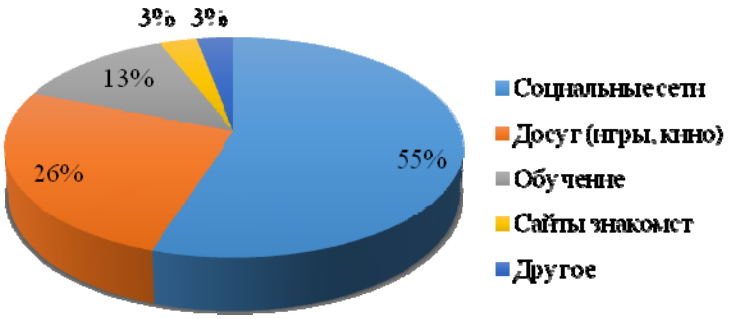

Рис. 1. Распределение ответов первокурсников Томского политехнического университета (%) на вопрос «На что вы тратите больше всего времени в интернете?»

Всего 13% опрошенных ответили, что больше всего времени уходит на учебную деятельность. Большинство студентов (55%) проводит время в интернете общаясь в социальных сетях. Кроме того, согласно полученным результатам значительная часть студентов первого курса проводит время за онлайн-играми и просмотром видео в интернете (26%).

Согласно исследованию Т.С. Спиркиной основная масса интернет-зависимых полагает, что спад интернет-активности происходит за счет обретения новых знакомых и увлечений в реальной жизни [27]. В связи с этим в качестве мероприятий, позволяющих минимизировать возможность формирования интернет-зависимости или снизить негативные факторы воздействия интернета на образовательный процесс студентов первого курса, можно выделить:

1. Организацию эффективной социокультурной адаптации первокурсников в новых условиях обучения и жизни при помощи кураторов академических групп [28].
2. Проведение тренингов, групповых спортивных игр, массовых мероприятий и т.п.
3. Организацию службы психологической поддержки студентов.
4. Активное привлечение студентов к проведению исследовательских работ [29].
5. Эффективную организацию образовательного процесса в электронной среде [30].

Реализация данных мероприятий в вузовской среде должна положительно повлиять на снижение уровня зависимости от интернета и повысить эффективность образовательного процесса.

В заключении необходимо отметить, что злоупотребление интернетом является очень сложной и многогранной проблемой. Интернет-зависимость проявляется в бегстве в виртуальную реальность студентов, ощущающих свою незащищенность, одиноких или не понятых близкими, тяготящихся своей учебой или социальным окружением. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Число интернет-зависимых среди студентов первого курса почти на 10% превышает число интернет-зависимых, выявленных Е.И. Цимберово, Д.О. Щурко и Н.Л. Бацуковой среди учеников и студентов в 2010 г. [21], и на 6% по сравнению с результатами исследования, проведенного С.Е. Гришиным в 2017 г. [9], но соотносится с числом интернет-зависимых, выявленных среди студентов 1–2-го курса Российского государственного профессионально-педагогического университета в 2015–2016 гг. [31].
2. Отсутствие статистически значимых различий между студентами разных возрастов объясняется нахождением обучающихся в примерно одинаковых условиях: проживание в общежитии, изучение одних и тех же предметов, занятия схожей внеучебной деятельностью.
3. Продолжительное времяпрепровождение в социальных сетях связано с желанием завести новых друзей среди нового окружения, поскольку многие первокурсники приехали для обучения в университете из других городов и зачастую испытывают сложности при адаптации в новой незнакомой среде. При этом интернет-общение не должно быть основной формой проведения свободного времени и заменять общение в реальной жизни, столь глубокое погружение в социальные сети может негативно сказаться на образовательном процессе.
4. Проведение времени за онлайн-играми и просмотром видео в интернете объясняется отсутствием родительского контроля. При обучении в школах родители в определенной степени контролировали распределение свободного времени подростков, в то время как в университете они предоставлены сами

себе. Часть первокурсников не готова самостоятельно ограничить свое времяпрепровождение за компьютерными развлечениями. Получив «свободу», студенты еще больше времени начинают проводить за компьютером, но не за учебой. В результате они начинают пропускать занятия и накапливать долги, что в дальнейшем может привести к серьезным проблемам с успеваемостью.

5. Полученные результаты не могут распространяться на студентов всех курсов, поскольку спустя адаптационный период возможно перераспределение числа студентов между группами интернет-зависимых. Целесообразно провести повторное исследование среди этих же студентов на втором курсе и сделать сравнительный анализ полученных данных, а также отбор способов снижения уровня интернет-зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Guan S.-S.A., Subrahmanyam K. Youth internet use: Risks and opportunities // Current Opinion in Psychiatry. 2009. 22 (4). P. 351–356. DOI: 10.1097/YCO.0b013e32832bd7e0
2. Nikiforov N.S., Lavrinenko S.V. Tests in education and their application in the electronic environment // 9th International Conference on Application of Information and Communication Technologies, AICT 2015 – Proceedings, art. no. 7338606. 2015. P. 482–485. DOI: 10.1109/ICAICT.2015.7338606
3. Nalwa K., Anand A.P. Internet Addiction in Students: A Cause of Concern // Cyberpsychology and Behavior. 2003. 6 (6). P. 653–656. DOI: 10.1089/109493103322725441
4. Elsalhy M., Muramatsu T., Higuchi S., Mimura M. The concept and treatment of internet addiction // Brain and Nerve. 2016. 68 (10). P. 1159–1166
5. Morahan-Martin, J. Internet abuse: Emerging trends and lingering questions // Psychological Aspects of Cyberspace: Theory, Research, Applications. 2008. P. 32–69. DOI: 10.1017/CBO9780511813740.004
6. Griffiths D. Treating China's online addicts // BBC News. 2005. 10 October 10. Retrieved January 8, 2007 http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4327258.stm
7. Spada M.M. An overview of problematic Internet use // Addictive Behaviors. 2014. 39 (1). P. 3–6. DOI: 10.1016/j.addbeh.2013.09.007
8. Shaw M., Black D.W. Internet addiction: Definition, assessment, epidemiology and clinical management // CNS Drugs. 2008. 22 (5). P. 353–365. DOI: 10.2165/00023210-200822050-00001
9. Гришин С.Е. Интернет-зависимость молодежи // Информационная безопасность регионов. 2017. № 2 (27). С. 44–49.
10. Kandell J.J. Internet addiction on campus: The vulnerability of college students // Cyberpsychology and Behavior. 1998. 1 (1). P. 11–17
11. Beard K.W. Internet addiction: A review of current assessment techniques and potential assessment questions // Cyberpsychology and Behavior. 2005. 8 (1). P. 7–14. DOI: 10.1089/cpb.2005.8.7
12. Han D.H., Bolo N., Daniels M.A., Arenella L., Lyoo I.K., Renshaw P.F. Brain activity and desire for Internet video game play // Comprehensive Psychiatry. 2011. 52 (1). P. 88–95. DOI: 10.1016/j.comppsych.2010.04.004
13. Kim E.J., Namkoong K., Ku T., Kim S.J. The relationship between online game addiction and aggression, self-control and narcissistic personality traits // European Psychiatry. 2008. 23 (3). P. 212–218. DOI: 10.1016/j.eurpsy.2007.10.010
14. Subrahmanyam K., Kraut R.E., Greenfield P.M., Gross E.F. The impact of home computer use on children's activities and development // Future of Children. 2000. 10 (2). P. 123–144
15. Subrahmanyam K., Greenfield P., Kraut R., Gross E. The impact of computer use on children's and adolescents' development // Journal of Applied Developmental Psychology. 2001. 22 (1). P. 7–30. DOI: 10.1016/S0193-3973(00)00063-0
16. Hahn E., Reuter M., Spinath F.M., Montag C. Internet addiction and its facets: The role of genetics and the relation to self-directedness // Addictive Behaviors. 2017. Vol. 65. P. 137–146. DOI: 10.1016/j.addbeh.2016.10.018
17. Kim K., Ryu E., Chon M.-Y., Yeun E.-J., Choi S.-Y., Seo J.-S., Nam B.-W. Internet addiction in Korean adolescents and its relation to depression and suicidal ideation: A questionnaire survey // International Journal of Nursing Studies. 2006. Vol. 43 (2). P. 185–192. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2005.02.005
18. Dufour M., Brunelle N., Tremblay J., Leclerc D., Cousineau M.-M., Khazaal Y., Légaré A.-A., Rousseau M., Berbiche D. Gender Difference in Internet Use and Internet Problems among Quebec High School Students // Canadian Journal of Psychiatry. 2016. Vol. 61 (10). P. 663–668. DOI: 10.1177/0706743716640755
19. Yen J.-Y., Ko C.-H., Yen C.-F., Wu H.-Y., Yang M.-J. The Comorbid Psychiatric Symptoms of Internet Addiction: Attention Deficit and Hyperactivity Disorder (ADHD), Depression, Social Phobia, and Hostility // Journal of Adolescent Health. 2007. Vol. 41 (1). P. 93–98. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2007.02.002
20. Межевникова О.П. Интернет-зависимость молодёжи в условиях развития информационных технологий // Гуманитарный трактат. 2018. № 23. С. 34–37.
21. Цимберова Е.И., Щурко Д.О., Бацукова Н.Л. Интернет-зависимость – современная проблема молодёжи // Здоровье и окружающая среда. 2010. № 15. С. 341–345.
22. Tsai H.F., Cheng S.H., Yeh T.L., Shih C.-C., Chen K.C., Yang Y.C., Yang Y.K. The risk factors of Internet addiction-A survey of university freshmen // Psychiatry Research. 2009. Vol. 167 (3). P. 294–299. DOI: 10.1016/j.psychres.2008.01.015
23. Lin S.S.J., Tsai C.-C. Sensation seeking and internet dependence of Taiwanese high school adolescents // Computers in Human Behavior. 2002. Vol. 18 (4). P. 411–426. DOI: 10.1016/S0747-5632(01)00056-5
24. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukopadhyay T., Scherlis W. Internet Paradox: A Social Technology That Reduces Social Involvement and Psychological Well-Being? // American Psychologist. 1998. Vol. 53 (9). P. 1017–1031
25. Tao Z., Wu G., Wang Z. The relationship between high residential density in student dormitories and anxiety, binge eating and Internet addiction: a study of Chinese college students // SpringerPlus. 2016. Vol. 5 (1). art. no. 1579, DOI: 10.1186/s40064-016-3246-6
26. Young K.S. Caught in the Net. John Wiley & Sons New York, 1998.
27. Спиркина Т.С. Исследование динамики интернет-зависимости // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 159–162.
28. Belskaya E., Moldovanova E., Rozhkova S., Tsvetkova O., Chervach M. University smart guidance counselling (2016) Smart Innovation, Systems and Technologies, 59. P. 39–49. DOI: 10.1007/978-3-319-39690-3_4
29. Arpentieva M.R., Geraskina P.B., Lavrinenko S.V., Zalavina T.Y., Kamenskaya E.N., Tashcheva A.I. Directions of psychological research of academic session // Astra Salvensis. 2018. № 6. P. 646–662.
30. Lavrinenko S.V., Ikonnikova P.K. The effectiveness of information and communication technologies in the educational process // Proceedings – 2016 11th International Forum on Strategic Technology. IFOST 2016, art. no. 7884296. 2017. P. 465–468. DOI: 10.1109/IFOST.2016.7884296
31. Хасанова И.И., Котова С.С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 4. С. 146–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 28 апреля 2018 г.

INTERNET ADDICTION AND ADAPTATION PROBLEMS OF FIRST-YEAR STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY TO THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL ENVIRONMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 213–218.
DOI: 10.17223/15617793/436/25

Sergey V. Lavrinenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: serg86@tpu.ru

Keywords: Internet Addiction Disorder; first-year students; social adaptation; education.

The study aims to assess the problem of Internet addiction in adolescent men. The objectives of the research are: (1) to conduct a questionnaire among first-year students in a technical college; (2) to specify the concept "Internet addiction" in the context of first-year students' adaptation; (3) to determine activities that allow to minimize the possibility of forming Internet addiction or to reduce the negative factors of the Internet impact on the educational process. The study involved 359 male students of the Energy Institute of Tomsk Polytechnic University who entered the university in 2017. The age of the respondents was from 16 to 22. The study was conducted on the basis of a technique developed by Kimberly Young. The data obtained indicate a significant number of the Internet dependent (13.1%) among students of the first year. More than half of the surveyed students (76.7%) have some problems associated with excessive interest in the Internet. Only 10.2% of the students are standard users of the Internet. Based on the study, the following conclusions can be drawn. (1) The number of Internet dependent students among first-year students is almost 10% higher than the number of Internet-dependent ones identified by E.I. Tsimberovo, D.O. Schurko and NL Batsukova among pupils and students in 2010, and 6% compared to the results of a study conducted by S.E. Grishin in 2017, but correlated with the number of Internet-dependent among the students of the first and second years of the Russian State Vocational Pedagogical University in 2015–2016. (2) The absence of statistically significant differences between students of different ages is explained by the students' similar conditions: living in a dormitory, studying the same subjects, engaging in similar extracurricular activities. (3) Long pastime in social networks is connected with the desire to make new friends among the new environment since many freshmen came to study at the university from other cities, and often experience difficulties in adapting to a new unfamiliar environment. (4) The timing of online games and watching videos on the Internet is explained by the lack of parental control. When they were in school, parents somehow controlled the distribution of adolescents' free time, while at university they are on their own. Having received "freedom" students begin to spend even more time at a computer not for studying. As a result, they begin to skip classes and accumulate debts, which in the future can lead to serious problems with academic results. (5) The results obtained cannot be extended to students of all courses, because after the adaptation period, a redistribution of the number of students between Internet dependent groups is possible. It is advisable to conduct a second study among the same students in the second year and conduct a comparative analysis of the data obtained, as well as to search for ways to reduce the level of Internet addiction.

REFERENCES

1. Guan, S.-S.A. & Subrahmanyam, K. (2009) Youth internet use: Risks and opportunities. *Current Opinion in Psychiatry*. 22 (4). pp. 351–356. DOI: 10.1097/YCO.0b013e32832bd7e0
2. Nikiforov, N.S. & Lavrinenko, S.V. (2015) Tests in education and their application in the electronic environment. *9th International Conference on Application of Information and Communication Technologies, AICT 2015 – Proceedings*, art. no. 7338606. pp. 482–485. DOI: 10.1109/ICAICT.2015.7338606
3. Nalwa, K. & Anand, A.P. (2003) Internet Addiction in Students: A Cause of Concern. *Cyberpsychology and Behavior*. 6 (6). pp. 653–656. DOI: 10.1089/109493103322725441
4. Elsalhy, M., Muramatsu, T., Higuchi, S. & Mimura, M. (2016) The concept and treatment of internet addiction. *Brain and Nerve*. 68 (10). pp. 1159–1166.
5. Morahan-Martin, J. (2008) Internet abuse: Emerging trends and lingering questions. *Psychological Aspects of Cyberspace: Theory, Research, Applications*. pp. 32–69. DOI: 10.1017/CBO9780511813740.004
6. Griffiths, D. (2005) Treating China's online addicts. *BBC News*. 10 October. [Online]. Available from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4327258.stm. (Accessed: 08.01.2007).
7. Spada, M.M. (2014) An overview of problematic Internet use. *Addictive Behaviors*. 39 (1). pp. 3–6. DOI: 10.1016/j.addbeh.2013.09.007
8. Shaw, M. & Black, D.W. (2008) Internet addiction: Definition, assessment, epidemiology and clinical management. *CNS Drugs*. 22 (5). pp. 353–365. DOI: 10.2165/00023210-200822050-00001
9. Grishin, S.E. (2017) Internet addiction among young people. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov – Information Security of Regions*. 2 (27). pp. 44–49. (In Russian).
10. Kandell, J.J. (1998) Internet addiction on campus: The vulnerability of college students. *Cyberpsychology and Behavior*. 1 (1). pp. 11–17.
11. Beard, K.W. (2005) Internet addiction: A review of current assessment techniques and potential assessment questions. *Cyberpsychology and Behavior*. 8 (1). pp. 7–14. DOI: 10.1089/cpb.2005.8.7
12. Han, D.H., Bolo, N. et al. (2011) Brain activity and desire for Internet video game play. *Comprehensive Psychiatry*. 52 (1). pp. 88–95. DOI: 10.1016/j.comppsych.2010.04.004
13. Kim, E.J., Namkoong, K., Ku, T. & Kim, S.J. (2008) The relationship between online game addiction and aggression, self-control and narcissistic personality traits. *European Psychiatry*. 23 (3). pp. 212–218. DOI: 10.1016/j.eurpsy.2007.10.010
14. Subrahmanyam, K., Kraut, R.E., Greenfield, P.M. & Gross, E.F. (2000) The impact of home computer use on children's activities and development. *Future of Children*. 10 (2). pp. 123–144
15. Subrahmanyam, K., Greenfield, P., Kraut, R. & Gross, E. (2001) The impact of computer use on children's and adolescents' development. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 22 (1). pp. 7–30. DOI: 10.1016/S0193-3973(00)00063-0
16. Hahn, E., Reuter, M., Spinath, F.M. & Montag, C. (2017) Internet addiction and its facets: The role of genetics and the relation to self-directedness. *Addictive Behaviors*. Vol. 65. pp. 137–146. DOI: 10.1016/j.addbeh.2016.10.018
17. Kim, K., Ryu, E. & et al. (2006) Internet addiction in Korean adolescents and its relation to depression and suicidal ideation: A questionnaire survey. *International Journal of Nursing Studies*. 43 (2). pp. 185–192. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2005.02.005
18. Dufour, M., Brunelle N. & et al. (2016) Gender Difference in Internet Use and Internet Problems among Quebec High School Students. *Canadian Journal of Psychiatry*. 61 (10). pp. 663–668. DOI: 10.1177/0706743716640755
19. Yen, J.-Y., Ko, C.-H. & et al. (2007) The Comorbid Psychiatric Symptoms of Internet Addiction: Attention Deficit and Hyperactivity Disorder (ADHD), Depression, Social Phobia, and Hostility. *Journal of Adolescent Health*. 41 (1). pp. 93–98. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2007.02.002
20. Mezhevnikova, O.P. (2018) Internet-zavisimost' molodezhi v usloviyakh razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [Internet addiction of young people in the conditions of the development of information technologies]. *Gumanitarnyy traktat*. 23. pp. 34–37.

21. Tsimberova, E.I., Shchurko, D.O. & Batsukova, N.L. (2010) Internet-zavisimost' – sovremennaya problema molodezhi [Internet addiction – a contemporary problem of youth]. *Zdorov'e i okruzhayushchaya sreda*. 15. pp. 341–345.
22. Tsai, H.F., Cheng, S.H. & et al. (2009) The risk factors of Internet addiction-A survey of university freshmen. *Psychiatry Research.* 167 (3). pp. 294–299. DOI: 10.1016/j.psychres.2008.01.015
23. Lin, S.S.J. & Tsai, C.-C. (2002) Sensation seeking and internet dependence of Taiwanese high school adolescents. *Computers in Human Behavior.* 18 (4). pp. 411–426. DOI: 10.1016/S0747-5632(01)00056-5
24. Kraut, R. & et al. (1998) Internet Paradox: A Social Technology That Reduces Social Involvement and Psychological Well-Being? *American Psychologist*. 53 (9). pp. 1017–1031
25. Tao, Z., Wu, G. & Wang, Z. (2016) The relationship between high residential density in student dormitories and anxiety, binge eating and Internet addiction: a study of Chinese college students. *SpringerPlus.* 5 (1). art. no. 1579. DOI: 10.1186/s40064-016-3246-6
26. Young, K.S. (1998) *Caught in the Net*. John Wiley & Sons New York.
27. Spirkina, T.S. (2008) The study of dynamics of Internet addiction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 311. pp. 159–162. (In Russian).
28. Belskaya, E. & et al. (2016) University smart guidance counselling. *Smart Innovation, Systems and Technologies.* 59. pp. 39–49. DOI: 10.1007/978-3-319-39690-3_4
29. Arpentieva, M.R. & et al. (2018) Directions of psychological research of academic session. *Astra Salvensis*. 6. pp. 646–662.
30. Lavrinenko, S.V. & Ikonnikova, P.K. (2017) The effectiveness of information and communication technologies in the educational process. *Proceedings – 2016 11th International Forum on Strategic Technology*. IFOST art. no. 7884296. pp. 465–468. DOI: 10.1109/IFOST.2016.7884296
31. Khasanova, I.I. & Kotova, S.S. (2017) The correlations of the internet addiction between coping and deviant behaviour of students. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 19(4). pp. 146–168. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168

Received: 28 April 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 219–224. DOI: 10.17223/15617793/436/26

УДК 378.147:378.095:62

В.В. Пак

ФОРМИРОВАНИЕ ОБОБЩЕННЫХ ПРОЕКТНЫХ УМЕНИЙ СРЕДСТВАМИ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Целью работы является обоснование использования методики формирования обобщенных проектных умений. Приведены результаты исследований, посвященных этой проблеме. Предложена методика формирования названных умений посредством создания проекта на основе учебной задачи. Использованы теоретические и практические методы. Представлены методические рекомендации по организации образовательной деятельности. Установлена целесообразность формирования обобщенных проектных умений.

Ключевые слова: обобщенные проектные умения; метод проектов; проектная деятельность; задачи по физике.

Подготовка высококвалифицированных конкурентоспособных специалистов является одной из важнейших задач высшего образования страны. Это обусловлено в первую очередь необходимостью и потребностью удовлетворить требования, предъявляемые к выпускникам вузов как со стороны государства, так и со стороны общества. Исследования многих авторов показывают, что формирование профессиональных компетенций осуществляется не только при курсовом и дипломном проектировании, но и при изучении базовых дисциплин, в частности – физики. Как известно, решение качественных и расчетных учебных задач является одним из основных методов обучения физике. В процессе обучения физике задачи могут быть использованы в качестве средств обучения и контроля усвоения изученного материала. Мы предлагаем рассмотреть еще одну функцию задач – использование учебных физических задач с целью формирования обобщенных проектных умений. Как показано в работах В.В. Ларионова, А.А. Воронцова и В.В. Пак [1–3], учебные физические задачи могут применяться в качестве основы для организации проектной деятельности обучающихся, что немаловажно для формирования профессиональных компетенций выпускников.

Обучение студентов инженерного вуза базируется прежде всего на требованиях ФГОС ВО, ориентировано на выполнение социального заказа и опирается на концепции совершенствования инженерного образования CDIO (conceive – design – implement – operate). В Федеральном государственном образовательном стандарте представлены требования к реализации основных образовательных программ. Согласно данным программам по окончании обучения выпускник инженерного вуза должен обладать определенным набором компетенций. Этот набор компетенций различен для разных направлений подготовки. Однако существует ряд компетенций, общий для всех направлений и специальностей подготовки студентов инженерного вуза. К таким компетенциям относятся общепрофессиональные и профессиональные компетенции, среди которых значительное место занимают компетенции в области проектной и проектно-конструкторской деятельности. Формирование умений, соответствующих вышеназванным компетенциям, осуществляется в процессе освоения материала на протяжении всего периода обучения. Отметим, что сформированные умения должны обладать свойством инвариантности, иметь обобщенный характер. Они должны легко переноситься на различные сферы деятельности, отличные от той, в которой они были сформированы.

Основу инициативы CDIO составляют четыре принципа. Эти принципы отражены в названии концепции: conceive – design – implement – operate (планировать – проектировать – производить – применять). Данная концепция представляет собой комплексный подход к обучению в инженерном вузе и включает в себя ряд принципов, согласно которым рекомендуется организовывать процесс обучения. В соответствии с предложенной концепцией выпускник должен уметь самостоятельно создавать новый продукт (таковым может являться прибор, модуль, блок, схема, способ, идея реализации и т.д.) и сопровождать продвижение этого продукта на рынке. Основные положения CDIO показывают, что одним из ключевых стандартов данной концепции является интегрированный характер учебных заданий, позволяющий «осваивать дисциплинарные знания, личностные и межличностные компетенции и создавать новые продукты и системы, востребованные рынком» [4].

Таким образом, в соответствии с положениями концепции ключевую роль в подготовке инженеров играет формирование обобщенных проектных умений, поскольку профессиональная деятельность инженера базируется на проектных умениях. В связи с развитием науки и техники умения должны носить обобщенных характер.

Поскольку решение учебных задач при обучении физике является неотъемлемым элементом учебного процесса, предположим, что формирование обобщенных проектных умений возможно в процессе решения задач. С этой целью возможно использование учебных физических задач, обладающих высоким проектным потенциалом. В своей работе [5. С. 45] мы ввели определение проектного потенциала и будем придерживаться утверждения, что проектный потенциал задачи – это возможность использования данной задачи с целью создания проектов. Проектный потенциал задачи тем выше, чем большее количество проектов можно создать на основе этой задачи. Таким образом, при выборе задачи для организации проектной деятельности рекомендуем руководствоваться следующими положениями:

– задача должна носить мультидисциплинарный характер, т.е. для ее решения необходимо использо-

вать внутри- и межпредметные связи, знания различных разделов курса физики и других дисциплин;

– введение новых параметров или переменных значительно изменяет условие задачи;

– процесс реализации проекта на основе данной задачи должен удовлетворять условиям учебной лаборатории.

Многочисленные исследования, посвященные решению задач, доказывают важную роль учебных физических задач в процессе обучения. Например, Д.Б. Эльконин [6] представляет учебную задачу как средство овладения определенным «механизмом». Такой механизм выполнения действия имеет большую практическую значимость для обучающихся.

Использование учебных задач в процессе обучения физике одними из первых наиболее подробно рассмотрели С.Е. Каменецкий и В.П. Орехов. Они представили учебную физическую задачу как «небольшую проблему, которая в общем случае решается с помощью логических умозаключений, математических действий и эксперимента на основе законов и методов физики» [7. С. 6]. Авторы одними из первых отметили важность использования учебных физических задач с целью формирования умений применять теоретические знания на практике [7].

В работах А.В. Усовой и Н.Н. Тулькибаевой дано более точное определение учебной физической задачи, которое так же сводится к развитию мышления и умению применять на практике полученные знания. [8]. Кроме того, А.В. Усова и Н.Н. Тулькибаева предлагают структурировать учебную задачу и вводят понятия «задачной» и «решающей» подсистемы, которые взаимодействуют и тесно связаны между собой условием [Там же].

Структурирование и систематизацию учебных задач находим у многих других авторов. Например, А.Ф. Эсаулов предлагает рассматривать учебную физическую задачу как структурированный системный объект [9].

Ярко выраженная структура и системность учебных задач также подчеркивается Л.М. Фридманом [10]. Он определяет в задаче условие оператора и требование.

Таким образом, большинство исследований подтверждают структурность и системность учебных физических задач, что позволяет широко использовать задачи в учебном процессе. Кроме того, названные свойства позволяют классифицировать учебные физические задачи. Например, А.В. Усова классифицирует задачи по степени сложности, по способу и характеру решения. А.Е. Бойкова классифицирует учебные физические задачи по степени сложности, способам задания, основному способу решения, дидактическим целям, характеру содержания и др. [11]. Е.В. Полицинский рассматривает задачи как редуцированные, интегративные, информационные, межпредметные и эвристические [12]. Опираясь на многочисленные исследования, мы предлагаем использовать для классификации:

– степень сложности;
– дидактические цели;
– методы современной физики;
– характер исследования;
– способы задания условия задачи;
– структурные разделы физики;
– характер содержания;
– способ решения.

Решение задач любого вида представляет собой сложный динамический процесс, состоящий из последовательности определенных действий. Анализируя процесс решения учебной физической задачи А.В. Усова подчеркивает важность задачи в процессе формирования знаний и умений [8]. Анализ процесса решения задач находим в работе Г.П. Стефановой [13]. В своей работе автор предлагает обобщенный метод решения задач, который включает в себя ряд последовательных действий и операций. Л.А. Ларченкова, в свою очередь, подчеркивает, что в процессе решения учебной задачи активизируется мыслительная деятельность, развивается мышление и обучающийся овладевает системой знаний [14]. Кроме того, Л.А. Ларченкова полагает, что процесс решения учебной задачи позволяет сформировать следующие умения: формулировать задачу, видеть проблему, анализировать средства, оценивать решение и прогнозировать дальнейшее развитие.

Следует отметить, что перечисленные умения, формирующиеся в процессе решения учебной физической задачи, соответствуют проектным умениям. Проектные и обобщенные проектные умения, формирование которых необходимо в процессе обучения студентов инженерных вузов, подробно представлены нами в работах [1, 2, 5, 16]. Отметим, что обобщенными проектными умениями считаем:

– постановку проблемы;
– формирование гипотезы;
– составление плана;
– реализацию проекта;
– анализ результатов и защиту проекта.

Покажем соответствие умений, формируемых при решении задач, и проектных умений, входящих в состав обобщенных проектных умений. Например, обобщенное проектное умение «ставить проблему» соответствует умению выявлять противоречие на этапе решения задачи. Обобщенное проектное умение «разрабатывать алгоритм действий» при создании и реализации проекта включает в себя умение анализировать имеющиеся средства и условия. Обобщенное проектное умение «анализировать полученные результаты» состоит, в частности, из умения проводить оценку решения задачи с точки зрения целесообразности, логичности, правдоподобности и т.д.

Подтверждение представленного соответствия обобщенных проектных умений и умений, формируемых в процессе решения учебных физических задач, находим у Б.С. Беликова в работе «Решение задач по физике: Общие методы» [15]. Согласно исследований Б.С. Беликова процедура решения учебной физической задачи может быть представлена тремя фазами: физической, математической и рефлексивной. На протяжении первой фазы решения задачи обучающиеся знакомятся с явлениями и процессами, которые лежат в основе представленной задачи; сопоставляют известные физические законы с условием задачи; составляют математическое описание условия задачи. Следующим шагом является решение математической

системы уравнений, которая была составлена на предыдущем этапе. В заключении обучающиеся анализируют полученный результат путем его сопоставления с ранее известными данными и законами, табличными значениями и другими фактами.

Отметим, что в результате деятельности обучающихся в первой фазе решения задачи формируются следующие умения: детально анализировать условие задачи, устанавливать соответствие физических явлений и процессов, представленных в задаче, и фундаментальных законов физики; формировать и критически оценивать рабочую гипотезу; определять наиболее оптимальные условия и соотносить эти условия с имеющимися; определять последовательность действий. Вторая фаза решения задачи позволяет формировать умение осуществлять последовательность запланированных действий. На протяжении заключительной фазы формируется умение критически оценивать и анализировать полученный результат. Таким образом, становится очевидно, что в процессе решения учебных физических задач может быть сформирован ряд умений, которые соответствуют или являются составной частью обобщенных проектных умений. Подчеркнем, что решение учебных задач позволяет овладевать новым предметным знанием, осуществлять контролирующую и оценочную деятельность и организовывать учебный процесс таким образом, чтобы умения, формирующиеся в процессе решения задачи, обладали широкими свойствами переноса на другие виды деятельности. Отметим также, что для формирования обобщенных проектных умений могут быть использованы задачи разного типа, способа задания, уровня сложности, характера содержания и др. Задача должна лишь удовлетворять требованиям, которые мы представили выше, для успешного создания и реализации проекта на ее основе.

Полагаем, что при осуществлении образовательной деятельности необходимо руководствоваться системным, деятельностным, личностным и практико-ориентированным подходом.

Методологические основы системного подхода представлены в работах И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина [17]. Основой данного подхода является четко заданная структура системы и наличие связей между элементами системы. Использование системного подхода в процессе обучения с целью формирования обобщенных умений обусловлено тем, что данные в задаче явления и процессы всегда рассматриваются как единое целое и жестко взаимосвязаны. Использование системного подхода позволяет организовать реализацию нескольких проектов на основе одной задачи.

Согласно основным положениям деятельностного подхода, авторами которого по праву принято считать А.Н. Леонтьева и В.В. Давыдова [18], любая деятельность может быть представлена как последовательность определенных действий, которые, в свою очередь, могут быть представлены последовательностью операций. Процесс обучения есть не что иное, как процесс обучения умственной или практической деятельности. Таким образом, деятельностный подход в обучении позволяет формировать обобщенные проектные умения в результате выполнения действий (осуществления деятельности), освоения различных способов выполнения действий (осуществления деятельности) и пошагового анализа выполняемых действий (осуществления деятельности).

В силу уникальности, индивидуальности каждого обучающегося в процессе обучения необходимо опираться на основные положения личностного подхода. Данный подход задает базисный вектор развития взаимоотношений преподавателя и обучающегося. В процессе создания и реализации проекта обучающимся предоставляется широкий выбор задач, на основе которых в последствии будут разрабатываться проекты. Также студенты самостоятельно определяют способы и средства решения поставленных задач. В случае создания и реализации проекта в минигруппе, формирование групп происходит в соответствии с пожеланиями студентов. С этой целью может быть использована матрица предпочтений, которая составляется преподавателем в соответствии с пожеланиями студентов. В матрице число строк равно числу столбцов и равно количеству обучающихся. В первый столбец и в первую строку внесены фамилии студентов. В каждой строке напротив своей фамилии каждый студент по желанию отмечает студентов, с которыми он готов работать над созданием проекта. В соответствии с заполненной матрицей предпочтений формируются мини-группы. Пример такой матрицы представлен на рис. 1.

Фамилия	Сергеев А.В.	Василенко С.Т.	Трофимов М.Ю.	Замятин П.В.	Шилько Т.В.	Онучин С.С.
Сергеев А.В.		+	–	+	–	–
Василенко С.Т.	+		–	+	–	+
Трофимов М.Ю.	–	+		+	+	–
Замятин П.В.	+	–	+		–	+
Шилько Т.В.	+	–	+	+		–
Онучин С.С.	–	+	–	+	–	

Рис. 1. Матрица предпочтений для формирования минигрупп в рамках личностного подхода

Поскольку формирование обобщенных проектных умений предполагает весомую практическую направленность процесса обучения, полагаем важным использование практико-ориентированного подхода. Сформированные в таких условиях умения соответствуют умениям, которые необходимы и достаточны в профессиональной деятельности будущих специалистов. Это подтверждает тезис о том, что обобщенные умения носят инвариантный характер по отношению к деятельности, в которой они были сформированы.

Рассмотрим процесс формирования обобщенных проектных умений на примере решения задачи из

раздела курса общей физики (колебания и волны). Предлагаем решить исходную задачу, проанализировать полученное решение (оценить реальность численного значения, сверить с ответом в задачнике и т.д.), внести в условие задачи коррективы с целью увеличения проектного потенциала задачи и создания проекта на основе вновь созданной задачи.

Итак, рассмотрим задачу: Определить период колебаний математического маятника – шарика, подвешенного на нити длины l, если он находится в жидкости, плотность которой в η раз меньше плотности шарика. Сопротивление жидкости считать пренебрежимо малым [19]. Использование этой задачи в качестве основы для создания вискозиметра уже рассматривалось нами в работе [5]. Однако отметим, что ранее нами также была представлена разработка вискозиметра на основе математического маятника. В данной работе мы предлагаем рассмотреть пружинный маятник.

На этапе постановки проблемы (соответствующее обобщенное умение – ставить проблему – включает в себя умение выявлять противоречие и формулировать проблему) возможны следующие вопросы и задания преподавателя:

– К какому разделу физики относится представленная задача?

– Опишите явления, представленные в этой задаче.

– Какие объекты являются ключевыми в данной задаче?

– Возможно ли практическое применение решения задачи?

– Какие корректировки следует внести в условие задачи, чтобы можно было осуществить практическое применение решения задачи?

– Как влияет сопротивление жидкости на процесс колебаний маятника?

– Возможно ли создание прибора на основе решения данной задачи?

– Что необходимо для решения измененной задачи?

– Какие умения необходимы для решения измененной задачи?

Одно из основных противоречий, возникающее в процессе решения учебной задачи с измененным условием, заключается в необходимости решения проблемы и отсутствии объективных методов ее решения (как теоретических, так и практических). Таким образом, ключевая проблема состоит в потребности поиска средств и методов практического применения решения вновь созданной задачи.

Следующий этап проектной деятельности – формирование гипотезы. На данном этапе у обучающихся формируется умение генерировать идею, формулировать (устно или письменно) и оценивать гипотезу. Процесс формирования названных умений осуществляется преимущественно на основе имеющихся знаний. Вопросы преподавателя на данном этапе могут быть сформулированы по-разному, в зависимости от уровня подготовленности студентов:

– Где можно использовать решение данной задачи с учетом коэффициента жесткости пружины, массы груза и сопротивления жидкости?

– Как может повлиять на решение задачи учет коэффициента жесткости пружины, массы груза?

– Как может повлиять на решение задачи учет длины и жесткости пружины, в случае использования пружинного маятника?

– Знание каких наук и разделов курса физики может понадобиться для решения задачи с учетом указанных изменений?

– Возможно ли создание вискозиметра с учетом изменений, внесенных в задачу?

Эти вопросы могут служить опорой при организации дискуссии, в результате которой происходит генерирование идей и формулирование гипотезы проектной реализации решения задачи. В результате решения представленной задачи была сформулирована гипотеза: для создания вискозиметра необходимо учесть сопротивление среды и зависимость времени затухания колебаний от вязкости.

Еще один этап проектной деятельности – этап составления плана реализации проекта. На этом этапе формируются умения составлять пошаговый план действий, определять условия и ресурсы для реализации проекта. Вопросы и задания преподавателя на этом этапе:

– Укажите один из вариантов использования решения задачи с учетом сформулированной гипотезы.

– Использование перечисленных приборов и установок будет осуществляться в идеальных условиях?

– Мы должны учитывать воздействие внешней среды и ее изменение?

– При каких условиях мы можем реализовать проект, созданный на основе приведенной задачи?

– Можем ли мы реализовать решение задачи с учетом внесенных изменений?

– Какие методы можно использовать для создания проекта?

В данном случае студентами были предложены разработка и создание вискозиметра на основе пружинного маятника. С этой целью были использованы штатив, набор грузов и пружин, пинцет, линейка, емкость с жидкостью и таймер. В результате пошагового анализа действий были отобраны пружины и грузы, которые совершают наибольшее число колебаний за определенный интервал времени в воздухе и в жидкости заданной (эталонной) плотности (вода). Создание прибора предполагалось осуществлять в соответствии с предложенным порядком действий:

– Укрепить на штативе пружину.

– Подвесить груз заданной массы и определенных размеров на свободный конец пружины.

– Наполнить емкость исследуемой жидкостью.

– С помощью пинцета отвести груз на заданную длину.

– Измерить количество колебаний за определенный промежуток времени.

– Рассчитать период колебаний пружинного маятника.

– Создать таблицу соответствия периода колебаний и вязкости жидкости.

На следующем этапе создания проекта могут быть сформированы такие умения, как пошагово выполнять алгоритм действий (составленный на предыдущем этапе) и конструктивно оценивать результат каждого действия. Именно на данном этапе происхо-

дит точный подбор приборов и материалов, расчет времени и диапазона колебаний маятника, выбор размеров емкости для жидкости, подбор высоты штатива и др. Подробный расчет параметров среды и коэффициента затухания представлен в работе [5].

Следующий этап проектной деятельности предполагает формирование умений оценивать конструктивность гипотезы, полученные результаты и прогнозировать возможности практического применения результатов решения представленной задачи. Следует подчеркнуть, что пошаговый анализ результатов каждого действия осуществляется на каждом этапе создания и реализации проекта. Именно это действие позволило подобрать оптимальные размеры груза и жесткость пружины.

Обсуждение и прогнозирование возможностей практического применения результатов позволило предположить целесообразность создания прибора для определения вязкости жидкости. Такой прибор можно использовать в учебных лабораториях на этапе настройки и отладки лабораторных установок (например, лабораторные работы по вращению плоскости поляризации растворах глюкозы, фруктозы и сахарозы или изучение спектров поглощения в растворах разных веществ).

Заключительный этап создания и реализации проекта подразумевает защиту проекта студентами. В ходе защиты обучающиеся представляют результаты проделанной работы в удобном виде (макет, прибор, презентация), отвечают на вопросы аудитории.

В результате увеличения проектного потенциала представленной задачи студентами было разработано два макета вискозиметра. Принцип действия приборов заключался в измерении числа колебаний математического и пружинного маятника в жидкой среде и расчете коэффициента сопротивления среды, зная период колебаний. Целесообразно отметить, что в результате проектной деятельности студентов были созданы приборы, использование которых возможно в учебных лабораториях и в качестве демонстрационного эксперимента. Кроме того, использование одной исходной задачи с целью создания и реализации проекта подчеркивает согласованность с методологическими основами системного подхода. Следование ключевым моментам деятельностного, личностного и практико-ориентированного подходов иллюстрируется этапами постановки проблемы, создания алгоритма действий и пошагового выполнения этого алгоритма.

Таким образом, результатом проектной деятельности, организованной на основе решения учебных физических задач посредством увеличения их проектного потенциала, является формирование умений осуществлять наблюдения, определять характеристики явления, выявлять причинно-следственные связи, использовать реальные и инструменты и программное обеспечение для измерения величин, анализировать условия для создания и реализации проекта, составлять пошаговый алгоритм действий, структурировать и регламентировать свою деятельность, проводить анализ и синтез полученных результатов и т.д. Использование предложенной методики в процессе обучения физике обеспечивает формирование профессиональных компетенций, раскрывает возможности освоения методов научного знания, способствует осуществлению самостоятельной познавательной и творческой деятельности обучающихся, позволяет поддерживать интерес к получению и усвоению новой информации. Кроме того, данная методика позволяет сочетать в разных пропорциях аудиторную и внеаудиторную самостоятельную творческую работу обучающихся в минигрупповой и коллективной деятельности. Все вышесказанное позволяет сделать вывод об эффективности предложенной методики и целесообразности использования учебных физических задач с целью формирования обобщенных проектных умений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларионов В.В. Формирование обобщенных проектных умений в процессе создания вискозиметра // В.В. Ларионов, В.В. Пак. Проблемы учебного физического эксперимента : сб. науч. тр. Вып. 28. М. : ИСРО РАО, 2018. С. 49–50.
2. Пак В.В., Ларионов В.В. Формирование проектных умений бакалавров в процессе обучения физике : учеб. пособие. Томск : Изд-во ТПУ, 2018. 99 с.
3. Воронцов А.А., Пак В.В. Формирование метапредметных компетенций при исследовании дифракции френеля ионов в водном растворе медного купороса // Формирование мышления в процессе обучения естественнонаучным, технологическим и математическим дисциплинам : материалы всерос. науч.-практич. конф., 2–3 апреля 2018 г., Екатеринбург, Россия / отв. ред. Т.Н. Шамало. 2018. С. 51–53.
4. Концепция CDIO. URL: http://cdiorussia.ru/files/files/standarts_cdio_print.pdf
5. Пак В.В. Формирование обобщенных проектных умений студентов инженерного вуза в процессе обучения физике : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург : УГПУ, 2016. 146 с.
6. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 36–41.
7. Каменецкий С.Е., Орехов В.П. Методика решения задач по физике в средней школе. М. : Просвещение, 1971. 448 с.
8. Усова А.В., Тулькибаева Н.Н. Практикум по решению физических задач : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1992. 208 с.
9. Эсаулов А.Ф. Психология решения задач. М. : Высш. шк., 1972. 216 с.
10. Фридман Л.М., Турецкий Е.Н. Как научиться решать задачи : пособие для учащихся. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1984. 175 с.
11. Бойкова А.Е. Экспериментальные задачи как средство формирования и развития исследовательских умений учащихся в процессе обучения физике : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 211 с.
12. Полицинский Е.В. Обучение школьников решению физических задач на основе деятельностного подхода : дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2007. 190 с.
13. Стефанова Г.П. Обучение учащихся обобщенным приемам познавательной деятельности (на материале школьного курса физики): Технология решения частных педагогических задач / под ред. В.А. Пятина. Астрахань : Изд-во АГПУ, 1999. 459 с.
14. Ларченкова Л.А. Образовательный потенциал учебных физических задач в современной школе : дис. … д-ра пед. наук. СПб. : РГПУ, 2014. 388 с.
15. Беликов Б.С. Решение задач по физике: Общие методы : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1986. 256 с.
16. Пак В.В. Метод проектов как способ формирования обобщенных проектных умений студентов инженерных вузов // Педагогическое образование в России. 2016. № 1. С. 68–75.

17. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 271 с.
18. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М. : Педагогика, 1986. 240 с.
19. Иродов И.Е., Савельев И.В., Замша О.И. Сборник задач по общей физике: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1975. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 23 августа 2018 г.

FORMATION OF UNIVERSAL PROJECT SKILLS BY MEANS OF TEACHING PHYSICS ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL PHYSICS TASKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 219–224.
DOI: 10.17223/15617793/436/26
Victoria V. Pak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pakvv@tpu.ru
Keywords: universal project skills; project method; project activity; physics tasks.

The main aim of this work is the justification and an example of the use of techniques for the formation of universal project skills in teaching physics. The work reflects the results of a study on the formation of universal project skills in the teaching of physics. The presented method is implemented in teaching junior students at Tomsk Polytechnic University and Tomsk State University. The author proposes a unique methodology for the formation of these skills through the medium of creation and implementation of a project based on the educational task in physics. In addition to the formation of generalized project skills, this technique can significantly expand the ways of using educational tasks in teaching physics. For this purpose, a methodology was developed for the formation of universal project skills. This methodology is based on the most important psychological and pedagogical methods and approaches, which are presented in the article. Theoretical and practical methods were used in the study. Different types of tasks were systematized in this work. In addition, the possibility of their use for forming universal project skills was considered in detail. The stages of the solution of educational tasks in physics are described and compared with the main steps of the project activity. This article also discusses a number of skills that are formed at each stage of creating and implementing a project based on the educational task in physics. These skills correspond to the project skills necessary for the implementation of project activities. An example of increasing the project potential of the educational tasks of the section "Mechanical Oscillations and Waves" in physics is given. The methodological recommendations on the organization of educational activities are presented and questions recommended for use in the educational process are listed. Also, the work shows the phased implementation of the project based on the proposed task. As a result of the work, the expediency of forming universal project skills in the teaching of physics was established. The work shows the need to develop skills that can be transferred to different types of activity – invariance to the educational direction. A new function of educational tasks in physics is shown: their use for the organization of project activity in order to form universal project skills.

REFERENCES

1. Larionov, V.V. (2018) Formirovanie obobshchennykh proektnykh umeniy v protsesse sozdaniya viskozimetra [Formation of generalized project skills increating a viscosity analyser]. In: Larionov, V.V. & Pak, V.V. *Problemy uchebnogo fizicheskogo eksperimenta* [Problems of educational experiment in physics]. Is. 28. Moscow: ISRO RAO.
2. Pak, V.V. & Larionov, V.V. (2018) *Formirovanie proektnykh umeniy bakalavrov v protsesse obucheniya fizike* [Formation of project skills of bachelors in the process of teaching physics]. Tomsk: TPU.
3. Vorontsov, A.A. & Pak, V.V. (2018) [Formation of metasubject competencies in the study of diffraction of fresnel ions in an aqueous solution of copper sulfate]. *Formirovanie myshleniya v protsesse obucheniya estestvennonauchnym, tekhnologicheskim i matematicheskim distsiplinam* [Formation of thinking in the process of teaching natural science, technological and mathematical disciplines]. Proceedings of the All-Russian Conference. 2–3 April 2018. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 51–53. (In Russian).
4. Cdiorussia.ru. (n.d.) *Kontseptsiya CDIO* [The concept of CDIO]. [Online] Available from: http://cdiorussia.ru/files/files/standarts_cdio_print.pdf
5. Pak, V.V. (2016) *Formirovanie obobshchennykh proektnykh umeniy studentov inzhenernogo vuza v protsesse obucheniya fizike* [Formation of generalized project skills of engineering students in the process of teaching physics]. Pedagogy Cand. Dis. Ekaterinburg.
6. El'konin, D.B. (1989) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika. pp. 36–41.
7. Kamenetskiy, S.E. & Orekhov, V.P. (1971) *Metodika resheniya zadach po fizike v sredney shkole* [Methods of solving problems in physics in secondary school]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Usova, A.V. & Tul'kibaeva, N.N. (1992) *Praktikum po resheniyu fizicheskikh zadach* [Workbook on solving physical problems]. Moscow: Prosveshchenie.
9. Esaulov, A.F. (1972) *Psikhologiya resheniya zadach* [Psychology of problem solving]. Moscow: Vyssh. shk.
10. Fridman, L.M. & Turetskiy, E.N. (1984) *Kak nauchit'sya reshat' zadachi: posobie dlya uchashchikhsya* [How to learn to solve problems: a guide for students]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
11. Boykova, A.E. (2010) *Eksperimental'nye zadachi kak sredstvo formirovaniya i razvitiya issledovatel'skikh umeniy uchashchikhsya v protsesse obucheniya fizike* [Experimental tasks as a means of forming and developing research skills of students in the process of teaching physics]. Pedagogy Cand. Dis. St. Petersburg.
12. Politsinskiy, E.V. (2007) *Obuchenie shkol'nikov resheniyu fizicheskikh zadach na osnove deyatel'nostnogo podkhoda* [Teaching students to solve physical problems on the basis of the activity approach]. Pedagogy Cand. Dis. Tomsk.
13. Stefanova, G.P. (1999) *Obuchenie uchashchikhsya obobshchennym priemam poznavatel'noy deyatel'nosti (na materiale shkol'nogo kursa fiziki): Tekhnologiya resheniya chastnykh pedagogicheskikh zadach* [Teaching students generalized methods of cognitive activity (on the material of the school physics course): Technology for solving specific pedagogical problems]. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University.
14. Larchenkova, L.A. (2014) *Obrazovatel'nyy potentsial uchebnykh fizicheskikh zadach v sovremennoy shkole* [The educational potential of educational physical problems in modern school]. Pedagogy Dr. Dis. St. Petersburg.
15. Belikov, B.S. (1986) *Reshenie zadach po fizike: Obshchie metody* [Solving problems in physics: General methods]. Moscow: Vyssh. shk.
16. Pak, V.V. (2016) Project-based learning as a method of formation of universal project skills of engineering university students. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 1. pp. 68–75.
17. Blauberg, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [The formation and essence of a systemic approach]. Moscow: Nauka.
18. Davydov, V.V. (1986) *Problemy razvivayushchego obucheniya: Opyt teoreticheskogo i eksperimental'nogo psikhologicheskogo issledovaniya* [Problems of developmental learning: The experience of theoretical and experimental psychological research]. Moscow: Pedagogika.
19. Irodov, I.E., Savel'ev, I.V. & Zamsha, O.I. (1975) *Sbornik zadach po obshchey fizike* [Collection of problems in general physics]. 3rd ed. Moscow: Nauka.

Received: 23 August 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229. DOI: 10.17223/15617793/436/27

ПРАВО

УДК 343.1

О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК НОВАЯ МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект №16-03-00413.

Рассмотрена мера пресечения – запрет определенных действий. С точки зрения обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства представлен анализ таких видов ограничения поведения подозреваемого или обвиняемого, как запрет общения с определенными лицами, запрет нахождения в определенных местах, запрет посещать определенные мероприятия и участвовать в них. Сформулированы предложения, направленные на оптимизацию механизма применения запрета определенных действий.

Ключевые слова: мера пресечения; запрет определенных действий; безопасность личности; защита свидетелей и потерпевших; уголовно-процессуальная политика; злоупотребление правомочиями.

Проблемы безопасного участия граждан в уголовном судопроизводстве России привлекали и привлекают в последние годы внимание многих ученых-процессуалистов [1, 2], посвятивших свои научные исследования их рассмотрению с позиций сравнительного анализа норм зарубежного законодательства [3], имплементации международного опыта [4], правовых позиций Европейского Суда по правам человека [5, 6, 7] как правового института уголовного процесса [8] или как его принципа [9], а также как межотраслевого института [10].

Изменения современного уголовно-процессуального законодательства, касающиеся вопросов обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, осуществляются в соответствии с общими тенденциями, наблюдаемыми как в правовой, так и в уголовно-процессуальной политике. В частности, такая направленность выражается в применении новых юридических форм процессуальной деятельности, в большей степени обеспечивающих права лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в снижении в отношении них репрессии, смягчения мер принуждения.

Одной из таких форм является введение Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» новой меры пресечения – запрет определенных действий [11].

Эта мера пресечения позволяет суду обеспечить применение уголовно-процессуального принуждения в отношении подозреваемого (обвиняемого) без существенных ограничений по отношению к нему в сравнении с такими мерами, как залог, домашний арест или заключение под стражу. Целью введения запрета определенных действий как меры пресечения является обеспечение баланса эффективности уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса и обеспечение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Наше внимание к этому закону привлечено в связи с введением на его основе в содержание действующего УПК РФ дополнительных гарантий обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Новелла полностью соответствует либерализации уголовно-процессуальной политики [12].

В Пояснительной записке к проекту закона было указано, что «на VII Всероссийском съезде судей (2–4 декабря 2008 г.) был задан курс на диверсификацию системы мер пресечения, в рамках которой необходимо оптимизировать применение не связанных с изоляцией от общества мер, в том числе залога и домашнего ареста. <…> Указанные обстоятельства во многом были обусловлены принятием «пилотного» Постановления Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» [13], которым была констатирована структурная проблема национальной системы содержания под стражей [14].

Следует отметить, что в Пояснительной записке к законопроекту, в заключениях к нему [15, 16] не указывается в качестве обоснования появления новой меры пресечения на необходимость обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу. На противодействие угрозам в отношении участников уголовного судопроизводства обращается внимание только в содержании Пояснительной записки, но не применительно к новой мере пресечения – запрету определенных действий, а только по отношению к залогу.

Между тем, как представляется, запрет определенных действий может применяться для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства наряду с предусмотренными – процессуальными мерами безопасности, закрепленными прямо в ч. 3 ст. 11 и косвенно в иных статьях (п. 3 ч. 1 ст. 97, п. 4 ч. 1 ст. 154 и др.) УПК РФ.

В ст. 105.1 УПК РФ, регулирующей процедуру принятия судебного решения о мере пресечения, прямо не указывается такое основание ее применения, как безопасность участников процесса. Между тем, в ч. 5

ст. 105.1 УПК РФ «Запрет определенных действий» регламентирована процедура уведомления заинтересованных лиц о принятом судьей решении, в том числе в отношении лиц, к которым применены меры безопасности. Кроме того, вывод о том, что запрет определенных действий может применяться для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства наряду с предусмотренными законом процессуальными мерами безопасности, вытекает из общих оснований для избрания меры пресечения, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. В частности, в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ указано на такое основание, как потенциальная возможность угрозы «…свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства…» [17].

Действительно, на первый взгляд, у законодателя не было особой причины выделять в тексте УПК РФ и, тем самым, обращать внимание правоприменителей на то, что, например, запрет на общение с защищаемыми лицами, возлагаемый на подозреваемого или обвиняемого, применяется в том числе с целью обеспечения безопасности, так как одно из оснований применения меры пресечения – угроза в отношении свидетелей или иных участников – указано уже в общей норме УПК РФ (ст. 97 УПК РФ). В то же время полагаем, что указание на извещение защищаемых лиц о применении судьей запрета определенных действий подозреваемому или обвиняемому говорит о стремлении законодателя обратить внимание органов уголовного преследования на новую возможность обеспечения безопасности участников процесса. В этой связи интерес представляет УПК Швейцарии, в ст. 214 которого предусмотрено, что если в отношении лица была применена мера принуждения, направленная в том числе на обеспечение безопасности жертвы преступления, то последняя информируется об этом, равно как и об отмене меры принуждения. Причем информирование об отмене меры принуждения заключение под стражу может не производиться, если вследствие этого обвиняемому будет угрожать серьезная опасность [18].

Запрет определенных действий как мера принуждения активно применяется в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности в зарубежных странах. Причем в одних странах, например в Швейцарии, запреты определенных действий относятся к альтернативным заключению под стражу более мягким мерам принуждения и могут применяться несколько из них одновременно [18]. В частности, ст. 237 УПК Швейцарии предусматривает в качестве альтернативы досудебному или судебному заключению под стражу, направленному на обеспечение проведения расследования, и заключению, направленному на обеспечение безопасности, например, запрет вступать в контакты с определенными лицами. В соответствии со ст. 199 УПК Грузии наряду с применением меры пресечения на обвиняемого также могут быть возложены определенные обязательства и запреты определенных действий, необходимые для достижения целей мер пресечения [19]. Так, например, наряду с применением таких мер пресечения, как заключение под стражу, залог, отдача несовершеннолетнего обвиняемого под присмотр, соглашение о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования за поведением военнослужащего, к обвиняемому могут быть применены, например, обязательство находиться в определенные часы в определенном месте, обязательство не покидать определенное место и (или) запрет на проникновение в него, запрет на встречи с определенными лицами без специального разрешения, запрет на вход в определенное место и на приближение к потерпевшему, если в отношении лица начато преследование по обвинению в совершении насилия в семье или семейного преступления. УПК Республики Казахстан предусматривает возможность при назначении домашнего ареста применить запрет выхода из жилища полностью или в определенное время, запрет на ведение телефонных переговоров, отправление корреспонденции и использования средств связи, запрет на общение с определенными лицами и принятие кого бы то ни было у себя (ст. 146 УПК РК) [20].

УПК РФ предусматривает возможность применения меры пресечения – запрет определённых действий как в качестве самостоятельной меры (ст. 105.1), так и наряду с иными мерами пресечения. Например, при избрании залога в качестве меры пресечения суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ. Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля (ч. 14 ст. 107 УПК РФ). И если запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения является новым для практики, то запрет действий, возлагаемый при принятии решения об избрании такой меры пресечения, как домашний арест, активно применяется судом. Так, например, широко распространено применение следующих запретов: покидать и менять без письменного разрешения следователя место регистрации и проживания за исключением оказания помощи экстренных служб; общения с лицами, проходящими по настоящему уголовному делу в качестве свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, за исключением защитника-адвоката, встречи с которым должны проходить по месту домашнего ареста, а также близких родственников, круг которых определен законом; получать и отправлять корреспонденцию, в том числе письма, телеграммы, посылки и электронные послания; вести переговоры без письменного разрешения следователя с использованием средств связи, включая радио, телефон, телевидение и Интернет, за исключением случаев, указанных в ч. 8 ст. 107 УПК РФ.

Среди запретов, которые могут быть применены к обвиняемому в качестве меры пресечения, нас интересует, прежде всего, *запрет общаться с определенными лицами* как новое средство обеспечения безопасности личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства.

Прежде всего, к определенным лицам могут быть отнесены участники уголовного процесса. Запрет общения с участниками процесса должен быть объективно

реализуемым. У обвиняемого должны быть объективные условия исполнения такого запрета. Общение может быть не только устным или письменным, но и реализовываться в различных формах электронных средств связи и иных технических видах. Кроме того, полагаем необходимым предусмотреть возможность наложения запрета общения не только с участниками процесса, но и с их детьми и иными зависящими от них лицами.

Такой запрет может быть установлен и в отношении общения с защищаемыми лицами. Конечно, запрет будет действовать только в тех случаях, когда личность защищаемого лица известна обвиняемому.

Представляется, что содержание запрета общения с определенными лицами, в том числе и защищаемыми участниками уголовного процесса, должно быть *дополнено и запретом приближения* к ним на определенное расстояние, обеспечивающее их безопасность.

Следует обратить внимание на то, что законодатель использовал термин «установленное расстояние», предусмотрев запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них, запрет приближения только применительно к определенным помещениям или объектам, но не к защищаемым лицам. Между тем запрет приближения к защищаемому лицу является важной составляющей, обеспечивающей его безопасность. В то же время приближение подозреваемого или обвиняемого к защищаемому лицу должно быть конкретизировано. Например, в случае, если обвиняемый и защищаемое лицо являются членами семьи, проживающими в одной квартире, или сослуживцами, или соседями, проживающими в одном подъезде, то обвиняемому может быть сложно выполнить предписание суда. Как следствие, нуждается в дополнении формулировка п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ в следующей редакции: «3) общаться с определенными лицами и (или) приближаться к ним на установленное судьей расстояние». УПК Республики Молдова в качестве мер защиты, применяемых к жертвам насилия в семье, предусмотривает принуждение временно покинуть общее жилище или не приближаться к жилищу жертвы вне зависимости от права собственности на имущество, запрет на посещение места работы или проживания жертвы (ст. 215.1 УПК Республики Молдова) [21].

В целях обеспечения безопасности участников процесса в отношении обвиняемого может быть установлен запрет «нахождения в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них» (п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). В качестве определенных мест, объектов могут быть определены места жительства, работы, отдыха, лечения или учебы защищаемого лица.

В анализируемой нами правовой норме применен новый термин «установленное расстояние», ближе которого лицу, в отношении которого избрана эта мера пресечения, запрещено быть, находиться. Установленное расстояние – термин неопределенный, определяется исходя из судебного усмотрения применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела. Как представляется, такое расстояние должно быть более чем безопасным для защиты интересов участника процесса. Как меру безопасности потерпевших, свидетелей, подозреваемых и других лиц, участвующих в уголовном процессе, предусмотрел УПК Республики Казахстан меру принуждения в виде запрета на приближение (п. 5 ч. 1 ст. 97 УПК РК) [20].

Неисполнение запретов определенных действий может повлечь изменение меры пресечения на более строгую. В каждом случае нарушения условий запрета определенных действий необходимо исследовать конкретные обстоятельства, в том числе с точки зрения объективной возможности их исполнения. Возможность изменения избранной меры пресечения на более строгую предусмотрена и в случае отказа подозреваемого или обвиняемого к применению к нему технических средств контроля, их умышленного уничтожения, повреждения, нарушения их целостности или иных действий, направленных на нарушение их нормального функционирования (ч. 13 ст. 105.1 УПК РФ).

Другие запреты, перечисленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, несомненно, также могут быть использованы для обеспечения безопасности, за исключением запрета «… управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Этот запрет может применяться только по уголовному делу о дорожно-транспортном преступлении, и направлен на профилактику возможных подобных преступлений.

В ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ возложена обязанность контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 указанной статьи, осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. Подобный контроль может сопровождаться применением технических средств наблюдения: аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, – и уже апробирован в процессе реализации такой меры пресечения, как домашний арест. Между тем, эти ограничения применяются только по отношению к обвиняемому, но не могут оказать эффективное противодействие угрозам со стороны его соучастников или иных лиц, заинтересованных в его освобождении (родственники, члены преступной группировки и пр.). В этой связи положения новой ст. 105.1 УПК РФ должны рассматриваться и применяться, с целью повышения их эффективности, комплексно с имеющимися иными средствами обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев О.А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 18–23.
2. Дмитриева А.А. Законодательные предпосылки и тенденции повышения эффективности процесса государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 163–168.

3. Епихин А.Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства. Лекция. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2003. 12 с.
4. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3–7.
5. Гаджиев Х.И. Вопросы доказывания в практике Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 78–95.
6. Брусницын Л. ЕСПЧ о порядке принятия решения провести закрытое судебное разбирательство // Уголовное право. 2014. № 4. С. 80–84.
7. Брусницын Л.В. Потерпевшие и свидетели под псевдонимом: национальное законодательство и прецеденты Европейского суда по правам человека // Уголовное право. 2002. № 2. С. 125 – 127.
8. Епихин А.Ю. Институт безопасности участников уголовного процесса: сравнительный анализ законодательства зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 139–145.
9. Зайцев О.А. Комментарий к ст. 11 «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» // Уголовное право. 2002. № 2. С. 65–66.
10. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. С. 202–211.
11. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2421.
12. Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35. С. 92–99.
13. Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» : Постановление Европейского суда по правам человека от 10.01.2012 (жалоба № 42525/07, 60800/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8.
14. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения 10.09.2018).
15. Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по проекту Федерального закона № 900722-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» (повторно к первому чтению). URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения 10.09.2018).
16. Заключение Комитета по государственному строительству и законодательству «По проекту Федерального закона № 900722-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения 10.09.2018).
17. Епихин А.Ю. Заключение под стражу как средство обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : материалы Всерос. межвед. науч.-практ. конф. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. коммерческого ин-та, 2011. С. 88–94.
18. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2016. С. 270–272.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/en/document/view/90034?publication=102 (дата обращения 10.09.2018).
20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/?doc_ id=31575852#sub_id=950000 (дата обращения 10.09.2018).
21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова. URL: http://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30397729 (дата обращения 10.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 октября 2018 г.

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS A NEW SECURITY MEASURE FOR A PERSON IN CRIMINAL TRIAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 225–229.
DOI: 10.17223/15617793/436/27

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru
Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg010663@mail.ru
Alexander Yu. Epikhin, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: doc@epihin.ru

Keywords: measure of restraint; prohibition of certain actions; security of person; protection of witnesses and victims; criminal procedure policy; abuse of legal authority.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 16-03-00413).

The subject of this research is the prohibition of certain actions provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as an independent measure of restraint. Objects of the research were defined as the prohibition of certain actions as an instrument for ensuring safety of participants in criminal legal proceedings. Using a comparative legal method, the authors analyzed certain restraints of several actions provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and of certain foreign countries. By means of general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, comparison), the authors analyzed types of the prohibition of certain actions of the suspect (defendant): the prohibition imposed on the participants of a trial to communicate for ensuring their safety, the prohibition to stay in certain places and closer than at an established distance to certain objects, the prohibition to attend certain events and to participate in them. Following conclusions are formulated. It is established that the specified prohibitions are applied to ensure the balance of the efficiency of criminal legal proceedings, protection of the rights and legitimate interests of participants in a criminal trial, on the one hand, and, on the other hand, to ensure the rights and freedoms of the suspect and the defendant. Control over the observance by the suspect or defendant of certain prohibitions is an important component of the application of the specified restraint measure, and it can be followed by the use of technical means of observation. The authors state that the prohibition to communicate with the participants of the trial has to be objectively realized, the defendant must have objective conditions to observe a prohibition. It is proved that in each case of violation of conditions of the prohibition of certain actions it is necessary to investigate concrete circumstances from the point of view of an objective possibility of their observance. Taking into account the legal regulation of prohibition of certain actions in foreign countries, the authors propose to add the content of the prohibition against communication with certain persons with the prohibition to approach them at a certain distance ensuring their safety. It

is proposed to provide for the prohibition against communication not only with participants of the trial, but also with other persons depending on them. It is noted that the prohibition against communication with certain persons can be established in relation to communication with protected persons the defendant knows. Meanwhile, these restrictions are applied only in relation to the defendant but cannot serve as an effective counteraction to threats from his accomplices or other persons having interest in his release. In this regard, it is possible to conclude that provisions of new Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation have to be considered and applied for the purpose of increasing their efficiency, in a complex with other available means of ensuring safety of those participating in criminal legal proceedings.

REFERENCES

1. Zaytsev, O.A. (2014) The state protection for the participants of criminal proceedings in the Russian Federation (the level of scientific development). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (4). pp. 18–23. (In Russian).
2. Dmitrieva, A.A. (2015) Legislative prerequisites and tendencies of increase of efficiency of process of the state protection and safety of participants of criminal legal proceedings. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 3 (53). pp. 163–168. (In Russian).
3. Epikhin A.Yu. (2003) *Zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran, obespechivayushchee bezopasnost' uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva. Lektsiya* [Legislation of foreign countries, ensuring the safety of participants in criminal proceedings. Lecture]. Syktyvkar : Syktyvkar State University.
4. Zaytsev, O.A., Epikhin, A.Yu. & Mishin, A.V. (2018) Issues of implementation of the international experience of protection of the Russian criminal procedure participants. *Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law and International Justice*. 2. pp. 3–7. (In Russian).
5. Gadzhiev, Kh.I. (2018) Evidence Issues in the Practice of the European Court of Human Rights. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 78–95. (In Russian).
6. Brusnitsyn, L. (2014) THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: On the Procedure of Making a Decision to Hold a Hearing Behind Closed Doors. *Ugolovnoye pravo*. 4. pp. 80–84. (In Russian).
7. Brusnitsyn, L.V. (2002) Poterpevshiye i svideteli pod psevdonimom: natsional'noye zakonodatel'stvo i pretsedenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka [Victims and witnesses under a pseudonym: national legislation and precedents of the European Court of Human Rights]. *Ugolovnoye pravo*. 2. pp. 125–127.
8. Epikhin, A.Yu. (2008) Institute of safety of criminal process participants: The comparative analysis of the foreign countries legislation. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 1. pp. 139–145. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.02.2008.1.139-145
9. Zaytsev, O.A. (2002) Kommentariy k st. 11 "Okhrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve" [Commentary to Art. 11 "Protection of the rights and freedoms of a person and a citizen in criminal proceedings"]. *Ugolovnoye pravo*. 2. pp. 65–66.
10. Epikhin, A.Yu. & Mishin, A.V. (2018) [Intersectoral system of security measures for participants in the criminal procedure]. *Sotsial'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoye napravleniye sovremennoy gosudarstvennoy politiki* [Social and legal protection of childhood as a priority of modern public policy]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary : Chuvash State University. pp. 202–211. (In Russian).
11. Russian Federation. (2018) Federal'nyy zakon ot 18.04.2018 № 72-FZ O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zapreta opredelennykh deystviy, zaloga i domashnego aresta : Federal'nyy zakon ot 18.04.2018 № 72-FZ [Federal Law No. 72-FZ of April 18, 2018 On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the selection and application of preventive measures in the form of a ban on certain actions, bail and house arrest]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 17. Art. 2421.
12. Zaytsev, O.A. (2013) Criminal procedure policy of the Russian Federation: the content and guidelines. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of TvSU. Series: Law*. 35. pp. 92–99. (In Russian).
13. ECHR. (2012) Delo "Anan'yev i drugiye (Ananyev and others) protiv Rossiyskoy Federatsii" : Postanovleniye Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 10.01.2012 (zhaloba № 42525/07, 60800/08) [Case of Ananyev and others v. the Russia: Decision of the European Court of Human Rights of January 10, 2012 (Application No. 42525/07, 60800/08)]. *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*. 8.
14. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zaloga, zapreta opredelennykh deystviy i domashnego aresta)"* [Explanatory note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the selection and application of preventive measures in the form of bail, prohibition of certain actions and house arrest)"]. [Online] Available from: http://asozd.duma.gov.ru. (Accessed: 10.09.2018).
15. Russian Federation. (n.d.) *Zaklyucheniye Pravovogo upravleniya Apparata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii po proyektu Federal'nogo zakona № 900722-6 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zaloga, zapreta opredelennykh deystviy i domashnego aresta)" (povtorno k pervomu chteniyu)* [Resolution of the Legal Department of the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on draft Federal Law No. 900722-6 "On Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the selection and application of preventive measures in the form of bail, banning certain actions and house arrest)" (Return for the first reading)]. [Online] Available from: http://asozd.duma.gov.ru. (Accessed: 10.09.2018).
16. Russian Federation. (n.d.) *Zaklyucheniye Komiteta po gosudarstvennomu stroitel'stvu i zakonodatel'stvu "Po proyektu Federal'nogo zakona № 900722-6 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zaloga, zapreta opredelennykh deystviy i domashnego aresta)"* [Resolution of the Committee on State Construction and Legislation "On draft Federal Law No. 900722-6 "On Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the selection and application of preventive measures in the form of bail, prohibition of certain actions and house arrest)"]. [Online] Available from: http://asozd.duma.gov.ru. (Accessed: 10.09.2018).
17. Epikhin, A.Yu. (2011) [Detention as a means of ensuring the safety of participants in criminal proceedings]. *Sudebnaya zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri primenenii mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, zaloga i domashnego aresta* [Judicial protection of the rights and freedoms of a person and citizen when applying preventive measures in the form of detention, bail and house arrest]. Proceedings of the All-Russian Interdepartmental Conference. Nizhniy Novgorod : Nizhny Novgorod Commercial Institute. pp. 88–94. (In Russian).
18. Trefilov, A.A. (2016) *Ugolovnyy protsess zarubezhnykh stran* [Criminal procedure of foreign countries]. Moscow: OOO "NIPKTS Voskhod-A".
19. Georgia. (2009) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Gruzii* [Criminal Procedure Code of Georgia]. [Online] Available from: https://matsne.gov.ge/en/document/view/90034?publication=102. (Accessed: 10.09.2018).
20. Kazakhstan (2018) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan* [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/?doc_id=31575852#sub_id=950000. (Accessed: 10.09.2018).
21. Moldova. (2009) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Moldova* [Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729. (Accessed: 10.09.2018).

Received: 02 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 230–236. DOI: 10.17223/15617793/436/28

УДК 343.233

А.С. Князьков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛИБО ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

На основе анализа литературы, а также соответствующих уголовных дел рассматриваются проблемы теории и практики индивидуализации уголовного наказания в отношении обвиняемых, осуществляющих незаконный сбыт наркотиков путем использования электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). Делается попытка выяснить алгоритм и степень учета судом отдельных обстоятельств, названных в ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания».

Ключевые слова: сбыт наркотиков; Интернет; уголовное наказание.

Целью работы является выяснение влияния отдельных характеристик виновных в незаконном сбыте наркотических средств путем использования электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) на назначение им наказания.

Для достижения названной цели использовались системно-структурный; системно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, факторный, социологический методы.

Полученные результаты, с учетом новизны нормы, устанавливающей уголовную ответственность за незаконный сбыт наркотических средств путем использования электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей, позволяют оценить практику реализации положений ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации, предоставить необходимый алгоритм толкования названных положений, и в конечном счете – повысить эффективность индивидуальной и общей профилактики рассматриваемого вида преступлений.

Актуальность темы назначения уголовных наказаний за незаконный сбыт наркотических средств путем использования электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей предопределена расширением масштабов незаконной реализации наркотиков. Данный ранее научный прогноз о возрастании числа лиц, стремящихся извлечь материальную выгоду от незаконной продажи наркотиков [1. С. 25], получает свое подтверждение, прежде всего, в заметном увеличении числа преступников, использующих в целях незаконного сбыта наркотических средств именно электронные и информационно-телекоммуникационные системы[1].

Реализация уголовной политики любого, в том числе российского, государства в конечном счете проявляется в назначении наказания за совершение преступлений. В нем непростым образом переплетаются различные аспекты уголовно-правового деяния и личностные характеристики виновного лица, получившие оценку со стороны суда. В целом проблема индивидуализации уголовного наказания с учетом личности виновного предопределена процессами либерализации уголовной политики современной России. Данный процесс не должен выступать в качестве самодовлеющего фактора: главной задачей должен быть поиск точного баланса между задействованием принципа либерализации и принципа справедливости уголовного наказания. Лишь при таком подходе можно говорить о создании условий для достижения, наряду с целью восстановления социальной справедливости, цели ресоциализации осужденного, возвращения его к нормальной жизни.

Внимание к вопросам учета личности преступника при назначении уголовного наказания предопределено несколькими обстоятельствами. Прежде всего, многообразием свойств личности, которые могут быть учтены при назначении наказания; кроме того, сложностью объективирования некоторых свойств личности преступника, что затрудняет поиск ответа на вопрос об их роли в ходе принятия решения о назначении наказания. Наконец, тесная связь объективных и субъективных факторов, проявившихся в ходе преступной деятельности и в связи с преступлением, не позволяет точно оценить влияние именно свойств личности на вид и размер уголовного наказания.

Именно исключительная сложность рассматриваемого феномена, по мысли отдельных авторов, обусловливает чрезмерно схематичное изложение вопросов личности в уголовно-правовой науке, следствием чего выступает неразработанность общей теории личности на основе новой системы социальных ценностей, ведущей нередко к чрезмерно узкому пониманию системы социальных требований применительно к учету этого обстоятельства в процессе судебной деятельности [2. С. 3–4]: лишь некоторые работы, на наш взгляд, позволяют говорить о систематизации свойств личности, учитываемых при назначении уголовного наказания, именно в контексте новой системы социальных ценностей [3. С. 59].

Данная проблема в определенной мере затрудняет решение вопроса об дифференциации и индивидуализации уголовного наказания. Её основной причиной, как считают отдельные авторы, является то, что в уголовном праве при оценке личности субъекта, совершившего преступление, не всегда учитываются критерии и характеристики, успешно разработанные в криминологической науке [4. С. 65].

Исследуя применительно к проблеме назначения наказания криминологические положения о личности преступника, следует также согласиться с мнением о том, что невключение в характеристику личности пре-

ступника социально-ролевого блока «…существенно обедняет эту характеристику, поскольку именно социально-ролевые признаки наглядно свидетельствуют о сформированности степени ответственности преступника при выполнении им своих обязанностей в основных сферах жизнедеятельности» [1. С. 57]. Смысл выделения критерия личности преступника в качестве относительно самостоятельного при назначении наказания, как уточняют отдельные авторы, состоит в том, что «…личностные данные проявляются в содеянном не всегда адекватно и всегда – не в полной мере» [5. С. 402–403].

Заметим, что мы не исследуем проблему возможного отнесения фактора «личность преступника» к обстоятельствам, выступающим в качестве основания дифференциации уголовной ответственности и наказания, рассматривая его лишь как фактор индивидуализации наказания. Собственно, анализ положений Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» придает обстоятельствам личного характера, не связанным с преступлением, значение лишь обстоятельств, направленных на индивидуализацию наказания.

Очевидно, что и доктринальное, и законодательное перечисления личностных характеристик, требующих своего учета при назначении уголовного наказания, должны соответствовать принципиальным положениям конституционного и уголовного права. Вызывает сомнение правильность вывода о том, что для назначения справедливого наказания необходимо учитывать такие черты личности, как национальность, взгляды, убеждения, отношение к власти [4. С. 67]. Такой подход противоречит конституционно-правовым положениям о равенстве граждан, нашедшим отражение в ст. 4 УК РФ «Принцип равенства граждан перед законом», закрепляющей принцип равенства перед законом совершивших преступление лиц, которые подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Отдельные авторы, исследуя вопрос об обстоятельствах, подлежащих учету в целях индивидуализации уголовного наказания, представляют их как строго отграниченные, во многом не взаимосвязанные друг с другом обстоятельства, а именно: характер и степень общественной опасности, личность виновного, обстоятельства, смягчающие наказание, обстоятельства, отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного, влияние назначенного наказания на условия жизни семьи осужденного [6. С. 52]. Между тем законодатель в ч. 3 ст. 60 УК РФ формулирует положение о том, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, **в том числе** обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Простое обращение к логическим правилам толкования данной нормы позволяет сказать, что понятие «личность» в данном случае объемлется широким кругом признаков, в которых смягчающие и отягчающие наказания личностные обстоятельства занимают лишь определенную часть. Нельзя не заметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения наказания судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 5, от 29 октября 2009 г. № 21, от 2 апреля 2013 г. № 6, от 3 декабря 2013 г № 33) несколько «подкорректировал» названное положение уголовного закона, сказав, что «…справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности, обстоятельствам его совершения и личности преступника». Названная формулировка, на наш взгляд, предусматривает некое излишне строгое разделение обстоятельств, характеризующих личность преступника, обстоятельств характера и степени общественной опасности, и в наибольшей мере – обстоятельств его совершения, к которым могут быть отнесены как отдельные смягчающие, так и отягчающие наказание обстоятельства.

Значительная роль обстоятельств личностного характера при назначении уголовного наказания хорошо видна на примере рассмотрения порядка производства в суде с участием присяжных заседателей. Как известно, согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ «Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей» данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается при этом исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Анализ этой нормы позволяет сказать о том, что судье в ходе судебного следствия становится известен широкий круг обстоятельств личностного характера подсудимого (на это указывает формулировка «данные, способные вызвать предубеждение»), которые могут подлежать оценке в процесс принятия им решения о наказании.

Интересным представляется подход, получавший закрепление в уголовном законодательстве западных стран. Так, в соответствии с уголовным кодексом Федеративной Республики Германии в числе обстоятельств, учитываемых при назначении наказания (параграф 46 «Основания назначения наказания»), называется такое, как «предшествующая жизнь правонарушителя, его личные и материальные условия» [7. С. 146–147]. Разумеется, столь широкая формулировка не позволяет определенно сказать о содержании каждого из указанных обстоятельств. По этой причине существует вероятность значительного расхождения в отнесении разными правоприменителями к названным основаниям тех или иных жизненных обстоятельств.

В специальной литературе принято подразделять учитываемые судом при назначении наказания личностные обстоятельства на обстоятельства личности виновного лица, проявляющиеся в преступлении, и обстоятельства, характеризующие личность виновного вне связи с преступлением; последние подразделяются на обстоятельства, характеризующие степень общественной опасности лица (например, рецидив) и иные, отражающие гуманистический подход к лицу, совершившему преступление.

Под личностью виновного вне связи с преступлением предлагается понимать «…совокупность социально-демографических, физических (биологических), социально-ролевых, нравственно-психологических и уголовно-правовых индивидуальных обстоятельств, не проявившихся и не находящихся в непосредственной связи с преступлением, которые могут служить или служат одним из оснований для дифференциации и (или) индивидуализации формы, вида и объема уголовной ответственности» [2. С. 7].

Таким образом, речь идет о широком круге обстоятельств, каждое из которых выполняет функцию обстоятельства, учитываемого при назначении наказания. При изучении уголовных дел непросто сказать, какие факторы и в какой мере предопределили индивидуализацию наказания, даже если в приговоре содержатся указания на обстоятельства, названные в ч. 3 ст. 60 УК РФ: можно лишь предположить, что судом принимается во внимание некая совокупность обстоятельств личностного характера. С учетом законодательства, судебной практики, а также подходов отдельных авторов к называнию обстоятельств личности, которые надлежит учитывать при назначении уголовного наказания, можно говорить о следующих элементах этой совокупности:

1. Смягчающие наказание обстоятельства.
2. Отягчающие наказание обстоятельства.
3. Учет возможного влияния назначенного наказания на условия жизни семьи виновного лица.
4. Влияние назначенного наказания на исправление осужденного.
5. Привлечение лица ранее к уголовной ответственности за совершение преступлений, судимость за которые погашена либо снята (при описании данных виновного лица можно встретить формулировку «юридически не судим», указывающую как раз на отмеченное обстоятельство.
6. Привлечение к административной ответственности, в том числе к административной ответственности за потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах.
7. Положительные или отрицательные характеристики с места жительства, работы и учебы.
8. Рецидив преступления, в том числе специальный рецидив, состоящий в совершении обвиняемым преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ.
9. Преступная роль и характер ее выполнения; необходимость в применении мер безопасности в отношение свидетелей, в том числе в отношение участвовавшего в проверочной закупке, в случае угроз в их адрес со стороны виновного лица.
10. Пол; возраст; образование; занятость.

В уголовно-правовой науке имеются попытки дать математическую модель оценки признакам преступления, в основе которой лежит американский опыт, когда некоторым обстоятельствам совершения преступления, а кроме того – смягчающим и отягчающим наказание обстоятельствам, присваивается числовое значение. Отдельными отечественными авторами предлагается аналогичная модель, однако математическая оценка придается не всем личностным факторам, которые могут быть учтены при назначении наказания. Кроме того, во многом такая оценка носит механистический характер, поскольку учитывается, например, сумма смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, а не их качественная характеристика [8. С. 120–127].

С учетом многообразия факторов личностного характера, учитываемых судами при назначении наказания, использован методологический подход, заключающийся в поиске взаимосвязей не только между характером одного конкретного обстоятельства личности и назначенным наказанием, но также и между несколькими обстоятельствами и назначенным наказанием. В наибольшей степени такая взаимосвязь может быть прослежена между смягчающими и отягчающими наказание обстоятельствами, называемыми в приговорах суда в обязательном порядке, поскольку указание на них содержится в ст. 60 УК РФ. В этом случае возможны следующие варианты соотношения этих обстоятельств, которые, как представляется, при наличии одинаковой преступной роли виновных лиц должны вести к различным видам наказания (к различному размеру одного и того же наказания): одновременно наличествуют смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства; имеются только отягчающие наказание обстоятельства; имеются лишь смягчающие наказание обстоятельства; нет ни тех, ни других обстоятельств.

В изученных нами уголовных делах, по которым осуждены 61 лицо, суд учитывал следующие смягчающие наказание обстоятельства: наличие малолетних детей – 19 осужденных, явка с повинной – 6, активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления – 19 человек, беременность – 1 человек.

Оценивая значительное число случаев проявления таких обстоятельств, как явка с повинной, а также активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления (41%), необходимо сказать, что характер рассматриваемого способа незаконного сбыта наркотических средств, трудность в выявлении деяний без помощи подозреваемых (обвиняемых) иных, помимо пресеченных сотрудниками правоохранительных органов, случаев сбыта наркотиков предопределяет преимущественно учет этого обстоятельства при назначении наказания. В целом по изученной практике было 38 осужденных, в отношение которых судом учтено

наличие смягчающих наказание обстоятельств (около 60%).

Содержащиеся в отдельных публикациях данные свидетельствуют о либерализации уголовной политики. Так, по решениям судов Смоленской области смягчающие обстоятельства учитывались в 98% приговоров, а отягчающие – в 41% уголовных дел [9. С. 136].

Небезынтересно проанализировать влияние единственного, а также нескольких смягчающих вину обстоятельств, которые были учтены судом в отношении виновных лиц, на назначение им наказания: сначала при отсутствии отягчающих наказание обстоятельство, а затем – при их наличии.

При отсутствии отягчающих наказание обстоятельств фактор наличия малолетних детей в изученных уголовных делах проявлялся следующим образом: Гум-ов – 6 с половиной лет; Дид-ко – 8 с половиной лет; Са-ич – 6 лет; Черт-ов – 6 лет; Фед-сов – 8 лет. Как видно, судом в равной мере учитывалось такое соотношение обстоятельства наличия у виновного малолетнего лица с обстоятельством отсутствия отягчающих наказание обстоятельств. Более суровая мера наказания Дид-ко и Фед-ва может быть объяснена выполнением ими роли приобретателя оптовых партий наркотических средств для целей дальнейшего сбыта.

Наличие малолетнего лица в сочетании с другими смягчающими наказание обстоятельствами без отягчающих обстоятельств: Кирш-н – 5 лет; Короб-в, имеющий двух малолетних детей, – 9 лет; Мог-ов – 5 лет лишения свободы. Более суровое наказание Короб-ва объясняется, очевидно, масштабом его преступной деятельности и её длительным продолжением: другой исполнитель по этому же уголовному делу, Пан-н, явившийся с повинной, а затем активно способствовавший раскрытию и расследованию преступлений, также получил наказание в виде 9 лет и 2 месяцев лишения свободы.

Более интересно складывалась практика назначения наказаний лицам, имеющим малолетних детей, у которых, наряду со смягчающими, имелись такие обстоятельства, как судимость и рецидив, в том числе специальный рецидив, указывающий в наибольшей мере на антисоциальную направленность лица на совершение преступлений. Так, например, ранее судимому Емур-ову, имеющему малолетнего ребенка, осуществившему явку с повинной и активно способствовавшему раскрытию и расследованию преступления, назначено наказание в виде 6 лет лишения свободы; рецидивисту Кул-ву, имеющему двух малолетних детей, активно способствовавшему раскрытию и расследованию преступления, также назначено наказание в виде 6 лет лишения свободы. Мил-ву, имеющему малолетнего ребенка (при отсутствии иных смягчающих наказание обстоятельств) и судимому незаконный сбыт наркотических средств, назначено наказание в виде 5 лет и 4 месяцев лишения свободы; Чан-ву, имеющему малолетнего ребенка, активно способствовавшему раскрытию и расследованию преступления, также судимому за незаконный сбыт наркотических средств, назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы. Лишь одному лицу – Солод-ву, имеющему малолетнего ребенка, активно способствовавшему раскрытию и расследованию преступления, также судимому за незаконный сбыт наркотических средств, назначено наказание в виде 12 лет лишения свободы. Как видим, рецидив, в том числе специальный, во многих случаях оценивался судами менее строго, чем, например, наличие смягчающих обстоятельств при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств.

По изученным уголовным делам имелся один случай осуждения беременной, а именно Авер-ой, ранее судимой, в том числе за незаконный сбыт наркотических средств, страдающей наркотической зависимостью, которой назначено наказание в виде 9 лет лишения свободы.

Преимущественное оперирование судами при назначении наказания смягчающими и отягчающими наказание обстоятельствами лежит, на наш взгляд, в основе предложений о расширении круга и тех, и других обстоятельств. Так, к первым предлагается отнести исключительно положительную характеристику личности, достижение лицом старческого возраста, ко вторым – исключительно отрицательная характеристика личности, совершение нового умышленного тождественного или однородного преступления в пределах сроков давности или судимости [2. С. 17]. При оценке данной позиции следует руководствоваться рядом принципиальных положений. Прежде всего, законодательная реализация такого предложения по сути будет означать тенденцию нормативного придания фактически всем признакам личности значения смягчающих либо отягчающих наказание обстоятельств. Собственно, такой путь просматривается в высказываниях некоторых авторов, предлагающих ввести ст. 60.1 УК РФ «Обстоятельства, характеризующие личность виновного», в которой перечисляются все возможные характеристики личности [10. С. 10–11]. Между тем предложенные выше в качестве смягчающих и отягчающих обстоятельств факторы исключительно положительной и исключительно отрицательной характеристики не поддаются, на наш взгляд, более или менее точной объективизации и на практике всегда ведут к трудностям оценки объективности соответствующей характеристики. Кроме того, уголовный закон позволяет считать смягчающими наказание также иные обстоятельства, не названные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, и в этом случае нет особой необходимости в их законодательном перечислении; кроме того, трудность формализации такого обстоятельства, как исключительность характеристики (как положительной, таки отрицательной).

Характер преступления, состоящий в незаконном сбыте наркотических средств путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, предполагает прежде всего учет при назначении наказания за его совершение ряда обстоятельств, которые объективно присущи этому виду преступления и выражают его социально-правовую природу. К таким обстоятельствам относятся соучастие, распределение преступных ролей «руководителя», «писаря», «курьера, закладчика».

Говоря о влиянии на уголовное наказание преступной роли, выполняемой тем или иным соучастником незаконного сбыта наркотических средств рассматриваемым способом, нужно, как верно отмечается в специальной литературе, обращать внимание на качество выполнения преступником своих ролей, исходя из занимаемых им социальных позиций [11. С. 105]. Можно предположить, что суды данное обстоятельство также учитывают, назначая организаторам преступлений более суровое наказание, чем исполнителям. Так, например, организатору преступлений Рус-ву назначено наказание в виде 8 с половиной лет лишения свободы, а исполнителю Емур-ву – 6 лет лишения свободы; организатору по другим преступлениям Поз-еву назначено наказание в виде 11 лет лишения свободы, а исполнителю Пан-ну – 9 лет и 2 месяца лишения свободы; еще одному организатору преступлений – Рег-ру – назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы и штраф в размере 300 000 рублей, в то время как исполнителю Рад-ич – 6 лет лишения свободы, а еще одному исполнителю – Пан-ной – штраф в размере 30 000 рублей.

Следует сказать о редком применении судами штрафа в качестве дополнительной меры наказания: по изученным делам он был назначен лишь в отношении двух лиц, хотя размер преступных доходов от незаконного сбыта наркотических средств рассматриваемым способом во многих случаях весьма велик (до двух миллионов и более).

Довольно трудно проанализировать учет судом такого обстоятельства, как влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи. Дело в том, что оно близко по своему социальному значению к такому обстоятельству, как наличие малолетних детей. Лишь в одном из изученных нами уголовных дел назывался такой субъект, требующий ухода со стороны виновного лица, как находящийся на иждивении инвалид 1-й группы, однако наличие у виновного лица Сам-ва еще и таких обстоятельств, как судимость, наркотическая зависимость, не позволяет сказать, дана ли судом оценка фактора влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи, а если дана, то в какой степени. Гораздо бóльшую личностную характеристику виновного, которая должна быть учтена согласно ст. 60 УК РФ, представляет такое обстоятельство, как влияние назначенного наказания на исправление осужденного. Заметим, что в литературе существует неоднозначное отношение к включению законодателем в число обстоятельств, названных в ч. 3 ст. 60 УК РФ, этого личностного фактора. В частности, критика состоит в том, что наличие этого обстоятельства в числе обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, находится в противоречии с положениями ч. 2 ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания», поскольку ориентирует суд лишь на достижение цели исправления осужденного, противопоставляя тем самым цель индивидуальной профилактики цели общей профилактики [10. С. 128].

Независимо от оценки названной коллизии, нужно говорить о фактических трудностях, возникающих в ходе постановления приговора в аспекте необходимости учета судом данного обстоятельства. Значительный объем свойств личности, способных оказать эффективное влияние на ресоциализацию осужденного, не позволяет однозначно сказать, какие из свойств личности составляют содержание этого обстоятельства, имеют значение для суда. Ими не могут считаться смягчающие наказание обстоятельства личностного характера, а именно: несовершеннолетие виновного; беременность; наличие малолетних детей у виновного, поскольку фактор смягчающих наказание обстоятельств назван в ст. 60 УК РФ наравне с анализируемым фактором. Очевидно, что свойства личности виновного, которые составляют содержание обстоятельства, сформулированного как «влияние назначенного наказания на исправление осужденного», лежат в кругу иных личностных факторов: пола, возраста, образования, трудовой занятости и т.п.

В числе таких свойств находится наркотическая зависимость виновного лица. Данное обстоятельство, как представляется, должно быть принято во внимание для определения срока наказания, а также его размера, необходимого для социализации осужденного. Необходимо учитывать, как отмечают отдельные ученые, что под воздействием наркотиков происходит постепенная, но последовательная деградация личности, что создает объективные условия для превращения наркомана в преступника, стремящегося путем совершения преступлений добыть средства для приобретения наркотических средств [1. С. 22–23], ведет к росту имущественных преступлений, совершаемых названной категорией лиц [12. С. 45]. Число таких лиц неуклонно растет: как свидетельствуют отдельные публикации, свыше четверти условно осужденных направлялись в места лишения свободы по причине злостного уклонения от лечения наркомании [13. С. 139].

В контексте достижения цели данной научной публикации необходимо сказать, что одним из «обязываний» к будущим сбытчикам наркотических средств путем «закладок» было требование к здоровью. Вот, например, как сформулировало неизвестное лицо-организатор незаконного сбыта наркотических средств рассматриваемым способом одно из своих требований: «…нужен ответственный, не употребляющий человек, не занятый другой трудовой деятельностью, с залогом в 5 000 рублей, собственным автомобилем и хорошим мобильным устройством для выхода в интернет, хорошей памятью и фантазией, умеющий грамотно и подробно описывать место заклада, готовый работать по выходным». Очевидно, что выполнение хроническим наркоманом отмеченных условий будет затруднительным в силу отрицательных изменений личности, вызванных употреблением наркотических средств. Собственно, анонимный организатор незаконного сбыта предусмотрел возможность присвоения наркотиков самим «закладчиком», установив следующие правила (даются в существовавшей редакции): «Штрафы: ненайденный, ненадежный клад от 500 рублей до 1 000 рублей за 1 штуку в зависимости от веса (данный тариф действует в случае не нахождения более 5 закладок. До 5 «ненаходов» штраф от 100 рублей до 200 рублей в зависимости от тарифа). Неверное, неподробное описание ме-

ста заклада и упаковки от 500 рублей до – 1 000 рублей за 1 штуку в зависимости от веса. Потерянный пакет, перепутанный вес от 500 рублей до 1 000 рублей за 1 штуку в зависимости от веса. Не вовремя отписанные оператору адреса от 3 000 рублей до 20 000 рублей в зависимости от времени, то есть до 12 часов 3 000 рублей, и так далее по возрастающей. Невыход на работу без предупреждения 30 000 рублей».

Возможно, именно такой «штрафной» подход приводил к тому, что страдающие наркотической зависимостью «закладчики» осуществляли сбыт наркотических средств непродолжительное время: таких лиц по изученным нами уголовным делам было 5 человек. Сравнение назначенного такими лицам уголовного наказания с наказаниями других лиц, не являющихся наркоманами, имеющих одинаковую совокупность обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, позволяет предположить, что суды не в достаточной мере оценивают фактор наркотической зависимости виновного лица. Так, страдающим наркотической зависимостью Говор-ну и Кри-ову, как и Бал-ву, Даг-еву, Ков-еву, Ник-ву, Рот-рю, Руд-ко, не являющимся наркоманами, назначено сравнительно одинаковое наказание: в среднем 6 лет (разница в сроке лишения свободы составляет не более полугода).

Говоря об учете назначенного наказания на исправление осужденного, следует оперировать и таким обстоятельством, как его характеристики по месту жительства, работы и т.д. Что касается отрицательных характеристик, то они, как представляется, судами при назначении наказания практически не учитываются. Так, например, характеризующимся отрицательно Цир-еву и Тюм-ову, имеющим сходное обстоятельство – явка с повинной, при отсутствии иных смягчающих обстоятельств, а также отягчающих обстоятельств было назначено соответственно 6 лет, 8 месяцев и 8 лет. Еще более наглядным является случай, когда соучастникам преступления Соб-ову, имеющему отрицательную характеристику по месту проживания в Республике Казахстан, и Тюми-ву, имеющему положительную характеристику, при отсутствии отягчающих обстоятельств было назначено соответственно 6 и 8 лет лишения свободы.

В некоторых случаях виновные лица характеризовались соседями и участковыми уполномоченными полиции «удовлетворительно». Это обстоятельство в основном учитывалось судами, и виновным лицам, имеющим одинаковые с «положительно» характеризующимися лицами отягчающие (смягчающие) наказания обстоятельства, назначались бóльшие сроки наказания. Так, например, положительно характеризующимся Кр-ову, Кул-ину, Ман-ину, Гер-ичу и удовлетворительно характеризующимся Пан-ну и Пере-ну было назначено соответственно 5 и 9 лет лишения свободы.

Можно предположить, что в числе обстоятельств, учитываемых в контексте влияния назначенного наказания на исправление осужденного, были следующие: полное признание вины (получили отражение в приговорах судов в отношение 3 лиц), и раскаяние в содеянном (также в отношение 3 лиц).

Выводы:

1. Наиболее четкое следование общим началам назначения наказания осуществляется при вынесении приговоров организаторам и исполнителям рассматриваемых деяний.

2. В наибольшей мере смягчающие наказание обстоятельства учитывались судом по преступлениям, где масштабы сбыта наркотических средств были не столь велики.

3. Суды при назначении наказания за сбыт наркотических средств рассматриваемым способом в недостаточной мере учитывают такое обстоятельство, как болезненное пристрастие виновного лица к наркотическим средствам.

4. Различия в степени влияния характеристик «удовлетворительная» и «положительная» на размер наказания проявляются гораздо четче, чем различия в степени такого влияния положительной и отрицательной характеристик виновного лица.

5. Такие обстоятельства, как судимость виновного лица, рецидив, в том числе специальный рецидив, при наличии смягчающих наказание обстоятельств не влекут существенного увеличения срока наказания по сравнению с наказаниями, назначаемыми иным осужденным, также имеющим смягчающие обстоятельства.

6. Довольно трудно проанализировать учет судом такого обстоятельства, названного в ст. 60 УК РФ, как влияние назначенного наказания на условия жизни семьи подсудимого, поскольку оно по своему социальному значению близко к такому обстоятельству, как наличие малолетних детей.

7. Весьма редко суды применяют штраф в качестве дополнительной меры наказания.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] В работе не ставилась цель рассмотреть проблему назначения наказания за незаконный сбыт наркотических средств путем использования средств массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прозументов Л.М. Криминологическая характеристика и предупреждение наркопреступности. Томск : Изд-во НТЛ, 2009. 172 с.
2. Батманов А.А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2008. 23 с.
3. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 781 с.
4. Плиев К.А. Проблема оценки личности преступника при назначении ему уголовного наказания // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 65–68.
5. Кругликов Л.Л. Назначение наказания // Уголовное право России. Часть общая: учеб. для бакалавров / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. 3-е изд., перераб. М. : Проспект, 2013. С. 389–441.
6. Баранова Е.А, Смирнов А.М. Уголовное наказание и его значение. М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.

7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 524 с.
8. Бурлаков В.Н. Назначение наказания и личность преступника: теоретические, правовые и методические вопросы. СПб. : Юридический центр, 2017. 200 с.
9. Шкредова Э.Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 134–142.
10. Чунталова О.В. Личность виновного: проблемы назначения наказания по уголовному законодательству России и других стран СНГ : дис. …канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 218 с.
11. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учеб. пособие. Красноярск : Краснояр. высш. школа МВД России, 1997. 256 с.
12. Елисеев С.А. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: некоторые вопросы квалификации // Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков : материалы науч.-практ. конф. Томск : Том. гос. ун-т, 2005. С. 45–47.
13. Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 180 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 октября 2018 г.

SEVERAL PROBLEMS OF IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR ILLEGAL DRUG TRAFFICKING WITH THE USE OF ELECTRONIC OR TELECOMMUNICATION NETWORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 230–236.
DOI: 10.17223/15617793/436/28
Aleksey S. Knyazkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru
Keywords: drug dealing; Internet; criminal punishment.

The aim of this work is to explore the impact of particular characteristics of a person guilty of illegal drug trafficking with the use of electronic or telecommunication networks (including Internet) on the imposition of punishment. The author uses a system structural method, a system functional method, a formal method, a comparative legal method, a sociological method to find a solution for this problem. Illegal drug trafficking with the use of electronic or telecommunication networks (including Internet), due to the possibility of a considerable expansion of criminal drug selling, raises objectively the level of public danger of this crime. Thus, there is a question on the formation of a balanced criminal policy which concerns the reporting of an offender's personality. The solution of the problem of a fair imposition of criminal punishment depends primarily on the inclusion of the criminal's personality social role-based block into its description, and on recording the corresponding qualities in practice. A conclusion is doubtful that to impose a fair punishment it is necessary to consider such personal traits as nationality, views, beliefs, attitude to the authorities. In this article, a set of circumstances of personal character, which should be considered in case of an imposition of criminal punishment for drug trafficking with the use of electronic or telecommunication networks, and directions of further research of the problem are given. The author comes to the following conclusions. (1) The general principles of imposition of punishment are most clearly followed in criminal sentencing of persons who organized and committed crimes. (2) Mitigating circumstances were taken into account by the court over crimes where the amount of drug trafficking was not so considerable. (3) Courts insufficiently take into account the circumstance of a person's addiction to drugs. (4) Differences in the influence of "satisfactory" and "positive" characteristics on the punishment appear more often than differences in this influence of positive and negative characteristics of a guilty person. (5) Under mitigating circumstances, such circumstances as previous convictions, repeated offences, including special repeated offences, do not result in a more severe punishment in comparison with punishment imposed to other convicts under mitigating circumstances. (6) It is difficult enough to analyse the consideration by the court of the circumstance, mentioned in Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation: impact of the punishment on the life conditions of the criminal's family, because in its social meaning it is close to the circumstance of having underage children. (7) It is extremely rare for the court to impose penalty fine as an additional measure of punishment.

REFERENCES

1. Prozumentov, L.M. (2009) *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie narkoprestupnosti* [Criminological characteristics and prevention of drug crime]. Tomsk: Izd-vo NTL.
2. Batmanov, A.A. (2008) *Lichnost' vinovnogo vne svyazi s prestupleniem kak kriteriy differentsiatsii otvetstvennosti i nakazaniya* [The personality of the perpetrator not connected with the crime as a criterion for the differentiation of liability and punishment]. Abstract of Law Cand. Dis. Kazan.
3. Nepomnyashchaya, T.V. (2006) *Naznachenie ugolovnogo nakazaniya: teoriya, praktika, perspektivy* [The imposition of criminal punishment: Theory, practice, prospects]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Pliev, K.A. (2017) Problem of assessment of the identity of the criminal at appointment criminal penalty. *Obshchestvo i pravo*. 4 (62). pp. 65–68. (In Russian).
5. Kruglikov, L.L. (2013) Naznachenie nakazaniya [Sentencing]. In: Kruglikov, L.L. (ed.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' obshchaya* [Criminal Law of Russia. General Part]. 3rd ed. Moscow: Prospekt.
6. Baranova, E.A. & Smirnov, A.M. (2014) *Ugolovnoe nakazanie i ego znachenie* [Criminal punishment and its meaning]. Moscow: Yurlitinform.
7. Germany. (2003) *Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii* [The Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. Translated from German by N.S. Rachkova. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
8. Burlakov, V.N. (2017) *Naznachenie nakazaniya i lichnost' prestupnika: teoreticheskie, pravovye i metodicheskie voprosy* [The imposition of punishment and the personality of the offender: Theoretical, legal and methodological issues]. St. Petersburg: Izd-vo "Yuridicheskiy tsentr".
9. Shkredova, E.G. (2016) Taking into Account Perpetrator's Personality and Circumstances Mitigating or Aggravating the Punishment, as One of the Criteria of Fair Punishment. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 134–142. (In Russian). DOI: 10.12737/19773
10. Chuntalova, O.V. (2005) *Lichnost' vinovnogo: problemy naznacheniya nakazaniya po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii i drugikh stran SNG* [The personality of the perpetrator: problems of sentencing under the criminal law of Russia and other CIS countries]. Law Cand. Dis. Krasnodar.
11. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (1997) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General Part]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
12. Eliseev, S.A. (2005) [Crimes related to drug trafficking: some issues of qualification]. *Problemy protivodeystviya nezakonnomu oborotu narkotikov* [Problems of combating drug trafficking]. Proceedings of the Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–47. (In Russian).
13. Ol'khovik, N.V. (2005) *Rezhim ispytaniya pri uslovnom osuzhdenii* [Test mode for probation]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 28 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 237–242. DOI: 10.17223/15617793/436/29

УДК 341.1/8

А.В. Кукушкина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ БОМБАРДИРОВОК АВИАЦИЕЙ НАТО ТЕРРИТОРИИ ЮГОСЛАВИИ И ИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Раскрываются международные последствия агрессии НАТО против Югославии и тех аспектах вооружённого конфликта, которые еще не имеют должного правового регулирования. Вносятся предложения по разработке новых международно-правовых документов или принятию дополнений к действующим актам. События в Югославии стали еще одним напоминанием об экологических последствиях вооруженного конфликта, явились одной из самых крайних форм разрушения окружающей среды, известной также как экоцид.

Ключевые слова: международное право; агрессия; охрана окружающей среды; международное преступление; экоцид; заповедники.

События в Югославии стали еще одним напоминанием об экологических последствиях вооруженного конфликта. Они явились одной из самых крайних форм разрушения окружающей среды, известной также как экоцид [1. С. 87].

Ущерб был нанесен как в результате непосредственного применения оружия, так и побочного воздействия на окружающую среду.

НАТО бомбило гражданские объекты на территории страны, в том числе предприятия химической, фармацевтической промышленности и нефтехранилища. В целом разрушение предприятий как химической, так и фармацевтической промышленности привело к утечке большого количества аммиака, жидкой пластмассы, искусственных удобрений, возникновению ядовитых облаков.

В общей сложности 105 промышленных объектов стали целями ракетно-бомбовых ударов на территории Югославии в период с 24 марта по 5 июня 1999 г. [2. С. 2].

Среди разрушенных предприятий нефтехимической промышленности такие, как химический комплекс Milan Blagoevic в Лучанах, нефтехранилища объединений Yugopetrol в Смедерево, Приштине и Сомборе, Beopetrol в Белграде, Кралево, Приштине, Naftagas в Сомборе, нефтехимический завод и химический завод в Панчево, нефтеперерабатывающий комплекс в г. Нови Сад.

Всего в ходе бомбардировок было разрушено около двадцати подобных крупных объектов. Таким образом, было уничтожено до 70% нефтепромышленного потенциала Югославии.

В результате разрушений промышленных объектов и пожаров произошло загрязнение атмосферы, воды и почвы вредными веществами, в частности, диоксинами, токсичными соединениями серы, азота в низкой степени окисления, которое отмечено не только на территории Югославии, но и в соседних странах.

Бомбардировки нефтехимического комплекса в Панчево привели к критически высокому загрязнению воздуха в прилегающих районах.

Содержание мономеров винилхлорида превысило предельно допустимые концентрации в 10 600 раз, а сажи, двуокиси серы (SO 2) и хлоркарбона – в 4–8 раз. Продуктами сгорания винилхлорида являются, в частности, такие опасные ядовитые газы, как фосген и хлор.

Облако дыма длиной в 15 километров визуально наблюдалось над Панчево в течение десяти дней после окончания налётов. И в Панчево, и в других районах, подвергшихся воздушным налётам, при очень высоких температурах (до 1200 ^{o}C) горела нефть, машинное масло, асфальт, синтетические строительные материалы, выделяющие большое количество пиротоксинов.

Токсичные вещества, попавшие в атмосферу, в частности, канцерогенные соединения диоксинов, могут переноситься ветром на большие расстояния. Так, уровень содержания диоксинов в воздухе над Северной Грецией превысил норму в 10 раз в апреле, и в 15 раз в мае 1999 г.

В период с 18 по 26 апреля 1999 г. зафиксированы предельно допустимые концентрации диоксида серы, оксида азота, аммония в атмосферном воздухе над юго-западной частью территории Румынии в районе приграничного уезда Тимиш. А 20 апреля при повышении содержания в атмосфере двуокиси углерода и окиси азота было отмечено затруднение дыхания и симптомы отравления у румынских пограничников.

Кислотные осадки были отмечены в период с 12 мая по 1 июня 1999 г. в Румынии в уезде Караш Северин и районах Берлисте и Градинари, в уезде Тимиш и уезде Арад. Все эти явления соотносятся по времени с бомбардировками индустриальных объектов на территории Югославии, а анализ данных о преобладающем направлении и силе ветра подтверждает наличие непосредственной взаимосвязи.

В Болгарии 20 мая 1999 г. наблюдался кислотный дождь желтого цвета. В районе станции наблюдения Розен болгарского Министерства окружающей среды и водных ресурсов 23–25 мая также зафиксированы кислотные дожди. То обстоятельство, что в эти дни дул северный и северно-западный ветер прямо указывает на зону военных действий как на источник загрязнения.

Национальными службами по охране окружающей среды установлен также факт превышения в атмосферном воздухе над территорией Болгарии предельно допустимых концентраций гидрогена сульфида – в

3–4 раза, аммония – в 2–3 раза, феногидрогена сульфида – в 3–4 раза, аммония – в 2–3 раза, фенола – в 2 раза в период бомбардировок территории Югославии.

Попавшие в атмосферу в огромных количествах в результате бомбардировок промышленных объектов окислы азота, диоксид серы, монохлорид карбона привели к появлению дыр в озоновом слое над Европой.

19 апреля были взорваны нефтеперерабатывающие заводы, после чего над Европой появилось облако сажи и бензапирена – ядовитых веществ высшей категории опасности. Попадая в организм человека, они вызывают рак. Наибольшие их концентрации отмечались в соседних странах – Венгрии и Италии.

В Италии американский истребитель-бомбардировщик F-15 перед аварийной посадкой на военном аэродроме Геди сбросил в небоевом режиме 6 бомб лазерного наведения в озеро Гарда, недалеко от всемирно известного курорта. Бомба «Pave way III» весом 907 кг была снаряжена сердечником из обедненного урана.

Необогащённый уран представляет собой тяжёлый металл – побочный продукт процесса обогащения урана для военных и гражданских нужд. Необогащённый уран на 40% менее радиоактивен, чем естественный уран, период его полураспада составляет 10 миллионов лет. Ввиду высокой плотности (в 1,7 раза выше плотности свинца) этот материал используется при создании оболочек для боезарядов, в частности, 30-миллиметровых противотанковых снарядов типа A-10 Thunderbolt, каждый из которых содержит 275 г необогащенного урана.

Факт использования боезарядов, содержащих необогащенный уран, в ходе военной акции НАТО в Югославии был подтверждён, в частности, на брифинге в Министерстве обороны США 7 мая 1999 г. [3. С. 2].

Сгорание боезаряда при высокой температуре и давлении приводит к выделению оксида урана в виде аэрозоля. Оксид урана губительно действует на дыхательные пути людей, находящихся в радиусе 300 метров от эпицентра взрыва, приводит к тяжелым ожогам слизистой оболочки и последующим злокачественным новообразованиям. Он не только радиоактивен, но и высокотоксичен, является сильнейшим канцерогеном, а также поражает генетический аппарат. Его частицы размером от 0,5 до 5 микрон, разносимые ветром, при разрушении боезаряда попадают в почву и растения, проникают с пищей и водой в организм людей и животных и приводят к негативным последствиям для здоровья, к разрушению хромосом и серьёзным изменениям репродуктивной системы.

Частицы необогащенного урана невозможно ни извлечь из окружающей среды, ни нейтрализовать. Накапливаясь в организме человека, проживающего на загрязнённой территории, они постепенно приводят к необратимым последствиям. В Югославии было применено более 150 американских ракет «Томагавк», а также авиабомб США и Великобритании с конструктивными элементами из урана. Боеприпасы, содержащие конструктивные элементы из обеднённого урана, впервые использовались США в Ираке. Есть данные о том, что более 400 ветеранов войны в Ираке из числа британских военнослужащих погибли вследствие поражения ураном [4. С. 292].

Совместная рабочая группа ЮНЕП и Хабитат по Балканам рекомендовала изолировать районы, зараженные в результате применения оружия, содержащего обедненный уран [5. С. 20].

Воздействие урана на организм человека подтверждается и так называемым «синдромом Залива» (или «иракским синдромом») – заболеванием, которым страдают многие бывшие военнослужащие США и Великобритании, принимавшие участие в военных действиях в районе Персидского залива в 1991 г. Около трех тысяч из них умерло от раковых заболеваний, у многих из оставшихся в живых рождаются дети с физическими отклонениями [6. С. 25].

Аналогичные нарушения здоровья отмечены и у жителей Боснии и Герцеговины, где упомянутые боезаряды применялись в 1995 г. Также предполагается, что именно необогащённый уран стал причиной зафиксированного в мае 1999 г. восьмикратного повышения содержания радионуклидов на территории Македонии.

Учитывая то обстоятельство, что территория Югославии в марте – мае 1999 г. подвергалась массированным бомбардировкам и ракетному обстрелу (всего было использовано около 30 000 т взрывчатых веществ, равных по тротиловому эквиваленту 9 ядерным бомбам, сброшенным на Хиросиму), в том числе с применением большого количества боеголовок, содержащих необогащённый уран, есть основания прогнозировать увеличение количества заболеваемости пострадавших людей.

Бомбардировки начались 24 марта 1999 г. и продолжались 76 дней. В операции НАТО было задействовано около 1 200 самолетов, которые в период с 24 марта по 5 июня 1999 г. совершили в общей сложности около 25 000 вылетов, проведя 150 000 часов в воздухе над Югославией и приграничными районами соседних стран. Столь интенсивное использование реактивных самолётов над сравнительно небольшой территорией привело к высокой концентрации в атмосфере и в осадках вредных веществ, содержащихся в авиационном топливе, – перхлората аммония, поливинилхлорида, стеарата свинца, полибутадиена, полиэтана.

При сгорании топлива реактивных самолетов в атмосфере образуются также окислы азота (NOx), разрушающие озоновый слой.

В районе Бор и Мойковича следствием бомбардировок стало разрушение дамб открытых хранилищ промышленных отходов, что привело к загрязнению грунта, подземных и поверхностных вод.

При налетах на автозавод Застава в реку Великая Морава попало несколько тонн пиралена – вещества, имеющего канцерогенные свойства и опасного даже в незначительной концентрации. Эта река является одним из основных притоков Дуная, снабжающего водой не менее 10 млн жителей разных стран.

В ходе бомбардировок других объектов в Дунай попало также около ста тонн жидкого аммония. Так, в ходе одного из налетов на нефтехимический комплекс в Панчево вследствие повреждений оборудова-

ния возникла угроза взрыва емкостей с токсичными веществами, что привело бы к масштабному загрязнению атмосферы, чреватому гибелью множества людей. Во избежание такого развития событий работники предприятия были вынуждены спустить в Дунай 1 400 т дихлорида этилена, 800 т 33-процентного раствора гидрогена хлорида, 3 000 т щелочи, 1 000 т гидроокиси натрия, а также неустановленное количество ртути (в обычных условиях в хранилищах предприятия находится около 100 т ртути, используемой в технологических процессах).

Специфическим фактором загрязнения вод явилось трансформаторное масло, содержащее токсичные химические компоненты. Трансформаторные подстанции являются составляющими энергетической структуры промышленных предприятий, подвергшихся бомбардировкам. При разрушении подстанции в Белграде 150 т масла, вылившегося в систему каналов, попало в реку Сава.

В конце апреля 1999 г. румынскими природоохранными органами в водах Дуная зафиксировано двукратное превышение предельно допустимых концентраций тяжелых металлов и более чем двадцатикратное – цинка. Неизбежная биоаккумуляция этих элементов делает опасным для здоровья людей употребление пойманной в реке рыбы. Временный запрет на лов рыбы, введённый югославскими властями после бомбардировок Панчево, не является решением проблемы, поскольку токсичные вещества оседают и накапливаются в донных отложениях, продолжая воздействовать на флору и фауну. Кроме того, они могут активизироваться под воздействием внешних физических и химических факторов.

В результате разлива нефтепродуктов и их попадания в Дунай при бомбардировках г. Нови Сад образовалось нефтяное пятно длиной 15 км и шириной до 400 м, которое наблюдалось в течение двух недель в апреле 1999 г. на участке между 1 255 и 1 052 км реки.

На брифинге совместной рабочей группы ЮНЕП и Хабитат было отмечено, что если почва в районе Нови Сада не будет вовремя очищена, возникнет непосредственная угроза загрязнения питьевой воды для города, которую он забирает из Дуная. Такой угрозе подвергалось около 150 000 человек [5. С. 20].

Важно отметить, что Сербия обладает богатейшими ресурсами подземных вод европейского значения, загрязнение которых может привести к ощутимым последствиям далеко за пределами Югославии. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что способность подземных вод к самоочищению значительно ниже, чем у рек.

К 24 апреля количество взрывчатых веществ, сброшенных на территорию Югославии, превысило 10 т. В целом происходило методичное уничтожение флоры и фауны Средиземноморья в целом.

Во время бомбардировок был нанесён прямой ущерб заповедным территориям, лесам и земельным угодьям. Одним из бомбардировщиков было слито 42 т горючего над заповедником в Венгрии.

По оценкам специалистов, 240-килограммовая авиабомба оставляет после взрыва кратер глубиной в 4 метра и площадью до 50 кв. м. Для восстановления плодородного грунта и естественного биохимического цикла в районах бомбардировок потребуется несколько тысяч лет, так как в естественных условиях для формирования двух сантиметров плодородного слоя требуется не менее ста лет. Разрушение верхнего плодородного слоя земли на месте кратера и вокруг него означает гибель флоры и фауны.

Специалисты высказывают опасения, что трёхмесячная военная кампания, а также связанные с ней шум, загрязнение и разрушения могли повлиять на пути естественной миграции животных и птиц, что прямо скажется на их воспроизводстве, так как через территорию Югославии пролегают важные для всего юго-востока Европы миграционные коридоры.

Территория страны была относительно экологически чистой до последнего времени. До 4% ее территории (или 400 000 га) занимают природоохранные территории, заповедники (всего 1 800 природоохранных объектов), где были сохранены редкие виды животных и растений, при авианалетах и ракетных ударах пострадало тринадцать национальных парков и заповедников, таких как Tara (внесённый в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО), Kopaonik, Fruska Gora, Sarplanina, Vrsacke Planiny и др.

Заповедные территории Югославии играли важную роль в сохранении биоразнообразия в Европе, и ущерб, причинённый этим территориям, не поддаётся даже приблизительной оценке.

Также сгорело 250 га лесов. В результате загрязнения и произведенных разрушений стали полностью непригодными для дальнейшего сельскохозяйственного использования несколько тысяч гектаров плодородных земель.

В районе румыно-югославской границы, в непосредственной близости от зоны конфликта, содержание тяжелых металлов в почве увеличилось в 50 раз, что прямо связано с переносом ветром и дождевыми облаками вредных веществ с разбомблённых предприятий Югославии.

В приграничных районах Болгарии отмечено превышение содержание свинца в почве в три раза, меди – в 1 400 раз, кадмия – в 30 раз по сравнению со средними показателями многолетних наблюдений.

В результате бомбардировок экосистема Балкан, источники поверхностных и подземных вод, почва и атмосферный воздух подверглись беспрецедентно активному воздействию не менее чем ста видам токсических веществ.

Большую опасность также представляли ядерные реакторы на территориях соседних стран – «Козлодуй» в Болгарии, «Пакш» в Венгрии, «Конду» в Румынии. Так, при случайной бомбардировке «Пакша» радиоактивное облако накрыло бы Вену.

В Югославии была издана Белая книга [11], где представлены факты и доказательства преступлений, совершённых НАТО и государствами – членами Североатлантического союза, принимавшими участие в агрессии против Союзной Республики Югославии. Последствия для жизни и здоровья населения не только Югославии и соседних стран, но и всей Европы в результате очень сильного загрязнения окружающей среды, вызванного бомбёжками, очень тяжелы.

В ходе военной акции НАТО усилились миграционные процессы, начавшиеся в результате действий югославского правительства. Потоки беженцев из Косово двигались преимущественно в сторону Албании и Македонии. Ни одна, ни другая страна не располагали необходимыми ресурсами для приёма и обустройства сотен тысяч людей.

Общей проблемой для всех лагерей беженцев, особенно палаточных, стало отсутствие или недостаточность систем канализации, возникновение необорудованных мусорных свалок, стихийная рубка леса беженцами в окрестностях для хозяйственных нужд, приготовления пищи и обогрева.

Бытовые стоки и жидкий фильтрат мусорных свалок привели в большинстве случаев к загрязнению подземных водоносных горизонтов. Значительная часть стоков и бытовых отходов попала в воды рек и водоёмов. Деятельность местных властей и международная помощь позволили лишь отчасти контролировать ситуацию.

Многие лагеря были развёрнуты на пахотных землях, которые долгие годы будут непригодны для сельскохозяйственного использования.

В первые недели военных действий лагеря беженцев создавались на территории Албании, в частности, в природоохранных зонах, причём без каких-либо консультаций с местными властями. Так, лагерь в районе Рушкул неподалеку от Дурреса занял 14,5 га охотничьего заказника.

Серьёзную проблему представляет переработка твёрдых отходов, образовавшихся из-за разрушений (остатки зданий, мостов). Существующие технологии позволяют переработать до 80% от общего количества, однако при переработке в атмосферу и водоёмы неизбежно будут попадать вредные вещества. Что касается оставшихся 20%, то единственным выходом является их захоронение.

В Приштине и других городах Югославии на протяжении многих месяцев после окончания бомбардировок и ввода на территорию страны миротворческих сил все более серьёзной экологической проблемой становится накопление мусора и бытовых отходов.

Следует отметить, что в планах восстановления Югославии, предоставления ей необходимой технической и финансовой помощи природоохранные задачи, к сожалению, не являются приоритетными. Аналогичным в свое время был подход к проблемам восстановления Боснии, что указывает на тенденцию недооценки международными организациями природоохранных аспектов последствий военных действий.

Имеются все основания утверждать, что использование военной силы и особых видов вооружений в промышленной зоне привело к причинению серьезного ущерба окружающей среде, грозящему причинением существенного вреда здоровью как ныне живущих в регионе, так и будущих поколений.

С точки зрения охраны окружающей среды были нарушены Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г.; I Дополнительный протокол 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.; Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г.

Были нарушены также такие отраслевые принципы международного права окружающей среды, как обязанность государств действовать таким образом, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств за пределами действия национальной юрисдикции (Стокгольмская декларация принципов 972 г., 21-й принцип) [7. С. 686].

Следующий принцип – это принцип обязанности беречь окружающую среду в целом. Этот принцип касается всего, что считается частью общего достояния человечества. В частности, он закреплен во Всемирной хартии природы, п. 5 ст. 1, где говорится, что природу необходимо защищать от разграбления в результате войны или враждебных действий, а в п. 20 ст. III говорится, что следует воздерживаться от военных действий, наносящих ущерб природе.

В декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. в 24-м принципе отмечается, что «война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого развития. Поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивая защиту окружающей среды при возникновении вооружённых конфликтов, и сотрудничать при необходимости в деле его дальнейшего развития» [7. С. 692].

Говоря об общих принципах международного гуманитарного права, нужно сказать, что были нарушены такие принципы, как принцип проведения различия между военными и гражданскими объектами и принцип соразмерности. Так, нападению могут подвергаться только военные объекты. Также запрещается использовать методы или средства ведения боевых действий, наносящие чрезмерный ущерб, и необходимо принимать меры предосторожности в ходе военных операций (35, 48, 52, 57 ст. I Дополнительного протокола).

Нарушением правовых норм является также не оправданное военной необходимостью нанесение ущерба окружающей среде (ст. XXIII ж Положения к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 53 и 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, и п. 3 ст. 35, и ст. 55 I Дополнительного протокола).

Ст. 56 I Дополнительного протокола также запрещает нападения на установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно:

– плотины, дамбы и атомные электростанции, даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными объектами, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжёлые потери среди гражданского населения.

Пункт 3 статьи 35 и статья 55 I Дополнительного протокола констатируют, что при ведении военных действий следует проявлять заботу о защите и сохранении природной среды. Запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьёзный ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения.

Пункт 6 статьи 56 I Дополнительного протокола призывает государства заключать между собой другие соглашения, предусматривающие дополнительную защиту объектов, содержащих опасные силы.

Также нужно вернуться к вопросу о выработке пятой Женевской конвенции о защите природной среды во время вооружённых конфликтов.

Помимо этого, необходимо вернуться к вопросу об объявлении природных заповедников демилитаризованными зонами в случае конфликта [8. С. 34].

Здесь нужно отметить, что на рассмотрение Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, был представлен проект статьи 48 ter, но она не была принята. В ней говорилось о том, что «общепризнанные охраняемые природные территории, должным образом обозначенные и имеющие определенные границы и о существовании которых объявлено неприятельской стороне, пользуются защитой и уважением, за исключением тех случаев, когда очевидно, что эти территории используются в военных целях» [9. P. 664].

Они могли бы быть приравнены к демилитаризованным зонам или к другим охраняемым районам [8. С. 91].

Статья 1 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. запрещает военное или любое иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, которое имеет широкие, долгосрочные или серьёзные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. В отношении других документов нужно отметить, что международные соглашения по охране окружающей среды применимы во время вооружённого конфликта в той степени, в какой они не противоречат положениям гуманитарного права, применимого во время конфликта.

Были нарушены так же Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц 1971 г., Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта 1954 г., Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г., Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г., Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.

В 1999–2000 гг. состоялись заседания Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии, прошедшие в г. Ярославле, Киеве, Белграде. Были вынесены вердикты по преступлениям НАТО против мира, которые получили значительный резонанс [10. С. 392–410].

После окончания конфликта в повестку дня мирового сообщества встал целый ряд вопросов использования правовых институтов и механизмов, которыми оно располагает, для того, чтобы противостоять грубому нарушению норм права.

В связи с экологическими последствиями конфликтов можно было бы создать специальный международный механизм, направленный на противодействие использованию окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов и для урегулирования экологических споров. Его процедуры должны быть определены заранее, с тем чтобы можно было предпринять немедленные действия и установить критерии, которые будут использоваться в целях обеспечения ответных действий мирового сообщества.

В целом следует отметить, что наличие существенного гуманитарного, экономического и экологического ущерба, нанесенного как Югославии, так и другим странам региона, убедительно доказывает, что в современном интегрированном мире военная сила не может больше рассматриваться в качестве эффективного стабилизирующего фактора, поскольку ее использование порождает комплекс моральных, гуманитарных, экономических и экологических проблем, не менее значимых, чем те, которые послужили поводом для военного вмешательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукушкина А.В. История разработки конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. // Московский журнал международного права. 1999. № 4.
2. Vreme. Belgrade, 1999. № 6.
3. Ilustrovana politika. Belgrade, 1999. № 4.
4. Военная экология : учеб. для вузов. Москва – Смоленск : ИД Камертон – Маджента, 2006. 723 с.
5. О последствиях бомбардировок Югославии для окружающей среды // Вестник экологического образования в России. 1999. № 4.
6. Yugoslav Review of International Law. Belgrade, 1999. № 1–3.
7. Действующее международное право: в 3 т. / сост. проф. Ю.М. Колосов, проф. Э.С. Кривчикова. М. : Изд-во МНИМП, 1997. Т. 3. 832 с.
8. Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве. М. : МККК, 1995. 126 с.
9. Commentary on the additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Sandoz Y., Swinarski C., Zimmermann B., eds. – ICRC. Martinus Nijhoff Publishers. Geneva, 1987.
10. Московский журнал международного права. 2000. № 2.
11. Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта – 24 апреля 1999 г. / пер. с англ., под ред. проф., д-ра юрид. наук Л.Н. Галенской и акад. РАН В.А. Белоконя. Белград; Москва, 1999.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 июня 2018 г.

INTERNATIONAL LEGAL QUALIFICATION OF NATO BOMBING THE TERRITORY OF YUGOSLAVIA AND ITS ENVIRONMENTAL CONSEQUENCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 237–242.
DOI: 10.17223/15617793/436/29

Anna V. Kukushkina, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kukushkina-anneta-90@mail.ru
Keywords: international law; aggression; environment protection; international crime; ecocide; nature protected areas.

The author analyzed the international legal consequences of NATO aggression against Yugoslavia. The aim of this study is to identify violations of international law in the course of this aggression and to propose the development of new international legal instruments, or to adopt amendments to existing legal acts. The study is based on theoretical and empirical material. In particular, the works of Russian researchers (V.A. Antonov, Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova, and others) and studies of foreign authors (Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann, and others) have been used. International legal instruments (the Geneva Convention on the Protection of Civilian Persons in Time of War of 1949, the Stockholm Declaration of Principles of 1972, the Rio Declaration on Environment and Development of 1992, etc.) have also been used. The methodological basis of the research became dialectical, historical legal and formal legal methods. In particular, the use of a dialectical method contributed to the study of norms and principles of international law in the field of environmental protection. The use of historical legal and formal legal methods helped to identify the stages of developments in Yugoslavia during the NATO bombings and violations of international law. As a result, the author came to the conclusion that damage was effected as a result of both the direct use of weapons and a collateral impact on the environment. The destruction of industrial facilities and fires led to the atmospheric and water pollution as well as the contamination of soil with harmful substances. Huge quantities of nitrogen oxides, sulfur dioxide, carbon monochloride, which resulted in the bombing of industrial facilities led to more ozone holes over Europe. The UNEP/Habitat Balkans Task Force recommended to isolate areas contaminated by the use of weapons containing depleted uranium. Combustion of warheads at high temperature and pressure led to the release of uranium oxide in the form of aerosol. Uranium oxide has a harmful effect on the respiratory tract of people within 300 meters of the epicenter of the explosion leading to severe burns of the mucous membrane and subsequent malignant neoplasms. Depleted uranium particles can neither be extracted from the environment nor neutralized. The weight of explosives dropped on the territory of Yugoslavia exceeded 10 tons. In general, meticulous destruction of the flora and fauna in the Mediterranean as a whole took place. The events in Yugoslavia echo as a reminder of environmental consequences of armed conflicts. They were one of the most extreme forms of environmental destruction, also known as ecocide.

REFERENCES

1. Kukushkina, A.V. (1999) Istoriya razrabotki konventsii o zapreshchenii voennogo ili lyubogo inogo vrazhdebnogo ispol'zovaniya sredstv vozdeystviya na prirodnuyu sredu 1977 g. [The history of the development of the convention on the prohibition of military or any other hostile use of means of influence on the natural environment of 1977]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 4.

2. *Vreme*. (1999) 6.

3. *Ilustrovana politika*. (1999) 4.

4. Antonov, V.A. et al. (2006) *Voennaya ekologiya* [Military ecology]. Moscow; Smolensk: ID Kamerton – Madzhenta.

5. Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya v Rossii. (1999) O posledstviyakh bombardirovok Yugoslavii dlya okruzhayushchey sredy [On the consequences of the bombing of Yugoslavia on the environment]. *Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya v Rossii*. 4.

6. *Yugoslav Review of International Law*. (1999) 1–3.

7. Kolosov, Yu.M. & Krivchikova, E.S. (1997) *Deystvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: v 3 t.* [Applicable international law: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo MNIMP.

8. MKKK. (1995) *Zashchita okruzhayushchey sredy v mezhdunarodnom gumanitarnom prave* [Environmental protection in international humanitarian law]. Moscow: MKKK.

9. Sandoz, Y., Swinarski, C. & Zimmermann, B. (eds) (1987) *Commentary on the additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*. Geneva: Martinus Nijhoff Publishers.

10. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. (2000) 2.

11. Galenskaya, L.N. & Belokon', V.A. (eds) (1999) *Prestupleniya NATO v Yugoslavii. Dokumental'nye svidetel'stva. 24 marta – 24 aprelya 1999 g.* [The crimes of NATO in Yugoslavia. Documentary evidence. March 24 – April 24, 1999]. Moscow: [s.n.].

Received: 20 June 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 243–251. DOI: 10.17223/15617793/436/30

УДК 341.176

М.В. Шугуров

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЕАЭС КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН «Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

Исследуются правовые основы интеграции ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций в контексте региональной политики перехода к устойчивому развитию и достижению его целей в качестве нового аспекта феномена евразийской интеграции. Сделан вывод о функционировании ключевых секторальных направлений правовой политики ЕАЭС в сфере развития и передачи «зеленых технологий». Результатом проведенного исследования является концептуальное положение о том, что технологическая модернизация ЕАЭС в эколого-центричном формате предполагает углубление экономической интеграции на региональном уровне, формирование скоординированной экологической политики и развитие регионального экологического законодательства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; технологическая модернизация; устойчивое развитие; защита окружающей среды; зеленые технологии; региональная интеграция.

К одному из заметных явлений современного международного инновационного и научно-технологического сотрудничества (далее – МИНТС) государств относится региональная интеграция в сфере генерирования научных знаний и технологий, их распространения и внедрения на уровне международных организаций региональной экономической интеграции при одновременном взаимодействии с третьими государствами и иными международными организациями. Со всей определенностью можно сказать, что сегодня интеграция в научно-технологической сфере является составной частью региональных интеграционных проектов. Как показывает опыт ЕС, данная интеграция осуществляется в форме развития общего научно-технологического и инновационного пространства, функционирующего в рамках региональной инновационной системы. Сущность взаимодействия государств, а в конечном счете многообразных участников научно-технологического и инновационного процесса заключается в переходе от конкуренции к сотрудничеству, что вполне соответствует логике вертикальной интеграции в экономической сфере.

Рассматриваемая интеграция, являющаяся результатом осуществления согласованной научно-технологической (в случаях достижения наивысшей степени интеграции – единой) политики государств, будучи основана на праве региональных союзов, преследует собой такие цели, как повышение глобальной конкурентоспособности и переход к новому технологическому укладу. При этом не следует забывать и о более масштабных целях, которые стали составной частью стратегии региональных интеграционных объединений государств. Мы имеем в виду Цели устойчивого развития (далее – ЦУР), сформулированные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее – Повестка-2030) [1].

В развитие данной Повестки на уровне ЕС, например, разработана региональная стратегия перехода к устойчивому развитию [2], которая, несомненно, оказывает воздействие на содержание научно-технической политики в направлении разработки и внедрения технологий, обеспечивающих формирование и рост «зеленой» экономики. Данная логика эволюции повестки научно-технологической и инновационной интеграции характера и для Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Следует отметить, что несмотря на достаточно короткий срок своего функционирования ЕАЭС добился определенных успехов в научно-технологической и инновационной интеграции. Однако, несмотря на существование целого ряд исследований, в которых анализируются достижения и проблемы научно-технологического развития ЕАЭС сквозь призму реализации интеграционного проекта [3–5], заметно отсутствие исследования данных процессов в контексте реализации стратегии устойчивого развития, нацеленной, как известно, на гармонизацию трех измерений развития – экономического, социального и экологического. Поэтому, безусловно, оформилась актуальная потребность в концептуальном осмыслении правовых и политических аспектов динамичным образом конкретизирующейся научно-технологической интеграции ЕАЭС в свете достижения Целей устойчивого развития и формирования региональной стратегии устойчивого развития.

В качестве исходного тезиса выскажем положение о том, что интеграционный проект ЕАЭС в настоящее время начинает насыщаться вопросами реализации стратегии устойчивого развития, что самым непосредственным образом воздействует на повестку региональной интеграции в научно-технологической и инновационной сфере. В целях обоснования высказанного тезиса напомним, что Повестка-2030, предполагающая комплексный подход к развитию, вслед за предшествующими документами программно-стратегического характера, например Повестки дня на XXI в. (принятой в 1992 г.), в качестве одного из инструментов выполнения политических обязательств по гармонизации и согласованию трех измерений развития выделяет разработку и передачу научно-технических средств в целях их использования. Сюда

относятся не только научно-обоснованные методы и подходы, альтернативы, ноу-хау, но и инновационные технологии, получившие название «зеленых», находящиеся в основе рациональных моделей потребления и производства и предназначенные для достижения ЦУР. Более того, ЦУР № 17 помимо таких средств перехода к устойчивому развитию, как финансирование, инвестиции и формирование потенциала, выделяет разработку и передачу, особенно развивающимся странам, экологически обоснованных технологий (задача 17.6). Несмотря на то, что Повестка-2015 является документом политического характера, она играет значительную роль в стимулировании наиболее эффективной имплементации международно-правовых обязательств в сфере МИНТС, затрагивающих вопросы разработки и передачи технологий.

Реализация стратегии устойчивого развития в том виде, как она выражена в целевых задачах Повестки-2030, предполагает не только активизацию национальной политики в сфере науки, технологий и инноваций, но и развитие международного научно-технического и инновационного сотрудничества на универсальном и, конечно же, региональном уровне в направлении ускорения разработки и использования технологий в составе иных научно-технических средств, релевантных ЦУР. Тем не менее заинтересованность ЕАЭС в вопросах устойчивого развития подчас ускользает из поля внимания исследователей [6; 7. P. 18–23]. Это зачастую приводит к узкому представлению о целях функционирования Союза, когда, например, его основная задача усматривается в координации макроэкономических стратегий [8. P. 64]. Тем не менее с методологической точки зрения более правильно принимать во внимание подход, согласно которому идея евразийской интеграции представляет собой динамическое явление [9. P. 104]. Как нам представляется, одним из источников такого динамизма является реализация политических обязательств по переходу к устойчивому развитию на региональном уровне.

Во многом это связано с тем, что процессы глобализации современного мира сопровождаются таким явлением, как регионализация, выражающаяся в динамичных процессах интеграции в экономической, социальной и природоохранной сферах на уровне разнообразных объединений и альянсов государств, но особенно на уровне международных организаций региональной экономической интеграции, которая теснейшим образом пересекается с научно-технологической интеграцией. К тому же в п. 73 и п. 74 Повестки-2030 отмечается важное значение регионального уровня перехода к устойчивому развитию. Поэтому Цели устойчивого развития задают новое направление интеграционных процессов в самых различных сферах, в том числе в сфере научного и научно-технологического сотрудничества.

Развивая данный подход, укажем, что государства ЕАЭС, во-первых, предпринимают шаги на национальном уровне по достижению ЦУР, включая их в планы и стратегии национального развития. Учет данных факторов можно усмотреть в том, что, например, на 2017 г. Казахстан включил 61% целевых задач Повестки-2030 в свои программно-стратегические документы. Во-вторых, следует отметить разного рода инициативы, предпринимаемые не только на внутригосударственном, но и межгосударственном уровне, например, – по реализации разного рода экологических проектов, осуществляемых на уровне двухстороннего сотрудничества и многостороннего сотрудничества ЕАЭС и его государств-членов с международными организациями [10].

Но самое основное – то, что Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК) в 2017 г. при опоре на статистические материалы, отражающие динамику решения ряда задач ЦУР в государствах-членах, подготовила доклад «Показатели достижения Целей в области устойчивого развития в регионе ЕАЭС» [11], который был представлен в рамках Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию. Надо отметить, что ЕАЭС из всех интеграционных объединений первым представил доклад о прогрессе достижения ЦУР на региональном уровне. В контексте предмета нашей статьи согласимся с общим выводом Доклада о том, что достижение ряда целей в области устойчивого развития, например ЦУР № 9 (инновационная модернизация экономики), требует наращивания усилий в рамках Союза по разработке и использованию ресурсосберегающих технологий и высокотехнологичных производств.

Ввиду тесной связи между интеграционной повесткой и содержательной направленностью регионального МИНТС перспективным направлением работы может выступить формирование повестки устойчивого развития ЕАЭС как таковой, например, в виде стратегии как основы проведения соответствующей скоординированной политики. Так, в литературе отмечается, что государства ЕАЭС не только должны уточнить свои национальные программно-стратегические документы в свете принятия ЦУР, но и выработать Цели устойчивого развития ЕАЭС [12. С. 6]. Думается, что здесь имеется значительный потенциал политической воли, поскольку, как это следует из программы российского председательства в ЕАЭС в 2018 г. [13], предполагается не только сфокусироваться на реализации цифровой повестки, но и сконцентрироваться на содействии имплементации Целей устойчивого развития и участии в других инициативах ООН. При этом надо помнить, что ключевая тенденция глобального технологического развития – это не только переход к новым технологическим укладам, но и его форматирование в целях обеспечения устойчивого экономического роста и согласования трех измерений развития. Данная тенденция находит свою конкретизацию на региональном и национальном уровнях, в том числе в ЕАЭС и его государствах-членах.

Разработка и принятие Повестки-2030 происходили в одно и то же время с разработкой, подписанием и вступлением в силу важнейших актов, образующих право ЕАЭС. Однако мы не можем сказать, что их содержание исключительным образом имело в виду глобальные Цели устойчивого развития, так как право ЕАЭС в первую очередь ориентировано на достиже-

ние общих целей социально-экономического развития, стоящих перед государствами-членами, которые отражены в ст. 4 Договора о ЕАЭС [14]. Составной частью экономической политики ЕАЭС является скоординированная научно-техническая и инновационная политика, призванная реализовать имеющийся научно-технический потенциал каждого государства-члена и более того – сформировать и усилить интеграционный научно-технический потенциал. Единое экономическое пространство, по замыслу дополняемое единым научно-технологическим и инновационным пространством, является одним из форматов разработки и внедрения технологий, которые призваны вывести экономику стран ЕАЭС на новый технологический уровень.

Научно-технологическое сотрудничество, предусмотренное в ряде правовых актов ЕАЭС в качестве одного из направлений взаимодействия в рамках сотрудничества в промышленности, сельском хозяйстве (агропромышленном комплексе), а также транспортной области, исходит из необходимости технологической модернизации экономики, как на это указано в п. 3 «Инновационное развитие и модернизация экономики» раздела V «Основных направлений экономического развития Союза до 2030 г.» [15]. Реализация совместных инициатив в форме проектов и программ должна обеспечить дальнейшее углубление интеграционных процессов в сфере НИОКР и внедрение новых технологий.

Для государств ЕАЭС задача совершения технологического рывка, а именно ускорения технологической модернизации экономики и повышения инновационной активности вполне может рассматриваться как соответствующая той или иной задаче в рамках ЦУР. Так, одна из целей ЕАЭС состоит, например, в выравнивании уровня экономического и научно-технологического развития и сокращения имеющихся здесь разрывов. Это не только будет способствовать сближению уровней дохода на душу населения в странах – членах объединения, но и будет содействовать достижению, в частности, ЦУР № 1, предполагающей ликвидацию нищеты.

Одновременно отметим, что в документах ЕАЭС можно видеть активное использование термина «устойчивое развитие» в смысле «устойчивого экономического развития», «макроэкономической устойчивости». Это связано с тем, что устойчивый экономический рост, обеспечиваемый ускоренной модернизацией по инновационному сценарию, – базовый приоритет ЕАЭС [16. С. 13]. Тем не менее это говорит об узкоспециальном понимании устойчивого развития, тогда как «в мире устойчивое развитие всегда рассматривается гораздо шире, с позиций сбалансированного развития трех компонент: социальной, экономической и экологической (иногда добавляется институциональная)» [17. С. 32]. На этом основании вполне справедливо высказывается критика в отношении того, что нормы Договора о ЕАЭС не в полной мере, т.е. только на уровне некоторых отдельных правил, отразили вопросы экологии и экологической безопасности [18], хотя, конечно, в ряде протоколов к Договору эти вопросы освещены более детально. Тем не менее по-прежнему сохраняется узость в использования экологического контроля и оценки [19. С. 67].

Высказанные критические соображения основаны на том, что фундаментальным показателем (индикатором) региональной политики устойчивого развития как такового является внимание к защите окружающей среды, что демонстрирует стремление сбалансировать измерения развития. Именно это внимание, кристаллизирующееся в форме последовательно проводимой политики, является «драйвером» разработки и дальнейшего использования особого рода научно-технических средств и технологий, обеспечивающих устойчивый экономический рост не в узком, а в широком значении, т.е. как рост, сбалансированный с охраной окружающей среды в интересах нынешнего и будущих поколений.

В связи с тем, что устойчивое развитие не ограничивается устойчивым экономическим ростом, являющимся одним из компонентов развития в его современном понимании, как раз предопределило дальнейшую эволюцию и уточнение общей повестки функционирования Союза путем включения вопросов экологического, а равным образом социального характера. Думается, что это говорит о новом качественном уровне интеграционных процессов, т.е. их расширении и переходе к реализации проекта «зеленого» ЕАЭС. Это в свою очередь прямым образом отражается на конкретизации направлений скоординированной научно-технической политики в пользу разработки и внедрения не столько новых, сколько экологически чистых новых технологий и инноваций. Динамичное формирование глобальных рынков и потоков высокотехнологичной продукции, а особенно «зеленых технологий», – это вызов для ЕАЭС, на который предстоит ответить посредством интеграции в разработку и передачу данных потоков. Справочно укажем, что в последние годы, как отмечают эксперты, сектор «зеленых» НИОКР вышел на траекторию устойчивого роста [20].

Иными словами, целевой ориентир промышленного и иных видов экономического сотрудничества в условиях, когда ЕАЭС вышел на целенаправленное включение вопросов устойчивого развития в программу своей деятельности, не может не мыслиться в контурах перехода к устойчивому развитию, которое параллельно процессу смены технологических укладов. Это распространяется и на логику научно-технического сотрудничества между государствами ЕАЭС, изначально предполагающего стремление решить проблемы повышения экономической конкурентоспособности в мире путем сложения потенциала. Отсюда следует, что смена технологических укладов в формате интеграции на уровне формирующейся региональной инновационной системы осуществляется в направлении формирования «зеленой экономики» в контексте стратегии устойчивого развития.

Поэтому столь значимыми оказываются положения, содержащиеся в разных источниках права ЕАЭС. В Договоре о ЕАЭС, как и в программно-стратегических и нормативно-правовых документах органов Союза, например в «Основных направлениях экономического развития Союза до 2030 г.», нацелен-

ных на обеспечение мягкой координации экономической политики по сравнению с Договором, построенным по функциональному типу, а также иных документах предусматривается развитие регионального научно-технологического сотрудничества по весьма широкому спектру технологий, которые зачастую превосходят по своему объему перечень технологий, указанных в Повестке-2030.

Приложение к Рекомендации Коллегии ЕЭК от 28 февраля 2017 г. № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами» [20] предусматривает разработку и использование технологий, которые являются, как нам представляется, важными для решения задач, относящихся к разным ЦУР. Данный перечень включает разработку новых лекарственных препаратов, развитие ресурсо- и энергосберегающих технологий, биотехнологий, технологий охраны окружающей среды, клеточных технологий.

Несмотря на приведенную выше критику понимания устойчивого развития, содержание которого до 2017 г. трактовалось на уровне ЕАЭС достаточно узко, оно в ряде случаев вполне соответствует содержательному формату ЦУР, в частности ЦУР № 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех». Задачи в рамках Цели включают в себя поддержание экономического роста на душу населения в соответствии с национальными условиями, обеспечение полной и производительной занятости и достойной работы для всех женщин и мужчин, в том числе молодых людей и инвалидов, равной оплаты за труд равной ценности.

Это говорит о том, что экономическая интеграция в рамках ЕАЭС, содействующая наращиванию интеграционного научно-технического потенциала, является не только основой экономической конкурентоспособности и достойного ответа на внешние вызовы, но и дополнительным фактором достижения целевых задач устойчивого развития. Данная проблематика дает о себе знать в ряде направлений сотрудничества, регулируемых правом ЕАЭС, особенно – в регулировании регионального и международного научно-технического сотрудничества данного интеграционного объединения, предусмотренного как в Договоре о ЕАЭС (ст. 89.2, п. 6 ст. 92.4, п. 6 ст. 95.1), так и в других источниках права ЕАЭС – Протоколах, международных соглашениях в рамках ЕАЭС, решениях и распоряжениях органов Союза, в которых одновременно предусматриваются не только экономические, но и экологические и социальные аспекты интеграции. Это вполне заметно на примере так называемых «отраслей будущего» [22].

Несмотря на приоритетное значение экономических вопросов для интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, экологические и социальные аспекты развития секторов экономики вполне могут быть отнесены к кругу вопросов, непосредственно находящихся в поле внимания государств – членов ЕАЭС и их органов. Данное обстоятельство не может не сказаться на укреплении экологического вектора научно-технического сотрудничества и развития. К тому же, например, в Договоре о ЕАЭС в п. 7 ст. 86.2 сообщается о необходимости снижения воздействия транспорта на окружающую среду, что наполняет вполне определенным смыслом содержание п. 7 ст. 86.3, где говорится о развитии науки и инноваций в сфере транспорта.

В данном случае необходимо указать на евразийскую технологическую платформу (далее – ЕТП) «Технологии экологического развития». В качестве цели данной платформы выступает формирование механизмов повышения эффективности и конкурентоспособности экономик государств – членов ЕАЭС на основе внедрения экологически эффективных и энергосберегающих технологий. Сюда также отнесены такие цели, как решение экологических проблем и обеспечение экологической безопасности [23]. На круглом столе, прошедшем в декабре 2016 г. и посвященном вопросам взаимодействия и реализации кооперационных проектов в рамках ЕАЭС, участники ЕТП «Технологии экологического развития» представили первые результаты работы по профильным проектам, а также определили основные векторы дальнейшего развития проектов в ЕАЭС [24].

В последнее время международное сообщество большое внимание уделяет вопросам экологически обоснованного оборота опасных химических веществ. Подобного рода тематика включает акцент на разработку, передачу и использование соответствующих технологий и альтернатив. В данном русле идет право ЕАЭС, ряд соглашений которого нацелен на защиту окружающей среды в процессе оборота опасных химических веществ. Укажем на «Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов ЕАЭС» от 29 мая 2015 г. [25]. Оно регулирует порядок перемещения озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и одновременно подтверждает приверженность государств-членов принципам выполнения международных обязательств, предусмотренных Венской конвенцией об охране озонового слоя от 22 марта 1985 г. и Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой от 16 сентября 1987 г.

Важное значение будет иметь в случае его принятия Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС [26]. В продолжение проблематики безопасного оборота опасных химических веществ, а также отказа от их ряда принят Технический регламент ЕАЭС «Об ограничении применения опасных веществ в изделиях электротехники и радиоэлектроники» (ТР ЕАЭС 037/2016). До момента его принятия в ЕАЭС не существовало нормативных актов, со всей определенностью ограничивающих применение опасных веществ в бытовых приборах.

В силу остроты вопроса о технологической модернизации производственной базы экономики госу-

дарств-членов повышенной актуальностью характеризуется достижение ЦУР № 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям», предусматривающей широкое применение чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов; активизацию научных исследований, стимулирование инновационной деятельности и значительное увеличение числа работников в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Данная цель непосредственно коррелирует такой цели ЕАЭС, как модернизация экономики и увеличение валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности на душу населения. Одновременно с этим в «Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС» [27] некоторые предусматриваемые треки МИНТС государств-членов отражают экологический императив, например, необходимость генерирования и использования энерго- и ресурсосберегающих технологий (п. 7 «Ресурсосбережение и повышение энергоэффективности» Раздела V).

Согласно другому документу – Положению о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере [28], разработанному в целях реализации подп. 4.4.3 «Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС» (утв. Решением Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 9), в центре промышленного сотрудничества находится научно-техническое и инновационное сотрудничество. Предусматривается, что программа (проект) должны в обязательном порядке включать в себя оценку социально-экономических, экологических и иных последствий реализации программы (проекта) (п. 16 (з)).

Сегодня в ЕАЭС также ставится акцент на использовании, освоении новых технологий и их быстрого распространения в легкой промышленности в форме совместных проектов на базе объектов инновационной инфраструктуры инжиниринговых центров, технопарков, бизнес-инкубаторов и т.д. В приложении № 1 «Перечень перспективных направлений исследований и разработок в сфере легкой промышленности, а также научных организаций и предприятий, их осуществляющих» к рекомендации ЕЭК № 28 от 13 декабря 2016 г. [29] содержится указание на разработку и внедрение эффективных и экологически чистых технологий отделки тканевых материалов, ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии окраски и отделки тканей.

В дополнение к сказанному в планах ЕЭК – расширение тематики интеграционных процессов в сфере энергетики по таким направлениям, как энергоэффективность и энергосбережение, использование возобновляемых источников энергии и улучшение экологической ситуации. Таким образом, расширяется поле разработки и применения инновационных подходов в энергетике, что выступает фактором устойчивого развития энергетики ЕАЭС. По этой причине в 2017 г. ЕЭК на уровне департамента энергетики осуществляла работу по дополнению положений Договора о Союзе от 29 мая 2014 г. ст. 79.1 «Скоординированная энергетическая политика в рамках Союза» в целях закрепления принципов скоординированной энергетической политики в части сотрудничества по вопросам энергосбережения, энергоэффективности, улучшения экологической ситуации и использовании атомной энергии в мирных целях. Все это в практическом плане предполагает использование нового оборудования и новых технологий, что вызвано отставанием государств ЕАЭС от развитых государств в области энергоемкости экономики в среднем в 2 раза. В сущности, в ближайшей перспективе будет сформировано новое направление энергетического сотрудничества, представленное соответствующей научно-технологической и инновационной интеграцией.

Другим важным сектором, требующим технологической модернизации, выступает агропромышленный комплекс. В приложении к Рекомендации № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструктивных работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов ЕАЭС до 2020 г.» [30] предусматривается разработка ресурсо- и энергосберегающих технологий и технических средств для глубокой переработки зерновых и овощных культур, биологических средств защиты овощных культур от болезней и вредителей, ресурсо- и энергосберегающих технологий. Данные НИОКР направлены на создание высокоурожайных культур, что в целом вносит вклад в достижение ЦУР № 2. Далее данный перечень нашел свою конкретизацию в плане НИОКР на период до 2020 г. [31], рассчитанного не только на повышение эффективности взаимодействия на основе объединения научного потенциала государств-членов в форме совместных проектов, но и на исключение дублирование НИОКР в агропромышленной сфере.

Активизация скоординированной политики ЕАЭС в сфере достижения ЦУР оказалась синхронизирована со значительными успехами в сфере институционализации регионального научно-технического сотрудничества, в частности в сфере трансфера технологий. Это вызвано тем, что основная проблема для ЕАЭС – не столько стимулирование технологических разработок, сколько, как отмечает А.В. Гаврилюк, создание широкого слоя высокотехнологичного предпринимательства [32. С. 115]. Но здесь существует и еще одна проблема, заключающаяся в разрозненности сектора НИОКР и предприятий, вследствие чего последние не могут адресовать свои технологические запросы и получить предложения о сотрудничестве со стороны разработчиков. С проблемой адресации сталкиваются также и разработчики технологий. В случае активизации и эффективного функционирования система передачи технологий, особенно инновационных, имеющая многоуровневый характер, внесет существенный вклад в модернизацию экономики и общества.

Безусловно, основой для интенсификации разработки и передачи «чистых» технологий внутри ЕАЭС призвана стать Евразийская сеть трансфера технологий, представляющая собой, в сущности, единую информационную сеть, предполагающая повышение потенциала коммуникационных навыков

всех заинтересованных организаций в целях укрепления всех звеньев инновационного цикла. Важным достижением, с учетом акцентирования в Повестке-2030 вопросов передачи технологии, стало утверждение Концепции создания и функционирования Евразийской сети трансфера технологий [33], разработанной в целях реализации п. 4.4.5 «Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС», утвержденных Решением Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 9. Концепция, основанная на лучшем мировом опыте создания и развития подобных сетей, включила в себя согласованные принципы функционирования Сети, а также форматы и механизмы внутрисистемного взаимодействия, а также развития национальных сегментов данной сети.

Ее создание позволит посредством объединения разрозненных национальных сетей в общую систему сформировать в ЕАЭС имеющую инновационный характер информационную и коммуникационную инфраструктуру, являющуюся организационной платформой для обеспечения передовых форм сотрудничества государств ЕАЭС, что приведет к повышению уровня инновационной активности предприятий и, в конечном счете, – к обеспечению конкурентоспособности промышленной продукции. Основанием таких ожиданий является множественность ее субъектов, к которым относятся заинтересованные предприятия, научные организации, технопарки, инновационно-технологические центры, центры трансфера технологий и т.д.

С точки зрения автора статьи, существенным компонентом научно-технологической интеграции ЕАЭС в целях устойчивого развития является активное внешнее международное научно-технологическое сотрудничество с различными субъектами – правительствами третьих стран, международными организациями, интеграционными объединениями государств. Можно видеть, что в настоящее время ЕЭК развернула активную деятельность на международном треке функционирования Союза. Заключены меморандумы и декларации о сотрудничестве с отдельными государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями (ФАО, ЮНИДО и др.), в которых предусматриваются вопросы разработки технологических инноваций и обмена ими. Однако, как следует из сказанного, основы такого взаимодействия в настоящее время имеют пока политическую, а не правовую природу. По нашему мнению, данный аспект интеграционного проекта ЕАЭС заслуживает самостоятельного системного исследования, в том числе сквозь призму обоснования необходимости развития договорной базы в сфере внешнего МНТС.

В заключение следует сформулировать ряд выводов из проведенного исследования.

Во-первых, серьезное отношение ЕАЭС к достижению ЦУР на региональном уровне расширяет содержательный масштаб региональной научно-технологической и инновационной интеграции. Это позволяет утверждать о необходимости дальнейшего развития содержания регионального научно-технического и инновационного сотрудничества как в плане формирования соответствующей инфраструктуры, так и в плане обеспечения его эффективного правового регулирования в контексте обеспечения прямой и обратной связи между углублением интеграции и устремленностью к достижению ЦУР.

Во-вторых, следует учитывать, что в Повестке-2030 говорится о синергии всех средств достижения ЦУР – финансов, технологий, инвестиций и торговли (ЦУР № 17). Это весьма значимо для ЕАЭС. Так, важнейшим условием развития сектора высоких технологий и инноваций в промышленности, сельском хозяйстве и энергетике как условиях структурной и технологической модернизации экономики являются инвестиционные и финансовые потоки, которые должны быть адекватны для достижения данной экономической цели интеграции. Поэтому темпы перехода ЕАЭС к устойчивому развитию зависят не только от активности научно-технической и инновационной политики, эффективности реализации инфраструктурных инициатив и инновационных проектов на уровне ЕАЭС в целом и его государств-членов в частности, но и от формирования и эффективного функционирования финансовых и инвестиционных механизмов, уровня и характера деловой активности и, соответственно, от эффективности их правового регулирования.

В-третьих, как нам представляется, успешная деятельность по диверсификации экономики, в том числе на основе технологической модернизации, одновременно с усилиями по улучшению структуры торговли и инвестиций государств-членов, устранением барьеров, изъятий и ограничений на внутреннем рынке, будет способствовать углублению и расширению не только внутреннего, т.е. регионального, но и внешнего МИНТС ЕАЭС.

В-четвертых, залогом необратимого превращения региональной научно-технологической интеграции на уровне ЕАЭС в фактор, обеспечивающий переход Союза по путь к устойчивому развитию и достижению его целей, является более интенсивное включение в интеграционный проект экологической проблематики и, соответственно, развитие экологического законодательства ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // A/RES/70/1 (25 сентября 2015 года). URL: http://www.un/org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1 (дата обращения: 11.06.2018).
2. European Commission. The EU made a positive and constructive contribution to the development of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/policies/european-development-policy (дата обращения: 11.06.2018).
3. Андронова И.В. Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. № 1. С. 117–130.
4. Гаврилюк А.В. Перспективы интеграционного технологического развития государств – членов ЕАЭС // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. № 51. С. 21.

5. Научно-техническое сотрудничество как фактор евразийской экономической интеграции: Ежегодный доклад интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2015 год. Приложение № 8. Научно-инновационный потенциал стран ЕАЭС – необходимость единой стратегии : материал Ин-та междунар. исслед. МГИМО (У) МИД России. 122 с. URL: http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_reports/65859/ (дата обращения: 19.04.2018).
6. Mussatayev S., Kaidarova A., Mekebaeva M. Problems and prospects of the Eurasian Economic Union: SWOT analysis // Świat Idei i Polityki. 2016. Vol. 15, № 26. P. 194–208.
7. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union: deals, rules and the exercise of power. Research Paper, 2017. 25 p. URL: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf (дата обращения: 7.06.2018).
8. Vinokurov E. Eurasian Economic Union: current state and preliminary results // Russian Journal of Economics. 2017. № 2. P. 54–70.
9. Lagutina M. Eurasian Economic Union Foundation: issues of global regionalization // Eurasian Border Review. 2014. Vol. 5, № 2. P. 95–112.
10. В Бишкеке обсудили вопросы сотрудничества в интересах устойчивого развития в трехстороннем формате: РФ – КР – ПРООН (17.03.2017). URL: http://www.ca-portal.ru/article:33780 (дата обращения: 15.06.2018).
11. Доклад Евразийской экономической комиссии «Показатели достижения Целей в области устойчивого развития в регионе ЕАЭС». 56 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/act/integr-i-makroec/Documents/OON_Rus.pdf (дата обращения: 24.05.2018).
12. Урсул А.Д. Цели устойчивого развития: глобальные и евразийские перспективы. 9 с. URL: http://www.terra-viva.ru/img/news2015/dokl_ursul.pdf (дата обращения: 24.05.2018).
13. Message from President of Russia to heads Eurasian Economic Union member states (18 January 2018). URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/56663 (дата обращения: 25.04.2018).
14. Договор о ЕАЭС (Астана, 29.05.2014 г.) (с изм. и доп. от 12.02.2017 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-us/0027353/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 18.05.2018 г.).
15. Высший Евразийский экономический совет. Решение № 28 от 16.10.2015 г. «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» (г. Бурубай). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd_19102015_28 (дата обращения: 15.04.2018).
16. Сулейменов Т.М. Приоритеты интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 12. С. 7–13.
17. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. ООН: смена целей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 5. С. 30–39.
18. Боклан Д.С. Охрана окружающей среды в контексте евразийской интеграции (международно-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1. С. 25–28.
19. Кудусов И.И. ЕАЭС в условиях глобализации, экологизации и эволюции ИТ // Электронный междисциплинарный научный журнал «Интернаука». 2017. № 5. Р. 66–71.
20. Есина Е. Зеленые инновации для экологической рациональности // Партнер ЕАЭС. 2018. № 1. С. 94–97.
21. Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017 (дата обращения: 12.05.2018).
22. Распоряжение Евразийского Межправительственного совета № 2 «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование» (Бишкек, от 7 марта 2017 года 7 марта 2017 года). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415075/ico_09032017 (дата обращения: 13.05.2018).
23. Паспорт евразийской технологической платформы «Технологии экологического развития» // Приложение к Распоряжению Совета ЕЭК от 18 октября 2016 № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414433/cnco_06032017_32 (дата обращения: 1.06.2018).
24. Экологическое развитие ЕАЭС получило первые проекты (09.12.2016). URL: http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/12-12/2-16-3.aspx (дата обращения: 5.06.2018).
25. Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов ЕАЭС (Бурубай, 29 мая 2015 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147901/itia_02062015 (дата обращения: 5.06.2018).
26. Совет ЕЭК. Распоряжение № 4 «О проекте Соглашения о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕЭС» (Москва, 13 января 2017 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417586/cnco_03032017 (дата обращения: 5.06.2018).
27. Евразийский межправительственный совет. Решение № 9 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС» (Гродно, 9 сентября 2015 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148480/icd_10092015_9 (дата обращения: 14.05.2018).
28. Евразийский межправительственный совет. Решение № 1 «Об утверждении Положения о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере» (Алматы, 2 февраля 2018 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01416877/icd _05022018_1// (дата обращения: 20.05.2018).
29. Коллегия ЕЭК. Рекомендация № 28 «О реализации совместных проектов по освоению и применению государствами – членами ЕАЭС новых технологий в легкой промышленности» (Москва, 13 декабря 2016 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414486/clcr _15122016_28 (дата обращения: 21.05.2018).
30. Коллегия ЕЭК. Рекомендация № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструктивных работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов ЕЭС до 2020 г.» (Москва, 8 июля 2015 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148046/clco_09072015_14 (дата обращения: 17.04.2018).
31. Коллегия ЕЭК. Рекомендация № 25 «О координации совместной научной и инновационной деятельности государств – членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса» (Москва, 13 декабря 2016 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414525/clco_ 15122016_25 (дата обращения: 18.05.2018).
32. Гаврилюк А.В. Трансфер технологий в условиях международной экономической интеграции стран ЕАЭС // Государственное управление: электронный вестник. 2015. № 52. Октябрь. С. 101–119.
33. Концепция создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий: Утверждена Решением № 23 Совета Евразийской экономической комиссии от 30 марта 2018 г. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417246/cncd_02042018_23 (дата обращения: 21.05.2018).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 13 сентября 2018 г.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL INTEGRATION OF THE EAEU AS A FACTOR OF ACHIEVING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: ANALYZING THE LEGAL FOUNDATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 243–251.
DOI: 10.17223/15617793/436/30

Mark V. Shugurov, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: shugurovs@mail.ru

Keywords: Eurasian Economic Union; technology transfer; sustainable development; environment protection; agroecology; green technology.

This article examines the legal foundations of the Eurasian Economic Union in the area of science, technologies and innovation in the context of the regional policy of transition to sustainable development and achieving its goals (Sustainable Development Goals/SDGs) as a new aspect of the phenomenon of Eurasian integration. The subject matter of the present study is the impact of SDGs on the EAEU legal policy of technological modernizing the economy. The article aims to ascertain the conformity of the EAEU law with solving the task of transition to sustainable development in the aspect of encouraging the development and transfer of ecologically sound technologies. For this purpose, the author has analyzed the provisions of the EAEU hard and soft law in detail. The research methods used in the study were both general (analysis, synthesis, abstracting and generalization) and specific (historical legal and comparative legal). The theoretical foundations were notions that the means to harmonize the three dimensions of development (social, economic and ecological) are to use relative technologies. Their development and transfer are in the focus of strategical documents concerning sustainable development, including the Agenda for Sustainable Development till 2030. Based on these scientific methods and a theoretical approach, the author has explored key sectoral work streams of the EAEU legal policy in the area of the development and transfer of the mentioned technologies, first of all, technologies in industry and agroindustry. Simultaneously, the institutional background of the Eurasian Technology Platforms and the Eurasian Network of Technology Transfer has been described. As stressed by the author, an essential component of the EAEU scientific and technological integration for sustainable development is collaboration with governments of third states, international organizations and states' regional integrative alliances. That is why, much attention is paid to the scientific and technological collaboration with other states and international organizations (FAO, UNIDO). The framework basis of this collaboration is essentially political rather than legal. Hence, the development of the legal foundations of this collaboration has prospects. The author proves the provision that the EAEU law provides for modernizing economy and society of member-states for the development and transfer of ecologically sound technologies to different branches of economy with the aim of forming a "Green Union". A conclusion is made that the technological modernization of the EAEU in ecocentric terms on the basis of ESTs demands: (1) synergy between all means of transition to sustainable development, in particular, technologies, investments, trade developing and financial resources accumulating; (2) deeper economic integration at the regional level and increase of economic and scientific and technological cooperation with third countries, their regional alliances and international organizations; (3) a coordinated ecological policy of member states, a developed regional ecological legislation, an elaborated regional strategy of sustainable development.

REFERENCES

1. UN. (2015) Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. [Online] Available from: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf. (Accessed: 11.06.2018).
2. European Commission. (n.d.) *The EU made a positive and constructive contribution to the development of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/europeaid/policies/european-development-policy. (Accessed: 11.06.2018).
3. Andronova, I.V. (2018) Scientific-technical cooperation within the EAEU as a key factor of the loyalty of the participating countries' population to the integration and of its attractiveness for new members. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 1. pp. 117–130. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-117-130
4. Gavrilyuk, A.V. (2015) Perspektivy integratsionnogo tekhnologicheskogo razvitiya gosudarstv – chlenov EAES [Prospects for the integration of technological development of the EAEU Member States]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. 51.
5. Russian Federation. (2015) *Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo kak faktor evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii: Ezhegodnyy doklad integratsionnogo kluba pri Predsedatele Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii za 2015 god. Prilozhenie № 8. Nauchno-innovatsionnyy potentsial stran EAES – neobkhodimost' edinoy strategii* [Scientific and technical cooperation as a factor of Eurasian economic integration: Annual report of the integration club under the Chairman of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for 2015. Appendix No. 8. The scientific and innovative potential of the EAEU countries: the need for a unified strategy]. [Online] Available from: http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_reports/65859/. (Accessed: 19.04.2018).
6. Mussatayev, S., Kaidarova, A. & Mekebaeva, M. (2016) Problems and prospects of the Eurasian Economic Union: SWOT analysis. *Świat Idei i Polityki*. 15(26). pp. 194–208.
7. Dragneva, R. & Wolczuk, K. (2017) *The Eurasian Economic Union: deals, rules and the exercise of power*. Research Paper. [Online] Available from: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf. (Accessed: 7.06.2018).
8. Vinokurov, E. (2017) Eurasian Economic Union: current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. 2. pp. 54–70. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.02.004
9. Lagutina, M. (2014) Eurasian Economic Union Foundation: issues of global regionalization. *Eurasian Border Review*. 5(2). pp. 95–112.
10. Ca-portal.ru. (2017) *V Bishkeke obsudili voprosy sotrudnichestva v interesakh ustoychivogo razvitiya v trekhstoronnem formate: RF – KR – PROON* [In Bishkek, issues of cooperation for sustainable development in a tripartite format were discussed: the Russian Federation – the Kyrgyz Republic – UNDP]. [Online] Available from: http://www.ca-portal.ru/article:33780. (Accessed: 15.06.2018).
11. Eurasian Economic Commission. (2017) *Pokazateli dostizheniya Tseley v oblasti ustoychivogo razvitiya v regione EAES* [Indicators of achieving the Sustainable Development Goals in the EAEU region]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/ integr_i_makroec/Documents/OON_Rus.pdf. (Accessed: 24.05.2018).
12. Ursul, A.D. (2015) *Tseli ustoychivogo razvitiya: global'nye i evraziyskie perspektivy* [Goals of sustainable development: global and Eurasian perspectives]. [Online] Available from: http://www.terra-viva.ru/img/news2015/dokl_ursul.pdf. (Accessed: 24.05.2018).
13. Kremlin.ru. (2018) *Message from President of Russia to heads Eurasian Economic Union member states* (18 January 2018). [Online] Available from: http://en.kremlin.ru/events/president/news/56663. (Accessed: 25.04.2018).
14. EAEU. (2017) *Dogovor o EAES (Astana, 29.05.2014 g.) (s izm. i dop. ot 12.02.2017 g.)* [Treaty on the EAEU (Astana, May 29, 2014) (as amended and supplemented on February 12, 2017)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-us/0027353/itia_05062014_doc.pdf. (Accessed: 18.05.2018).
15. EAEU. (2015) *Vysshiy Evraziyskiy ekonomicheskiy sovet. Reshenie № 28 ot 16.10.2015 g. "Osnovnye napravleniya ekonomicheskogo razvitiya EAES do 2030 g." (g. Burubay)* [Higher Eurasian Economic Council. Decision No. 28 of October 16, 2015, "The main directions of economic development of the EAEU until 2030" (Burubay)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd_19102015_28. (Accessed: 15.04.2018).
16. Suleymenov, T.M. (2015) Prioritety integratsii [Integration priorities]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 12. pp. 7–13.
17. Bobylev, S.N. & Solov'eva, S.V. (2016) United Nations: redefining goals. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 60(5). pp. 30–39.
18. Boklan, D.S. (2015) Environmental protection in the context of Eurasian economic integration (international legal aspect). *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 1. pp. 25–28. (In Russian).

19. Kudusov, I.I. (2017) EAES v usloviyakh globalizatsii, ekologizatsii i evolyutsii IT [EAEU in the context of globalization, greening and IT evolution]. Internauka. 5. pp. 66–71.
20. Esina, E. (2018) Zelenye innovatsii dlya ekologicheskoy ratsional'nosti [Green Innovations for Ecological Sustainability]. *Partner EAES*. 1. pp. 94–97.
21. EAEU. (2017) *Prilozhenie k Rekomendatsii Komissii EEK ot 28 fevralya 2017 № 5 "Perechen' prioritetnykh napravleniy sotrudnichestva gosudarstv – chlenov EAES v tselyakh uskoreniya tekhnologicheskoy modernizatsii i povysheniya innovatsionnoy aktivnosti organizatsiy gosudarstv-chlenov s uchetom prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy, provodimykh gosudarstvami-chlenami"* [Annex to the Recommendation of the ECE Commission of February 28, 2017 No. 5 "A list of priority areas for cooperation between the EAEU member states in order to accelerate technological modernization and increase the innovation activity of organizations of member states, taking into account applied and basic research conducted by member states"]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017. (Accessed: 12.05.2018).
22. EAEU. (2017) *Rasporyazhenie Evraziyskogo Mezhpravitel'stvennogo soveta № 2 "O sferakh ekonomiki, obladayushchikh integratsionnym potentsialom v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze, i merakh, napravlennykh na ego ispol'zovanie" (Bishkek, ot 7 marta 2017 goda)* [Order of the Eurasian Intergovernmental Council No. 2 "On economic sectors with integration potential in the Eurasian Economic Union, and measures aimed at its use" (Bishkek, March 7, 2017)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415075/ico_09032017. (Accessed: 13.05.2018).
23. EAEU. (2016) *Pasport evraziyskoy tekhnologicheskoy platformy "Tekhnologii ekologicheskogo razvitiya"* [Passport of the Eurasian technological platform "Technologies of environmental development"]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414433/cnco_06032017_32. (Accessed: 1.06.2018).
24. EAEU. (2016) *Ekologicheskoe razvitie EAES poluchilo pervye proekty* [The environmental development of the EAEU received the first projects]. [Online] Available from: http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/12-12/2-16-3.aspx. (Accessed: 5.06.2018).
25. EAEU. (2015) *Soglashenie o peremeshchenii ozonorazrushayushchikh veshchestv i soderzhashchey ikh produktsii i uchete ozonorazrushayushchikh veshchestv pri osushchestvlenii vzaimnoy torgovli gosudarstv – chlenov EAES (Burubay, 29 maya 2015 g.)* [Agreement on the movement of ozone-depleting substances and products containing them and accounting for ozone-depleting substances in the implementation of mutual trade of the EAEU Member States (Burubay, May 29, 2015)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147901/itia_02062015. (Accessed: 5.06.2018).
26. EAEU. (2017) *Sovet EEK. Rasporyazhenie № 4 "O proekte Soglasheniya o transgranichnom peremeshchenii opasnykh otkhodov po tamozhennoy territorii EES" (Moskva, 13 yanvarya 2017 g.)* [Council of EEC. Instruction No. 4 "On the draft Agreement on the Transboundary Movement of Hazardous Wastes on the Customs Territory of the EAEU" (Moscow, January 13, 2017)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417586/cnco_03032017. (Accessed: 5.06.2018).
27. EAEU. (2015) *Evraziyskiy mezhpravitel'stvennyy sovet. Reshenie № 9 "Ob osnovnykh napravleniyakh promyshlennogo sotrudnichestva v ramkakh EAES" (Grodno, 9 sentyabrya 2015 g.).* [Eurasian Intergovernmental Council. Decision No. 9 "On the main areas of industrial cooperation within the EAEU" (Grodno, September 9, 2015)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148480/icd_10092015_9. (Accessed: 14.05.2018).
28. EAEU. (2018) E*vraziyskiy mezhpravitel'stvennyy sovet. Reshenie № 1 "Ob utverzhdenii Polozheniya o razrabotke, finansirovanii i realizatsii mezhgosudarstvennykh programm i proektov v promyshlennoy sfere" (Almaty, 2 fevralya 2018 g.)* [Eurasian Intergovernmental Council. Decision No. 1 "On the approval of the Regulations on the Development, Financing and Implementation of Interstate Programs and Projects in the Industrial Sphere" (Almaty, February 2, 2018)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01416877/icd_05022018_1//. (Accessed: 20.05.2018).
29. EAEU. (2016) *Kollegiya EEK. Rekomendatsiya № 28 "O realizatsii sovmestnykh proektov po osvoeniyu i primeneniyu gosudarstvami – chlenami EAES novykh tekhnologiy v legkoy promyshlennosti" (Moskva, 13 dekabrya 2016 g.)* [Collegium of EEC. Recommendation No. 28 on the implementation of joint projects for the development and application of new technologies in the light industry by the EAEU member states (Moscow, December 13, 2016)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414486/clcr _15122016_28. (Accessed: 21.05.2018).
30. EAEU. (2015) *Kollegiya EEK. Rekomendatsiya № 14 "O perechne perspektivnykh nauchno-issledovatel'skikh i opytno-konstruktivnykh rabot v sfere agropromyshlennogo kompleksa gosudarstv – chlenov EES do 2020 g." (Moskva, 8 iyulya 2015 g.)* [Recommendation No. 14 "On the list of promising research and developmental and constructive works in the field of the agro-industrial complex of the EEC Member States until 2020" (Moscow, July 8, 2015)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148046/clco_09072015_14. (Accessed: 17.04.2018).
31. EAEU. (2016) *Kollegiya EEK. Rekomendatsiya № 25 "O koordinatsii sovmestnoy nauchnoy i innovatsionnoy deyatel'nosti gosudarstv – chlenov EAES v sfere agropromyshlennogo kompleksa" (Moskva, 13 dekabrya 2016 g.)* [Collegium of EEC. Recommendation No. 25 "On the coordination of joint research and innovation activities of the EAEU Member States in the field of the agro-industrial complex" (Moscow, December 13, 2016)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414525/clco_15122016_25. (Accessed: 18.05.2018).
32. Gavrilyuk, A.V. (2015) Technology transfer in the conditions of international economic integration of the EAEU *Gosudarstvennoe upravlenie: elektronnyy vestnik – Public Administration. E-Journal*. 52. October. pp. 101–119. (In Russian).
33. EAEU. (2018) *Kontseptsiya sozdaniya i funktsionirovaniya evraziyskoy seti transfera tekhnologiy: Utverzhdena Resheniem № 23 Soveta Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii ot 30 marta 2018 g.* [The concept of creating and operating a Eurasian technology transfer network: Approved by Decision No. 23 of the Council of the Eurasian Economic Commission of March 30, 2018]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417246/cncd_02042018_23. (Accessed: 21.05.2018).

Received: 13 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 252–255. DOI: 10.17223/15617793/436/31

УДК 343.98

Н.Г. Шурухнов

ЭТАПЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обозначается уровень использования информационных технологий при совершении различных противоправных деяний, делается акцент на цифровизации как средстве повышения эффективности деятельности субъектов расследования преступлений. Раскрывается содержание семи этапов (системы) цифровизации непосредственного производства следственных и иных процессуальных действий при расследовании преступлений, показывается решаемая ими информационно-методическая задача

Ключевые слова: информационные технологии; цифровизация; этапы; следственные действия; процессуальные действия; расследование; технические средства; электронные носители информации; уголовно-процессуальная форма.

Содержание современной преступной деятельности в значительной мере включает цифровизацию. Это и использование дистанционных способов [1. С. 123–136] (интернет, мобильная связь), встроенных в трансграничные и национальные преступления, приемы противодействия расследованию и применение сложнейших информационных технологий, криптовалют в процессе криминальных взаиморасчетов. Перечисленное предметно обсуждалось на 58-х криминалистических чтениях («Криминалистика. Угрозы и вызовы современности»), проведенных кафедрой управления органами расследования Академии управления МВД России в ноябре 2017 г.

Обозначенные вопросы были обстоятельно развиты в основном докладе («Развитие криминалистических знаний в условиях современного информационного общества») профессора указанной кафедры доктора юридических наук Ю.В. Гаврилина 18 мая 2018 г. и на 59-х ежегодных криминалистических чтениях «Криминалистика в условиях развития информационного общества».

В выступлении Ю.В. Гаврилина речь шла о развитии криминалистики в современном информационном обществе, совершенствовании ее разделов и отдельных тем. Обсуждаемые проблемы вызвали неподдельный интерес и не оставили равнодушными многих специалистов, которые не присутствовали на конференции, но с помощью информационных технологий могли ознакомиться с основным содержанием докладов выступающих. В рамках развития поставленных вопросов хотелось бы поделиться некоторыми соображениями.

Цифровизация непосредственного проведения следственных и иных процессуальных действий является актуальной на протяжении значительного промежутка времени [2. С. 45–49], во время которого для дознавателей и следователей было сделано много полезного. Однако, справедливости ради, следует сказать, что этого недостаточно. Поэтому, как показывает ознакомление со следственной практикой, из повестки дня не стоит изымать задачу повышения уровня информационно-технологической (цифровой) составляющей деятельности всех субъектов расследования и, прежде всего, при производстве следственных действий.

Цифровизация непосредственного производства следственных и иных процессуальных действий представляет собой систему приемов, средств, технологий и методических рекомендаций, предназначенных для обнаружения электронных носителей информации, получения содержащихся в них сведений, определения их роли в активизации познавательной деятельности и использования для эффективности дальнейшего расследования преступления.

Пытаясь представить использование цифровизации, при непосредственном производстве следственных и иных процессуальных действий, как систему, предполагаем, что она включает несколько этапов:

1) установление электронных носителей (источников обладания) информацией (внешние накопители на жестких магнитных дисках, в том числе подключаемые через интерфейс USB; оптические носители информации (CD, DVD, Blu-ray диски); карты флеш-памяти в различном конструкторском исполнении).

В соответствии с межгосударственным стандартом (ГОСТ 2.051-2006) электронный носитель – это «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники».

Следует помнить и о таких обладателях информации, которые могут представлять интерес для расследования преступлений, как дискеты (накопители на гибких магнитных дисках), кассеты стримеров, магнитооптические диски, диски для устройства Zip-drive.

Электронными носителями информации являются и установленные в средствах вычислительной техники внутренние накопители на жестких магнитных дисках (НЖМД, «винчестеры»);

2) ознакомление с отдельными положениями конкретных, в том числе локальных, нормативных правовых актов, регламентирующих функционирование электронных носителей сведений, обращение (регламент) информации, особенности ее получения.

Основным Законом, закрепляющим базовые принципы оборота информации в Российской Федерации, является Конституция Российской Федерации. В ее статьях закреплено право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23); запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни без согласия лица (ст. 24). Данные положения обеспечиваются целым комплексом мер,

которые закреплены в Уголовном, Уголовно-процессуальном кодексах, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, различных федеральных законах.

В деятельности правоохранительных органов на основе федерального законодательства разработаны и действуют нормативно-правовые акты, регламентирующие правовое и организационно-методическое обеспечение использования информации при производстве следственных и иных процессуальных действий: приказ МВД России от 27.01.06 «Об утверждении Положения о порядке функционирования автоматизированной системы органов предварительного следствия в системе МВД России»; Приказ МВД РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФСКН РФ, ФТС РФ от 06.10.2006 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» (с изменениями от 22.09.2009); Приказ МВД России от 24.12.2015 «Об утверждении Правил организации доступа к информационно-телекоммуникационным ресурсам сети «Интернет» в органах внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями от 23.12.2016);

3) определение технических средств, цифровых технологий, с помощью которых предполагается обнаружение (получение) соответствующих сведений.

Следует указать, что обозначенное зависит от ряда различных обстоятельств, которые предопределяют принятие решения (в возможных ситуациях) о приглашении для участия в следственном или ином процессуальном действии соответствующего специалиста. К примеру, обнаружение информации, размещенной в сети интернет, может осуществляться в ручном, полуавтоматическом и автоматическом режиме, которые отличаются сложностью, объемностью.

Ручное обнаружение информации возможно, если субъект расследования обладает точной и полной информацией о локализации искомой информации (адресный поиск) и знает правила доступа к ней.

Полуавтоматическое обнаружение информации, как правило, предполагает использование информационно-поисковых сетей для обнаружения искомой информации. «Информационно-поисковые системы используют специальные программы – работы или crawler – для поиска и индексации содержимого веб-страниц и обладают средствами для хранения содержимого и эвристической обработки пользовательских запросов» [3. С. 182].

Автоматическое обнаружение информации, размещенной в сети Интернет, производится с использованием специального программного обеспечения [4. С. 113–118]. В зависимости от информационно-технической сложности, объема выполняемой работы субъект расследования решает вопрос о присутствии соответствующего специалиста при производстве конкретного процессуального действия;

4) консультирование со специалистами по эксплуатации электронных носителей информации, а также по средствам, способам, технологиям ее получения.

Это особо необходимо, когда производство следственного или иного процессуального действия будет осуществляться в условиях, при которых исключается присутствие специалиста. В процессе таких консультаций желательно составлять небольшие памятки, на которых схематично (с рисунками) изображать последовательность выполнения приемов, отдельных операций по обнаружению, изъятию информации из электронных носителей;

5) определение уголовно-процессуальной формы, в рамках которой будет осуществляться получение информации.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство не содержит исчерпывающей уголовно-процессуальной формы получения информации, сосредоточенной в электронных носителях. Поэтому практическим работникам для решения этого вопроса приходится использовать положения норм федеральных законов. К примеру, статью 10.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», предусматривающую идентификацию провайдерами пользователей при предоставлении доступа в сеть интернет; статью 15.8 этого же Федерального закона, устанавливающую запрет на использование анонимайзеров; статью 26 Закона РФ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», регламентирующую движение денежных средств на счетах конкретных лиц; статью 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», устанавливающую контроль за онлайн-платежами; статью 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», регламентирующую сохранность передаваемого абонентами контента (СМС, ММС, голосовые сообщения, сообщения мессенджеров).

Как представляется, для упрощения, предания целенаправленности практической деятельности по обнаружению и изъятию электронной информации существует надобность законодательного закрепления единой (предельно краткой) уголовно-процессуальной формы.

Следует сказать о том, что, несмотря на приведенные конституционные положения, на практике сведения, сосредоточенные в структурных подразделениях отдельных государственных учреждений, являются недоступными, что затрудняет деятельность субъектов расследования, отрицательно сказывается на сроках расследования и принятия важных процессуальных решений;

6) непосредственное получение сведений, представляющих интерес для производства следственных и иных процессуальных действий.

Приведенное предполагает создание условий для реализации конкретных и целенаправленных информационных технологий, использования специальных знаний, действий всех участников уголовного судопроизводства, обеспечение прав и законных интересов юридических и физических лиц, собственников соответствующей информации, а также всех участников следственного или иного процессуального действия;

7) определение целесообразности информации для проведения других следственных действий или расследования преступления в целом.

Это один из стратегических этапов получения информации из электронных носителей, так как указыва-

ет на обоснованность, целесообразность производства конкретного следственного или иного процессуального действия и роль в дальнейшем расследовании.

Подводя краткий итог, скажем о том, что в реализации перечисленных этапов выделяются три основные составляющие, которые определяют их служебное назначение.

Первая. Процесс информационного обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий имеет комплексную информационно-методическую задачу, так как субъект, осуществляющий расследование преступлений, одновременно реализует ранее полученную информацию, на ее основе приобретает новую, дающую сведения, позволяющие восполнить знание обстоятельств совершения расследуемого преступления.

Вторая. Информационно-методическое использование цифровизации при непосредственном производстве следственных и иных процессуальных действий включает совокупность технических средств, методических рекомендаций, различных цифровых технологий и комплексов, последовательность действий и приемов, позволяющих определить и извлечь сведения, активизирующие процесс познания события, произошедшего в прошлом.

Третье. Цифровизация производства следственных и иных процессуальных действий должна обладать всеми свойствами системы: целостностью, взаимодействием с внешней средой, структурностью, иерархичностью построения, непрерывностью функционирования, множественностью описания, устойчивостью, альтернативностью путей функционирования, надежностью, качественностью, целенаправленностью. Ее функционирование должно опираться на комплекс правовых норм (уголовно-процессуальную форму), которые образуют соответствующие основания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шурухнов Н.Г. Современная преступность (истоки, направленность, техническая оснащенность, способы совершения, сокрытия): содержание рекомендаций по раскрытию и расследованию // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Тула : Изд-во ТулГУ, 2013. Вып. 4. Ч. II. С. 123–136.
2. Шурухнов Н.Г., Гаврилин Ю.В. Некоторые направления использования автоматизированных рабочих мест при проведении следственных действий // Персональный компьютер на службе криминальной милиции и следствия. Возможности и перспективы: сб. материалов научно-практ. семинара. М. : ВНИИ МВД России, 1997. С. 45–49.
3. Бахтеев Д.В. Обнаружение, фиксация и порядок изъятия информации, размещенной в сети Интернет, и ее доказательственное значение // Электронные носители информации в криминалистике / под ред. д-ра юрид. наук О.С. Кучина. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 182.
4. Шурухнов Н.Г. Использование электронной почты (e-mail) в процессе организации и деятельности экстремистских сообществ: технология поиска и изъятия компьютерных сообщений при расследовании // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Межд. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 113–118.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 27 сентября 2018 г.

STAGES OF DIGITALIZATION OF DIRECT CONDUCT OF INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 252–255.
DOI: 10.17223/15617793/436/31

Nikolay G. Shurukhnov, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: matros49@mail.ru

Keywords: information technologies; digitalization; stages; investigative actions; procedural actions; investigation; technical means; electronic media of information; criminal procedure form.

The article focuses on the use of information technologies in illegal activities. This topic attracts attention of many researchers. It was the subject of consideration at various conferences, including 58 and 59 Criminalistic Readings held by the Department of Investigation Bodies Administration at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which actualized the issue of the digitalization of investigation. Considering this problem as timely and modern, the author speaks of the need to raise the level of information technology (digital) component of the activities of all subjects of investigation and, above all, investigative and other procedural actions. According to the author, the digitalization of investigative and other procedural actions should be understood as a system of techniques, tools, technologies and guidelines for detecting electronic media, obtaining information contained therein, determining its role in enhancing cognitive activity and using it to further investigate a crime. The digitalization system for investigative and other procedural actions includes seven stages: (1) identification of electronic media with information (external hard disk drives, including those connected via the USB interface; optical media (CD, DVD, Blu-ray discs); flash memory cards in various design versions); (2) reading of separate provisions of specific, including local, regulatory legal acts governing the operation of electronic data carriers, circulation (regulations) of information, features of its receipt; (3) choice of technical means and digital technologies that will help to detect (acquire) relevant information; (4) consulting with experts on the operation of electronic storage media, as well as on the means, methods, and technologies for obtaining information; (5) determination of the criminal procedure form to obtain information; (6) direct receipt of information of interest for investigative and other procedural actions; (7) determination of the appropriateness of information for other investigative actions or for the investigation of a crime as a whole. The article reveals the content of each of the above stages of digitalization of investigative and other procedural actions, draws conclusions that describe the role of such a system in solving the complex information and methodological task that helps to acquire knowledge of an event that happened in the past. “

REFERENCES

1. Shurukhnov, N.G. (2013) Modern crime (roots, direction, technique, method of committing, concealed) contents of recommendations on disclosure and investigation. *Izvestiya Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 4(II). pp. 123–136. (In Russian).

2. Shurukhnov, N.G. & Gavrilin, Yu.V. (1997) [Some areas of the use of automated workplaces during investigative actions]. *Personal'nyy komp'yuter na sluzhbe kriminal'noy militsii i sledstviya. Vozmozhnosti i perspektivy* [Personal computer in the service of the criminal police and investigation. Opportunities and prospects]. Proceedings of the Seminar. Moscow: VNII MVD Rossii. pp. 45–49. (In Russian).
3. Bakhteev, D.V. (2017) Obnaruzhenie, fiksatsiya i poryadok iz"yatiya informatsii, razmeshchennoy v seti Internet, i ee dokazatel'stvennoe znachenie [Detection, fixation and procedure for the removal of information posted on the Internet, and its evidentiary value]. In: Kuchin, O.S. (ed.) *Elektronnye nositeli informatsii v kriminalistike* [Electronic data carriers in forensic science]. Moscow: Yurlitinform.
4. Shurukhnov, N.G. (2015) Ispol'zovanie elektronnoy pochty (e-mail) v protsesse organizatsii i deyatel'nosti ekstremistskikh soobshchestv: tekhnologiya poiska i iz"yatiya komp'yuternykh soobshcheniy pri rassledovanii [The use of e-mail inorganizing and operating extremist communities: a technology for searching and retrieving computer messages during an investigation]. *Kriminalisticheskie chteniya na Baykale – 2015* [Criminalistic Readings at Lake Baikal – 2015]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 113–118. (In Russian).

Received: 27 September 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕНКО Анастасия Дмитриевна – ассистент кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: nastasya140@rambler.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

БАХРИЕВ Бахри Хуршедович – аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. сектора истории философии Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: berestoviv@yandex.ru

БУГРОВ Константин Дмитриевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

ВОДИЧЕВ Евгений Григорьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета; гл. науч. сотр. информационно-аналитический центра Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: vodichev@mail.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); гл. науч. сотр. отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: oleg010603@mail.ru

ЕПИХИН Александр Юрьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: doc@epihin.ru

ЕСИПОВА Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, зав. сектором изучения и раскрытия фонда Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: esipova_val@mail.ru

КАШПУР Валерия Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: valkashpur@inbox.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

КНЯЗЬКОВ Алексей Степанович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Томского государственного университета. E-mail: ask011050@yandex.ru

КОРЗУН Валентина Павловна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: korzunv@mail.ru

КОСТЫЛЕВА Ева Андреевна – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: idafrei@yandex.ru

КУКУШКИНА Анна Викторовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: kukushkina-anneta-90@mail.ru

ЛАВРИНЕНКО Сергей Викторович – ст. преподаватель научно-образовательного центра И.Н. Бутакова Томского политехнического университета. E-mail: serg86@tpu.ru

ЛАВРУХИН Андрей Владимирович – канд. филос. наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: alavruhin@hse.ru

МАМОНТОВА Марина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: mamontovama@omsu.ru

МИКЛАШЕВСКИЙ Алексей Алексеевич – науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований языка, лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: armanster31@gmail.com

МИРВОДА Татьяна Александровна – аспирант кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: tatyanamirvoda@yandex.ru

НЕКРАСОВА Елена Дмитриевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: medicinahistory@yandex.ru

ОСТАНКОВИЧ Анатолий Вячеславович – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: ost_av@mail.ru

ПАК Виктория Вячеславовна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и экспериментальной физики Томского государственного университета. E-mail: pakvv@tpu.ru

ПАНЧЕНКО Алексей Борисович – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: alexeypank@rambler.ru

ПЛЕТНЕВА Людмила Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета. E-mail: tspu_kae@mail.ru

ПОГОДАЕВ Николай Петрович – канд. истор. наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета. E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

ПОПАНДОПУЛО Ольга Александровна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета. E-mail: olga_popandopulo@list.ru

ПОПОВ Петр Леонидович – канд. филос. наук, науч. сотр. лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (г. Иркутск). E-mail: plp@irigs.irk.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: rezanovazi@mail.ru / resso@rambler.ru

САРАЕВ Владимир Григорьевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. лаборатории экономической географии и территориального планирования Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (г. Иркутск). E-mail: soclab@irigs.irk.ru

СТАФЕЕВ Олег Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: varnak81@mail.ru

ТЕМНИКОВА Ирина Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: irtem@sibmail.com

ТИМОФЕЕВ Дмитрий Владимирович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. сектора социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург); профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: dmitrtim@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Елена Викторовна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: kondrushinaev@gmail.com

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна – д-р ист. наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета; профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: troub@mail.ru

УАЙТ Джеймс – PhD, ст. науч. сотр. лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: james.white@eui.eu

ФИЛЬ Юлия Вадимовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: 2fil@inbox.ru

ЧЕРЕНЕВ Алексей Анатольевич – канд. геогр. наук, науч. сотр. лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (г. Иркутск). E-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

ЧЕРНИКОВА Дарья Васильевна – канд. филос. наук, зам. директора научно-образовательный центра урбанистики и регионального развития Томского государственного университета. E-mail: chdv@mail.tsu.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета; профессор кафедры социальных коммуникаций Томского политехнического университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ШУГУРОВ Марк Владимирович – д-р филос. наук, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: shugurovs@mail.ru

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич – д-р юрид. наук, гл. науч. сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва). E-mail: matros49@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 436. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 ноября 2018 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33,5. Усл. печ. л. 30,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 3604. Цена свободная.

Дата выхода в свет 18 января 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru